АЛЬФРЕД

ВАН ВОГТ

ВОЛШЕБНИК ЛИННА

Альфред ВАН ВОГТ
ВОЛШЕБНИК ЛИННА

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА
XX века
****

Пол АНДЕРСОН
Кеннет БАЛМЕР
Джеймс БЛИШ
Джеймс БАЛЛАРД
Джон БРАННЕР
Мэрион Зиммер БРЭДЛИ
Альфред ВАН ВОГТ
Стэнли ВЕЙНБАУМ
Джин ВУЛФ
Джек ВЭНС
Гордон ДИКСОН
Абрахам МЕРРИТ
Ларри НАЙВЕН
Андрэ НОРТОН
Брайан ОЛДИСС
Эдгар ПАНГБОРН
Фредерик ПОЛ
Джерри ПУРНЕЛЛЬ
Джоанна РАСС
Фред САБЕРХАГЕН
Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ
Джек УИЛЬЯМСОН
Филипп Хосе ФАРМЕР
Фрэнк ХЕРБЕРТ
Пирс ЭНТОНИ

Alfred VAN VOGT

****

Empire of the atom
The wizard of Linn
Quest for the future

«Amber, Ltd.»
«Sigma-press»
1994

Альфред ВАН ВОГТ

****

Империя атома
Волшебник Линна
Поиск будущего

«Амбер, Лтд.» Ангарск
«Сигма-пресс» Москва
1994

ББК 84.7 США
В 65

Перевод с английского

Виктора Поляка

Ван Вогт А.

В 65 Волшебник Линна: Романы/Пер. с англ.— Ангарск: Амбер, Лтд., 1994—544 с.

В $\frac{4703040100—18}{И\ 22(03)-94}$ без объявл.

ISBN 5—88358—036—X

EMPIRE OF THE ATOM
© 1957 by A. Van Vogt
THE WIZARD OF LINN
© 1962 by A. Van Vogt
QUEST FOR THE FUTURE
© 1970 by A. Van Vogt
© Издательство «Амбер, Лтд.», составление. 1994.
© Пер. с англ. Виктор Поляк. 1994.
© Художник А. Алешин. 1993.

ИМПЕРИЯ АТОМА

1.

Младшие ученые весь день дежурили у веревок колоколов, готовые возвестить о рождении. Ночью они обменивались грубыми шутками о причине задержки. Однако следили, чтобы их не услышали старшие или посвященные.

Ребенок родился незадолго до рассвета. Он был слабый и худой, но не это, а некоторые особенности его тела привели в отчаяние отца новорожденного. Его мать, леди Таня, проснувшись некоторое время слушала его жалобный плач, а затем ядовито заметила:

— Кто напугал маленького негодяя? Он как будто боится жить.

Ученый Джоквин, старший во время родов, принял ее слова за дурное предзнаменование. Он поначалу считал, что мать не должна видеть уродца до завтрашнего дня, но теперь он решил действовать быстро, чтобы отвратить бедствие. Он торопливо приказал рабыням прикрыть колыбель, закрыв ее со всех сторон, чтобы отразить любую злую радиацию, которая может проникнуть в спальню.

Когда удивительная процессия начала протискиваться в дверь, леди Таня лежала, приподняв свое стройное тело. Она смотрела с удивлением, переходящим в тревогу. Она уже терпеливо выносила мужу четверых детей и потому поняла, что происходит нечто необычное. Леди Таня не была кротким существом, и даже присутствие ученого в комнате не смутило ее.

Она с яростью спросила:

— Что происходит, Джоквин?

Джоквин в отчаянии посмотрел на нее. Ну разве она не знает, что каждое слово, произнесенное сейчас со злым настроением, только обрекает ребенка на еще худшую судьбу? Он испуганно заметил, что она собирается продолжать говорить, и с мольбой к атомным богам взял свою судьбу в свои руки.

Он сделал три быстрых шага к леди Тане и закрыл ладонью ее рот. Как он и ожидал, женщина была так изумлена его поведением, что не начала немедленно сопротивляться. И к тому времени, как она пришла в себя и начала слабо бороться, колыбель наклонили, и через ее рукоять она впервые увидела ребенка.

Собиравшаяся в ее голубых глазах буря рассеялась. Мгновение спустя Джоквин мягко убрал руку с ее рта и медленно отступил к колыбели. Он стоял там, содрогаясь от мысли о возможных последствиях своих действий, но, поскольку словесная молния не ударила в него с кровати, в нем возобладало сознание правильности сделанного. Он начал внутренне сиять и впоследствии всегда утверждал, что спас положение, насколько его можно было спасти. В теплом самопоздравлении он почти забыл о ребенке.

Он пришел в себя от вопроса, заданного леди Таней опасливо спокойным голосом:

— Как это случилось?

Джоквин чуть не допустил ошибку, пожав плечами. Однако вовремя удержался. Но прежде чем он смог ответить, женщина сказала уже более резко:

— Конечно, я знаю, это атомные боги, но можешь ли ты сказать, когда это случилось?

Джоквин был осторожен. Ученые храмов обладали достаточными данными, чтобы знать, что контролирующие боги могут действовать случайно и их трудно ограничить датами. Тем не менее мутации не совершаются, когда плоду в чреве матери исполнится месяц, поэтому время приблизительно можно определить. Не позднее января 533 года П. В. и не раньше... Он помолчал, вспоминая дату рождения четвертого ребенка леди Тани. И вслух закончил подсчеты:

— Несомненно, не раньше 529 года после варварства.

Женщина теперь более внимательно смотрела на ребенка. И Джоквин тоже. И удивился, поняв, как много он раньше не позволял себе видеть. Сейчас впечатление у него было даже хуже, чем раньше. У ребенка была слишком большая голова сравнительно с хрупким телом. Плечи и руки подверглись наиболее заметной видимой деформации. Плечи спускались от шеи под острым углом,

делая тело почти треугольным. Руки казались перекрученными, как будто кость, а с нею мышцы и кожу, повернули на 360 градусов; каждую руку нужно развернуть, чтобы привести в порядок. Грудь ребенка была чрезвычайно плоской, и все ребра торчали сквозь кожу. Грудная клетка опускалась вниз гораздо больше, чем у нормальных детей.

И все. Но вполне достаточно, чтобы леди Таня тяжело вздохнула. Джоквин, взглянув на нее, сразу понял, о чем она думает. Она допустила ошибку за несколько дней до родов, похвастав в тесной компании, что пятеро детей дают ей преимущество перед сестрой Чорзоной, у которой их только двое, и над сводным братом лордом Тьюсом, которому его язвительная жена родила только троих. Теперь преимущество будет на их стороне, потому что, очевидно, у нее не может быть больше нормальных родов, и они догонят или даже перегонят ее.

Будет также немало остроумых замечаний по ее адресу. Возможность замешательства велика.

Все это Джоквин прочел на ее лице, пока она твердеющим взглядом смотрела на ребенка. Он торопливо сказал:

— Это худший период, леди. Через несколько месяцев или лет результат будет относительно... удовлетворительный.

Он чуть не сказал «человеческий». И он чувствовал на себе ее взгляд. И беспокойно ждал. Но она только спросила:

— Лорд-правитель, дед ребенка, видел его?

Джоквин склонил голову.

— Лорд-правитель видел ребенка через несколько минут после его рождения. Единственное его замечание сводилось к тому, что я должен установить, если это возможно, когда вы были поражены.

Она не ответила немедленно, но глаза ее сузились еще больше. Тонкое лицо застыло. Наконец она взглянула на ученого.

— Я полагаю, вы знаете, — сказала она, — что причина может быть только в небрежности одного из храмов?

Джоквин уже подумал об этом, но теперь взглянул на нее с беспокойством. Раньше ничего не предпринималось в отношении «божьих детей», но сейчас Джоквину пришло в голову, что Линны будут рассматривать это как особый случай. Он медленно ответил:

— Пути атомных богов непостижимы.

Женщина, казалась, не слышала. Холодным голосом она продолжила:

— Я полагаю, ребенок будет уничтожен. И можете быть уверены, что в течение месяца столько ученых вытянут шеи, сколько свет не видел.

В гневе она была не очень-то приятна, леди Таня Линн, сноха лорда-правителя.

Установить источник мутации легко. Прошлым летом леди Тане надоело отдыхать в одном из семейных имений на западном берегу и она вернулась в столицу раньше, чем ее ожидали. Ее муж, главнокомандующий Крэг Линн, проводил дорогостоящую реставрацию своего дворца. Ни сестра, живущая на другом конце города, ни мачеха, жена лорда-правителя, не пригласили леди Таню к себе. Волей-неволей она вынуждена была остановиться в городском дворце.

Этот комплекс зданий, по-прежнему содержащийся государством, уже несколько лет не использовался в качестве жилья. Город сильно разросся, и вокруг дворца давно выросли коммерческие дома. Из-за недостатка предвидения у предыдущих поколений окружающие дворец земли не были объявлены государственной собственностью, а теперь было бы неразумно отбирать их силой. Особенно раздражало неумение предвидеть выгоды одного участка. На нем был расположен храм, примыкавший к крылу дворца. Он не раз вызывал головную боль у леди Тани. Оказавшись во дворце, она обнаружила, что единственно пригодная для жилья его часть соседствует с храмом, а три лучших дворцовых окна выходят прямо на свинцовую стену храма.

Ученый, построивший храм, принадлежал к группе Рахейнла, враждебной Линнам. Весь город был возбужден, когда об этом стало известно. И то, что участок в три акра остался во владении храма, сделало оскорбление еще более явным. Линны до сих пор не забыли его.

Агенты лорда-правителя при первом же обследовании установили, что небольшой участок свинцовой стены радиоактивен. Они оказались не в состоянии определить источник радиации, потому что стена в этом месте оказалась требуемой толщины. Но они доложили своему хозяину.

До полуночи на второй день после рождения ребенка было принято решение.

Незадолго до двенадцати вызвали Джоквина и предложили изложить ход событий. Еще раз Джоквин держал в руках собственную жизнь.

— Правитель, — сказал он, обращаясь к великому человеку, — ваше справедливое негодование ведет вас к серьезной ошибке. Ученые — это люди, которые, обладая полным контролем над атомной энергией, выработали независимость ума и поэтому не воспримут покорно наказание за случайный проступок. Мой совет: оставьте ребенка в живых и спросите мнение совета ученых. Я посоветую им покинуть храм рядом с городским дворцом и думаю, они согласятся.

Сказав это, Джоквин взглянул на лица сидевших перед ним. И понял, что допустил ошибку в первоначальной оценке. В комнате находилось двое мужчин и три женщины. Мужчины — серьезный, строгий лорд-правитель и полный лорд Тьюз, единственный сын леди Лидии от первого брака. Лорд Тьюз в отсутствии лорда Крега, мужа Тани, сражавшегося на Венере, исполнял обязанности главнокомандующего.

Женщины — это леди Таня, еще в постели, ее сестра Чорзона и жена лорда-правителя Лидия, мачеха двух младших женщин. Леди Таня и ее младшая сестра не разговаривали друг с другом, но общались через лорда Тьюза. Тот легко справлялся со своей ролью посредника и, как казалось Джоквину, искренне забавлялся.

С надеждой смотрел Джоквин на леди Лидию, пытаясь понять ее отношение. Он считал ее необыкновенно злобной женщиной. Из-за нее общий характер поведения семьи Линнов радикально изменился. Красивая, средних лет женщина, с прекрасными чертами лица, она была опаснее любого хищника. Постепенно ее интриги, как щупальца спрута, охватили все правительство, и каждый

затронутый ими учился иметь с ней дело. Контринтриги, заговоры, планы, постоянное насилие, сознание неизвестной опасности, которая может обрушиться в любое время, — такова была цена появления леди Лидии в доме лорда-правителя. Постоянное напряжение отрицательно отразилось на Линнах. Теперь и в них был яд. Напряженные и нервные, несчастливые и медлительные, сидели они в комнате; мысли их скрыты, но поступки предсказуемы, и все из-за этой женщины.

Тем не менее именно в леди Лидии искал Джоквин ключ к тому решению, которое будет принято. Высокая, стройная, поразительно хорошо сохранившаяся, она была главным двигателем разрушения. Если у нее есть мнение — а у нее всегда есть мнение, — она уже начала действовать за сценой. И если она убедит своего склонного к компромиссам мужа предпринять специфические действия, сцена готова для разрушения.

И хотя он определил по их манерам, что его вызвали лишь для очистки совести, Джоквин заставил себя верить, что с ним советуются. Но эту веру трудно было сохранить. У него было впечатление, что они слушают его слова как простую формальность, не обращая на них ни малейшего внимания. Лорд Тьюз взглянул на мать, слегка улыбнулся. Она опустила веки, как бы скрывая мысль. Две сестры с застывшими лицами продолжали смотреть на Джоквина. Лорд-правитель ослабил напряжение, кивком отпустив ученого.

Джоквин вышел дрожа. У него появилась дикая мысль предупредить оказавшихся в опасности храмовых ученых, но он быстро отказался от этой мысли, как от безнадежной. Его послание не выпустят из дворца. В конце концов он прошел к себе, но долго не мог уснуть. Наутро ужасный приказ, которого он боялся всю ночь, был вывешен для всеобщего сведения. Джоквин смотрел на него. Приказ был прост и безоговорочен.

В соответствии с приказом все ученые храма Рахейнла должны быть повешены до темноты. Имущество храма конфискуется, само здание сравнивается с землей. Три акра храмовой территории превращаются в парк.

В приказе не говорилось, что парк отходит к городскому дворцу, но оказалось именно так. Приказ был

подписан твердой рукой самого лорда-правителя. Прочитав его, Джоквин понял, что война храмовым ученым объявлена.

2.

Ученый Олдин вообще не испытывал предчувствий, тем более их не было у него, когда он медленно шел к храму Рахейнла. Вокруг него расцветало утро. Взошло солнце. Мягкий ветерок веял на улице Пальм, на которой стоял его новый дом. Мысли ученого представляли собой обычный калейдоскоп счастливых воспоминаний и спокойной радости от того, что простой деревенский ученый за десять лет сумел стать человеком — главным ученым храма Рахейнла.

Было лишь единственное пятно в этих воспоминаниях, и именно оно стало истинной причиной его быстрого продвижения. Более одиннадцати лет назад он как-то сказал другому младшему, что поскольку атомные боги передали некоторые тайны механической силы людям, стоит подольститься к ним экспериментальными методами, чтобы выведать и другие тайны. В конце концов может и есть зерно истины в легенде о городах и планетах, сверкающих атомной энергией и светом. Олдин невольно вздрогнул при этом воспоминании. Только с течением времени понял он размеры своего богохульства. И когда на следующий день тот младший холодно сообщил ему, что проинформировал главного ученого, это казалось ему концом всех надежд.

Но к его удивлению оказалось началом нового этапа в его карьере. Через месяц его вызвали для разговора с приехавшим ученым Джоквином, который жил во дворце Линнов.

— Мы поощряем молодых людей, чьи мысли не идут по проторенным дорогам, — сказал Джоквин. — Мы знаем, что для молодежи характерны радикальные идеи, а по мере того как человек становится старше, он обретает равновесие между своей внутренней сущностью и

потребностями мира. Другими словами, — закончил ученый, улыбаясь младшему, — имейте свои мысли, но держите их при себе.

Вскоре после этого разговора Олдин был назначен на восточный берег. Оттуда год спустя он перебрался в столицу. Становясь старше и приобретая все большую власть, он обнаружил, что реализм среди молодежи встречается все реже, чем говорил Джоквин. Годы власти принесли осознание глупости его тогдашних слов. В то же время он гордился ими, как будто они делали его отличным от других. Став главным, он понял, что радикализм — единственный критерий, по которому выбираются кандидаты для продвижения. Рассматривались только те рекомендации, в которых указывалось хоть малейшее отклонение от стандартного мышления у кандидата. Это ограничение имело одно счастливое последствие. Вначале жена Олдина, решившая быть властью за властью храмов, объявила себя единственным судьей в деле продвижения. Юные храмовые поэты навещали ее, когда Олдин отсутствовал, и читали ей свои стихи.

Когда они обнаружили, что ее обещания ничего не стоят, их визиты прекратились. Олдин обрел мир в доме, а жена его стала неожиданно гораздо страстнее...

Его размышления кончились: впереди была толпа, крики и гул несли в себе что-то неприятное. Олдин увидел, что люди собрались вокруг храма Рахейнла. Он подумал: «Несчастный случай?» И заторопился вперед. Неожиданно он рассердился, когда ему не уступили дорогу. Разве они не понимают, что он главный ученый? Он увидел в нескольких десятках футов от себя стражников дворца верхом и уже открыл было рот, чтобы позвать их на помощь, когда что-то остановило его. До сих пор все его внимание сосредоточивалось на храме. Теперь, повернувшись, он увидел окруженный парк.

Пятеро юных поэтов Розамунды свисали с ветвей дерева на краю храмовой территории. На большом дереве шестеро младших и трое ученых еще судорожно дергали ногами. Олдин застыл парализованный. И тут же несколько посвященных, кому на шею набросили веревки, закричали. Их крик оборвался, как только телега, на которой они стояли, выехала из-под ног.

Ученый Олдин пробирался сквозь толпу на ватных ногах. Он наталкивался на людей, шатался как пьяный, он лишь смутно сознавал окружающее. Если бы он единственный вел себя в толпе так, его тут же заметили бы и потащили на виселицу. Но казнь захватила толпу врасплох. Каждый новый прохожий, подошедший чтобы посмотреть, что происходит,испытывал ужасный шок. Женщины падали в обморок. Нескольких человек тошнило, другие стояли со стеклянными глазами.

Выбравшись из толпы, Олдин вновь приобрел способность думать. Он увидел открытую калитку, нырнул в нее и поплыл — совершенно новое ощущение в ногах — сквозь кусты и тут только сообразил, что находится на территории городского дворца лорда и леди Крег Линн.

Это было самым ужасным моментом за все утро. В ловушке и по собственной вине! Олдин упал за густыми кустами и лежал в полуобмороке от страха. Постепенно он понял, что впереди длинное надворное строение и что путь к нему защищен деревьями. Олдин не смел вернуться тем путем, что пришел сюда, и не смел оставаться на месте. Он поднялся на дрожащих ногах, и боги были с ним. И вскоре он уже лежал, сжавшись, в длинном узком амбаре, примыкавшем к конюшне, в котором хранилось сено.

Это тоже не очень хорошее укрытие. Оно оказалось почти пустым, и только в самом конце, ближайшем к конюшне, лежало сено. В него он и забился. Едва он успел улечься, как дверь из конюшни открылась. Сверкнули вилы с четырьмя остриями и унесли груду сена. Конюх пинком затворил дверь, послышался удаляющийся звук шагов. Олдин лежал, затаив дыхание. Он только начал приходить в себя, как — бум! — открылась другая дверь, вилы выхватили еще одну груду сена и исчезли.

Несколько минут спустя произошло новое вмешательство. За тонкой стенкой, отделявшей это помещение от конюшни, остановились рабыня и конюх. Конюх, очевидно, солдат, а не раб, спросил:

— Где ты спишь?

— В западной рабской казарме. — Она отвечала с неохотой.

— Какой матрац?

— Третий.

Он казалось, задумался. Потом:

— Я приду в полночь и лягу с тобой.

— Это против правил, — дрожащим голосом сказала девушка.

— Не будем думать о правилах, — грубо сказал солдат. — Пока.

Он ушел насвистывая. Девушка не двигалась. Потом послышались чьи-то быстрые шаги. Девушка зашептала что-то, но слова ее были неразличимы. Ответила другая женщина:

— Это второй раз с момента его появления на прошлой неделе. В первый раз мы ему подсунули старую Эллу. Он в темноте не заметил, а она охотно согласилась. Но, очевидно, придется им заняться. Я скажу мужчинам. — Они разошлись в разные стороны.

Олдин, которого разгневало поведение солдата, теперь рассердился еще больше... «Эти ничтожные рабы! Заговор против граждан!»

Его поразило, что между рабами существует связь. Он слышал и раньше, что многие мелкие рабовладельцы стали очень осторожны из-за убийств. И вот он получил доказательство, что слухи эти справедливы.

Олдин набожно подумал: «Мы должны повышать мораль владельцев и, — глаза его сузились, — с помощью силы сломить организацию рабов. Нельзя допустить такое вопиющее нарушение!»

Гнев его мгновенно исчез, когда в ста футах от него открылась другая дверь. Олдин инстинктивно сжался и больше не думал о проблеме рабов.

Несмотря на нервное потрясение, к полудню он вернул способность нормально размышлять. Вначале он понял, почему ему удалось избежать облавы,в которую попали все остальные. Лишь две недели назад он переехал в новое помещение на улице Пальм. Солдаты, очевидно, явились по старому адресу, затем им нужно было пересечь весь город, в результате он вышел из дома до их посещения.

От такой случайности зависело его спасение. Олдин задрожал, потом в глубине его души поднялся гнев несправедливо осужденного. Ярость подкрепила его силы, и он наконец оказался способным к свойственному ему

четкому логическому мышлению. Ясно, что он не может долго оставаться в пределах городского дворца. На помощь пришли воспоминания, незначительные детали, которые он видел в прежние годы, может быть, не всегда замечая их. Он припомнил, что через каждые несколько ночей в ворота дворца провозят сено. Судя по пустоте амбара, новый запас скоро прибудет. Он должен выбраться до этого.

Олдин начал пробираться направо. Он припомнил, что там имелись ворота. Однажды он мельком видел сквозь них конюшню. Если проникнуть в конюшню, а потом в те ворота... Хорошо бы переодеться! В конюшне должны висеть рабочие комбинезоны. Еще лучше женская одежда, поскольку ученые, как правило, отращивали длиные волосы.

То, что ему было нужно, он нашел в правом углу конюшни, отведенном под дойных коров. И он, и животные молчали, пока он торопливо натягивал рабочую одежду, которую молочницы надевают поверх платья.

Городской дворец, переставший быть резиденцией Линнов, превратился в сельскохозяйственный и чиновничий центр. У ворот дежурили солдаты, но они не побеспокоились расспросить неуклюжую рабыню, вышедшую уверенным шагом, как будто ее послали с важным поручением.

Вечером Олдин с тыла подходил к храму Ковиса. Когда перед ним показались свинцовые стены, он снова начал нервничать. Он боялся, что сейчас, когда безопасность уже рядом, что-нибудь случится. Робко он постучал в боковой вход и замер в ожидании.

Дверь открылась неожиданно, но Олдин был так напряжен, что среагировал немедленно и быстро ступил мимо удивленного младшего в затененный коридор.

Лишь когда он закрыл дверь и они остались в полной темноте, Олдин назвал себя удивленному молодому человеку.

3.

Медрон Линн, лорд-правитель, шел по улице Линна. В последнее время он редко выходил в город, но, как и в прошлом, он испытывал при этом любопытство и возбуждение как всегда, когда у него была определенная цель. Потому что только конкретная цель могла оправдать затраченное время и усилия.

Его окружало обычное количество телохранителей, но они были специально обучены для таких выходов: как солдаты в увольнительной, шли они впереди и за ним, как будто их совсем не интересовал худой болезненный человек с каменным лицом, любой приказ которого становился законом на Земле и других планетах.

Лорд-правитель посещал рынки в наиболее населенных районах. Вид многоцветных товаров напоминал ему о его молодых днях, когда эти части города были тусклыми и нераскрашенными, а уровень мастерства ремесленников зачастую был чрезвычайно низок. Торговцы ворчали и сердились, когда в начальные годы своей власти он приказал, чтобы дома сдавались лишь тем, кто будет их ярко раскрашивать, а торговые лицензии получали лишь те, кто торгует высококачественными товарами. Забытый кризис. Под давлением конкуренции весело раскрашенные дома повлияли на внешность всего города, а требование на товары хорошего качества вызвало повышение мастерства ремесленников.

Лорд-правитель Линн вынужден был пробиваться сквозь толпу покупателей и продавцов. Рынок был заполнен людьми с холмов и из-за озера; немало здесь было и жителей других планет с распахнутыми от удивления глазами. В такое время лучше всего завязываются разговоры.

Он заговаривал только с теми, кто не узнавал в этом небритом человеке в мундире отставного солдата правителя. Потребовалось немного времени, чтобы выяснить, что тысячи агентов, которых он разослал с заданием

пропагандировать его точку зрения, проделали хорошую работу. Он и сам встретил семерых таких агентов, и трое завязали с ним разговор. Пятеро фермеров, трое торговцев и два работника, с которыми он заговорил сам, на критические замечания лорда-правителя ответили проправительственными лозунгами, которые они могли услышать лишь от его людей.

«Неплохо», — сказал он себе. Первый же вызванный им кризис разрешился благополучно. Лишь одно поколение отделяло Линнскую империю от длительной гражданской войны, которая и привела семейство Линнов к власти. Сборщики налогов все еще давали мало денег. Одной из причин тяжелого финансового положения служили храмы. Ученые держали людей так прочно, как никто в прошлом. Так казалось лорду-правителю. Храмовые обряды обладали гипнотической властью, а специально подготовленные люди внушали собравшимся необходимость пожертвований. Особенно этому были подвержены женщины, так что храмы сами сдерживали их, иначе они отдали бы все свое имущество. Мужчины же, часто занятые на войне, менее поддавались власти храмов. За счет огромных доходов храмы содержали орды ученых, старших и младших, и посвященных. Армия храмов была так огромна, что почти в каждой семье был хотя бы один родственник, который учился, чтобы стать ученым.

Лорду-правителю стало казаться — и совсем не нужно было, чтобы напоминала об этом Лидия, — что нужно попытаться нарушить эту гипнотическую власть. Пока этого не произойдет, финансовое положение останется напряженным. В самом Линне торговля расцветала, но в других районах она восстанавливалась гораздо медленнее.

Продолжалось несколько завоевательных войн, три из них на Венере против венерианских племен. Цель, которую он перед собой поставил, — объединение Солнечной системы, — требовала, чтобы такие экспедиции обеспечивались любой ценой. Что-то нужно было принести в жертву. И лорд-правитель выбрал храмы, как единственного конкурента в сборе доходов.

Лорд-правитель остановился перед лавкой керамики. У хозяина была внешность линнца. Он несомненно гражданин. Только мнение гражданина имеет значение. Хозяин

был занят обслуживанием покупателя. Ожидая, лорд-правитель подумал о замках. Казалось ясным, что ученым не удалось восстановить престиж, утерянный во время гражданской войны. За немногими исключениями, они все поддерживали Рахейнла до того самого дня, когда он был захвачен и убит. Ученые тут же присягнули на верность новому режиму, а у него тогда не было достаточно сил, чтобы отвергнуть присягу. Однако он никогда не забывал, что их временная монополия на атомную энергию чуть не привела к восстановлению прогнившей республики. И если бы им удалось это, то казнен был бы он.

Торговец завершил сделку и двинулся навстречу потенциальному покупателю. Но тут лорд-правитель заметил, что один из прохожих узнал его. Ни слова не сказав продавцу, лорд-правитель торопливо отвернулся и зашагал по улице.

Члены Совета ученых ждали его, когда он, убедившись в прочности своей позиции, вернулся во дворец.

Встреча была нелегкой. Из семи членов Совета присутствовало шестеро. Седьмой, поэт и историк Коурайн, как сообщил Джоквин, заболел. На самом деле он испытал приступ страха, узнав об утренних казнях, и немедленно выехал в отдаленные храмы.

Из шестерых, по крайней мере трое, явно не надеялись выйти живыми из дворца. Оставались только трое: Мемлис, историк, воин, смелый седовласый старик лет восьмидесяти; Тиор, логик, волшебник арифметики, который, как говорили, получал сведения о числах непосредственно от богов; и, наконец, сам Джоквин, который много лет служил посредником между храмовой иерархией и правительством.

Лорд-правитель своими желтыми глазами осмотрел собравшихся. Годы власти придали его лицу сардоническое выражение, которое даже скульпторы не могли устранить из статуй, опасаясь нарушить сходство с оригиналом. Ему в это время было около пятидесяти лет, и, несмотря на худобу, он обладал отличным здоровьем. Он начал с холодного, обдуманного и уничтожающего обвинения храма Рахейнла. А кончил так:

— Завтра я выступаю перед Патронатом с объяснением по поводу своих действий относительно храма. Надеюсь, Патронат примет мои объяснения.

И впервые за все время чуть улыбнулся... Никто лучше него не знал, что раболепный Патронат не осмеливается даже мигнуть в политическом смысле без его разрешения.

— Я предприму это, — продолжал он, —так как одновременно попрошу рассмотреть многочисленные петиции о реорганизации храма.

Молчаливые слушатели зашевелились. Три члена Совета, ожидавшие смерти, со слабой надеждой взглянули друг на друга. Один из них, Горо, человек средних лет, сказал: «Ваше превосходительство может рассчитывать на нас...» Его остановил гневный взгляд Мемлиса. Он подчинился, но постепенно храбрость вернулась к нему. Он сказал свое. Лорд-правитель знает, что он на его стороне. Он испытывал огромное внутреннее напряжение и облегчение, как человек, спасший свою шкуру.

Джоквин учтиво говорил:

— Как уже подчеркнул Горо, мы все будем счастливы выслушать ваши слова.

Лорд-правитель угрюмо улыбнулся. Он достиг критического момента в своей речи и заговорил с точностью юриста.

— Правительство, — начал он, —согласно наконец разделить храмы на четыре обособленные группы, как давно того хотят ученые. (Они впервые услышали о таком плане, но ни один из них ничего не сказал). Как давно уже утверждают ученые, — продолжал лорд-правитель, — противоестественно, что четырем атомным богам: Урану, Плутонию, Радию и Эксу — поклоняются в одних и тех же храмах. И соответственно ученые разобьются на четыре самостоятельных организации и распределят между этими организациями все храмы.

Каждая группа будет поклоняться только одному богу и его атрибутам, продолжая выполнять свои практические функции по поставке превращенной божественной энергии в соответствии с распоряжениями правительства. Каждая группа будет возглавляться не советом равных, как в современных храмах, а единым руководителем, для которого будет подобран соответствующий титул. Руководители четырех групп будут избираться пожизненно объеди-

ненным комитетом из представителей правительства и делегатов храма.

Речь продолжалась, но дальше шли детали. Совету был предъявлен ультиматум. И Джоквин, по крайней мере, не тешил себя никакими иллюзиями. Четыре раздельные группы храмов, каждая управляемая ученым, ответственным только перед лордом-правителем, навсегда покончит с надеждами, которые питали наиболее просвещенные ученые. Сам Джоквин считал храмы собранием знаний и у него были собственные мечты о той роли, которую смогли бы сыграть храмы в будущем. Он торопливо встал, чтобы никто из испуганных членов Совета не заговорил первым, и серьезно сказал:

— Совет будет счастлив рассмотреть ваше предложение. Мы считаем огромной удачей, что правителем является человек, который посвящает свое ценное время заботам о благополучии храмов. Ничто не может...

Он надеялся получить отсрочку. Лорд-правитель решительно заявил:

— Поскольку я лично буду завтра делать сообщение Патронату, Совет ученых сердечно приглашается остаться во дворце для обсуждения подробностей реорганизации. Я полагаю, что на это потребуется от недели до месяца, может и больше, и приказал для всех вас приготовить помещения.

Он хлопнул в ладоши. Открылась дверь. Вошли дворцовые стражники. Лорд-правитель сказал:

— Покажите почтенным господам их помещения.

Так был арестован Совет.

На четвертый день ребенок был еще жив. Главная причина заключалась в том, что леди Таня никак не могла принять решение.

— Я выдержала тяготы беременности и боль родов, — гневно говорила она, — а ни одна женщина не может не принимать это во внимание. К тому же...

Она умолкла. Правда заключалась в том, что, несмотря на бесчисленные препятствия, она могла определенно себе представить использование сына, которого боги переделали по-своему. И в связи с этим уговоры Джоквина не оставались без внимания. Большую часть четвертого утра Джоквин посвятил этой теме.

— Ошибочно считать, что дети богов — это идиоты, — говорил он. — Это пустая болтовня бессмысленной толпы, которая преследует эти бедные создания на улицах. Им не дают возможности получить образование, и они постоянно находятся под таким сильным давлением, что неудивительно, что мало кто из них доживает до взрослого состояния. — Его аргументы приняли более личный характер. — В конце концов, — мягко сказал он, — он Линн. В худшем случае он будет вашим верным помощником, который никогда не захочет уйти от вас и жить самостоятельно, как все нормальные дети. Тайно сохраняя его для себя, вы получите лучшего из всех возможных рабов — преданного сына.

Джоквин знал, когда остановиться. В тот момент, как он увидел, что глаза женщины задумчиво сузились — она взвешивала его аргументы, — он решил предоставить ей разрешать оставшиеся сомнения. Он вежливо удалился, присутствовал на утреннем совете лорда-правителя и здесь продолжал уговоры.

Глаза великого человека оставались настороженными, пока Джоквин говорил. Постепенно сардоническое выражение сменилось удивлением. Наконец лорд-правитель прервал Джоквина:

— Старик, с какой целью ты защищаешь жизнь уродца?

У Джоквина было несколько причин. Одна чисто личная. Другая — он верил, что продолжение существования ребенка может принести, пусть небольшую, но пользу храмам. Логика была проста. Рождение ребенка ускорило кризис. Его смерть лишь усилит этот кризис. Напротив, если ребенок будет жить, мстительные действия Линнов до некоторой степени смягчатся.

Но Джоквин не стал об этом говорить, не упомянул и о своих личных надеждах, связанных с ребенком. Он сказал:

— Никогда раньше ребенка богов не убивали намеренно. Всегда считалось, что у богов есть свои тайны для создания чудовищ в облике человека. Смеем ли мы сейчас подвергать это сомнению?

Этот аргумент заставил его собеседника изумленно взглянуть. Войны, которые вел лорд-правитель, дали ему контакты и с передовыми мыслителями, и скептиками на

нескольких планетах, и он стал считать богов лишь средством для сохранения контроля за мятежными подданными. Он не отрицал совершенно их существования, но сомневался в их сверхъестественной власти.

— Ты на самом деле веришь в то, что говоришь?

В жизни Джоквина было время, когда он уже ни во что не верил. Постепенно, однако, он полуубедил себя, что могучие невидимые силы, вызываемые крошечными радиоактивными частицами, не могут иметь другого объяснения. Он осторожно сказал:

— В молодости я путешествовал и видел первобытные племена, поклоняющиеся богам дождя, богам рек, богам деревьев и разнообразным богам животных. Видел и более развитые народы, в том числе здесь, на Земле, чье божество — невидимое, всемогущее существо, живущее где-то в пространстве, которое они называют небом. Я все это наблюдал и слушал, как в каждом племени рассказывали о начале вселенной. В одной легенде говорится, что все вышло из пасти змеи. Таких змей я не видел. В другой легенде говорится о потопе, затопившем все планеты. Не знаю, можно ли это сделать имеющейся в мире водой. Третья легенда — человек сделан из глины, а женщина сделана из мужчины.

Он взглянул на своего слушателя. Лорд-правитель кивнул.

— Продолжай!

— Я видел народы, обожествляющие огонь и воду. И после всего этого я посетил долину, где, как говорят, живут боги. Я находил их резиденции на всех планетах — обширные и опустошенные пространства в несколько миль глубиной и много миль в длину и ширину. И в этих пространствах с безопасного расстояния, из-за свинцовых укрытий, я видел невероятно яркие огни, которые до сих пор горят в своей бесконечной ярости в фантастических глубинах планет. «Правда, — сказал я себе, — что боги Уран, Радий, Плутоний и Экс — самые могучие боги во вселенной. Конечно, — решил я, — никто в здравом разуме не станет их оскорблять.»

Лорд-правитель, который в ходе своих странствий тоже осматривал некоторые дома богов, сказал только:

— Гм... м... м... м...

У него не было времени для дальнейших замечаний. Откуда-то — казалось, с ужасно близкого расстояния — послышался резкий звук, громче самого громкого грома. Полминуты спустя за ним последовал рев, такой оглушительный, такой яростный, что весь дворец задрожал.

Наступила пауза, но не тишина. Со всех сторон слышался звон стекла — разбивались окна. Потом послышался третий взрыв и почти за ним четвертый.

Этот последний взрыв был настолько силен, что всем стало ясно: конец света наступил.

4

Когда Олдин в полдень на третий день после рождения ребенка Линнов вошел в большой храм Ковис, это был усталый, голодный, загнанный человек, думающий только о бегстве. Он упал в кресло, предложенное младшим. И пока молодой человек осознавал ситуацию, Олдин приказал никому не сообщать о своем присутствии, за исключением Горо, главного ученого храма Ковис.

— Но Горо отсутствует, — возразил младший. — Он совсем недавно отбыл во дворец правителя.

Олдин начал быстро снимать женское платье. Усталость быстро покидала его. «Отсутствует», — радостно думал он. Это означает, что до возвращения Горо, он главный ученый в храме. Для человека в его положении это было, как отсрочка смертного приговора. Он приказал, чтобы ему принесли еду. Занял кабинет Горо. И стал задавать вопросы.

Впервые узнал он объявленную народу единственную причину казней в храме Рахейнла. Олдин обдумывал эту причину весь вечер. И чем больше он думал, тем больше негодовал. Он смутно сознавал, что мысли его весьма радикальны, если не еретичны; он чувствовал глубокую обиду из-за того, что богам нанесли такое оскорбление в их храме. С абсолютной ясностью, в которой однако не было неверия, он знал, что боги сами по себе не проявят своего недовольства. Мысли бежали, автомати-

чески переключаясь на практические последствия. К концу вечера он уже рассматривал возможности.

С незапамятных времен боги одобряли некоторые процессы. Командиры и владельцы космических кораблей дарили храмам железо. После совершения предписанного церемониала это железо помещалось в непосредственной близости к закрытому божьему веществу и оставалось там ровно сутки. Через четверо суток — одни на каждого бога — энергия божьего вещества перемещалась в железо. Тогда его возвращали на корабль, где помещали в металлический отсек. Там с помощью фотоэлектрических ячеек — это приспособление было известно также с незапамятных времен, как огонь, меч, копье и лук, — можно было начать и прекратить серию взрывов заданной мощности.

Когда использовалось достаточное количество таких металлических отсеков, самые большие из созданных людьми кораблей поднимались так легко, будто были сделаны из ничего. С самого начала времен божье вещество во всех замках содержалось в четырех различных помещениях. И было известно, что когда богов соединяют, они начинают сильно гневаться.

Олдин тщательно взвесил небольшое количество каждого типа божьего вещества. Потом велел младшим перенести металлический цилиндр из испытательной пещеры в сад в тылу храма. И тут ему пришло в голову, что остальные храмы тоже должны участвовать в протесте. Он знал, что шестеро из семи членов Совета ученых все еще во дворце, и у него было сильное подозрение, что их удерживают там насильно.

В богато украшенном кабинете Горо он написал приказ исполняющим обязанности главных ученых храмов отсутствующих членов Совета. Он приказал делать то же, что делает сам. Он подробно описывал свой план и кончил: «Полдень будет часом протеста». Каждое письмо было отослано с советником — младшим.

У него не было сомнения. К полудню следующего дня он поместил зерна урана, радия, плутония и экса в систему фотоэлектрических реле. С безопасного расстояния он нажал кнопку, последовательно соединяющую все вещества. Когда удивительный и мощный экс присоединился к

веществу, последовал страшный взрыв. За ним последовало еще три. Только два храма не подчинились приказу беженца. И им повезло. Первый взрыв до основания разрушил храм Ковис, оставив лишь груду камней.

Ни в одном из четырех храмов не уцелел ни один человек. От Олдина не осталось ни клочка мяса, ни капли крови.

К двум часам у подножия дворцового храма собрались толпы. Дворцовая стража сдерживала напор, постепенно отступая к воротам, а окружение правителя приготовилось к осаде.

Когда полчаса спустя ад был в полном разгаре, Джоквин, находившийся в городе и вернувшийся во дворец по тоннелю, ведущему непосредственно через холм, попросил разрешение поговорить с толпой. Лорд-правитель долго и внимательно смотрел на него. Наконец кивнул. Толпа зашумела, когда ворота открыли. Джоквин протиснулся вперед. У него был скорее пронзительный, чем сильный голос, но площадка, выступающая из холма, была так искусно сооружена, что говоривший мог обращаться к толпе через множество мегафонов.

Прежде всего Джоквин развязал ленты и распустил волосы по плечам. В толпе поднялся крик:

— Ученый! Это ученый!

Джоквин поднял руку. И наступившая тишина показала ему, что вспышка близка к концу. Толпа становилась управляемой.

Со своей стороны он не имел иллюзий относительно значения этой толпы, нападающей на дворец. Он знал, что уже посланы почтовые голуби в казармы трех легионов, расположенных сразу же за городскими стенами. Скоро по улицам пройдут войска, проскочит кавалерия далеких племен, чей бог — гигантская мистическая птица Эрплан. Важно, чтобы толпы рассеялись до появления этих тренированных убийц.

— Жители Линна, — сказал он ясным уверенным голосом, — сегодня вы видели доказательства мощи богов.

Крики и стоны последовали за его словами. Джоквин продолжал:

— Но вы неправильно истолковали данные нам сегодня знаки.

На этот раз только молчание встретило его слова. Он овладел аудиторией.

— Если бы боги не одобряли лорда-правителя, — продолжал Джоквин, — они также легко уничтожили бы его дворец, как уничтожили четыре храма. Боги недовольны не лордом-правителем и его действиями. Некоторые ученые хотели расколоть храмы на отдельные группы, чтобы каждая группа поклонялась одному богу. Это и только это — причина гнева богов.

Послышались крики:

— Твой храм тоже уничтожен!

Джоквин колебался. Ему совсем не хотелось становиться мучеником. Он видел два письма Олдина — в два храма, не подчинившиеся его приказу — и лично уничтожил их. Теперь он не знал, как ему использовать то, что чисто механическое соединение божественного вещества производит взрыв. Но одно было несомненно. Боги не возражают против того, чтобы всем четверым поклонялись в одном храме. И поскольку только сохранение существующего положения оставляло храмы сильными, возможно, именно так боги выразили свое отношение.

Джоквин понимал, что его рассуждение — софизм. Но сейчас не время для утраты веры. Он опустил голову.

— Друзья, — покорно сказал он. — Каюсь, я был среди тех, кто отстаивал раздельное поклонение. Мне казалось, что боги будут приветствовать, если каждому из них будут поклоняться в отдельном храме. Я ошибался.

Он полуобернулся ко дворцу, где его слушал гораздо более могущественный человек, чем вся эта толпа.

— Я знаю, что всякий, кто подобно мне верит в сепаратистскую ересь, отныне убежден, что только вместе можно поклоняться четырем богам. А теперь, чтобы не было больших неприятностей, идите по домам. — Он повернулся и медленно ушел во дворец.

Лорд-правитель был человеком, признающим неизбежное.

— Остается один нерешенный вопрос, — сказал он позже. — Какова истинная причина,по которой ты хочешь сохранить жизнь ребенку моей невестки?

Джоквин просто ответил:

— Я давно хотел посмотреть, что произойдет, если ребенку богов дать нормальное обучение и воспитание.

И все. Но этого было довольно. Лорд-правитель медленно кивнул.

5

Еще ребенком Клэйн постоянно чувствовал: «Я никому не нужен. Меня никто не любит».

Рабыни, ухаживающие за ним, переняли отвращение его родителей. Они прекрасно видели, что отец и мать редко навещают новорожденного. Бывало часами маленький мутант оставался один. А когда ребенка обнаруживали плачущим в мокрых грязных пеленках, мало кто был к нему терпим и снисходителен.

Руки, способные на нежность, грубели, прикасаясь к нему. И тысячи случаев грубого обращения сообщались с мышцами и нервами, становясь частью привычного восприятия окружающего. Он приучался раболепствовать.

Странно, но когда слова начали приобретать смысл, в условиях его жизни наступило некоторое изменение. Клэйн вполне невинно обронил несколько слов, из которых Джоквин заключил, что рабы не выполняют его приказов. Несколько вопросов при каждом посещении прояснили картину, и рабы тут же поняли, что неразумные действия несут за собой наказания кнутом. Мужчины и женщины узнали, что когда ребенок становится старше, он может рассказать о том обращении, которому подвергается.

Однако способность ребенка понимать имела и свои неприятные последствия. В возрасте между тремя и семью годами Клэйн понял, что он не такой, как другие. Между четырьмя и шестью его рассудок терпел ужасные удары, а стареющий ученый каждый раз старался ликвидировать их последствия. Вскоре однако Джоквин понял, что если он хочет спасти рассудок мальчика, нужны более решительные действия.

— Это все другие дети, — сказал однажды Джоквин, белый от гнева, лорду-правителю. — Они мучают. Они стыдят его. И сводят на нет все, что я делаю.

Линн Линнский с любопытством смотрел на него.

— Но я тоже стыжусь его, стыжусь самой мысли, что у меня есть такой внук. — И он добавил. — Боюсь, Джоквин, твой эксперимент не удался.

Теперь Джоквин с любопытством смотрел на правителя. За шесть лет, прошедших со дня храмового кризиса, он научился по-новому смотреть на лорда-правителя. Ему пришло в голову, что перед ним величайший гражданский администратор с легендарных времен. Иногда сквозь спокойную внешность, с которой лорд-правитель смотрел на мир, проглядывала его главная цель— объединение империи. Перед Джоквином был человек, достигший почти полной объективности во взгляде на мир. Если Клэйн будет спасен, то только с помощью лорда-правителя. Лорд понял, что посещение Джоквина имеет особую цель. Он угрюмо улыбнулся.

— Что же я должен сделать? Отослать в провинцию, где он вырос бы в изоляции и окруженный рабами?

— Это было бы смертельно, — ответил Джоквин. — Нормальные рабы презирают мутантов так же, как свободные рыцари и патроны. Борьба за разум должна вестись здесь, в городе.

Правитель нетерпеливо ответил:

— Ну что ж, забирай его в храм и делай там с ним, что хочешь.

— Храмы полны шумных посвященных и младших, — ответил Джоквин.

Лорд-правитель сердито посмотрел на него. Он медлил, это значило, что Джоквину трудно будет получить согласие.

— Боюсь, старик, — серьезно сказал правитель, — что ты в этом вопросе не проявляешь разумности. Мальчишка похож на оранжерейное растение. Нельзя из детей выращивать мужчин таким путем. Они должны выдерживать тяготы существования еще в молодости.

— Но ведь ваши дворцы как раз и есть такие теплицы, где молодые люди растут, не зная тягот существования, — ответил Джоквин.

Старый ученый махнул рукой в сторону дворца, который выходил на столицу. Правитель улыбнулся, признав правоту сравнения.

— Скажи, чего ты хочешь? Если можно, это будет сделано.

Джоквин не колебался. Он коротко заявил, что во дворце у Клэйна должно быть убежище. Святыня, куда другие дети не смели бы входить под страхом сурового наказания.

— Вы здесь, во дворце, выращиваете всех своих внуков, — говорил Джоквин. — И вдобавок несколько десятков других детей — сыновей заложников, союзных вождей и патронов. Против этой толпы нормальных детей, грубых и бесчувственных, как все мальчики, Клэйн совершенно беззащитен. Они все спят в одной спальне, поэтому у него нет убежища даже в своей комнате. Пусть ест и спит по-прежнему с остальными, но у него должно быть место, где его не смогут преследовать.

Джоквин замолчал, лишившись дыхания. Голос был уже не тот. Да он и понимал, насколько необычна его просьба. Он просил, чтобы на высокомерных, гордых маленьких людей, из которых в будущем вырастут руководители Линна — патроны, генералы, вожди и даже лорды-правители — чтобы на них было наложено ограничение. И чего ради? Чтобы бедный мутант мог показать, есть ли у него разум?

Джоквин видел, что лорд-правитель хмурится. Сердце его сжалось. Но он неверно понял причину сердитого выражения. В действительности он не мог бы выбрать для своей просьбы более подходящего времени. Накануне, гуляя по саду, лорд-правитель обнаружил, что его преследует непочтительно ржущая группа мальчишек. Такое случалось уже не впервые, и именно это воспоминание заставило его нахмуриться.

Он решительно поднял голову и сказал:

— Этим юным негодяям необходима дисциплина. Небольшое ограничение пойдет им на пользу. Строй свое убежище, Джоквин. И я поддержу тебя.

Дворец правителя размещался на капитолийском холме. Поверхность холма была искусно преобразована. Всю ее заняли террасы с садами и кустарниками, так что

старики, такие как Джоквин, почти не узнавали прежнего холма.

В западном углу территории дворца находилась голая скала на возвышении. Чтобы добраться до нее, нужно было пройти узкой тропой по крутому склону, и затем подняться по вырубленным в скале ступеням.

Скала оставалась голой, пока ею не занялся Джоквин. Под его руководством рабы быстро нанесли почву, садовники насадили кусты, траву и цветы, чтобы была защита от горячего солнца, приятная зелень, на которой можно было полежать, и прекрасный вид. Была поставлена прочная ограда поперек тропы, а у ворот солдат, свободный, шести футов шести дюймов ростом и с соответственно с мощной фигурой. Этот солдат был выбран еще и потому, что четыре года назад его жена тоже родила ребенка богов. Солдат оказался веселым добродушным парнем, который не давал самым настойчивым мальчикам прохода, просто загораживая своим телом ворота.

Несколько недель после завершения строительства орлиного гнезда и введения запрета на его посещение мальчишки руганью и криком выражали свое негодование. Они часами стояли у ворот, выкрикивая угрозы и оскорбления. Но невосприимчивость всегда добродушного стражника в конце концов заставила их отступить. И тогда дрожащий в орлином гнезде мальчик смог успокоиться и перестал себя чувствовать вечно преследуемым и при первом же знаке опасности мог находить убежище. С этого времени на него перестали обращать внимание. Никто не играл с ним, и, хотя это равнодушие тоже было жестоким, оно по крайней мере оставалось пассивным. Он смог жить своей собственной жизнью.

Его мозг, этот раненный, испуганный и тонкий комплекс интеллекта и эмоций, медленно выходил из тьмы, в которую бежал. Джоквин выманивал его оттуда тысячами уловок. Рассказывал ему о великих деяниях, больших сражениях, рассказывал длинные волшебные сказки с продолжением. Он давал мальчику вначале тщательно смягченные, а потом все более правдивые сведения о политической атмосфере внутри дворца и снова и снова с нарастающей убедительностью внушал, что рождение му-

танта — очень важное, особое событие. Любой человек может родиться нормальным, но мало кто бывает избран богами атома.

Джоквин знал, что это опасный путь. Мальчик мог вознести себя над другими членами семьи Линнов.

— Но он быстро узнает свои возможности, когда станет старше, — объяснил как-то Джоквин лорду-правителю. — Самое важное, что теперь его восьмилетний мозг может противостоять вульгарному преследованию со стороны других мальчиков. Он все еще запинается и заикается, когда пытается ответить, и любой контакт со взрослыми для него болезненен. Но если его не захватить врасплох, он научится справляться с собой. Я хочу, — заключил Джоквин, — чтобы мальчик мог изредка навещать вас.

Он часто повторял эту просьбу и всегда получал отказ. Эти отказы беспокоили Джоквина, которому уже исполнилось восемьдесят лет. И он часто думал о том, что будет с мальчиком после его смерти. Чтобы не погубить мальчика, он связался со многими известными учеными, поэтами и историками. Он убеждал их своими аргументами, а потом приставлял к мальчику как платных учителей. Он тщательно следил за этими людьми и быстро отсылал тех, кто не понимал всей важности предпринимаемой попытки.

Обучение мальчика оказалось чрезвычайно дорогостоящим: содержание, которое давали дед мальчика, лорд-правитель, и его отец, лорд Крег, не покрывало платы многочисленным учителям, нанимаемым Джоквином. Когда Джоквин умер, как раз перед одиннадцатилетием Клейна, почти весь доход с его имений шел на содержание мальчика.

Джоквин оставил десять миллионов сестерций младшим, посвященным и старшим различных храмов. Пять миллионов он завещал своим личным друзьям, еще два миллиона — историкам и поэтам, чтобы они завершили начатые им работы, и наконец его пятеро праправнуков получили по миллиону сестерций каждый.

Эти суммы почти полностью составляли все денежное наследство. Около пятисот тысяч сестерций оставалось по имениям и фермам до следующего урожая. Так как

все имения, вместе с тысячами рабов, были завещаны Клейну, был короткий период, когда новый владелец, сам того не зная, оказался на грани банкротства.

Об этом было доложено лорду-правителю, и он выдал из своего собственного состояния заем для поддержания имений. Он предпринял и другие шаги. Он узнал, что рабы Джоквина недовольны тем, что принадлежат мутанту. Он разослал своих шпионов, чтобы выявить зачинщиков, и потом для примера четверо были повешены. До лорда-правителя дошло также, что правнуки Джоквина, рассчитывающие получить имения, делают темные угрозы по адресу «узурпатора». Лорд-правитель конфисковал их часть наследства и отправил всех пятерых в армию лорда Крега, которая готовилась ко вторжению на Марс.

Совершив все это, старый правитель забыл о своем внуке. Лишь два года спустя, когда мальчик случайно прошел мимо окна его кабинета, он почувствовал любопытство.

В тот же день он отправился к орлиному гнезду, где жил самый странный отпрыск семьи Линнов.

6

Он тяжело дышал, добравшись до основания скалы. Это удивило его. «Клянусь атомными богами, — подумал он, — но я старею.» Через два месяца ему исполнялось шестьдесят четыре года.

Шестьдесят четыре. Он взглянул на свое худое тело. «Ноги старика, — подумал он, — не такие слабые, как у некоторых в этом возрасте, но несомненно, расцвет позади. Крег был прав, — подумал ошеломленно он. — Пришло для меня время экономии. Больше никаких войн с Марсом, за исключением оборонительных. И пора произвести Крега в наследники и соправители.» Мысль о наследнике напомнила ему, где он. Там наверху один из его внуков с учителем. Он слышал бормочущий баритон мужчины и отдельные замечания мальчика. Все звучало нормально, по-человечески.

Лорд-правитель нахмурился, думая об обширности мира и малочисленности семьи Линн. Стоя здесь, он понял, почему пришел сюда. Все Линны нужны, чтобы удержать власть. Даже тупоумные, даже мутанты должны исполнять обязанности, соответствующие их способностям. Ужасно сознавать, что он приближается к самой одинокой вершине своей жизни, способный доверять только кровным родственникам. И даже они держатся вместе только из-за честолюбия.

Старый человек сухо и угрюмо улыбнулся. Что-то в форме его челюсти и подбородка говорило о стали. Это была внешность человека, выигравшего кровавую битву при Атмуне, которая отдала ему Линн; улыбка человека, который смотрел, как его солдаты боевыми топорами на куски разрубили Рахейнла. «Вот это был человек! — подумал он, еще и через тридцать лет удивляясь упорству противника. — Почему он отказался от всех моих предложений? Впервые в истории гражданской войны была сделана такая попытка перемирия. Я предложил ему компромисс. Он хотел весь мир, а я нет, во всяком случае не таким путем, но волей-неволей пришлось взять его, чтобы спасти свою жизнь. Почему человеку нужно все или ничего?»

Конечно, Рахейнл, холодно и спокойно ожидавший первого удара топора, должен был бы осознать тщетность своих стремлений. Должен был знать, что ничто его не спасет; что солдаты сбежали, а терявшие кровь и боявшиеся за свои жизни, не будут милосердны к своему главному врагу. Правитель с пристальной ясностью помнил свой выбор палачей. Он приказал, чтобы первый же удар был смертельным. Толпа хотела пытки, зрелища. Они как будто получили его, но на самом деле перед их взорами разрубили на куски мертвеца.

Зрелище смерти великого Рахейнла навсегда вызвало холод в душе правителя. Сам он никогда не чувствовал себя убийцей. Убийцей была толпа. Толпа, с ее безмозглыми эмоциями, с ее силой численности, которую ни один человек не может игнорировать, не подвергая смертельной опасности себя и свою семью. Толпа с ее примитивной кровожадностью пугала его, хоть он и презирал ее; она влияла на него, хоть он всегда использовал ее в

своих целях. Ужасно думать, что каждый шаг в его жизни делается с учетом толпы.

Он родился в мире, опустошенном двумя могучими враждующими группами. Не возникало вопроса, к какой группе присоединиться. Когда оппозиция захватывала власть, она старалась убить, обесчестить или изгнать всех членов семей другой партии. В такие периоды детей многих известных семей тащили по улицам на крючьях и швыряли в реку. Позже, если вам удалось выжить, вопросом жизни и смерти становилось для вас захватить власть и влияние в своей группе. И это тоже предоставлялось случаю или чувствам. Существовали группы среди групп, убийства тех, кто мог соперничать в борьбе за власть. Убийства и предательства становились все изощренней.

Лорд-правитель с трудом оторвался от своих раздумий и начал взбираться по ступеням на саму скалу. Вершина скалы — площадка длиной в двадцать футов и почти такой же ширины. Рабы Джоквина натаскали туда плодородную почву, на ней цвели кусты; два из них достигали пятнадцати футов в высоту. Мутант и его учитель сидели в легких креслах в тени самого высокого куста и не заметили появления лорда — правителя.

— Хорошо, — говорил учитель, ученый по имени Неллиан, — мы согласились, что слабость Марса в его водной системе. Различные каналы, по которым поступает вода с северного полюса, — единственный источник водоснабжения. Неудивительно, что в марсианских храмах поклоняются воде, как мы атомным богам. Другое дело, — продолжал Неллиан, — знать, как использовать эту слабость Марса. Каналы Марса так широки и глубоки, что их невозможно, например, отравить, даже временно.

— Макроскопически рассуждая, — сказал мальчик, — это верно. Молекулярный мир представляет мало возможностей, кроме тех сил, которое может перенести человеческое тело.

Лорд-правитель моргнул. Правильно ли он понял и расслышал? Неужели тринадцатилетний мальчик может так рассуждать? Он хотел уже войти, но теперь передумал и заинтересованный и удивленный ждал продолжения.

Клэйн продолжал:

— Беда моего отца в том, что он просто слишком доверчив. Я не знаю, почему он считает, что ему просто не везет в этой войне. На его месте я внимательно бы отнесся к возможности предательства и тщательно бы проверил свое ближайшее окружение.

Неллиан улыбнулся.

— Вы говорите с убежденностью юности. И если вам когда-нибудь доведется побывать на поле битвы, вы убедитесь, что мыслями трудно охватить реальность. Смутные теории опрокидываются под дождем стрел и копий, под ударами мечей и топоров.

Мальчик невозмутимо сказал:

— Никто не сумел сделать правильно вывод из взрывов космических кораблей, перевозящих воду. Джоквин знал бы, что думать об этом.

Разговор, как показалось лорду-правителю, приобрел детский характер. Правитель сделал шаг вперед и кашлянул.

При этом звуке ученый повернулся и, увидев подошедшего, с достоинством встал. Реакция мутанта была более быстрой, хотя и не вся заключалась в движении. При первом же звуке он повернул голову. И все. Несколько мгновений он сидел неподвижно. Вначале выражение его лица оставалось прежним — спокойным. У лорда-правителя было время рассмотреть внука, которого он не видел со дня его рождения.

Голова мальчика была нормальной с явно линнским носом и голубыми глазами Линнов. Но было и нечто большее. Тонкая красота матери отразилась на этом лице. Ее рот, ее уши и подбородок. Лицо и голова были прекрасными, почти ангельскими. Но все остальное отличалось от нормального. Общая форма очень человеческая. Тело, ноги, руки — все было на месте, но все искажено.

Лорду-правителю пришло в голову, что, если мальчик наденет длинную одежду ученого, а руки спрячет в складки платья — кисти у него нормальные — никто не заподозрит правды. Не было ни малейшей причины, почему бы это лицо нельзя изобразить на серебряной или золотой монете, которые разойдутся среди отдаленных и высокоморальных племен. Ангельское лицо Клэйна согрело бы сердца варваров.

«Слава богам, что у него не четыре руки или ноги», — подумал правитель.

И в это мгновение мальчик очнулся от оцепенения. (Лишь тут лорд-правитель сообразил, что Клэйн почти буквально замер на месте). Произошла мгновенная трансформация. Прекрасное лицо изменилось. Глаза остекленели, рот дернулся и утратил свою форму. Все лицо стало таким идиотским, что на него было больно смотреть. Медленно тело мальчика сползло со стула, и он застыл, полусогнувшись и глядя на деда. Он начал скулить, а потом что-то неразборчиво бормотать.

Неллиан резко сказал:

— Клэйн, овладей собой.

Эти слова были подобны ключу. С криком мальчик метнулся вперед и промчался мимо лорда-правителя. С безрассудной скоростью, почти скользя, сбежал он по каменным ступеням и исчез на тропе.

Наступило молчание. Немного погодя Неллиан спокойно спросил:

— Можно ли мне сказать?

Лорд-правитель заметил, что ученый не обращается к нему по форме, и мимолетная улыбка коснулась его губ. Антиимпериалист. Через мгновение он почувствовал раздражение — эти проклятые республиканцы! — но коротко кивнул в знак разрешения.

Неллиан сказал:

— Он так же вел себя со мной, когда Джоквин впервые привел меня к нему. Это возвращение к эмоциональному состоянию, которое он испытывал ребенком.

Лорд-правитель ничего не ответил. Он смотрел на город. День был туманный, и дымка затягивала пригороды. С высоты они, казалось, расплывались в дымке — дома, улицы. Но все же за ними он видел вьющуюся реку и местность, частично скрытую вуалью тумана. На местности виднелись крупные ямы, теперь пустые: большая война истощала ресурсы Земли, население которой достигло громадного числа в шестьдесят миллионов жителей. За время его жизни население Земли почти удвоилось. Удивительно, как роса, будто на невидимой привязи, устремлялась вперед, глядя своим коллективным взглядом в ослепительно яркое будущее, скрытое за горизонтом.

Лорд-правитель вернулся взглядом и мыслью на скалу. Не глядя на Неллиана, он спросил:

— Что он имел в виду, когда спросил, что мой сын, лорд Крег, должен проверить возможность предательства в своем окружении?

Неллиан пожал плечами.

— Вы слышали это? Мне можно не говорить, что мальчик окажется в серьезной опасности, если кто-нибудь услышит о его словах. Откровенно говоря, я не знаю, где он получает информацию. Но у него очень хорошее представление о дворцовых интригах и политике. Он очень скрытен.

Лорд-правитель нахмурился. Скрытность он мог понять. Люди слишком много знающие о делах других людей, имеют обыкновение умирать неожиданно. Если мутант действительно знает, что в ход марсианской войны вмешалось правительство, даже намека на такое знание достаточно для его гибели. Правитель колебался.

— А что он говорит о космических кораблях с водой, взрывающихся перед посадкой? Что он знает о таких вещах?

Теперь настала очередь ученого колебаться. Наконец Неллиан сказал:

— Он говорил об этом несколько раз. Несмотря на всю свою осторожность, мальчик тоже нуждается в товарище, так как хочет произвести впечатление, сообщая свои мысли людям, которым доверяет. Вроде меня.

Ученый украдкой взглянул на лорда-правителя.

— Естественно, я держу такую информацию при себе. Я не занимаюсь политикой.

Великий человек слегка поклонился.

— Я вам очень признателен за это, — сказал он.

После небольшой паузы Неллиан заметил:

— Он много раз говорил о происшествии в Храме Рахейнла, случившемся при его рождении. Тогда взорвалось четыре храма. Я узнал, что Джоквин рассказывал ему об этом. Джоквин оставил в своем имении тайный архив, к которому мальчик имеет доступ. Он трижды навещал главное имение после смерти Джоквина.

Лорд-правитель смутно припомнил, что давал по просьбе Неллиана разрешения на эти поездки.

— Мне нет необходимости говорить, — продолжал Неллиан, — что у мальчика, несмотря на эмоциональное состояние, вполне взрослый интеллект — на уровне девятнадцати лет.

— Гм... — сказал лорд-правитель.

На его лице выступила решимость.

— Мы должны вылечить его от этой эмоциональной слабости. Есть несколько методов.

Он улыбнулся, вспоминая.

— На войне, когда мы хотим покончить со страхами солдата, мы подвергаем его повторяющейся опасности в сражениях. Конечно, он может быть убит. Но если выживет, приобретает уверенность и храбрость. Точно так же оратор может сколько угодно тренировать свой голос, но только настоящие выступления дают ему уверенность.

Правитель задумчиво улыбнулся.

— На войну его, пожалуй, не пошлешь. Солдаты, к сожалению, считают мутанта дурным признаком. Что касается публичных выступлений, то можно поместить его в один из отдаленных храмов. Одетый в одеяние ученого, он сможет читать ежедневную службу, вначале только наедине с атомными богами, потом в присутствии младших ученых и посвященных, и наконец, перед публикой. Я прикажу, чтобы подготовку начали завтра же. И ему не обязательно жить в храме. Примерно через год мы отведем ему отдельную резиденцию и закрепим за ним привлекательных рабынь. Я отберу кротких, мягких девушек, которые не будут пытаться управлять им. Я их сам отберу и хорошо поговорю с ними.

И добавил:

— Позже их можно будет продать в отдаленные районы.

Лорд-правитель помолчал и пристально взглянул на Неллиана.

— Что вы думаете о таком начале?

Ученый кивнул.

— Прекрасно. Я рад, что вы лично заинтересовались мальчиком.

Лорд-правитель был доволен.

— Будете сообщать мне о нем раз в три месяца.

Он уже отворачивался, когда взгляд его остановился на чем-то полураскрытым в кустах на краю скалы.

— Что это? — спросил он.

Неллиан выглядел смущенным.

— Это... гм... это... прибор, сооруженный Джоквином.

Замешательство ученого удивило правителя. Он подошел ближе и взглянул. Он увидел металлическую трубу, уходящую вниз. Ее почти скрывали лианы, но кое-где на склоне ее можно было разглядеть.

Правитель все еще рассматривал трубу, иногда из нее слышался хриплый женский голос:

— Целуй меня, целуй меня снова.

Лорд-правитель прикрыл травой открытый конец трубы и встал.

— Будь... — начал он. — Подслушивающее устройство, другой конец размещен где-то в месте свиданий.

Неллиан сказал:

— По другую сторону еще одна.

Лорд-правитель уже хотел уходить, когда заметил возле трубы блокнот. Он поднял его и посмотрел. Страницы чистые. Вначале он удивился, но потом увидел в траве бутылочку чернил и ручку.

Теперь он по-настоящему заинтересовался. Взяв бутылочку, он вытащил пробку. Вначале он разглядывал чернила, потом понюхал. Наконец, с улыбкой закрыл бутылочку и поставил ее в траву.

Спускаясь, он подумал: «Джоквин был прав. Мутант может быть нормальным, даже сверхнормальным».

7

К этому времени марсианская война велась уже два года и оказалась наиболее дорогостоящей из всех войн. С самого начала, еще на стадии планирования, она вызывала невероятный накал страстей. Воевать или не воевать. Три года назад этот вопрос расколол правительство на две группы. Лорд Крег Линн, отец Клейна, был с самого начала и полностью против войны.

Он прибыл в город с Венеры три года назад в своей космической яхте в сопровождении всего штаба. И затем целые месяцы спорил со своей семьей и различными влиятельными патронами.

— Пришло время империи прочно стоять на всех своих границах, — говорил он слушателям. — Из города-государства мы превратились в государство, охватывающее всю Землю, за исключением некоторых горных территорий. Четыре из одиннадцати островных континентов Венеры — наши союзники. И нам не нужно беспокоиться из-за островных спутников Юпитера, потому что они населены варварами. Марсиане, правда, управляют своей планетой по своим диким обычаям, но будет разумно оставить их в покое. Племена, завоеванные ими, постоянно восстают, и поэтому марсиане постоянно заняты. Поэтому они для нас не опасны, а это должно стать для нас единственным соображением по поводу всех следующих войн.

Если сообщения верны, многие патроны и рыцари были убеждены его доводами. Но увидев, что лорд-правитель склоняется к войне, они тут же изменили свои взгляды, по крайней мере, публично.

Жена лорда-правителя Лидия и лорд Тьюс, сын Лидии от предыдущего брака, особенно настаивали на вторжении. Их аргумент, постепенно ставший аргументом лорда-правителя, заключался в следующем: марсиане сами обрекли себя на войну, полностью отказываясь от торговых и иных сношений с остальной частью Солнечной системы. Кто знает, какие планы они вынашивают, какие армии они готовят, сколько космических кораблей строится на планете, которая уже свыше десяти лет не допускает посетителей извне?

Аргумент убедительный. Сухое предположение лорда Крега, что, возможно, метод, используемый империей при вторжении на венерианский остров Кимбри, вызвал такое отношение марсиан, не убедило сторонников войны, Метод был простой и безотказный... Кимбри, подозрительное племя в конце концов согласилось принять посетителей. И очень забеспокоились, когда в течение нескольких месяцев около тридцати тысяч дюжих молодых мужчин прибыли в одиночку и группами. Беспокой-

ство оказалось оправданным. Однажды ночью посетители собрались в трех главных городах кимбрийцев и одновременно напали на центры управления. К утру было перебито около ста тысяч венериан и остров был захвачен.

Этой экспансией командовал Тьюс; по настоянию его матери устыдившийся Патронат проголосовал за триумф для лорда Тьюса.

Естественно, что группа Лидии-Тьюса рассматривала высказывание Крега как результат зависти. Говорили, что такие слова недостойны такого великого человека. А другие говорили, что собственные его войны велись неудачно. Некоторые заходили так далеко, что вообще не верили в боевые качества линнских армий, возглавляемых лордом Крегом, и тут же добавляли, что он просто трус.

Для лорда Крега, упорно придерживающегося своего мнения, величайшим шоком оказалось открытие, что его жена также поддерживает его противников. Он так рассердился, что тут же послал ей приказ о разводе. Леди Таня, которая поддерживала партию войны, только чтобы ускорить карьеру мужа, испытала сильнейшее нервное потрясение. Неделю спустя она частично оправилась, на состояние ее духа указывал тот факт, что она приехала в лагерь мужа на окраине города в обеденный час; на виду у сотен высших офицеров она подползла к нему и умоляла взять ее обратно. Изумленный Крег ввел ее в дверь, и они помирились.

С этого времени леди Таня изменилась, ее высокомерие исчезло. Она отошла от политической деятельности и посвятила себя дому. Ее гордая, ослепительная красота перешла в стадию просто хорошей внешности.

Заботливая жена поцеловала мужа на прощание в начале весны и смотрела, как его яхта взлетела, чтобы присоединиться к космическому флоту, ожидавшему на другой стороне Земли вылета к Марсу.

Космические корабли, подобно другим известным с легендарных времен инструменту и транспорту как оружие войны, имело свои ограничения. Они самое быстрое средство сообщения, но насколько быстрое, никто не знал. Во время вторжения на Марс считалось, что космические корабли способны развивать огромную скоро-

сть в тысячи миль в час в безвоздушном пространстве. Поскольку полет к Марсу требовал от сорока до ста дней, в зависимости от взаимного расположения планет, самое короткое расстояние до Марса расценивалось в миллион миль.

Ученые подозревали, что это число не соответствует действительности. Если оно верно, то звезды должны быть удалены на сотни миллионов миль. Это казалось настолько невероятным, что многие сомневались в способностях и знаниях храмовых ученых.

Космический корабль длиной в сто пятьдесят футов мог перевезти двести человек и не больше в поездке на Марс, длящейся шестьдесят дней. В корабле хватило бы места и большему числу людей, но не хватило бы воздуха. Воздух очищался лишь до определенного предела.

Двести человек в корабле, столько вез каждый транспорт в первом флоте. Всего во флоте было пятьсот кораблей. Назначением его служила большая пустыня, известная как Киммерийское море. По краям этой пустыни проходил канал шириной в милю, и на сотни миль по обе стороны канала тянулась зеленая растительность, питаемая тысячами крошечных распределительных каналов. Ослин, один из пяти крупнейших городов марсиан, располагался в большой долине, где канал извивался, как река.

В определенном смысле каналы и были реками. Весной вода по ним перемещалась с севера на юг, постепенно замедляясь и к середине лета совсем останавливаясь. Население Ослина превышало миллион. Его падение означало бы сильнейший удар по марсианам и давало большие выгоды завоевателям.

Флот достиг Марса в установленное время, лишь один корабль не появился на месте встречи за сорок восемь часов ожидания. В полночь на второй день корабли группами по десять устремились в направлении канала и города. Была избрана площадка примерно в пяти милях от города, и одна за другой линии кораблей выстроились среди кустарников и открытых полей. Они немедленно начали разгружаться; были выгружены войска, большая часть лошадей, оборудование и запас пищи.

Это были опасные шесть часов. Разгружающиеся корабли весьма уязвимы для нападения особого типа судов,

снабженных длинными металлическими таранами, которые легко разрывают тонкие металлические пластины, из которых сооружены корпуса космических кораблей. Для атакующего корабля застать транспортник в воздухе означало удачу. Атакующий, приблизившись сбоку, ударял и переворачивал транспорт. Поскольку на верхней стороне транспортника не было двигательных труб, поддерживающих корабль в воздухе, он обычно падал как камень. Периодические попытки установить двигатели вверху или внизу корабля вызывали радиоактивные ожоги у экипажа и пассажиров, и никакое количество свинцовых прокладок от этого не спасало.

Шесть часов прошли без нападения. Примерно за два часа до рассвета армия начала двигаться вдоль канала по направлению к городу. Через час авангард поднялся на холм, за которым лежала большая долина, за которой — Ослин. Солдаты остановились, осадив коней. К лорду Крегу был отправлен курьер с невероятным сообщением. В долине расположилась марсианская армия, такая огромная, что ее палатки и сооружения терялись в дымке расстояния.

Командующий выехал вперед, чтобы самому увидеть неприятеля. Сопровождавшие утверждали, что он был совершенно спокоен. Но надежды на быструю легкую победу рассеялись в это мгновение. Впереди стояла основная марсианская армия численностью в шестьсот тысяч человек. Ею командовал сам король Винатгин.

Лорд Крег уже решил атаковать немедленно, когда небольшой вражеский флот пролетел над холмом, осыпав стоящих там дождем стрел и ранив около пятисот солдат. Командующий остался невредим, но противник знал слишком много. Лорд Крег быстро отдал необходимые распоряжения.

Цель его была проста. Король Винатгин и его штаб, несомненно, знали о приближающемся нападении. Но одно дело иметь информацию, совсем другое — передавать ее в огромную разбросанную по долине армию. Это была единственная причина, ставившая под сомнение исход сражения. Марсиане превосходили атакующих в шесть раз. Оборона не уверенная сначала, затем усилилась просто за счет численности. А позже стало известно, что

марсиане потеряли сто тысяч убитыми и ранеными, но в маленькой линнской армии тридцать тысяч было убито и ранено и пропали без вести. И когда к полудню не удалось продвинуться вперед, лорд Крег приказал отступать с боем.

Но беды его еще не кончились. Когда его войско растянулось вдоль канала, пятитысячный кавалерийский отряд ударил в тыл, отрезал армию от лагеря и повернул отступавших в сторону пустыни.

Наступление темноты спасло армию от полного уничтожения. Отступление длилось до полуночи, только потом солдаты смогли лечь и уснуть. Но для лорда Крега отдыха не было. Он связался с флотом, ожидающим в космосе. Осторожно приземлились сто кораблей, выгрузив добавочное оборудование и рационы. Ожидалось, что корабли подвергнутся нападению, однако этого не произошло, и кораблям удалось благополучно взлететь до рассвета. И слишком быстро защитная темнота сменилась ярким дневным светом.

Привезенные запасы помогли выдержать этот день. Вражеская армия теснила их час за часом, но лорду Крегу было ясно, что королю Винатгину не хватает умения полноценно использовать свои силы. Наступление велось неуклюже и нерасторопно. Врага удалось перехитрить, и к вечеру, оставив защитный кавалерийский заслон, линнская армия оторвалась от противника.

Ночью удалось отдохнуть, и лорд Крег снова начал надеяться. Он понял, что в случае необходимости сумеет погрузить свои силы и убраться с планеты без дальнейших потерь. Это была соблазнительная перспектива. Она соответствовала его убеждениям, что марсианская война не имеет шансов на успех.

Но он неохотно осознавал, что возврат линнской армии невозможен. Его будут считать несостоявшимся полководцем. Ведь в конце концов он выбирал место нападения, хотя и не одобрял кампанию в целом. И еще могли подумать, что он, противясь войне, сознательно проиграл сражение. Нет, он не мог возвращаться в Линн. К тому же нужно ждать, когда второй флот доставит через две недели еще сто тысяч человек.

Две недели? На четвертый день тонкие нити распределительных каналов начали пересыхать. К вечеру солдаты увязли в песке. Впереди расстилалась красная пустыня. На востоке, примерно в девятнадцати днях пути, находился другой канал, но лорд Крег и не думал о таком опасном путешествии. Семьдесят тысяч человек требовали много воды.

Впервые в своей карьере Крег оказался отрезанным от воды. Положение стало угрожающим, когда одиннадцать из двенадцати космических кораблей, посланных за водой, взорвались при приближении к лагерю и залили пустыню и несчастных, оказавшихся под ними, кипятком. Один корабль приземлился, но вода в нем закипала, и его удалось спасти, только срочно выпустив воду в песок.

Почти сварившийся командир с трудом выбрался из рубки и доложил лорду Крегу:

— Мы выполнили ваш приказ, сэр. Выбросили почти все оборудование и погрузились в канал, используя корабль как танкер. Вода немедленно начала греться.

Он выругался.

— Это проклятые водяные боги, которым поклоняются марсиане.

— Чепуха, — ответил лорд Крег и приказал отвести командира на его собственный корабль под арест.

Тщетная предосторожность. У других солдат появилась та же мысль. Марсианские боги заставили воду закипеть, поэтому корабли и взорвались. Лорд Крег в горячей речи, обращенной к легионам, указал, что ничего не произошло с водой в обычных баках остальных кораблей.

Его прервал голос:

— Почему же тогда не привезти в них воду?

Солдаты подхватили замечание, и после этого не имело смысла отвечать им, что нельзя рисковать флотом.

На седьмой день армия начала испытывать жажду. Лорд Крег понял, что не может ждать прибытия второго флота. Он начал осуществлять план, о котором подумал еще тогда, когда выбрал Ослин для нападения.

Ночью он вызвал свои двести кораблей и погрузил в них армию, почти по триста пятьдесят человек на корабль. Он предполагал, что шпионы марсиан надели мун-

диры мертвых линнских солдат и кружат вокруг лагеря. И поэтому не сообщал пункт назначения до вылета кораблей.

План его был основан на наблюдении, которое он сделал, когда юношей посетил Марс. Во время путешествия по каналу в Ослин он приметил город Магга. В этот город, расположенный в труднодоступных горах, можно было пройти по четырем узким дорогам, которые легко было защищать. Двадцать лет назад в нем был гарнизон. Но лорд Крег справедливо решил, что легко справится с этим гарнизоном, если тот не укреплен. Был и еще один благоприятный фактор. Король Винатгин не поверил полученной информации, что ему противостояла главная экспедиционная армия Линна. Ежечасно ожидая высадки больших сил, он удерживал свое войско у Ослина.

Маггу захватили вскоре после полуночи. Воды было множество. Когда неделю спустя прибыл второй флот, он тоже высадился в Магге, и экспедиция была спасена.

Даже сторонники Крега не сумели оценить его оборонительную победу. В Линне видели только, что армия была зажата в маленьком городе и казалась обреченной. И даже лорд-правитель приказал тайно проверить утверждение сына, что войско в безопасности.

Армия оставалась в Магге все лето и зиму. Весь год она оставалась в осаде, а лорд Крег упрямо требовал от Патроната еще двести тысяч человек. Патронат отказывался слать войска на верную гибель. Однако лорд-правитель наконец понял, что положение Крега прочное, лично потребовал посылки подкреплений. В тот день, когда лорд-правитель задумчиво спускался из убежища своего внука-мутанта, на пути к Марсу находились еще четыре легиона.

8

Лорд-правитель не очень удивился, когда две недели спустя Неллиан передал ему письмо от Клейна. В письме говорилось:

Моему деду, почтеннейшему лорду-правителю.

Я крайне сожалею, что не справился со своими эмоциями, когда вы пришли ко мне. Позвольте заверить, что я горжусь оказанной мне честью и что ваше посещение изменило мое мнение относительно многих предметов. До вашего прихода в орлиное гнездо я не считал, что у меня есть обязательство перед семейством Линнов. Теперь я решил поддержать имя Линнов, которое вы сделали великим. Приветствую Вас, мой высокодостойный дед, величайший из живших когда-либо людей.

Ваш восхищенный и скромный внук Клейн.

В письме содержались мелодраматические нотки, и лорд-правитель не мог согласиться с утверждением, что он величайший из людей. Он даже не второй, хотя, может быть, и третий.

«Мой мальчик, — подумал он, — ты забыл моего дядю, полководца из полководцев, и его противника, яркую личность, которому в двадцатилетнем возрасте был присужден триумф и которому в еще более раннем возрасте было официально разрешено пользоваться титулом «великий». Я знал их обоих и знаю чего стою я».

Тем не менее письмо было приятно лорду-правителю. Но оно и удивило его. В нем был некий подтекст, будто решение было принято человеком, обладающим властью и правом принимать решения.

Он отложил письмо в раздел семейной корреспонденции и начал им новый подраздел: «Клейн». И забыл о нем. Но неделю спустя вспомнил, что жена показала ему два послания. Одно адресованное ей, второе, незапечатанное, — лорду Крегу на Марс. Оба послания были от Клейна. Лидия забавлялась.

— Тебя здесь кое-что заинтересует, — заметила она.

Лорд-правитель прочел адресованное ей письмо:

Моей благородной бабушке.

Достопочтимая леди, чтобы не обременять своими просьбами вашего мужа, моего деда, почтительно прошу вас отправить письмо обычной почтой моему отцу, лорду Крегу. В нем молитва, которую я прочту на следующей неделе в храме, молитва о даровании победы над марсианами. В следующей почте моему отцу будет послана металлическая капсула, освященная на этой церемонии прикосновением богов — металлов Радия, Урана, Плутония и Экса.

Почтительнейше ваш внук Клейн.

— Ты знаешь, — говорила Лидия, — получив это, я сначала не поняла, кто такой Клейн. Мне почему-то казалось, что он мертв. Но, напротив, он, похоже, вырос.

— Да, — с отсутствующим видом ответил лорд-правитель, — да, он вырос.

Он рассматривал молитву, которую Клейн послал лорду Крегу. У него было странное чувство, что есть в этом что-то, что он пока не понимает. Почему письмо передается через Лидию? Почему не через него непосредственно?

— Ясно, — сказала Лидия, — что поскольку будет посвящение в храме, письмо должно быть отослано.

«Именно так, — подумал лорд-правитель. — Ничего не оставлено на волю случая. Они должны послать письмо. Они должны послать металл, освященный богами».

Но почему же все-таки информация передавалась через Лидию? Он прочел молитву, на этот раз поражаясь ее особенностью. Такая заурядная, такая незначительная... И именно такие молитвы заставляют старых солдат думать, что они сражаются ради... слабоумных. Строчки располагались широко, и именно это заставило глаза правителя сузиться.

— Что ж, — рассмеялся он, — я возьму письмо и сам отошлю.

Придя к себе, он зажег свечу и подержал письмо над огнем. Через две минуты между строками появилась запись, сделанная невидимыми чернилами. Шесть строк из тесно подогнанных слов между каждыми двумя строками молитвы. Лорд-правитель, поджав губы, прочел подробную инструкцию .Это был план действий марсианской

армии, не столько военный, сколько магический. И несколько раз упоминался взрыв храмов много лет назад.

В конце было оставлено место для его подписи. Он не сразу стал подписывать, но в конце концов подписал, положил письмо в конверт и приложил государственную печать. Потом сел и снова подумал: «Почему Лидия?»

В сущности не нужно было долго гадать о размерах предательства, которое преследовало легионы лорда Крега в течение трех лет.

«В такой семье как наша, — угрюмо подумал лорд-правитель, — заговорщики договаривались здесь, в шестидесяти футах под орлиным гнездом, где ребенок богов прижимался ухом к трубе, слушал их слова и записывал невидимыми чернилами на страницах как будто чистого блокнота».

Лорд-правитель знал, что его жена бесконечно интригует за его спиной. Он женился на ней, чтобы оппозиция была представлена в правительстве. Она была дочерью одной из благороднейших семей Линна; все взрослые мужчины этой семьи погибли, сражаясь на стороне Рахейнла. Двое из них были захвачены и казнены. Ей было девятнадцать лет, и она была замужем и имела сына, впоследствии лорда Тьюса, когда лорд-правитель организовал самый скандальный бракоразводный процесс и последующий вторичный брак в истории Линна. Лорда-правителя это не волновало. К тому времени он уже принял название города и государства как фамилию для своей семьи. Следующим же шагом нужно было залечить рану, нанесенную гражданской войной. Этим шагом была женитьба на Лидии, и шаг этот оказался мудрым.

Она служила клапаном для всех сжатых сил оппозиции. По ее действиям он узнавал о намерениях оппозиции. И шел ей навстречу, насколько это было возможно. Будто бы следуя советам жены, он привлек на свою сторону сотни способных администраторов, солдат и патронов, которые помогали ему управлять все возрастающим населением Земли и ее колоний. В последующие годы все больше и больше оппозиционных членов Патроната поддерживали его законы. Они смеялись над его привычкой читать главные речи. Они высмеивали его лю-

бимые присказки: «Быстрее, чем сварить спаржу», «Слова изменяют мне, джентльмены», «Будем довольны синицей в руках». И другие. Но снова и снова они поддерживали его в интересах империи. И когда его агенты докладывали о готовящихся заговорах, дальнейшее расследование показывало, что в этих заговорах не участвовало, что в этих заговорах не участвует ни один влиятельный человек.

Не раз винил он Лидию за ее разнообразные дела. Она не могла не быть в оппозиции, как и он не мог, еще будучи юношей, не быть втянутым в водоворот политических амбиций своей группы. Ее убили бы сами оппозиционеры, если бы она показалась им «нейтральной».

Нет, он не винил ее за ее действия в прошлом. Но этот случай был особым. Огромные армии уничтожались, чтобы качества лорда Крега как полководца, проигрывали по сравнению с лордом Тьюсом. Тут действовали личные интересы, и лорд-правитель понял, что перед ним главный кризис. Самое главное спасти Крега. Но при этом не встревожить Лидию и всех остальных. Несомненно у них есть возможность просматривать его личную переписку с Крегом. Посмеет ли он остановить их? Поступить так было бы неразумно.

Все должно казаться нормальным и разумным, или в испуге они могут предпринять попытку убить лорда Крега. Пока армия лорда Крега держится, группа не будет делать решительных шагов.

Сумка с почтой для лорда Крега должна попасть в их руки, как и в предыдущих случаях. Если письмо будет вскрыто, вероятно, будет попытка убить Клэйна... Следовательно, что?

Лорд-правитель разместил стражников во всех местах свиданий, окружив ими также основания орлиного гнезда. Он вывесил такой приказ, чтобы оправдать появления стражников:

«Мне надоело наталкиваться на бесстыдно целующуюся пару раз за разом. Это не просто плохой вкус. Это настолько распространилось, что требуются решительные действия. Стражники будут сняты примерно через неделю. Я рассчитываю на здравый смысл всех, особенно женщин, и надеюсь, в будущем такие спектакли не повторятся.»

Неделя, чтобы защитить Клэйна до посвящения в храме.

Интересно было бы посмотреть, что станет делать этот мальчишка с металлом, но, конечно, его присутствие невозможно. В день посвящения лорд-правитель сказал Неллиану:

— Я думаю, он должен поездить по Земле. Без всякого заранее намеченного маршрута. И инкогнито. И пусть выедет завтра же.

С Клэйном все. Лорд-правитель посетил также лагерь солдат за пределами города. Для солдат это был прекрасный день. Правитель раздал миллион сестерций. Были организованы бега, состязания в скорости и других видах спорта, и победители получили награды; и даже побежденные, которые честно боролись, получили значительные суммы.

Очень хороший день. Уезжая, лорд-правитель до самых городских ворот слышал приветственные крики. Потребуется несколько недель, если не месяцев, чтобы вызвать у этих солдат недовольство.

Приняв все возможные меры предосторожности, лорд-правитель отправил почту и стал ждать результатов.

Группа Лидии действовала быстро. Рыцарь опустошил почтовую сумку. Рыцарь и патрон просмотрели каждое письмо, разложив их в две стопки. Одна из стопок была снова помещена в сумку. Вторую просматривал лорд Тьюз. Отобрав несколько писем, он отдал их матери.

Лидия просматривала их одно за другим и протягивала те, которые нужно было распечатать одному из рабов, искусных в обращении с химикалиями. Именно эти рабы распечатывали письма.

Седьмым из отобранных было письмо Клэйна. Лидия взглянула на надпись на конверте, увидела имя адресата, и губ ее коснулась легкая улыбка.

— Скажите мне, — проговорила она, — может быть, я ошибаюсь, но разве в армии карлики, мутанты и другие уроды не считаются дурным предзнаменованием?

— Именно так, — ответил один из рыцарей. — Увидеть одного из таких накануне битвы значит проиграть ее. Иметь дело с одним из них значит потерпеть неудачу.

Леди-предводительница улыбнулась.

— Мой благородный муж не интересуется такими феноменами. Нужно проследить, чтобы армии стало известно, что лорд Крег получил послание от своего сына-мутанта.

Она бросила письмо в сумку.

— Я уже читала его.

Три четверти часа спустя курьер был уже на пути к кораблю.

— Ничего важного, — сказала Лидия сыну. — Твой отчим, по-видимому, занимается только сохранением морали во дворце.

Лорд Тьюз задумчиво сказал:

— Хотел бы я знать, зачем ему понадобилось подкупать охранный легион.

Еще более удивили заговорщиков события следующего дня, когда лорд-правитель объявил заседание обеих палат Патроната. Как только об этом было объявлено, леди Лидия отправилась к мужу с расспросами. Но великий человек покачал головой, улыбнулся и сказал без явной хитрости:

— Моя дорогая, это будет приятным сюрпризом для всех. Ты должна позволить мне такие простые удовольствия.

Заседание должно было состояться через несколько дней. К этому времени шпионы Лидии ничего не смогли выяснить. И она, и лорд Тьюз встретились с отдельными лидерами Патроната в надежде, что у тех может быть «щепотка информации». Но поскольку ее саму искусно расспрашивали, Лидии стало ясно, что они были в таком же неведении, как и она. И вот впервые за много лет она сидела в своей ложе в Патронате, не зная, что за повестка заседания намечена.

Решающий момент наступил. Она видела, как ее муж прошел по проходу и поднялся на помост. В раздражении она схватила лорда Тьюза и прошептала:

— Что у него на уме? Вся эта история становится фантастической.

Тьюз ничего не ответил.

— Лорд-правитель начал с предписанного обычаем обращения:

— Благородные члены моей семьи, мудрые и щедрые лидеры Патроната, благородные патроны и их достойные семьи, рыцари империи и их леди, почетные члены, представители доброго народа империи Линна, я с радостью объявляю вам о своем решении и не сомневаюсь в вашей единодушной поддержке...

Аудитория затихла. Лидия закрыла глаза. Слова ее мужа означали, что не будет споров, не будет обсуждения. Патронат формально ратифицирует решение, но на самом деле оно станет законом, как только правитель произнесет свои слова.

Тьюз склонился к матери:

— Обрати внимание он же читает свою речь.

Лидия не заметила этого. «А следовало бы», — подумала она. Ее шпионы среди домашней прислуги сообщили, что не нашли ни клочка бумаги, никакого черновика в частных владениях правителя и в его кабинете.

На помосте Линн продолжал:

— Нелегко человеку, ведущему, подобно мне, активную жизнь, осознать, что годы проходят. Но не может быть сомнений, что я старею, что физически я не так крепок сегодня, как было лет десять назад. Пришло время подумать о наследнике, причем я имею в виду не только преемника, но соправителя. Он будет соправителем, пока я остаюсь правителем, и станет единоличным правителем после моей смерти или отставки. Размышляя об этом, я сообщаю вам с радостью, что возлагаю эту важную должность на моего возлюбленного сына, лорда Крега, чье долгое и честное служение империи в последние годы было подкреплено значительными военными достижениями.

Один за другим перечислил он достижения лорда Крега в его предыдущей карьере. Затем:

— Его первым большим достижением в марсианской компании, так злополучно начатой, стало спасение армии из тяжелого положения, когда по случайному совпадению в момент высадки ей противостояла намного противостоящая вражеская армия, в результате чего могло произойти небывалое поражение линнской армии. Почти чудом удалось ему провести армию в тайное место, где она могла защищаться. А теперь мы уверены, что он

одержит победу, которую вырвал у него случай два года назад.

Он помолчал, и, пока Лидия слушала, открыв глаза и осознавая глубину своего поражения, твердо сказал:

— На своего сына, лорда Крега, я возлагаю совместное со мной управление Линнской империей и даю ему титул лорда-правителя. Этот титул не подчинен моему, как лорд Крег не подчинен мне, за исключением границ, связанных с подчинением сына отцу.

Лорд-правитель снова помолчал и улыбнулся странной бледной улыбкой на своем угрюмом лице, потом продолжал:

— Я знаю, что вы вместе со мной будете радоваться этому счастливому известию и быстро утвердите — я надеюсь, сегодня же — это назначение, так чтобы мой сын обладал всей полнотой власти накануне решающей битвы.

Он поклонился и сошел с помоста. Наступила тишина. Аудитории, казалось, потребовалось время, чтобы понять, что он кончил. Но когда начались аплодисменты, они звучали яростно до тех пор, пока он не покинул мраморный зал.

9

Лорд Крег читал письмо Клэйна с хмурой улыбкой. Он понял, что молитва была использована мальчиком, чтобы замаскировать более важное сообщение, и необходимость в такой уловке удивила его. Она придавала вес документу, с которым обычно такие планы не связываются.

Важной особенностью плана было то, что он требовал лишь незначительного изменения в расстановке войск. Целью плана была атака. Но добавлялся невероятный психологический фактор. В пользу плана говорил взрыв одиннадцати космических кораблей с водой. Со времени взрыва прошло два года, но феномен так и остался необъясненным.

Крег долго размышлял над тем местом письма, где утверждалось, что присутствие армии короля Винатгина в Ослии не было случайностью, оно было вызвано предательством. «Я просидел взаперти два года, — горько думал он, — сражаясь с превосходящими силами противника, потому что моя мачеха и ее толстяк-сын стремятся к неограниченной власти.»

Он видел себя мертвым, а лорда Тьюса — наследником лорда-правителя. Мысль эта показалась ему отвратительной. Он резко и решительно вызвал к себе храмового ученого, прикомандированного к армии, человека, известного своим знанием Марса.

— Как быстро движется в это время вода по каналу Ослин?

— Примерно пять миль в час, — был ответ.

Крег обдумал его. Примерно сто тридцать миль в марсианский день. Достаточно трети или даже меньше. Если посвященный металл бросить примерно в двадцати милях к северу от города, эффект будет достигнут как раз в момент давно планируемого наступления. «Никакого вреда не принесет такое изменение плана», — успокаивал он себя.

Армия все еще готовилась к наступлению, когда с Земли пришла новость, что Крег назначен лордом-соправителем. Новый правитель линнской империи сообщил об этом в скромном коммюнике и тут же удивился результату. Куда бы он ни шел, солдаты встречали его приветственными криками. Служба безопасности уже доносила ему, что войско ценило то хладнокровное мастерство, с какой он вывел армию из западни в момент первой высадки. Но теперь он чувствовал себя объектом личного преклонения.

В прошлом он изредка встречал офицеров, вызывавших у подчиненных дружеские чувства. Впервые он сам стал его объектом. И сразу оказались оправданными годы тяжелой полевой жизни, напряженная работа среди множества измен. Как друг и старший товарищ, как главнокомандующий и собрат по оружию, лорд-соправитель Крег Линн в день наступления обратился к своим людям со специальным посланием.

«Солдаты Линна! День и час победы близок. У нас достаточно сил и вооружения для достижения любой цели. В эти мгновения перед решающей битвой вспомним еще раз, что цель победы — объединенная Солнечная система, один народ и одна вселенная. Наша цель — немедленный и полный успех. Но помните: победа — всегда успех несгибаемой целеустремленности, соединенной с искусством бойцов. Поэтому прошу вас: ради вашей жизни и нашей победы стойте на месте прочно и, когда можете, идите вперед. Как солдаты, мы посвятили себя с самыми чистыми и правдивыми намерениями атомным богам и победе. Каждому из вас желаю успеха.

Крег Линн, лорд-соправитель».

Исход второй битвы при Ослине никогда и не вызывал сомнения. В утро битвы жители города, проснувшись, обнаружили, что канал шириной в милю и все мелкие каналы заполнены кипятком. Пар густыми облаками поднимался над городом. Он скрывал космические корабли, спускавшиеся прямо на улицы. Он скрывал солдат, выгружавшихся из кораблей. К середине утра солдаты короля Винатгина начали сдаваться в таких количествах, что королевская семья не могла бежать. Монарх, плача от стыда, попросил защиты у линнского офицера, который

под охраной отвел его к лорду-соправителю. И побежденный король упал к ногам Крега и затем, помилованный, но закованный в цепи, стоял как пленник на холме рядом с победителем и смотрел на крушение военной мощи Марса.

Через неделю сдались все крепости, кроме одной, в далеких горах, и Марс был завоеван. В разгар триумфа в сумерках одного дня отравленная стрела вылетела из тени здания в Ослине и пронзила горло лорда Крега. Он умер через час в страшных мучениях, а убийца так и не был найден. И когда три месяца спустя известие о его смерти достигло Линна, обе стороны действовали быстро. Лидия приказала убить двух рабов, знатоков химии, и курьера через несколько часов после известия о победе Крега. Теперь же она послала убийц к двум рыцарям и патрону, помогавшим ей вскрывать письма. Одновременно она велела Тьюсу покинуть город.

Когда солдаты старого лорда-правителя явились, чтобы арестовать Тьюса, предупрежденный, он уже находился на борту своего корабля. И его бегство вызвало первый приступ ярости у правителя. Он решил отменить свой визит к Лидии. Медленно тянулся первый день, и в нем постепенно крепло мрачное восхищение женой: он понял, что теперь, после смерти Крега, не может разорвать с ней отношения. Он решил, что не она организовала убийство Крега. Какой-нибудь испуганный приверженец, боясь за себя, действовал на свой страх и риск; а Лидия, прекрасно понимая ситуацию, лишь постаралась смягчить ее. Для империи разрыв с ней мог оказаться роковым. Когда она со свитой явилась, чтобы выразить ему соболезнования, он уже принял решение. Лорд-правитель со слезами на глазах взял ее за руку.

— Лидия, — сказал он, — для меня это ужасный момент. Что ты предлагаешь?

Она предложила объединить государственные похороны и триумф. Она добавила:

— К несчастью, Тьюс болен и не может присутствовать. Похоже,что болезнь удержит его надолго.

Лорд-правитель понял, что она смиряет свои честолюбивые устремления относительно Тьюса, по крайней ме-

ре, на время. Это была большая уступка, и необходимая, в связи с его решением замять все дело.

Он наклонился и поцеловал ее руку. На похоронах они рядом шли за гробом. И поскольку мозг его мучился сомнениями относительно будущего, он продолжал спрашивать, что теперь? Это была агония нерешительности, сознание ограниченных возможностей стареющего человека.

Он все еще рассуждал в уме об этом, когда взгляд его коснулся мальчика в траурном одеянии ученого. Клейн.

Лорд-правитель шел за сверкающим гробом, в котором лежал его сын, и впервые за последнее время боль его слегка отступила, и он задумался. Как будто особенно надеяться на мутанта нельзя. И все же он вспомнил слова Джоквина о том, что мальчику нужно дать возможность вырасти. «И тогда он себя покажет», — говорил покойный ученый. Он предсказывал, что Клейн займет свою нишу в линнском «зале славы».

Медрон Линн угрюмо улыбнулся. Обучение мальчика должно продолжаться. Нужно распорядиться об эмоциональной добавке.

Хоть Клейн едва достиг половой зрелости, вероятно, пора ему узнать, что женщины представляют собой клубок эмоций, опасный, но восхитительный. Опыт общения с женщинами поможет ему достичь физического и душевного равновесия, иначе его существование станет односторонним.

10

Семья Даглет, позже переименованная в Линн, — говорил ему Неллиан, — вступила в банковское дело около пятидесяти лет назад.

Стоял теплый летний день несколько недель спустя после похорон лорда Крега. И учитель, и ученик сидели под большой смоковницей во дворе имения, унаследованного Клейном от Джоквина. Четырнадцатилетний мальчик, не отвечая, приподнялся со своего сидения. Он смотрел на

дорогу, которая вела в Линн. На горизонте виднелось облачко пыли, один раз солнце блеснуло на металле. Возможно, повернулось колесо, но это было еще слишком далеко, чтобы разглядеть подробности.

Клейн понял это и сел, а слова его были ответом Неллиану:

— Разве не правда, что основатель семьи сидел на углу улицы и давал проходящим деньги в обмен на заклад — драгоценности, кольца?

— Я считаю, что ваш предок, — ответил старый ученый, — был проницательным ростовщиком и знал толк в благородных металлах. И постепенно он завел свое дело.

Мальчик хихикнул.

— Однокомнатное деревянное сооружение, очень плохо защищенное от дождя и холода.

— И все же это был собственный дом, — сказал учитель, — с которым связано представление об определенном достатке. История говорит, что позже, когда он смог покупать рабов, он построил себе несколько домов разнообразных по размерам и в каждом проводил по одному дню, переодеваясь соответственно. Так он в разные дни недели встречался с разными слоями населения. В один раз он, сидя на скамье, ссужал деньги работнику, в другой день имел дело с рыцарской семьей, которая закладывала свои замки, чтобы продолжать вести жизнь, которую им не позволяли средства. Ваш предок понял неразумность такой ложной гордости и с объективностью использовал ее в своих целях. Вскоре он владел большим количеством домов и имений и имел врагов, которые неразумно закладывали свою собственность, чтобы на месяц-два оттянуть выплату долгов. — Неллиан помолчал и вопросительно взглянул на ученика. Потом сказал: — Выражение вашего лица свидетельствует, что вы задумались над моими словами, молодой человек.

Клейн молчал, слегка покачивая головой.

— Я думаю о гордости, которая послужила причиной падения многих семей и империй. — Он вспомнил свою склонность к оцепенению в присутствии некоторых людей. Может, так он выражал свою гордость?

Он объяснил это Неллиану.

— Как я понимаю, я сохраняю тем самым самоуважение, как будто мной овладело что-то внутри меня. При таких обстоятельствах я могу жалеть себя, но не стыдиться.

Он покачал головой, потом вспомнил и посмотрел на холмы, где в облаке пыли постоянно блестел металл. Но разобрать все еще ничего было нельзя, и Клейн сказал:

— Я думаю, что раньше со мной это случалось так часто, что теперь я с собой не справлюсь.

— Но вы с каждым разом все лучше владеете собой, — быстро сказал Неллиан.

— Это верно, — мальчик кивнул и оживился. — Я как солдат, который с каждой битвой все больше становится ветераном. — Он нахмурился. — К несчастью, есть войны в которых я не участвовал.

Неллиан улыбнулся.

— Вы должны продолжать преодолевать ограниченные препятствия, как вы давно решили с Джоквином. И — все об этом свидетельствует — такова же политика вашего деда.

Клейн взглянул на него сузившимися глазами.

— Почему мой дед стал этим заниматься только с недавнего времени?

Длинное морщинистое лицо учителя насмешливо улыбнулось.

— Это вполне закономерно.

— Закономерно?

— Ваш статус после провозглашения вашего отца лордом-соправителем соответственно изменился.

— Ах это! — Клейн пожал плечами. — Но это не имеет практического значения. Как мутант, я в своей семье подобен горбуну, которого терпят лишь из-за кровного родства. Когда я вырасту, то смогу интриговать за сценой... В лучшем случае выполнять роль посредника между храмами и правительством. Мое будущее стереотипно и стерильно.

— Тем не менее, — возразил Неллиан, — у вас, как у одного из трех сыновей лорда-соправителя Крега Линна, имеются законные права в правительстве, и вам придется ими воспользоваться, хотите вы этого или нет. — Он сварливо закончил: — Позвольте сказать вам, что вы

пренебрегаете своими правами. Мы с Джоквином зря тратили на вас время. В беспокойной Линнской империи вы либо будете жить в соответствии со своим рангом, либо погибнете от руки убийцы.

Мальчик холодно сказал:

— Старик, продолжайте урок истории.

Неллиан улыбнулся.

— В другой манере, но ваши перспективы напоминают перспективы вашего предка. Вы презренный мутант. Он презренный ростовщик. Перед ним стояли не меньшие, если не большие препятствия, чем перед вами. И все же, мой мальчик, мы говорим о человеке, который основал семью Линн. Когда вы заглядываете вперед, вы видите только трудности. Оглядываясь назад на его карьеру, мы видим, как просто все было для храброго человека, действовавшего среди неразумных людей. Благородные семьи, занимавшие у него деньги, лишь старались как можно дольше сохранить видимость. И, конечно, когда истекал срок, они винили не себя, а молодого Гована Даглета. Но тот лишь нанимал добавочных телохранителей и отнимал у должников имущество. К тридцати годам он был уже настолько богат, что смог взглянуть на почти разоренные семьи патронов в поисках невесты. Его предложение потрясло патронов до глубины их аристократических душ. Но патрон Сеппер был человек, считавшийся с реальностью. Чтобы спасти себя от гибели, он организовал брак своей прекрасной дочери Пиикарды Сеппер с презренным ростовщиком. И она делила с ним постель, и рожала ему детей, хотя всю жизнь не любила их. Она называла их, включая вашего прапрадеда, «рабьим отродьем».

Тонкое лицо мальчика исказила циничная усмешка.

— Если она была так настроена, думаю, что дети были не его. Вспомните, Неллиан, в своем убежище во дворце я годами был свидетелем любовных свиданий самых известных придворных дам. Внешне все они респектабельны, все замужем, но переходят от одной связи к другой. Не раз я слышал признание, что ребенок, которого носит дама, совсем не от ее мужа. Конечно, неважно, являемся ли мы, Линны, прямыми потомками Гована Даглета. Мы унаследовали его деньги, а связи Сеппера дали благородство... Но... — он пожал плечами.

— Гован знал аристократок и их мораль. Он все время следил за женой; будучи страстной женщиной, она вскоре поняла, что единственным источником мужской ласки для нее является муж. История утверждает, что он был счастливым и довольным мужем.

Ученый встал.

— Молодой человек, я думаю, — сказал он, — пора прекратить урок. Через несколько минут здесь будет ваш дед, лорд-правитель.

— Мой дед! — Клейн, дрожа вскочил. Мгновенно самообладание покинуло его. Крайним напряжением овладев собой, он спросил: — А чего он хочет?

— Он везет с собой несколько недавно захваченных на Марсе девушек. Они будут вашими любовницами. Мне сказали, что девушки очень хорошенькие.

Он замолчал. Клейн его не слышал.

Для Клейна слова Неллиана превратились в бессмысленные звуки, а потом...

Чернота!

Позже, может быть, в тот же вечер, он осознал себя. Он лежал на полу в своей спальне. Из постели на него смотрела испуганная девушка. Она истерически говорила:

— Не хочу. Убейте меня, но он ненормальный. Я не хочу!

Откуда-то, вне поля зрения Клейна, донесся холодный голос лорда-правителя.

— Выпорите ее. Четыре хлыста. Но не калечьте.

Когда в следующий раз Клейн пришел в себя, девушка склонилась над ним:

— Бедный! Тебе так же плохо, как мне... Иди в постель. Придется пройти через это.

Жалость в ее голосе снова вызвала его беспамятство. Жалости он не выносил.

Он чувствовал, что проходило время. У него было несколько любовных видений, которые казались ему нереальными. В этих видениях он был яростным и ненасытным, а девушка робкой и нежной.

Потом другие видения. Появилась другая девушка. Он слышал слова Неллиана.

— Поразительно! Я не знал, что у мужского тела такие огромные возможности для любви.

Но все это было как сон. Он узнал, что первую девушку зовут Селк. Имя второй он так и не узнал, не узнал имен других, да и не был уверен, что они были.

Потому что вскоре ему нужна была только Селк. В этот момент он достиг наибольшей остроты сознания. Его поучал дед, одну из фраз он запомнил навсегда. «Мой мальчик, если ты настаиваешь, чтобы была одна, тогда тебе уже придется приспособиться к ее возможностям.»

Клэйн смутно помнил, что согласился с лордом-правителем. Он приспособился.

Он полностью пришел в себя за обедом. Клэйн остановился, поднеся ложку ко рту, что-то в нем привлекло внимание ученого.

— Что, Клэйн?

Мальчик кивнул.

— Я хотел бы продолжить разговор, начатый в тот день, — сказал он, — о моем предке Говане. Что было с его детьми?

Неллиан облегченно вздохнул и мысленно продиктовал письмо лорду-правителю: «Ваше превосходительство, — молча сочинял он. — Через год и восемь месяцев лорд Клэйн полностью оправился от эмоционального шока, вызванного знакомством с женщиной. Мозг, действительно, — странный инструмент».

Вслух он сказал:

— Ваш прапрадед Гован Даглет был банкиром и патроном. У него были отделения во всех главных городах...

Историю семьи Даглет-Линн изучал другой, более взрослый учащийся. Семь лет после убийства Крега лорд Тьюс прожил в Аваях на Норе.

У него было небольшое имение на главном острове архипелага, и после случившегося мать посоветовала избрать именно его для жительства, а не большие поместья на материке. Умный, осторожный человек Тьюс сознавал ценность совета. Если он хочет оставаться живым, его удел — власяница и пепел.

Вначале это был сознательный обман. В Линне Лидия напрягала мозг в поисках объяснения и в конце концов заявила, что ее сын устал от политики и удалился, чтобы на покое предаться размышлениям. Долгое время ее вздохи были убедительными, она так описывала чувства, как

будто сама стремилась избавиться от обязанностей своего положения. И ей верили.

Патроны, губернаторы и послы на пути из Линна чéрез океан останавливались, чтобы отдать дань уважения сыну Лидии. И постепенно они начали сознавать, что он в немилости.

Напряженное молчание лорда-правителя при упоминании имени Тьюса вскоре стало известно всем администраторам и политикам. После этого все стали умными. Вспомнили, как торопливо удалился из Линна Тьюс, когда было получено сообщение о гибели лорда Крега, сына лорда-правителя. В то время его отъезд был едва замечен. Теперь об этом вспомнили и сделали выводы. Большие корабли, несущие чиновников, перестали останавливаться на острове.

Изоляция глубоко повлияла на Тьюса. Он стал наблюдателен. Впервые заметил он, что островитяне выходят в океан. В воду, которая с легендарных времен была отравлена атомными богами. Значит, вода больше не смертоносна? Он отметил это для будущих исследований и впервые заинтересовался тем, что жители острова называют океан Тех. Жители континентов передвинулись подальше от берегов и забыли древнее название.

Он размышлял о возрасте цивилизации, которая претерпела такую ужасную катастрофу, что забыты даже названия океанов. Сколько? Он мог предполагать: тысячи лет.

Однажды он написал матери: «Ты знаешь, раньше это меня не интересовало. Но теперь я впервые задумался о происхождении нашей культуры. Возможно, вместо того, чтобы заниматься бесконечными интригами, мы должны были поинтересоваться своим прошлым и выяснить, какие смертоносные силы высвободились давным-давно на этой планете. Меня беспокоит вот что: те, кто действовал против Земли, готовы были буквально уничтожить планету. Такая безжалостность для меня неожиданна, и хотя это все отвлеченные рассуждения, я с некоторым беспокойством смотрю в будущее... Возможно ли, чтобы борьба за власть между группами достигла такого размаха, что весь мир содрогнется от безумия этой борьбы? Я предполагаю внимательнее всмотреться в эти проблемы, чтобы выработать здравую философию власти.»

В другом письме он заявлял: «Мне всегда досаждала примитивность нашего оружия. Я склонен верить сказкам о существовании в древности различных типов огнестрельного оружия. Как ты знаешь, в нашей культуре имеется очень странный парадокс. Мы владеем машинами, которые так тщательно сконструированы, что могут быть герметично закрыты для путешествий в безвоздушном пространстве. Знание металлов, которое делает это возможным, унаследовано Линном, но его истинное происхождение неизвестно. С другой стороны, наше оружие — луки, копья, стрелы. Я думаю, в прошлом это примитивное оружие было заменено другим, совершенно новым оружием, которое, в свою очередь, сменилось еще более новым. Это означает, что промежуточные виды вооружения просто исчезли из нашей культуры, тайны их производства забылись. Эти сложные устройства трудно было производить (я все еще рассуждаю), и поэтому умение передавалось от отца к сыну, как произошло и со знаниями в металлургии. Мы знаем, что и во времена варварства храмы были хранилищами производственных знаний. Мы знаем также, что с древних времен храмы противятся войнам. Возможно, в них сознательно была уничтожена информация, касающаяся оружия».

Среди прочего Тьюс тщательно изучал происхождение семьи Линн. Как и Клэйн, изучавший ту же историю, Тьюс отметил, что Косан Даглет, сын основателя династии, был изгнан из Линна врагами семьи. Изгнанный формально, со всей собственностью, конфискованной патронатом, он переселился на Марс, и там с помощью отделения своего банка сумел возобновить дело и на Земле. Как и многие проницательные люди до него, он предвидел изгнание; когда захватили его дома, там нашли удивительно мало сокровищ.

Враги Косана были вынуждены повысить налоги. Эти налоги оказались столь обременительны, что деловые люди все сильнее хотели возвращения Косана Даглета. Это желание, отметил Тьюс, мудро стимулировалось с Марса самим Косаном. В нужный момент представители народа формально пригласили Косана вернуться из изгнания, подавили попытку части благородных семей силой захватить власть и провозгласили Косана лордом — правителем.

В течение тридцати лет Косан был фактическим правителем Линна. Тьюс вспомнил, как однажды посетил дом, где жил Косан Даглет. Теперь это было торговое здание, но у входа висела медная доска с надписью: «Прохожий. Когда-то это был дом Косана Даглета. В нем жил не только великий Человек, но само знание обитало в этом доме.»

Погоня за знаниями и банковское дело — таковы были краеугольные камни власти Даглетов. Так решил лорд Тьюс. В ключевые моменты банковские интересы семьи были такой притягательной силой, что подавляли всякое сопротивление. И во все годы их роста страсть к собиранию произведений искусства и связь с учеными приносила им уважение и восхищение, что помогало уменьшить влияние случайных ошибок.

В течение долгих месяцев изучения и одиночества, последовавших за изгнанием, Тьюс много думал об этом и постепенно стал критически оценивать свою жизнь в Линне. Он начал видеть ее безумие и бесконечную ложь. Он со все большим удивлением читал письма матери. Это был рассказ о постоянных интригах, заговорах и убийствах, написанный простым кодом, эффективным, поскольку был основан на значениях слов, известных только его матери и ему самому.

Удивление перешло в отвращение, а отвращение вызвало понимание величия семьи Даглет-Линн перед ее противниками. «Нужно было что-то делать с этой бандой невежественных воров и рвущихся к власти негодяев, — решил Тьюс. — Мой отчим, лорд-правитель, предпринял именно те действия, которых требовало время».

Его озарило. Такой подход больше не является правильным. Для объединения вселенной больше не нужно сосредотачивать власть в руках одного человека или одной семьи. Старая Республика, конечно, уже невозможна, ее губили бесконечные раздоры. Но теперь, после десятилетий всеобщего, но разделенного на партии патриотизма под руководством лорда-правителя, можно восстановить республику, и, весьма вероятно, она уцелеет, если не будет заниматься интригами.

Особую опасность представляла леди Лидия, жена Медрона Линна.

Лорд-правитель снова остановился, лицо его стало задумчивым.

— У нас странная семья, — сказал он. — Сначала ростовщик, потом проницательный Косан Даглет, который сумел стать единолично лордом-правителем. Можно опустить Парили старшего: его слабость позволила вырасти оппозиционным силам. Но кризис наступил в большой битве за контроль над храмами во времена Парили Даглета и его брата Лорана. Их не любили, потому что они действовали деспотически и потому, что они заметили то, что почти никто тогда не заметил, — растущую власть храмов. Жрец, политик, действуя через легко поддающуюся воздействию храмовую конгрегацию, все более и более влиял на государство, и почти всегда его влияние было нереалистичным и узколобым, направленным только на усиление храмов. Парили и Лоран совершенно сознательно — я в этом не сомневаюсь — вели затяжные войны, главной целью которых было удержать большие массы людей подальше от храмов и одновременно придать им солдатскую философию, противостоящую власти храмов. Группа, позже связавшая себя с Рахейнлом, в это время пользовалась поддержкой, открытой и тайной, храмовых ученых, и следует отдать должное Лорану, моему отцу, и его брату: они сумели удержать власть и влияние, хотя все их ненавидели, и против них непрерывно действовали храмы. Вспомним: они были изгнаны в пятнадцать лет и вернулись уже в тридцатилетнем возрасте. Во время этих пятнадцати лет в Линне действовал закон, по которому смертной казни подлежал каждый, кто хотя бы предложит разрешить Даглетам возвращение в Линн. По этому обвинению были повешены и обезглавлены некоторые друзья нашей семьи.

Лорд-правитель угрюмо помолчал, как будто чувствовал боль за смерть давно изгнанных. Немного погодя он оторвался от своих раздумий и сказал:

— Парили и Лоран вернулись в Линн во главе армии шестьдесят лет назад. Они были решительными и жестокими правителями. Они отказывались хоть в чем-то полагаться на толпу, истерически приветствующую их возвращение, в атмосфере убийств и казней они удерживали свою власть безжалостным контролем. Парили был заме-

чательным полководцем, Лоран — выдающимся администратором, естественно, именно он вызвал гнев врагов семейства. Как сын Лорана я много раз наблюдал его методы. Они были жестоки, но необходимы, но все же неудивительно, что, несмотря на все предосторожности, он был убит. Дядя братьев удержал власть до возвращения с Венеры Парили с несколькими легионами. Парили быстро восстановил положение нашей семьи, став лордом-правителем. Одним из первых его действий была встреча со мной. Мне было тогда семнадцать лет, и я был единственным прямым наследником Даглетов. То, что сказал Парили, встревожило меня. Он предвидел свою смерть, так как сильно болел, а это означало, что я буду еще очень молод, когда наступит кризис.

И вот в семнадцать лет я стал лордом-правителем со всей полнотой власти. Мне было двадцать два, когда он умер, и через несколько месяцев начались ожидавшиеся восстания. Из-за дезертирства части армии они оказалось даже опаснее, чем мы думали. Потребовалось восемь лет гражданской войны, чтобы выйти из тупика.

Усталый стареющий правитель помолчал, а потом сказал:

— Если возможно, нужно предотвратить такую катастрофу, когда придет мое время. Поэтому необходимо использовать всех членов семьи. Даже Клейн должен сыграть большую роль.

Неллиан, который терпеливо сидел и ждал, когда же правитель скажет о цели вызова, спросил:

— Что же вы ему предназначили?

Лорд-правитель колебался, потом глубоко вздохнул и резко сказал:

— Мы не можем ждать, пока храмовые ученые завершат его образование. Со смерти Джоквина присутствие Клейна не вызывает энтузиазма — это следы старых восстаний и интриг. Спроси Клейна, готов ли он надеть мантию главного ученого и тем самым стать членом внутренней храмовой иерархии.

— В шестнадцать лет! — выдохнул Неллиан. И это все, что он мог сказать.

В сущности он не видел ничего плохого в предложении сделать шестнадцатилетнего юношу одним из руководи-

телей храмов. Представление о правах семьи укоренилось в нем не менее прочно, чем в лорде-правителе. Но как старый сторонник храмов, он чувствовал беспокойство от явного стремления использовать Клейна для подчинения храмов семье Линнов.

Он с тревогой подумал: «Если я правильно учил мальчика, он не будет полностью на стороне семьи, а будет самостоятельно использовать свое положение в храмовой иерархии». Тем не менее это была лишь возможность. Клейн по-своему высокомерен.

Вслух Неллиан наконец сказал:

— Ваше превосходительство, интеллектуально мальчик готов. Эмоционально... — и он покачал головой.

Лорд-правитель, присевший ненадолго, вскочил и остановился прямо перед учителем, глядя на него сверху вниз. Он сказал обдуманным тоном:

— Клянусь атомными богами, он должен пройти и через это. И передай ему, что я не позволю оставлять единственной любовницей эту девушку Селк. Нельзя допускать, чтобы он оставался влюбленным в одну женщину. Это не значит, что он должен отослать ее, просто должны быть и другие. Передай ему, что когда через десять дней он войдет в храм Джоквина, то войдет как главный ученый, и я хочу, чтобы он действовал соответственно.

Он отвернулся, показывая, что решение окончательное. Потом снова повернулся к учителю и добавил:

— Напоминаю тебе об опасности убийства. Посоветуй ему держаться в стороне от Лидии. Все. Можешь идти.

И он вышел из комнаты.

Через три месяца Неллиан вторично был приглашен в Капитолийский дворец; на этот раз лорд-правитель казался менее напряженным.

— Я кое-что слышал о мальчике, — сказал он. — Но предпочитаю прямую информацию. Что за лечебные методы, которые он пользует в своем главном храме?

Учитель нахмурился.

— Весьма предосудительная практика, — холодно сказал он. — Однако лорд Клейн заверил меня, что у него чисто исследовательские цели, поэтому я остаюсь наблюдателем.

Лорд-правитель, расхаживающий по комнате, остановился и взглянул на старого ученого. Он вспомнил, что Неллиан в прошлом республиканец и сохранил республиканские взгляды, поскольку приверженцы республики связали себя с пагубной храмовой практикой массового внушения, их неодобрение чего-либо нового было совершенно неприемлемо для лорда-правителя. Особенно верно это было в делах, связанных непосредственно с храмами.

Он уже хотел так и сказать, но передумал и спокойно спросил:

— Что же случилось и что ты не одобряешь?

Неллиан тепло ответил:

— Ваш внук давно интересовался храмовыми ритуалами и их воздействием на массы. В качестве эксперимента он поместил в храме Джоквина, который он, согласно вашей воле, теперь возглавляет, причудливо выглядящую машину, которую он извлек из древних раскопок. На машине множество циферблатов и движущихся частей, так что она вызывает суеверный страх. К моему удивлению, ваш внук заявил, что он будет лечить больных и раненых, но предварительно их должна зарегистрировать эта машина. Это просто значило, что больной должен просто сидеть и смотреть на циферблаты, очевидно, настраиваясь на их целительную реакцию. Я сам слышал, что лорд Клейн говорил одному больному, что с этого момента все его ощущения будут исходить из машины, и что он будет днем и ночью ощущать ее целительную силу.

Старый ученый помолчал.

— Ваше превосходительство, мне больно видеть, как ваш внук использует почтение людей к храму. Меня беспокоит такой цинизм.

Лорд-правитель бросил критическое замечание.

— И каков же результат? — спросил он. — Я не верю услышанным рассказам, слишком они благоприятны. Лечит ли машина больных и раненых?

— Конечно, нет. — Неллиан говорил нетерпеливо. — Но, ваше превосходительство, вы не поняли. Использование преклонения перед храмами для таких мирских целей явно... — он запнулся в поисках слов, —... кощунственно.

Медрон Линн с любопытством взглянул на него.

— Вы говорите, что Клейн неверно использует храмовые ритуалы внушения. А как, по-вашему, их можно использовать?

Неллиан был тверд.

— Только в духовных целях. Чтобы привести мужчин и женщин к большему почитанию богов. Использовать это в целях лечения... — Он содрогнулся, покачал головой и сказал решительно. — После нового года я не хочу иметь ничего общего с этим экспериментом.

Линн Линнский прогуливался у окна, пытаясь скрыть улыбку. Вот он остановился и спросил:

— Сам ли Клэйн исполняет ритуалы? Кажется, это слишком трудная задача для одного человека?

Учитель, неожиданно повеселев, покачал головой.

— Вначале он так и делал. Но вы, наверное, знаете, что он давно слыл чем-то вроде покровителя мутантов. Самых разумных из них он обучил ритуалам, связанных с машиной. Теперь они работают с машиной долгие часы, ваш же внук посещает храм лишь раз в неделю. Что хорошо в этой истории, так это изменившееся отношение к мутантам. Потребуется немало времени, чтобы изменения проникли в низшие классы, поскольку Линн полон циников. Но наблюдается постоянное движение к терпимости, правда пока еще очень медленное. Но должен существовать и другой способ изменить отношение к мутантам.

— Что ты предлагаешь? — мягко спросил у него лорд-правитель.

— У меня в данный момент ничего нет, — испытующе ответил Неллиан, — но я не сомневаюсь, что может быть найден метод, который не будет связан с таким святотатством.

Правитель задумчиво кивнул и сказал серьезным тоном:

— Я глубоко уважаю тебя, Неллиан, как ты знаешь. Но меня очень беспокоит проблема мутантов. Я хочу, чтоб ты с терпимостью отнесся к деятельности моего внука, а тем временем подумал бы о другом методе... Принятие мутантов населением... Не будем волноваться об отношении высших классов. — Он ровно закончил: —

Как только разработаешь альтернативный метод, приходи ко мне, и, если он окажется практичным, я полностью поддержу тебя.

Неллиан угрюмо кивнул.

— Очень хорошо, ваше превосходительство. Я не хочу казаться негибким. Всем известна моя терпимость, но это слишком для принципиального человека. Я разработаю такой метод и должным образом представлю его вам. Желаю вам всего наилучшего, сэр.

Медрон Линн окликнул его:

— Скажи Клэйну, чтобы он не попадался на глаза моей жене.

Учитель остановился в дверях, повернулся и серьезно ответил:

— Хорошо, ваше превосходительство.

Лорд-правитель сухо сказал:

— Что же касается лечащей машины, единственное мое сожаление, что я нелегко поддаюсь внушению, немного упрощенности мне бы сейчас не помешало.

Неллиан сказал:

— Почему бы вам не посетить храмы обычным порядком, сэр? Я уверен, что боги дают успокоение даже благороднейшим умам.

— В этом мы с тобой не согласимся, — последовал сардонический ответ. — Хорошо известно, что атомные боги интересуются только невежественными, простыми, верящими и, конечно, своими верными слугами, храмовыми учеными. До свидания.

Он повернулся и быстро вышел из комнаты.

11

Однажды, идя по улице Линна в сопровождении рабыни Селк — охранник незаметно шел в пятидесяти футах сзади, — Клэйн увидел молодого художника за работой. Клэйн остановился.

Художник улыбнулся зрителям и продолжал наносить быстрые искусные мазки на полотно. Картина представляла веселый водоворот красок, создающий впечатление городской улицы. Клэйн, чье художественное образование было исключительно религиозным, удивился.

— Сколько? — спросил он.

— Пятьсот сестерций.

Мутант заплатил половину и сказал:

— Когда картина будет окончена, принеси ее мне домой.

Он написал на карточке свое имя и адрес и протянул художнику. У того поднялись брови при виде подписи, но он ничего не сказал.

На следующий день он пришел в городской дом Клэйна в сопровождении темноволосой подвижной девушки и приземистого растрепанного молодого человека. Все они были очень приветливы, увлечены живописью и готовы были обсуждать, в какую раму нужно поместить картину. Клэйн, поддавшись неожиданному порыву, пригласил их остаться на обед.

В ожидании обеда он следил за девушкой. Она непрерывно двигалась, разнося выбранные в баре напитки и смешивая себе другие. Она отказалась от услуг рабов.

— Я не признаю рабство, — холодно сказала она в присутствии трех рабов. — Я считаю это отвратительным варварским обычаем.

Клэйн ничего на это не ответил. Он был знаком с доводами противников рабства, но не знал, насколько политически опасна эта тема. Поэтому он продолжал наблюдать за гостьей и заметил, что она внимательно осматривает дорогие занавеси и мебель. Приподняв конец

бесценного ковра и щупая его, она почувствовала на себе его взгляд. Подойдя к нему, она сказала:

— Я хочу спросить. Все равно это будет оставаться барьером между нами. Вы мутант, Линн?

Его охватил озноб. Но ее манеры были так привлекательны, что оцепенение длилось недолго. Он склонил голову и впервые вслух рассказал о своей беде:

— Атомные боги отметили меня узкой грудью, перекрученными руками и покатыми плечами.

— Вас это беспокоит? — спросила она. — Меня нет.

Прежде чем Клэйн смог ответить, объявили, что обед подан. Поскольку он полностью обслуживался рабами, Клэйн следил за реакцией девушки. Но если она и поняла парадокс, то ничем не проявила этого. Очевидно, высказав свое мнение, она не стала требовать невозможного.

Во время обеда выяснилось, что непричесанный молодой человек — композитор.

— Если хотите, — сказал он, — я сочиню музыку по этому случаю и посвящу ее вам?

Клэйн заинтересовался.

— Какие инструменты будут преобладать в вашем сочинении?

— Струнные.

— Сочините, — сказал Клэйн. — Я буду счастлив заплатить за это и велю, чтобы для нас сыграл лучший оркестр.

— Заплатить! — сказал молодой человек. Казалось, он рассердился.

Девушка быстро сказала:

— О, мы можем сами собрать оркестр, но будет прекрасно, если вы заплатите Медде. Он ничего не смыслит в деньгах. Его родители торговцы, и с тех пор как отец отрекся от него за то, что Медда стал музыкантом, он говорит, что деньги ничего не значат.

Медда нахмурился и повернулся к Клэйну.

— Ваше превосходительство, — сказал он, — у этой девушки прекрасный голос и великолепная фигура. Она чудесно играет на всех струнных инструментах. Но она так и не научилась не вмешиваться в чужие дела.

Девушка не обратила на это внимания. Она обратилась к Клэйну:

— Сколько вы заплатите за десятиминутное сочинение, приятное и мелодичное?

Клэйн улыбнулся.

— Пятьсот сестерций.

— Договорились, — сказала она. — Медда, у тебя на месяц есть еда.

Медда что-то побормотал, но не выглядел недовольным. Вскоре он согласился через неделю представить композицию.

Позже, когда они уходили, девушка чуть задержалась и сказала Клэйну:

— Я слышала, вы ведете очень ученый образ жизни и окружены стариками и рабами. Почему бы вам не встречаться чаще с молодыми художниками? Вы узнаете, что люди создают красоту и сегодня.

Клейн уже подумал об этом. Он не считал ошибкой свое прошлое, но вечер был для него приятным сюрпризом. И прежде чем он успел ответить, девушка снова заговорила, на этот раз негромко.

— В городе немало талантливых художников и очень талантливых и привлекательных девушек, включая меня. — Она улыбнулась и отступила на шаг, чтобы он смог взглянуть на нее.

Она была настолько новым типом личности и настолько привлекательна физически, что Клэйн был потрясен. Наконец он с усилием сказал:

— Вы очень привлекательны.

Она с удовольствием улыбнулась и сказала:

— Я уверена, что девушки с удовольствием включат вас в нашу группу. Но у нас есть правило, ваше превосходительство, и мы ни для кого его не нарушаем. Пока вы дружите с нами, у вас не должно быть рабынь.До свидания.

Она повернулась и легко вышла из комнаты к ожидавшим ее товарищам.

Клэйн, оставшись один, думал о своих посетителях. Он догадался, что встретился с представителями безденежной аристократической колонии и предположил, что человек, платящий по пятьсот сестерций, будет с радостью принят в их ряды.

Может ли он позволить себе это? Теоретически, как главный ученый, предполагается, что он живет в аскетическом воздержании.

Но как мутант Линн, чья главная задача приобрести контроль над собственным поведением, он вполне может стать покровителем искусств. И он улыбнулся несовместимости понятий.

Клэйн тщательно и осторожно избегал встреч с Лидией. Когда она находилась в Линне, Клейн целые месяцы проводил в своих имениях, чтобы не рисковать встречей с женой лорда-правителя. Только когда она уезжала в один из отдаленных дворцов, он возвращался в свой городской дом.

Сохраняя такую дистанцию, он беспристрастно оценивал опасность для себя. Он знал, чего от нее ожидать и действовал соответственно.

Он продолжал учиться. Ресурсы храмов и библиотеки Джоквина истощились. Знаменитые ученые, которых одного за другим приглашали к нему, один за другим отдавали свои мысли и знания. Среди многих других интересных сведений он узнал, что величайшем хранилищем знаний в империи является библиотека его деда в Капитолийском дворце.

Здесь, сказали ему, хранится много недоступных древних книг, которые агенты Даглетов и Линнов собирали сотни лет по всей Солнечной системе. Некоторые из этих книг никогда не были прочитаны за последние поколения. Происходило это потому, что лорд-правитель сохранял их для себя, надеясь когда-нибудь пополнить свое образование. Но, как и следовало ожидать, у такого занятого человека это время никак не наступало.

Клэйн подождал, пока Лидия выехала из города на отдых. Потом вернулся в Линн и попросил разрешения лорда-правителя на чтение редких книг. Великий человек, который давно уже перестал интересоваться книгами, дал разрешение, и Клэйн в сопровождении трех секретарей-рабов (двух мужчин и одной женщины) ежедневно в течение нескольких недель приходил в дворцовую библиотеку и читал о прошлом. Книги были написаны после

Золотого века, но прежде, чем многие подробности забылись или были объявлены бессмысленным вымыслом.

Книги добавили немногое к тому, что он уже знал, но их авторы передавали слухи, которые через отца к сыну прошли через многие поколения от самых туманных дней. И они указывали направление. Они прибавили ему самоуверенности, что он на правильном пути и впереди еще более ценные открытия.

Однажды он увлеченно читал, когда краем глаза заметил входящую в библиотеку свою неродную бабушку. Он не знал, что она в городе.

Для леди Лидии встреча была такой же неожиданностью, как и для Клейна. Она почти забыла о его существовании, а вернулась в Линн, потому что получила сообщение о болезни лорда-правителя. Получив сообщение, она поняла, что больше нельзя тратить время. Нужно добиться возвращения Тьюса из изгнания.

Она увидела Клэйна в благоприятной для его внешности условиях. Он был скромно одет в одежду храмового ученого. Этот костюм очень хорошо скрывал его физические недостатки.

Складки костюма искусно скрывали изуродованные руки. Ладони казались продолжением нормального тела здорового юноши. И плащ был перевязан на шее узкой красивой лентой, скрывая плечи и грудь. Над воротником возвышалась прекрасная юная голова Клэйна.

Такая голова заставляла любую женщину взглянуть вторично, красивая, благородная и с изумительно чистой кожей. Лидия, никогда не видевшая внука своего мужа, разве только на расстоянии — Клэйн заботился об этом — почувствовала страх в сердце.

«Клянусь Ураном, — подумала она, — еще один великий человек. Как будто мне мало забот вытягивать Тьюса из изгнания».

Пожалуй, было бы чрезмерной тратой сил заботиться о гибели мутанта. Но если она хочет, чтобы Тьюс унаследовал империю, нужно присматривать за всяким прямым наследником. И вот она добавила этого нового родственника к списку наиболее опасных родных больного лорда-правителя.

Она видела, что Клэйн смотрит на нее. Лицо его изменилось, и она вспомнила то, что слышала о нем. Его легко вывести из себя эмоционально. Эта перспектива заинтересовала ее. Она с тонкой улыбкой пошла к нему.

Он дважды пытался уйти и не смог. И все краски сбежали с его щек. Лицо его еще больше исказилось, исчезли последние следы красоты. Губы его шевельнулись, но только нечленораздельные звуки донеслись до нее.

Лидия заметила, что стоявшая рядом рабыня почти также встревожена, как и ее хозяин. Девушка умоляюще смотрела на Лидию и наконец сказала:

— Можно мне говорить, ваше превосходительство?

Это шокировало Лидию. Рабы говорят только тогда, когда к ним обращаются. Это не просто порядок, устанавливаемый отдельными владельцами, — это закон государства, и всякий, кто сообщит о таком проступке, получит половину штрафа, налагаемого в таком случае на владельца. Леди Лидию поразило, что именно она стала предметом такого унижения. Она была настолько ошеломлена, что девушка сумела выговорить:

— Вы должны простить его. У него бывают приступы нервного паралича, когда он не может ни двигаться, ни говорить. Неожиданное появление его благородной бабушки...

И тут к Лидии вернулась речь. Она выпалила:

— Плохо, что у рабов нет подобного паралича. Как ты смеешь обращаться ко мне?

Но тут же спохватилась. Не так часто позволяла она выходить из себя. Девушка отшатнулось, как будто ее ударили. Лидия теперь с любопытством смотрела на нее. Может быть только одно объяснение, почему рабыня так смело говорит в присутствии хозяина. Должно быть, это его любимая наложница. Странно только, что сама рабыня как будто довольна отношениями, иначе она не беспокоилась бы так о нем.

«Похоже, этот мой родственник-мутант может быть привлекательным, несмотря на свое уродство. И привлекателен не только для рабыни, побуждаемой обстоятельствами».

В этом скрывались какие-то возможности.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Селк, — хрипло ответила молодая женщина.

— А, марсианка.

Марсианская война дала несколько тысяч юношей и девушек для рабских школ.

В голове Лидии сложился план. Девушку надо убить и тем самым вселить в мутанта страх. Этот страх удержит его, пока ей не удастся вернуть Тьюса из изгнания. В конце концов мутант не так уж важен. Невозможно презренному мутанту стать лордом-правителем. Но все же его нужно убрать, так как партия Линнов сможет как-нибуть использовать его в борьбе против Тьюса и ее самой.

Она снова взглянула на Клейна. Тот сидел неподвижно, с остекленевшими глазами, с бесцветным и неестественным лицом. Лидия не пыталась скрыть свое презрение, когда шурша оборками, повернулась и вышла в сопровождении свиты и личных рабов.

Рабов иногда делали убийцами. Выгода их использования заключалась в том, что рабы не могли быть свидетелями в суде, ни за ни против обвиняемого. Но Лидия давно обнаружила, что рабам не хватает решительности в преодолении препятствий. При малейшей опасности рабы отступали, а вернувшись, сочиняли фантастические истории о вставших перед ними препятствиях. Лидия использовала бывших рыцарей и сыновей рыцарей, чьи семьи из-за безденежья были лишены званий. Такие люди отчаянно нуждались в деньгах, и когда их постигала неудача, то для этого всегда были достаточные основания.

Лидия боялась незнания подробностей. Больше тридцати из ее шестидесяти лет мозг ее служил ненасытной губкой, впитывавшей подробности и подробности подробностей. Поэтому необычайный интерес для нее представлял случай, когда два рыцаря, нанятых для убийства любовницы внука ее мужа — Селк, доложили, что они не смогли найти девушку.

— В доме лорда Клейна такой нет.

Ее информатор, стройный юноша по имени Меерл, говорил с ней смесью храбрости и почтительности, с какой наемные убийцы говорят со своими высокопоставленными нанимателями.

— Леди, — продолжал он с поклоном и улыбкой, — я думаю вас перехитрили.

— Думать буду я, — резко ответила Лидия. — А ты лишь нож с приданной к нему крепкой рукой. И больше ничего.

— И хороший мозг, чтобы направлять руку в цель, — сказал Меерл.

Лидия почти не слышала. Ответ ее был автоматическим. Потому что... может ли это быть? Возможно ли, чтобы Клейн догадался, что она хочет сделать?

Ее удивила решительность и быстрота действий, предпринятых на основе одного подозрения. Мир полон людей, которые ничего не делают по поводу своих подозрений. Коли Клейн сознательно обманул ее, значит он гораздо опаснее, чем она думала. Следующий шаг придется спланировать более тщательно.

Она поняла, что двое убийц все еще стоят перед ней. Взглянула на них.

— Ну, чего вы ждете? Вы не знаете, что за неудачу не платят?

— Великодушная леди, — сказал Меерл, — но неудача не наша, а ваша.

Лидия колебалась, пораженная правдивостью и прямотой ответа. Некоторые убийцы вызывали у нее уважение.

— Пятьдесят процентов, — сказала она.

И бросила им кошелек. Он был искусно пойман. Мужчины быстро поклонились, сверкнули зубами, звякнули металлом, повернулись и исчезли за тяжелым занавесом, что скрывал вход.

Лидия погрузилась в мысли, но ненадолго. Послышался стук в другую дверь, вошла одна из ее фрейлин с запечатанным письмом в руке.

— Письмо пришло, мадам, когда вы были заняты.

Лидия слегка подняла брови, увидев, что письмо от Клейна. Поджав губы, она прочла.

«Моей благороднейшей бабушке.

Благородная леди.

Приношу искренние извинения за оскорбление и расстройство, причиненные вам вчера в библиотеке. Могу

лишь винить болезнь, хорошо известную в семье. Когда меня настигает приступ, я не могу себя контролировать.

Приношу свои извинения за действия рабыни, заговорившей с вами. Первым моим намерением было отослать ее к вам для наказания, но мне пришло в голову, что вы чрезвычайно заняты. Соответственно я продал рабыню в сельскую местность, где ее, несомненно, отучат от наглости.

Еще раз приношу извинения и остаюсь вашим послушным внуком.

Клейн».

Лидия неохотно призналась, что восхищается этим письмом. Теперь она никогда и не узнает, что на самом ли деле ее перехитрили.

«Возможно, — сухо подумала она, — с определенными затратами я сумею определить, действительно он продал ее или просто отослал в имение, пока не забуду о случившемся и о том, как она выглядит. Могу ли я это сделать?!»

Она задумалась. Придется послать на расследование кого-то, видевшего девушку. Когда? Она подняла голову.

— Далат!

Женщина, принесшая письмо, присела.

— Да?

— На кого похожа вчерашняя рабыня в библиотеке?

Далат была обескуражена.

— Ну... я не помню, ваше превосходительство... Кажется, блондинка.

— Блондинка! Ну, ты тупоумная! У девушки были прекрасные золотистые локоны, а ты и не заметила.

Далат пришла в себя.

— Я не привыкла запоминать внешность рабов, — сказала она.

— Убирайся отсюда! — но Лидия произнесла это спокойно без эмоций. Она признала свое поражение.

В конце концов ее главная задача — возвращение Тьюса в Линн. Лорд Клейн, единственный мутант в семье лорда-правителя, может подождать.

Тем не менее досада от поражения осталась.

12

В течение года лорд-правитель превратился в больного старца. К семьдесят первому году он почти ослеп на правый глаз, и лишь голос его оставался сильным. У него был громовой баритон, который вселял ужас в сердца преступников, когда он занимал свое судейское кресло — обязанность, которую он благодаря сидячему образу жизни исполнял все чаще и чаще, по мере того, как мелькали месяцы.

Но делами он тоже продолжал заниматься. Иногда, приняв решение, хотя в совете продолжался спор, он позволял себе задуматься о будущем своей семьи.

«Я должен сам увидеть молодых людей и оценить, кто из них со временем сможет стать лордом — правителем», — решил он однажды.

Совершенно сознательно он включил в число тех, кого собирался посетить, и мутанта.

В этот вечер он совершил ошибку, слишком долго просидев на балконе без одеяла. Он простудился и весь последующий месяц провел в постели. Беспомощно лежа на спине, остро сознавая слабость своего тела, ясно понимая, что жить ему осталось немного, лорд-правитель окончательно понял, что не может больше откладывать выбор наследника. И хотя он не любил Тьюса, он начал прислушиваться к словам своей жены, вначале неохотно, затем с большим согласием.

— Вспомним свою мечту об объединенной империи, — говорила она ему снова и снова. — Ты не должен в последнюю минуту давать волю чувствам. Лорды Джеррин и Дрейд еще слишком молоды. Джеррин, конечно, — самый выдающийся молодой человек в своем поколении. Он будущий лорд-правитель и так должен быть назван в твоем завещании. Но не сейчас, нет. Нельзя вручить Солнечную систему 24-летнему юноше.

Лорд-правитель беспокойно зашевелился. Он заметил, что она ни словом не упомянула о причине изгнания

Тьюса. И не позволила ни малейшего намека на тот эмоциональный факт, что Тьюс ее сын.

— Конечно, — продолжала Лидия, — есть еще дяди юношей с материнской стороны, оба способные администраторы, но им не хватает воли.

Она помолчала.

— И есть еще твои дочери, и зятья, и их дети.

— Забудь о них; — лорд-правитель слабо взмахнул рукой. Второе колено родства его не интересовало. — Но ты забыла Клейна.

— Мутант?! — удивленно воскликнула Лидия. — Ты это серьезно?

Лорд-правитель молчал. Пришлось неохотно согласиться. Но он знал, почему сделал это предложение. Отсрочка. Он понял, что его упорно толкают к признанию наследником толстого сына Лидия от первого брака.

— Если ты будешь рассматривать только своих кровных родственников, — настаивала Лидия, — это будет лишь наследование, обычное для наших подчиненных монархов и варваров Венеры и Марса. Политически это бессмысленно. Но если ты примешь во внимание интересы группы, то твои действия будут свидетельствовать об истинном патриотизме. Нет другого способа убедить мир, что у тебя в сердце лишь интересы империи.

Но старый пройдоха был не так прост. Он знал, что о нем говорят за спиной, будто Лидия делает из него все, что хочет, как из замазки. Подобное мнение его не очень волновало. Больше пятидесяти лет слышал он непрестанную пропаганду врагов и сплетни друзей и выработал к ним иммунитет.

В конце концов решающим фактором оказалось отчаянное понимание, что у него нет выбора. Неожиданным аргументом стало посещение больного младшей из двух дочерей от первого брака. Она попросила разрешение на развод со своим мужем и позволения выйти замуж за Тьюса.

— Я всегда любила Тьюса, — заявила она, — и теперь хочу присоединиться к нему в его изгнании.

Перспектива открылась столь ослепительная, что старик был озадачен. Ему в голову не пришло, что Лидия

целых два дня уговаривала осторожную Гудрун, что это ее единственный шанс стать первой леди Линна.

— В противном случае, — сказала ей Лидия, — ты вечно будешь лишь одной из родственниц, зависящей от каприза жены лорда-правителя.

Линн Линнский не подозревал об этих закулисных переговорах. Его дочь выйдет замуж за лорда Тьюса! Эта возможность согревала его холодную кровь. Конечно, она слишком стара, чтобы иметь еще детей, но она будет служить Тьюсу, как служила ему Лидия, совершенным фоном, совершенным представителем его собственной политической группы. Его дочь!

«Я должен узнать, что думает Клейн, — решил он. — А тем временем пошлю за Тьюсом».

Он не сказал этого вслух. Ни один из членов семьи, кроме него самого, не сознавал, какие огромные знания давно умерший храмовый ученый Джоквин завещал Клейну. И лорд-правитель предпочел сохранить эту информацию при себе. Он знал привычку Лидии нанимать убийц, а Клейн и так подвергается опасности из этого источника.

Он рассматривал мутанта как неожиданную стабилизирующую силу во время хаоса, который может последовать за его смертью. Он написал письмо, приглашающее Тьюса вернуться в Линн, а неделю спустя, оправившись наконец от болезни, приказал отнести себя в резиденцию Клейна в западном пригороде. Там он провел ночь, а вернувшись на следующий день, сместил два десятка ключевых чиновников, которых Лидия умудрилась протащить во время его болезни: он тогда слишком уставал, чтобы вчитываться в бумаги, которые давали ему на подпись.

Лидия ничего не сказала, но заметила последовательность событий. Посещение мужем Клейна, затем действия против ее людей. Она размышляла над этим несколько дней, а затем, накануне возвращения Тьюса, сама впервые отправилась в скромно выглядевший дом лорда Клейна, позаботившись, чтоб ее не ждали.

По пути ей пришло в голову, что ситуация ее не устраивает. Десяток ее планов близок к завершению, а тут совершенно незнакомый фактор — лорд Клейн. Думая об этом, она удивилась. Какую опасность для нее,

спрашивала она себя снова и снова, может представлять для нее мутант?

В глубине души она сознавала: в этом что-то есть. Старик не стал бы беспокоиться из-за пустяка. Он либо спокоен спокойствием усталости, либо абсолютно нетерпелив. Молодые люди особенно легко выводили его из себя, и если Клейн — исключение, то для этого должна быть причина.

С расстояния жилище Клейна выглядело небольшим. Вначале кусты, а затем сплошная волна деревьев окружали подножие холма. Крыша дома виднелась за соснами и другими вечнозелеными растениями. Когда ее носилки приблизились, Лидия решила, что дом трехэтажный, что значительно меньше дворцов других Линнов. Носильщики, тяжело дыша, поднимались мимо прекрасной рощи и наконец остановились у низкой массивной изгороди, не видной снизу. Лидия, всегда обращавшая внимание на защитные устройства, подняла голову.

Она вышла из носилок, почувствовав прохладный ветерок вместо жара летнего дня. Воздух был полон запахов сосен и другой растительности.

Лидия медленно пошла вдоль изгороди, отметив, что она искусно скрыта растительностью, так что снизу, с улицы, ее нельзя увидеть. Материал похож на тот, из которого сооружены храмы ученых, только здесь заметна свинцовая оболочка. Высота изгороди примерно три фута, а толщина — три с половиной. Толстая, низкая и бессмысленная для обороны.

«В молодости я могла бы через нее перепрыгнуть», — подумала она. Она, раздраженная, вернулась к носилкам: так и не могла понять смысла в такой изгороди и в то же время не верила, что у нее нет никакого секрета. Еще более обескураженно почувствовала она себя, когда поняла, что ворота представляют собой простое отверстие в стене, причем не было видно никакой охраны. Через минуту носильщики по туннелю из разросшихся кустов понесли ее мимо деревьев за ограду и вышли на открытую лужайку. И здесь начались настоящие сюрпризы.

— Стойте! — сказала леди Лидия.

Перед ней раскинулось нечто среднее между лугом и садом. Приблизительно пятьдесят акров открывались с этой точки. Грациозный ручей пересекал луг по диагонали. Вдоль ручья выстроились десятки гостевых домиков, стройных сооружений, каждый под навесом деревьев. Справа от нее возвышался главный дом. В дальнем углу луга аккуратно в ряд стояли пять космических кораблей. И повсюду виднелись люди, мужчины и женщины, в одиночку и группами, сидели и прогуливались, работали, читали, писали, чертили и рисовали. Лидия задумчиво подошла к художнику, который сидел в десяти ядрах от нее. Она не привыкла к тому, что на нее не обращают внимания.

Она резко сказала:

— Что это? — И взмахом руки указала на луг. — Что тут происходит?

Молодой человек пожал плечами. Он задумчиво добавил несколько легких мазков и, все еще не глядя на нее, сказал:

— Здесь, мадам, сердце Линна. Здесь создается мысль и мнение империи и затем передается общественности. Здесь рождаются идеи и потом, распространяясь, становятся обычаями народов по всей Солнечной системе. Быть приглашенным сюда — беспримерная честь; это означает, что ваша деятельность в искусстве или науке получает признание, какое только могут дать власть и деньги. Мадам, кем бы вы ни были, я вас приветствую в интеллектуальном центре мира. Вы бы не были здесь, если бы у вас не было непревзойденных достижений в какой-либо области. Но прошу вас, не рассказывайте об этом до вечера. Тогда я счастлив буду выслушать вас. А сейчас, старая, добрая, мудрая женщина, добрый вам день.

Лидия задумчиво отошла. Она подавила в себе желание приказать раздеть и выпороть наглеца. Ей неожиданно захотелось, как можно дольше оставаться инкогнито, пока она не исследует этот странный салон под открытым небом.

Это была вселенная незнакомцев. Ни разу не встретила она знакомое лицо. Какими бы ни были их достижения, эти люди не принадлежат к знати империи. Патронов не было и лишь у одного мужчины она заметила на плаще герб

рыцаря. Подойдя к нему, Лидия поняла по чужому религиозному символу, что его рыцарство провинциального происхождения. Он стоял у фонтана, выпускавшего струи воды и дыма. Прекрасное зрелище — дым, поднимающийся тонким, подобным ручью облаком. Когда она остановилась у фонтана, прохладный ветерок на мгновение стих и она ощутила волну жара. Лидия сосредоточилась на рыцаре и на своем желании получить информацию.

— Я здесь недавно, — очаровательно сказала она. — Давно ли действует этот центр?

— Около пяти лет, мадам. В конце концов нашему юному принцу всего двадцать четыре года.

— Принцу? — переспросила Лидия.

Рыцарь, бородатый краснолицый мужчина, извинился.

— Прошу прощения. В моей провинции это древнее слово означает предводителя высокого рода. В своих путешествиях в ямы, где живут атомные боги, а некогда существовали города, я обнаружил, что у этого слова легендарное происхождение. Так утверждают старые книги, найденные мной в развалинах зданий.

Лидия, ошеломленная, спросила:

— Вы спускались в дома богов, где горит вечный огонь?

Рыцарь рассмеялся.

— Некоторые из них совсем не вечные, как я установил.

— А вы не боялись?

— Мадам, — пожал плечами рыцарь, — мне 50 лет. К чему мне беспокоиться, если моя кровь будет повреждена сиянием богов?

Лидия колебалась, заинтересованная. Но позволила себе отвлечься от своей цели... «Принц», — угрюмо повторила она. Применительно к Клейну титул этот имел отзвук, который ей не нравился. Принц Клейн. Странно подумать, что есть люди, считающие его своим руководителем. Что произошло со старыми предрассудками относительно мутантов? Она хотела снова заговорить, но тут впервые по-настоящему взглянула на фонтан.

И отшатнулась, подавив крик. Вода кипела. От нее поднимался пар. Взгляд ее упал на горлышко, и она поняла, что дым был не дым, а пар. Вода шумела, булькала. Она

нигде не видела столько кипящей воды из искусственного источника. Лидия вспомнила почерневшие котлы, в которых рабы грели воду для повседневных нужд. И почувствовала зависть. Какая роскошь, фонтан кипящей воды.

— Как это получается? — спросила она. — Тут подземный горячий источник?

— Нет, мадам, вода поступает из ручья. Вот здесь, — рыцарь указал. — Она вытекает отсюда по трубам в дома для гостей.

— Ее нагревают углем?

— Нет, мадам. — Рыцарь явно наслаждался. — Под фонтаном есть углубление, вы можете заглянуть сами, если хотите.

Лидия хотела. Она была очарована. Она понимала, что позволила себе отвлечься, но в данный момент это было неважно. Лидия сверкающими глазами следила за тем, как рыцарь открывает дверцу в цементе. Наклонившись, она заглянула туда. Она разглядела массивное основание горлышка, куда уходила трубка, подающая воду. Лидия медленно распрямилась. Рыцарь закрыл дверцу. Когда он повернулся к ней, она спросила:

— Но как это действует?

Рыцарь пожал плечами.

— Некоторые утверждают, что марсианские водяные боги покровительствуют ему, с тех пор как они помогли его покойному отцу победить в войне с марсианами. Вы помните, что вода канала вскипела и тем самым привела в ужас марсиан во время атаки. Ну, а другие говорят, что атомные боги помогают своему любимому мутанту.

— Ох! — сказала Лидия. Такие разговоры она могла понять. Никогда в жизни она не беспокоилась из-за того, что подумают боги о ее действиях. И не собиралась беспокоиться сейчас, выпрямившись, она величественно взглянула на рыцаря.

— Не будьте глупцом! — сказала она. — Человек, осмелившийся побывать в домах богов, должен иметь достаточно ума, чтобы не повторять старые бабские сказки.

Тот раскрыл рот. Лидия повернулась, прежде чем он смог заговорить, и пошла к своим носилкам.

— К дому! — приказала она рабам. Те поднесли ее ко входу в дом, и только тут она сообразила, что так и не выяснила секрет кипящей воды.

Она захватила Клэйна врасплох. В своей пышной манере вошла в дом, и когда раб увидел ее и побежал в лабораторию доложить хозяину, было уже поздно. Она показалась в двери в тот момент, когда Клэйн отвернулся от анатомируемого трупа. К ее крайнему разочарованию он не оцепенел. Она ожидала этого и хотела спокойно и без помех осмотреть лабораторию.

Но Клэйн подошел к ней.

— Благородная бабушка, — сказал он и наклонился, чтобы поцеловать ее руку. Двигался он с легкой грацией. — Надеюсь, у вас найдется время и желание осмотреть мой дом и мою работу. И то, и другое имеет свои особенности.

У него были такие свободные, человеческие манеры, что она была обескуражена. Не часто приходилось ее испытывать это ощущение. Она нетерпеливо отбросила слабость. Его слова подкрепили ее желание, с которым она явилась сюда.

— Да, — сказала она, — я буду счастлива увидеть твой дом. Уже несколько лет я собиралась навестить тебя, но все время была занята. — Она вздохнула. — Государственные обязанности очень утомительны.

Прекрасное лицо смотрело на нее с сочувствием. Стройная рука указала на мертвое тело, над которым работали эти тонкие пальцы. Мягкий голос сообщил ей, что целью вскрытия было установление взаимного расположения органов, мышц и костей.

— Я вскрываю мертвых мутантов, — говорил Клэйн, — и сравниваю их с нормальными людьми.

Лидия не вполне поняла его цель. Ведь каждый мутант отличается от других, в зависимости от того, как поразили его боги. Она так и сказала. Сверкающие голубые глаза мутанта смотрели на нее с почтением.

— Известно, — сказал он, — что мутанты не живут больше тридцати лет. Естественно, — продолжал он со слабой улыбкой, — поскольку до этого момента мне осталось шесть лет, меня это беспокоит. Джоквин, мудрый старый ученый, к несчастью, покойный ныне, считал,

что смерть происходит в результате внутреннего напряжения из-за того обращения, которому подвергаются мутанты. Он полагал, что если это напряжение снять, как он пытался сделать со мной, мутант проживет нормальный срок и будет обладать нормальным интеллектом. Он считал, что мутант, если дать ему возможность, сможет реализовать нормальные для него возможности. И возможности эти могут быть сверхчеловеческими.

Клэйн улыбнулся.

— Пока я в себе не заметил ничего необыкновенного.

Лидия вспомнила кипящий фонтан и похолодела. «Этот старый дурак Джоквин! — подумала она с яростью. — Почему я не обращала внимание на то, что он делает? Он создал чуждый мозг в самом центре правящей группы империи».

Тревога ее нарастала. «Смерть, — думала она, — через несколько часов после смерти старика. Нельзя рисковать, имея дело с таким созданием.»

И дальше ее интересовала только доступность для убийц различных комнат дома. И Клэйн, казалось, понял ее настроение, потому что после короткого осмотра лаборатории, причем она почти ничего не запомнила, он повел ее из комнаты в комнату. Ее внимание заострилось. Она заглядывала в двери, осматривала окна и с удовольствием заметила, что полы повсюду покрыты коврами. Меерл успеет напасть без шума.

— А твоя спальня? — спросила она наконец.

— Мы идем туда, — ответил Клэйн. — Она с лабораторией рядом. Вначале я сомневался, показывать ли ее вам, но теперь, — у него была ангельская улыбка, — покажу.

Коридор, ведущий в спальню, был настолько широк, что мог выполнять роль приемной. Стены от пола до потолка были увешаны коврами. Странно. Лидия приподняла ковер и заглянула под него. Стена была чуть теплая и сооружена из храмового камня. Она вопросительно взглянула на Клэйна.

— У меня в доме немало божьего металла. Естественно, я не хочу случайностей. Из рабочей лаборатории в спальню ведет другой коридор.

Лидия заметила, что обе двери в спальню не имеют замков. Она напряженно думала об этом, идя вслед за Клэйном в лабораторию. Ей казалось, что он должен был принять меры для самозащиты. Убийца должен ударить раньше, чем Клэйн поднимет тревогу, чем быстрее, тем лучше. К сожалению, подумала она, это произойдет только после утверждения Тьюса наследником. Лидия вдруг заметила, что Клэйн остановился возле черного ящика.

— Джело Гриант, — сказал Клэйн, — привез мне это из своего путешествия в царство богов. Я войду в него, а вы пройдите вперед и загляните в темное стекло. Вам будет интересно.

Лидия повиновалась. На мгновение после исчезновения Клэйна стекло оставалось темным. Затем оно начало слабо светиться. Лидия отшатнулась от этого чуждого сияния, затем, вспомнив, кто она, вернулась к стеклу.

И закричала.

Сквозь стекло виднелся светящийся скелет и тень бьющегося сердца, тень сжимающихся и разжимающихся легких. Она смотрела, окаменев. Скелет поднял руку, опустил. И ее парализованный мозг осенило.

Она смотрела на внутренности живого человека, Клэйна. Неожиданно она заинтересовалась. Как молнии ее глаза скользили по костям. Она видела ребра вокруг сердца и легких. Она заглянула в область почек, но тут свет погас. Клэйн вылез из ящика.

— Ну, — спросил он, довольный, — что вы думаете о моем маленьком подарке от богов.

Эта фраза удивила ее. Всю дорогу домой она о ней думала. Подарок от богов! В некотором смысле так и есть. Атомные боги послали своему мутанту способ заглядывать в себя, изучать свое тело. Какова их цель? У нее сложилось впечатление, что, если боги действительно существуют и если, как кажется очевидным, они помогают Клэйну, тогда боги снова, как и в легендарные времена, вмешиваются в человеческие дела.

Тревожное ощущение имел только один ритм. Убить. И быстро. Быстро.

Но проходили дни. И требования политической стабильности отнимали все ее внимание. Тем не менее среди множества забот она не забывала о Клэйне.

Курьер лорда-правителя, привезший Тьюсу приглашение вернуться в Линн, передал ему также письмо матери. Написанное, казалось в страшной спешке, оно объясняло, как было получено разрешение. Цена поразила Тьюса.

«Как, — думал он, — жениться на Гудрун?»

Потребовался целый час, чтобы он смог успокоиться и обдумать предложение. В конце концов, решил он, его план слишком грандиозен, чтобы позволить ему потерпеть неудачу из-за отвращения к женщине, интерес которой к мужчинам определяется не их качеством, а их количеством. Он не был привязан к другой женщине. Его жена семь лет назад, обнаружив, что изгнание из Линна может стать постоянным, быстро убедила отца развести их. Да, он свободен для нового брака.

Возвращение Тьюса стало триумфом дипломатии его матери и великим мгновением для него самого. Корабль его опустился на площадь, и тут, под непрерывные приветственные крики, его встретили лорд-правитель и весь Патронат. Последовавший парад открыли пять тысяч кавалеристов, за ними десять тысяч пехотинцев, тысяча инженеров и десятки машин для бросания камней. Дальше последовали лорд-правитель, Лидия и Тьюс, триста патронов и шестьсот рыцарей. Завершал парад еще один пятитысячный кавалерийский отряд.

С рострума над зданием Патроната лорд-правитель, чей львиный голос не был ослаблен возрастом, приветствовал приемного сына. Все сплетни, распространявшиеся о причинах изгнания Тьюса, подтвердились. Он удалился для рассуждений. Он устал от хитростей и интриг государственной деятельности. Возвращался он только после повторявшихся просьб своей матери и лорда-правителя.

— Как вы знаете, — заключил лорд-правитель, — семь лет назад я лишился наследника в момент высшего военного триумфа, какой испытывала когда-либо империя — завоевания Марса. Сегодня, когда я стою перед вами уже немолодой, не способный нести полный вес военного и политического руководства, для меня необыкновенное облегчение заявить с уверенностью: я прошу вас верить этому скромнейшему и достойнейшему члену нашей семьи, сыну моей дорогой жены Лидии. Солдатам я скажу, что это не ослабление. Вспомните Кимбри, заво-

еванный, когда командующему было всего 25 лет. В особенности я обращаюсь к ветеранам Венеры, где подлые правители склонили дикие венерианские племена к восстанию. Вскоре Тьюс будет там с величайшей армией, какую видела империя после завоевания Марса. Я хочу сделать предсказание. Я предсказываю, что не пройдет и двух лет, как вожди венерианского восстания будут повешены на столбах, которые они сейчас используют для казни пленных. Я предсказываю, что их повесят по приказу лорда-соправителя главнокомандующего Тьюса, которого я назначаю своим наследником и преемником. И пусть его опасаются те, кто замыслил зло для империи. Вот человек, который поразит их и их планы.

Ослепленный Тьюс, который до сих пор во всем следовал советам матери, вышел вперед, чтобы ответить на приветствие и сказать несколько слов. «Немного, — предупредила его мать. — Будь уклончив». Но у лорда Тьюса были другие планы. Он тщательно продумал план будущих действий и хотел сделать заявление.

— Я уверен, — сказал он толпе, — вы согласитесь со мной, что титул лорда-правителя принадлежит исключительно первому и величайшему человеку Линна. Поэтому прошу — и пусть это будет обязательным титулом — чтобы ко мне обращались как к лорду-советнику. Я с радостью буду служить советником как лорду-правителю, так и Патронату, и в этой роли я хочу быть известным народу великой Линнской империи. Спасибо за внимание, а теперь я советую устроить трехдневные игры и раздачу пищи за мой счет по всему городу. Идите и развлекайтесь, и пусть атомные боги пошлют вам удачу.

В первые минуты после того, как он кончил, Лидия была поражена ужасом. Неужели Тьюс сошел с ума, отказываясь от титула лорда-правителя? Радостные крики толпы несколько успокоили ее, а потом, идя вместе с Тьюсом и старым правителем по аллее, ведущей к воротам дворца, она начала осознавать мудрость нового титула. Лорд-советник, прекрасный щит против тех, кто пытается возбудить народ и внушить вражду к абсолютным правителям Линна. Ясно, что долгое изгнание обострило туповатый мозг ее сына.

Лорд-правитель, по мере того как проходили дни и становился все яснее новый характер Тьюса, начал испытывать сожаления. Определенные ограничения, наложенные на его приемного сына во время его прибывания на Аваях, оказались излишне суровыми и сослужили ему плохую службу. Не следовало давать жене Тьюса разрешения на развод. Нужно было, чтобы она последовала за ним.

Ему казалось, что теперь остается только одно решение. Он ускорит брак Тьюса и Гудрун, затем отправит их в медовый месяц на Венеру, послав в качестве предосторожности с ними четверть миллиона солдат, так чтобы будущий лорд-правитель мог совместить любовь с войной.

Решив главную проблему, лорд-правитель занялся вопросом о том, как уберечь других наследников от смерти, которую заботливая Лидия им, несомненно, готовит.

Но очень скоро, вопреки предосторожности своей и врачей, лорд-правитель заболел неизлечимо. Он долгие часы проводил в постели. Все уловки врачей, включая ледяные ванны, его любимое лекарство, не смогли помочь ему. За несколько часов был извещен Патронат, и руководители государства были приглашены к постели умирающего. Лорд-правитель несколько лет назад ввел закон, по которому правителю не разрешалось умирать в одиночестве.

Это была предосторожность против отравления, которую в своей семье он считал весьма разумной, но сейчас, когда он смотрел на толпу, вливавшуюся в двери его спальни, и слушал приглушенный гул голосов, она казалась менее разумной.

Он подозвал Лидию. Та кивнула, услышав просьбу закрыть дверь. Люди в спальне беспокойно переглядывались, когда она выпроваживала их, но спокойный голос лорда-правителя повторил приказание, и они вышли. Потребовалось около десяти минут, чтобы очистить комнату. Лорд-правитель лежал, печально глядя на жену. Ему предстояла неприятная процедура, а близость его смерти не делала ее менее противной. И он начал без предисловий.

— В последние годы я не раз намекал тебе, что опасаюсь за здоровье своих родственников. Твоя реакция

не оставляет у меня сомнений, что в твоем сердце нет нежных чувств, присущих женщине.

— Что это? — спросила Лидия. Она знала, что последует. И спросила: — Дорогой муж, не сошел ли ты с ума?

— Сейчас, Лидия, я не собираюсь пользоваться дипломатическим языком. Не вздумай осуществлять планы убийства моих родственников, как только я буду мертв.

Язык этот оказался слишком силен для женщины. Краска сбежала с ее щек.

— Я убью твою родню! — выдохнула она.

Некогда серо-стальные, теперь водянистые глаза смотрели на нее безжалостно.

— Я обезопасил Джеррина и Дрейда. Они командуют сильными армиями, и в моем завещании тщательно обеспечено их будущее. Некоторые из администраторов защищены аналогично. Женщины не так счастливы. Я думаю, мои две дочери в безопасности. Старшая бездетна и лишена честолюбия, а Гудрун теперь жена Тьюса. Но я хочу, чтобы ты пообещала, что не будешь пытаться повредить ей и будешь воздерживаться от таких действий относительно троих ее детей от первого брака. Я хочу, чтобы то же относилось и к детям моих троих двоюродных братьев. Наконец, я хочу такого же обещания относительно леди Тани, ее двух дочерей и сына Клэйна.

— Клэйн! — сказала Лидия. По мере того, как он говорил, мозг ее продолжал работать. Она вновь произнесла, громче: — Клэйн!

Глаза ее стали бездонными омутами. Она пристально смотрела на мужа.

— Если ты считаешь меня способной на такие преступления, почему ты думаешь, что я выполню обещание, данное мертвецу?

Старик оживился.

— Потому, Лидия, — сказал он, — что ты не просто мать, защищающая ребенка. Ты руководитель, чья политическая прозорливость и ум сделали возможным создание огромной империи, которую теперь унаследует Тьюс. В глубине сердца ты честная женщина, и если ты дашь мне обещание, я думаю, ты его сдержишь.

Теперь она знала, что он только надеется. И к ней вернулось спокойствие.

— Хорошо, мой дорогой, — успокоила она его. — Я обещаю тебе. Ни один из тех, кого ты упомянул не будет убит.

Лорд-правитель в отчаянии смотрел на нее. Он понял, что даже отдаленно не тронул ее. Внутренняя сущность этой женщины недоступна эмоциям.

— Лидия, — сказал он, — не рассерди Клэйна, пытаясь убить его.

— Не рассердить его? — подхватила Лидия. Она говорила резко. С изумлением она смотрела на мужа, как будто не могла поверить, что правильно расслышала. — Не рассердить его?

— Пойми, — сказал лорд-правитель, — что после моей смерти тебя ожидает пятнадцать — двадцать лет жизни, если ты сбережешь свою физическую энергию. Если ты проведешь эти годы, пытаясь править миром за Тьюса, он быстро и легко отстранит тебя. Ты этого еще не понимаешь. Ты должна искать власть в других людях. Джеррин не нуждается в тебе, а Дрейд нуждается только в Джеррине. Тьюс сможет и будет обходиться без тебя. Из всех великих остается только Клэйн. Он сможет тебя использовать. Через него ты сможешь сохранить часть своей власти.

Взгляд не отрывался от его рта. Она слушала, как голос его становится слабее, пока не затих окончательно. В наступившей тишине Лидия обдумывала его слова. Как ей казалось, через своего умирающего деда говорил Клэйн.

Этот Клэйн хитро предположил, что она будет опасаться за свое будущее.

Глядя на умирающего, она в глубине души рассмеялась. Три месяца назад, распознав в своем муже признаки окончательного распада, она настояла на том, чтобы Тьюс был отозван с Венеры, а на его место назначен Джеррин. Все получалось даже лучше, чем она надеялась. Пройдет не меньше недели, прежде чем корабль Тьюса достигнет Линна. В течение этой недели вдова Лидия будет всемогуща.

Возможно, ей все же придется отказаться от своих планов относительно других членов семьи. Но они по крайней мере нормальные люди. Клэйн, чужак, нелюдь, должен быть уничтожен любой ценой.

Длинный напряженный разговор истощил последние силы лорда-правителя. За десять минут до захода солнца огромные толпы, собравшиеся вокруг дворца, увидели, как открылись ворота. Вышла Лидия, опираясь на руки двух старейших патронов, в сопровождении толпы дворян. Через мгновение всем стало известно, что Линн Линнский умер.

13

Лидия лениво проснулась наутро после смерти лорда-правителя. Она потянулась и зевнула. Потом открыла глаза и взглянула на потолок. Яркий солнечный луч врывался в окна. У постели стояла Далат.

— Вы просили разбудить вас пораньше, благородная леди, — сказала она.

В голосе Далат звучала такая почтительность, которой Лидия не замечала раньше. И поняла причину. Линн мертв. На неделю она фактический правитель города и государства. Никто не посмеет возразить матери правителя... гм... матери лорда-советника Тьюса.

— Вернулся ли Меерл?

— Нет, благородная леди.

Она нахмурилась. Он имел доступ в ее спальню в любое время дня и ночи. И она удивилась, что, получив такое важное задание, он до сих пор не доложил об исполнении.

Далат заговорила снова.

— Я думаю, мадам, что вам нужно сказать ему, что с его стороны неразумно оставлять свой адрес для посылок, которые должны быть переданы вам.

Лидия взглянула удивленно и гневно:

— Грязный дурак, зачем он это сделал? Покажи посылку.

Она яростно сорвала упаковку и увидела урну, полную пепла. К основанию была прикреплена записка.

«Дорогая мадам! Ваш убийца был слишком влажен. Атомные боги, будучи предупрежденными, становятся яростными в присутствии влаги. Уран, от имени совета богов».

Бах! Звук разбившейся вазы вывел ее из оцепенения. Широко раскрытыми глазами смотрела она на кучу пепла. На этот раз ее привлекло не содержание, а подпись: Уран.

С ужасом смотрела она на пепел, который был когда-то Меерлом, ее самым надежным убийцей. Она поняла, что переживает эту смерть острее, чем смерть мужа. Старик и так слишком зажился. И пока в нем теплилась жизнь, он обладал впервые за многие годы властью. Когда он перестал дышать, она впервые за многие годы вздохнула спокойно. Как будто с ее души сняли груз.

А теперь груз вернулся. Она тяжело дышала, с яростью пнула пепел. Как мог Меерл потерпеть неудачу? Осторожный, искусный, храбрый, дорогой Меерл!

— Далат!

— Да, леди.

Лидия обдумывала дальнейшие действия, но недолго.

— Вызови полковника Мелджана. И пусть явится немедленно.

У нее неделя, чтобы убить человека. Пора действовать в открытую.

Лидия приказала отнести себя к подножию холма. Она надела густую вуаль. Носильщиками ее служили рабы, с которыми она никогда не появлялась в общественных местах. Она сидела в старых носилках одной из фрейлин. Глаза ее возбужденно горели.

Утро было необычно жаркое. Порывы теплого воздуха доносились с холма, от дома Клэйна. Немного погодя Лидия увидела, что солдаты, пройдя вверх около ста ярдов, остановились. Остановка становилась долгой и утомительной. Лидия собиралась выйти из носилок, но увидела спешащего к ней Мелджана. Офицер был весь в поту.

— Мадам, мы не можем приблизиться к ограде. Она как будто в огне.

— Я не вижу никакого огня.

— Это невидимый огонь.

Лидия удивилась, заметив, что полковник дрожит от страха.

— Здесь что-то сверхъестественное, — сказал он. — Мне это не нравится.

Лидия вышла из носилок, охваченная ознобом предчувствия поражения.

— Ты дурак? — яростно спросила она. — Если ты не можешь преодолеть ограду, высади людей с космических кораблей!

— Я уже послал за ними, — ответил он, — но...

— Но! — произнесла Лидия как проклятие. — Пойду сама взгляну на эту ограду.

Она начала подниматься и остановилась в том месте, где залегли солдаты. Жар стал нестерпимым, от него захватывало дыхание. В мгновение горло пересохло. Она спряталась за куст, но это не помогло. Лидия увидела обожженные скрючившиеся листья. Лидия скорчилась, слишком пораженная, чтобы думать. К ней приблизился Мелджан. Прошло несколько секунд, прежде чем он смог говорить.

— Корабли, — указал он.

Она следила, как они выползают из-за деревьев. Вот они перелетели через ограду и исчезли из вида за деревьями. Пять кораблей пролетело и исчезло. Лидия почувствовала, как приободрились при их появлении солдаты.

— Пусть люди спустятся вниз, — хрипло приказала она и сама отступила быстрее всех. Улица внизу была пустынна. Несколько человек задержалось при виде необычных маневров солдат, но их разогнали караульные. Операция должна считаться частным делом.

Лидия ждала. Но ни звука не доносилось из-за деревьев, где исчезли корабли. Как будто они упали в какую-то пропасть. Прошло около получаса, затем неожиданно показался корабль. Лидия затаила дыхание, глядя, как он пролетел над деревьями и опустился на дорогу. Из него вышел человек в мундире. Мелджан помахал ему и побежал навстречу. Последовал очень горячий разговор. Наконец Мелджан вернулся к Лидии. Он сказал негромко:

— Дом тоже покрыт непреодолимым горячим барьером. Но они разговаривали с лордом Клэйном. Он хотел поговорить с вами.

Она выслушала его в задумчивости. Она начала понимать, что такое положение может тянуться целые дни.

— Если бы только подобраться к нему поближе, — безжалостно подумала она, — под предлогом, что нужно обсудить его предложения...

Казалось, все идет нормально. К тому времени, как корабль перенес ее через изгородь, жар от стен дома сменился вполне терпимым теплом. И, невероятно, но Клэйн согласился, что она может взять с собой в дом дюжину солдат. Когда она вошла, ее охватило странное чувство. Никого не было видно, даже рабов, и ничто не двигалось. Она направилась к спальне, идя все более медленно. Ее охватило восхищение. Казалось невероятным, что были сделаны такие тщательные приготовления. Ни разу за все время общения с ней, он не допустил ошибки.

— Бабушка, дальше не подходите.

Она застыла. И увидела, что находится в ярде от коридора, ведущего в его спальню. В дальнем конце коридора стоял Клэйн. Он казался одиноким и совершенно беззащитным.

— Если подойдете ближе, — пояснил он, — смерть постигнет вас автоматически.

Она не видела ничего необычного. Коридор был таким, каким она его помнила. Занавесы сняты со стен, обнажив храмовый камень. И все же она чувствовала слабую теплоту, неестественную и смертоносную. С усилием она отбросила это чувство.

Она уже хотела отдать приказ, но Клэйн заговорил первым.

— Бабушка, не поступайте опрометчиво. Подумайте, прежде чем бросить вызов силам атома. Разве случившееся сегодня не убедило вас? Вы, конечно, понимаете, что тому, кого любят боги, не могут повредить смертные.

Женщина не отказывалась от своей цели. Ее поражало, что он продолжает стоять менее чем в тридцати футах, безоружный и беззащитный, со слабой улыбкой на устах.

— Ты неправильно процитировал пословицу, — сказала она. — Тот, кого любят боги, умирает молодым.

И все же она колебалась. Как многого он добился, подумала она. Совершенно поборол свою болезнь. И какое прекрасное лицо, уверенное!

Неужели за ним действительно боги?

— Предупреждаю вас, бабушка, не двигайтесь. Если хотите доказательств, что боги за меня, пошлите солдат. Но сами не двигайтесь!

Она почувствовала слабость, ноги ее подгибались. Она поняла, что он не обманывает. В то же время она понимала, что не может отступить.

И все же придется.

Она понимала, что ее нерешительность неразумна. Нужно смириться, признать свое поражение. Она раскрыла рот, чтобы отдать приказ, когда это произошло.

Неизвестно, чем руководствовался солдат. Возможно, им овладело нетерпение. А может надеялся на продвижение. С неожиданным криком: «Я перережу ему глотку!» он устремился вперед. Миновав Лидию, он пробежал всего несколько футов и начал распадаться. И вот только мелкий пепел опускался на пол. Страшно горячий ветер лишь чуть коснулся Лидии, которая сделала несколько шагов назад, но ударил по солдатам. Послышались сдавленные крики, и началась свалка. Хлопнула дверь, и они остались одни. Лидия выпрямилась, чувствуя, что из коридора по-прежнему доносится горячий воздух. Она окликнула:

— Клэйн!

Тот отозвался немедленно:

— Да, бабушка?

Она испытывала чувства сдающегося полководца. Наконец медленно сказала:

— Чего вы хотите?

— Прекращения нападения на меня и полного политического сотрудничества. Но люди не должны как можно дольше подозревать об этом.

Ей стало легче дышать. Она боялась, что он потребует публичного признания.

— А если я не соглашусь?

— Смерть!

Сказано было спокойно. Но она не подумала усомниться. Но остался еще один нерешенный вопрос.

— Клэйн, ты стремишься к посту лорда-правителя?

— Нет!

Ответ был слишком быстрым. Она почувствовала недоверие. Но через мгновение она обрадовалась, что он отказался. Это в каком-то смысле его связывало. Мысли ее обратились к возможным ситуациям.

— Хорошо, — сказала она, чуть вздохнув, — я согласна.

У себя во дворце она прежде всего вызвала убийц для устранения свидетеля ее поражения. К полудню она получила новости. Первая заключалась в том, что корабль лорда Тьюса неожиданно прибыл раньше времени, и сам Тьюс направляется во дворец. Вторая, более приятная — полковник Мелджан найден мертвым в саду.

И только тут Лидия поняла, что находится именно в том положении, которое покойный муж советовал ей занять для собственной безопасности и благополучия.

Слезы и сознание великой потери наконец пришли к ней.

На могиле лорда-правителя народ отдал ему дань, какая раньше никогда не давалась человеку:

МЕРДОН ЛИНН ОТЕЦ ИМПЕРИИ.

14.

В правительственных и военных кругах Линна и Венеры череду битв с венерианскими племенами называли соответствующим словом — война! Но в целях пропаганды при любой возможности использовалось слово «мятеж». И враги сражались с яростью людей, отведавших рабства.

Люди, противостоящие ужасным опасностям, едва ли могли признать, что все беды вызваны предателями империи. Лорд Джеррин, исключительно честный человек, не делал попыток навязывать лживые объяснения. Он понимал, что линнцы — угнетатели, и временами чувствовали себя по-настоящему больными из-за необходимо-

сти поддерживать это угнетение. Но у него не было выбора.

Венерианцы были второй по могуществу расой Солнечной системы. Эти два народа боролись друг с другом триста пятьдесят лет, и перелом наступил лишь около сорока лет назад, когда армии Рахейнла высадились на одном из островов Венеры. Юному военному гению было всего восемнадцать лет во время битвы в Казукских болотах. Последовало быстрое завоевание еще двух островов, но затем ослепленные сторонники вызвали гражданскую войну, которая закончилась казнью Рахейнла. Линн Линнский с холодной яростью продолжал захват четырех главных крепостей Венеры. На каждом острове он установил особое правительство и оживил старые языки.

Так продолжалось много лет, а потом неожиданно одновременным выступлением венерианцы захватили главные города пяти основных островов. И обнаружили, что лорд-правитель более предусмотрителен, чем они предполагали. Военные крепости находились не в городах, как все были уверены. Центры Линнских властей были размещены в большом количестве небольших крепостей, разбросанных в болотах. Эти крепости всегда казались слабыми, и ни один венерианец не догадался сосчитать их. Внушительные городские крепости, нападение на которые было тщательно подготовлено, оказались пустой скорлупой. Когда они решили напасть на крепости в болотах, было уже поздно. Быстрый удачный ход превратился в затянувшуюся войну, и скоро венерианцы поняли, что они не смогут победить.

Месяц за месяцем стальные тиски, подкрепленные флотами космических кораблей, заметно сжимались. Им не хватало продовольствия. Мужчины были угрюмы и раздражительны, женщины плакали. Страх передавался детям. Ужас порождал жестокость. Пленных линнцев вешали на столбах, причем ноги их несколько дюймов не доставали до земли. Искаженные ненавистью лица убийц. Выжившие знали, что за каждую смерть будет заплачено.

Шесть месяцев назад перспектива неизбежного триумфа для Джеррина обеспокоила лорда-правителя Тьюса. Он размышлял, как эмоции толпы могут измениться под воздействием победы. Нельзя поставить под угрозу свои

планы. После долгих размышлений Тьюс вспомнил присланную больше года назад просьбу Джеррина о подкреплениях. Тогда Тьюс счел нецелесообразным ускорять конец войны. Теперь он громогласно заявлял о своей заботе о Джеррине. Он представил его просьбу Патронату и добавил свои настоятельные рекомендации, чтобы не менее трех легионов были посланы на помощь «нашим доблестным армиям, противостоящим искусному и коварному врагу».

Он мог бы добавить, что именно он дает подкрепление и тем самым обеспечивает победу. И Патронат не отказался бы от проведения такого же триумфа, как планировался для Джеррина. Тьюс обсудил готовящуюся ловушку с матерью, которая в соответствии со своим политическим соглашением с Клэйном, передала всю информацию мутанту. Лидия не считала, что предает сына. Но она знала, что Тьюс сам собирается на Венеру, и сообщила об этом Клэйну.

Его реакция удивила ее. На следующий день он попросил аудиенции у Тьюса. И тот, державшийся очень любезно с внуком покойного лорда, тут же разрешил организовать Клэйну собственную экспедицию на Венеру.

Он удивился, узнав, что экспедиция вылетела через неделю после полученного разрешения, но подумав, решил, что присутствие Клэйна на Венере создаст затруднения для Джеррина. Рождение в семье мутанта вызвало сенсацию двадцать пять лет назад. Его существование заглушило суеверия, но невежественное простонародье сохранило свои страхи. При соответствующих обстоятельствах люди забросают его камнями. И солдаты могут впасть в панику при мысли о неудачах, преследующих армию, которая накануне сражения увидит мутанта.

Он объяснил Лидии свои соображения.

— Это даст мне возможность установить, замешан ли Джеррин каким-либо образом в тех трех заговорах против меня. И если это так, я смогу использовать присутствие там Клэйна.

Лидия ничего не сказала, но ее беспокоила логичность его рассуждений. Она тоже в свое время замышляла против Клэйна. Теперь она спрашивала себя, какая слепая материнская любовь заставила ее добиться власти для

Тьюса. Под руководством Тьюса правительство бездействовало, а сам он дергался в причудливой пародии на либеральное правление. Его планы на переходный период оказались слишком смутными. Она сама была опытным тактиком и легко различала зародившееся в сыне лицемерие.

«Он начал ощущать вкус власти, — думала она, — и понял, что наговорил слишком много».

Она беспокоилась. Для политика естественно дурачить других, но что-то отвратительное и опасное есть в политике, обманывающем самого себя. К счастью, опасность вряд ли подстерегала на Венере. Ее собственные расследования убедили ее, что в заговорах против Тьюса не замешаны влиятельные семьи. К тому же Джеррин не из тех, кто ускоряет ход событий. Он будет раздражен прибытием Тьюса. Он поймет, что нужно Тьюсу, но ничего не предпримет.

После отлета Тьюса с тремя легионами, она взяла на себя управление. У нее были планы установления прежнего контроля над Патронатом. К тому же было около ста человек, которых она хотела убить.

За весь период кризиса на Венере, жизнь в Линне протекала нормально.

15

Вначале поверхность внизу была тенью. Но по мере того как три космических корабля экспедиции лорда Клэйна погружались в двухтысячемильную атмосферу, дымка исчезла. Горы, ранее похожие на карту, приобрели объемность. Обширное море ушло за горизонт, и потянулись болота, холмы и леса. Местность становилась все более дикой. Но яма теперь находилась прямо по курсу — гигантская черная дыра на большой равнине.

Корабли опустились на зеленый луг. Из кораблей вышло шестьсот мужчин и женщин, половина из них рабы. Было выгружено огромное количество оборудования. К ночи были сооружены жилища для Клэйна и обслуживающих его трех рабынь, двух рыцарей и трех храмовых ученых. Вдобавок для рабов был построен загон, а вокруг лагеря разместились два отряда солдат.

Были расставлены часовые, и космические корабли поднялись на пять тысяч футов. Десятки костров, за которыми следили преданные рабы, освещали тьму. Наступил рассвет, и лагерь забурлил деятельностью нового дня. Сразу после завтрака были оседланы лошади: в сопровождении двадцати пяти человек Клэйн направился к ближайшему дому богов.

Все двадцать пять были объявлены безбожниками, но не прошли они и нескольких сотен ярдов, как Клэйн заметил, что один из всадников побледнел. Клейн подъехал к нему.

— Съел что-нибудь за завтраком? — спросил он мягко. — Лучше вернись в лагерь и отдохни сегодня.

Те, кто должны были продолжать путь, следили за счастливцем.

Местность становилась неровной. В земле появились трещины, устремляясь в сторону ямы. Трещины были слишком прямыми, как будто давным-давно оттуда под разными углами вылетали предметы и разрывали землю.

Клэйн имел свою теорию относительно ям. Атомная война могучей цивилизации. Атомные бомбы вызывали реакцию в земле, и лишь постепенно эта реакция прекратилась в сопротивляющемся грунте. Столетиями ямы полыхали смертоносной активностью. Сколько это продолжалось? Никто не знал. Клэйн знал, что если отыскать старые звездные карты, то можно было бы оценить промежуток времени. Период этот должен быть велик.

Божьи огни умирали. Наступало время для разумных смелых людей исследовать ямы. Те, что придут первыми, найдут бесценные сокровища. Большинство ям было расположено в пустынной местности, заросшей травой и кустарниками. В некоторых виднелись развалины здания, обвалившиеся стены, загадочные пещеры. Туда осмелились спуститься несколько человек и принесли несколько старинных механизмов, большей частью сломанных, но некоторые работали. Яма на Венере, к которой они сейчас приближались, всегда возбуждала воображение авантюристов. Безымянные города были когда-то построены в глубине земли. Дно ямы представляло собой мешанину бетонных дамб, усеянных черными дырами, которые вели в бездонные глубины. Свита Клэйна застыла. Солдат, ехавший перед ним, испустил крик, натянул поводья и указал вперед. Клэйн заставил своего коня подняться на пригорок, где стоял солдат. И остановился. Он глядел на полую уходящую насыпь. За ней была низкая бетонная стена.

А дальше — яма.

Вначале они были очень осторожны. Использовали стену как защиту от возможной радиации. Клэйн был исключением. С самого начала он стоял прямо и смотрел через бинокль. Остальные постепенно утрачивали осторожность и наконец все смело стояли, глядя в самый знаменитый дом богов.

Утро не было ясным. Слабый туман поднимался со дна ямы. Но с помощью бинокля можно было разглядеть подробности и увидеть дно пропасти.

К середине утра туман заметно рассеялся, и большое солнце Венеры освещало глубины ямы. Два художника, уже зарисовавшие общие очертания, принялись заносить подробности. Их выбрали за умение составлять планы и карты, и теперь Клэйн видел, что они работают хорошо.

Его собственное терпение, результат изолированного воспитания, было больше, чем у них. Целый день осматривал он глубины ямы с помощью бинокля, сравнивая реальность с рисунками.

К вечеру работа была завершена с удовлетворительным результатом. Обнаружили не менее трех выходов из ямы на случай необходимости.

Ночь прошла спокойно. На следующее утро Клэйн вызвал один из кораблей, и сразу после завтрака на борт поднялись два храмовых ученых, один рыцарь, три художника и дюжина солдат. Несколько минут спустя он повернулся к яме носом и направился вниз.

Корабль не делал попытки спуститься, а просто кружил в поисках радиоактивных участков. Задача была рискованной. Корабль был их единственным инструментом для обнаружения присутствия атомной энергии: давно уже было замечено, что, когда один космический корабль проходит над другим, верхний лишается движущей силы и падает. В случае с кораблями они обычно движутся с такой скоростью, что тут же минуют друг друга. Как только они расходятся, к верхнему возвращается движущая сила.

Военные ученые пытались использовать это явление для борьбы с космическими кораблями противника. Но эти попытки ни к чему не привели, так как корабль, находящийся на высоте пятисот футов над источником энергии, почти не испытывал помех.

Девять раз их корабль начинал падать, и каждый раз они кружили над районом, определяя его границы, нанося их на карты, отмечая опасные зоны, затем зоны со средней радиацией и наконец безопасные. День кончался, а работа еще не была завершена. Поскольку приземляться было уже поздно, они вернулись в лагерь, чтобы снять накопившуюся усталость.

Было решено, что первую высадку произведут сто человек и возьмут с собой припасов на неделю. Место высадки было выбрано Клейном после консультации с рыцарями и учеными. С воздуха было видно бетонное сооружение. Главной его особенностью было то, что оно располагалось поблизости от выхода, по которому люди могли пешком покинуть яму.

Космический корабль благополучно сел. Подойдя к выходу Клэйн испытал впечатление необыкновенной тишины. Он перебрался через край и впервые встал на почву. Остальные стали спускаться вслед за ним.

Менее чем через час Клэйн смотрел, как космический корабль поднимается в воздух и уходит. На высоте пятьсот футов он выровнялся и начал кружить над исследователями.

И снова не было допущено никакой торопливости. Были установлены палатки и обозначен защитный круг. Пищу спрятали в укрытие из бетона. Немного поев, Клейн, один рыцарь, один ученый и шесть солдат покинули лагерь и направились к «зданию». С близкого расстояния это оказалось вовсе не здание, выступ из бетона и металла — остатки глубокого укрытия, сделанного людьми. Вид этого убежища угнетающе подействовал на Клэйна. Тысячелетия оно стояло здесь вначале в кипящем океане неукротимой энергии, а теперь в глубокой тишине, ожидая возвращения человека.

Сам Клэйн считал, что со времени великой войны прошло около восьми тысяч лет. У него было достаточно данных из других ям.

Он остановился, осматривая частично открытую дверь, потом приказал двум солдатам открыть ее. Они не смогли пошевелить ее; отстранив их, он протиснулся мимо проржавевшего косяка и оказался в узком коридоре, оканчивавшемся другой дверью. На этот раз дверь была закрыта. Пол, стены и потолок бетонные, но дверь металлическая. Клейн и рыцари открыли ее.

Они стояли пораженные. Внутренность оказалась туманно освещенной. Свет исходил из ряда небольших отверстий в потолке. Шары не прозрачные, но закрытые чем-то похожим на медь. Свет проходил сквозь это покрытие. Ничего подобного в Линне не знали. Клэйн подумал, что свет загорелся, когда они вошли. После короткого обсуждения они закрыли дверь. Ничего не произошло. Очевидно, он горел много столетий.

С усилием Клэйн подавил желание немедленно снять сокровища и отнести их в лагерь.

Смертельная тишина, ощущение невероятной древности говорили, что нет необходимости торопиться. Клэйн

медленно, почти неохотно обратил свое внимание на само помещение. В углу стоял сломанный стул и стол с одной сломанной ножкой и полоской дерева на месте сидения. Тут же груда какого-то хлама, включая череп и несколько ребер. Останки человека лежали на вершине металлического стержня. Больше ничего в комнате не было. Клэйн прошел вперед и вытащил стержень.Череп и ребра рассыпались в пыль, и беловатый туман осел на пол. Клэйн повернулся и, держа в руке стержень, вышел.

Снаружи все было по-другому. Он отсутствовал пятнадцать минут, но многое изменилось. Принесший корабль все еще кружил над головой. Но другой садился рядом с лагерем.

Клэйн направился в лагерь. В это время люк открылся, и оттуда вышли три человека. Один, в мундире офицера генерального штаба, протянул Клэйну пакет. В пакете было письмо от его старшего брата Джеррина, главнокомандующего линнской армией. В завещании лорда-правителя указывалось, что Джеррин станет соправителем Тьюса, достигнув тридцатилетнего возраста, и сферой его деятельности станут планеты. Письмо было коротким.

«Мне стало известно, что ты прибыл на Венеру. Мне вряд ли нужно говорить тебе, что присутствие здесь мутанта в критический период войны против мятежников имеет неблагоприятные последствия. Мне сказали, что ты получил разрешение на эту поездку лично от лорда-советника Тьюса. Если ты не понимаешь сложных мотивов, которыми руководствовался Тьюс, давая это разрешение, то это значит, что ты не осознаешь и последствия этого для нашей семьи. Я хочу и приказываю тебе немедленно вернуться на Землю.

Джеррин».

Клэйн прочел письмо и заметил, что капитан корабля, привезший послание, делает ему знаки. Клэйн отвел капитана в сторону.

— Я не хотел беспокоить вас, — сказал тот, — но мне следует известить вас, что сегодня утром, после того как ваш отряд погрузился в яму, мы видели большой отряд к северо-западу от ямы. Они не двигались в этом направлении, но рассыпались, когда мы пролетали над ними. И это значит, что это венерианские мятежники.

Клейн постоял нахмурившись, потом поблагодарил за информацию. Он прошел в свою палатку и написал ответ брату, который должен оттянуть кризис между ними, пока большой кризис на Венере не заставит Джеррина забыть о его присутствии.

Этот кризис должен обрушиться на ничего не подозревающего Джеррина через неделю.

16

Тьюс поселился во дворце давно умершего венерианского императора Уеркеля в другом конце города от штаба Джеррина. Ошибки такого рода делают историю. Тьюс привез с собой отряд генералов и высших офицеров. Некоторые умные люди из лагеря Джеррина нашли возможность проехать через весь город, но даже они явно торопились и не могли выдержать медленных церемоний, связанных с представлением правителю.

Велась война. Фронтовые офицеры считали, что их взгляды будут поняты. Они были далеки от мирной пышности Линна. Только те, которые посещали Землю, сознавали крайнее равнодушие населения к венерианской войне. Такие войны велись империей постоянно, только менялась их сцена.

Буквальная изоляция обострила подозрительность, с которой высадился Тьюс. Он не сознавал, как широко распространилось недовольство. Заговор должно быть зашел так далеко, что тысячи офицеров знали о нем и не хотели, чтобы их видели с человеком, который должен был проиграть. Они видели вокруг себя огромные армии под командованием Джеррина. Конечно, никто не может победить человека, которому верны легионы превосходных солдат.

Тьюсу казалось, что необходимы быстрые решительные действия. Когда неделю спустя после его прибытия Джеррин нанес ему официальный визит, он поразился тому, с каким холодом встретил Тьюс его просьбу, чтобы подкрепления были немедленно посланы на фронт.

— А что ты будешь делать, одержав победу? — спросил Тьюс, отмечая недовольство Джеррина.

Тема вопроса, но не тон, подбодрила удивленного Джеррина. Он много думал о будущей победе и решил, что именно за этим Тьюс явился на Венеру — обсудить политические аспекты завоевания. Манеры Тьюса он отнес на его недавнее вступление во власть.

Джеррин коротко высказал свои идеи. Казнь тех руководителей, которые ответственны за политику убийства пленников, обращение в рабство тех, кто непосредственно участвовал в казни. Остальным можно позволить вернуться домой. Вначале каждый остров будет управляться как особая колония, но даже в течение первой фазы будет восстановлен общий язык и разрешена торговля между островами. Вторая фаза начнется через пять лет, ей будет предшествовать обширная реклама. На каждом острове появится самостоятельное правительство, но все они будут частями империи и будут содержать оккупационные войска. Третья фаза начнется через десять лет и будет включать создание одной центральной венерианской администрации с федеральной системой правительства.

И эта система не будет иметь собственных войск и будет существовать исключительно в рамках империи.

Пять лет спустя начнется четвертая и последняя фаза. Все семьи с двадцатилетним стажем верности получат линнское гражданство со всеми привилегиями и возможностями продвижения.

— Иногда забывают, — сказал Джеррин, — что Линн начинался как город-государство, завоевывая соседние города и удерживая их в своей власти путем постепенного распространения гражданства. Нет причин, почему бы эту систему не распространить на планеты. — Он закончил. — Все вокруг нас свидетельствует, что система абсолютной власти потерпела полную неудачу. Пришло время для более прогрессивного государственного устройства.

Тьюс чуть не встал, слушая Джеррина. Теперь он видел всю картину. Покойный правитель в сущности вручил планеты Джеррину. И это был план превращения планет в мощную военную силу, способную, если понадобится, завоевать весь Линн.

Тьюс улыбнулся холодной улыбкой.

«Еще нет, Джеррин, — подумал он. — Я все еще абсолютный правитель, и еще три года будет делаться все, что я прикажу. К тому же твой план может помешать моему плану восстановления республики. Я абсолютно уверен, что ты со своими либеральными разговорами не захочешь восстанавливать конституционное правительство. А именно этот идеал должен быть достигнут любой ценой».

Вслух он сказал:

— Я рассмотрю ваши рекомендации. Но пока я хочу в дальнейшем, чтобы все перемещения по службе утверждались мной. Любой приказ, направленный вами полевым офицерам, должен быть вначале передан мне для внимательного изучения, а я отправлю его по адресу. — Он решительно закончил. — Причина в том, что я сам хочу познакомиться с положением всех частей и с именами людей, командующих ими. Приятно было побеседовать. До свидания, сэр.

Но это было только начало. Все приказы и документы Тьюс изучал с прилежностью чиновника. Его мозг упивался бумажной работой. Он знал эту венерианскую войну. В течение двух лет он жил во дворце в нескольких сотнях миль от этого и действовал в роли главнокомандующего. Поэтому ему не нужно было изучать ситуацию с самого начала. Нужно было ознакомиться с развитием событий за последние год-полтора.

С первого же дня он начал осуществлять свою исходную цель: заменять офицеров, показавшихся ему сомнительными, подхалимами, которых он привез с собой. Тьюс иногда стыдился своих действий, но оправдывался необходимостью. Самое главное добиться, чтобы армия не начала действовать против него.

В качестве дополнительной предосторожности он изменил расположение некоторых частей Джеррина. Это были легионы, привезенные Джеррином с Марса и, должно быть, наиболее преданные ему. Хорошо, если Джеррин не будет знать их расположения в течение ближайших критических недель.

Через двадцать дней он получил ожидаемое от шпиона донесение. Джеррин, уехавший в инспекционную поездку

на фронт, возвращался в Меред. У Тьюса был всего час на подготовку. Он все еще готовил сцену для предстоящего свидания, когда объявили о прибытии Джеррина.

Громким голосом он сказал:

— Сообщите его превосходительству, что в данный момент я занят, но если он немного подождет, я с радостью его приму.

Эти слова вместе с подобающей улыбкой произвели сенсацию в комнате. К несчастью, Джеррин не стал ждать ответа. Он был уже в комнате. Он не остановился, пока не оказался против Тьюса. Тот оглядел его с ленивым высокомерием.

— Ну, в чем дело?

Джеррин спокойно ответил:

— Моя неприятная обязанность, милорд-советник, сообщить вам, что необходимо эвакуировать все гражданское население Мереда. В результате служебного несоответствия ряда офицеров венерианцы прорвались севернее города, уличные бои начнутся еще с утра.

Многие присутствующие издали тревожные возгласы. Последовало общее движение к выходу. Рев Тьюса остановил постыдное бегство. Тьюс тяжело опустился в кресло и искаженно улыбнулся.

— Надеюсь, — сказал он, — виновные офицеры понесли заслуженное наказание.

— Тридцать семь человек казнены, — ответил Джеррин. — А вот список, можете просмотреть сами.

Тьюс выпрямился.

— Казнены!

Ему вдруг пришло в голову, что Джеррин не стал бы казнить людей, долго служивших под его командованием. Он рывком достал листок. Все имена принадлежали тем, кого он назначил в последние дни.

Он поднял голову и посмотрел на Джеррина. Взгляды их встретились. В серых глазах Джеррина светилось презрение.

— Ваше превосходительство, — негромко сказал он, — один из моих марсианских легионов изрублен на куски. По моему мнению, людям, ответственным за это, лучше убираться с Венеры к удовольствию Линна, или то, чего они так боятся, произойдет.

Слова его ошеломили Тьюса. Огромным усилием воли он подавил гнев и выпрямился.

— В виду серьезности ситуации, — сказал он, — я остаюсь в Мереде и принимаю на себя командование войсками. Вы немедленно передадите мне вашу штаб-квартиру

Если ваши офицеры явятся в мою штаб-квартиру, их высекут прямо на улице. И это относится ко всем в данном районе города.

Он повернулся и вышел. У него не было ни малейшего представления, что предпринять в развернувшемся фантастическом кризисе.

17

Клэйн провел три недели до крушения венерианского фронта, исследуя многочисленные отверстия в яме. И хотя угроза венерианских отрядов не материализовалась, он для безопасности перевел весь отряд в яму. У трех главных выходов были поставлены часовые, и два космических корабля постоянно курсировали вокруг ямы. Эти предосторожности не были полной гарантией безопасности, но все же действовали. Появление любого отряда в окрестностях лагеря не смогло бы остаться незамеченным, и у людей Клэйна было достаточно времени, чтобы погрузиться на корабль.

Это было не единственным преимуществом экспедиции. Хотя венериане поклонялись морскому богу Сабнерху, после пятидесяти лет линнского владычества они уважали и атомных богов. Сомнительно, чтобы они стали рисковать божественным недовольством, вторгаясь в один из домов богов.

Днем один из из кораблей отправлялся в Меред, а когда возвращался в яму, Клэйн поднимался на борт и обходил каюту за каютой. Его осторожно впускали мужчина или женщина, и между ними происходил разговор. Шпионы Клэйна никогда не видели друг друга. В сумер-

ках корабль возвращался в Меред и высаживал их в различных районах города.

Шпионы не все были наемниками. В высших кругах империи были люди, считавшие мутанта прямым наследником лорда-правителя. Для них Тьюс был лишь временным заместителем, которого в нужное время можно будет отстранить. Клэйн знал положение лучше, чем его информаторы. Хотя он и производил впечатление на интеллигентных людей, но факт оставался фактом: мутант не мог стать правителем. Уже давно Клэйн оставил давние стремления, преследуя лишь две политические цели.

У него было преимущество, поскольку семья принадлежала к правящей группировке. Хотя среди родственников у него друзей не было. В его интересах, чтобы они оставались у власти. В кризисе он должен сделать все возможное, чтобы помочь им.

Целью номер два было участвовать во всех главнейших политических решениях. Он исходил из честолюбия, которое никогда не надеялся удовлетворить. Он хотел быть полководцем. В детстве он изучал военную стратегию и тактику, стараясь добиться, чтобы битвы выигрывались одним непобедимым маневром.

Он прибыл в Меред на следующий день после столкновения Тьюса с Джеррином и поселился в доме, который заранее подготовил для себя и своей свиты. Он старался поселиться как можно незаметнее. Хотя знал, что его прибытие не окажется незамеченным. Другие тоже хитры и тоже содержат армии шпионов. Все планы, рассчитанные на секретность, рано или поздно потерпят неудачу. И то, что они иногда удаются, лишь доказывает неразумность жертвы. Одно из удовольствий — делать все необходимые приготовления на виду у противника.

Он начал готовиться.

18

Когда Тьюсу впервые доложили о прибытии Клэйна в Меред — спустя час после того, как это произошло, — он почти не заинтересовался. Поступали более важные сведения о распоряжениях Джеррина по обороне города и размещению войск. Тьюса больше всего поразило, что некоторые приходили в виде копий приказов, посланных самим Джеррином.

Неужели Джеррин хочет восстановить их отношения. Неожиданный маневр, и означает он, что кризис наступил раньше, чем Джеррин к нему подготовился. Его быстрые действия привели противника в смятение. И нетрудно будет захватить штаб-квартиру Джеррина тремя легионами.

К трем часам Тьюс разослал необходимые приказы. В четыре его особый шпион сообщил, что Клэйн послал вестника к Джеррину с просьбой о свидании в тот же вечер. Почти одновременно другие шпионы сообщили о деятельности в резиденции Клэйна. Среди прочего в дом были доставлены несколько маленьких круглых предметов, завернутых в ткань. В бетонную пристройку перенесли в мешках более тонны медного порошка. И наконец металлический куб такого же размера и типа, какими пользуются при строительстве храмов, осторожно опустили на землю. Он был не только тяжелым, но и горячим, поскольку рабы действовали при помощи рычагов и асбестовых рукавиц.

Тьюс задумался над этими фактами, и сама бессмысленность встревожила его. Он вдруг вспомнил разные слухи о мутанте. Сейчас не время для случайностей. Взяв с собой пятьдесят охранников, он направился к Клэйну.

Увидев дом Клэйна, Тьюс удивился. Космический корабль, об отлете которого ему доложили, вернулся. С кораблем толстым кабелем соединялась гондола. Такие гондолы прикреплялись к кораблям для перевозки дополнительного груза. Гондола лежала на земле, и вокруг суетились рабы. Приблизившись, Тьюс увидел, что они делают.

Рабы подносили в мешках медный порошок. При помощи какой-то жидкости им покрывали корпус гандолы.

Тьюс вышел из носилок. Он медленно обошел вокруг гондолы и чем дольше глядел, тем бессмысленнее казалось ему это занятие. Никто не обратил на него внимания. Были два стражника, но они видно не получили приказа относительно зрителей. Они не подозревали, что рядом с ними находится лорд-советник.

Тьюс не стал просвещать их. Удивленный, он нерешительно пошел к дому. Не было никаких попыток помешать ему. В большой прихожей разговаривало и смеялось несколько храмовых ученых. Они с любопытством взглянули на Тьюса.

— Лорд Клэйн в доме?

Один из ученых кивнул.

— Найдете его в берлоге. Он работает над благословением.

В комнате было еще несколько ученых. Тьюс был готов к решительным действиям. Но неразумно было арестовывать Клэйна в присутствии такого количества храмовых ученых. К тому же в доме слишком много стражников.

И он не мог придумать повода для ареста. Похоже, что здесь готовят религиозную церемонию. Он отыскал Клэйна в небольшой комнате, выходящей во дворик. Клэйн спиной к нему склонился над кубом из храмового строительного материала. На столе лежало шесть полушарий из медного вещества. У Тьюса не было времени их рассматривать, потому что Клэйн повернулся, чтобы посмотреть, кто пришел. Он с улыбкой выпрямился.

Тьюс стоял, вопросительно глядя на Клэйна. Младший подошел к нему.

— Мы надеемся, — сказал он, — что этот стержень, который мы нашли в яме богов, есть легендарный стержень. В соответствии с легендой, главное требование к

просителю — чистота сердца. И тогда боги по своему усмотрению, но при определенных обстоятельствах, активируют стержень.

Тьюс кивнул и указал рукой на куб.

— Я доволен, что ты интересуешься религиозными вопросами. Я считаю важным, чтобы член нашей семьи занимал высокое положение в храмах, и хочу заявить, что чтобы ни произошло, — он многозначительно помолчал, — ты всегда можешь рассчитывать на меня как на своего покровителя и друга.

Он вернулся во дворец, но оставил следить шпионов за возможной враждебной для него деятельностью.

Тьюсу доложили, что Клэйн был приглашен Джерриномна ужин, но принят с той холодной формальностью, которой отличались отношения братьев. Один из шпионов рассказал, что за едой Клэйн просил, чтобы его космические корабли были отозваны с патрульных полетов для какой-то задачи, суть которой раб не понял.

Говорилось еще об открытии фронта на северо-востоке, но настолько неясно, что лорд-советник не думал об этом, пока после полуночи не проснулся от криков и звона оружия за стеной своей спальни.

Не успел он сесть, как дверь распахнулась, и в спальню ворвалась толпа венерианских солдат.

Фронт на северо-востоке был прорван.

Наступила третья ночь его плена. Ночь повешения. Тьюс дрожал, когда с наступлением сумерек за ним пришли и отвели на освещенную площадь. Он будет первым. И когда его тело закачается в петле, двадцать тысяч венериан затянут петли на шеях десяти тысяч линнских солдат.

Ночь, на которую глядел Тьюс, была ни на что не похожа. Бесчисленные огни горели на обширной равнине. Поблизости он видел столб, на котором он будет повешен. Дальше рядами стояли столбы, а между ними площадка для костров.

Осужденные уже стояли у костров со связанными руками и ногами, с веревкой на шее. Тьюс ясно видел только первый ряд. Первая линия жертв состояла из офицеров, все они стояли спокойно.

Некоторые разговаривали друг с другом, но, когда привели Тьюса, разговоры прекратились.

Никогда в жизни не видел Тьюс столько ужаса на лицах. Тьюс не ожидал, что его узнают. Трехдневная борода и ночные тени делали это трудным. Никто ничего не сказал, когда он поднялся на эшафот. В свое время Тьюс приказал повесить немало людей. Совсем другое ощущение быть жертвой, а не судьей.

Гнев, охвативший его, был основан на том, что он понимал: он не оказался бы в таком положении, если бы против него действительно готовился заговор. Напротив, он рассчитывал, что Джеррин будет удерживать врага, а он со своими легионами отберет власть у Джеррина.

В глубине души он верил в честность Джеррина. Он хотел унизить, свести к нулю заслуженные им почести. Теперь он понял, что Джеррин никогда не готовил против него заговор. И тут, случайно посмотрев вниз, он увидел у эшафота в группе венерианских руководителей Клэйна.

Шок был слишком велик, чтобы все понять. Тьюс смотрел на молодого человека, и перед ним постепенно вырисовывалась картина. Между Джеррином и венерианцами было заключено предательское соглашение. Тьюс видел, что мутант в одежде храмового ученого держит в руках металлический огненный стержень. Всплыло воспоминание. Он забыл о благословении в небе. Тьюс поднял голову. Если корабль с гондолой находится вверху, он был частью ночи, невидимый и недосягаемой.

Тьюс взглянул на мутанта и собрался заговорить, но Клэйн сказал:

— Ваше превосходительство, не будем тратить время на взаимные обвинения. Ваша смерть возобновит гражданскую войну в Линне. Мы меньше всего хотим этого и докажем это сегодня ночью вопреки всем вашим подозрениям.

Тьюс быстро овладел собой и обдумал шансы на спасение. Если космические корабли попытаются высадить войска, венерианам потребуется только подтянуть веревки и повесить связанных, ну, а потом их огромная армия будет сдерживать атаки. Это единственный возможный маневр, следовательно, слова Клэйна — ложь.

Мысли Тьюса были внезапно прерваны: венерианский император с угрюмым лицом взобрался на платформу. Несколько минут стоял он, пока не наступила тишина. Потом подошел к микрофонам и заговорил на общем языке Венеры.

— Друзья венериане, в эту ночь мщения за все преступления, совершенными против нас империей Линн, здесь присутствует агент главнокомандующего армии нашего подлого врага. Он явился к вам с предложением, и я хочу, чтобы он вышел сюда и рассказал вам о нем. И вы рассмеетесь ему в лицо, как это сделал я.

Во тьме послышались крики:

— Повесить его тоже!

Тьюс был потрясен этим яростным криком, но в то же время вынужден был восхититься хитростью венерианского вождя. Это был человек, последователи которого, должно быть, не раз сомневались в его способности к борьбе. У него было упрямое лицо полководца, ожидающего резкой критики. Какая возможность для него приобрести популярность!

Клэйн поднимался по ступеням. Он подождал тишины и затем сказал удивительно сильным голосом:

— Атомные боги Линна, чьим посланником я являюсь, устали от этой войны. Я приказываю вам покончить с нею. Сейчас!

Император смотрел на него.

— Ты не это собирался говорить! — воскликнул он. — Ты...

Он замолчал, потому что взошло солнце.

Взошло солнце.

Несколько часов назад оно зашло за горизонт. И вот одним прыжком оно взлетело прямо вверх и повисло над головой.

Необыкновенная яркость залила сцену множества неизбежных смертей. Стояли столбы с привязанными к ним жертвами, сотни тысяч зрителей-венериан, обширная равнина, прибрежный город в отдалении — все ослепительно освещено.

Тени начинались на другой стороне равнины. Город освещался более слабыми отражениями.

Видя эту тьму, Тьюс понял, что вверху вовсе не солнце, а огромный огненный шар, источник света.

Послышался крик сотен тысяч глоток. В нем был и страх, и отчаяние, и испуганное почтение. Мужчины и женщины упали на колени. Венерианский вождь понял всю глубину своего поражения. Он тоже испустил ужасный крик и прыгнул к рычагу, который спускал люк, на котором стоял Тьюс. Краем глаза Тьюс заметил, как Клэйн поднял стержень.

Вспышки не было, но император исчез. А Тьюс так и не мог решить, что же произошло, но у него сохранилось воспоминание о человеке, буквально превращающемся в жидкость. Картина была такой не вероятной, что Тьюс закрыл глаза и даже себе потом не признавался в увиденном. Когда он наконец открыл глаза, с неба спускались корабли. Для лежащих ниц венериан появление пятидесяти тысяч линнских солдат должно было показаться очередным чудом.

Вся основная армия венериан была пленена в ту ночь. И хотя война на других островах продолжалась, большой остров Укста был полностью захвачен в течение нескольких недель.

Неделю спустя в полдень Клэйн в числе других влиятельных людей провожал флотилию кораблей, которые сопровождали лорда-советника на Землю. Прибыл Тьюс в сопровождении свиты. Группа храмовых посвященных затянула гимн.

Возвращение на Землю, предложенное Клэйном, полностью устраивало Тьюса. На него выпадет первое торжество по поводу победы на Венере. У него будет достаточно времени, чтобы победить слухи об унизительном пленении самого лорда-советника. И к тому же он первый настоит на триумфе для Джеррина.

Ясно, что атомные боги тоже довольны...

19.

В своем обращении к Патронату после возвращения с Венеры Тьюс среди прочего заявил:

— Нам сейчас трудно это осознать, но у Линна не осталось значительных противников. Наши войска нанесли значительные поражения нашим недругам на Марсе и Венере, и теперь мы оказались в уникальном историческом положении: мы единственная сила человечества. Кажется, неизбежен период неограниченного мира и созидания.

Он вернулся во дворец, мысленно слыша приветствия. Шпионы уже донесли, что патроны считают победу в этой войне его заслугой. В конце концов до его прибытия война тянулась бесконечно. Все кончилось. Тьюсу не нужно быть мудрецом, чтобы понять, что в таких обстоятельствах он вполне может допустить триумф для Джеррина и при этом ничего не потерять.

Несмотря на собственное заявление Патронату, он сам все более поражался своим словам: никаких врагов. Нечего опасаться. Трудно поверить, что вселенная принадлежит Линну, и что ему, лорду-советнику, подчиняется больше людей, чем кому-либо. Такое положение ослепило Тьюса.

Он будет заботливым вождем, уверял он себя. Он предвидел великие деяния, которые озарят славой золотой век Тьюса в истории Линна. Видение было таким благородным и вдохновляющим, что Тьюс долгое время лишь играл величественными планами, не предпринимая никаких конкретных действий.

Вскоре ему доложили, что Клэйн вернулся с Венеры. Через несколько дней он получил письмо от мутанта.

«Его превосходительству лорду-советнику Тьюсу.

Мой благородный дядя. Я хотел бы навестить вас и передать результаты нескольких бесед с моим братом Джеррином, а также мои собственные соображения относительно потенциальных опасностей для империи. Нас

обоих тревожит преобладание рабов над гражданами Земли, а также наша полная неосведомленность относительно ситуации на спутниках Юпитера и Сатурна.

Поскольку это единственные возможные пока опасности, то чем скорее мы обсудим все аспекты, тем увереннее будем, что Линну ничто не сможет угрожать.

Ваш послушный племянник Клэйн».

Прочитав письмо, Тьюс почувствовал раздражение. Оно казалось занудливым. Оно напоминало, что блестящее будущее, которое он предвидел для империи, и его контроль над Линном не были полными, что его племянник может принудить его к компромиссу, который затмит его славу. Тем не менее он дипломатично ответил.

«Мой дорогой Клэйн!

Приятно было получить твое письмо. Вернувшись с гор, я буду счастлив принять тебя и обсудить дела самым тщательным образом. Я приказал собирать данные, так что, встретившись, мы сможем рассуждать, опираясь на факты.

Тьюс, лорд-советник».

Он действительно отдал приказ и выслушал чиновника-эксперта по спутникам Юпитера и Сатурна. Спутники населяли племена, стоящие на разных ступенях варварства. Доклад основывался на опросе жителей спутников и торговцев, навещавших определенные порты. Все свидетельствовало о том, что старая игра интриг и убийств среди вождей продолжалась.

Убедившись, что ситуация не внушает опасений, Тьюс отбыл на отдых в горы в сопровождении трехсот придворных и пятисот рабов. Он все еще был там, когда месяц спустя пришло второе письмо от Клэйна.

«Благородному лорду-советнику Тьюсу.

Ваш ответ на мое письмо принес мне большую радость. Не могу ли я получить сведения относительно ваших агентов, сколько их и где они сосредоточены? А причина моего вопроса в том, что я обнаружил, что несколько моих агентов на Европе, величайшем спутнике Юпитера, были неожиданно казнены год назад. Вся моя информация об этой территории, основывавшаяся на докладах не менее чем двухлетней давности, да и те сведения довольно

туманные. Похоже, что около пяти лет назад некий вождь начал объединение Европы. С тех пор с каждым месяцем доклады моих агентов становятся все более смутными. Я подозреваю, что мои агенты стали жертвой тщательно подготовленной пропаганды. Если же это так, то меня чрезвычайно беспокоит, что кто-то сумел перехватить мои каналы информации.

Это только подозрения, конечно, но желательно, чтобы ваши люди произвели расследование, имея в виду, что их нынешние источники информации могут оказаться надежными.

Ваш верный слуга и племянник Клэйн».

Письмо напомнило Тьюсу, что он живет в мире шпионов. «Я полагаю, — устало думал он, — что уже сейчас обо мне распускают слухи. Люди представить себе не могут, какие планы я разрабатываю для государства во время так называемой «увеселительной» прогулки».

Он подумал, не выпустить ли серию заявлений о блестящем будущем.

Весь день он испытывал раздражение, потом снова прочел письмо Клэйна и решил, что необходим спокойный и дипломатичный ответ. Он может заявить, что принимает все предосторожности против любой случайности.

Он отдал необходимые распоряжения, посоветовал Клэйну поступить так же и начал серьезно обдумывать положение, которое сложится, когда с Венеры за триумфом приедет Джеррин. Будущее уже не казалось таким безоблачным. Племянники пытаются вмешиваться в государственные дела и имеют на это законное право. У каждого был совещательный голос, хотя прямо вмешиваться в управление они не могли.

«Клэйн во всем прав, — неохотно признал Тьюс. — Но моя мать однажды сказала: «Тот, кто постоянно использует свои права, не мудрец». И он рассмеялся.

Вечером перед сном Тьюса озарило: «Да, меня снова начинают одолевать те же страхи, что беспокоили меня на Венере. Проклятая дворцовая атмосфера действует на меня».

Он считал себя неспособным к низменным мыслям. Он был убежден, что для него подлинное наслаждение — выполнение своего долга. И именно это заставляло

следить его за возможными заговорами, хотя самому ему они были отвратительны.

Сознание безупречной честности убеждало Тьюса. «В конце концов, — думал он, — я могу иногда ошибаться, но не серьезно, если буду внимателен к опасностям из всех источников. И даже мутант с научными знаниями — это вопрос, которому я должен уделять тщательное внимание с учетом интересов государства».

Он уже не раз думал об оружии, которое Клэйн использовал на Венере, и в продолжении следующих дней пришел к выводу, что должен действовать. Он продолжал уверять себя, что делает это неохотно, но в конце концов написал Клэйну:

«Мой дорогой племянник!

Хотя ты не просил о покровительстве, которое заслужил как своим происхождением, так и своими работами, я уверен, что ты будешь счастлив услышать, что государство готово принять под охрану материалы, добытые тобой из ямы богов и из других древних источников.

Самое безопасное для них место — твоя резиденция в Линне. Поэтому я приказываю перевести в город все оборудование из твоего сельского поместья. Через неделю в поместье прибудет отряд с соответствующим транспортом, а другой отряд сегодня же приступит к охране твоей городской резиденции.

Командир отряда, ответственный передо мной, создаст тебе все условия для работы.

Я рад, мой дорогой Клэйн, что оказал тебе столь дорогостоящее, но заслуженное внимание.

Вскоре я лично навещу тебя, осмотрю твои сокровища, чтобы в дальнейшем их использовать для всеобщего благодеяния.

С самыми сердечными пожеланиями Тьюс,

лорд-советник».

Отправив письмо и отдав необходимые приказы командирам отрядов, Тьюс подумал: «По крайней мере все материалы будут собраны в одном месте. Позже всегда возможен более строгий контроль — если, конечно, возникнет необходимость».

Мудрый руководитель предусматривает любую случайность. Даже действия любимых родственников нужно рассматривать объективно.

Тьюсу сообщили, что Клэйн не сопротивлялся, и все материалы благополучно доставлены в Линн.

Тьюс все еще находился в горном дворце, когда пришло третье письмо Клэйна. Сжато сформулированное, оно представляло собой социальный трактат. В предисловии говорилось:

«Нашему дядя, лорду-советнику.

Лорды Джеррин и Клэйн Линн полагают, что в Линне существует опасное преобладание численности рабов. Они полагают далее, что рабство нежелательно в любом здоровом государстве. Поэтому они предлагают, чтобы лорд-советник Тьюс во время своего правления придерживался следующих основных принципов и сделал их основополагающими для будущих поколений.

«1. Всякое законопослушное человеческое существо обладает полным контролем над собственной личностью.

2. Там, где такого контроля сейчас не существует, он будет предоставлен постепенно, причем первые две ступени вводятся в действие немедленно.

3. Первая ступень: ни один раб не может быть физически наказан без постановления суда.

4. Вторая ступень: продолжительность рабочего дня раба не должна превышать десяти часов.»

Далее описывались следующие ступени постепенного освобождения рабов, так что спустя двадцать лет только «неисправимые» будут несвободные, да и те будут контролироваться непосредственно государством, причем с каждым из них в соответствии с законом будут обращаться как с индивидуумом.

Тьюс, удивляясь и забавляясь, читал этот документ. Он вспомнил другое высказывание своей матери: «Не беспокойся из-за идеалистов. В нужный момент толпа перережет им глотки».

Но его благодушие быстро растаяло. «Эти мальчики вмешиваются в дела государственного управления». И к концу лета Тьюс приготовился вернуться в город. При этом он не переставал хмуро думать об угрозе государству, которая, по его мнению, возрастала.

На второй день после возвращения в Линн, он получил еще одно письмо от Клэйна. В письме сообщалась просьба о свидании, чтобы «обсудить вопросы, касающиеся обороны империи».

Тьюса разъярило то, что мутант даже не дал ему прийти в себя после возвращения. Конечно, ему при переселении делать было нечего, но все же вежливость требовала подождать. Тьюс с гневом решил, что настойчивость Клэйна носит все признаки сознательного оскорбления.

Он послал в ответ коротенькую записку:

«Мой дорогой Клэйн.

Я приму вас, как только освобожусь от более важных дел. Подождите извещения.

Тьюс».

Спал он спокойно, уверенный, что занял твердую позицию и сделал это вовремя.

И проснулся, чтобы узнать о катастрофе.

Единственным предупреждением послужил стальной блеск металла в небе. Захватчики высадились в Линне с трехсот космических кораблей. Должно быть, предварительно высадились шпионы, потому что захватчики сразу оказались у ворот. С каждого корабля высадилось по двести странных воинов.

— Шестьдесят тысяч солдат! — произнес лорд-советник Тьюс, изучив донесения. Он отдал приказы о защите дворца и разослал почтовых голубей в три легиона, размещенных вне города, приказывая двум легионам начать наступление.

Все было смутным и нереальным. Большинство нападавших кораблей скрылось за большими зданиями. Некоторые лежали на открытых площадках, но казались мертвыми. И трудно было представить, что поблизости от них идет битва. В девять часов принесли послание от леди Лидии:

«Дорогой сын.

Есть ли у тебя новости? Кто на вас напал? Это ограниченное нападение или на всю империю? Связался ли ты с Клэйном?»

Первого пленника привели, когда Тьюс хмурился из-за неприятного предложения искать помощи у Клэйна. Ведь мутант был последним, кого он хотел видеть. Пленник, бородатый гигант, гордо признался, что он с Европы и не боится ни человека, ни бога. Рост пленника и его физическая сила поразили Тьюса. Но его наивный взгляд на мир действовал ободряюще. Следующие пленники обладали теми же характеристиками.

Происходило вторжение варваров с Европы. Очевидно, лишь с целью грабежа. Если не действовать быстро, Линн в два дня останется без сокровищ. Кровавые приказы посыпались из уст Тьюса. Пленных не брать. Разрушать их корабли.

Медленно тянулось утро. Тьюс хотел осмотреть город, но отказался от этого замысла, подумав, что командиры не смогут посылать ему донесения. По той же причине он не мог перенести свою резиденцию. Перед полуднем пришло успокоительное известие, что два легиона наступают у главных ворот.

Новости успокоили Тьюса. С неудовольствием он вспомнил письма Клэйна. Собрал экспертов и слушал их доклады.

Данных собралось множество. Европу населяли яростно соперничающие племена. Говорили, что обширная атмосфера Европы создана искусственно учеными золотого века с помощью атомных богов. И она содержала огромное количество газа, пропускающего свет, но не позволяющего теплу уходить в пространство.

Пять лет назад путешественники начали рассказывать о вожде по имени Чиннар, который объединил все враждующие племена в одну нацию. Потом путешествия стали опасными, и торговцам разрешали посадку только в определенных районах. Там им говорили, что попытка объединения не удалась. Хитрый Чиннар перехватил все каналы информации и продолжал укреплять свое положение, снабжая мир дезинформацией.

Чиннар. В этом имени было что-то зловещее. Если такой человек уйдет хотя бы с горсткой приверженцев и с частью богатства Линна, Солнечная система взорвется.

Тьюс колебался. В голове у него возник план, который лучше осуществить ночью, но значит дать варварам еще

несколько часов для грабежа. Он решил не ждать, но приказал третьему легиону войти в туннель, ведущий во дворец.

В качестве предосторожности и с целью отвлечения внимания неприятеля он послал с пленным офицером письмо к Чиннару. В письме он указывал на безрассудность нападения, результатом которого будут лишь кровавые репрессии на Европе и говорил, что есть еще время для почетного отступления. Только одно было неверно в его рассуждениях. Чиннар собрал большие силы и сдерживал их, надеясь установить, находится ли лорд-советник во дворце. Освобожденный пленник сообщил о местонахождении Тьюса.

В последующей атаке варвары овладели центральным дворцом и захватили врасплох легионеров, находящихся в туннеле. Люди Чиннара вылили масло из огромных дворцовых цистерн и подожгли его.

Так погиб целый легион.

В эту ночь сотни варварских космических кораблей высадились за линнскими солдатами, осаждавшими ворота. А наутро два легиона были изрублены в куски.

Лорд-советник Тьюс ничего не знал об этом событии. Накануне его череп был отдан любимому златокузнецу Чиннара, тот залил его золотом, награбленным в Линне и изготовил кубок, чтобы отпраздновать величайшую победу столетия.

20.

Для лорда Клэйна Линна, занимавшемуся проверкой счетов по своему имению, новость о нападении на Линн и его падением была тяжелым ударом. За незначительными исключениями, все его атомные материалы находились в Линне. Он отпустил посланника, который неразумно сообщил свои новости при открытых дверях, сидел за столом и размышлял.

Когда он осмотрел комнату, где трудилось множество учеников, ему показалось, что по крайней мере один из

рабов не сдержал радости. Он не стал откладывать, но немедленно позвал этого человека к себе. У него была неизменная система обращения с рабами, унаследованная от Джоквина вместе с именем.

Работа, верность и положительное отношение давали рабам лучшие условия, более короткий рабочий день, свободу в действиях, право после тридцати лет жениться, а после сорока обрести полную свободу. Лень и другие отрицательные свойства, как обман, наказывались рядом мер. Не будучи в состоянии изменить законодательство страны, Клэйн не мог представить себе лучшую систему существования рабства. И вот сейчас, несмотря на свое беспокойство, он поступал, как Джоквин в подобных случаях, где нет явных доказательств вины. Он сказал рабу Органу, что тот вызвал его подозрения, и спросил, оправданы ли они.

— Если ты виноват и сознаешься, — сказал он, — то получишь мягкое наказание. Если не сознаешься, а позже окажется, что ты виноват, будет три наказания, что означает тяжкую физическую работу.

Раб ответил с насмешкой:

— К тому времени Чиннар покончит с вашими линнцами, и ты будешь работать на меня.

— Полевые работы, — сказал Клэйн, — на три месяца по десять часов в день.

Не время для лицемерия. Все, что можно истолковать как слабость, теперь губительно.

Когда стражники уводили раба, тот закричал:

— Злобный мутант, Чиннар покажет тебе твое место!

Клэйн не ответил. Он считал сомнительным, чтобы новый завоеватель был избран судьбой для наказания Линна за все его злые деяния. Он выбросил эти мысли из головы. У входа он остановился, посмотрел на десяток преданных рабов, которые сидели за столами.

— Не поступайте опрометчиво, — медленно сказал он. — Если вы испытываете такие же чувства, сдержите их. Падение города от неожиданной атаки не так уж важно. — Он остановился, поняв, что обращается к инстинкту их осторожности. Разум говорил ему, что в периоды больших кризисов люди не всегда осмысливают все возможности.

— Я понимаю, — сказал он наконец, — что быть рабом — небольшое удовольствие, хотя и есть свои преимущества — экономическая безопасность, бесплатное обучение мастерству. Но слова Органа доказывают, что, если молодым ребятам предоставить свободу поступков, они потрясут общество. К сожалению, люди разных рас лишь постепенно учатся жить вместе.

Он вышел, довольный тем, что поступил наилучшим образом в данных обстоятельствах. Он не сомневался, что поведение Органа в миниатюре отразило всю проблему империи рабства. Если Чиннар завоюет хоть сколько-нибудь значительную территорию, автоматически последует восстание рабов.

Снаружи он увидел первых беженцев. Они прилетели в многочисленных разноцветных экипажах. Удивительно то, что они ждали до полудня второго дня. Люди просто отказывались верить, что город в опасности, хотя, конечно, более ранние беженцы могли уйти в других направлениях. И не показаться вблизи его поместья.

Клэйн решительно отбросил свою задумчивость. Он подозвал раба и отправил его к беженцам.

— Пусть те, у кого есть средства транспортировки, продолжают движение. Здесь, в восьмидесяти милях от Линна, мы сможем позаботиться только о пешеходах.

Он прошел в кабинет и позвал командиров своих войск.

— Мне нужны добровольцы, — объяснил он. — В особенности люди с сильными религиозными чувствами, которые ночью полетят в Линн и заберут все оборудование из моей лаборатории.

План, который он обрисовал пятидесяти добровольцам, был прост. В смятении, охватившем город, пройдет, вероятно, несколько дней, прежде чем варварская армия займет все действительно важные резиденции. Варвары в эти первые дни вполне могут пропустить дом, стоящий за деревьями.

Если все же дом занят, то там, вероятно, мало противников. Храбрые люди легко перебьют врагов и выполнят свою задачу.

— Я хочу подчеркнуть важность вашего задания, — продолжал Клэйн. — Как вы все знаете, я член храмовой

иерархии. Мне доверили священные божественные металлы и оборудование, включая материалы. Если драгоценные реликвии попадут в нечистые руки, произойдет катастрофа. Если вы попадете в руки врага, не открывайте цели вашего рейда, а говорите, что пришли за собственным имуществом.

Помня об отряде, доставленном Тьюсом, он докончил свои инструкции:

— Возможно, оборудование охраняют линнские солдаты. В таком случае отдайте командиру отряда письмо.

Он протянул документ. Это был приказ, подписанный Клэйном и заверенный печатью. После смерти Тьюса такой приказ не будет оставлен без внимания.

Когда добровольцы отправились готовиться, Клэйн отправил один из своих кораблей-посланцев в ближайший город Гарам. Он спрашивал у коменданта города, своего друга, какие контрдействия принимаются против вторжения.

— Проявляют ли власти города понимание, что от них требуется в подобных обстоятельствах? Как им с самого начала нужно объяснить старый закон?

Ответ пришел в кратчайшее время. Генерал отдавал свои войска в распоряжение Клэйна и советовал отправить вестников во все главнейшие города империи именем «его превосходительства лорда Клэйна Линна», временно занявшего место Тьюса, покойного лорда-советника, погибшего защищая город Линн от внезапного нападения варварских орд звероподобных людей, которые стремятся уничтожить прекрасную цивилизацию.

В письме еще было многое в том же духе. Его удивило само предложение, что его именем будет организована армия.

Перечитав письмо, он пошел к зеркалу и посмотрел на свое отражение. На нем было представительное платье храмового ученого. Складки скрывали его отличия от взглядов посторонних.

Потребуется три месяца, чтобы достичь лорда Джеррина на Венере, и четыре — лорда Дрейда на Марсе, так как обе планеты находятся по ту сторону Солнца, столько же времени уйдет для ответа. Только член правящей семьи может получить поддержку разнообразных элементов им-

перии. О семье лорда-советника не было никаких сообщений. К тому же там одни женщины. Остается лорд Клэйн, младший брат Джеррина, внук покойного лорда-правителя. В течение по крайней мере нескольких месяцев он будет исполнять обязанности лорда-правителя Линна.

Подходил к концу второй день вторжения. К сумеркам свыше тысячи человек разместились лагерем вдоль дороги. Над головой курсировали небольшие экипажи и большие боевые корабли.

Сами дороги были пустынны. Разведчики доложили, что из Линна движутся толпы беженцев. Но они пока еще не появились.

В последний час перед сумерками патрули доложили, что ворота закрываются одни за другими. И поток беженцев сократился до ручейка. По-видимому те, кто мог заплатить, уже находились в безопасности.

В полночь солдаты-проводники отправились в свою боевую экспедицию в девяти скутерах и одном космическом корабле. В качестве первого результата своей власти Клэйн усилил их сотней солдат регулярной армии. Он присутствовал при отлете кораблей, потом отправился на встречу собравшихся высших офицеров. Дюжина генералов поднялась при его появлении.

Клэйн застыл. Он старался быть спокойным и деловым, уверял себя, что все происходящее естественно. Но испытывал он и нечто другое. Он чувствовал, как в его нервах оживает опасная детская паника. Мышцы его лица сокращались. Он трижды с трудом сглотнул и потом ответил на салют. Потом прошел к столу.

Клэйн подождал, пока все усядутся. Потом попросил доложить об имеющихся в его распоряжении войсках. Он записывал числа по каждой провинции и затем суммировал их.

— Без четырех провинций, представители которых еще не пришли, — объявил он, — на сегодня восемнадцать тысяч обученных солдат, шесть тысяч резервистов и около пятисот тысяч пригодных к воинской службе граждан.

— Ваш превосходительство, — сказал его друг Моркид. — Линнская империя обычно содержит армию в миллион человек. На Земле главные силы располагались

вблизи Линна, теперь они уничтожены. Около четырехсот находится на Венере и чуть больше на Марсе.

Клэин подсчитал.

— Это не дает миллиона.

Моркид кивнул.

— Впервые за многие годы численность армии сократилась. Завоевание Венеры, казалось, уничтожило всех потенциальных врагов Линна, и лорд-советник счел, что пришла пора экономить.

— Понятно, — сказал Клэйн. Он побледнел и чувствовал слабость, как человек, который не может самостоятельно передвигаться.

21.

Лидия с трудом выбралась из носилок, сознавая, какой старой и непривлекательной кажется она варварам во дворце. Она не беспокоилась из-за этого. Самое главное, что Чиннар согласился принять ее.

Старая женщина невесело улыбнулась. Она больше не ценила кожу и кости. Была даже какая-то радость в сознании, что она идет навстречу смерти. Несмотря на возраст и некоторое отвращение к самой себе, она не хотела забвения. Но Клэйн просил ее рискнуть. Лидию смутно удивляло, что мысль о мутанте, исполняющем обязанности лорда-правителя, больше не смущала ее. У нее были свои причины верить в способности Клэйна. Она медленно шла по коридорам и знакомым комнатам. Повсюду были рослые и бородатые воины. Глядя на них, она чувствовала оправданными все безжалостные действия, которые она предпринимала в свои дни.

Когда она вошла в тронную комнату, мрачные мысли покинули ее. Она острым взглядом огляделась в поисках загадочного вождя. На троне или поблизости никого не было. Мужчины стояли группами и разговаривали. В одной из групп выделился высокий человек. Все были бородаты, а он гладко выбрит.

Он перестал слушать говорившего, и все замолчали. Тишина передалась остальным группам. Не прошло и минуты, как все смотрели на нее, ожидая, когда заговорит командир. Она тоже ожидала. Чиннар не был красив, но у него была внешность сильного человека. Но этого было мало. Лидия, ожидавшая выдающихся качеств, была поражена.

Лицо Чиннара было скорее чувствительным, чем грубым. И этого было тоже недостаточно для объяснения того факта, что он стал абсолютным повелителем огромных недисциплинированных орд.

Великий человек выступил вперед.

— Леди, — сказал он, — вы просили меня о свидании.

И тут она увидела, в чем его власть. За всю жизнь она не слышала такого сочного баритона, такого прекрасного голоса, привыкшего повелевать. Она поняла, что ошиблась относительно его внешности. Она ждала красоты, а этот человек был прекрасен.

И ее охватил страх. Такой голос, такая личность...

Она усилием воли разорвала очарование и сказала:

— Ты Чиннар?

Ответ снова вызвал у нее оцепенение. Но на этот раз она пришла в себя быстро. И теперь полностью овладела собой. Глаза ее сузились. Она враждебно посмотрела на вождя.

— Я вижу, — сказала она, — что пришла сюда напрасно.

— Естественно. — Чиннар склонил голову. Он не спросил ее, зачем она сюда пришла. Стоял и вежливо ждал, когда она кончит говорить.

— Пока я не увидела тебя, — угрюмо говорила Лидия, — я считала тебя талантливым полководцем. Но теперь вижу, что ты считаешь себя орудием судьбы. Я вижу, как тебя укладывают в могилу.

В комнате послышался гневный ропот. Чиннар жестом восстановил тишину.

— Мадам, ваши слова оскорбляют моих офицеров. Говорите, зачем вы пришли, и тогда я решу, что буду с вами делать.

Лидия кивнула, она заметила, что он не сказал, что сам оскорблен. Она внутренне вздохнула. Мысленно она

уже составила представление об этом человеке и испугалась. Истории были известны прирожденные вожди, порождаемые немыми классами. В них была воля править и умереть. Воздействие их на свое время было колоссально. Такие люди даже в смертных муках тащили за собой древние династии. А этот уже убил законного правителя Линна и нанес ошеломляющий удар в сердце империи.

Лидия спокойно сказала:

— Я буду говорить коротко, поскольку вы планируете новые политические и военные кампании. Я пришла по просьбе моего внука лорда Клэйна Линна.

— Мутант. — Чиннар кивнул. Его замечание было уклончиво, просто констатация факта.

Лидия поразилась, насколько хорошо он знает семью Линнов, включая и Клэйна, который всегда старался держаться незаметно. Она продолжала:

— Лорд Клэйн — храмовый ученый и в течение многих лет занимался научными экспериментами. Большая часть его оборудования, к сожалению, в Линне. — Лидия пожала плечами. — Оно абсолютно бесполезно для тебя и твоих людей, но будет большой потерей для цивилизации, если оно потеряется или испортится. Лорд Клэйн просит разрешения послать рабов в свой городской дом, чтобы перевести оборудование в его сельское имение. В обмен...

— Да, — повторил Чиннар, — в обмен...

Голос его звучал насмешливо, и она поняла, что он играл с ней.

— В обмен, — сказала она, — он заплатит и драгоценными металлами, и камнями любую названую тобой сумму.

На лице вождя появилось задумчивое выражение.

— Я слышал об экспериментах лорда Клэйна с так называемыми божьими металлами. Очень любопытные рассказы. Освободившись от своих военных обязанностей, я осмотрю его лабораторию. Можете передать своему внуку, что его план возвращения величайших сокровищ Линна и всей империи был обречен на неудачу. В первые же минуты нападения пять космических кораблей сели у дома лорда Клэйна, чтобы я был уверен, что его загадочное оружие не будет обращено портив моих воинов. Я считаю

большой неудачей, что его самого не было в это время в городе. Можете передать ему, что нас не застала врасплох ночная попытка захватить оборудование. — Он закончил: — Большое облегчение сознавать, что его оборудование в наших руках.

Лидия ничего не сказала. Она не осознавала, в каком напряжении находилась. Ей казалось, что стоит ей заговорить, и она выдаст, как велико ее облегчение. «Можете передать ему». Значит, ей позволено будет уйти. Снова она ждала.

Чиннар прошел вперед и остановился прямо перед ней. В его манерах появилось что-то варварское, до сих пор тщательно скрывавшееся. Намек на насмешку, презрение физически сильного человека к упадку, чувство превосходства над утонченностью Лидии. Когда он заговорил, было ясно, что он осознает, что проявляет милосердие.

— Старуха, — сказал он, — я позволил тебе прийти, потому что ты оказала мне услугу, добившись для своего сына поста лорда-советника. Это событие, и только оно, дало мне возможность осуществить свой план нападения на Линнскую империю. — Он улыбнулся. — Можешь идти и не забывай об этом.

Чиннар медленно поднимался по холму к низкой уродливой изгороди, окружавшей городской дом Клэйна. Он задержался у изгороди, узнав храмовый материал, из которого она сложена, потом пошел дальше. Через несколько минут он рассматривал фонтан кипящей воды. Затем подозвал к себе инженера, руководившего строительством космических кораблей.

— Как это устроено?

Инженер осмотрел основание фонтана. Он не торопился, рослый толстый человек с репутацией сквернослова. Он уже обосновался в одном из линнских дворцов с тремя линнскими девушками-рабынями. Это был счастливый человек, совсем не тщеславный и не гордый. Инженер обнаружил дверцу в основании и опустился на колени в грязь, как простой рабочий. Тут же к нему присоединился Чиннар, не отдавая себе отчета в том, как шокировали его действия высокородных линнцев, принадлежащих к рабам его личной свиты.

— Храмовый материал, — сказал Миван, инженер.

Чиннар кивнул. Они без слов встали, такие вопросы они обсуждали уже на протяжении многих лет. В доме несколько минут спустя вождь и его помощник приподняли ковры, закрывавшие стены коридора, ведущего в лабораторию. Как и вся ограда, стены были теплыми на ощупь.

Вошли в лабораторию и в изумлении переглянулись. Помещение было значительно расширено сравнительно с первоначальным видом, хотя они этого не знали. Одна из стен была убрана. Почти на каждом квадратном ярде обширного нового пола стояли машины непрозрачные и прозрачные, машины большие и маленькие, некоторые явно законченные, другие из отдельных фрагментов.

Чиннар задумчиво прошел вперед, рассматривая машины. Ни разу он не задержался для подробного изучения. Потом краем глаза уловил движение.

Сияние. Он наклонился и вгляделся в длинный черный ящик, напоминающий по форме гроб, покрытый разноцветной и дорогой на вид облицовкой. Внутренность ящика представляла узкий тоннель. По нему катался огненный шар. Он спокойно поворачивался, за минуту покрывая расстояние от одной стены до другой. У дальней стенки он неторопливо остановился, казалось, размышлял над последующими действиями, и начал обратное путешествие.

Сама бессмысленность этого движения очаровала Чиннара. Он осторожно протянул руку к шару. Ничего не произошло. Несмотря на нападение на Линн, он не признавал риска. И он поманил стражника.

— Приведите раба, — приказал он. По его приказу бывший линнский дворянин, потея каждой порой, коснулся пальцем движущегося шара. Палец прошел через пустоту.

Он отшатнулся, испуганный. Однако эксперимент не удовлетворил Чиннара. Снова неохотно, хотя и не так испуганно, раб протянул палец. Чиннар задумчиво смотрел на раба. Что-то отразилось в его взгляде, потому что раб воскликнул:

— Хозяин, я ничего не понял из увиденного. Ничего!

— Убейте его, — сказал Чиннар.

И, нахмурившись, снова повернулся к машине.

— Должна же быть какая-то причина его движения и существования, — упрямо сказал он.

Полчаса спустя он все еще осматривал машину.

22.

Если бы я только мог...» — много раз думал Клэйн. И знал, что не осмелится пока.

Он с некоторым цинизмом позволил присланным лордом Тьюсом перевести в Линн оборудование. В том числе и лучшую свою находку — огненный шар, открытие золотого века, которое до самого сердца потрясло прошлые столетия.

Именно из-за этого шара он позволил Тьюсу захватить контроль над созданием древней удивительной культуры.

Ему нужно было просто оказаться в присутствии шара и, зная его действия, настроиться на него.

Затем он мог контролировать его мысленно на расстоянии — в течение трех дней. И вся необычная мощь шара будет в распоряжении Клэйна.

В какой-то момент третьего дня — точно его определить не удалось — шар перестал «приходить», когда он «зовет» его.

Из действий Тьюса казалось ясным, что он не собирается запрещать Клэйну доступ к оборудованию. Поэтому не важно, что шар будет находиться в Линне под охраной солдат.

Несмотря на все предосторожности, Клэйн не предвидел, что Линн будет захвачен.

И вот оружие, которое помогло бы покончить с войной, находится вне пределов его досягаемости. Разве что он решится на какой-нибудь отчаянный шаг.

Но линнские силы еще недостаточно сильны для захвата чуда.

В линнской армии говорили: «В первый месяц новичок служит причиной гибели своих опытных товарищей. Во второй месяц он мешает отступлению, вызванному его

же присутствием. И лишь на третий месяц он становится пригоден для гибели в первой же стычке».

Клэйн, глядя на группу новичков после нескольких недель обучения, сознавал насколько верно это изречение. Умение хорошо стрелять из лука требовало полного единства мысли и тела. Нож на мечах немыслим без учета действий товарищей. А владение копьем — само по себе искусство.

В этот вечер Клэйн доложил командному составу план действий, являющийся попыткой скрыть слабость. План предусматривал использование необученных людей в первой линии обороны. Клэйн говорил:

— Не предупреждайте их. Выведите их на открытый воздух и учите простейшим приемам пользования оружием. Сначала лук и стрелы, потом копья и, наконец, мечи.

После совещания он изучил сообщение городов Норрис и Ралф, которые сдались буквально без борьбы. Когда началась атака варваров, рабы просто перебили своих хозяев. Примечание генерального штаба рекомендовало массовую казнь всех пригодных к воинской службе мужчин-рабов.

Клэйн разослал приглашения собравшимся торговым и промышленным деятелям на утреннюю встречу и унес с собой в постель проблему рабов.

В десять утра он открыл совещание и сообщил, что армия рекомендует смерть всех мужчин-рабов.

Это заявление вызвало гул.

Один сказал:

— Ваше превосходительство, это невозможно. Нельзя уничтожить такое ценное имущество.

За двумя исключениями это казалось общим мнением. Оба исключения представляли собой молодых людей. Один из них заявил:

— Джентльмены, это необходимое действие.

Другой сказал:

— Я надеюсь, что кризис делает возможным осуществление большого прогрессивного дела — конец рабства в Линне.

Клэйн вышел вперед и поднял руку. Когда все смолкли, он начал:

— Сейчас не время для полумер. Нужно принять одну или другую сторону альтернативы.

После завершения переговоров между группами торговцев их представитель сказал:

— Ваше превосходительство, собравшиеся здесь деловые люди считают возможным обещать рабам свободу.

Клэйн долго смотрел на улыбающуюся аудиторию, потом повернулся и вышел. В этот день он подготовил специальный бюллетень.

«Свобода за верную службу по приказу его превосходительства лорда Клэйна Линна, правителя Линна, храмового ученого, возлюбленного самих атомных богов.

Приветствую всех добрых мужчин и женщин, верно служивших защищаемой богами Линнской империи. У вас есть возможность получить полную свободу, которую вы заслужили своими действиями и отношением за прошлые годы.

На империю налетели жестокие и грубые варвары. Их успех может быть только временным: непреодолимые силы собираются против них. Линнская миллионная армия на пути с Венеры и Марса, а тут на Земле готовится к сражению армия численностью более чем в два миллиона.

У противника меньше чем шестьдесят тысяч солдат. И к этой маленькой армии, чей первоначальный успех объясняется внезапностью нападения, поторопились присоединиться некоторые мужчины и женщины. Всем женщинам, если они только не замешаны в преступлениях, обещаю прощение. Для мужчин, которые перешли на сторону врага, остается лишь одна надежда: немедленно бегите из варварской армии и явитесь в один из сборных лагерей, перечисленных в конце этой прокламации. В лагере не будет стражи, и раз в неделю будет проводиться перекличка. Каждый мужчина, чье имя будет регулярно появляться в списках, получит полную свободу после разгрома врага.

Для непокорных наказание — смерть!

Тем мужчинам и женщинам, которые продолжают свою верную службу, я, лорд Клэйн, приказываю:

Все женщины и дети должны оставаться на прежних местах и служить, как и раньше.

Все мужчины должны явиться к хозяину и сказать: «Я хочу исполнять приказ лорда Клэйна. Дайте мне недель-

ный запас питания, чтобы я смог добраться до сборного пункта».

Получив пищу, немедленно уходите, не задерживайтесь ни на час.

Если по какой-то причине вашего хозяина нет дома, берите пищу и уходите без разрешения. Никто не помешает вам покинуть город.

Всякий мужчина, к которому относится этот приказ и который будет найден в городе спустя двадцать четыре часа после объявления этой прокламации, будет заподозрен в измене.

Наказание — смерть!

Чтобы спастись, идите в сборные лагеря, чтобы ваше имя регулярно появлялось в недельных списках. Если варвары нападут на ваш лагерь, рассыпьтесь по лесам и холмам и прячьтесь, а потом идите в другой лагерь. Все лагеря будут снабжены пищей.

Все, доказавшие свою верность, получат свободу. И они немедленно получат право вступить в брак. Им будут предоставлены земли для поселения. А через пять лет они получат права гражданства.

Наступает конец рабства в Линнской империи.

БЛАГОРАЗУМИЕ — БЕЗОПАСНОСТЬ — СВОБОДА

Документ имел свои слабые места, и, прежде чем опубликовать его, Клэйн обсуждал его достоинства с группой сомневающихся офицеров. Он не обращался к торговцам — они слишком заинтересованы в выгоде, чтобы рассуждать объективно. Клэйн указал, что невозможно сохранять приказ о массовых казнях. Большинство рабов бежит, и тогда они станут опасны. Он признал, что прокламация содержит немало лжи. Только в Линне миллионы рабов перешли на сторону Чиннара, который использует их для несения гарнизонной службы в городах. А его армия всегда готова к битве. Спор кончил Морид.

— Джентльмены, — сказал он, — вы как будто не осознаете, что наш главнокомандующий одним ударом покончил со всеми нашими иллюзиями и ложными надеждами и сразу занялся самым основным в том положении, в котором мы очутились. По самому обсуждению

ясно, что у нас нет выбора.Во время неминуемой катастрофы мы счастливы, что наш предводитель — первоклассный гений, наметивший дорогу, которая приведет нас к победе.

Джентльмены, да здравствует лорд Клэйн Линн, исполняющий обязанности лорда-правителя Линна!

Аплодисменты длились пять минут.

23.

Клэйн следил за битвой при Гораме с патрульного корабля, перелетавшего с одного пункта в другой. Вражеские корабли все время старались перехватить его, но у его корабля были быстрые и маневренные двигатели.

Испробовали и обычный трюк, стараясь занять положение над кораблем. Но ожидавшегося не произошло. Маленький корабль даже не нырнул, что было бы обычной реакцией.

Тем не менее эти попытки обеспокоили Клэйна. Чиннар, конечно, понимал, что его противник знает больше о металлах богов, чем он и его техники. Но плохо, если он заключит по поведению корабля, что на его борту находится сам Клэйн. А Клэйн хотел увидеть битву.

Оборона была прочной на основании того факта, что за четыре недели пало еще несколько городов. Необученные угрюмо сражались не на жизнь, а на смерть. Стрелы косили нападающих, копья, направленные неумелыми, но в достаточной степени отчаянными людьми, причиняли раны, а иногда и смерть. Худо было в бою с мечами. Мускулистые могучие варвары расправлялись со своими более слабыми физически противниками.

Первая линия обороны погибла. Началось сражение у второй линии. Вперед выдвинулся резерв варваров и был встречен волной стрел, затмившей небо. Ржание лошадей, проклятия раненых поднимались к кораблю. Защитники держались вместе. Таковы были указания. Отступление к центральной площади, которая прочно оборонялась от не ожидавших нападения с тыла.

В последнюю минуту космические корабли возьмут на борт теснимую, но теоретически все еще действенную армию бывших штатских. Через полтора месяца обучения она была слишком ценной, чтобы дать ей погибнуть в битве.

Такое упорное сопротивление определит ход войны. Подсчитывая потери после очередной битвы, Чиннар призадумается. Его армия, усиленная рабами, росла с каждым днем. Но чем больше она становилась, тем трудней ей становилось управлять.

Но относительно исхода этой битвы или судьбы этого города не было никаких сомнений. Когда темный прибой почти нахлынул с востока, победные костры загорелись на всех главных улицах. Дым поднимался к небу. И линнцы, испытавшие первые минуты варварской оккупации, были не в состоянии оценить тот факт, что именно это поражение послужит поворотом в войне.

Пришло время решать когда, где и при каких условиях главные линнские силы дадут решающее сражение за власть над планетой. И еще одно решение, включающее огромный риск — приблизиться к огненному шару. Клэйн поежился и плотнее запахнул плащ.

Он все еще размышлял об этом, когда принесли послание. Его доставил пленный линнский дворянин, освобожденный варварами.

В послании Чиннара была всего лишь одна фраза: «Задумывались ли вы когда-нибудь, мой дорогой лорд Клэйн, как была уничтожена цивилизация золотого века?»

Над этой проблемой Клэйн ломал голову множество раз. Но откуда может знать ответ варвар?

Дворянина Клэйн расспросил относительно условий в Линне. Ответы были неприятные. Множество рабов отомстило прежним хозяевам. Бесчисленное количество линнских женщин превратилось в проституток.

Расспрашивая о новостях, Клэйн узнал, что Чиннар публично пригласил храмовых ученых позаботиться о «некоторых реликтах, ранее принадлежавших Клэйну».

— Он действительно назвал меня?

— Ваше имя было в объявлении, — ответил дворянин. — Я читал его во время выполнения одного поручения вне дворца.

Клэйн долго обдумывал этот разговор. Он заподозрил ловушку — и все же Чиннар не мог знать ценности огненной сферы.

Даже если он заглянул внутрь, он мог удивиться. Но это ничего не дало бы ему.

Тем не менее допустим, что это ловушка. Но для его целей достаточно на мгновение приблизиться к шару. Решится ли он на такой шаг?

Он все еще размышлял, когда другой освобожденный дворянин принес второе послание Чиннара:

«Я бы хотел поговорить с вами и показать вам нечто, ранее вами не виденное... Можете ли вы придумать, как организовать такую встречу?»

На следующий день лорд Клэйн показал это послание своему штабу. Все единодушно выступили против такой встречи, но согласились, что есть возможность отправить формальное послание вождю варваров.

Мутант, у которого были свои причины проявить твердость, уже написал ответ. И прочел его офицерам:

«Вождю варваров Чиннару.

Ваша трусливая попытка получить прощение за свои кровавые преступления путем личного обращения ко мне бесполезна! Убирайтесь с планеты вместе со своим войском. Только немедленное отступление может спасти вас и Европу от гибели.

Клэйн, исполняющий обязанности лорда-правителя».

Послание было одобрено и отправлено с пленным варваром. Клэйн начал немедленную подготовку к наступлению на Линн. И этот план неоднократно обсуждался штабом. Офицеры считали, что высадка десантов смутит противника и даст возможность линнской армии овладеть городом. Предполагалось, что удержать город невозможно и уже на следующую ночь после наступления из него придется уйти.

Клэйну этого было достаточно. Накануне наступления он сам отправился в Линн, проделав основную часть пути в воздушном скутере. В уединенном месте он выгрузил из скутера осла и телегу и прошел с ними последние двадцать миль.

В своей одежде храмового посвященного он ничем не выделялся. Армия рабов, удерживающая Линн, была так

многочисленна, что силам Чиннара пришлось допустить нормальный приток пищи в город во избежание голодной смерти.

Клэйн вошел без помех со стороны бывших рабов, которые охраняли ворота. Внутри он вызвал еще меньше подозрений, и никто не остановил его на улице по пути к городскому дому. Он поднялся на холм. Единственный солдат-варвар, охранявший ту часть изгороди, позволил ему провести телегу.

С озабоченным видом, как будто выполнял обычное дело, Клэйн направился к черному входу в дом, передал овощи женщинам и спросил:

— Кто начальник сегодня?

— Глидон.

— Где он? — спросил Клэйн.

— В кабинете, вот здесь. — И старшая из двух женщин указала на главный вход, проходящий через центральную комнату, где размещалась большая часть его бесценного оборудования.

Войдя в большую комнату, Клэйн заметил у всех входов в нее солдат-варваров. А в центре комнаты увидел контейнер с огненным шаром.

Он мог пройти мимо и коснуться его, проходя.

Не торопясь, он прошел вперед, коснулся пальцем поверхности сферы и продолжал идти по кабинету.

Ему очень хотелось не допускать больше риска. Если он будет действовать наверняка, то захватит дом, и ящик окажется в его власти.

Но если он продолжит выполнять свой план, а ящик переместят в течение трех дней, он не сможет отыскать его...

На него произвели впечатление послания Чиннара. У вождя варваров имелась какая-то важнейшая информация. Каким образом он раздобыл такой ценный предмет, что рискнул самоуважением, устанавливая связь с Клэйном?

Если поторопиться, то знание может быть утеряно.

Идя по комнате, мутант молча укрепился в своем решении. Чуть погодя он уже говорил офицеру, что пришел позаботиться о реликвиях атомных богов.

Огромный варвар встал, посмотрел на него, почти наивно ахнул и подозвал двух солдат.

— Лорд Клэйн Линн, вы арестованы!

Одному из офицеров он приказал принести веревку и связать его.

Мутант послушно дал себя связать.

24.

Получив сообщение, Чиннар немедленно направился в Линн. На крыше центрального дворца он встретил Мееван. Его полное лицо улыбалось.

— Ваше предположение подтвердилось, — сказал он. — Вы говорили, что он предпримет попытку в критический момент вторжения. Он явится сегодня утром.

— Расскажи мне все подробно, — проговорил золотой голос. Чиннар слушал. Когда рассказ был окончен, он стал задавать вопросы. Каждый ответ, казалось, вызывал у него новые вопросы. Наконец Мееван ворчливо сказал:

— Ваше превосходительство, я не сомневаюсь, что наши люди выполнили все лучшим образом. Они клянутся, что захватили его при входе в здание, прежде чем он успел что-либо сделать или чего-нибудь коснуться. Но какое это имеет значение? Что вас смущает?

Чиннар промолчал. Он сам не сознавал, какое напряжение охватило его. В конце концов ситуация прочная. Он открыто пригласил храмовых ученых позаботиться о «реликвиях божественного металла».

Предложение было тщательно сформулировано и должно было вызвать одобрение побежденных, даже если приводило к поражению единственного интересовавшего его храмового ученого. Единственное условие: ученые должны были в обмен на возвращение реликвии продолжить эксперимент.

«Боги, — ханжески писал Чиннар в приглашении, — выше человеческих рыцарей».

Очевидно, одна цель достигнута. Мутант сам представил себя для этой работы. Чиннар размышлял о дальнейших шагах.

— Приведите его сюда, — сказал он. — Нельзя рисковать, оставляя его в своем доме. Мы знаем слишком мало, а он слишком много.

Отдыхая, он рассматривал огненный стержень — один из немногих в доме действовавших образцов. Чиннар не торопился в своих выводах. То, что стержень действовал неделю назад, не означало, что он будет действовать сейчас. Чиннар испытал его, направив на крону ближайшего дерева. Не было ни звука, ни света, но верхняя часть дерева обрушилась на тропу. Чиннар испытал удовлетворение человека, чья логика оказалась верной. С самой юности, когда он был писцом в захолустье, до дней власти он шел на риск, который считал необходимым, но не больше. Он не мог быть уверен, что атомный колдун Клэйн не нанесет ему поражение при помощи какой-нибудь уловки. Несколько минут он размышлял над этим, затем приказал принести из дворца ящик. Содержимое ящика прибыло с Европы, упакованное в лед. Чиннар указывал рабам, куда поставить ящик, когда в тронный зал вбежал запыхавшийся офицер.

— Сотни космических кораблей! — крикнул он. — Нападение!

Глядя из окна на снижающиеся корабли, Чиннар понял, что его подозрения были оправданы. Появление Клэйна в городе было частью плана, который теперь осуществлялся. Приятно осознавать, что сам Клэйн попался в ловушку.

Чиннар не стал тратить времени на битву. Все равно из дворца он не увидел бы важнейших подробностей. Не было у него и того чувства, что командиры должны знать его место нахождение на всех этапах схватки. Он написал записку Меевану и приказал нести за собой ящик. Потом под сильной охраной направился в штаб резервной армии.

Ядро резерва составляли варвары, но подобно основным защитным силам города они состояли из рабов. Появление Чиннара было встречено ревом. Приветственные крики звучали долго после того, как он вошел в здание.

Он обговорил ситуацию с некоторыми командирами рабов и нашел, что те сохранили спокойствие и уверенность. Согласно их оценке, в первой волне высадилось шестьдесят тысяч линнских солдат. Рабам, по-видимому, в голову не пришло, что совпадение с первоначальным числом варваров не случайно. Чиннар призадумался, не имеет ли оно какое-либо символическое значение. Такая возможность вызвала у него усмешку. Не символы — мечи говорят на языке победы.

К полудню нападение было отбито во всех пунктах. Все еще капающий ящик доставили во дворец к трем. Поскольку больше опасности не было, Чиннар отправил курьера к Меевану. В три тридцать появился Мееван. За ним рабы несли носилки, в которых находился связанный по рукам и ногам Клэйн. Опустив носилки, рабы удалились. Наступила тишина.

Клэйн с истинным интересом рассматривал вождя варваров. Мнение леди Лидии поразило его больше, чем он признавался себе. Вопрос в том, можно ли убедить этого сильного военного гения в том, что атомные боги существуют. Убедить в течение получаса. К счастью, в своей карьере храмового ученого Клэйн чувствовал могучую силу, найденную колдунами легендарных дней. Он увидел, что безразличное отношение на лице Чиннара сменяется отвращением.

— Клянусь большими ямами, вы, линнцы, — сказал он с отвращением, — все одинаковы, все слабы.

Клэйн ничего не ответил. Он часто с сожалением смотрел в зеркало и видел то, что видит сейчас Чиннар: стройного молодого человека с бледным женственным лицом... что же, этому не поможешь.

Выражение лица Чиннара снова изменилось, на нем появилась ирония.

— Я говорю с Клэйном Линном? — вежливо спросил он. — Мы не ошиблись?

— Не ошиблись, — спокойно ответил Клэйн. — Я явился сюда с единственной целью — поговорить с вами, пока длится битва. И вот я здесь.

Вероятно, это прозвучало смешно из уст связанного человека. Охранники фыркнули, и Мееван хихикнул.

Только Чиннар не прореагировал. Его голос был спокоен, когда он сказал:

— У меня нет ни времени, ни желания играть словами. Я вижу, вы рассчитываете на что-то. Вероятно, это имеет отношение к вашим знаниям атомной энергии.

Он взял в руки стержень.

— Насколько я понимаю, мы можем убить вас в секунду.

Клэйн покачал головой.

— Вы ошибаетесь. Убить меня невозможно.

Мееван не выдержал. Выступил вперед и сказал:

— Чиннар, этот человек невыносим. Позволь мне ударить его по лицу, и мы посмотрим, защитят ли его атомные боги от такого бесчестья.

Чиннар отстранил его. Яркими глазами он смотрел на пленника. Его поразила быстрота, с какой в комнате воцарилось напряжение, и, невероятно, но пленник перехватил преимущество. «Меня невозможно убить», — этим предложением он бросил им вызов.

Чиннар сморщил лоб. Он, руководствуясь здравым смыслом, а не предчувствуя опасность, обращался с Клэйном осторожно. Но сейчас он счел, что этот человек ведет себя ненормально. В словах мутанта звучало убеждение. Цель его вторжения в Линнскую империю может оказаться в опасности.

Он сказал настойчиво:

— Я должен кое-что показать вам. Пока вы не увидите этого, не будет сделано попытки убить вас. Со своей стороны не торопитесь применять то, что есть в вашей власти, пока не увидели.

Он заметил удивленный взгляд Меевана.

— Власть! — воскликнул инженер, и это прозвучало как проклятие. — Его власть!

Чиннар не обратил на это внимание. Тут была его собственная тайна и откладывать он не мог.

— Принесите сюда ящик, — приказал он.

Ящик был насквозь мокрым. Он оставил грязный след на ковре, а там, где его поставили, образовалась лужа. Прошло некоторое время, пока потеющие рабы снимали крышку. Даже стражники вытягивали шеи, пытаясь уви-

деть содержимое. Возгласы ужаса прервали напряженное ожидание.

Внутри находилось нечто восьми футов в длину. Ширину его определить нельзя, но складки тела создавали впечатление большого размера. Оно, очевидно, погибло незадолго до того, как его поместили в лед. Выглядело свежим, почти живым, нечеловеческое, глядящее мертвым взглядом в расписной потолок.

— Откуда оно у вас? — спросил Клэйн.

— Найдено на одном из спутников... через несколько часов после того, как там видели чужой корабль.

— Давно?

— Два земных года.

— Похоже, что корабль улетел.

Чиннар покачал головой.

— Семь месяцев назад шахтеры нашли точно такое же в космическом костюме на метеорите.

Мутант долго рассматривал существо. Наконец он поднял голову и встретился с взглядом Чиннара. Клэйн спросил:

— Как вы это объясните?

— Нечеловеческая раса с огромными научными знаниями. Безжалостная, враждебная... До того, как было найдено тело, меня удивляли доклады о катастрофах в отдаленных районах Европы... Я думаю, что это второе посещение Солнечной системы. Не могу вам сейчас изложить все доводы, но я считаю, что цивилизация золотого века погибла при первом посещении.

Клэйн сказал:

— Я рад, что вы показали мне это, но с какой целью?

Чиннар перевел дыхание и сделал второй ход, чтобы предотвратить катастрофу, о которой свидетельствовали действия и манеры необычного пленника. Он сказал:

— Будет большой ошибкой если мы с вами продолжим взаимоуничтожение.

— Вы просите о милости?

Это было слишком. Варвар зарычал.

— Я обращаюсь к здравому смыслу.

— Невозможно, — сказал Клэйн. — Людям нужна месть. Они поймут победу, если она придет с вашей смертью.

Эти слова вызвали ругательства Меевана.

— Чиннар, — закричал он. — Что за вздор, я никогда не видел вас таким. Не признаю людей, заранее обреченных на поражение. Я покажу вам, что нужно делать с этим... Стражники, проткните его копьем!

Никто не двинулся. Напряжение вождя передалось воинам. Они неуверенно переглядывались. Мееван выхватил у одного из них меч и бросился на связанного пленника.

И исчез. На его месте вспыхнул огненный шар.

— Попробуйте использовать против меня огненный стержень, — послышался голос Клэйна. — Попробуйте, вам это не повредит.

Чиннар поднял стержень и нажал активатор. Ничего не произошло... Нет! Шар пламени засверкал ярче.

Голос Клэйна нарушил тишину.

— Вы по-прежнему не верите в богов?

— Я поражен, — ответил Чиннар. — Я уверен, что вы распространяете суеверия, а не знания. Мы, варвары, гордо презираем вас за эту попытку поставить преграды на пути человеческого духа. Мы свободные мыслители, и вся ваша атомная энергия не сможет закрепостить нашу мысль.

Он пожал плечами.

— Что же касается вашего управления огненным шаром, не буду делать вид, что понимаю это.

Наконец-то он прорвался через ледяную оболочку мутанта.

— Вы действительно не верите в существование атомных богов? — недоверчиво спросил Клэйн.

— Стражники! — пронзительно крикнул Чиннар. — Нападите на него со всех сторон!

Огненный шар полыхнул. Стражников не стало.

— Теперь верите? — спросил Клэйн.

Варвар выглядел уставшим и постаревшим.

— Я проиграл войну, — пробормотал он. — Я только это признаю. Можете подобрать мантию, упавшую с моих плеч. Во имя ваших богов, что это за шар?

— Он содержит в себе всю звездную вселенную.

Чиннар наморщил лоб и наклонился, как бы пытаясь понять.

— Какую вселенную? — спросил он.

— Когда смотришь внутрь через пустую трубу, — терпеливо объяснил Клэйн, — видишь звезды. Как окно. Только это не окно. Это сама вселенная.

Вождь варваров казался искренне смущенным.

— Это вселенная, — переспросил он.

Клэйн кивнул. Даже с найденными древними объяснениями ему нелегко было свыкнуться с этой мыслью.

Чиннар покачал головой.

— И Земля здесь? — он указал на сверкающую сферу.

— Это четвертое измерение, — по-прежнему терпеливо ответил Клэйн. Он видел перед собой ошеломленного человека и не хотел использовать это свое преимущество.

Варвар сузил глаза и сказал:

— Как поместить больший предмет в меньший? — он требовал логичного объяснения.

— Когда размер есть лишь иллюзия, зависящая от точки зрения, проблемы не существует.

Чиннар поразмыслил над этим.

— Я полагаю, что на одном этапе наших отношений вы говорите правду. Очевидно, вы не собираетесь мне рассказывать о вашем оружии. А ваш фантастический рассказ я отвергаю.

Клэйн покачал головой, но ничего не сказал. Он дал единственное объяснение, которое натолкнулось на здравый смысл противника. Он не винил варвара. Сам он только постепенно примирился с мыслью, что материя и энергия отличны от того, чем кажутся.

А теперь настало время действовать, заставлять, убеждать. Он встал, и огненный шар поднялся над его головой, повторяя все его движения.

Чиннар упрямо сказал:

— Ошибка — убивать человека, даже раба.

Клэйн ответил:

— Боги требуют абсолютной покорности.

Чиннар воскликнул в ярости:

— Вы глупец! Я предлагаю вам Солнечную систему! Неужели это чудовище в ящике никак не повлияло на ваши намерения?

— Повлияло.

— Но тогда...

— Я не верю в объединенное руководство.

Пауза. Потом Чиннар сказал:

— Вы далеко зашли. Раньше вы использовали атомную энергию, чтобы спастись.

— Да, я далеко зашел, — согласился Клэйн.

Чиннар взглянул на существо в ящике.

— Подлинная опасность для Линна здесь... Обещаете ли вы стать лордом-правителем?

— Я ничего не обещаю.

Они взглянули друг на друга, два человека, понимающие друг друга. Тишину нарушил Чиннар.

— Я сдаюсь, — сказал он со вздохом. — Сдаюсь вам, одному со всеми своими силами в надежде, что у вас хватит храбрости и здравого смысла не уклоняться от ваших новых обязанностей как защитника Солнечной системы... эту роль, — угрюмо закончил он, — я предназначал себе.

В хорошо охраняемой комнате в отдаленном пригороде Линна сгусток энергии равномерно двигался взад и вперед. По всей Солнечной системе не было ничего подобного этому сгустку. Он выглядел маленьким, но то был обман человеческих чувств. Книги, описывавшие его, и люди, написавшие их, знали лишь часть его тайны.

Они знали, что внутри микровселенной пульсируют многообразные отрицательные силы. Они реагировали на космические лучи и атомную энергию, как ненасытная губка. Никакая субмолекулярная энергия, высвобожденная в присутствии сгустка, не могла уйти от него.

Лишь одна слабость была в сгустке, и люди ухватились за нее. Сгусток имитировал мысль. Так казалось.

Наблюдая за этим удивительным феноменом, Клэйн, как и древние мудрецы до него, задавали вопрос: означает ли это, что человек контролирует вселенную, или же вселенная контролирует человека?

ВОЛШЕБНИК ЛИННА

1.

Дитя богов» сделало прогресс. Рожденный презираемым мутантом в царствующей семье полуварварской, приходящей в упадок Линнской империи около 12000 г. н. э., он вырос почти незамеченным теми в семье и правительстве, кто был занят бесконечными интригами в борьбе за власть. Отосланный на обучение в храмы, он узнал внутреннее значение материи от нескольких мудрецов, которые поняли секрет атомных богов. К тому времени, когда его потенциальные враги поняли, что он может быть опасен для их замыслов, он стал уже слишком силен, чтобы его можно было уничтожить.

Он исследовал гигантские шахты, где, как считалось, жили атомные боги, и понял, что это были остатки разрушенных городов. Из остатков, найденных им в руинах, он собрал по частям механизмы и оружие, включая и чудесный шар, поглощающий либо расщепляющий всякую энергию и материю, к которым он прикасался, кроме — это было догадкой Клэйна, основанной на том, что это страшное оружие тем не менее не смогло защитить исчезнувшую цивилизацию — «защищенной» материи. Шар реагировал на мысль контролирующего его человека.

Его открытия объясняли многое. Они объясняли полумифические истории о давно погибшей удивительной цивилизации, существовавшей где-то несколько тысячелетий назад. Они также давали более ясную картину того, каким образом культура лука и стрелы могла бок о бок существовать с простейшими космическими кораблями, которые мог построить любой умелец, и они давали частичное объяснение так называемым «божественным» металлам, приводившим корабли в движение. Однако тайна позабытой катастрофы осталась без объяснения.

А затем со спутника Юпитера, Европы, в Линн вторгся Чиннар со своими варварскими ордами. Он привез с собой мертвое тело огромного нечеловеческого существа. Чиннар полагал, что очень давно такие существа пришли со

звезд и уничтожили человеческую цивилизацию. И хотя его собственное нападение на Линнскую империю потерпело неудачу, своим государственным отношением к благоденствию человеческой расы, ему удалось убедить Клэйна в том, что присутствие в Солнечной системе одного чудовища говорит о близости еще одного вторжения. Клэйн, в древнейших книгах уже встречавший неясные упоминания о каких-то Риссах, был поражен искренностью варвара. Однако он отверг притязания Чиннара взять контроль над Линнской Империей. И без того было слишком много сложностей, запутанностей, осложнений.

Например, то, что новый лорд-советник, лорд Джеррин, был его братом.

Чужой корабль двигался в обманчивой темноте, где лишь редкие отблески отраженного солнечного света показывали его присутствие. Он останавливался на многие месяцы, чтобы изучить спутники Юпитера, и находившиеся на его борту Риссы не скрывали присутствия своего корабля, но и не выставляли ни его, ни себя напоказ.

Группы разведчиков Риссов натыкались на людей множество раз. В таких случаях действия их оставались неизменными. Они убивали всякого видевшего их человека любой ценой. Однажды на далеком Титане холмистая местность с ее несчетными пещерами дали возможность одному человеку избежать сети, которую они для него расставили. В ту ночь, после того, как у него было достаточно времени, чтобы добраться до ближайшего селения, атомная бомба поглотила весь этот район.

Чего бы это ни стоило, такой курс оправдывался. Несмотря на нерегулярность полетов их корабля над городами и поселками, присутствие большого корабля отмечалось в весьма неясных докладах. И очень долго никто не подозревал, что на этом корабле были нечеловеческие существа.

Их меры предосторожности не могли изменить обычный порядок жизни и смерти. В нескольких часах от Титана, одного Рисса — оператора, ремонтировавшего незначительную поломку в приборе на внешней поверхности космического корабля, ударило метеором. По невероятному совпадению, этот летающий объект двигался в том

же направлении, что и корабль и приблизительно с такой же скоростью. Оператора убило ударом и смело в космос. На Европе, самом большом спутнике, разведывательный корабль Риссов, пилотируемый одним астронавтом, совершил автоматическое возвращение на корабль-матку, но без пилота на борту. Его спидометр показал более тысячи миль полета, и пытавшиеся проследить его обратную кривую оказались над такими обрывистыми и крутыми горами, что поиск был быстро прекращен.

Как ни странно, оба тела были найдены, первое — войсками, занятыми в изнурительных маневрах, подготавливающих вторжение Чиннара на Землю, второе — шахтерами с Европы. Оба чудовища были принесены предводителю; и, сложив вместе различные сообщения, он сделал удивительно точную догадку о происхождении этих странных существ.

Его нападение на Землю и последовавшее поражение от руки лорда Клэйна Линна состоялось несколькими месяцами позже, в то время чужой корабль все еще находился вблизи Европы. Машина со звезд продолжала свой неспешный поход-исследование. Она прибыла на Марс меньше чем через месяц после того, как лорд Джеррин и его армия отправились на Землю, и прошел еще один месяц, прежде чем о ее существовании доложили Линнскому военному коменданту на Марсе.

Потомок великого Рахейнла, комендант был гордый молодой человек, и он отклонил первый отчет как вымысел или результат буйного воображения, весьма распространенного в этих районах, где образование пало жертвой затянувшихся войн. Но когда из другого сектора поступил второй доклад, ему пришло в голову, что это мог быть марсианский вариант варварского вторжения. Он действовал быстро и решительно.

Полицейские и патрульные корабли рыскали в атмосфере. А так как чужак не делал никаких усилий, чтобы остаться незамеченным, контакт был установлен почти сразу же. Два полицейских корабля были уничтожены огромными вспышками энергии. Остальные корабли, наблюдавшие катастрофу на расстоянии, поспешно отступили.

Если Риссы и поняли, что они попали в более высоко развитую часть Солнечной системы, то судя по их действиям, это их не особенно обеспокоило. Возможно, они даже не догадывались, что в этих районах их действия означали войну.

Комендант отправил на Землю предупреждение, а затем приступил к организации своих сил. В течение двух недель его патрульные суда собирали информацию, и вырисовывающаяся картина была для непреклонного молодого человека весьма удовлетворительной. Противник, как казалось, высылал разведывательные группы на небольших кораблях. Их-то на пятнадцатый день и атаковали роем кораблей, пилотируемых людьми.

Техника нападения была очень тщательно подготовлена. В каждом случае была сделана попытка протаранить корабль Риссов. Успешными были четыре атаки. Падая вниз на землю, разбитые «подъемные» корабли блестели в пасмурном полуденном свете. Космические корабли молниеносно пикировали, затаскивали упавшие машины на борт и поспешно взлетали к широко разделенным посадочным полям.

Это была главная победа, даже более значительная, чем подозревали в самом начале. Враг отреагировал на следующее утро. Город Гадре взлетел от колоссального взрыва, взметнувшегося грибом дыма, затмившим небо на сотни миль.

Жестокость контрудара завершила войну на Марсе. С этих пор чужак остался в совершенном одиночестве. Юный Рахэйнл, пораженный жестокостью ответа, приказал начать эвакуацию из крупных городов и послал очередной из длинной серии предупреждающих докладов на Землю. Отослал он для осмотра и два наиболее крупных и наименее поврежденных из вражеских кораблей, захваченных им.

Где-то через месяц он перестал получать доклады о присутствии корабля в марсианской атмосфере. Он заключил, что тот отправился на Землю и на этом основании составил свой последний доклад. И успокоился.

Теперь проблема пришельцев будет занимать умы более оснащенных и подготовленных людей, и будет решена, если ее вообще можно решить.

Джеррин изучал первый доклад с Марса, когда его жена Лилидел вошла в комнату. Он поднялся, проводил ее с младенцем, лежащим у нее на руках — их седьмой ребенок — до стула. Его беспокоила предстоящая беседа. Он заранее знал, о чем пойдет речь.

Лилидел начала сразу. И, как он и ожидал, речь действительно шла о его брате, Клэйне. Он слушал вежливо, с растущим раздражением, которое возникало у него всякий раз, когда она эмоциями пыталась повлиять на его мнение. Дав ей выговориться, он мягко вставил:

— Дорогая моя, если Клэйн хотел взять власть, то у него было два полных месяца между окончанием войны с варварами и моим возвращением.

Она уважительно слушала. Лилидел — он вынужден был это признать — была замечательной женой. Исполненная сознанием долга, добрая, благоразумная и с незапятнанным прошлым, она была, как он много раз подчеркивал, образцом среди женщин благородного происхождения.

Порой Джеррин задумывался и не мог понять — что же в ней раздражало его. Он страдал от того, что ему приходилось думать об этом. Потому что, если рассматривать по отдельности, ее характер был совершенным. И все-таки в целом, временами она раздражала его до отчаяния. Он снова заговорил:

— Мы должны признать, что Клэйн провел кампанию против варварского вторжения с замечательным мастерством. Я до сих пор не совсем понимаю, как это было сделано.

Он сразу понял, что сказал не то. По мнению Лилидел, это была ошибка — быть слишком великодушным в оценке заслуг других. Клэйн всего лишь исполнил свой долг. Сейчас же не было причин, мешавших ему вернуться к личной жизни, так почему бы ему не ограничить свои амбиции на благо семьи и государства.

Джеррин с грустью слушал. Он был всерьез недоволен тем, как вел себя по отношению к победе брата. Самое меньшее Клэйну следовало бы предложить Триумф. Но однако его советники предупредили его, что такое признание будет весьма опасным.

Когда он снова заговорил, его слова казались прямым ответом Лилидел. Фактически, это была отчасти защитная реакция на всех, кто сдерживал его естественное стремление отдать должное там, где это нужно. Он сказал:

— Дорогая моя, если то, что я слышал о Клэйне — правда, тогда он смог бы захватить контроль над правительством в любое время. И я бы хотел подчеркнуть еще одно: мысль о том, что место лорда-советника — это законная собственность моей ветви семьи — это иллюзия. Мы можем держать его, но власть ускользает из рук человека даже когда он считает, что крепко ее держит. У меня здесь, — он поднял доклад с Марса, — очень серьезное сообщение от генерала Рахэйнла.

Ему не позволили так просто сменить тему. Если у него нет никаких амбиций относительно своего будущего, то по крайней мере он мог бы подумать о собственном отпрыске. Выходило так, что основная его забота — утверждение в качестве наследника старшего сына. Юному Каладжу было сейчас семнадцать лет. И определить его будущее необходимо заранее. Джеррин наконец прервал ее:

— Я собирался сказать тебе. Я должен совершить инспекционную поездку по провинциям и выезжаю сегодня после обеда. Нам лучше отложить эту дискуссию до моего возвращения.

Лилидел оставила последнее слово за собой, сказав, что ему повезло с женой, соглашающейся на его участившиеся отъезды с тяжелым, но понимающим сердцем.

2.

Кто-то сказал:

— Смотрите!

В этом слове было столько изумления, что лорд Джеррин невольно обернулся. Все вокруг вытягивали шеи, вглядываясь в небо.

Он перевел взгляд туда, куда смотрели уже все. И его окатила волна ужаса. Там, наверху, висел корабль, размерами превышающий все, виденное им прежде. Хо-

рошо зная предельные размеры космических кораблей на Земле, он догадался, что гость был даже не из Солнечной системы. Мысль его мгновенно обратилась к сообщениям, пришедшим от военного коменданта на Марсе. И тогда на какой-то момент его охватило чувство надвигающейся беды.

Однако отвага ненадолго оставила Джеррина. Он быстро определил, что незнакомец имел треть мили в длину. Зоркий взгляд выхватил и отметил на будущее детали конструкции, имеющие ярко выраженные особенности. Пока он смотрел, огромная машина бесшумно проплыла мимо. Она болталась в трех милях над землей, и ее скорость была невысока, потому что минуту спустя махина все еще маячила вдали. Наконец она исчезла за дымкой восточного горизонта.

Прежде чем корабль исчез из виду, Джеррин уже отдавал распоряжения. Ему еще предстояло получить сообщение о разрушении марсианского города Гадре, но он был более предусмотрителен, чем Рахэйнл. Флот космических кораблей и менее крупных судов, который он выслал за незнакомцем, имел строгий приказ держаться на расстоянии.

После того, как были приняты превентивные оборонные меры, лорд Джеррин вернулся в Линн в ожидании сообщений. К утру прибыло полдюжины донесений, но к тому, что он уже видел лично, они ничего важного не добавили. Что на самом деле имело значение, так это прибытие в полдень письма от лорда Клэйна.

«Ваше превосходительство.

Я настойчиво призываю вас отдать приказ об эвакуации из крупных городов всех сил и оборудования, необходимых для обороны государства. Жизненно необходимо уничтожить этот корабль, пришедший с другой системы. Есть некоторые причины полагать, что на его борту — потомки тех же самых существ, уничтоживших легендарную цивилизацию Земли. Назывались они Риссами.

Я прошу о нашей скорейшей встрече. У меня есть ряд ценных предложений, касающихся тактики, которую следует применить против врага.

Клэйн».

Джеррин прочел записку несколько раз и попытался представить все детали эвакуации, которую рекомендовал брат. С практической стороны вопроса объем работы показался таким огромным, что он сердито отложил письмо в сторону. Позже он одумался и отправил ответ.

«Превосходящий Брат.

Все необходимые и осуществимые меры предосторожности сейчас принимаются. Я буду совершенно счастлив вашему визиту в любое время.

Джеррин, лорд-советник Линна».

И лишь отправив письмо, он впервые задумался: «А каким образом Клэйн так быстро узнал о межзвездном корабле?» Казалось загадочным, что он мог видеть его лично. Этот случай укрепил его подозрения, что сторонники Клэйна находятся в каждой службе, включая, очевидно, и его собственный штаб.

К вечеру, когда доклады о корабле пошли лавиной, тень подозрений против брата-мутанта растаяла под давлением растущей стопки донесений.

Еще недавно чужой корабль пересекал океан. Затем он оказался над горами. Далее он остановился на час над городом Гарамом. Стая небольших судов отделилась от него и провела день в исследовании ближайших холмов.

Несмотря на приказы Джеррина не путаться под ногами у вражеских челноков, произошло два инцидента. Столкновения произошли в двух отдаленных друг от друга местах, но оба имели схожие последствия. И оба явились результатом чрезмерного любопытства патрульных кораблей с Земли, решивших поближе познакомиться со снующими вражескими судами.

Наблюдатели сообщили о ярких голубых вспышках. Земные корабли охватило пламя, и сильные взрывы разметали обломки на десятки миль вокруг.

Эти сообщения, когда они дошли до Джеррина, потрясли его. Но его намерения укрепились. В это время он ожидал вестей с Марса о последствиях плана Рахэйнла. (Он отдавал себе отчет, что корабль, прибывший на Землю, был тем же самым, что и на Марсе. Просто он продолжал путь от четвертой планеты к третьей быстрее, чем космический корабль, который, чесомненно, приве-

зет доклад марсианского коменданта). Но сейчас ему казалось, что ответ был ясен.

Чужак прибыл с какой-то другой звезды. Вскоре он вернется домой. Пришельцы не делали попыток вступить в контакт с землянами, и, видимо, не стоит мешать им выполнить свою работу. Тем временем линнский флот укрепит оборону и приготовится к схватке. Когда он передал эти указания начальнику штаба, офицер погладил бороду и веско произнес:

— Что вы имеете в виду — укрепить оборону? Каким образом? Произвести больше копий и луков?

Джеррин поколебался. Сформулированный таким образом план звучал расплывчато. Наконец он сказал:

— Быть построже. Быть готовым к жертвам.

Что он под этим подразумевал, было неясно.

Прошел второй день, и все это время у него росло ощущение ошибки, чего-то упущенного. Следующим утром офицер, отвечающий за надзор за лордом Клэйном и его главными сторонниками, доложил, что мутант вывозит все оборудование из своей резиденции в Линне.

Джеррин выслушал новость с возрастающим гневом. Это был как раз такой инцидент, который мог — если о нем узнают — породить панику. Он все еще кипел, когда от брата пришла вторая записка.

«Дорогой Джеррин.

Я получил сообщение о беде на Марсе и настоятельно советую отдать приказ об эвакуации из Линна и других городов.

Говорю вам, сэр, этот корабль должен быть уничтожен до того, как он покинет Землю.

Клэйн».

Это было резкое письмо. От его краткой резкости сухощавое загорелое лицо Джеррина залило краской. И какое-то время все его внимание было поглощено тоном, а не содержанием. Затем он подумал: «Беда на Марсе!»

Сдерживая волнение, он послал курьера на поле, где всегда приземлялись правительственные корабли с Марса. Курьер вернулся с пустыми руками.

— Больше недели с Марса не было ни одного корабля, ваше превосходительство.

Джеррин расхаживал по дворцовой приемной. Каналы, по которым Клэйн получал информацию, намного превосходили возможности правительственной связи, и этот факт сильно обеспокоил лорда-правителя. Он сознавал, что дав ему знать косвенным путем о более быстром средстве сообщения между планетами, мутант приоткрыл завесу тайнственности над своими истинными возможностями. Готовность открыть эту тайну говорила о серьезности ситуации.

И тем не менее, он не решался принять все, что за этим могло последовать.

Он еще не пришел в себя, когда вошла Лилидел. Как обычно она вела за собой одного из детей.

Она говорила, а Джеррин рассеянно слушал. Она уже не была той великолепной красавицей, на которой он женился, хотя ее удивительно правильные черты остались почти без изменений с того дня, когда они впервые встретились.

Не лицо, а ее тело несло отпечатки прошедших лет, и рожденных ею детей. Джеррин не был слишком требователен. Он лишь хотел, чтобы характер жены изменился настолько же, как и ее тело. Наконец он терпеливо сказал:

— Я хочу, чтобы было ясно одно. Человек, который не может защитить империю, не может оставаться у власти. Я предлагаю тебе перестать беспокоиться о престолонаследии нашего сына и серьезно подумать об отчаянном положении, в котором мы находимся из-за присутствия чужого корабля.

Он быстро рассказал ей о посланиях, которые он получил от Клэйна. Когда он закончил, женщина была бледна.

— Этого-то я и боялась, — проговорила она напряженным голосом. — Я знала, что он затевает заговор.

Эгоцентричность этого замечания неприятно задела лорда-правителя. Он подчеркнул, что Клэйна едва ли можно считать ответственным за появление корабля. Лилидел отмела это объяснение в сторону.

— Какие у него основания — это неважно, — сказала она нетерпеливо. — Когда у человека есть цель, любая причина хороша.

Она продолжала в том же духе, пока Джеррин не оборвал ее:

— Ты что, не в своем уме? — яростно спросил он. — Позвольте вам заметить, мадам, что я не потерплю такой ерунды в своем присутствии. Если ты хочешь поболтать о заговорах Клэйна против государства, то, пожалуйста, не со мной.

Ее нелогичность так разозлила Джеррина, что на какой-то момент он забыл о своих собственных подозрениях.

Лилидел смотрела на него обиженным взглядом.

— Ты никогда прежде не говорил со мной так, — фыркнула она, крепко прижимая к себе девочку, словно им грозила опасность.

Это движение привлекло его внимание к ребенку. В ее действиях было нечто такое, что пробудило в памяти Джеррина прошедшие годы, все случаи, когда она приводила с собой одного из их детей, если приходила к нему с жалобой или просьбой. Шок от прозрения был ужасен. Он всегда гордился тем, что Лилидел, в отличие от интригующих супруг правителей прошлого, никогда не использовала их отношения в личных целях.

Неожиданно у него в голове промелькнули тысячи эпизодов, когда она приходила к нему с просьбами посодействовать интересам какого-нибудь человека. Она предлагала назначения на должности различной важности, вплоть до комендантских. В своей спокойной, тихой манере она провела фантастическое число указов, распоряжений и законов, из которых возможно лишь какая-то частица могла зародиться в ее собственной голове.

В его глазах она стала вдруг представителем группы, управляющей его провинциями, в то время как он был всецело занят военными делами. Они сплели вокруг него обширную организацию, содействующую их интересам. И именно они хотели настроить его против Клэйна.

Степень предательства отрезвила его. Трудно было поверить, что Лилидел могла осознавать, что лежало за всем, что она сделала и делает. Легче было думать, что ее характер тоже был проанализирован какими-то умными людьми и что ее просто использовали. Несомненно однако то, что она должна была вести эту игру созна-

тельно, исходя из материнских идеалов. Он не сомневался, что она любила своих детей.

Проблема была слишком важна, чтобы принимать решение немедленно. Джеррин спокойно сказал:

— Пожалуйста, оставь меня. У меня нет желания грубить тебе. Ты застала меня в тяжелый момент.

Когда она ушла, он долго стоял в нерешительности, мысленно вернувшись к сообщению Клэйна. Наконец он принял решение: «Если я не знаю, что делать с этим проклятым кораблем, необходимо посоветоваться. Пора разузнать, что думает по этому поводу Клэйн».

Его сообщение к брату было кратким и по существу: «Давай встретимся. Назначь дату, место и условия».

Ответ Клэйна был не более многословен: «Распорядись о немедленной эвакуации из крупных городов. Тебя устроит, если я пришлю за тобой корабль?»

«Да», — ответил Джеррин.

3.

Когда команда лорда-советника прибыла на корабль, не было никаких следов Клэйна. Джеррин принял крывшееся за этим с мрачной улыбкой. Но среди его штаба слышалось раздраженное бормотание. Напряжение спало, когда к трапу поспешно подошел какой-то сотрудник в генеральской форме. Быстро подойдя, он отсалютовал, встал по стойке смирно, ожидая разрешения говорить. Джеррин дал его.

Человек быстро извиняющимся тоном сказал:

— Ваше превосходительство, лорд Клэйн шлет свои искренние сожаления, что не смог завершить некоторые предварительные мероприятия. Мы заберем его в его имении, и он будет к вашим услугам, как только окажется на борту.

Джеррин смягчился. Он не был ярым сторонником правил, но ему не нужно было говорить, что люди, намеренно их нарушающие, выражают невысказанные цели и мысли. Он был рад, что Клэйн выбрал этот способ

выразить свои цели. Он удовлетворился минимумом любезности.

Джеррин не был настолько бестактен, чтобы спросить о природе этих «предварительных мероприятий», которые вызвали задержку. Он считал само собой разумеющимся, что они существовали только в воображении его брата.

Из иллюминатора своих апартаментов несколько минут спустя, он видел, как уплывала внизу земля, и тогда он почувствовал первое беспокойство, в первый раз подумав, что он, возможно, поторопился, рискнув взойти на борт этого корабля без сопровождающего флота. Трудно было поверить, что его брат пойдет на риск большой гражданской войны, и однако такие вещи случались.

Он не мог себя заставить открыто признать, что он возможно попал в ловушку, потому не стал говорить его офицерам о своих подозрениях.

Он почувствовал себя лучше, когда корабль начал спускаться к посадочному полю имения Клэйна. Позже, когда он увидел, как его брат идет через поле, тревоги его почти совсем улеглись. Он заинтересовался, когда увидел, что люди позади Клэйна несли какой-то удлиненный продолговатый предмет. В этом желобе было нечто блестящее, и оно казалось очень медленно двигалось взад и вперед. Оно уже было вне поля его видимости, когда он смог решить, что это. Оно выглядело как стеклянный шар.

Вскоре корабль снова был в воздухе, и наконец прибыл офицер с просьбой Клэйна об аудиенции. Джеррин сразу же дал разрешение. Он был озадачен. Так куда же направлялся корабль?

Все это время он сидел; но, когда вошел Клэйн, он поднялся на ноги. Устройство апартаментов было идеальным для принятия почтения высокопоставленными лицами от меньших смертных. Из передней, где находился вход, три ступеньки вели к большой приемной. Наверху, словно на тронном подиуме, ждал Джеррин. Прищурив глаза и сжав губы, он наблюдал, как его брат подходит к нему.

Еще из иллюминатора он заметил, что Клэйн, как обычно был в храмовой одежде. Теперь у него был момент рассмотреть подробности. Даже в этом скудном скромном окружении он выглядел бесцветным и непритягательным.

В этой комнате, с дюжиной штабных офицеров в их голубовато-серебряной униформе, он казался настолько убогим, что старший брат, не мог поверить, что здесь была какая-то угроза его собственному положению. Непреклонная враждебность покинула Джеррина. Волна жалости и понимания нахлынула на него. Он ведь слишком хорошо знал, как тщательно эта одежда скрывала плечи, руки и грудь мутанта.

«Я помню, — подумал он, — как группа детей, в которой бывал и я, раздевала его и насмехалась над ним».

Это было давно, более двадцати лет назад. Но это воспоминание вызвало чувство вины, и он обнял своими огромными, сильными руками хрупкое тело Клэйна.

— Дорогой брат, — сказал он, — рад тебя видеть.

Через минуту он отступил назад, чувствуя себя гораздо лучше, ощутив в себе гораздо больше уверенности, что его нежный брат никогда не будет соперничать с ним за власть. Он снова заговорил:

— Могу я спросить, куда мы направляемся?

Клэйн улыбнулся. Его лицо стало полнее, с тех пор как Джеррин видел его в последний раз. Некогда его ангельско-женственное качество уступало место более жестокой, мужественной внешности. Даже улыбка была уверенной, но на какой-то момент она придала ему вид человека скорее даже красивого, нежели просто симпатичного. Ему было тридцать три года, но у него все еще не было следов того, что он когда-либо брился.

Сейчас он сказал:

— По моим последним докладам захватчик в настоящее время «лежит в дрейфе» над горной цепью примерно в сотне миль отсюда. Я хочу, чтобы ты стал свидетелем атаки, которую я планирую предпринять против этого корабля.

Чтобы постичь полный смысл этого, потребовалась вся оставшаяся часть путешествия.

Джеррин моментально сообразил, что происходит. Он стоял на площадке и смотрел, как Клэйн изучал вражеский корабль, который был где-то в трех милях от них. Наконец Клэйн подошел к нему и сказал обеспокоенным голосом:

— Наша проблема — это возможность неудачи.

Джеррин ничего не сказал.

Клэйн продолжал:

— Если использование металлов храма не сможет уничтожить корабль, тогда они могут предпринять ответное действие.

Ссылка на божественные металлы вызвала у Джеррина раздражение. Его собственное отношение к храмам и к религии, которую они проповедовали, было отношением солдата. Их идеи были полезны в поддержании дисциплины среди рядового состава. Цинизма в этом он не чувствовал. Он никогда не задумывался о религии как таковой. Сейчас же он ощущал на себе некоторое давление. Он не мог избавиться от убеждения, что Клэйн и другие принимали как само собой разумеющееся, что в религии что-то было. Он слышал смутные отчеты о деятельности Клэйна в прошлом, но в своей строгой аскетической и активной жизни, где каждый день был посвящен огромному числу административных задач, у него никогда не было времени подумать над непонятными рассказами о волшебстве, которые изредка ему доводилось слышать. Сейчас ему было не по себе от того, что он воспринимал эти рассказы, как обычные суеверия.

Очевидно, ему вот-вот должны продемонстрировать скрываемые до этого времени силы, и он чувствовал беспокойство.

«Мне никак не следовало, — думал он, — позволять себе связываться с этими метафизмами».

Он ждал, что будет дальше, испытывая непонятную грусть.

Клэйн задумчиво наблюдал за ним.

— Я хочу, чтобы ты стал свидетелем этого, — сказал он. — Потому что на основании этого я надеюсь получить твою поддержку на главную атаку.

Джеррин быстро сказал:

— Ты думаешь, что эта атака провалится?

Клэйн кивнул.

— У меня нет оружия лучше того, которое имелось в золотом веке. А если лучшее оружие той великой научной эры не смогло предотвратить разрушение, в котором

наши предки едва выжили, то я не вижу, как мы можем достичь успеха с остатками их науки.

Он добавил:

— Я так думаю, что вражеский корабль построен из материалов, в которых нельзя установить рисунка разрушения.

Значение этого потрясло Джеррина.

— Должен ли я понимать это так, что эта первая атака предпринимается с единственной целью убедить меня поддержать вторую атаку? И что именно на эту вторую атаку ты возлагаешь свои надежды?

Клэйн поколебался, затем кивнул.

— Да, — ответил он.

— Каков характер твоего второго плана? — спросил Джеррин. Он побледнел, когда Клэйн обрисовал его. — Ты хочешь, чтобы мы рисковали флотом просто в качестве поддержки?

Клэйн ответил просто:

— А на что он годится, кроме этого?

Джеррин дрожал, но сохранял голос спокойным.

— Роль, которую ты задумал отвести себе, в некоторой степени показывает, как серьезно ты относишься к этому делу. Но, брат, ты просишь меня рискнуть судьбой государства. Если ты потерпишь неудачу, они разрушат город.

Клэйн сказал:

— Кораблю нельзя позволить вернуться домой.

— Почему нет? Это кажется простейшим решением. Рано или поздно они уйдут.

Клэйн напрягся.

— Что-то случилось, — сказал он. — Тысячи лет назад война для них не была полностью успешной. Тогда они ушли, очевидно, даже не осознавая того, что нанесли непоправимый урон Солнечной системе, разрушив все ее города. Если сейчас этот корабль возвратится к себе и доложит, что мы фактически беспомощны, они вернутся в полном составе.

— Но почему? — сказал Джеррин. — Зачем им беспокоить нас?

— Территория.

Кровь прилила к лицу Джеррина, и перед глазами его предстала картина сражения, происходившая в глубокой древности. Отчаянная, убийственная, безжалостная война двух рас, совершенно чужих друг другу. Одна, стремящаяся захватить, другая — удержать Солнечную систему. Этого было достаточно. Он почувствовал в себе твердую решимость и выпрямился.

— Очень хорошо, — сказал он звенящим голосом. — Я желаю посмотреть этот эксперимент. Действуйте.

Металлический ящик с катающимся в нем взад и вперед серебряным шаром, принесли в центр болотины. Это был тот самый предмет, который, как видел Джеррин, они взяли на борт в имении Клэйна. Он подошел к нему и встал, глядя на него.

Шар спокойно катился сначала в один конец, затем обратно, в другой. Его движение казалось не имело смысла. Джеррин опустил руку и взглянул вверх, чтобы посмотреть, возражал ли Клэйн против его поступка; и так как Клэйн просто стоял, наблюдая за ним, осторожно подставил палец на пути этой сияющей сферы.

Он ожидал, что его вытеснит с дороги прочной металлической тяжестью-весом.

Шар прокатился сквозь него.

В него, через него, за него. Не было вообще никакого чувства, никакого ощущения какой бы то ни было плотности. Словно он держал руку в пустом воздухе.

Почувствовав какое-то отвращение из-за его чужеродности, Джеррин отпрянул.

— Что это? — спросил он с неприязнью.

Лица Клэйна коснулась мимолетная улыбка.

— Ты задаешь не тот вопрос, — сказал он.

Джеррин был моментально сбит с толку, а затем вспомнил свою военную подготовку.

— Что она делает?

— Поглощает любую направленную на него энергию. Превращает все, что его коснулось в энергию, а затем поглощает эту энергию.

— Он не превратил мой палец в энергию.

— Пока он в своем ящике, он безопасен в обращении. Возможно, существует какой-то предел ограничения на количество энергии, которую он поглотит, хотя мне еще

предстоит выяснить это. Что и дает мне надежду, что его возможно применять против врага.

— Ты собираешься использовать это против них?

Невероятно, ему и в голову не пришло, что это оружие. Пораженный, Джеррин уставился на шар; и чувство, которое ненадолго ушло — что его каким-то непонятным образом разыгрывают — вернулось. Джеррин несчастно посмотрел вокруг. Бронированный боевой корабль треть мили в длину плыл в дымке к юго-востоку. Здесь же всего дюжина людей стояла в лесной болотине. Поблизости лежало небольшое открытое судно, которое привезло их с их собственного космического корабля. Судно было не вооружено, за исключением двадцати лучников и меченосцев.

И все же Джеррин сохранил самообладание.

— Когда ты собираешься атаковать?

— Сейчас!

Джеррин открыл рот, чтобы сказать еще что-то, и вдруг заметил, что серебристый шар пропал из ящика. Вздрогнув, он посмотрел вверх — и застыл, когда увидел, что тот плывет в воздухе над головой Клэйна.

Теперь он был ярче и танцевал, и подрагивал, как нечто живое. Это было какое-то нереальное сияние. Легкий, как перышко, он плыл над головой мутанта, покачиваясь в такт его движениям.

— Смотрите за кораблем! — показал Клэйн.

Эти слова и движения были как сигнал. «Шар» вдруг исчез со своего места над его головой. Джеррин мгновенно увидел его, высоко в небе, какой-то отблеск на фоне темной массы огромного корабля. Последовала яркая вспышка, а затем фантастический предмет был снова над головой Клэйна.

Высоко над ними огромный корабль, очевидно, не поврежденный, покачивался на своих невидимых якорях.

Джеррин сказал с разочарованием:

— Не сработало?

Клэйн махнул ему судорожным движением руки.

— Подожди! — сказал он. — Возможно, будет контратака.

Последовавшая тишина длилась недолго.

Вдоль линии корабля, пробегая от носа до хвоста, появился огненный обруч. В миле от них, в лесу, загрохотал гром. Он приближался и становился громче. В четверти мили, в зарослях, ярко вспыхнул огонь, а затем он оказался в четверти мили за ними, на другой стороне.

Джеррин заметил, что на какой-то момент, когда им угрожали гром и пламя, шар пропал. Когда он взглянул еще раз, он снова находился над Клэйном, танцуя и подпрыгивая. Должно быть, Клэйн поймал смущенный взгляд, так как сказал:

— Они не смогли определить наше местоположение и потому вычертили кривую и ударили по ней через промежутки. Вопрос в том, заметят ли они, что в одном из возможных центров нападения на них, взрыва не было?

Джеррин догадался, что враг вычертил тонкую кривую и по какой-то магической науке выбрал как раз их место в качестве одного из направлений своего удара.

И, очевидно, сверкающая сфера поглотила энергию атакующей силы.

Он ждал в напряжении.

Пять минут спустя признаков дальнейшей атаки все еще не было. По истечении двадцати минут Клэйн с удовлетворением сказал:

— Кажется, они удовольствовались одной контратакой. По крайней мере мы знаем, что они не сверхсущества. Пойдемте.

Они сели на небольшое судно, медленно проскользили над размахнувшимися ветвями деревьями, затем вывернули через узкий проход в долину, из которой корабль был не виден. Когда они набрали скорость, Клэйн заговорил снова.

— Я бы хотел взглянуть на этот захваченный корабль, который Рахейнл прислал тебе с Марса. Чем скорее мы начнем действовать, тем лучше. Возможны ответные меры.

Джеррин уже думал об этом, о том насколько далеко он зашел. Атака произведена, врагу активно дали понять, что его присутствие нетерпимо. Шла война, и обратно повернуть нельзя.

Он тихо спросил:

— Когда ты планируешь произвести свою вторую атаку?

4.

Вторгшийся корабль, по счастью, не подошел к городу Линну ближе ста пятидесяти миль. Потому было естественным, что первой его жертвой будет не Капитолий. Первый удар принял один крупный центральный город.

Бомба была сброшена приблизительно через двадцать минут после попытки Клэйна уничтожить чужака шаром. Она упала на город, который был полностью эвакуирован, за исключением уличных патрулей и грабителей, делавших присутствие этих патрулей необходимым. Густые, плотные облака дыма скрыли повреждения и бедствия.

Менее чем через полчаса одной из колоссальных бомб ударило по второму городу, где вырос гриб ядовитого дыма, гибельного и неотразимого.

По третьему городу нанесли удар часом позже, а по четвертому вскоре после полудня. Затем возникла пауза, и стало видно, как из великана вышло множество небольших судов. Они исследовали внешние границы четырех гигантских площадей дыма и дразняще пролетели рядом с линнскими патрулями, словно стараясь вызвать их огонь.

Когда известие об этом маневре доставили Клэйну, он сразу же послал сообщение Джеррину:

«Превосходящий лорд-предводитель.

Создается впечатление, что они были сильно удивлены нашей вчерашней атакой, и сейчас пытаются вызвать больше огня из оружия, которое я обратил против них, возможно, в надежде точно узнать, какие силы мы можем собрать против них.

Изучив машины, захваченные у них Рахейнлом, я счастлив доложить, что требуется лишь незначительный ремонт, и что мы сможем начать атаку, возможно, завтра ночью.

В надежде,

Клэйн».

Определенные характеристики патрульного судна чужаков озадачили Клэйна. Так как он руководил работой механиков, ему пришлось приложить усилия, чтобы сконцентрироваться на более глубоких аспектах задачи.

— Если у меня будет время, — сказал он себе, — я изучу это приспособление у рулевого механизма.

Две машины лежали бок о бок в его подземных мастерских. Каждая была примерно пятьдесят футов в длину и по существу имела очень простую конструкцию. Их атомные двигатели отличались от двигателей линнских кораблей только тем, что были более компактны. Принцип же был тот же самый.

Машины с такими двигателями летали в атмосферах планет уже тысячи лет.

В назначенный для атаки день Джеррин прибыл вскоре после полудня. Он был бледен, серьезен и подавлен.

— Семнадцать городов, — доложил он Клэйну, — сейчас разрушены. Они, безусловно, приглашают сделать нас все, что мы можем.

Клэйн подвел его к приборам управления судна, которое было уже отремонтировано.

— Я экспериментировал, — сказал он, — с небольшим приводом, которым они снабдили рычаги управления.

Он наклонился.

— У меня здесь карта, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты отметил на ней, где сейчас по последним докладам находится вражеский корабль.

Джеррин пожал плечами.

— Это просто. Он дрейфует над...

— Не говори мне! — слова Клэйна были столь быстрыми, резкими, что достигли желаемого эффекта самой своей формой.

Джеррин вопросительно уставился на него.

Клэйн продолжал:

— У меня есть некоторое соображение в связи с этим, так что поставь отметку — и мне ее не показывай.

Старший взял карту и кончиком карандаша дотронулся как можно ближе к тому месту, где находился корабль. Отступив на шаг, он ждал. Клэйн коснулся кнопки.

Почувствовалась легкая пульсация, когда двигатели загудели в пустой громадине подземной камеры. У них под

ногами судно медленно повернулось на своей вращающейся платформе и пришло в равновесие. Шум двигателей затих. Клэйн выпрямился.

— Нос сейчас направлен на север-северо-восток. Начерти на карте линию в этом направлении из этой пещеры.

Джеррин молча начертил линию. Она прошла в миллиметре от точки, где он поставил свою отметину.

— Не понимаю, — медленно произнес он. — Ты хочешь сказать, что это судно знает, где находится его корабль-матка?

— Кажется, да. Конечно, чисто механически.

— Тогда и весьма вероятно и корабль-матка знает, где оно.

Клэйн нахмурился.

— Возможно, но я сомневаюсь. Это было бы очень сложно, и даже излишне, при нормальных обстоятельствах следить за сотнями небольших судов. Небольшое судно однако должно уметь возвращаться к большой машине.

Он добавил:

— Если бы они знали, где это судно, то, я думаю, предприняли бы какое-нибудь усилие, чтобы вернуть его.

Джеррин покачал головой.

— Это кажется не столь важно. В конце концов мы сможем определить место нахождения захватчика в любое время.

Клэйн на это ничего не сказал. Он уже изучил подробные доклады о том, как эти небольшие корабли входили и выходили из их родителя. И теперь уже несколько часов у него созревала мысль об одной возможности.

Это была не та вещь, которую можно было легко объяснить практическому человеку. Вся идея об автоматическом механизме была так же нова, как и поразительна.

Час «ноль» был близко.

Пока они ждали в укрытии горы, стемнело. До этого между ними состоялся бессвязный разговор, но теперь они молчали. От стоявших сзади людей доносился редкий невнятный шум.

План был составлен. Флот получил приказ. Теперь оставалось лишь провести саму атаку.

— Ату-у!

Сигнал пронесся с края вершины. Джеррин распрямился и затем, шагнув ближе, обнял брата. Сумерки скрыли это проявление братских чувств от посторонних.

— Удача, — сказал Джеррин, — и прости меня за все, что я сделал, сказал или подумал против тебя.

Он сошел вниз, в темноту, где ожидали его собственные солдаты.

Механизмы захваченного судна Риссов функционировали безупречно. Машина поднялась, как тень, набрала высоту и перелетела через горную вершину. Почти моментально они были в центре сражения.

Линнские космические корабли атаковали группами в сто машин и шли волнами. Они управлялись неполными экипажами, и у них были две цели. Пикируя носом в торпедообразного захватчика, заставить вступить в бой по возможности все оборонительные средства врага. Это была первая цель.

Считалось, что чужакам не захочется, чтобы их межзвездный корабль был пробит сотнями реактивных снарядов весом тысячи тонн каждый.

Второй задачей каждого атакующего экипажа было покинуть свой корабль на небольшом спасательном судне за несколько секунд до столкновения. Предполагалось, что в воздухе будет так много спасательных кораблей, что враг не заметит приближения своей собственной пропавшей когда-то машины.

По расчету управлять любой прямой атакой должен поглощающий энергию шар Клэйна.

Небо вспыхивало пламенем. Повсюду горели и падали линнские корабли. Клэйн однако не видел спасательных судов, и у него появилось первое тоскливое чувство, что люди не смогли уйти. Сделать тем не менее было ничего нельзя, только идти вперед.

Удары линнских кораблей, бившихся о металлический корпус захватчика, были теперь почти беспрерывны; и больше уже не было никаких сомнений, что оборона врага была не в состоянии справиться с такой сложной атакой.

Клэйн напряженно думал:

— Они будут вынуждены уйти. У нас не будет времени подойти ближе.

Эта возможность раньше ему в голову не приходила. Он считал бесспорным, что большой корабль сможет стряхнуть нападающих линнцев без труда и не сходя с места. Вместо этого они наносили ему серьезные повреждения.

Рядом с ним его командующий прошептал:

— Кажется, я вижу отверстие.

Клэйн вгляделся туда, куда тот показывал и увидел это отверстие. Он почувствовал холодную дрожь, потому что оно было прямо по их курсу. Никакой ошибки — его судно устремилось к нему — их втягивало внутрь. Возможно, что автоматическое управление его небольшой машины включило дверной механизм своего корабля-матки и, возможно, они смогут войти в него без сопротивления. Его собственный план был проломить вход крошечной бомбой, и ему казалось, что он все еще предпочитал этот способ. Сейчас вопрос был такой: была ли это ловушка тех, кто на борту, или же процесс был настолько автоматизирован, что никто не обращал никакого внимания на вновь прибывших?

Это был риск, на который приходилось идти. Самая большая опасность заключалась в том, что эта гигантская машина начнет движение.

Свет воздушной камеры оказался обманчиво тусклым. Он прикидывал, что было еще более ста футов, как раздался щелчок. Машина резко сбавила ход, и он увидел, как неясно вырисовывающиеся серые двери развернулись в обе стороны.

Двери плавно закрылись позади них, и перед ними заскользили еще одни. Небольшое судно со своими тридцатью пятью человеками на борту, спокойно двигалось вперед — и оказалось внутри корабля, пришедшего из звездных глубин.

Джеррин ждал в полевом штабе, куда он для укрытия забрал свою семью.

— Они еще внутри, — таков был краткий доклад его старшего полевого офицера.

Примерно через восемнадцать часов, ситуация фактически означала смертный приговор. Джеррин обвинял себя.

— Ни в коем случае ему нельзя было разрешать идти, — сказал он Лилидел. — Нелепо, что член нашей семьи должен участвовать в прямых штурмах.

Сам он принял участие более чем в ста штурмах, но сейчас это игнорировал. Он игнорировал и тот факт, что только человек, управляющий энергетическим шаром — сам Клэйн — мог провести атаку, которую задумал.

Джеррин расхаживал по штабному кабинету; и только через несколько минут он заметил, что впервые Лилидел нечего было сказать. Джеррин пристально посмотрел на нее, мрачно понимая, что ни она, ни те, кто стоял за ней, не были недовольны тем, что произошло.

— Дорогая моя, — сказал он наконец, — неудача Клэйна будет иметь последствия для всего государства. Она будет означать начало, а не конец наших бед.

Она по-прежнему молчала. И он увидел, что в этом кризисе она была не в состоянии понять этого. У нее были свои собственные цели, цели матери и представителя группы, которая действовала через нее. Его мысли вернулись в прошлое, к выбору, который сделала старая леди Лидия, его бабушка, убедив своего стареющего мужа, что ее сын должен стать наследником Линна.

— Я должен сделать так, — решил Джеррин, — чтобы престолонаследие не стало делом Лилидел. Да и мне пора больше интересоваться детьми. Я больше не могу доверяться тому, что она сделала с ними.

Это особенно касалось Каладжа, его старшего сына.

Он снова взглянул на жену и открыл было рот, чтобы сказать, что, если Клэйн останется в живых, у него будет власть по желанию взять правительство. Он не сказал этого. Это не послужит никакой полезной цели. Во-первых, она не поверит, а во-вторых, это было не совсем верно. Правительство частично зависело от совместных действий управляемых; и были факторы против Клэйна, о чем, к счастью — он был убежден — знал и сам Клэйн.

Встречи между ними сделали дружеское сотрудничество возможным. Только чрезвычайные обстоятельства, как он был уверен, могли изменить сейчас политическую ситуацию в Линне.

«Мне придется сделать завещание, — подумал он. — Случись со мной что-нибудь, умри я — не должно быть никакой путаницы».

Он почувствовал себя угнетенным. Уже во второй раз — менее чем за год — как беда поразила сердце империи. Сначала Чиннар, варвар, а теперь чужаки. С воздуха он видел потоки беженцев из дымящихся городов, разбомбленных прежде, чем они были полностью эвакуированы, и он сознавал свое несоответствие перед лицом такой колоссальной катастрофы. Это и решило дело.

— Я отказываюсь, — сказал он, — верить, что Клэйн потерпел неудачу. Если это так, то мы проиграли. И осознание этого еще раз подчеркивает его важность в кризисное время. Он единственный человек, способный управиться с чрезвычайной ситуацией, имеющей дело с атомной энергией. Если он все еще жив, я намериваюсь сделать следующее.

С широко раскрытыми глазами она слушала, как он объяснял о завещании, которое собирался написать. Вдруг лицо ее исказилось от ярости.

— Ты с ума сошел! — выдохнула она. — Ты серьезно? Ты собираешься лишить наследства собственного сына?

Он сурово посмотрел на нее.

— Дорогая моя, — сказал он, — я хочу дать ясно понять тебе и твоей личной армии раз и навсегда. Пока я лорд-советник, государство не будет рассматриваться как собственность, которую автоматически наследуют мои дети. Слишком рано решать, обладает ли Каладж качествами, необходимыми для руководства. У меня впечатление, что он чрезвычайно эмоциональный юноша, который слишком часто поступает так, как хочется ему. Пока что здесь нет признаков стабильности, которой обладаю я, обладает Клэйн и до определенной степени обладал Тьюс.

Лицо женщины смягчилось. Она подошла к нему.

— Я вижу, ты устал, дорогой. Пожалуйста, не делай ничего в спешке, пока не пройдет этот кризис. Я принесу тебе чашку чая — крепкого, как ты любишь.

Она внесла чай дрожащими пальцами и вышла со слезами на глазах. Напиток показался необычайно горьким, даже на его вкус, но он отхлебнул его и начал диктовать, сначала завещание, затем письмо Клэйну. Он признал,

что он слишком многое принимал как должное, но настроение его оставалось мрачным. И только после того, как он запечатал две статьи и положил их среди деловых бумаг, он почувствовал, что напряжение прошедших нескольких дней сказалось на его теле. Он почувствовал огромную усталость и даже небольшой озноб.

Отослав секретаря, он лег на кушетку под окном. Прошло двадцать минут, и мягко открылась дверь, так мягко, что спящий казался непотревоженным. Лилидел вошла, взяла чашку, в которой был чай, и на цыпочках вышла.

Прошло около часа, когда напряженная тишина комнаты была вновь нарушена. Внешняя дверь распахнулась. Через порог ворвался штабной офицер.

— Ваше превосходительство, — задыхаясь, начал он, — захватчик появился над лагерем.

Стройное, одетое в униформу тело на кушетке не шевелилось.

5.

Когда «подъемное» судно Клэйна остановилось внутри вражеского корабля, он через мгновение увидел, что их прочно удерживали в чем-то вроде металлического футляра. Нос машины и половина корпуса были погружены в эту облегающую люльку. Вокруг него повсюду были другие небольшие суда, вставленные в подобие ячейки.

Судно автоматически скользнуло в свое гнездо. Теперь была только одна проблема. Заметит ли тот, кто управляет большой машиной, что это спасательное судно, которое было захвачено на Марсе человеческими существами?

Если он заметил, то в первые минуты ничем это не показал.

Там, где заканчивался футляр «гнезда», были высокие ступеньки. По этим ступенькам и поднялись Клэйн и его люди, пройдя в пустой коридор. Клэйн внезапно остано-

вился, поколебался, глубоко вдохнул — и послал шар на его смертельное задание.

Свернув, он пропал из виду, вернулся, снова исчез и опять вернулся. Затем, в третий раз, соскользнул, как удар молнии.

На этот раз он вернулся уже пресыщенным.

Они не нашли ни одного живого существа какого бы то ни было вида. Они бродили несколько часов, прежде чем наконец убедились, что за эти несколько секунд громадный корабль был охвачен простым процессом. Шар поглотил всех чужаков на борту. Как только Клэйн удостоверился в этом, он направился в огромную комнату управления.

Он зашел как раз вовремя, чтобы стать свидетелем одного странного механического явления. Какая-то громадная стекловидная, зеркальная пластина, которая не издавала ни звука, ни света, когда он в первый раз прошел через комнату управления, замерцала вспышками света и из нее раздались какие-то робкие, явно бессмысленные звуки.

Клэйн занял место за каким-то барьером и с подпрыгивающим над его головой шаром настороженно наблюдал.

Огни на пластине вдруг усложнились. На ней вырисовывались какие-от очертания, и Клэйн был потрясен, когда узнал в этом создании точно такое же чудовище, которое привез с Европы Чиннар.

Только этот каким-то удивительным образом жил в изображении.

Существо глядело из пластины в комнату управления, и прошла почти минута, прежде чем его взгляд коснулся Клэйна. Оно произнесло что-то серией низких звуков, которые ничего не означали для мутанта. Еще двое других вышли из неясности и тоже уставились сквозь пластину.

Одно из них жестом явно отдало команду и что-то прорычало. Раздался щелчок, и экран погас. Звуки еще продолжались несколько секунд, а затем и они затихли.

Поколебавшись, Клэйн осторожно прошел дальше в комнату управления. Он пытался понять, что же он такое увидел. Изображение живых чужаков, сфокусированное откуда-то издалека на блестящую пластину. Понять это было очень трудно, но ему стало тоскливо от убеждения,

что другие чужаки теперь знали, что произошло на первом их корабле, добравшемся до Земли.

Мысленным усилием он должен был постичь возможность того, что связь можно устанавливать и другими средствами, а не дымовыми сигналами, световспышками стратегически установленных зеркал и кораблями-курьерами. То, что он увидел, указывало, что такая связь была возможна не только через планету, но и через бездну космоса между звездами.

Это меняло все. Это меняло всю ситуацию. Захват одного этого корабля ничего не значил. Другие чужаки знали, что оборонительные силы Солнечной системы не смогли защитить свои города. Они будут озадачены захватом их корабля, но сомнительно, что они будут серьезно встревожены.

Чего почти добился один корабль, безусловно, сможет сделать флот — без усилий. Вот каким будет их отношение; и Клэйн, быстро оценив оборонительные возможности Солнечной системы, не сомневался в способности мощных сил вражеских кораблей сделать все, что они захотят.

Весь этот инцидент с наблюдением на расстоянии имел громадное значение. В мрачном настроении он начал изучать систему управления большой машины. Прошло почти четыре часа, прежде чем он удовлетворенно отметил, что мог вести ее для атмосферного путешествия.

Определенные функции сложной панели управления совершенно сбили его с толку. Чтобы овладеть арсеналом этого корабля, потребуется время и серьезные исследования.

Он направил корабль к штабу Джеррина.

Он приземлился на спасательном судне, на котором развевались победные флаги Линна, и через несколько минут был допущен туда, где лежал мертвый Джеррин.

Это было примерно через час после того, как было обнаружено тело.

Когда он взглянул на своего покойного брата, лорд Клэйн почти мгновенно заметил следы отравления. Пораженный, он отступил от кушетки и оглядел сцену, пытаясь оценить ее в целом.

Вдова Лилидел была на коленях с рукой, заброшенной через тело в очевидной агонии горя. Она казалась больше встревоженной, чем убитой горем, и по тому, как были прищурены ее глаза, в них был какой-то оттенок вычисления. Слез у нее не было.

Картина заинтересовала Клэйна. У него были бесчисленные доклады о группе, которая использовала эту женщину для влияния на Джеррина, и было время, когда он даже намеревался предупредить брата против нее.

Он поймал себя на мысли, что думает о том, где сейчас был ее старший сын, этот невероятный Каладж.

Понадобилась всего лишь минута, чтобы эта мысль оформилась в четкую возможную картину этой ситуации. Он вдруг увидел, как Каладж уже отправлялся в Голомб, небольшой городок за Линном, куда были переведены Патронат и другие правительственные отделы. Заранее получив предупреждение, группы, стоящие за Лилидел — среди них многие хорошо известные патроны — могло воспользоваться случаем и объявить мальчишку лордом-советником.

Здесь был взрывчатый материал для кровавой борьбы за власть. Если не предпринять правильных действий, могут поползти слухи о том, что Джеррин был убит. Некоторые из этих слухов укажут на вдову, другие на самого Клэйна. Его собственные сторонники, которые неохотно приняли благородного Джеррина, весьма вероятно откажутся согласиться с тем, чтобы семнадцатилетний юнец был поставлен к власти их злейшими врагами.

Секретарь Джеррина, генерал Марак — тайный сторонник Клэйна — тронул за руку Клэйна и прошептал на ухо:

— Ваше превосходительство, здесь копии очень важных документов. Я не поклянусь, что оригиналы еще здесь.

Через минуту Клэйн читал последнюю волю своего брата. Затем он прочел личное письмо, существенным предложением которого было:

«Вверяю мою дорогую жену и детей твоей заботе.»

Клэйн повернулся и посмотрел на вдову. Ее глаза, на мгновенье встретившись с его, вспыхнули ненавистью; а

затем она опустила их и с тех пор не подавала знаков, что замечала его присутствие.

Он догадался, что его появление на сцене было неожиданным.

Пора было решать. И тем не менее он колебался. Он взглянул на высших штабных офицеров, все люди Джеррина, и все равно никак не мог решиться. В его голове была картина большая, чем что-либо происходившее в этой комнате или на этой планете. Картина мощного чужого флота, отправляющегося с какой-то далекой звездной системы отомстить за захват своего разведывательного корабля. Разумеется, это будет лишь дополнительным стимулом. Их истинной целью будет уничтожение всех человеческих существ Солнечной системы и захват всех планет, пока люди будут драться друг с другом за личные интересы правительственной власти.

Слегка дрожащими пальцами Клэйн сложил оба документа и положил их в карман. Стоя здесь в присутствии своего покойного брата, так недавно ставшего другом, он возненавидел политическую осведомленность, заставившую его автоматически подумать: «Я должен постараться получить оригиналы, на случай, если я когда-либо захочу их использовать».

Отвращение стало еще сильнее. Прищуренными глазами, с мрачным лицом он смотрел не только на эту сцену пред ним, но и на мир Линна снаружи — сложное соединение непосредственного видения и острой, восприимчивой памяти, сцену, которую он наблюдал, и все сцены, свидетелем которых он когда-либо был. Он вспомнил свои интриги за многие годы, свою эмоциональную радость в политических маневрах; и теперь одной вспышкой осознания понял, что все это было ребяческим вздором.

Губы его шевельнулись. Он тихо пробормотал:

— Любимый брат, мне стыдно, потому что я знал достаточно, чтобы быть осторожней.

Ему казалось, что Джеррин был более великим человеком, чем он. Всю свою жизнь Джеррин относился к политике и политикам с презрением, посвятив себя суровой жизни военного человека в век, когда война была неизбежна.

«Могу я сделать меньше?» — вопрос дрожал в голове, как брошенный нож, вибрирующий в плоти.

Затем он увидел, что был сентиментален в своих сравнениях, потому что его проблема была на уровне, который Джеррин вряд ли когда-нибудь мог себе представить. Здесь для него была власть, если бы он ее захотел. Все интриги Лилидел и ее группы не могли бы помешать ему захватить власть простой силой. Без стыда, без скромности он понимал, что он «самый-самый» ученый в Линне.

Он ясно и четко почувствовал свое превосходство, проницательность своего понимания. Каким-то образом у него это было, а у других нет. Это делало сейчас необходимым для него отказаться от высшей должности на Земле, ибо у него был долг перед всей человеческой расой. Долг, выросший из понимания колоссальной опасности.

Он не мог рассчитывать на то, что кто-то еще сможет оценить степень этой опасности, и меньше всего он ожидал этого от этой корыстной, продажной, несерьезной женщины и тех, кто стоял за ней.

Резко, с гневной решительностью Клэйн повернулся и поманил генерала Марака. Тот быстро подошел. Клэйн быстро прошептал ему:

— Я бы посоветовал всем уйти отсюда со мной. Иначе я не отвечаю за жизнь человека, который знает, что в этих документах. — Он постучал пальцем по своему карману, где находилась копия завещания Джеррина.

К несчастью такова была суровая действительность. Интрига и внезапная смерть.

Не говоря ни слова присутствующим, он повернулся и вышел из комнаты, Марак шел следом за ним. Его задача теперь — удержать своих горячих последователей от политики захватить власть от его имени.

И спасти мир, который почти потерял рассудок от коррупции.

Через несколько часов он приземлился в своем имении. Его встретил командир его охраны.

— Ваше превосходительство, — сказал он кратко, — шар и его контейнер украдены.

— Шар пропал! — воскликнул Клэйн. Его дух надломился, словно от тяжести.

Через несколько минут он уже знал эту историю. На охрану шара, очевидно, напали из засады более крупные силы.

Командир закончил:

— Когда они не вернулись сюда по графику, я расследовал все лично. Я нашел их тела на дне каньона. Все они были мертвы.

Мысли Клэйна уже оставили само преступление и искали виновного. И моментально он сосредоточился на южном человеке.

— Чиннар, — свирепо сказал он.

6.

Для Чиннара и его людей поражение от лорда Клэйна за несколько месяцев до того не стало окончательной гибелью. Прежде, чем приказать своей армии сдаться, этот замечательный логик проанализировал свое положение.

В самом худшем случае, сам он не будет убит сразу же — его оставят для публичной казни. Его люди, разумеется, будут проданы в рабство, если только он не сможет убедить лорда Клэйна позволить армии остаться единым подразделением. Чтобы сделать это, он должен убедить мутанта, что такая сила могла бы быть полезной ему.

Так как его рассуждение имело прочную основу, все произошло так, как он и надеялся. Клэйн перевел варварскую армию вместе с рядом частей рабов в легко защищаемую горную территорию. Вновь получив контроль над непобедимым шаром энергии, мутант считал, что он контролирует ситуацию. Он даже не без основания подозревал, что Чиннар держал тогда ряд космических кораблей в открытом космосе, где до них все еще можно было добраться.

Тогда он сообщил предводителю варваров:

— Эти корабли могут обеспечить вам транспортировку, чтобы вернуться на свою планету. Но предупреждаю вас, чтобы вы не делали такого шага без моего разреше-

ния. Вы должны знать, что я могу разыскать и уничтожить вас в любое время.

У Чиннара не было в этом никаких сомнений. И кроме того, у него не было желания возвращаться на Европу. Разворачивались великие события, и он намеревался быть в их центре.

Свои приготовления он начал смело.

Однако космические корабли снаряжались для побегов. Люди, прикрепленные к ним, громко протестовали, когда им сообщили, что они должны были сбрить свои бороды, но предводитель был непреклонен. Поодиночке корабли сели во мраке ночи на тщательно выбранные места как можно дальше от города Линна. Из них выскочили безбородые люди, одетые, как обыкновенные линнцы. Они убивали только мужчин, как рабов, так и линнцев — и за много месяцев набрали себе огромные припасы зерна, фруктов, овощей, металла и дерева, которые могли пригодиться армии.

Для пленных Клэйном была назначена минимальная диета для поддержания существования. В течение недели они питались роскошно. От каждого костра в горах шел запах жареного мяса. В течение нескольких недель к каждому костру приходило по несколько женщин. Чиннар отдал приказ, чтобы в лагерь приводились только рабыни, а любая линнская женщина, схваченная по ошибке, должна была быть убита.

Все соглашались, что это было мудро, однако он подозревал, что ни одна женщина не была казнена. Чиннару было ясно, что линнские женщины, узнав о таком выборе, предпочтут замаскироваться под рабынь. Таким образом кровожадная угроза помогла. Громадный лагерь, который мог бы находиться в крайнем беспорядке, несколько месяцев действовал с высоким уровнем эффективности.

И из-за страшного расстройства нормальной линнской жизни, вначале в результате вторжения варваров, а затем из-за захватчика-чужака, их жестокие действия проходили почти незамеченными; о их существовании почти в буквальном смысле и не подозревали.

Появление захватчика сделало возможным даже более дерзкие действия. Среди бела дня корабли варваров садились на окраинах городов и небольшими группами проле-

тали мимо сторожевых постов без окликов. Эти небольшие шпионские подразделения приносили сведения с широко разбросанных пунктов к одному из самых проницательнейших военных умов своего века. В результате Чиннар знал еще до самого события, что против корабля-захватчика должна была быть произведена атака. И он также знал и ее характер.

В ночь атаки он полностью осознавал, что было поставлено на карту. Он лично сопровождал людей, которые подобрались на расстояние стрелы от конструкции, похожей на гроб, являвшейся контейнером для шара энергии. Он дождался, пока шар не исчез в темноте в направлении к гигантскому вражескому кораблю. Затем он дал команду. Маленькая группа варваров устремилась на полсотни охранников вокруг контейнера.

В темноте слышны были крики смертельно напуганных людей, застигнутых врасплох превосходящей силой. Но затем быстро наступила тишина. Варвары избавились от мертвых стражников, перетащив их за ближайшую скалу. Затем они стали в напряжении ждать шар.

Он появился внезапно. Только что, мгновение назад, еще ничего не было, и вдруг серебряный шар уже спокойно катается взад-вперд. Чиннар пораженно смотрел на него. Он уже не первый раз видел его, однако теперь он представлял себе некоторые возможности этого оружия.

Вслух он сказал:

— Принесите телескоп. Можно посмотреть и внутрь, пока мы ждем.

Это была новая идея, а примененный способ был очень грубым. Два человека воткнули длинный, узкий телескоп в «эпидерму» шара, а затем медленно равномерным шагом шли рядом с ним. Проблема заключалась в согласованности, и роль Чиннара была самой трудной. Он шел рядом с телескопом, припав одним глазом к окуляру; и хитрость была в том, чтобы установить ритм движения вперед и назад.

То, что он вначале увидел, отличалось от всех его ожиданий до такой степени, что у него затуманилось зрение, и он сбился с шага. Внутренне собравшись, он посмотрел еще раз. Странно, удивление снова было почти также велико, словно мозг уже выбросил виденное ранее.

Он увидел сияющую звездами вселенную. В смятении он отступил назад, стремясь охватить огромную величину, всю фантастическую действительность. Затем он снова подобрал шаг и посмотрел еще раз. К тому времени, когда он снова выпрямился, он пытался дать объяснение увиденному.

Шар, — решил он, — был «дырой» в космосе. Сбитый с толку, он уставился на него, когда тот катался взад и вперед. Как серебристый шароподобный предмет мог быть отверстием во что-либо?

Он знаком приказал людям унести телескоп, а затем засунул в шар свой палец. Он вообще ничего не почувствовал: ни сопротивления, ни какого бы то ни было ощущения.

Палец слегка опух, и он вспомнил, что метеорокопатели подтверждали, что космос был не холодным, но, что жизненно необходимо было надевать герметический костюм. Из-за недостатка давления его палец бы разбух.

Интересно, — подумал он, — может он проник в какую-то глубину космоса. Палец, высунувшийся из плоти в вакуум. Он задумчиво отошел от шара и сел на камень. На востоке небо начинало светлеть, но он все еще сидел, его люди все еще напрасно ожидали приказа уходить. Он намеревался дать Клэйну любую возможность использовать сферу-шар против чужаков.

Когда из-за неровного горизонта показалось солнце, он резко встал и велел перевезти контейнер и шар к ожидавшему кораблю. У судна были указания сразу же выйти в атмосферу и встать на орбиту вокруг Земли.

Чиннар четко помнил, как Клэйн вынужден был прийти в город Линн, чтобы использовать шар против него самого. И это был факт, что каждый раз, когда его использовали, он должен был перевозиться ближе к объекту, против которого его собирались применять.

Таким образом, величайшее оружие, которое можно себе представить, было в его владении.

Он не был удовлетворен. Беспокойно расшагивая по комнате, которая была его штабом, он снова и снова обдумывал свое положение. Годы назад он открыл основной секрет власти и успеха. И сейчас, когда картина была не завершена, ему было не по себе.

Люди приходили и уходили из его комнаты. Шпионы приносили информацию. Корабль-агрессор был захвачен. Джеррин был мертв. Клэйн отказался воспользоваться этой смертью и дал указания своим сторонникам не выступать против плана сделать Каладжа лордом-советником.

Когда человек, доставивший эту последнюю новость, ушел, Чиннар в удивлении покачал головой, и впервые за все эти месяцы какая-то часть его страшного напряжения спала. У него самого не хватило бы смелости не захватить власть в такой благоприятный момент. Не мог он представить себе и логику этого — даже так, действительность казалась сверхчеловеческой.

Это заставило его поколебаться. Ведь он намеревался приложить усилия захватить гигантский корабль-захватчик, когда на нем не было Клэйна. С точностью часового механизма его люди завершили всю предварительную работу, но он не отдавал последнего приказа.

На шестой день после смерти Джеррина от Клэйна прибыл посыльный, приказывающий ему явиться на борт захваченного гиганта. Чиннар заподозрил самое худшее, но у него не было другого выбора, за исключением открытого сопротивления. Так как это быстро собрало бы против него основные линнские армии, то он решил довериться Клэйну и своему собственному анализу ситуации.

В соответствии с этим в назначенный час Чиннар и его штаб прилетели на патрульном судне с мощным сопровождением к имению Клэйна. Когда они сходили на землю, корабль-чужак парил высоко над головой.

Вокруг расхаживали несколько охранников. Нигде не было признаков достаточно крупной силы для защиты боевого корабля против решительной воздушной атаки.

Взглянув вверх, Чиннар увидел, что несколько дюжин люков корабля были открыты и что через них шло слабое, но регулярное движение. Эту картину его шпионы передавали со значительными подробностями, и она сбила сейчас Чиннара с толку так же, как и раньше. Корабль казался беззащитным, совершенно открытым для нападения. Сама степень этой беззащитности заставила его поколебаться. Все еще было трудно поверить в то, что Клэйн мог быть настолько халатен, но теперь предводи-

тель варваров молча обругал себя за то, что не смог воспользоваться военной возможностью.

Впервые за свою страшную карьеру он упустил возможность. У него было предчувствие беды.

Прищурившись, он наблюдал за тем, как подошел один из офицеров Клэйна. Отдав честь варварским командирам с холодной формальностью, он поклонился Чиннару.

— Ваше превосходительство, не последуете ли вы и ваш штаб за мной?

Чиннар ожидал, что его поведут к главному дому имения, который был виден в трети мили к югу за низким холмом. Вместо этого линнский офицер провел их к небольшому зданию, полуукрытому в густом подлесье. Он еще раз отдал честь и поклонился.

— Проходите, пожалуйста, внутрь по одному, — сказал он, — так чтобы машина могла сделать, — он колебался из-за слова, — вашу фотографию.

Он поспешно добавил:

— Лорд Клэйн просил меня заверить вас, что это очень важно; иначе вам будет невозможно приблизиться к «Солнечной Звезде».

Чиннар ничего не сказал, не позволил он себе и сразу же проанализировать значение этих слов. Он знаком велел своим офицерам войти вперед себя и с любопытством смотрел, как каждый по очереди заходил, исчезал на минуту, а затем появлялся, проходя через дверь. Так как он не расспрашивал их, никто из них осмотрительно не предлагал никакой информации.

Наконец настал и его черед. Не спеша, Чиннар шагнул в дверь. Он оказался в голой комнате — если не считать стула, стола и прибора, который лежал на столе. На стуле сидел офицер, который при входе Чиннара встал и поклонился.

Варвар ответил на приветствие, затем с любопытством уставился на прибор. Он выглядел так, словно его вырвали из его металлической оправы. Там, где резали горелкой, металл был расплавлен. Чиннар отметил это, когда проходил, и еще увидел, что сама машина, казалось, состояла, в основном, из похожего на телескоп выступа, укомплектованного линзами. Он повернулся к сопровождающему.

— Что он делает? — спросил он.

Офицер был вежлив.

— По словам лорда Клэйна, сэр, он делает фотографии.

— Но это всего лишь другое слово для портрета, — сказал Чиннар. — Вы хотите сказать, что машина сделала мой портрет? Если так, где он?

Щеки сопровождающего слегка вспыхнули.

— Ваше превосходительство, — признался он, — я больше ничего не знаю. Лорд Клэйн просил меня отсылать всех спрашивающих лично к нему, — он добавил несколько многозначительно. — Я полагаю, что теперь, когда вы здесь, он будет ждать вас.

Чиннар был настойчив.

— Я не видел, чтобы вы что-нибудь делали.

— Автоматически, сэр. Все, что стоит перед ним, фотографируется.

— Если такая фотография необходима, — сказал варвар, — необходима до того, как я подойду к кораблю, то как же лорд Клэйн и его люди смогли войти в судно неделю назад и захватить его, не фотографируясь?

Это был риторический вопрос, и он почти не слышал утверждений служащего о своем неведении. Молча он вышел из маленького здания и вслед за первым офицером пошел к более крупному спасательному судну, которое как раз садилось в полсотне футов от него.

Через несколько минут их быстро унесло к одному из отверстий. Спасательное судно скользнуло внутрь и носом мягко встало в прорезь. Чиннар вышел с другими, поколебался, когда увидел двойные ряды охраны, подтянутой для их приема, а затем, уже заметив холодность приветствия, без слов прошел по коридору к огромной двери. Переступив порог и увидев огромную виселицу, которая была воздвигнута у дальней стены, он непроизвольно остановился.

Замешательство было преждевременным. Он невозмутимо прошел вперед, прямо к подножию виселицы. Сел на нижнюю ступеньку, вытащил блокнот и начал писать прощальное обращение. Он все еще писал его, когда краем глаза увидел, как вошел Клэйн. Он встал и покло-

нился. Стройный молодой человек подошел к нему и бе: всяких предварительных слов сказал:

— Чиннар, выбор у вас простой. Выдать шар или пойти на виселицу.

— Шар? — наконец произнес варвар. Он надеялся, что это звучало по-настоящему удивленно, но не сомневался в серьезности своего положения. Впереди были трудные минуты.

Клэйн сделал нетерпеливый жест, поколебался, а затем стал заметно спокойней.

— Чиннар, — произнес он медленно, — умелая реорганизация ваших сил в последние несколько месяцев привела меня к решению использовать вас в главном предприятии.

Варвар еще раз поклонился, но глаза его сузились от открытия, что его деятельность была известна мутанту. Чиннар ни недооценил, ни переоценил этот факт. Он понимал и слабость, и силу положения лорда Клэйна. Большой слабостью было то, что он слишком зависел от самого себя. Он был во владении людей, у которых было слабое или вообще никакого представления об относительной важности того, чем он обладал или его действий.

И потому, во время варварского нападения на Линн, атакующие захватила дом Клэйна со всем его ценным научным оборудованием, включая и силовой шар. Не зная огромных потенциальных возможностей шара, они сделали ошибку, попытавшись использовать его и другое оборудование в качестве приманки, чтобы заманить Клэйна в ловушку. И тем самым позволили ему приблизиться к шару — и самим попасть в ловушку.

Тайна, делающая такие вещи возможными, была формой силы. Но, очевидно, стоит только понять систему, и решение оказывается простым. Следить за движениями Клэйна. Он не мог быть одновременно повсюду. Как и другим людям, ему нужен сон; у него должно быть время на еду. Не мог же он постоянно быть настороже.

То, что он позволил силам варваров реорганизоваться, не говорило о том, что он мог предвидеть все возможные случайности такого поступка. Об этом говорил его захват шара.

Снова молчание нарушил Клэйн:

— Как вы знаете, — сказал он, — я спас вас от участи, которая обычно ожидает тех, кто осмеливается напасть на Линн. Казнь таких вождей может быть, а может и не быть, средством устрашения, средством против других авантюр; возможно, так и есть. Я спас вас от этого, а одним из первых ваших действий стала кража оружия для самостоятельного использования, для которого у вас нет знаний.

Чиннару показалось, что пора было отказываться.

— Я не знаю, о чем вы говорите, — запротестовал он в своей открытой манере. — Что, разве шар украли?

Клэйн, казалось, не слышал. Он мрачно продолжал:

— Я не могу честно сказать, что когда-либо восхищался вами. Вы обнаружили, открыли простой способ власти и продолжаете следовать ему. Я лично против такого большого числа убийств, и я действительно верю, что возможно достигнуть высот власти в любом государстве, как бы оно ни управлялось, без того, чтобы вонзать кому-то нож в спину.

Он остановился, сделал шаг назад. Глаза его были безжалостны, когда он взглянул Чиннару прямо в лицо. Сказал кратко:

— Хватит об этом. Вы уступите шар или идете на виселицу?

Чиннар пожал плечами. От давления смертной угрозы напрягся каждый мускул в его теле. Но своей потрясающей логикой он уже проанализировал потенциальные возможности своей кражи шара; и он все еще придерживался своего анализа.

— Я ничего об этом не знаю, — сказал он тихо. — Шара у меня нет. До этой минуты я даже не знал, что его украли. Что это за предприятие, в котором вы планировали меня использовать? Уверен, что мы сможем договориться.

— Никаких договоров, — холодно сказал Клэйн — пока я не получу шар. — Он продолжал. — Однако, как я вижу, вы убеждены, что я не повешу человека, у которого он находится, так что давайте приступим. Вы сами заберетесь на виселицу или вам нужна помощь?

Так как никакого эффективного сопротивления здесь быть не могло, Чиннар повернулся, зашел по лестнице

на верх виселицы и, не дожидаясь, пока палач ему помо-
может, сам продел голову в веревку. Он был сейчас бледен, несмотря на свою уверенность. Впервые его ударила мысль, что ослепительная карьера Чиннара, бывшего писца, сделавшего себя абсолютным правителем Европы, вот-вот закончится.

Он увидел, как Клэйн дал знак палачу, линнскому сержанту, выйти вперед. Тот встал у рычага, который открывал крышку люка и повернулся, следя за Клэйном, поднявшим руку. Мутант напряженно стоял в этой позе и сказал:

— Последний шанс, Чиннар. Шар или смерть.

— У меня его нет, — сказал Чиннар ровным спокойным голосом, но с таким видом, что все решено.

Неумолимо и резко рука Клэйна упала вниз. Чиннар почувствовал, как люк под его ногами провалился. И затем...

Он падал.

1.

Он пролетел около фута и приземлился так резко, что тело его завибрировало от боли. К глазам подступили слезы. Он сморгнул их. Когда зрение прояснилось, он увидел, что стоит на крышке второго люка, выстроенного ниже.

До него донеслось какое-то шарканье. Он огляделся. Его штабные офицеры сражались с линнскими стражниками, пытаясь пробиться к нему. Чиннар колебался, думая, что, может быть, ему и им следует сделать попытку драться до смерти.

Он покачал головой очень слабо. То, что он все еще был жив, подчеркивало его собственные твердые убеждения. Он подал свой золотой голос, и его офицеры наконец прекратили борьбу, остановились, угрюмо глядя на него.

Чиннар обратился к ним, косвенно обращаясь к Клэйну:

— Если моя жизнь действительно будет в опасности, — сказал он с хорошо слышимой уверенностью, — это произойдет потому, что лорд Клэйн потеряет рассудок. Это было бы и в том случае, если бы у меня был шар.

Он понимал, что Клэйн воспринимает эти слова как признание, и холодно взглянул на мутанта, побуждая к замечанию. Клэйн нахмурился, но через мгновение принял вызов.

— Предположим, шар был бы у вас, — сказал он мягко, — так почему это вас защищает?

— Потому, — сказал Чиннар, и его золотой голос никогда еще не был так ровен, — что, если он у меня, пока я жив, у вас был бы шанс вернуть его. Если я умру, тогда этот шанс пропадет навсегда.

— Если бы он был у вас, — сказал Клэйн мрачным, но ироничным голосом, — зачем вам держаться за него, зная, что вы не сможете им пользоваться?

— Сначала мне нужно было бы все изучить, — был ответ варвара. — В конце концов вы узнали, как им пользоваться без всяких предыдущих знаний о его работе.

— У меня была книга, — вспыхнул Клэйн, — и, кроме того, я обладаю знаниями о природе и строении материи и энергии.

— Возможно, — холодно сказал Чиннар, — я мог бы заиметь эту книгу, такое случается.

— В частности, эту книгу я запомнил, — сказал Клэйн, — а затем уничтожил.

Чиннар был вежливо скептичен.

— Возможно, мои агенты смогли бы отыскать место, где вы сожгли его, — сказал он. — Или, если бы я послал их в дома богов, они смогли бы найти еще одну книгу.

Он чувствовал, что снова нарастало напряжение и что никакой словесный эпизод не разрешит этот спор. Клэйн становился все жестче, глаза его сужались.

— Чиннар, — сказал он резко, — если бы шар был у вас и вы бы знали, что никогда не сможете разузнать, как им пользоваться, держались бы вы за него, зная об опасности перед человеческой расой?

Варвар сделал глубокий вдох. Он ожидал яростной реакции.

— Да, — сказал он.

— Почему? — было видно, что Клэйн сдерживается.

— Потому, — ответил Чиннар, — что у меня нет уверенности в человеке, который неоднократно отказывается принять власть и таким образом отвергает единственное средство, которым он может руководить действиями против возможного захватчика. И, кроме того, шар, очевидно, бесполезен против Риссов.

Клэйн казалось не слышал последних слов.

— А если бы я сказал вам, что отказался взять власть потому, что у меня план гораздо большего масштаба.

— Я признаю власть, — сказал Чиннар решительно, — а не грандиозные планы человека, который сейчас фактически бессилен.

— Мой план, — говорил Клэйн, — такого масштаба, что я не рискну сообщить о нем человеку с вашим негибким отношением из страха, что вы посчитаете его

невыполнимым. Думаю, на этот раз ваше воображение не сможет оценить этих возможностей.

— А вы попробуйте.

— Когда у меня будет шар, — сказал Клэйн, — и ни секундой раньше. А что до моего бессилия, не забывайте, пожалуйста, что у меня есть корабль.

Чиннар презрительно ответил:

— Что вы собираетесь с ним делать — напасть на законное правительство и заставить людей полюбить себя? Это не тот путь, которым может действовать мутант. Для вас и для вашей группы момент для взятия власти прошел. Возможно, он больше не появится до нападения Риссов, а к тому времени все, что вы смогли бы сделать, будет уже слишком поздно.

Он продолжал еще более яростным тоном:

— Лорд Клэйн, вы меня сильно разочаровали. Ваша неудача подвергла мои войска и меня самого серьезной опасности, потому что очень скоро законное правительство Линна потребует, чтобы вы выдали нас, и, разумеется, от вас потребуют, чтобы вы выдали и корабль. Если вы откажетесь, тогда впервые в своей жизни вы выступите открытым неповиновением. И с этого момента дни ваши сочтены.

Клэйн улыбался.

— Я вижу, — сказал он, — что вы опять принялись за свои старые игры в политические интриги, а я совершенно не терплю такое ребячество. Человеческая раса в смертельной опасности, и я не собираюсь спорить ни с кем, кто интригует и замышляет, пытаясь воспользоваться такой ситуацией. Люди должны взрослеть или умирать.

Он отвернулся в сторону и что-то сказал одному из стоящих рядом с ним офицеров. Тот кивнул, и Клэйн снова посмотрел Чиннару в лицо.

Варвар приготовился к следующему этапу пытки.

Клэйн кратко сказал:

— Снимите, пожалуйста, петлю с шеи и подойдите к баку в углу слева от вас.

Снимая веревку, Чиннар внимательно осмотрел этот бак. Он был большой, бетонный, Чиннар заметил его, еще когда входил сюда. Это его заинтриговало; он не мог представить его предназначение.

Спускаясь с виселицы, он лихорадочно думал. Затем сказал Клэйну:

— Я действительно легко поддаюсь убеждению. Почему бы вам не рассказать о своем плане? Я не могу дать вам шар в подтверждение своей честности, потому что у меня его нет.

Клэйн лишь нетерпеливо помотал головой.

Чиннар принял отказ и сухо сказал:

— Мне влезть в бак?

Клэйн сказал:

— Взгляните внутрь, вы увидите устройство.

Чиннар с любопытством взобрался наверх и глянул вниз. Резервуар был довольно глубок, и он был пуст. На дне был простой ручной насос и две цепи с зажимами, прикрепленными к пальцам, вделанным в бетонный пол.

Он осторожно спустился в резервуар и подождал указаний.

Взглянув вверх, он увидел, что Клэйн смотрел на него вниз из-за края.

— Пристегните цепные зажимы на щиколотках, — указал мутант.

Чиннар повиновался. Их металлический щелчок прозвучал как окончание. Металл тяжело и неудобно оттягивал вниз.

— Цепи, — объяснил мутант, — будут удерживать вас на дне резервуара, так что, когда пойдет вода, вам придется откачивать ее, если не хотите утонуть, — он добавил. — Как видите, подход очень простой. Насос работает легко. Выбор будет полностью за вами. Вы будете жить или умрете вашими собственными усилиями, и в любое время вы можете остановить весь процесс, согласившись отдать шар. Вот пошла вода.

Она потоком понеслась вокруг ног Чиннара, шумно булькая и пузырясь. Она была тепловатой, так что ощущение было довольно приятным. Чиннар сел на пол и посмотрел вверх на Клэйна.

— Можно сделать просьбу? — спросил он.

— В нее входит передача шара?

— Нет.

— Тогда мне неинтересно.

— Это насос, — сказал Чиннар. — Его присутствие меня удручает. Вы не уберете его отсюда?

Клэйн помотал головой.

— Через пять минут вы, может, будете рады, что он здесь.

Тем не менее, когда он говорил, в глазах его было беспокойство. Ясно, что такой реакции он не ожидал.

Он закончил.

— Если вы когда-нибудь передумаете, вы увидите, что насос быстро снижает уровень воды.

Чиннар не ответил. Вода была у его шеи. Через минуту она сомкнулась над его ртом. Он обнаружил, что непроизвольно расслабился, так чтобы немного держаться на воде. Он напрягся в ожидании физического ужаса, до которого оставались считанные минуты.

Наконец он уже стоял и мог чувствовать тяжесть цепи на щиколотках. Не было никаких сомнений в том, что он добрался до предельной точки этого способа спастись. А вода поднималась все выше.

Опять она дошла до его рта, затем до носа. Он задержал дыхание, когда она поднялась до глаз и сомкнулась над головой. А затем, резко, словно разрываясь, он выдохнул и вдохнул.

В груди возникла ножевая боль, но и все. На вкус вода была выдохшейся и неприятной, не так, как будто он ее пил. Наконец, пропало всякое ощущение. Темнота накрыла его сознание.

Когда он пришел в себя, он лежал над бочкой. Никогда в жизни он не чувствовал себя более жалким. Они все еще выдавливали из него воду.

Он кашлял. Всякий раз, когда вытекала из него вода, его тело разламывалось. Боль возвращения к жизни была несоизмеримо сильнее, чем боль смерти. Но далее он, наконец, понял, что будет жить.

Они перенесли его на койку и здесь, через час или около того, он снова стал чувствовать себя нормально. Клэйн вошел один, подтащил стул и сел, молча разглядывая его.

— Чиннар, — сказал он наконец, — я с неохотой вынужден признать, что восхищаюсь вашим мужеством. Я презираю звериную хитрость, находящуюся за ним.

Чиннар ждал. Он отказывался верить, что его муки закончились.

— Вы еще раз доказали, — горько сказал мутант, — что храбрый человек, готовый к обдуманному риску на жутком уровне политической интриги может даже победить смерть. Я ненавижу глупую логику, заставляющую вас чувствовать, что вы вынуждены держать у себя шар. Если вы будете настаивать на этом безумии, мы все погибнем.

— Если бы этот шар был у меня, — проговорил Чиннар, — тогда вашим логичным действием было бы забыть о себе и рассказать мне, как он работает.

Чиннар говорил ясным тоном, осознавая, как опасно было это утверждение. Это было его первое косвенное признание своих собственных огромных честолюбивых планов. Ибо было очевидно, что если бы он когда-либо научился пользоваться шаром, то с тех пор он был бы в состоянии захватить власть, когда ему этого захочется, и овладеть любым государством.

Это также подразумевало, что, согласно его анализу характера Клэйна, тот действительно мог позволить ему управлять шаром в какой-нибудь чрезвычайной ситуации, затрагивающей судьбу человеческой расы.

Клэйн качал головой.

— Этого не произойдет, мой друг. Я не думаю, что шар сам по себе когда-нибудь будет полезен против Риссов. Почему — я вам не скажу.

Чиннар молчал. Он надеялся без излишнего оптимизма, что придерживаясь своей линии он получит ключ к функционированию шара. Но информация, которую он получил, представляла проблему еще более трудной.

Клэйн продолжал:

— Может показаться, что я был очень беспечен с шаром. Но я давно обнаружил, понял, что не могу быть одновременно повсюду. И разумеется, я повторяю, он совершенно бесполезен для любого другого. Он работает на основе одной математической формулы, имеющей отношение к освобождению атомной энергии, и я сомневаюсь, что в Солнечной системе еще кто-то, кроме меня, даже просто знает, что существует такая формула.

Чиннар получил свой ключ, и он был горек. Наконец он сказал:

— Какие теперь у вас планы относительно меня?

Клэйн колебался. Когда он наконец заговорил, в голосе его слышался огонь.

— За прошедшие несколько месяцев, — сказал он, — я терпел ваши убийственные набеги, потому что сомневался, смогли бы мы получить такие обширные запасы продовольствия и прочее каким-либо законным способом под моим контролем.

Помолчав, он продолжал:

— Я также сомневаюсь в том, что было бы возможно собрать вместе столько много женщин, не применяя методов, подобных вашему. Для моих целей женщины также важны, как и продовольствие.

Он снова замолчал. И у Чиннара было время почувствовать досаду. Он-то думал, что немного разбирался в запутанных планах, рождавшихся в голове этого человека. Но теперь моментально он оказался за пределами его глубины, и сейчас у него было убеждение, что его обыграли в его же собственной хитрой игре.

Мысль о том, что его тайные набеги будут сейчас использованы на пользу плана Клэйна, была поразительной. Мутант продолжал.

— Вот что я хочу, чтобы вы сделали. Завтра «Солнечная Звезда» подойдет к вашему лагерю. Вы начнете грузить свое снаряжение на нижние палубы — их там двадцать, и каждая может вместить около десяти тысяч людей и их запасы — так что будет много места для всей вашей армии и женщин.

Чиннар сказал:

— Раз у меня такая сила на борту, что помешает мне захватить корабль?

Клэйн мрачно улыбнулся.

— Двадцать верхних палуб уже заняты хорошо вооруженной линнской армейской группировкой, все молодые женатые люди, вместе со своими женами. Кроме, как на офицерском уровне, связи между двумя группами не будет. Фактически, кроме входной двери из вашего штаба, все сообщающиеся двери будут запечатаны.

Чиннар кивнул, наполовину себе самому. Звучало впечатляюще. Любая оборона такого рода, конечно, могла быть преодолена дерзким и хитрым планом. Но сейчас это его почти не волновало. Тут подразумевалось, что должно было состояться невероятное, небывалое путешествие, и это заняло все его мысли.

— Куда мы летим? — спросил он резко. — К одному из внешних спутников?

— Погодите, увидите, — холодно сказал Клэйн.

Нахмурясь, он поднялся.

— Хватит об этом. Инструкции вы получили. Мне необходимо совершить важную поездку в Капитолий. Я хочу, чтобы вы и ваши силы были на борту и готовы к полету через неделю с этого дня. И если вы хоть раз можете подняться над слабоумным военным идиотизмом, который направляет ваши рассуждения, принесите с собой шар. — Его тон был тоном сдерживаемого гнева.

Чиннар задумчиво уставился на него.

— Друг мой, — сказал он, — вы сейчас эмоциональны. Политической интриги никак не избежать. То, что вы вдруг неожиданно презираете, есть человеческая среда. Среди человеческой страсти, человеческого честолюбия никогда не было и не будет никакого иного климата, в котором придется вам действовать. Человек добивается успеха или терпит неудачу в той мере, в которой он понимает и управляет безжалостными рычагами и другими, себе подобными. Если он пытается отказаться от интриги, прилив смоет его и его планы, словно их никогда не было. Берегитесь.

Он закончил автоматически:

— Шара у меня нет.

8.

Стрела вылетела из темноты, просвистела мимо головы Клэйна и вонзилась в плечо охранника.

Тот тихо вскрикнул и схватился за тонкий, вибрирующий прут. На помощь ему прыгнул товарищ. Другие воины нырнули в улицы. Послышался визг, почти что женский по высоте страха и раздражения. Наконец группа солдат выбралась из темноты, волоча за собой тонкую, сопротивляющуюся, мальчишескую фигуру.

Раненому тем временем удалось вырвать стрелу из своей кровоточащей плоти. Больше напуганный, чем раненый, он стоял тут же и ругался глубоким низким голосом.

Его люди уже возвращались из дальних углов улицы. Факелы вспыхивали и оплывали на ночном ветру. В этой дымной зловонной атмосфере меняющиеся узоры тусклого света лишь мельком высвечивали лица и тела. Клэйн стоял молча, недовольный окружавшей его возбужденной толпой. Наконец, когда казалось, что конца суматохе не будет, он крикнул офицера, и через минуту путь для него был очищен. По нему охранники тащили задержанного.

Кто-то крикнул:

— Это женщина!

Крик эхом прокатился по толпе. Раздались изумленные проклятия. Женщина или мальчик — при этом тусклом свете трудно было сразу определить — перестала сопротивляться. А затем, заговорив, сняла вопрос о поле.

— Отпустите меня, грязные вы крысы! Вы получите за это плети. Я желаю говорить с лордом Клэйном.

Голос, несмотря на злобный тон, был женский. Что было более удивительно, выговор был поставлен в школах, где обучались юные леди благородного происхождения.

Это поразительное открытие вывело Клэйна из ледяного спокойствия, в которое его ввергло покушение на

его жизнь. Он не сомневался, что покушение было на него, а не на охранника. Он не сомневался ни секунды, что убийца был агентом группы, стоящей за Лилидел.

Теперь, когда покушение не удалось, у этой леди надо получить имена тех, кто стоял непосредственно над ней. Впрочем, это его мало волновало. Что беспокоило его, так это то, что она явно не думала над серьезными последствиями своего поступка. Берясь за задание, она не могла не знать о давно установленном способе наказания женщин-убийц. Их отдавали солдатам.

Он уставился на нее встревоженными глазами. Возможно, это было впечатление от неровного света, но она казалась чуть старше ребенка. Ей было не больше восемнадцати лет. Ее глаза сверкали страстным огнем решительного подростка. Губы ее были полными, а рот чувственным.

Его передернуло, когда он понял, что мысленно предавал ее наказанию, установленному давней практикой. Он, кто так недавно выступал против стольких многих старых обычаев, не мог сейчас позволить себе обидеть своего личного охранника. Медленно он стал непреклонен к неизбежностям ситуации.

Так-как он был зол на нее из-за решения, которое она вынуждала его принять, он спросил с мрачной резкостью:

— Кто вы?

— Здесь я разговаривать не буду, — сказала она.

— Как вас зовут?

Она заколебалась; затем, очевидно, почувствовав в его голосе враждебность, она угрюмо ответила:

— Маделина Коргей.

Имя заставило его сильно задуматься его еще раз. Потому что это была древняя и знаменитая фамилия в Линне. Генералы и патроны пронесли эту фамилию по полям сражений, подписывали ею законы страны. Отец девушки, вспомнил Клэйн, погиб в бою на Марсе, год тому назад. Так как он герой войны, поступок его дочери будет прощен.

Клэйн был раздосадован, поймав себя на мысли, что уже думает о политических последствиях. Но было бы глупо закрывать глаза на тот факт, что этот случай мог быть весьма опасным для него. Он сердито покачал головой. Теперь, когда Каладж уже избран лордом-совет-

ником и готов к своему триумфальному входу в город Линн завтра утром, сторонники мальчика могли бы поднять из-за этого шум. И однако надо учесть ожидания охранников, которым нет дела до извинений. К счастью, было возможно и промежуточное решение.

— Возьмите ее, — сказал он, — я допрошу ее, когда мы доберемся до места.

Никто не возражал. Вполне естественно, что будет период расследования, после чего — приговор.

Клэйн отдал необходимые распоряжения. Наконец, процессия снова двинулась по улице.

Прошло несколько недель со дня захвата корабля-захватчика и более шести месяцев со дня поражения Чиннара и его варварской армии с Европы, этого далекого и малоизвестного спутника Юпитера. Мир Линна все еще приходил в себя от этих двух недавних катастроф. Но пережившие их уже забыли, как велика была опасность. Со всех сторон империи все громче раздавались голоса недовольства.

Коммерческие группы заявляли, что Чиннар никогда и не был действительной угрозой и что так или иначе опасность была результатом грубой халатности, допущенной правительством. Джеррин отклонял прежние возражения, но теперь, когда он был мертв, все решительно шло к тому, чтобы отменить указ, объявленный Клэйном во время варварского вторжения, освободивший всех верных рабов. Лихорадочная ярость бесчисленных людей, лишенных ценных слуг возрастала с каждым днем. До Клэйна доходили отвратительные разговоры о том, что, может быть, с самого начала и не было бы никаких несчастий, если бы мутанта не терпели бы так долго в семье предводителей лордов.

Это была прямая атака на него самого, которую он не мог отразить никакими известными ему средствами. Тем более, что он не дал своим сторонникам помешать голосованию Патроната, давшего титул лорда-советника юному Каладжу.

Встревоженные направлением, которое принимал общественный гнев, несколько приверженцев Клэйна уже пожалели, что позволили себя убедить. Сейчас ему не-

обходимо, — утверждали они, — действовать до того, как лорд-советник Каладж прибудет в Капитолий.

Именно это и заставило Клэйна предпринять поход по ночным улицам спящего Линна. Планировался государственный переворот — таково было сообщение, полученное им по прибытии в город несколько часов назад — цель которого была объявить его лордом-правителем.

По прибытии во дворец Патрона Саронатта, где заговорщики устроили свой штаб, Клэйн позвал руководителей в один их трех апартаментов, которые сразу же были отданы ему. С самого начала его позиция подверглась нападкам. Он слушал, пораженный, как его бывшие верные сторонники набросились на него с такой резкостью, какой он никогда в свой адрес не слышал. Тут были насмешки и яростные тирады. Его страх перед вторжением чужаков, если не был открыто осмеян, то подвергся нападениям на том основании, что только будучи лордом-предводителем, он будет в том положении, чтобы защитить государство. Аргументы в точности походили на аргументы Чиннара и выдвигались они с той же решительностью.

Вскоре после трех утра один знаменитый патрон выступил против его руководства.

— Меня пригласили, — сказал он взбешенно, — присоединиться к группе Лилидел, и я приму это приглашение. Хватит с меня этого осторожного труса. — Это было начало. Затем началась свалка за то, чтобы покинуть тонущий корабль. В четыре часа, когда Клэйн начал говорить, его аудитория сократилась до двадцати человек. Остались, в основном, военоначальники, которые сражались с ним против Чиннара. И даже они, он видел, были не слишком дружелюбны. Ради них он просто и кратко обсудил возможный характер приближающегося нападения Риссов. Он не сказал им, каковы были его планы, но все же постарался их хоть как-то воодушевить.

— Наши противники, — сказал он, — по-моему, пока что не представляют себе, что делают, выдвигая этого маменькиного сынка на должность лорда-советника. Детей интересуют люди, находящиеся вокруг них, а не отдельные личности, которых они никогда не встречают. Вы только представьте себе ребенка, который находится сейчас в таком положении, что каждый раз может по-

ступить, как ему хочется. — Он поднялся и мрачно оглядел всю небольшую группу. — Подумайте над этим.

Клэйн вернулся к себе в резиденцию гораздо больше потрясенный оборотом, который принимали события, чем он хотел признать. Он уже шел в спальню, когда командир его охраны напомнил ему о преступнице.

Клэйн поколебался. Он устал, и ему надоели проблемы. Он не был даже уверен, что ему интересно узнать, кто хотел его смерти. Даже некоторые из его старых сторонников могли сейчас считать, что живой он опасен для них. В конце концов дело решило его любопытство. К тому же свои успехи он приписывал привычке быстро и тщательно разбираться во всем, что затрагивало его интересы. Он приказал привести девушку.

Она вошла в комнату смело, с презрением отвергнув попытку охраны ввести ее как пленную. При ярком свете керосиновых ламп она выглядела старше, чем ему показалось раньше. Он решил, что ей было года двадцать два — двадцать три или чуть больше. Она была даже красива, на его взгляд. В ее чертах видны были и приятная внешность, и проницательный ум. Впечатление портило лишь чересчур высокомерное выражение ее лица. Но он понимал, что это вовсе не обязательно является недостатком. Первой заговорила она.

— Если вы думаете, — сказала она, — что я обыкновенная преступница, вы сильно ошибаетесь.

Клэйн иронично поклонился.

— Я уверен, — ответил он, — что все убийцы необыкновенны.

— Я выстрелила в вас, чтобы привлечь ваше внимание, — сказала она.

Клэйн вспомнил момент нападения. Стрела, как он помнил, просвистела в футе от его головы. Для искусного лучника — это плохой выстрел. Теперь встал вопрос, насколько она была искусна? И насколько ей помешала темнота?

Женщина заговорила снова.

— Я член Стрелкового Клуба Марсианских Генералов и за две недели до нападения Чиннара, я заняла второе место на чемпионате. Поэтому я и решилась на риск. Я

уверена, что могу доказать вам, что попала бы в вас, если бы хотела именно этого.

Клэйн насмешливо спросил:

— Вы что не могли избрать какой-нибудь другой способ привлечь мое внимание.

— Нет, — вспыхнула она, — так как я надеялась еще и удержать его.

Клэйн оставался тверд. Все это была словесная игра, и ему было неинтересно.

— Боюсь, что это выше моего понимания, — сказал он. — И боюсь также, что нам придется последовать более традиционному способа допроса и предложить обычные причины покушения.

Он помолчал — все таки любопытно.

— Но почему же вы хотели привлечь мое внимание?

— Я хочу выйти за вас замуж, — ответила она.

Клэйн, стоявший все это время, подошел к стулу и сел. Последовало долгое молчание.

Он смотрел на нее яркими глазами, которые выказывали большее смятение, чем ему хотелось признать даже самому себе. Он не ожидал, что кто-либо сможет проникнуть через его твердую оболочку искушенности. Он вдруг подумал, что, если заговорит, голос его будет дрожать. И тем не менее было естественно, что его взволновало подобное заявление.

Эта молодая женщина принадлежала к той части Линна, которая, как он считал, навсегда была вне его досягаемости. Она была частью общества, которое, за исключением нескольких мужчин, всегда игнорировало мутанта — члена семьи последнего лорда-правителя Линна. То, что девушка ее положения решила выйти за него замуж, просто доказывало, что она видела в нем путь к власти для себя. Если только что прошедшая ночь была доказательством, тогда это могло быть отменой приговора. Ее поступок был первым проломом в стене общественного мнения. В политическом смысле она могла быть очень ценной для него.

Клэйн застонал в душе, когда увидел, что снова оценивает ситуацию с точки зрения выгод для своих целей. Вздохнув, он принял решение. Он позвал командира охраны.

— Выделите апартаменты леди Маделине Коргей. Она будет нашей гостьей до дальнейших уведомлений. Проследите, чтобы она была надежно защищена.

С этим он лег спать. Он оставил указания, когда его следует разбудить, и некоторое время лежал, не засыпая, прокручивая в голове свои планы на день. Прежде всего визит, который он хотел сделать в Центральный Дворец, чтобы еще раз посмотреть на чудовище, которого Чиннар привез с Европы. Необходимо, чтобы кто-то знал хоть что-нибудь о физической стороне смертельного врага человека.

9.

Лорд Клэйн проснулся в середине утра от далекого пения. Это на минуту озадачило его, но затем он вспомнил, что сегодня прибывает лорд-советник Каладж, и по этому поводу объявлен праздник.

Он торопливо позавтракал и на патрульном судне отправился в Центральный Дворец. Когда они стали снижаться, чтобы сесть, пилот послал с одним из охранников сообщение.

— Ваше превосходительство, площадь полна людей.

Клэйн приказал:

— Садитесь в переулке, оставшийся путь мы пройдем пешком.

Они сели безо всяких происшествий и стали пробираться между танцующими и музыкантами. Они проходили мимо раскачивающейся группы поющих мужчин и женщин; и Клэйн, никогда не переставший удивляться человеческим глупостям, наблюдал за ними с неподдельным изумлением.

Они отмечали приход к власти юнца, которого они никогда не знали. Мелодичные голоса, хриплые голоса, добродушные возгласы, женщины, кокетливо покачивающие бедрами, мужчины, хватающие за голые руки, целующие любую пару женских губ случайно оказывающихся рядом — по-своему это было изумительное зрелище. Но

принимая во внимание опасность, которую чудом удалось избежать, и надвигающиеся вторжения, это была картина, которая говорила о страшной беде.

Взрослые мужчины и женщины вели себя, как дети, принимая своим правителем мальчишку, чьим единственным очевидным правом на это было то, что он сын великого лорда Джеррина. Такая большая любовь ко всему детскому подвергала опасности всю человеческую жизнь.

На этом месте его размышления были прерваны.

— Вот этот подлый священник! — заорал чей-то голос.

Эти слова пронеслись по толпе. Слышны были гневные крики: «Злодей!», «Мутант!», «Служитель дьявола!». Танцы вокруг него оборвались, и угрюмая толпа угрожающе двинулась к нему. Кто-то заорал:

— Это лорд Клэйн, это из-за него все наши беды!

По толпе разнесся яростный гул. Рядом с Клэйном командир охраны тихо подал знак двум дюжинам своих людей. Мощные охранники надавили на толпу, держа руки на мечах и кинжалах. Клэйн, все это время наблюдавший за инцидентом, шагнул вперед с усмешкой на губах. Он поднял руку и на какой-то момент добился желаемой тишины и звучно выкрикнул:

— Да здравствует новый лорд-советник Каладж!

С этими словами он сунул руку в сумку, которую годами носил как раз для подобных случаев и вытащил ее, сжимая горсть серебряных монет. Резким движением кисти он бросил деньги в воздух. Металл сверкнул на солнце и опустился на широкую площадь двадцатью футами дальше. Еще до того, как монеты упали, следующая горсть искрами взлетела в воздух в противоположном направлении.

Он снова крикнул, на этот раз более цинично:

— Да здравствует лорд-советник Каладж!

Толпа не слушала. Люди с криками бросились за деньгами. Даже после того, как люди Клэйна были вне опасности, он мог слышать крики: «Отдай мне, это моя!», «Ты, скотина, ты наступил мне на руку!». Шарканье ног и удары кулаков громко раздавались в утреннем воздухе.

Этот инцидент оставил у Клэйна горькое чувство. Снова он был вынужден полагаться на какой-то прием для управления людскими массами. Простой, эффективный,

хитрый — он был частью его обширного запаса информации о человеке с улицы.

Несмотря на свое огромное желание отмежеваться от таких дешевых хитростей, он не мог этого сделать. Вспомнилось, что говорил Чиннар. Он помотал головой. Должен быть какой-то способ пробудить людей к тому, что наступает одиннадцатый час судьбы человека. И что на этот раз люди должны отложить в сторону все личные амбиции и действовать в согласии против врага такого свирепого, который отказывался вступить в контакт с человеческими существами.

Но как? Что он мог сказать или сделать, чтобы высечь искру. Он, который проводил свое время и тратил энергию, изучая механизмы на борту корабля Риссов — задача настолько колоссальная и такая важная, что все остальное рядом с ней тускнело в своей незначительности.

И тем не менее, вот он идет во дворец, чтобы лично сделать то, что должно быть текущей работой для одного или нескольких подчиненных. Такой она, разумеется, конечно же не была. Никто больше не был компетентен для обеих задач (политической и научной), которые необходимо было решить. Несколько лет назад он с опозданием организовал школу ускоренного обучения для занятий наукой; но он был слишком занят, чтобы уделять ей должное внимание. Политика, войны, интриги. Люди, с которыми надо встречаться. Шпионские доклады, которые надо изучить. Исследования. Эксперименты. Новые идеи. Каждый час суток пролетал, как мгновение, оставляя все новые заботы. Для одного это слишком много. И теперь, когда наступил кризис, он почувствовал истинность этого.

Он все еще думал об этом, когда прибыл к дворцовым воротам. Время было, как он заметил по привычке обращать внимание на детали, без нескольких минут двенадцать. В голове его был вопрос — позволят ли ему войти внутрь?

Оказалось, что это совсем не проблема. Обезумевший командир охраны пропустил его и его сопровождающих. Клэйн направился прямо к рефрижераторной. У него не было никаких проблем с поисками тела мертвого Рисса, которое Чиннар привез с собой с Европы.

Продолговатое тело нечеловекообразного существа на тепло реагировало плохо. Когда с жестких, с коричневыми пятнами складок кожи, закапала вода, от него поднялось зловоние. Сначала запах был слабый. Но он становился все сильнее.

Мясники, которых он взял с собой, распилили тело на части. Клэйн брал куски и диктовал двум своим секретарям — сначала одному, потом другому. Закончив с одним сегментом, он передавал его художнику, уверенными, быстрыми мазками рисовавшему близкое к натуре изображение.

День подходил к концу, и запах сгущался, пока, казалось, не проник в каждую щелку комнаты. А Клэйн все изучал и диктовал, изучал и диктовал. В ход пошли газовые горелки и измерительные трубки. Сок из желез, жидкость из циркулирующей системы существа и из спинного столба разделялись на компоненты, описывались, получали название и иллюстрировались для изучения в будущем.

Раз, когда он сунул палец в нечто липкое и вязкое и попробовал его на вкус, один из секретарей упал в обморок. В другой раз он попытался скормить кусочек этого крысе в клетке. Животное, специально содержащееся голодным, набросилось на него и сдохло, несколькими минутами позже, в конвульсиях.

Клэйн продиктовал:

— Мясо по проверке оказалось преимущественно сложной протеиновой структуры, такой сложной, что в действительности кажется сомнительным, будет ли оно съедобным для какого-либо животного земного происхождения. Крыса, которой оно было скормлено, сдохла через три минуты и восемь секунд.

Вскоре после обеденного часа части тела были уложены обратно в ящик и поставлены в ледовую комнату. Выполнив эту задачу, он заколебался. Потому, что это была первая из двух его целей. Вторая требовала знаний о том, как грубо обходиться с волей другого.

Снова он был в роли, которую не любил. И другого выбора не было.

Он послал свою группу домой и спросил дорогу к апартаментам Каладжа. Служащий, к которому он обратился, узнал его и, взявшись за голову, сказал:

— Ох, ваше превосходительство, неразбериха сегодня фантастическая.

На время успокоившись, он показал Клэйну направление. У входа в апартаменты Каладжа была охрана, но они вскочили по стойке смирно, когда он сказал:

— Я — лорд Клэйн Линн, дядя лорда-советника.

— О вас объявить, ваше превосходительство? — с сомнением спросил один.

— Нет. — Клэйн был холоден и уверен в себе. — Я просто войду.

Он вошел.

Вначале была небольшая ниша, затем большая внешняя комната. С любопытством оглядевшись вокруг, Клэйн увидел Каладжа, стоящего на голове у открытого окна. Он делился своим мастерством с марсианской девушкой-рабыней. Девушка хихикала, затем повернулась и, увидев Клэйна, застыла.

Она что-то сказала, и Каладж кувыркнулся, выходя из своей позы. Он, должно быть, слышал, как его мать выражала страхи по поводу лорда Клэйна, потому что он побледнел, когда увидел, кто это.

— Дядя! — сказал он. И нотки тревоги в его голосе не прошли мимо Клэйна. Каладж был под гипнозом своего собственного беспокойства.

До известной степени страхи мальчишки были оправданы. Клэйн не мог терять времени. Он пришел во дворец с двумя целями. Одна цель — осмотр Рисса — была достигнута. Вторая зависела от Каладжа.

Клэйн не чувствовал угрызений. По докладам его шпионов, этот мальчик был ненормальным. Если так, тогда его нельзя было спасти. В прошлом Клэйн часто забирал таких детей и взрослых в частную лечебницу и там со всеми своими знаниями пытался развить их. Тщетно.

На этот раз нечего было и надеяться на успех.

Каладжем приходилось пожертвовать. И Лилидел. И всей этой группой, стоящей за ней.

Жертвы безумства поднялись до власти.

— Мой мальчик, — сказал Клэйн, — я получил от богов указание о тебе. Они тебя любят, но ты должен выполнить их волю.

— Они любят меня? — спросил Каладж. Глаза его были широко раскрыты.

— Они любят тебя, — ответил Клэйн твердо. — Почему же тогда, ты думаешь, тебе было разрешено достигнуть высот власти? Ты, конечно же, не думаешь, что любой человек смог бы сделать тебя лордом-советником без их разрешения?

— Нет, нет, конечно, нет.

— Слушай внимательно, — продолжал Клэйн, — вот их указания для твоих будущих действий. Повторяй их за мной. Ты должен править по праву.

— Я должен править по праву, — голос его был унылым.

— Не позволяй ни одному человеку во дворце советовать тебе в делах государства. Что бы ты ни решил — это будет решением богов.

Каладж повторил слова с повышающейся интонацией. А затем моргнул.

— Даже матери? — спросил он, пораженный.

— Особенно матери, — сказал Клэйн.

Он продолжал.

— Тебе понадобятся новые люди вокруг тебя. Некоторое время будь осторожен, но постепенно назначай людей по своему собственному выбору. Не обращай внимания на рекомендованных твоей матерью и ее друзьями. А сейчас у меня здесь документ.

Прибыв домой, он не терял времени.

— Я уезжаю сейчас же, — сказал он руководителям различных отделов своего домашнего штаба. — Вы, возможно, долго не услышите обо мне. Будете вести себя и дела имения как в прошлом.

Командир охраны сказал:

— А как с преступницей?

Клэйн поколебался, затем:

— Я полагаю, люди в ожидании?

— Именно так, сэр.

Клэйн сказал спокойно и твердо:

— Я считаю этот обычай отдавать женщину-убийцу солдатам варварской практикой и этого не будет. Во-первых, это было бы очень опасно для нас, так как ее

семейство дружно с новым лордом-советником. Вы могли бы особо подчеркнуть это людям, а затем скажите им...

Он сделал предложение о компенсации. Она была так щедра, что не было никаких сомнений в том, что она будет принята. Он закончил:

— Предложение действительно на один год. И, капитан...

— Да, сэр?

Клэйн открыл было рот, чтобы сделать свое следующее объявление, затем закрыл его. Это было больше, чем еще один ход в сложной игре, которую он играл и, однако, здесь был и политический оттенок.

«Я должен подняться над всей этой мелочностью» — сказал он себе. Несмотря на то, что сказал Чиннар, это было больше искусство управлять государством, нежели животной хитростью. Все это казалось так очевидно, так существенно. Потому что, если он будет всего лишь играть в игру, которую играли другие, тогда не будет...

Сама его решимость сделала его тверже. Он тихо сказал:

— Вы можете сказать офицерам роты, что леди Маделина Коргей в будущем будет известна как леди Маделина Линн. Всему составу обращаться с ней соответственно.

— Да, сэр. Поздравляю, ваше превосходительство.

— Бракосочетание состоится сегодня, — закончил Клэйн.

10.

Но что ты подписал, — возмущалась Лилидел. — Что было в документе?

Она в отчаянии шагала по апартаментам. Каладж угрюмо следил за ней, раздраженный ее критикой. Она была тем человеком, который мог заставить его почувствовать себя маленьким мальчиком, и он был в молчаливой ярости из-за того, что она еще раз напомнила ему о том, что ему следовало прочитать то, что он подписал.

Он не хотел думать о появлении Клэйна во дворце пять недель назад, и раздражало то, что этот случай в голове его матери остался таким же свежим, как в тот день, когда это случилось.

— Почему это я должен читать этот документ? — возразил он. — Это была всего лишь очередная бумага. Вы всегда приносите мне что-нибудь на подпись; так что значит еще одна? И во всяком случае, он мой дядя, в конце концов, он не причинил мне никаких неприятностей, когда я стал лордом-советником.

— Мы не можем позволить, чтобы это ему прошло, — сказала Лилидел. — Просто представь, как он смеется про себя, думая, что мы боимся действовать против него в открытую.

Это также было одним из бесконечных повторений. Невростеник Каладж не мог не думать с интересом, а не была ли его мать немного сумасшедшей.

Лилидел неистовствовала дальше:

— Мы разослали запросы всем комендантам с указаниями тщательно изучать официальные документы и особо подчеркнули требования сверяться с нами по поводу всего, что относится к военному делу.

— Конечно, — в голосе ее зазвучала горечь, — просить некоторых из них сотрудничать — что со стенами разговаривать. Они обращают на нас такое же внимание, как если бы они были правительством, а мы простые наемные.

Каладж тревожно заерзал. Присвоенное матерью «мы» вызвало ревность. У нее не было официальной должности, и тем не менее она вела себя так, как будто лордом-советником была она, а он был лишь ее сыном и наследником. Он вспомнил, уже не в первый раз, что Клэйн сказал что-то об отстаивании своих прав. Беда в том, что он не мог осмелиться возразить матери и всем этим властным людям.

«Пора что-то делать», — подумал он.

Вслух он сказал:

— Но какой во всем этом толк? Наши шпионы докладывают, что его нет ни в одном из его имений, — он добавил с хитрой насмешкой, ставшей одним из средств его защиты от влияния матери. — Прежде, чем сделать что-либо против него открыто, тебе придется определить

его местонахождение, и даже тогда я бы держал перед собой Трагтена, будь я на твоем месте. Опасную работу должен выполнить Трагтен или начальник лагерных легионов. — Каладж встал. — Ладно, я собираюсь навестить игры.

Прогуливающимся шагом он вышел из комнаты.

Лилидел с тревогой проследила за ним. Она не осознавала, что ее отравление Джеррина вызвало внутри нее неразрешимые противоречия. Но, несмотря на убийство, где-то в подсознании она подходила к великой должности, которую занимал теперь Каладж, по меркам достоинства своего покойного мужа.

Для нее было огромным шоком, когда Каладж настоял на том, чтобы празднества по поводу его назначения длились больше определенных ранее трех дней и были бесплатными для людей, но за счет колоссальных затрат для правительства. Забавы до сих пор продолжались, и интерес его к ним не ослабевал.

Уже были более тревожные инциденты. Несколько юношей, вернувшихся с Каладжем с игр во дворец, были поражены, услышав, как он вдруг взорвался:

— Я могу убить всех вас! Охрана, убить их!

Когда он выкрикнул приказ в третий раз, стоявший ближе всех к нему охранник, звероподобный великан, заметил, что один из товарищей Каладжа держал руку на полуобнаженном мече. Одним движением он рубанул мальчишку саблей, разрубив его почти надвое. В последовавшей за этим суматохе, девять из одиннадцати молодых дворян были убиты. Оставшиеся два, бежав, спаслись.

У Лилидел не было другого выхода, как назвать это покушением на убийство. По ее настоянию двоих спасшихся мальчишек протащили по улицам на крючьях и в конце концов посадили на кол.

Стоя здесь в его апартаментах — куда ей приходилось приходить в эти дни, если она хотела увидеть его — у Лилидел было печальное убеждение, что все происшедшее было всего лишь началом.

В последующие недели она обнаружила, что Трагген собрал несколько групп хулиганов, чтобы те действовали в качестве личной охраны Каладжа, и что у них был

приказ исполнять любые распоряжения лорда-советника. Она не могла не заподозрить мотивы Трагтена, но и не могла открыто придраться к его приказам. Естественно, что распоряжения лорда-советника Каладжа должны автоматически выполняться. Неестественными были сами распоряжения, которые отдавал Каладж, и было слишком очевидно, что интриган Трагтен мог прямо влиять на это.

Месяц проходил за месяцем, и все чаще до нее доходила информация, что исчезали сотни людей, и о них никто больше не слышал. Их места моментально заполнялись новенькими, которые ничего не хотели знать о том, что происходило раньше, и отмахивались от неясных рассказов, которые слышали, как от ерунды.

Повсюду в Линне люди всех общественных положений всеми правдами и неправдами стремились заполучить доступ к лорду-советнику. Страстное желание тысяч карьеристов стать частью дворцового круга было нескончаемым. Для целых поколений это был путь к власти и положению. Теперь достижение такой цели ввергало человека в кошмар.

Он получал все внешние атрибуты и прелести, к которым стремилось его сердце. Он посещал банкеты, на которых подавали несезонные деликатесы да редкие и дорогие блюда с других планет. Каждый вечер бальный зал дворца заполнялся вихрем весело разряженных танцующих. На поверхности все было так, как и должно было быть.

Обычно первые несколько инцидентов еще не вызывают у человека тревогу. Крикнет кто-нибудь в толпе от страха и боли, и часто бывает трудно узнать, что произошло.

Кроме того, это происходило с кем-то другим и казалось далеким и не имеющим личного значения. Даже если происходило поблизости.

Охрана — так доложили Лилидел — выработала искусный способ похищения мертвого тела, плотно окружая его и выбегая в ближайшую дверь.

Вначале было трудно представить, что такое когда-либо могло произойти с тобой. Но напряжение начинало сказываться. Ни один человек, принятый в высоких правительственных кругах, не осмеливался выйти из актив-

ной общественной жизни. Но слишком многие семьи в Линне оплакивали либо сына, либо дочь, убитых мясниками Каладжа.

Прошел год и три месяца.

Наконец бесконечные поиски Лилидел ключа к характеру документа, который Каладж подписал для Клэйна, был вознагражден. Ее внимание привлекла текущая переписка одного провинциального коменданта. Он писал:

— Пожалуйста, передайте его превосходительству лорду-советнику мою признательность за меры предосторожности, принятые правительством для обеспечения безопасности населения на случай бомбардировки наших городов еще одним захватчиком. Мы, из Риэна, имея страшный пример того, что случилось с нашим соседним городом Мьюре, возможно, можем лучше понять практическое совершенство предпринимаемого. По моему мнению, это больше, чем что-либо, укрепило репутацию лорда-советника среди людей, которые прежде могли считать его слишком юным для своего высокого поста. Проявленная широта государственного подхода, твердая решительность, (а вы знаете, фермеры обычно наименее патриотичная и наиболее меркантильная часть населения в чрезвычайных ситуациях) — все это подтверждает, что лорд-советник — человек замечательной прозорливости и характера.

Это было все, что там было, но для Лилидел этого было достаточно. Неделя тщательных запросов представила картину того, что произошло и происходило давно.

Повсюду, кроме окрестностей Линна, горожане были организованы и приписаны к ближайшим фермам. Для дальнейших указаний и под угрозой сурового наказания им было приказано тратить десять процентов своих доходов на постройку жилищ и погребов для хранения продуктов на фермах, куда они должны были отправиться в случае объявления чрезвычайного положения.

Здания должно было строить таким образом, чтобы они могли быть переоборудованы в амбары, но в течение трех лет они должны были оставаться пустыми. Вести строительство будут горожане, и они должны будут раз в месяц посещать свои фермы группами, для того чтобы познакомиться с окружающей обстановкой.

По истечении трех лет фермер сможет купить свои постройки за пятьдесят процентов стоимости материалов — но без расходов за работу — но он не мог сносить их в течение последующих десяти лет. Продукты в погребе оставались собственностью горожан, но от них необходимо будет избавиться к концу пятого года.

Лилидел даже огорчилась, что столь незначителен был результат документа, который Каладж подписал для Клэйна. Затем она проконсультировалась у экспертов по сельскому хозяйству.

Один из них сказал изумленно:

— Но с фермерами так не поступают. Они этого не потерпят. Они не будут сотрудничать. И самое лучшее, что мы сейчас сможем сделать — это отдать им постройки по окончании трех лет.

Лилидел хотела было согласиться с подобными предложениями, как вспомнила — это все время выскакивало у нее из головы — что все это распорядился делать Каладж.

— Ерунда! — отмела она все возражения. — Мы будем действовать точно так же, как и в прошлом.

Затем добавила:

— И, конечно же, мы расширим это, включая сюда и город Линн.

Впоследствии она торжественно сказала Каладжу:

— Прелесть этого в том, что лорд Клэйн фактически укрепил твое положение. — И все же она колебалась. Одно в ее победе было не так. Прошло уже больше года, а известий о мутанте все еще не было. Он исчез, словно умер, и был похоронен. Победе, когда проигравший не знает, что он проиграл, не хватало какого-то особого вкуса.

— Но что все это значит? — капризно спросил Каладж. — Против чего все эти предосторожности?

— А-а, здесь был какой-то корабль-нарушитель с одной из внешних планет. Твой отец очень беспокоился по этому поводу, но когда флот атаковал, у него почти или совсем не было проблем с тем, чтобы прогнать его. Я полагаю, нам следовало преследовать их и объявить войну, но нельзя все время воевать с варварами. Важны не

меры предосторожности, а то, что народ, кажется, одобряет их. И он думает, что это твоя заслуга.

Каладж сказал:

— Но я подписал только одну бумагу, — этот момент почему-то очень беспокоил.

Его мать уставилась на него, ничего не понимая. Иногда ей было трудно уследить за ассоциациями сына.

— Что ты имеешь в виду?

Каладж пожал плечами.

— Доклады утверждают, что официальные приказы были отправлены в каждый район с моим именем и печатью. Но я подписал только один.

Лилидел побелела.

— Как он мог это сделать? — она внезапно оборвала свои слова. — Если подумать, присланный нам в самом деле выглядел странно.

Она послала за документом.

— Это моя подпись и печать, — сказал Каладж. — Все верно.

— И таких было сотни, — прошептала ошеломленная Лилидел.

Она никогда прежде не видела фотокопий.

Через неделю она все еще не решила, следует ли ей чувствовать себя удовлетворенной или неудовлетворенной в этой ситуации, когда до нее дошел ужасный доклад. Сотни гигантских космических кораблей зависли над горными районами Земли. Из каждого высаживались тысячи чудовищ.

Риссы прибыли.

11.

Лорд Клэйн и в самом деле был очень активен. Минул уже год с того момента, когда он в назначенный час послал не допускающий возражения приказ во все отсеки своего корабля, а затем уселся за рычаги управления.

«Солнечная Звезда» начала набирать высоту. В первое мгновение все шло достаточно нормально, однако изменения почувствовались в течение нескольких минут. Темнота наступила с чрезвычайной быстротой. Ускорение заставило людей в комнате управления посмотреть друг на друга с болезненными улыбками.

Клэйн заметил эту реакцию, но оставался неподвижен на своей кушетке рядом с кнопками. Под ложечкой было ощущение какой-то пустоты, но только он знал место их следования.

Через три часа он уменьшил это создающее напряжение ускорение и поднялся к себе пообедать. Представляя себе все трудности, которые будут испытывать тысячи люди на палубах внизу с приготовлением еды, он подождал полтора часа, прежде чем снова включил ускорение.

Прошло пять часов, прежде чем он снова уменьшил ускорение до одного «g» и предоставил еще полтора часа на приготовление и прием пищи. Следующий период ускорения длился четыре часа. В это время он на короткое время ослабил огромное давление, пока передавались его новые инструкции.

— Люди на борту этого корабля, — приказал он, — теперь будут спать по семь часов. Ускорение будет несколько выше нормального, но не такое большое, как прежде. Непременно воспользуйтесь этой возможностью.

Затем он приказал своим офицерам передать режим путешествия своим подчиненным и далее по всему кораблю:

«Два часа — завтрак, три — ускорение, полтора — обед, пять — ускорение, полтора — ужин, четыре — ускорение, семь — сон. — Дополнительное время на завтрак включало одевание и туалет».

— Это, — сказала Маделина, — глупо.

Клэйн внимательно посмотрел на нее, сидящую через стол от него. Это было их четвертое утро на корабле. Ему было интересно, как на нее подействует тяжесть ускорения и тоскливый распорядок. И вот уже в течение нескольких обедов он наблюдал за ней. Как жена, Маделина была столь же откровенной, какой она была, когда была арестанткой. Пора было открыть ей правду.

Она смотрела на него, ее темные глаза вспыхнули.

— Я не вижу, — говорила она, — никакой причины убегать. В этом мире нужно быть смелым, Клэйн. Может быть, поэтому ты ничего не добился.

Ее небрежное отношение ко всем его достижениям сильно удивило Клэйна. Но в словах ее был и более тревожный подтекст. После тридцати лет свободной деятельности, он должен сейчас приспосабливаться к присутствию человека, который может говорить с ним в такой критичной и не отделяющей его от других манере. Самым неудовлетворительным интеллектуально была его собственная реакция на ее присутствие.

Благодарность! Женщина из аристократического круга Линна сама захотела выйти за него замуж. Она была немногим больше ребенка — импульсивного, нетерпеливого, недисциплинированного, без опыта подготовки, что одно уравновешивало бы ее суждения. Но тем не менее он был благодарен ей. И обеспокоен. Предположим, что она потеряет терпение и решит, что совершила ошибку. Он не сомневался, что она уйдет от него легко, пренебрежительно, возможно ища какого-то другого покровителя на борту корабля. Чиннара? Рассматривать такую возможность он не хотел.

Ей пора было узнать, что их полет не был просто бегством от Лилидел. Он сказал:

— Почему бы тебе не подняться вместе со мной в комнату управления. Там рядом с ней есть стеклянная комната, откуда открывается прекрасный вид на звезды.

Маделина пожала плечами.

— Я уже видела Солнце из космоса и раньше.

Это походило на отказ, и Клэйн не знал, радоваться ему или печалиться.

Через час, как раз когда он собирался прибавить ускорение, она вошла в комнату управления.

— Где тут комната обзора? — спросила она весело.

Клэйн увидел, как несколько офицеров многозначительно переглянулись между собой.В молчаливом бешенстве, Клэйн подошел к ней. Ее поступок был непростителен, так как он сказал ей о режиме полета.

— Сюда, — сказал он ей.

Она, должно быть, заметила сдерживаемый гнев в его голосе. Но она просто мило улыбнулась и прошла в том

направлении, которое он указал. Подойдя к двери обзорной, она остановилась. Он услышал, как она вздохнула, а затем прошла вперед, скрывшись из виду. Когда Клэйн подошел к двери, он увидел, что она уже стояла, прижавшись лбом к прозрачной стене.

В дюймах за ней была сама кромешная тьма. Клэйн молча занял место рядом с ней. Его злость не проходила. Потому что этот визит Маделины, небрежно рассчитанный, чтобы досадить, прекрасно входил в совокупность всех еще больших глупостей, все больше совершаемых человеческими существами на Земле накануне бедствия. С каждым проходящим днем становилось все яснее, что взаимоотношения людей были неразрывно связаны с самой опасностью Риссов. Это были не две, а одна сложная проблема.

С мрачным осознанием того, как запутанна, сложна будет война с чужаками, Клэйн ожидал реакции Маделины.

Обзорная была единственной из всех прозрачных секций в других частях корабля, в том отношении, что «стекло» выдавалось наружу. С того места, где они стояли, можно было смотреть и вперед и назад. Почти прямо за кораблем виднелась очень яркая звезда.

Клэйн тихо сказал:

— Маделина, появившись вот так, ты выставила меня на посмешище перед моим же штабом.

Маделина не обернулась, но ее плечи непокорно приподнялись. Она сказала:

— Я думаю, весь этот полет смешон. Вы, мужчины, должны бы стыдиться, что убегаете. Лично я не хочу иметь ничего общего с этим.

Она импульсивно повернулась, но в лице у нее было напряжение.

— Теперь послушай, Клэйн, — сказала она, — я больше не буду ставить тебя в неловкое положение, так что не волнуйся. Видишь ли, я знаю, что буду тебе полезной. Ты слишком осторожен. Ты не чувствуешь, что жизнь коротка, и ты должен срезать углы и делать все быстро и без страха. Я боюсь только одного — что я что-нибудь пропущу, какой-то опыт, какую-то жизненно важную часть жизни.

Она продолжала с серьезным видом:

— Клэйн, я говорю тебе, что этот полет — ошибка. Нам следует вернуться и поселиться в имении. Конечно, мы должны принять меры предосторожности против опасности, но даже если мы и в самом деле попадем в одну из ловушек Лилидел, я готова. Я люблю жизнь, но я не собираюсь проводить ее на коленях.

Снова она резко прервала свою мысль.

— На какую планету мы летим? Марс? Венеру?

— Ни то, ни другое.

— Может, на один из спутников? Если это какое-нибудь интересное место, Клэйн, я, может быть, не испытывала бы такого нетерпения. В конце концов должен же у девушки быть медовый месяц. — Она указала на яркую звезду позади них. — Что это за планета?

— Это Солнце, — ответил Клэйн.

Он, наконец, помог ей взобраться на одну из кушеток и вернулся в комнату управления.

Несколько минут спустя «Солнечная Звезда» рванулась с возрастающим ускорением через космос, который с каждым часом становился все темнее.

Был час ужина пятого дня, когда Клэйну сообщили, что Чиннар просит встречи. Он поколебался, борясь с мгновенно появившимся раздражением. Еще одно человеческое препятствие, и важное препятствие.

— Пригласите его, — приказал он наконец.

Предводитель варваров вошел в задумчивости и принял стул, на который указал ему Клэйн. На лице его была видна борьба эмоций, но когда он наконец заговорил, голос его был ровен.

— Вы сумасшедший! — сказал он.

Клэйн улыбнулся.

— Я не сомневался, что у вас будет именно такая реакция.

Чиннар отмахнулся от этого замечания сердитым жестом.

— Где логика в таком действии?

— В надежде.

Варвар скривил губы.

— Вы отказались от политического контроля над планетой, огромными географическими пространствами Зем-

ли, куда люди могут отступить в случае чрезвычайного положения — ради мечты.

Клэйн сказал:

— Эта тема о политическом контроле стала вашей навязчивой идеей, Чиннар. Перед лицом вторжения Риссов — это бессмысленное достижение. Эту проблему в Солнечной системе не решить.

— Да, человеку, первая мысль которого — бежать от опасности в открытый космос, — усмехнулся Чиннар.

Клэйн снова улыбнулся, на этот раз более мрачно.

— Если бы вы знали, какие у меня планы, вы бы проглотили эти слова.

Чиннар пожал плечами.

— Ну и куда мы летим? — спросил он наконец.

Клэйн сказал ему:

— На одну звезду, которую я нашел на старой звездной карте этой части галактики.

Произнося эти магические слова, ему пришлось сохранять свое спокойствие. «Галактика», да еще и «звезды» — даже для него, столько открывшего в науке древних дней, здесь были новые значения, эмоциональные волнения уровня, находящегося за пределами всего, что он когда-либо знал.

— Это около шестидесяти пяти световых лет от Солнца, — сказал он спокойно.

Он наблюдал за Чиннаром, пытаясь увидеть, имело ли упомянутое им фактическое расстояние какое-нибудь значение для него. Однако варвар, казалось, был занят каким-то мысленным конфликтом. Наконец он поднял глаза, лицо его исказилось.

— Людей — туда? — даже после минутной тишины голос его прозвучал пораженно.

Клэйн серьезно сказал:

— Я хочу, чтобы вы представили себе науку золотого века, Чиннар. Конечно, эта идея не нова для вас, кто привез тело первого Рисса в Линн.

Давным-давно человеческая цивилизация достигла высоты, на которую с тех пор никогда не поднималась. В те удивительные дни корабли не только летали к другим планетам, но и к другим звездам.

Потом пришли чужаки. Произошла страшная война. С разрушением всех городов цивилизации Солнечная система была практически похоронена. Но в открытом космосе, возможно, спаслись и продолжали научное развитие те, кто покинул Землю задолго до войны.

Молодой человек встал.

— Ваше превосходительство, — сказал он официальным тоном, — по моему мнению, вы своими действиями разрушили Солнечную систему. Оставив Линнскую империю в руках сумасшедшего юнца и его матери-убийцы, вы одним взмахом отдали судьбу человечества правительству, которое будет повергнуто в смятение в момент нападения Риссов и останется в состоянии замешательства до конца. Ваш воображаемый полет нелогичен, во-первых, потому, что, если бы другие люди нашли средства борьбы с Риссами, они к этому времени вступили бы в контакт, связались бы с Землей.

Клэйн поколебался.

— На это есть несколько возможных ответов. Колонии не строят межзвездные корабли. Или, если они у них есть, тогда к тому времени, когда они их создали, они забыли про существование Земли. Или, по крайней мере, забыли, где она.

Чиннар сдерживал себя с видимым усилием.

— Ваше превосходительство, — сказал он, — я призываю вас повернуть. Я тоже верю в воображение, иначе никогда бы не достиг своего нынешнего положения и не осмелился бы на такой риск, как нападение на Линн. Если бы я думал, что вы совершите этот полет в темноту, я бы никогда не сдался вам, с шаром или без.

Клэйн сказал:

— Чиннар, вы меня очень разочаровываете. Некоторым любопытным, возможно, и нелогичным образом, я рассчитывал, вы увидите необходимость позабыть все неуместные личные амбиции. Я рассчитывал, что вы откажетесь от удовольствия, которое вы получаете в военных сражениях — я уверен, у вас есть какой-то план ведения чисто оборонительной войны против Риссов. Я надеялся, что вы откажетесь от всего этого во время этого кризиса. И что я нахожу?

Он сделал движение рукой, выражавшее его собственное негодование по поводу тех мелочей, какими занимался Чиннар.

— С самого начала вы составляли планы, первым делом для собственных выгод. Вы силой принудили меня обороняться от вас.

— Вы, разумеется, думаете, — усмехнулся Чиннар, — что те, другие, не строили никаких собственных планов и не интриговали бы друг против друга, не появись я на сцене.

Клэйн тихо сказал:

— Каждый человек на время должен забыть о своих собственных замыслах, своих собственных желаниях. Здесь не может быть никаких исключений.

Чиннар был холоден и высокомерен.

— Заводите старую песню, да? Ну, я отказываюсь говорить с человеком, потерявшим рассудок из-за какой-то детской, наивной мечты. Способный человек, который отрекается от своих же идей, предает себя и свое государство... Он должен сражаться за свои собственные убеждения против твердых убеждений других людей. Я убежден, что после того, как вы заняли такую непонятную позицию, все ваши планы отныне под подозрением.

Он гордо пошел к двери, повернулся:

— Не забывайте, что причины, по которым Риссы нападают на Солнечную систему, должно быть, состоят в том, что в том районе космоса, куда могут долетать их корабли, ограниченное количество обитаемых планет. Надеюсь, вы уверены, что мы обязательно найдем обитаемую планету, когда мы доберемся до места нашего назначения где-то, — он замолчал, неожиданно напрягшись. — Сколько на это уйдет?

— Что-то больше года, — ответил Клэйн.

Чиннар застонал.

— Безумие, — пробормотал он. — Сущее безумие!

Он вышел, оставив Клэйна в тревоге и расстройстве. Вождь варваров, несомненно, был одним из выдающихся военных умов этого века, храбрый и расчетливый человек, возможно изучивший всю ситуацию с Риссами с тщательным вниманием к каждой мелочи. Никакой страх перед неизвестными далями не повлияет на его решение.

И тем не менее его анализ был неверен. У Чиннара не было полного научного понимания, которое единственное делало возможным верное решение. Вся его отвага, его расчетливый риск и его полководческое искусство всего лишь задержали бы врага, но не разбили бы его.

Если ответа нельзя было получить в космосе, тогда ответа не было вовсе.

12.

Прошла неделя полета. Сначала Клэйн чурался некоторых мер предосторожности, которые он в прошлом принял бы против такого человека, как Чиннар.

«Если интриги могут когда-нибудь закончиться, — говорил он себе не в первый раз, — то кому-то надо сделать первый шаг. Надо. Надо показать людям, что ты им доверяешь».

Однако одна мысль не давала ему покоя. За эту неделю она разрослась в его сомнениях до тревожных размеров. Проблема была проста. Чиннар недвусмысленно заявил, что сотрудничать с ним не будет.

На шестой день эти сомнения разрушили сдержанность Клэйна. Он начал следить за Чиннаром. Он был страшно разочарован, хотя, как он с горечью понимал, не очень удивлен, когда обнаружил, что в нижней половине корабля шли массовые военные приготовления.

Открытие удручило Клэйна потому, что Чиннар, несомненно, рассчитывал на свою собственную предосторожность для защиты от какой бы то ни было слежки. Это лишь выдавало его самоуверенность. Сами приготовления были искусны. Он подготовил взрывчатку, обнаруженную во время одного из захватов. Специально были подготовлены группы с таранами для того, чтобы выбить те двери, которые не откроет взрывчатка. Вся варварская армия целиком — великолепное войско бойцов — была разделена на группы, по размерам более приспособленные для боевых действий в ограниченном пространстве.

Дата атаки была назначена Чиннаром на период сна восьмой «ночи».

За двенадцать часов до ее начала Клэйн пригласил предводителя варваров прийти осмотреть оружие Риссов. Он отдавал себе отчет, что это снова старые хитрости. В оправдание он сказал себе, что то, на что он надеется, может быть достигнуто только постепенно. А пока он должен принимать старое окружение человеческих махинаций, которые он так хорошо знал.

Последовала задержка на несколько часов, пока Чиннар обсуждал расчет времени приглашения со своим штабом. Наконец он послал посыльного к Клэйну, принимая предложение. Но время атаки не перенесли.

Чиннар прибыл в назначенное время с двумя офицерами — инженерами. Он проигнорировал протянутую руку Клэйна, сказав кратко:

— Вы же не рассчитываете, что я буду дружен с человеком, который меня пытал.

— Но не убил 'вас, — подчеркнул Клэйн со слабой улыбкой.

— Это, — сказал Чиннар, — потому, что вы надеялись использовать мои силы. Так как это касается моих собственных возможностей, у меня должна быть картина возможностей нашего положения, с тем что бы я смог начать подготовку своих людей. Давайте приступим.

Клэйн почувствовал неясную жалость к великому человеку. Он настолько явно не понимал, с чем он столкнулся.

Это лишь подчеркивало, насколько он был некомпетентен, чтобы оценить суровые реальности войны с Риссами.

Из следующих слов варвара стало ясно, что у него специфические представления насчет того, какое оружие ему хотелось увидеть. Он сказал:

— Перед тем, как ступить на борт корабля, меня «сфотографировал» какой-то аппарат. То же самое было сделано с каждым. Какова была цель?

Клэйн провел его в специальную комнату управления оружием с ее громадными стульями и необычного размера оборудованием. Он оставался в тени, пока инженеры Чиннара поражались мерцающими механизмами и прибо-

рами. Чиннар, очевидно, разделял их изумление, однако невозмутимо сказал:

— Я вижу, что в научном плане Риссы превосходят нас во всех областях.

Клэйн ничего не ответил. Недели назад у него была такая же реакция. Сейчас он уже не был так уверен. Он непроизвольно взглянул на пол. Он был покрыт ковром из тонкого волокна. Заглянув под коврик, он обнаружил, что когда-то здесь было еще одно покрытие, наподобие пластикового. Оно все было снято, кроме нескольких кусков и обрывков.

Его рабочие не смогли убрать эти куски. Материал не поддавался даже металлическим зубилам.

Клэйна это навело на мысль, что это был очень старый корабль. С веками пластик неравномерно разрушался, а Риссы не знали, как его заменить.

Были и другие признаки. Некоторые из переключателей не действовали. Проследив их провода, он попал в пустые комнаты, выглядевшие так, будто в них когда-то были машины.

Это имело грандиозное значение. У Риссов тоже была несбалансированная цивилизация. Более удачливые, чем люди, они смогли продолжить строительство межзвездных кораблей. Или, возможно, они использовали корабли, которые сражались в смертельной войне пятьдесят веков назад, и просто не знали, как восстанавливать в них механизмы.

Это привело Клэйна к следующей картине. Две расы, вырывающиеся из глубокой ночи, где Риссы далеко опережали в гонке за научное превосходство.

Что же касается сегодняшнего дня, их преимущество было ошеломляющим. Человек проиграет в первом же серьезном бою.

Чиннар заговорил снова.

— Если я сделаю что-нибудь не так, вы меня остановите.

Он, казалось, позабыл про защитную «фотографирующую» машину. Устраиваясь поочередно в каждом из громадных кресел управления, он стал манипулировать приборами. Каждый раз он задавал вопросы, а инженеры делали пометки.

— Что делает это? А это? А это? — он напряженно слушал, и ни один ответ не казался ему слишком подробным.

Несколько раз, несмотря на долгие объяснения, он мотал головой и откровенно признавался:

— Я не понимаю, как это работает.

Клэйн воздержался от еще более глубокого признания. Он разобрал большинство из этих машин и собрал их снова. Но вот как они работали — это уже проблема совершенно другого уровня понимания. Он пытался сделать копии даже простых на вид плат и схем, но получил лишь отрицательный результат.

К счастью, кладовки огромного корабля были забиты копиями, так что широкие эксперименты были еще возможны.

Чиннар уже стал кое-что понимать. Его взгляд быстро пробегал по громадному пульту; и было неудивительно, что он подошел к «защитной» машине и уставился на нее. Здесь она уже не имела ни малейшего сходства с телескопической «фотографирующей» машиной, которая делала его «снимки». Он смотрел на множество замков, прочно закрывавших каждый циферблат.

Клэйн вышел вперед.

— Это вот что, — сказал он.

Клэйн начал объяснение с некоторых понятий сложной науки и передовой механики.

— Как вы, может быть, знаете, — сказал он, — девяносто с лишним химических элементов периодической системы состоят из атомов, которые в свою очередь являются сложными структурами, куда входят ядра и орбитальные частицы. Внешнее «кольцо» частиц каждого атома является наиважнейшим в любой химической реакции. Там, где внешние «кольца» двух элементов очень схожи, трудно отделить их химическим путем.

Естественно, атомные соединения находятся в беспорядочном состоянии. Они дают постоянное радиационное излучение на различных уровнях энергии. При первом осмыслении может показаться, что на уровне каждой частицы излучение одного предмета будет в точности походить на такое же излучение энергии у такого же тела. Согласно диаграммам Риссов, которые я изучил —

а здесь на борту есть несколько интересных пленок с иллюстрациями текста — эти излучения различаются в отношении времени и пространства. Они существуют в другом временном пространстве. Признаюсь, что эту формулировку мне было трудно ухватить.

Он помолчал. Он впервые с кем-либо говорил об этом; и он чувствовал внутренне напряжение. Иногда, когда он думал о той огромной сокровищнице знаний, которую он захватил вместе с этим кораблем Риссов, ему грозил эмоциональный удар. И это чувство он должен был сейчас подавлять. Наконец он продолжил:

— Эта машина, — он показал на пульт «защитной» машины, — излучает поток радиации, которая распространяется внутри и вокруг корабля. Мощность излучения поднимается и опускается по шкале энергии несколько сотен тысяч раз в секунду. Когда оно входит в пространство какого-то другого предмета, температура предмета, подвергшегося воздействию, повышается. Это происходит со всеми, кроме «защищенных» атомами.

Природа такой «защиты» в принципе проста. Когда вас сфотографировали здесь, в ряде трубок была установлена модель, по которой впоследствии узнается ваше положение в пространстве. Это может быть использовано либо для выделения вас из миллиона других предметов для того, чтобы уничтожить, или это может быть использовано, чтобы «защитить» вас. Сейчас, например, излучение перескакивает через вас, и меня, и других людей этого корабля. Оно перескакивает через все предметы на корабле, узнавая их и отвергая их несколько сотен тысяч раз в секунду.

Клэйн закончил:

— Это одно из самых смертоносных оружий, изобретенных для применения против созданий из крови и плоти. Если бы я знал, что у них на борту есть нечто подобное, я бы не подумал атаковать. Все люди в космических кораблях, принявших участие в сражении, были убиты. Не просто какой-то процент из них, но каждый линнец той части флота, которая атаковала. Мои люди и я спаслись на борту патрульного корабля Риссов, в котором была «защитная» камера, которая нас автоматически «сфотографиро-

вала». Очевидно, они использовали ее для того, чтобы спасательные суда могли привозить на корабль образцы.

Закончив отчет, он ждал. Он был не очень удивлен затянувшимся молчанием. Наконец, Чиннар сказал:

— Это действует только против живого?

— Установка такая.

— Но это может быть применено против неодушевленных предметов. Вы либо сознательно или неосознанно подразумевали это, когда употребляли такие слова, как «предмет».

Клэйн поколебался. Уже не в первый раз он поражался проницательности предводителя варваров.

Пожав, наконец, плечами, он признал этот факт.

— Откровенно говоря, я не вполне понимаю, как это можно эффективно использовать против неорганических веществ. Оно повышает температуру всей облучаемой массы примерно на шестьдесят градусов. Это смертельно для живых организмов, но даже дерево переживет это.

— Значит, вы можете сказать, что этот прибор не смог бы уничтожить нашу планету?

— Я не вижу, каким образом.

— Это то, — сказал Чиннар, — что я хотел узнать.

Его тон указывал на то, что он догадался о цели долгого объяснения. Когда его глаза встретились с глазами Клэйна, в них вспыхнул язвительный свет.

— Вам придется попытаться еще раз, — сказал он. — Меня напугать трудно.

Он, показалось, остался неудовлетворен своим опровержением. Потому что он, поколебавшись, взглянул на своих инженеров, открыл рот, чтобы что-то сказать, а затем, очевидно, передумал. Устроившись молча на следующем кресле, он начал манипулировать пультом очередного оружия.

Клэйн ничем не выдал своего разочарования. Он намеревался вернуться к этому вопросу, и у него было ощущение, что Чиннар тоже. Пока же он принялся объяснять работу нового оружия.

Оно действовало на молекулярном уровне. Оно определенно было не радиоактивным. Оно, казалось, вызывало ужасное возбуждение в молекулах объекта. Результат: предмет сгорал бело-голубым огнем, быстро распадаясь

на составляющие его газы. Его можно было использовать против органических веществ, но это было ограниченное оружие в том смысле, что его нужно было наводить и держать на цели. К тому же было неизвестно, могло ли оно использоваться автоматически.

Клэйн продолжал:

— Я его просто испытал. У меня не было времени его изучать. — Он на мгновение умолк, а затем нарочно поспешно закончил. — Большую часть своего внимания я отдал «защитному» устройству. Его существование сводит к нулю все, чем мы располагаем.

Чиннар быстро сказал:

— А его сводит к нулю шар.

Он огляделся вокруг и твердо встретил решительный взгляд Клэйна.

— Подумайте, ваше превосходительство, если они пытаются приземлиться, шар не только скашивает их, он уничтожает каждого Рисса, находящегося поблизости.

— Все, что им нужно сделать, — сказал Клэйн мрачно, — это пролететь на небольшой высоте над одним из наших городов с включенным «защитным» устройством, и в этом городе умрут все до единого. Сотня кораблей смогла бы через определенное время стереть все население Земли.

Чиннар смотрел ему в лицо.

— Тогда почему они применяли против разрушенных городов атомные бомбы? — его тон требовал от Клэйна дать логический ответ.

Клэйн медленно сказал:

— Я думаю, это оружие они разработали после войны, уничтожившей человеческую цивилизацию. Я думаю они не хотели, чтобы мы узнали про это из их разведывательного корабля. Его потенциальные возможности можно снизить, если эвакуировать города и рассеять население.

Чиннар помотал головой.

— Ваш ответ недостаточно полон. Неотразимое оружие не нужно прятать. Вы говорите, что испытали его. Зная вашу основательность, я могу предположить, что вы знаете дальность его действия.

— Около двух с половиной миль, — ответил Клэйн без колебаний.

— Раз у него есть дальность действия, — сказал Чиннар, — то оно, очевидно, должно быть более эффективно на расстоянии одной мили, чем на двух.

Клэйн кивнул.

— Чем ближе к кораблю, тем выше он делает температуру. При двух с половиной милях это еще смертельно, но человек может находиться в агонии несколько часов, прежде чем наступит смерть.

— Что происходит, когда между ним и намеченной жертвой ставится преграда?

— Воины линнского флота, — сказал Клэйн, — были защищены несколькими дюймами металла, но они все до одного погибли.

— Судя по вашему отчету, — вспыхнул Чиннар, — они должны были погибнуть, находясь от захватчика более чем в двух с половиной милях. На самом же деле все они подошли достаточно близко, чтобы протаранить корабль. Если бы корабль был без управления целых две мили, лишь немногие из них добрались бы до цели.

Клэйн раздраженно сказал:

— Хорошо, предположим небольшая часть населения благополучно укрылась от этого оружия. Тысяча или десять тысяч людей выживают, чтобы сражаться дальше. Конечно же, это неудовлетворительное решение. Риссы могут не обращать на них никакого внимания.

Чиннар поднялся на ноги.

— Ваше превосходительство, — сказал он сердито, — ясно, что вы и я не понимаем друг друга.

Клэйну было ясно кое-что еще. Спор достиг критической стадии.

— Ваше превосходительство, — начал Чиннар, — я — прежде всего человек военный, вы — ученый. Для меня ваш страх, что могут быть убиты люди, имеет мало или вообще не имеет никакого значения. Людей убивают всегда, если не на войне, так другим способом. Но войны все же существуют, так что нам не нужно заглядывать дальше.

Он с мрачностью продолжил:

— Существенной чертой военного человека является умение думать процентами потерь. Защищены должны быть лишь искусные руководители. Во время войны смерть

первоклассного военного стратега может стать национальным бедствием. Последующее поражение может так или иначе означать рабство для всего населения. В войне с чужаками это может означать истребление расы.

В этот момент Клэйн открыл рот, чтобы перебить, передумал, затем снова передумал и сухо спросил:

— А кто будет определять значимость человека? Он сам? — но внезапно умолк. — Продолжайте.

Чиннар сердито пожал плечами.

— В определенных жестких правительственных структурах один человек может проиграть все битвы и все равно остаться у власти. Но какой-нибудь храбрый и решительный генерал с достаточным числом сторонников может прорваться сквозь такую эгоцентрическую систему и завладеть управлением оборонительных сил. Эта ситуация существовала в Линне для одного человека — для вас, — и затем презрительно. — Вы испугались.

— Продолжайте, — холодно сказал Клэйн.

— Значимость руководителя, — говорил Чиннар, — составляет один принцип войны. Другой, даже более важный, — не отдавать своей земли захватчику, за исключением определенных военных целей, когда вы убеждены, что при этом на самом деле укрепляете свое положение. Когда вы заставляете его за это расплачиваться.

Клэйн сказал:

— Если бы мы отдавали одного человека за двух Риссов, мы бы истребили бы себя, а естественный прирост на одной или двух планетах Риссов восстановил бы их потери за один год. Фактически, даже по самым скромным подсчетам, мы потеряли бы десять наших людей за каждого убитого нами Рисса.

— Вы не можете этого доказать, — резко сказал Чиннар. В раздражении он взмахнул рукой. — Впрочем, это неважно. — Он продолжил. — Вы ошибаетесь, считая, что я против такого полета. Но я считаю, что он слишком поспешен. Сначала нужно защитить Солнечную Систему. Мы должны показать этим чужакам, что они не могут успешно высадиться ни на одну из наших планет. Позже, когда мы установим свою линию обороны, когда мы узнаем, где и как мы можем сражаться, когда население будет подготовлено к условиям, в которых должно

вестись сражение, тогда и только тогда мы сможем доверить другим вести дело.

Глаза его сверкали, лицо было сурово, губы плотно сжаты.

— Вот, — сказал он, — что я про это думаю.

Он сел и посмотрел на Клэйна. Последний колебался. Насколько он мог видеть, в этом не было ничего важного или нового. Он давно уже обдумал все доводы Чиннара и нашел их несоответствующими ситуации. Наконец, он медленно сказал:

— Во-первых, я отвергаю то, что один или два человека необходимы человеческой расе, даже если им политической хитростью удалось убедить большое число последователей в том, что через них их группа может получить власть. Я лично сказал многим людям, как придется вести войну с Риссами. В случае кризиса эти люди сделают так, чтобы все узнали об этом.

— Слишком поздно! — воскликнул Чиннар.

Клэйн продолжал:

— Эта война между Риссами и человечеством не может быть выиграна сопротивлением лишь на одной планете или на единственной Солнечной системе. Я даже не уверен, что следует пытаться выиграть. Это второе.

Чиннар сказал:

— Я большой сторонник ограниченных целей — при условии, что согласится противник.

— В-третьих, — сказал Клэйн, — мы не будем действовать на основании того, что расходуется половина населения или три четверти его. Руководители с такими представлениями преступно безответственны.

Чиннар рассмеялся.

— Хороший военный допускает потенциальные возможности своего положения. Он определит, какие жертвы необходимы. Когда альтернативой является полнейшая гибель, тогда жертва трех четвертей населения или больше — это уже во власти отдельного руководителя.

Клэйн сказал:

— Я надеюсь, что Лилидел не дойдет до подобного предела. А сейчас, — тон его изменился, — прежде чем я выскажу свой четвертый довод, я хочу, чтобы вы осмотрели эту часть пульта управления оружием.

Он указал на секцию, которую они еще не смотрели.

Чиннар пристально посмотрел на него и уселся в одно из кресел. Первым же прикосновением к какой-то кнопке он вызвал изображение на большом экране перед собой. Нахмурившись, он посмотрел на изображение в космосе.

— Окно? — спросил он с сомнением.

— Дальше-дальше, — отозвался Клэйн.

Варвар быстро двигался от прибора к прибору. Вдруг он резко напрягся, когда дошел до тех, которые показывали внутренние части корабля. В тишине он настроил еще несколько ручек, увеличив изображение, которое разворачивалось на пластинах, и услышал разговоры, раздававшиеся из скрытых громкоговорителей.

Люди говорили в своих комнатах, в коридорах, в огромных общих кухнях. Говорили, не зная, что за ними наблюдают. Эти всевидящие глаза подглядывали за влюбленными и за штабом Чиннара в варварском отсеке корабля. Они показывали приготовления, которые велись варварами для нападения.

Получив достаточно информации, чтобы оценить ситуацию, Чиннар отключил прибор, с которым работал, и около минуты сидел спиной к Клэйну. В конце концов он поднялся, повернулся и взглянул на Клэйна спокойными глазами.

— Каков ваш четвертый довод?

Клэйн смотрел на него, неожиданно помрачнев. Потому что он вернулся на ребяческий уровень, несмотря на его желание поднять все дело на уровень, где оно было бы выше политики, выше силы. Оно неумолимо опустилось до этого уровня. И теперь ему ничего не оставалось, как действовать соответственно.

Он сказал:

— Очень простой. Мы на пути к другой звезде. В своей эгоцентрической манере я некоторым образом укрепился во власти. Если я увижу, что мое руководство находится под серьезной угрозой, я с большой неохотой буду вынужден вмешаться со своей «зашитной» машиной в такой степени, что она сможет принести ущерб любым заговорщикам. Я ясно выразил свою мысль?

Варвар смотрел на него с ледяной враждебностью.

— Абсолютно, — сказал он. Он повернулся, пожав плечами. — Давайте продолжим осмотр.

Дальнейшего обсуждения не было. Что касалось Клэйна, он не чувствовал себя победившим, это было поражение для них обоих.

13

Прошел год или точнее восемнадцать месяцев. Гигантский корабль приближался к цели своего путешествия.

Планеты-близнецы, как две большие луны, плыли в черноте впереди. По их размерам и по расстоянию друг от друга у них, похоже, был один и тот же диаметр; казалось ясно, что они вращались одна вокруг другой и что обе они шли по какой-то эксцентрической орбите вокруг горячей голубой звезды, которая была их солнцем.

«Солнечная Звезда» приближалась к ним по линии, почти равноудаленной от каждой планеты. Офицеры — и варвары, и линнцы — собрались в обзорной. С того места, где он стоял недалеко от Чиннара, Клэйну были слышны их замечания.

— Несомненно, у обеих есть атмосфера.

— Мы видим материки и океаны на обеих.

— Смотри, это, должно быть, гора. Видите, какая от нее тень.

Клэйн слушал молча. Большинство замечаний подтверждало его собственные впечатления. У него было еще несколько других мыслей, которые еще пока никто не высказал, но они придут к ним, он был уверен.

Он подождал дополнительных замечаний и наконец, как он и ожидал, они появились. Кто-то сказал:

— Кажется, мы заметили вспышку корабля перед этим. Здесь должен быть настоящий поток движения между этими планетами.

Другой сказал:

— Я наблюдал за темными сторонами каждой планеты, где сейчас ночь. И городских огней пока не заметил.

Гул разговора резко прекратился. Больше дюжины пар глаз уставились на Клэйна. Мутант слабо улыбнулся и повернулся к Чиннару.

— Они ждут, чтобы я дал им гарантии, что мы найдем там людей, — пробормотал он тихим изумленным голосом. Варвар холодно пожал плечами. Клэйн повернулся к своему смешанному, частью враждебному штабу.

— Господа, — сказал он, — подумайте о следующем. Города уязвимы для чужаков, поэтому здесь нет городов. Говорить о том, что здесь нет постоянного движения между планетами, пока еще слишком рано.

Он подошел и что-то подрегулировал рычагом. Корабль стал постепенно поворачивать. Вне всяких сомнений он направлялся к планете, находившейся в нескольких минутах справа от них.

Никто не сделал никаких замечаний по поводу этого выбора. Любая планета из этих близнецов казалось такой же хорошей, как и другая, тем более, что в таком быстром корабле обе можно посетить за несколько дней.

Корабль вошел в атмосферу Близнеца-1, как кто-то предложил назвать ее, на тихой скорости. На звездной карте Клэйна эти две планеты имели собственные названия — Внешняя и Внутренняя — но мутант не упомянул об этом. Машина спустилась к уровню моря и постепенно выравнивала курс, пока на высоте трех миль не пошла над холмистой глушью, поблескивавшей ручьями и реками. Насколько мог видеть глаз, кругом были леса и зеленые луга.

Люди переглядывались. Клэйн подошел к Чиннару и, встав рядом с ним, мрачно глядел на простиравшуюся под ними девственную землю. Чиннар заговорил первым:

— Жаль, что чужаки не нашли эту планету. Они бы получили ее без боя.

Клэйн резко засмеялся.

— Чиннар, — сказал он через минуту, — на Земле не будет никакого боя, пока жители Близнеца-1 или Близнеца-2 не смогут обеспечить нас сверхоружием.

Варвар ничего не сказал. Он, должно быть, ощутил какое-то сильное разочарование Клэйна.

Кто-то закричал:

— Там какая-то деревня!

Клэйн насчитал девятнадцать домов, расположенных довольно далеко друг от друга, а затем еще одну кучку домов, еще дальше друг от друга. Около сотни акров редко посаженных деревьев предполагали сад, там же были и поля зеленых насаждений.

Он не видел ни одной движущейся точки, что на расстоянии трех миль было вовсе не удивительно. Людей с такой высоты разглядеть трудно.

Они пролетели мимо. Дома исчезли в тумане позади, но их существование уже передало теплоту возбуждения людям в обзорной. Поднялся шум от разговоров.

Клэйн сказал Чиннару:

— Предположим, что эта планета населена обществом земледельцев. С армией не больше той, что находится на борту, мы могли бы овладеть ими. Тогда, если бы нам даже не удалось найти оружие, чтобы остановить захватчиков, мы смогли бы иметь здесь ядро цивилизации.

Чиннар хранил угрюмое молчание, и целую минуту оба стояли, не говоря ни слова.

Затем Клэйн сказал:

— Давайте посмотрим, что мы найдем. Все может быть не так, как это кажется сейчас.

Он переменил тему:

— Как вы думаете, нужно подходить к ним?

Они решили войти в несколько деревень в полном составе. Их было несколько, но сейчас самая большая состояла из двадцати восьми домов, другие были разбросаны поблизости. Было решено, что шпионам-одиночкам будет нелегко просочиться в такие небольшие сообщества. Шпион годился для таких городов, как Линн, куда ежечасно со всех сторон и частей Солнечной системы прибывали гости. Здесь же любой новый человек будет считаться посторонним. Весьма вероятно, что могут возникнуть настолько серьезные языковые трудности, что это помешает непосредственному общению. Только достаточно большая сила, способная справиться с сопротивлением или с враждебностью, будет в состоянии получить важную информацию.

Когда решение было принято, Клэйн скомандовал:

— Шесть патрульных судов уходят немедленно. Три европейских, три линнских. — И добавил: — Удачи.

Группы готовились к таким экспедициям в течение многих месяцев.

Наблюдая за их приготовлениями к отправке, Клэйн сказал:

— Я предлагаю всем собраться здесь через четыре часа. В это время, возможно, у нас будет какая-то информация.

Клэйн вернулся в обзорную за несколько минут до назначенного времени. Он прибыл в комнату, которая звенела от возбуждения, и потребовалось несколько минут, чтобы понять, что произошло. Все, кроме одного, командиры патрулей прибыли с докладом, и что-то было не так. Он быстро навел порядок.

— Докладывайте по-одному, — резко сказал он и повернулся к Чиннару, — сначала один из ваших.

Варвар кивнул одному из своих командиров патруля.

Офицер уныло начал:

— Мы нашли все так, как и можно было ожидать в какой-нибудь сельской общине. Это были люди, все верно, и они казались довольно простыми, очень похожими на наших. Как инструктировал лорд Клэйн, мы не предпринимали никаких враждебных действий, просто ходили и осматривались. Все очень дружелюбны. Не было вообще никаких языковых проблем, хотя, скажем, в основном говорили мы. Как только они поняли, чего мы хотим, один мужчина и женщина провели нас вокруг. Дома были простой конструкции, обставлены чуть лучше, чем мы могли бы ожидать, но никаких следов техники.

— Вот что мы узнали. Эта планета называется Внешняя, а ее спутник — Внутренняя. Одна из женщин сказала, что у нее на Внутренней живет сестра, и она призналась, что бывает там, но я не смог найти места откуда взлетают корабли. Планеты-близнецы очень похожи, жизнь исключительно фермерская или деревенская. Названия Земля, или Линн, или Солнечная система им, кажется, совершенно незнакомы. Естественно, понемногу стали расслабляться. Вы же знаете, какие у нас мужчины горячие, так и смотрят за хорошенькими женщинами...

Он остановился, а Клэйн быстро взглянул на Чиннара, чтобы поглядеть, как предводитель отреагирует на это. Способность вождя варваров управлять своими людьми

всегда вызывала интерес у Клэйна. Сейчас Чиннар медленно подмигнул. Результат появился тотчас. Офицер просветлел. В голосе его послышалось оживление.

— Ружс, — сказал он, — по-своему нормальный мужчина. Он поднял одну из тех, что помоложе, и понес ее в кусты. Она смеялась и особо не вырывалась, так что я решил не вмешиваться.

— Что произошло?

— Я наблюдал за реакцией других людей. Они были довольно равнодушны. Знаете, я должен был бы понять, что что-то было не так: кажется, меньше через минуту Ружс вернулся со странным выражением лица. Я так понял, что девчонка убежала от него, но ничего не сказал, потому что не хотел, чтобы над ним смеялись. А молчание этого дурака делу не помогло.

Чиннар был спокоен:

— Продолжай.

Докладывающий скорбно продолжал:

— Мы задавали еще вопросы. Я поинтересовался, знали ли они о чужих. Когда я описал их, один из мужчин сказал: «А, вы имеете в виду Риссов». Вот так вот просто. Он потом еще сказал, что они изредка торгуют с ними.

Клэйн перебил:

— Они торгуют с ними? — резко спросил он.

Офицер повернулся к нему, снова посмотрел на Чиннара, который кивнул ему, словно говоря, что он может отвечать на вопрос, и опять обернулся к Клэйну.

— Он так сказал, ваше превосходительство. И я уверен, что они узнали описание.

Клэйн был поражен. На какой-то момент он перестал задавать вопросы и расхаживать перед офицером взад-вперед. Наконец он остановился и окинул взглядом все группу.

— Но это означает, — проговорил он озадаченным голосом, — что они нашли какой-то способ нейтрализации Риссов. Иначе почему Риссы оставили их в покое и все же прилетают в Солнечную систему и отказываются даже общаться с человеческими существами? — он покачал головой. — Я отказываюсь верить, что они в самом деле решили проблему агрессии Риссов. Эту проблему людям только одной планеты никогда не решить.

Никто ничего не сказал. И наконец Клэйн снова обернулся к командиру патруля.

— Продолжайте, — сказал он кратко.

— Я знал, что вы захотите расспросить этих людей лично, — сказал офицер, — поэтому я предложил, чтобы какой-нибудь мужчина и какая-нибудь женщина пришли и посмотрели корабль. Я посчитал, что лучше привезти их сюда убеждением, чем силой, хотя, естественно, если бы не сработало первое, тогда пришлось бы действовать по-другому.

— Естественно.

— Ну вот, наши проводники согласились прийти, не возражали, и даже показалось, что они как-то по-детски заинтересовались, так могли бы заинтересоваться и наши люди.

— Продолжайте, продолжайте.

— Мы поднялись. Уже в полете Ружс подобрался к женщине и, прежде чем я успел понять, что происходит, полез к ней приставать. По крайней мере, я так слышал. Я не видел, что случилось. Я слышал шум. Когда я обернулся, мужчина и женщина пропали.

Клэйн с минуту безучастно смотрел на него, а потом спросил:

— На какой высоте вы были?

— Около двух миль.

— А вы смотрели через край? Патрульного корабля, я имею в виду.

— В течение нескольких секунд я думал, может, они выпрыгнули.

— Или их столкнули, — добавил Чиннар.

Офицер кивнул.

— Зная импульсивность простых наших людей — да, я подумал об этом.

Клэйну показалось, что замечание было хорошо выражено. «Импульсивность» простого народа в корабельном отсеке Чиннара привела за все время полета к убийству тысячи двухсот девяноста мужчин и трехсот семидесяти двух женщин. Каждый раз судьи Чиннара приговаривали убийцу к ста ударом плетью — по десять ударов в течение десяти дней. Сначала Клэйну казалось, что несколько повешений послужили бы лучшим средством устрашения,

однако статистика доказала, что лишь трое из наказанных таким образом, совершали преступление во второй раз. Плети, очевидно, проникали глубоко, правда, лишь в шкуру тех, кто их получал.

Офицер заканчивал свой отчет:

— Ну вот, пожалуй, и все, сэр. Кроме того, что Ружс признался мне, что первая девчонка исчезла у него так же, как вторая.

Каждый из четырех других командиров патрулей доложил о происшедшем с ними, что было похожим по существу, различались только детали. Все они пытались привести с собой гостей. В двух случаях от приглашений отказались, и они пытались захватить одного мужчину и одну женщину. Одна пара поднялась примерно на милю, а затем, очевидно, устала от «игры» и исчезла. Третий офицер описал, как человек типа Ружса из его отряда оскорбил женщину, которую он пытался привести. Четвертому командиру все-таки удалось довезти своих гостей до корабля. Он казался опечаленным.

— Я думал: они потерялись в толпе, и мои люди все еще ищут их. Но я полагаю, что они, раз взглянув на рой людей в коридорах, ушли домой.

Его слова завершили отчеты. Оставался лишь один доклад, в целом же картина была довольно ясная.

Клэйн хмуро размышлял о необъяснимых подробностях, когда у дверей возникла какая-то суматоха. В комнату ворвался шестой командир патруля. Даже на расстоянии было видно, что он был бледен и возбужден.

— С дороги, — крикнул он офицерам, стоящим у дверей. — Быстро, у меня важное сообщение.

Перед ним расступились, и он побежал по коридору и остановился перед Клэйном.

— Превосходительство, — задыхался он, — я расспрашивал селян, когда один из них сказал, что за атмосферой второй планеты, он назвал ее Внутренней, находится корабль Риссов — такой же, как наш, он определенно сказал, что как наш.

Клэйн небрежно кивнул. В такие вот минуты момента он чувствовал себя на высоте. Подошел к Чиннару и сказал:

— Полагаю, нам следует высадить всех находящихся на борту, кроме наших боевых экипажей, высадку произвести на ночной стороне в далеко расположенных друг от друга незаселенных районах. После года, проведенного в тесном помещении, все должны получить возможность снова опуститься на планету.

— А как с кораблем Риссов? — спросил Чиннар.

— Никак. Остаемся в состоянии готовности, но в сражение не вступаем. — Глаза его сверкали от возбуждения. Он напряженно сказал: — Чиннар, тут есть кое-что для нас. Я предвижу трудности. От нас потребуются самые большие усилия. Я собираюсь сам исследовать эту сельскую жизнь.

Чиннар нахмурился, но ровно кивнул.

— В связи с состоянием тревоги, — сказал он, — что если несколько моих офицеров останутся здесь на дежурстве с вашими? В этом будет некоторое сотрудничество, которое пойдет на пользу бдительности.

Сильное возбуждение у Клэйна погасло. Он задумчиво посмотрел на предводителя варваров. Наконец он кивнул.

— С определенными мерами предосторожности во избежание каких-либо попыток завладеть кораблем, — сказал он, — это звучит разумно.

Они улыбнулись друг другу как два человека, хорошо понимающих друг друга.

14

Высадка прошла без происшествий. Клэйн ступил на траву и остановился, чтобы набрать глубокий глоток воздуха. Воздух имел очень слабый едкий запах, судя по всему в нем было мельчайшее количество хлора. Это было необычно, если учесть природную склонность этого газа смешиваться с другими веществами.

Это предполагало естественный хлоропроизводящий химический процесс. Что его заинтересовало, так это то, что содержание хлора могло объяснить слабую общую

дымку в воздухе. Она была, как ему вдруг показалось,несколько зеленоватая.

Он засмеялся и выкинул это из головы.

Первый дом деревни стоял в ста ядрах. Это было одноэтажное строение, несколько расходящееся во все стороны и сделанное из дерева.

Все его существо дрожало от нетерпения. Но Клэйн держался спокойно. Он провел день на складном стуле около судна. Он не обращал прямого внимания на «внешних». Когда он замечал, как кто-то или группа что-то делает, он делал запись в своем журнале. Сориентировав селение по стороне света, он отмечал приходы и уходы жителей.

С приближением ночи воздух становился прохладней, но он, просто накинув куртку, продолжал наблюдения. В домах зажегся свет. Он был слишком ярок для свечей, на таком расстоянии Клэйн не мог определить, что это.

Начиная примерно через два часа после темноты, огни по одному погасли. Вскоре все селение погрузилось в темноту. Клэйн записал: «Они, кажется, не боятся. Нет даже сторожа».

Он проверил это. В сопровождении двух крепких варваров он часа два бродил между домами. Темнота была полной. Не было ни звука, за исключением их собственных шагов и редкого ворчания одного из воинов. Движения и звуки, казалось, не беспокоили жителей, никто не вышел проверить, кто шумит.

Клэйн вернулся на корабль и вошел в свою закрытую каюту. В кровати он прочитал записи в своем журнале. Снаружи доносились отдельные звуки укладывающихся солдат, ворочавшихся в спальных мешках. Потом, когда наступила тишина, он выключил свет.

Он спал тревожно, голова была напряжена от мыслей о его цели, планах и действиях, которые необходимо предпринять. Проснулся он на рассвете, наскоро позавтракал и затем снова уселся наблюдать за происходившим в селении. Прошла какая-то женщина. Она бесстрастно посмотрела на людей вокруг корабля, хихикнула, когда один из солдат свистнул ей, а затем скрылась из виду среди деревьев.

Несколько мужчин, смеясь и разговаривая, прошли в сад к северу и стали собирать фрукты. Клэйн мог видеть, как они, стоя на лестницах, наполняли свои небольшие ведерки. Около полудня, удивленный каким-то противоречием в их действиях, он оставил корабль и двинулся поближе к ним.

Время прихода было выбрано неудачно. Когда он подошел, мужчины, как будто договорившись, оставили свои ведерки и направились к деревне.

На его вопрос один из них ответил:

— Обед!

Все они дружелюбно закивали и ушли, оставив Клэйна одного в саду. Он подошел к ближайшему ведру, и, как он наполовину и ожидал, оно оказалось пустым. Все ведра были пусты.

Огромное голубое солнце было прямо над головой. Воздух был теплым и приятным, но не горячим. Дул легкий ветерок, и в окружающих его тишине и спокойствии было ощущение вечного лета.

Но ведра были пусты.

Клэйн провел минут сорок, исследуя сад. И нигде не было никакого бункера, ничего, куда могли бы унести фрукты. Сбитый с толку, он забрался на одну из лестниц и с осторожностью наполнил ведро.

Он был осторожен, хотя не знал, чего он опасается, что может произойти. Ничего не произошло. В ведро вошел двадцать один золотистый плод. В том то и была беда. Они были в нем. Клэйн отнес плоды и ведро к спасательному судну, поставил их на землю и приступил к их систематическому изучению.

Он не нашел ничего необычного. Никаких приспособлений, никаких кнопок, никаких рычагов,ничего. Ведро казалось обыкновенным металлическим контейнером и содержало в тот момент осязаемые неисчезающие плоды. Он взял один, желтый, и надкусил его. Он был восхитительно сладок и сочен, но вкус был незнакомым.

Он задумчиво ел его, когда один из мужчин подошел за ведром.

— Вы хотите эти фрукты? — спросил селянин. Он, очевидно, был готов отдать их ему.

Клэйн стал медленно вынимать плоды по одному. Пока он это делал, он рассматривал мужчину. Парень был одет в грубые слаксы и рубашку с открытым воротом. Он был чисто, тщательно выбрит, и казалось, что он только что умылся. На вид ему было лет тридцать пять.

Клэйн помедлил.

— Как вас зовут? — спросил он.

Мужчина широко улыбнулся.

— Марден.

— Хорошее имя, — сказал Клэйн.

Марден казался довольным. Затем он посерьезнел.

— Но мне нужно ведро, — сказал он. — Собирать дальше.

Клэйн взял еще один плод из контейнера и спросил:

— Почему вы собираете фрукты?

Марден пожал плечами.

— Каждый должен иметь свою долю.

— Почему?

Марден глупо взглянул на Клэйна, какие-то секунды он смотрел, словно не был уверен, что расслышал правильно.

— Это не очень умный вопрос, — сказал он наконец.

Клэйн тоскливо предположил, как распространится эта история о том, что какой-то тупица с корабля задавал глупые вопросы. С этим ничего не поделаешь.

— Почему, — настойчиво продолжал он, — вы чувствуете, что вам нужно работать? Почему бы не работать другим, а вам ничего не делать?

— Я не делать свою долю? — в голосе Мардена явно чувствовалось потрясение. — Но тогда у меня не будет права на еду.

— Кто-нибудь не даст тебе есть?

— Н-нет.

— Кто-нибудь накажет тебя?

— Накажет? — Марден казался озадаченным. Лицо его просветлело. — Ты имеешь в виду, будет ли кто-нибудь сердиться на меня?

Клэйн оставил это. Он разговаривал с этим человеком всего несколько минут. Но ему открылась философия здешних жителей, настолько укоренившаяся, что люди

даже и не представляли, что может быть другое отношение.

— Посмотри на меня, — сказал он. Он показал на корабль, неясным пятнышком висевший в небе. — Я владею частью этого.

— Ты живешь там? — спросил Марден.

Клэйн не обратил внимание на неточность.

— И посмотри на меня здесь, — сказал он. — Я весь день сижу на этом стуле и ничего не делаю.

— Ты работаешь с этим, — Марден показал на журнал, лежащий на земле.

— Это не работа. Я делаю это для моего собственного удовольствия. — Клэйн и сам почувствовал себя сбитым с толку. Он поспешно сказал: — Когда я голодаю, делаю я что-нибудь сам? Нет. Эти люди приносят мне что-нибудь поесть. Разве это не лучше, когда приходится все делать самому?

— Ты пошел в сад и сам набрал фрукты себе.

— Я собрал ваши плоды, — сказал Клэйн.

— Но ты собрал их своими собственными руками, — торжествующе сказал мужчина.

Клэйн прикусил губу.

— У меня не было необходимости в этом, — объяснил он терпеливо. — Мне было любопытно узнать, что вы делаете с плодами, которые собираете.

Он нарочно говорил небрежно, когда задал следующий вопрос.

— Что вы с ними делаете? — спросил он.

На какой-то момент Марден, казалось, был озадачен, а затем кивнул в знак понимания.

— Ты имеешь в виду плоды, которые мы собираем. В этот раз мы послали их на Внутреннюю. — он показал на большую планету, только что показавшуюся из-за восточного горизонта. — Урожай был плохой на... — он назвал какую-то местность, название которой Клэйн не уловил. Затем он кивнул, будто говоря: «Это все, что ты хотел узнать?» и поднял ведро.

— Хочешь остальные плоды? — спросил он.

Клэйн помотал головой.

Марден весело улыбнулся и с ведром в руке зашагал прочь.

— Надо приниматься за работу, — сказал он через плечо.

Клэйн дал ему пройти около двадцати футов, а затем окликнул его.

— Подожди минутку!

Он поспешно вскочил на ноги и, когда удивленный Марден повернулся, пошел к нему. Было что-то необычное в том, как он размахивал и раскачивал ведром...

Когда Клэйн подошел, он увидел, что не ошибся. В ведре должно было остаться около восьми плодов. Они пропали.

Не говоря больше ни слова, Клэйн вернулся к своему стулу.

День тянулся медленно. Клэйн взглянул на холмы на западе в их ярко-зеленом убранстве и с бесконечными розовыми цветами. Пейзаж был идиллический, но он не мог успокоить Клэйна. У него была цель, и он чувствовал близость решения. Оно было где-то здесь, тем не менее у Клэйна уже появилось убеждение, что люди Внешней и Внутренней были такой же или большей преградой, чем была у него в Линне.

Он уныло наклонился и сорвал розовый цветок, из тех, что во множестве росли вокруг. Не глядя на него, он разломил его на кусочки, которые рассеянно уронил на землю.

Слабый запах хлора вызвал раздражение в носу. Клэйн глянул вниз на обрывки цветка, а затем понюхал пальцы, куда выдавил сок из стебля.

Ошибки быть не могло — это был хлор.

Заинтересовавшись, он записал это в свой журнал. Потенциальные возможности этого открытия были поразительны, и тем не менее — он помотал головой — это не ответ.

Наступала ночь. Как только во всех домах зажглись огни, он сел за свой собственный ужин. А потом в сопровождении двух варваров начал свои обходы. В первом окне, в которое он заглянул, было девять человек, сидевших на кушетках и стульях и разговаривавших друг с другом со значительным оживлением.

Такое количество жильцов казалось необычным для этого дома. Клэйн подумал: «Гости из Внутренней?» В

этом, он понимал со всей серьезностью, не было ничего необычного.

С того места, где он стоял, он не мог видеть источника освещения комнаты. Он перешел к окну на дальней стороне. Лишь на какой-то момент он подумал об источнике света как о чем-то, что свисает с потолка.

Глаза его быстро приспособились к фантастической действительности. Там не было ни шнура, ни прозрачного плафона, ни лампы. Этот свет не имел сходства со светом на борту корабля Риссов.

Он висел высоко в воздухе и светился огненным блеском.

Он попробовал подумать о нем как об атомном освещении. Но атомному освещению, с которым ему приходилось работать, нужны сосуды!

Здесь ничего подобного не было. Источник света висел под потолком — крошечный яркий шар. Клэйн оценил его диаметр дюйма в три.

Он двигался от дома к дому. В одном месте человек читал, и свет горел у него над плечом. В другом он парил над женщиной, которая стирала. Пока он смотрел, она вытащила белье из корыта, потрясла корыто, словно околачивала его, и через секунду положила белье обратно в парящуюся воду.

Клэйн не мог быть уверен, но подозревал, что она вылила горячую воду из корыта и снова наполнила его кипятком — возможно, из какого-нибудь горячего источника — и все в течение одной минуты, продолжая свою работу.

Он не мог не заинтересоваться, что она делала с бельем, когда заканчивала стирку. Возможно, она уходила туда, где светило солнце, вывешивала там свое белье и, проснувшись утром, снимала его, просушенное на солнце?

Клэйн подозревал, что так оно и произойдет.

Она, казалось, не спешила, поэтому он двинулся дальше. Наконец он подошел к дому Мардена. Он шел к двери медленно, думая: «Эти люди дружелюбны и бесхитростны. У них нет правительства. Здесь нет интриг. Где, как не здесь честный подход даст нам то, что мы хотим».

Странно, даже когда он стучал в дверь, ему казалось, что в его рассуждениях был изъян. От этого он вдруг снова почувствовал напряжение.

15

Марден открыл дверь. Он выглядел спокойным и беззаботным. И не было никаких сомнений в его добродушии, так как он не колебался. Он улыбнулся и сказал дружелюбным, веселым голосом:

— А, человек, который не работает. Входи.

В этом замечании сквозило терпимое превосходство, но Клэйн не обиделся. Он задержался в центре комнаты и выжидающе огляделся: когда он смотрел сюда в окно, здесь была какая-то женщина. Сейчас от нее не осталось и следа.

Из-за его спины Марден сказал:

— Когда моя жена услышала стук, она ушла в гости.

Клэйн повернулся.

— Она знала, что это я? — спросил он.

Марден кивнул и сказал:

— Естественно. — он добавил: — И к тому же она видела тебя у окна.

Говорилось это просто, но откровенность эта была обезоруживающе опустошительна. Клэйн моментально представил себя таким, каким его должны были видеть эти люди.

Худенький любопытствующий попик, глубокой ночью рыскающий вокруг их домов, задающий глупые вопросы.

Картина была неприятная, и ему показалось, что лучшим его ответом будет такая же откровенность. Он сказал:

— Марден, мы озадачены вашими людьми. Можно я сяду и поговорю с тобой?

Марден молча указал на стул. Клэйн погрузился в него и сидел некоторое время хмурясь, приводя в порядок свои мысли. Наконец он сказал.

— Мы с Земли, — сказал он. — Мы с планеты, откуда первоначально произошли все человеческие существа, включая и ваш народ.

Марден посмотрел на него. Взгляд его был вежлив. Казалось, он говорил: «Если ты так говоришь, то так оно, наверное, и должно быть. Конечно, верить тебе я не должен».

Клэйн тихо сказал:

— Ты веришь этому?

Марден улыбнулся:

— Никто здесь не помнит такого родства, но может это и так, как ты говоришь.

— У вас есть письменная история?

Селянин колебался.

— Она началась триста лет назад. До этого — пустота.

Клэйн сказал:

— Мы с тобой оба люди. Мы говорим на одном языке. Это кажется логичным, не так ли?

— А, язык. — Марден засмеялся.

Клэйн изучающе посмотрел на него, озадаченный. Он так понял, что селянин не мог воспринять абстрактную идею, которая не встраивалась в его понятия.

Клэйн сказал:

— Этот способ, которым вы переносите себя и свои вещи с Внешней на Внутреннюю и в другие места на этих планетах, — вы всегда умели делать это?

— Конечно. Это самый лучший способ.

— Как вы это делаете?

— Как, мы просто... — Марден замолчал, и на лицо его легла любопытная пустота; он слабо закончил, — делаем это.

Это было так, как Клэйн и думал. Вслух он сказал:

— Марден, я не могу этого делать, а я хочу уметь. Ты можешь мне это просто объяснить?

Мужчина помотал головой.

— Это так не объясняется. Просто делается и все.

— Но когда ты научился? Сколько тебе было, когда ты сделал это в первый раз?

— Около девяти.

— Тогда почему ты не мог делать этого раньше?

— Я был слишком молод. У меня не было времени научиться этому.

— Кто учил тебя?

— А, мои родители.

— Как они тебя учили?

— Это было не совсем обучение. — У Мардена был несчастный вид. — Я просто делал то, что делали они. Это было очень просто.

У Клэйна в этом сомнения не было, раз они все могли делать это, очевидно, даже не думая об этом. Он разглядывал собеседника и понял, что давил на него сильнее, чем это казалось на поверхности. У Мардена никогда не было подобных мыслей, и они ему не нравились.

Клэйн поспешно переменил тему разговора. Был еще более жизненно необходимый вопрос, бивший в корень всего этого.

Он задал его.

— Марден, — сказал он, — почему Риссы не захватят планеты Внешнюю и Внутреннюю?

Он объяснил про нападение на Землю, про применение атомных бомб, про отказ вступать в контакт и про возможность будущей опасности. Описывая, что произошло, он следил за реакцией селянина. И к своему разочарованию увидел, что тот не в состоянии ухватить картину как целое.

Тогда у него в мыслях возникла картина, которая его потрясла. Предположим, у этих людей было чем ответить на угрозу Риссов. Предположим, что здесь, на этой тихой планете было все, что людям Земли было нужно, чтобы выиграть их смертельную войну.

И они могли это получить, потому что Марден сказал:

— Риссы нас не беспокоят. Зачем им?

— На это должна быть какая-то причина, — сказал Клэйн. Он убежденно продолжил: — Марден, нам обязательно нужно узнать, что это за причина. Даже для вас это важно. Что-то их сдерживает. Пока вы не узнаете что, вы никогда не будете чувствовать себя по-настоящему в безопасности.

Марден пожал плечами. У него был скучный вид человека, который поспешно сделал поверхностный вывод о чем-то, что не входило в его собственные представления. Он сказал терпимо:

— Вы, земляне, не очень умны и задаете глупые вопросы.

Это фактически был конец их беседы.

Клэйн еще оставался, но Марден больше не воспринимал его серьезно. Его ответы были вежливы и ничего не значили.

Да, они торговали с Риссами. Это вполне естественное дело. Планеты-близнецы отдавали свои излишки продовольствия, а в ответ они получали, что хотели из того, что было на корабле Риссов. В общем-то у Риссов было не так уж много из того, что хотели жители Внешней и Внутренней. Но что-нибудь да всегда было. Мелочь — как это.

Он встал и принес Клэйну штампованное пластмассовое украшение, фигурку животного. Это была дешевая поделка, стоящая самое большее несколько сестерций. В замешательстве Клэйн осмотрел ее. Он пытался представить, как две планеты отдавали свои излишки продуктов нечеловеческим существам взамен за бесполезные безделушки. Это не объясняло, почему Риссы не завоевали эту систему, но впервые смог понять презрение, которое, должно быть, испытывали чужаки к человеческим существам.

Наконец он ушел, чувствуя, что совсем измотал себя с Марденом и что надо попытаться еще с кем-нибудь.

Он вызвал по радио Чиннара и попросил его спуститься. Несмотря на свое ощущение срочной необходимости, он осторожно предложил варвару подождать до полуночи следующего вечера. В эту ночь Клэйн спал несколько спокойнее, но проснулся на рассвете. Он провел день на складном стуле, анализируя возможности положения. Это был один из самых длинных дней его жизни.

Чиннар опустился незадолго до сумерек. Он привел с собой двух своих секретарей и молча выслушал отчет Клэйна.

Мутант был занят своим и только через несколько минут заметил насмешливое выражение лица предводителя варваров. Чиннар сказал:

— Ваше превосходительство, вы предлагаете обмануть этого внешнего?

Клэйн был все еще сосредоточен на собственных целях. Он начал:

— Дело в том, что следует принять во внимание некоторые вещи, которые уже произошли, и простой характер Мард...

Чиннар перебил его:

— Совершенно точно. Я одобряю ваш анализ. Я считаю, что эта мысль превосходна. — Чуть-чуть мотнул головой, отвергая циничный подтекст этой похвалы. Но Клэйн был поражен.

Почти двадцать четыре часа он составлял схему сегодняшней беседы. И ему ни разу не пришло в голову, что он играет свою старую, хитрую роль. В том, что он задумал, была хитрость, основанная на четком понимании трудности общения с этими внешними. Основанная также на его убеждении, что времени терять было нельзя.

— Приступим? — спросил Чиннар.

Клэйн молча пошел вперед. Он решил не стыдиться того, что ему не удалось жить по идеалам, что он считал просто необходимым для окончательного успеха. В конце концов он действовал в новом окружении.

Но этого больше не должно случиться.

Марден принял их любезно. Глаза его немного расширились, когда он услышал удивительный золотистый голос Чиннара, и в дальнейшем, когда говорил предводитель варваров, он слушал его с глубоким уважением. Такая реакция соответствовала задумке Клэйна. Одной из личных проблем его на Земле было то, что он был хрупкого телосложения и что из-за определенных отличий в его физическом строении, вызванных мутацией, он носил серую маскирующую одежду служителя атомных богов. Та сила, которую он показывал, была интеллектуальной, а это не впечатляло людей, пока до них не доходило, что за этим кроется. Что всегда требовало времени.

За весь вечер Марден ни разу, даже косвенно, не намекнул, что его собеседник задает глупые вопросы.

Чиннар начал с похвалы обеим планетам и их народам. Он назвал Внешнюю и Внутреннюю двумя примерами Рая. Он расхваливал их экономическую систему. Народ был чудесный, самый цивилизованный, какой он когда-либо встречал. Здесь все делается так, как и должно

делаться. Здесь живут так, как люди мечтают жить. Здесь разум вознесен на самую вершину мудрости.

Клэйн мрачно слушал. Он был вынужден признать, что это хорошо сделано. Чиннар говорил с селянином, словно он был первобытным дикарем. Здесь, казалось, не было никаких сомнений. Селянин воспринимал каждое слово восхваления с видимым удовольствием.

Чиннар говорил:

— Мы, как дети, у твоих ног, Марден, жадные до знания, почтительные, в нетерпении перед долгим восхождением к высотам, где ты и люди планет-близнецов живете в восхитительной гармонии. Мы представляем себе, что цель, возможно, недостижима при нашей собственной жизни. Но мы надеемся, что наши дети разделят совершенство с вашими детьми. Может быть, ты уделишь нам немного своего времени сегодня вечером — расскажешь нам по своему усмотрению немного из того, во что вы верите, о мыслях, которые проходят в твоей голове, надеждах, которые у вас есть. Скажи нам, есть ли у вас национальный символ, флаг, какое-нибудь растение, герб?

Он замолчал и резко сел на пол, знаком предложив секретарям и Клэйну сделать то же самое. Это было неотрепетированное действие, но Клэйн с готовностью последовал его примеру. Чиннар продолжил.

— Пока ты отдыхаешь в этом кресле, мы будем сидеть у твоих ног и почтительно слушать.

Марден подошел и сел. Он плавно поерзал, а затем, словно вдруг пришел к какому-то решению, откинулся на подушки. Он был явно озадачен той ролью, которую ему навязали, но было очевидно, что видел причины на то, чтобы ее принять.

— Я не думал об этом раньше, — сказал он, — но это правда, теперь я вижу.

Он добавил.

— Я не совсем понимаю, что вы подразумеваете под «флагом» или растениями как национальным символом. Я немного улавливаю идею, но... — он помялся.

Чиннар сказал:

— У вас есть время года?

— Да.

— Здесь есть периоды, когда цветут деревья и растения, и периоды, когда падают листья?

— Это происходит с некоторыми из них.

— У вас есть сезон дождей?

— Да.

— Как вы его называете?

— Зима.

— Вы отмечаете приход дождей?

Лицо Мардена просветлело от понимания.

— О, нет. Его окончание, не начало. Появление первого хлородела где-нибудь на планетах. Тогда у нас танцы и празднество.

Чиннар небрежно кивнул.

— Это старый обычай или новый? — он добавил, — Все это может казаться тебе неважным, но мы стремимся ухватить дух вашего идиллического существования.

— Это очень старый обычай, — сказал Марден. Он с сожалением пожал плечами. — Но у нас нет ничего из того, что вы упомянули. Никаких национальных символов.

Вечер продолжался, сидящий, казалось, не осознавал, что фактически отвечал на вопросы. Он принял обычай как само собой разумеющееся. Для него это были не символы. Таково положение вещей. Все это было таким естественным. Возможность того, что у других народов могли быть другие обычаи, не приходило ему в голову.

Итак, было установлено, что символом жизни на Внешней и Внутренней был розовый хлорный цветок, хлородел. Что каждый год люди посещали подземные пещеры. Что они ставили маленький квадратный ящичек на стол, когда ели, и стучали по нему, когда насыщались. Что они всегда отдавали лишние продукты Риссам.

Один выявившийся момент был особенно интересным. Здесь были старые, захороненные города, как признал Марден. Или, вернее, руины городов. Прошли уже годы с тех пор, как в них было найдено что-то важное.

Чиннар осторожно увел разговор на несколько секунд в сторону, а затем вопросительно посмотрел на Клэйна. Это тоже было частью их предварительной договоренности. Клэйн кивнул.

Предводитель варваров поднялся. Он поклонился селянину.

— О, благородный человек Внешней, мы хотим попросить тебя об одной огромной услуге. Не перенес бы ты нас вашим удивительным способом в такой город, где сейчас светит солнце?

— Сейчас? — спросил Марден. Голос его был небрежен. Было непохоже, что он против этой идеи.

— Нам не нужно оставаться там долго, мы просто хотим посмотреть.

Марден встал. Он в задумчивости хмурился.

— Позвольте подумать — который город? А, знаю, где корабль.

Клэйн напрягся, сам не зная от чего. Было досадно осознавать, что ему было немного тревожно. А затем...

Впоследствии он пытался анализировать, что происходит. Была какая-то вспышка, свет вокруг. Он исчез так быстро, что Клэйн ничего не успел понять. А затем вокруг была дневная яркость. Почти прямо над головой висело голубое солнце планет-близнецов.

Они стояли посреди груды разбитых камней и искореженного металла. Насколько мог видеть глаз, повсюду росли деревья и кустарники. Пока Клэйн наблюдал, следил — это была его роль, притворяться подчиненным — Чиннар подошел к куску бетонного столба и пнул толстый кусок дерева, лежавший на земле.

Тяжелый сапог вызвал густой звук в этой тишине. Но деревяшка не сдвинулась с места. Она была прочно заделана в землю.

Чиннар вернулся к Мардену.

— В последнее время в этом или других городах что-нибудь раскапывали?

Марден был удивлен.

— А зачем нужно копаться в таком хламе, как это?

— Конечно, — быстро проговорил Чиннар. Он колебался. Он, казалось, хотел уже сказать что-то еще, но вдруг как-то странно застыл. Его голова резко откинулась назад. Клэйн проследил за взглядом и удивился, увидев над головой «Солнечную Звезду».

То есть на какую-то долю мгновения он подумал, что это был их собственный корабль.

Истина дошла до него. Он сказал:

— Риссы!

Откуда-то рядом Марден мягко сказал:

— О, да, я подумал, что, может быть, вам будет интересно увидеть это, потому я и привел вас в этот город. Риссы очень заинтересовались, когда мы рассказали им, что вы здесь в корабле, похожем на их. Они решили прилететь на Внешнюю, чтобы посмотреть. В вашем отношении я почувствовал — мне показалось, вам может быть захочется первыми увидеть их корабль.

Был такой момент, когда даже Клэйн растерялся. Чиннар заговорил первым. Он спокойно повернулся к внешнему.

— Мы согласны с твоим суждением о бесполезности дальнейшего осмотра этих руин. Давайте вернемся в твой дом.

Клэйн в последний раз мельком взглянул на боевой корабль Риссов. Он исчезал в дымке под восточным горизонтом.

Он предполагал, что этот корабль безошибочно направлялся к «Солнечной Звезде».

16

Как и перед путешествием из дома Мардена к руинам древнего города, Клэйн бессознательно напрягся и перед обратным путешествием. Снова был вспыхнувший шар света. На этот раз перенос показался даже скоротечней, чем прежде.

Потом они были в комнате Мардена. В дверях Клэйн, последним покидавший дом, помедлил. Он спросил:

— Марден, интересно, почему вы сказали Риссам, что мы здесь?

Марден, казалось, был удивлен, затем на лице его появилось знакомое выражение: «Еще один дурацкий вопрос». Он сказал:

— Рано или поздно они спрашивают нас, происходит ли что-нибудь. Естественно, мы им рассказываем.

Клэйн сказал:

— Они говорят на вашем языке или вы говорите на их?

Внешний засмеялся.

— Ты все говоришь о языке, — сказал он и пожал плечами. — Мы и Риссы понимаем друг друга, вот и все.

Остальные уходили в темноту. Чиннар задержался и оглядывался назад. Клэйн оставался на месте.

— Вы поднимаетесь на корабль Риссов или они спускаются на землю? — спросил он.

Он напряженно ждал. В голове его была цель, которая дрожала от хитрости, но он был слишком зол, чтобы стыдиться. Поступок внешних, то, что они рассказали Риссам о присутствии «Солнечной Звезды», потряс его. Это определило рисунок его беспощадного плана.

Марден сказал:

— Мы поднимаемся на борт. У них есть какая-то круглая штука, которую они наводят на нас, и тогда это безопасно.

Клэйн осторожно спросил:

— На сколько людей наводили эту штуку?

— О, на несколько сот, — он стал закрывать дверь. — Пора ложиться, — сказал он.

Клэйн стал остывать. Ему пришло в голову, что всю эту проблему нужно продумать до конца, возможно, он поспешно осудил этих людей.

Несколько минут спустя он был на спасательном корабле, направляясь назад к своему отсеку на «Солнечной Звезде». Вскоре корабль уже двигался под резким наклоном в глубокую тень ночной стороны Внешней.

Из штаба Чиннара прибыл посыльный.

— Великий Чиннар просит о встрече.

Клэйн медленно сказал:

— Скажите его превосходительству, что я хотел бы, чтобы он подготовил письменное изложение того, что мы узнали от Мардена.

Немного позже. Он уже готовился ложиться, когда прибыл второй посыльный с письменной просьбой.

«Уважаемый лорд Клэйн.

Пора обсудить наш следующий шаг.

Чиннар»

Беда была в том, что у него не было никаких планов. Здесь был огромный секрет, но его нельзя было получить ни одним из тех способов, которые он мог придумать.

Люди планет-близнецов могли, возможно, спасти расу. И тем не менее он был уже убежден, что они не будут спасать.

Они отказывались понять, что существовала такая проблема. Если на них нажать посильней, они сердились и нервничали, как человек, основные позиции и отношения которого подвергались нападкам. Невозможно было принудить их. Их способ перемещения сводил к нулю все старые методы убеждения угрозой и силой. Значит, оставалась хитрость.

Что вернуло его к его первой мысли: реальных планов не было. Он написал:

«Ваше превосходительство.

Я бы хотел отложить это дело до утра.

Клэйн»

Он запечатал его, отдал посыльному и лег спать. Сначала он не мог уснуть. Он все метался и ворочался, а когда после долгих мучений задремал, то тут же, вздрогнув, проснулся. Его совесть грузом давила на него. Этот полет был неудачен. Ни Марден, ни его соотечественники не могли даже понять, что требовалось. Что особенно сбивало с толка, потому что, судя по всему, они могли читать мысли.

Наконец он заснул. Утром он продиктовал записку Чиннару:

«Ваше превосходительство.

Я считаю, что нам следует обменяться взглядами и информацией прежде, чем мы встретимся для обсуждения будущих планов .

Клэйн»

Ответом на это было:

«Уважаемый лорд Клэйн.

У меня такое ощущение, что вы избегаете этого обсуждения, потому что у вас нет планов. Тем не менее, так как было проделано длительное путешествие, давайте обязательно рассмотрим все возможности. Не могли бы вы обозначить для меня сведения, которые мы, по вашему мнению, получили?

Чиннар».

«Уважаемый Чиннар.

Хлородел — это «национальный» цветок, потому что он выделяет газ, из-за которого Риссы не могут дышать этим воздухом.

Упоминание о постукивании по ящику в центре стола, когда они не голодны, — обычай, который берет, возможно, начало в периоде радиоактивности после большой войны. Маленький ящик был детектором, и, должно быть, они очень часто голодали, потому что прибор показывал, что пища радиоактивна.

Ежегодное посещение пещер происходит из этого же периода.

Они дают Риссам излишки продуктов, не помня, что это, должно быть, началось как форма дани завоевателю. В этой связи я бы сказал, что только определенные продукты могут употребляться Риссами из-за их несколько отличного химического состава.

Клэйн».

«Ваше превосходительство.

Вы серьезно полагаете, что хлородел может создать атмосферу, в которой Риссы не могут дышать? Тогда мы получили свой ответ. Нам не нужно искать дальше. Давайте скорее вернемся в Солнечную систему и рассадим этот цветок, пока его запах не растворится в каждой капельке воздуха, на каждой пригодной для обитания планете или спутнике.

Чиннар».

Клэйн вздохнул, когда прочитал это. Проблема вождя варваров, невероятного прагматика, оставалась столь же трудной для решения, как и все другие.

Он ел завтрак, пока обдумывал свой ответ. Он опустил корабль ближе к атмосфере планеты и провел около часа в поисках корабля Риссов. Без успеха. К тому времени, когда он с удовлетворением убедился, что вблизи от деревни Мардена его не было, от Чиннара пришла еще одна записка.

«Уважаемый лорд Клэйн.

То, что вы не смогли ответить на мое последнее письмо, указывает, что вы не принимаете то, что кроется за вашим открытием о хлороделе. Давайте сразу же встретимся и обсудим всю эту проблему.

Чиннар».

Клэйн написал:

«Уважаемый Чиннар.

Мне очень жаль видеть, как вы кидаетесь к решению, которое в более широком смысле может и не иметь значения. Борьба между Риссами и людьми не будет разрешена использованием какого-то защитного газа. Если Риссы когда-либо посчитают, что против них проводится кампания по отравлению атмосфер планет, они примут контрмеры. Они могли бы применить радиоактивные яды в планетном масштабе или какой-нибудь другой газ, также неблагоприятный для человека, как хлородел кажется неблагоприятным для Риссов.

То, что давным-давно Близнецы Внешняя и Внутренняя защитили себя таким образом, ничего не решает, это факт не решающий, не убедительный. Риссы могли допустить подобные действия. Особенно во время неразберихи, которая была под конец войны между Риссами и людьми. К тому времени, когда они обнаружили, что сделали люди Близнецов, ограниченный характер этого действия был очевиден. Соответственно Риссы захотят все исследовать. Даже в таком виде, как было, они, должно быть, грозили чем-то страшным, раз было сделано соглашение о дани.

Я повторяю, это не окончательный ответ. Далеко нет. Я серьезно считаю, что это будет сигналом для попытки разрушить Солнечную систему.

Клэйн».

«Уважаемый лорд Клэйн.

Я поражен вашим чисто интелектуальным подходом к этим вопросам. Мы защищаем свои планеты всеми, любыми средствами, имеющимися в нашем распоряжении. Давайте немедленно встретимся, чтобы обсудить единственный открытый сейчас для нас путь: вернуться на Землю с полным кораблем хлородела для пересадки.

Чиннар».

«Уважаемый лорд Клэйн.

Я не получил никакого ответа на свое предложение, доставленное вам три часа назад. Пожалуйста, дайте о себе знать.

Чиннар».

«Уважаемый лорд Клэйн.

Я изумлен тем, что вы не ответили на мои две последние записки. Я, разумеется, понимаю, что у вас нет ответа, потому что какой еще может быть наш шаг, кроме возвращения на Землю? Альтернативный путь будет означать продолжение наших безрассудных поисков в космосе еще одной планеты, населенной человеческими существами. Прав ли я в своем предположении, что та звездная карта, которая привела нас на Внешнюю, не показывает никаких других звезд, пригодных для обитания планет?

Чиннар».

«Уважаемый лорд Клэйн.

Эта ситуация становится уже нелепой. Ваш отказ отвечать на мои записки отражается на наших отношениях. Если вы не ответите на это письмо, я откажусь от дальнейших контактов с вами.

Чиннар».

Лорд Клэйн увидел эту записку, как и предыдущие, некоторое время спустя. Он еще раз навещал Мардена.

Беседа началась неудовлетворительно. Место было плохое. Марден был занят, собирая плоды, когда Клэйн остановился под деревом, где он работал. Он посмотрел вниз и явно выказал раздражение из-за «дурака», который уже так долго надоедал ему.

Он сказал ему:

— Корабль Риссов подождал около часа, затем пошел дальше. Я вижу это вас радует.

Это действительно радовало. Клэйн спокойно сказал:

— После наших неприятностей с Риссами у нас нет желания встречаться с ними. По нашему мнению, они бы напали на нас, как только увидели бы.

Марден продолжал собирать плоды.

— У нас не было неприятностей с Риссами никогда.

Клэйн сказал:

— А с чего вам? Вы даете им все, чем владеете.

Марден, очевидно, как-то думал о предыдущем разговоре на эту тему. Он холодно сказал:

— Мы не таим от других то, что не нужно самим. — говорил он резко.

Клэйн спокойно сказал:

— До тех пор, пока вы сдерживаете рост населения, ничего не знаете из науки и платите дань, вас оставят в

покое. Все это при условии, что не пропадет хлородел. В противном случае Риссы бы высадились, и вы бы узнали, чего стоила их дружба.

Это было предостережение. Он делал его, потому что этим мыслям пора было распространяться среди этих людей. Тем не менее Клэйн быстро переменил тему.

— Почему ты не сказал нам, что вы умеете читать мысли? — спросил он.

— Вы не спрашивали, — сказал Марден. — Кроме того...

— Кроме того, что?

— С вами не очень хорошо получается. Вы, люди, не думаете ясно.

— Ты имеешь в виду, мы думаем по-другому?

Марден отмахнулся.

— Думают только одним способом, — сказал он нетерпеливо. — Я нахожу, что с вами легче пользоваться устной речью, и нужное слово, когда по-другому я не могу его найти, искать в вашем мозгу. Все, кто имел с вами дело, чувствуют то же самое. — Он, кажется, посчитал, что объяснил вопрос.

Клэйн сказал:

— На самом деле вы не говорите на нашем языке? Вы узнаете его, получая некоторые из наших мыслей, когда мы говорим?

— Да.

Клэйн кивнул. Многие вещи становились гораздо понятнее. Это была человеческая колония, которая достигла новых высот научного развития много после того, как прервалась связь между Землей и Внешней. Причины их последующего упадка были, вероятно, сложными. Разрыв торговли с другими планетами, населенными людьми. Разрушение десятков тысяч их собственных фабрик. Невосполнимые потери в рядах их техников. Страшное давление угроз со стороны Риссов. Все это неумолимо добавлялось к нынешнему застойному состоянию.

Клэйн сказал:

— Это чтение мыслей имеет какое-либо отношение к вашему способу перемещения?

Марден, казалось, был удивлен.

— Как же, конечно. Этому учатся в одно время, хотя это требует большего времени.

Он слез с дерева, держа ведро.

— Все это время, пока ты говорил, в подсознании у тебя был один вопрос. Это твоя основная причина этого посещения. Я не совсем могу разобрать, но если ты его задашь, я отвечу, как могу, а затем могу пойти обедать.

Клэйн вытащил свою звездную карту.

— Ты когда-нибудь видел такое?

Марден улыбнулся.

— Ночью я гляжу в небо и вижу это там.

— А кроме этого?

— Я видел редкие мысли о таких картах у Риссов.

Клэйн протянул ему карту.

— Вот ваше солнце, — сказал он. Он показал. Затем опустил палец. — А вот наше. Ты можешь использовать знание в моем мозге о таких вещах, чтобы сориентироваться по этой карте и показать мне, где находится ближайшее солнце Риссов?

Последовало долгое молчание. Марден изучал карту.

— Трудно, — вздохнул он. — Но я думаю, вот это.

Клэйн отметил его дрожащими пальцами, затем хрипло сказал:

— Марден, как можешь точно. Если ты ошибся, а мы отправимся туда, то потеряем полгода или больше. Могут умереть миллионы людей.

— Или эта, или эта, — сказал Марден. Он показал на звезду в дюйме от предыдущей.

Клэйн помотал головой.

— Та в ста световых лет, а эта около двадцати.

— Тогда ближняя. У меня нет впечатления, что расстояние очень большое.

— Спасибо, — сказал Клэйн. — Извини за такое беспокойство.

Марден пожал плечами.

— До свидания, — сказал Клэйн.

Он повернулся и направился к спасательному судну.

17

Вернувшись на корабль, он прочел письма Чиннара с грустным ощущением, что впереди новые беды. Он съел обед, а затем, собравшись, пригласил разозленного варвара на совещание.

В свое письмо он вставил извинение. Он объяснил, где он был, хотя без указания цели посещения Мардена.

Этот отчет он приберег на то время, когда Чиннар и он остались одни. Когда он закончил, Чиннар сидел некоторое время, не говоря ни слова. Он казался невероятно сбитым с толку. Наконец он мягко сказал:

— Вы не верите в хлородел?

Клэйн сказал:

— Я вижу его как оружие на самый крайний случай. Нам нельзя использовать его до тех пор, пока мы совершенно точно не поймем все возможные последствия.

Чиннар вздохнул.

— То, что вы представили хлородел как оружие, убедило меня в том, что это путешествие в конце концов имело смысл. Теперь же вы от этого сами отказываетесь и предлагаете посетить планеты какой-то другой звезды.

Он поднял руку, словно собирался каким-то жестом сделать свой протест более эффектным. Казалось, он понял тщетность этого, потому что заговорил снова.

— Признаюсь: меня это обескураживает. На что вы надеетесь, отправляясь на планету Риссов?

Клэйн серьезно сказал:

— Если Марден прав, на это у нас уйдет три месяца. Фактически звезда Риссов находится почти, хотя и не совсем, так же близко от Земли, как и эта. — Он помолчал. Ему была очень нужна моральная поддержка для этого путешествия. Он продолжил: — Я честно считаю нашим долгом исследовать потенциальные возможности контрмер против смертельного врага человека. Эта война не будет выиграна обороной.

Он видел, что Чиннар смотрит прямо на него. Варвар сказал:

— Если Марден прав — вот эта чертова фраза, — он помотал головой в видимом отчаянии. — Сдаюсь. Любой, кто прикажет такому огромному и важному кораблю, как этот, отправиться в путь на основании воспоминаний Мардена о том, что он увидел в мыслях Рисса...

Он умолк.

— Конечно же, на борту «Солнечной Звезды» должны быть карты.

Клэйн колебался. Это был его больной вопрос. Он осторожно сказал:

— Когда мы захватили корабль, произошел несчастный случай. Все тогда хотели многое узнать, и один из людей забрел в комнату с картами. Вы можете догадаться об остальном?

— Они установили электрические ловушки для посторонних.

— Конечно, он был убит, — кивнул головой Клэйн. — Это был урок для всех нас. Я обнаружил, что обо всем основном управлении и о механических отделах позаботились таким же образом. Мы использовали осужденных рабов для выполнения опасных работ, пообещав им в случае успеха свободу. Результат: только лишь один еще случай.

— Что это было? — заинтересовался Чиннар.

— Межзвездный телевизионный коммутатор, — ответил Клэйн. Он замолк. — Я точно так же, как и вы, согласен, что нам приходится делать свой очередной шаг на основании воспоминаний Мардена.

Он поколебался, потом сказал свою просьбу:

— Чиннар, — произнес он медленно, — хотя я, очевидно, игнорировал ваше мнение об этом путешествии, я все таки отношусь к нему с уважением. Я искренне считаю, что вы чересчур узко практичны. Вы зациклены на Солнечной системе. Мне кажется, вы не понимаете, насколько вы сильно думаете о ней как о доме, который надо защищать до смерти. Но неважно. То, что я должен сказать вам, уже больше не основывается строго на логике и даже на том, в согласии мы или нет. Я прошу вашей поддержки, потому что, во-первых, что бы там ни

было, я командир этого корабля, во-вторых, если мы все-таки отправимся на какую-либо планету Риссов, я намерен подвергнуть всех нас огромному риску — это потребует вашего полнейшего сотрудничества, в-третьих, несмотря на все ваши сомнения, вы сами чувствуете, что открытие хлородела пока что частично оправдывает это путешествие. Я не согласен с этим, но, по крайней мере, это показывает, что здесь есть тайны, которые нужно разгадать. — Он тихо закончил: — Вот все, что я хотел сказать. Каков ваш ответ?

Чиннар сказал:

— Во время нашего обсуждения ни вы, ни я не сослались на способ внешних для перемещения. Каковы причины того, что вы о нем не упомянули? Разве вы не думаете, что в нем есть ценность?

Мысли, которые были у Клэйна по этому вопросу, заставили его на мгновение задержаться с ответом. Наконец он сказал:

— Это было бы огромное преимущество, но я не могу считать это чем-то решающим — так это видится сейчас. Кроме того, мы не можем получить его.

Он рассказал об условиях, которые он прилагал, и о невозможности получить этот секрет, тайну от обитателей. Он закончил:

— У меня действительно есть план поэтому. Идея моя в том, чтобы оставить здесь молодые пары. У которых во время поездки родились дети. У них будут инструкции сделать так, чтобы их дети воспитывались внешними. На это потребуется девять лет.

— Понятно, — Чиннар нахмурившись посмотрел на пол, наконец поднялся. — Если понадобится воевать, когда мы доберемся до планеты Риссов, позовите меня. Это то, что вы подразумеваете под поддержкой?

Клэйн тускло улыбнулся и тоже встал.

— Думаю, да, — сказал он.

Лорд Клэйн Линн медленно прошел к комнате управления оружием после расставания с Чиннаром. Он долго сидел в одном из огромнейших кресел управления, лениво управляя прибором обозрения. Наконец он покачал головой. Неприятно было то, что сомнения Чиннара по поводу принятия решения на основании слов Мардена

убедили его. Все равно такую поездку нужно было совершить, но не на таком хрупком основании.

К сожалению, единственная другая мысль, которая была у него, была настолько дикой — и опасной — что он до сих пор никому о ней не сказал. Даже Чиннар не предложил нападения на боевой корабль Риссов.

Прошло шесть часов. А затем прибыло послание от предводителя варваров.

«Уважаемый лорд Клэйн.

Корабль не вышел на ускорение. В чем дело? Если мы собираемся в это путешествие, мы должны быть в пути.

Чиннар».

Клэйн покусал губы. Он не стал отвечать на письмо сразу же, но его появление укрепило его в необходимости какого-то решения.

«По крайней мере, — подумал он, — я мог бы снова спуститься и повидать Мардена».

Было уже темно, когда он приземлился в селении. Марден открыл дверь с неохотой человека, который заранее знал, кто его посетил, и которому это было неинтересно.

— Я думал, вы уходите, — сказал он.

— У меня есть просьба об одолжении, — сказал Клэйн.

Марден смотрел в щель двери.

— Нам, видимо, придется пойти на соглашение с Риссами, — сказал Клэйн. — Как ты думаешь, один из ваших — тех, кому позволяется зайти на борт корабля Риссов — согласился бы помочь моим эмиссарам встретиться с Риссами?

Марден засмеялся как над доверительной шуткой.

— О, да, Гайлан согласится.

— Гайлан?

— Когда он узнал о вражде между вами и Риссами, он решил, что что-то нужно сделать, чтобы свести вас вместе. — Тон Мардена говорил о том, что Гайлан был немного наивен в таких вещах. Он закончил, — Я поговорю с ним об этом утром.

Клэйн настаивал:

— Почему не сейчас? — ему пришлось побороть свое нетерпение. — Все это очень серьезно, Марден. Может произойти большое сражение. Еще не совсем поздний вечер. Может, ты смог бы связать его со мной немедленно?

Он старался скрыть свое волнение. Был риск, что Марден поймет его истинные намерения. Он надеялся, что их сложность и механический аспект собьют подозрения внешнего. Он видел, что тот, казалось, сомневался.

— Здесь что-то о ваших целях... — начал Марден. Он помотал головой. — Ну так ведь вы никогда честно не думаете, так ведь? — казалось, он разговаривал сам с собой. — Это ваш страх, — задумчиво произнес он вслух. И снова не закончил предложение. — Минуточку, — сказал он.

Он исчез в доме. Прошла не одна, а несколько минут. Затем он подошел к двери с высоким худым мужчиной с мягким лицом.

— Это Гайлан, — сказал он. И добавил: — Спокойной ночи. — Он закрыл дверь.

Битва началась в предрассветные часы. Клэйн сидел в комнате в глубине комнаты управления оружием. С этого наблюдательного пункта на пластинах обозрения ему была видна вся картина.

Высоко на «переднем» экране был четко виден боевой корабль Риссов. Подобный чудовищной торпеде, он вырисовывался на фоне темного неба Внешней.

Все пластины были на инфракрасном излучении, и видимость была поразительно четкой.

Кто-то потянул Клэйна за руку. Это был Гайлан.

— Пора? — взволнованно спросил внешний.

Клэйн поколебался и взглянул на тридцать добровольцев, ожидающих в коридоре. Они тренировались, готовились часами, и сейчас была опасность перенапряжения. У них были свои инструкции. Все, что ему нужно было сделать, это дать сигнал. Его колебания закончились.

— Хорошо, Гайлан, — сказал он.

Он не обернулся, чтобы увидеть, какова была реакция, а коснулся кнопки, которая зажгла лампочку перед человеком, управляющим молекулярным оружием. Офицер помедлив, навел прицел, а затем нажал на спуск.

Он держал прицел твердо.

По всей длине вражеского боевого корабля прошла полоса огня. Эффект превзошел все ожидания Клэйна. Пламя лизало высоко, ярко. Ночь ожила сверкающим бешенством этого огромного костра. Темная земля внизу искрилась в отраженном блеске.

А ответного огня все еще не было. Клэйн украдкой глянул в сторону коридора, где ждали добровольцы. Он был пуст.

Какой-то крик вернул его взгляд к кораблю Риссов.

— Он падает! — кричал кто-то.

В самом деле, медленно и величественно, один конец корабля уходил вниз, а другой задирался вверх. Он сделал полный кувырок в первые пять миль своего падения, а затем стал вращаться быстрее. Человек, работающий с экраном, на котором он был виден, на несколько секунд потерял его из виду. Когда он снова навел на него, он уже был на десять миль ближе к земле и продолжал падать.

Он ударился о землю с любопытным эффектом. Почва, казалось, была не твердой, а вела себя, словно жидкость. Корабль вошел в нее примерно в треть своей длины.

Это было единственное свидетельство того, каким невероятным был удар.

Офицеры разразились бурными криками. Клэйн ничего не сказал. Он тоже был взволнован, но к массовому энтузиазму органически не мог присоединиться. Краем глаза он заметил какое-то движение. Он повернулся. Это был Гайлан.

У внешнего было страдающее выражение лица.

— Вы поступили нечестно, — сказал он сразу, как только смог сделать так, чтоб его услышали. — Я думал, что это должно было быть попыткой встретиться.

Это был момент ощущения вины, напомнивший об оставленных идеалах. Клэйн покачал головой. Ему было жаль внешнего, но он не извинялся.

— Мы вынуждены были приготовиться к атаке, — сказал он, — нельзя играть с существами, бомбившими земные города.

— Но это вы атаковали, — возразил Гайлан. — В тот же момент, когда я перенес ваших людей на борт, каждый побежал к какой-то машине и что-то взорвал.

— У Риссов есть другие корабли, — дипломатично сказал Клэйн. — Тысячи кораблей. У нас есть только этот. Чтобы заставить их говорить с нами, нам придется достать их там, откуда они не смогут уйти.

— Но они все погибли, — горестно сказал Гайлан. — При падении погибли все, кто был на борту.

Клэйн постарался сдержать свое торжество.

— Он действительно ударился об землю довольно сильно, — признал он.

Он понимал, что разговор ни к чему не приведет.

— Послушай, Гайлан, все это дело ужасно, но ты смотришь на него слишком узко. Мы хотим вступить в контакт с Риссами. Пока что они нас не подпускали. Если ты заглянешь в мои мысли, ты увидишь, что это правда.

Гайлан сказал с несчастным видом:

— Я думаю, это так, но я не представлял, что вы собирались сделать. Что-то в твоих мыслях было, но...

Клэйн мог понять часть этого затруднения. Всю свою жизнь Гайлан принимал как должное то, что он знал, что происходит в головах других людей. Но он был не в состоянии представить, что тридцать человек могут атаковать гигантский боевой корабль с десятками мощных существ на борту. И что эта небольшая группа людей взорвет ловушки, которые Риссы сконструировали для защиты своих секретов на случай, если корабль когда-нибудь попадет в руки врага. Эта идея включала в себя понимание механики. Следовательно, это было за пределами возможностей Гайлана и его товарищей. Без достаточных знаний, без сложных ассоциаций их способность читать мысли в этой ситуации была для них бесполезной.

Клэйн видел, что тот был по-настоящему удручен. Он быстро сказал:

— Послушай, Гайлан, я хочу тебе что-то показать.

Гайлан хмуро сказал:

— Думаю, я лучше пойду домой.

— Это важно, — сказал Клэйн. Он мягко потянул его за рукав. Гайлан позволил подвести себя к «защитному» прибору. Клэйн показал на главный выключатель.

— Ты видел, как один из наших людей отключил это, сделав вот так?

Он взял прибор и глубоко воткнул его в гнездо. Щелкнув, тот встал в позицию.

Гайлан помотал головой.

— Нет, не помню.

Клэйн серьезно сказал:

— Нам нужно удостовериться в этом, — он объяснил, как работает «защита», и что любой внешний, побродивший рядом с кораблем, умрет. — Ты должен пройти на борт, Гайлан, и отключить это.

Гайлан удивленно сказал:

— Это та вещь, которой они защищали меня и других, кому разрешалось входить на корабль?

— Да, это она. Это она убивает все в радиусе двух с половиной миль.

Гайлан нахмурился.

— Почему она не убила людей, которых я поднял на борт?

Клэйн тяжело сглотнул.

— Гайлан, — сказал он мягко, — ты когда-нибудь видел, как человек сгорает заживо?

— Я слышал об этом.

— Он умирал сразу же?

— Нет. Он бегал как безумный.

— Совершенно верно, — мрачно сказал Клэйн. — Гайлан, те добровольцы начали все поджигать собой, как только вступили на корабль. Но они погибли не сразу. Они погибали, выключая эту машину.

Это происходило не совсем так. Но было слишком трудно объяснить, что происходит с обменом веществ человеческого существа, когда температура в каждой клеточке его тела вдруг подскакивает до шестидесяти градусов.

Внешний с неловкостью сказал:

— Мне лучше поспешить. Может, кто-то ранен.

Он исчез. Это заставило Клэйна подпрыгнуть. Это было впервые, когда он действительно увидел, как это происходит, и ему стало жутковато. Вдруг Гайлан уже снова стоял рядом с ним.

— Выключил. — Он, казалось, успокоился.

Клэйн протянул ему руку.

— Гайлан, — тепло сказал он, — я хочу поблагодарить тебя.

Внешний пожал ему руку. Он, очевидно, все это время что-то обдумывал.

— Нет, — сказал он, — все это было нечестно. Вы обошлись с Риссами нечестно. — На его мягком лице появилось какое-то упрямое выражение. — Никогда больше не просите меня оказать вам еще одну услугу.

— Все равно спасибо.

Чуть позже Клэйн подумал: «Сначала я поднимусь на борт и достану карты, а потом...»

Ему пришлось бороться с огромным внутренним возбуждением. Он представил себе послание, которое он пошлет Чиннару прямо перед завтраком. Он вдруг не смог сдерживаться. Он сел и дрожащей рукой быстро написал:

«Дорогой Чиннар,

Вы будете рады узнать, что мы успешно провели операцию против вражеского боевого корабля. Наша победа включает захват его корабля и уничтожение всех Риссов на борту. Интересно отметить, что на захваченных картах ближайшая звезда Риссов совпадает с той, которую выбрал Марден.

Клэйн».

Как оказалось, последнее предложение записки пришлось переписать прежде, чем послание было доставлено. Захваченные карты доказывали, что Марден ничего не знал про направления звезд. Солнце Риссов было в трех месяцах от них, но в совершенно противоположной стороне.

Через несколько дней «Солнечная Звезда» была в пути.

18

Первый крик мальчика слабо донесся до ушей Клэйна сквозь толстые двери спальни. Крик наэлектризовал его. Он уже приказал убавить ускорение до одной гравитации. Теперь он пошел в лабораторию, примыкавшую к пульту управления, намереваясь поработать. Но на него навалилась огромная усталость. Впервые он почувствовал, в каком напряжении он был все это время, как он устал. Он лег на койку и тотчас уснул.

Когда он проснулся, было утро. Он пошел в их с Маделиной апартаменты, и по его просьбе ему показали малыша. Он тщательно искал следы его собственных мутационных признаков, но никаких признаков ненормальности не было. Это его озадачило. Уже не в первый раз у него было ощущение разочарования. Он так мало знал в мире, где столько всего нужно было узнать.

Интересно, могло между ребенком и им самим быть какое-нибудь внутреннее сходство? Он надеялся, что было. Ибо он не сомневался в собственном величии. Его история показывала, что он был восприимчив, как немногие когда-либо жившие. И он начинал подозревать, что он был еще и сверхнормально устойчив.

Ему надо будет следить за признаками того, что они оба — были другими.

За исключением его нормального состояния, внешний вид малыша не доставлял ему эстетического удовольствия. Он был почти так же страшен, как и дети, которых он имел несчастье видеть, и он был изумлен, когда нянька пропела:

— Такой прелестный ребенок.

Клэйн полагал, что он может превратиться в красивого человека, так как Маделина была чрезвычайно красивой девушкой. Внешняя нормальность ребенка доказывала, что ее часть будет физически преобладающей.

Взглянув на ребенка еще раз, когда его заворачивали после купания, Клэйн загрустил. Все это время он пере-

живал, что могли быть мутационные изменения, и был счастлив, что их не было. Но он уже представлял, как ребенок будет стыдиться своего отца.

Эта мысль оборвалась, когда из спальни пришла сиделка и сказала ему, что Маделина не спит и спрашивает его. Он нашел ее веселой и полной планов.

— Ты знаешь, — сказала она, — я никогда прежде не представляла, какие удивительно внимательные люди окружают нас. Эти женщины были со мной изумительны.

Он задумчиво смотрел на нее, пока она говорила. За время долгого путешествия Маделина прошла глубокую психологическую перестройку. Однажды произошел случай с наемником Лилидел, который каким-то способом пробрался на корабль под видом солдата. Предполагаемый убийца никогда не догадывался, сколь безнадежна была его цель. Приблизившись к их апартаментам, он автоматически включил тревогу; и тогда Клэйн специально пригласил Маделину присутствовать при его смерти. Отчаянное желание этого человека жить чрезвычайно подействовало на нее. С этого момента она перестала говорить о смерти как о чем-то, что она могла взять или оставить.

Он слушал сейчас, радуясь произошедшей перемене, когда она хвалила нескольких слуг индивидуально. Она внезапно замолчала.

— О, я почти забыла. Ты же знаешь, как нам было тяжело решить, как его назвать — так вот, мне приснилось: Брейден. Только подумай — Брейден Линн.

Клэйн согласился на это имя после минутного колебания. Имя ребенка должно быть индивидуальным, чтобы выделять его из других в его линии. Разумеется, будет еще целая вереница вторых имен, в честь знаменитых людей обеих семей. Это был старый обычай, и обычай, который он одобрял — такое большое число имен. Это напоминало носителю историю его рода. Это приносило ощущение непрерывной жизни и давало гордому обладателю чувство сопринадлежности, желание поступить так же или лучше, чем его тезка. Даже он, у которого было так много физических причин, чтобы не иметь такого ощущения сопринадлежности, чувствовал давление многих имен, которыми его наградили в час его крещения.

Полное имя, данное в конце концов новорожденному, было Брейден Джеррин Гарлан Джоквин Доунд Коргей Линн.

Через две недели после рождения Брейдена «Солнечная Звезда» прибыла к своему второму месту назначения в космосе.

Клэйн проворно вошел в комнату для совещаний. Теперь, наконец-то, не было причин для внутренних конфликтов. В темноте перед ними уже светилась вражеская планета.

Пора было приготовиться к действию.

Сначала он сказал свою заготовленную речь, подчеркивая ценность отваги. Пока он говорил, его глаза изучали лица людей, ища признаки недовольства. Он не думал, что его будет слишком много. Это были серьезные люди, осознающие реальность их миссии.

Некоторые из них, как он видел, казались озадаченными направлением его разговора. Было время, когда он уступил бы этому накапливающемуся нетерпению. Теперь нет. Во всякой великой цели лидер должен сначала вызвать эмоциональное отношение, необходимое для успеха. В прошлом он считал солдатскую храбрость само собой разумеющимся делом. Это так, солдаты действительно храбры, но только если им об этом постоянно напоминать.

Завершив свою хвалу их храбрости, он с жаром пустился в объяснение своей цели. Он еще не дошел и до середины, когда стал замечать реакцию.

Офицеры, варвары точно так же, как и линнцы, были почти одинаково бледны. Только Чиннар хмурился с неожиданно задумчивым видом, глаза его оценивающе прищурились.

— Но, ваше превосходительство, — запротестовал один из линнцев, — это планета Риссов. У них будут сотни кораблей на наш один.

Клэйн держался хладнокровно. Такое бывало уже много раз, когда он понимал, что только он до конца продумал ситуацию как целое. Он мягко сказал:

— Господа, я надеюсь мы все согласны с тем, что этот корабль и те, кто на борту, должны идти на риск в пределах здравого смысла.

— Да, но это безумие. — Это был генерал Марак, теперь личный секретарь Клэйна. — Как только они обнаружат нас... — он замолчал, словно его поразила какая-то новая мысль. Он сказал: — Или вы ожидаете, что нас не обнаружат?

Клэйн улыбнулся.

— Мы позаботимся, чтобы обнаружили. Мой план: высадить большую часть, — он поднялся и прикусил губу, он почти что произнес «варварской», затем продолжал, — Европейской армии и захватить плацдарм.

На лицах варварских офицеров появилось тоскливое выражение, и почти каждый из них выглядел напуганным. И снова исключением был Чиннар. Клэйн чувствовал, что предводитель варваров наблюдает за ним горящими глазами, в которых появились проблески понимания. Клэйн поднялся.

— Господа, — упрекнул он, — воздержитесь от того, чтобы смутить войска своим слишком очевидным смятением. Наш подход к этой проблеме логично обоснован. Космические корабли не уничтожаются в космосе. Они не могут даже поддерживать контакт друг с другом, когда те, кто на борту, находятся в дружеском расположении и прилагают все усилия, чтобы держаться вместе. Так что вы можете быть уверены, что Риссы не свяжутся с нами, пока мы продолжаем движение.

Что касается высадки, это старейшая реальность вечной истории, что плацдарм всегда можно захватить и некоторое время удерживать. И еще никто никогда не придумал способа помешать армии высадиться на какой-либо планете.

Он внезапно замолчал.

— Но теперь достаточно споров. У нас есть своя цель. Сейчас мы подходим к тому, что является более важным, к сложным деталям достижения этой цели.

Он объяснил свои собственные идеи, а затем, прежде чем открыть общую дискуссию, закончил:

— Во всем мы должны следовать правилу обдуманного риска. Мы должны все время отдавать себе отчет, что будут жертвы. Но, по моему мнению, ни один план не может быть приемлемым, если не дает какой-то надежды на спасение большей части армии, взявшей плацдарм.

Чиннар был первым, кто поднялся.

— Какова, — спросил он, — точная цель высадки?

— Посмотреть, какую реакцию она вызовет, насколько сильна эта реакция, как они наносят удар, каким оружием, короче, как Риссы планируют защищать свою планету?

— Разве не может быть так, — спросил Чиннар, — что эти сведения были известны древним людям, сражавшимися в великой войне между Риссами и людьми?

— Возможно. — Клэйн колебался, не будучи уверенным, настал ли момент обнародовать свою собственную оценку этой прошедшей войны и ее ведения. В конце концов он решил, что нет. Он сказал. — Я не нашел письменных книг о самой войне как таковой, так что не могу ответить на ваш вопрос.

Чиннар твердо, спокойно смотрел на него несколько секунд, а затем закончил:

— Естественно, я за высадку. Вот мои идеи по вашему плану.

На таком практическом уровне продолжалось обсуждение. Дальнейших возражений по самой высадке не было.

19

Они опустились на иссушенную, неровную холмистую поверхность того, что когда-то могло быть мертвым морем. Скальные образования пересекали эту неприятную, безводную местность. Воздух был разрежен, и утро прохладным, но к полудню уже стояла мучительная жара.

Люди ворчали, даже когда ставили палатки. Клэйн чувствовал на себе многозначительные хмурые взгляды, когда медленно пролетал на высоте в несколько футов. И с десяток раз, когда его корабль бесшумно поднимался над скалами, прежде чем занырнуть в очередную долину, до него доносились замечания здоровых мужчин, на чью отвагу можно было рассчитывать.

Он периодически приземлялся, чтобы осмотреть защитное устройство и устройство молекулярной энергии, которые он приказал установить в лагере. Это были те самые приборы, которые уничтожили всех членов экипажей, находившихся на борту линнских боевых кораблей во время атаки, которая и дала ему возможность захватить «Солнечную Звезду». Молекулярое оружие прожгло огромные дыры во втором корабле Риссов. Он удостоверился, что каждое оружие установлено на максимальную мощность и продолжил полет.

В конце концов он встал рядом с Чиннаром, выглядывая в сторону унылого горизонта. Варвар молчал. Клэйн повернулся и отдал последние указания.

— Выслать группы налета. Если добудете пленных, доложить мне немедленно.

Чиннар потер подбородок.

— А если они сбросят на нас атомные бомбы?

Клэйн ответил не сразу. С холма ему были видны некоторые палатки. Большинство из них были укрыты в ложбинки позади искривлений скальных образований. Но тут и там он мог видеть тонкие, неровные линии. Они доходили до горизонта и дальше — свыше тридцати миль в каждом направлении от того места, где они стояли.

Атомная бомба убьет каждого, находящегося в непосредственной близости. Страшный ветер сорвет все палатки. Радиация, эта смертоносная вещь, отскочит от твердой, блестящей скалы и убьет только тех немногих, кто остался незащищенным.

Это то, что касалось наземного взрыва бомбы. Если она взорвется в воздухе, если, например, автоматическое управление молекулярного оружия заставит ее взорваться на высоте двадцать миль, эффект будет ниже. На двадцати милях давление воздуха будет не слишком смертельно, особенно для людей, получивших приказ укрыться в скалу под палатки. По двое из четырех в каждой палатке должны всегда находиться в специальном укрытии. Двое других должны быть настороже. Предполагалось, что они быстро укроются, если над ними появится корабль Риссов.

Клэйн объяснил свое понимание ситуации и закончил:

— Если они сбросят на нас бомбу, что же, мы сбросим одну или две на их города.

Его внешняя холодность уступила место внутреннему ликованию. Он мягко засмеялся и сказал:

— Нет, нет, мой друг. Я начинаю понимать проблему двух враждебных цивилизаций в этой обширной вселенной. Ничего подобного этому никогда не было до того, как люди и Риссы столкнулись между собой. Ни одна планета не может быть защищена. На все планеты можно напасть, все уязвимы — и на этой, раз мы здесь, на одной из их родных планет, мы теряем меньше всего.

Он протянул руку.

— Удачи вам, Великий Чиннар. Я уверен, что вы, как всегда, сделаете все честно.

Чиннар несколько секунд смотрел на предложенную руку и наконец пожал ее.

— Вы можете рассчитывать на меня, сэр, — сказал он.

Какое-то мгновение он колебался.

— Извините, — медленно произнес он, — что я не отдал вам шар.

Это откровенное признание потрясло Клэйна. Потеря шара была страшным несчастьем, и лишь неимоверная сила воли предводителя варваров удержала его в конце концов от того, чтобы довести дело до конца. Даже тогда он понимал, что нуждается в таком человеке, как Чиннар. Он не мог заставить себя сказать, что это не имело значения. Но так как признание подразумевало, что шар можно получить на Земле, он ничего не сказал.

Возвратившись на «Солнечную Звезду», он повел корабль из комнаты управления оружием. Дюжина человек стояла позади него, наблюдая за различными экранами, готовые привлечь его внимание ко всему, что он сам мог пропустить.

Они прошли над городами — все они были в горных районах — и им не понадобилось много времени, чтобы обнаружить, что там шла эвакуация. Бесконечные потоки небольших судов текли из каждой «метрополии», выгружали беженцев и возвращались за новыми.

Это зрелище подбодрило остальных офицеров.

— Всеми атомными богами, — ликовал один, — мы обратили этих вонючек в бегство.

Кто-то настаивал:

— Давайте бросим на них несколько бомб и посмотрим как они побегут.

Клэйн ничего не сказал, просто помотал головой. Он не удивлялся злобной ненависти. Уже два дня он наблюдал, как она росла и поднималась вокруг него и до сих пор не показывала никаких признаков уменьшения.

— Я должен изменить эти непроизвольные чувства, — сказал он себе. — Но это потом.

Эти два дня он получал периодические радиодоклады от Чиннара. Патрули уже были высланы. Это было одно сообщение. Около половины из них вернулось, когда пришел второй доклад.

— Похоже на то, — сообщил Чиннар, — что вокруг нас скапливается какая-то армия. Повсюду наблюдается большая активность, и наши патрульные суда были сожжены артиллерией на такой большой высоте, как восемнадцать миль. Пока что не было никаких попыток атаковать какую-либо нашу машину с воздуха. Они похоже пытаются сдержать нас. Наши люди пока не взяли ни одного пленного.

Третий доклад был кротом.

— Некоторая активность в воздухе. Пленных нет. Нам попытаться войти в один из их лагерей?

Ответ Клэйна на это был:

— Нет!

Увиденная с огромной высоты картина лагеря Риссов пленила его. Было ясно, что надвигается острое столкновение. Если учесть, сколько Риссов было на планете, трудно было понять, почему ни один еще не был схвачен.

На третий день, пролетая над еще одним городом и увидев, что он все еще истекает беженцами, Клэйн обдумал одну возможность. Послать вниз патрульное судно. Перехватить судно с беженцами, сжечь машину и захватить тех, кто был на борту.

После некоторого размышления, он отказался. Во-первых, машины Риссов держались своих трасс. Это предполагало, что по всей длине маршрута были установлены «защитные» приборы. Ни одно человеческое существо не могло надеяться проникнуть за эту линию смерти. По этой же причине он отказался рассматривать предложе-

ние Чиннара послать патрули во вражеские лагеря. Лагеря тоже были защищены.

Риск для нескольких человек был не так важен, конечно. Но была и еще одна причина того, чтобы не испытывать опасность. Ему была известна реакция Риссов. Теперь они должны что-то предпринять против захватчиков и характером этого «что-то» показать, чего они боятся.

На третий день его совет Чиннару был тот же — ждать и следовать схеме.

Ночь не принесла никаких неожиданностей. В середине утра Клэйн наблюдал, как поток беженцев уменьшается до струйки грузовых судов. Он мог представить огромное облегчение, которое должно быть охватило население. Они, вероятно, считали, что они выиграли первый этап сражения, или посчитали противника слишком глупым, чтобы тот мог оценить то преимущество, которое у него было.

Пусть думают, как им нравится. Достигнув безопасности широкого рассеивания, они сейчас должны быть готовы для активного второго этапа. Он не ошибся в своем анализе. Незадолго до сумерек этого дня, Чиннар прислал давно ожидаемое сообщение.

— Пленный взят, когда вы будете внизу?

— Завтра, — ответил Клэйн.

Остаток дня и часть ночи он провел, обдумывая потенциальные возможности. Его планы были готовы около полуночи. В это время он обратился к сотне командиров групп. Это была очень резкая, решительная речь. Когда он закончил, люди были бледны, но они страстно приветствовали его. К концу вопросов один из них спросил:

— Ваше превосходительство, должны ли мы понимать так, что вы планируете спуститься завтра?

Клэйн поколебался и кивнул.

Марак серьезно сказал:

— Уверен, что говорю за моих коллег, когда говорю вам: пересмотрите ваше решение. Мы обсуждали все это между собой много раз за эти долгие месяцы и наше мнение таково, что жизнь каждого на борту этого корабля зависит от того, останетесь ли вы в живых. Еще

ни одна великая экспедиция не зависела так полностью от знаний или руководства одного человека.

Клэйн поклонился.

— Спасибо. Я постараюсь быть достойным доверия, возложенного на меня. — Он помотал головой. — Что касается вашего предложения, я должен его отклонить. Я чувствую, что мне необходимо расспросить пленника, которого мы захватили. Почему? Потому что на Земле я анатомировал тело одного из этих существ, и я, возможно, единственный, кто знает о нем достаточно, чтобы беседа имела какой-то смысл.

— Сэр, — сказал человек, — как насчет Чиннара? Мы слышали о его проницательности.

Клэйн мягко улыбнулся.

— Боюсь, Чиннару тоже придется присутствовать при беседе. — Он внезапно замолчал. — Извините, господа, этот спор должен прекратиться. На этот раз командующий должен рискнуть так же, как и любой из его солдат. Я думал, это мечта рядовых.

Это вызвало новые одобрительные возгласы, и через несколько минут спустя собрание, все в хорошем настроении, разошлись.

— Мне это не нравится, — сказал Чиннар.

В общем Клэйну это не нравилось тоже. Он сел в кресло и внимательно рассмотрел пленника.

— Давайте обдумаем это, — медленно сказал он.

Рисс гордо стоял — по крайней мере таково было впечатление, которое он производил — перед своими человеческими противниками.

Клэйн наблюдал за ним неспешно, сверхъестественно осознавая ряд возможностей. Рисс был примерно в двенадцати футах от него. Он возвышался, как великан, над мощным варваром и теоретически мог прыгнуть вперед и разорвать любого на части, прежде чем погибнуть самому.

Не то чтобы к этому следовало относиться серьезно, но все равно была такая вещь, как готовность на всякий случай.

Чиннар сказал:

— Это было немного чересчур, очевидно. Люди, естественно, ликовали, что схватили его, но, разумеется, я

задал подробные вопросы. У меня нет сомнений, что он стремился в плен.

Клэйн согласился с этим анализом. Это был пример бдительности, которую он и ожидал от блестящего предводителя варваров. И, кроме того, именно такая возможность заставила его принять столько мер предосторожности.

Теоретически все, что он сделал, могло оказать ненужным. И наоборот, если его беспокойство окажется оправданным, тогда меры предосторожности просто обеспечат первую линию обороны. На войне самые лучшие планы подвергаются всевозможным испытаниям.

Клэйн вытащил свою записную книжку и начал рисовать. Он не был художником, но в конце концов он передал грубый набросок члену своего штаба, который с ним был. Тот осмотрел рисунок и затем достал небольшую чертежную доску и стал делать наброски быстрыми, уверенными штрихами. Когда рисунок был окончен, Клэйн дал знак художнику передать его Риссу.

Огромное чудовище приняло бумагу, доску и прочее. Он изучал его со следами возбуждения, затем затряс складками кожи. Наблюдая за ним, Клэйн не мог определить, выказывал ли он одобрение или неодобрение.

Рисс продолжал разглядывать бумагу и наконец залез в одну из своих кожных складок и из какого-то скрытого места вытащил большой карандаш и что-то нарисовал на чистой стороне бумаги. Когда Рисс закончил, тогда уже Чиннар шагнул вперед и взял у него рисунок. Его намерением, очевидно, не было изучать его, потому что он передал его Клэйну, даже не взглянув на то, что там было. Передав его мутанту, он на мгновение качнулся, стоя спиной к Риссу, и прошептал:

— Ваше превосходительство, вы понимаете, что оба руководителя этой экспедиции собраны здесь, в одном месте?

Клэйн кивнул.

20

Краем глаза Клэйн заметил высоко в небе яркую вспышку света. Он быстро оглянулся, чтобы посмотреть, заметил ли ее еще кто-нибудь. Один из варваров вытягивал шею, на лице его было какое-то неуверенное выражение. У него был вид человека, который не уверен, что то, что он увидел, что-то означало.

Клэйн специально севший так, чтобы он мог среди прочего спокойно смотреть вверх, не боясь быть замеченным, медленно опустился в кресло. Он напряженно ждал следующей вспышки. Она появилась внезапно. Она была почти прямо над головой, что немного встревожило. Но все равно он не показал никакого вида.

На этот раз кажется никто не смотрел на вспышку.

Клэйн поколебался и затем наконец ответил на вопрос Чиннара своим собственным вопросом.

— Так что такого вы ожидаете?

Предводитель варваров, должно, быть почувствовал нотку возбуждения в его голосе. Пристально взглянув на Клэйна, он медленно сказал:

— Рисс позволяет взять себя в плен. У него должна быть какая-то цель. Этой целью спокойно может быть обеспечение того, чтобы стоящие за ним силы нанесли свой удар в определенное время и определенном месте. Почему бы и не в тот момент и не в тот район, где высшие руководители вражеской экспедиции допрашивают своего пленника-чужака?

— Вы значит чувствуете, что он мог бы оценить наш с вами ранг? — Клэйн говорил не спеша.

— Два и два он сложить может, — сказал Чиннар. Варвар был сейчас зол. Он кажется осознавал, что лишь частично понимает, что происходит. — И вспомните, что говорил Марден об общении с Риссами. Предположительно, они умеют читать мысли. Кроме того, — сказал он вдруг с сарказмом, — впервые в нашем союзе вы появились как властелин. Вы единственный человек здесь,

который сидит. Это не похоже на ваше обычное поведение на публике. И впервые за то время, что я знаю вас, вы надели парадную одежду священника линнского храма. Что вы стараетесь сделать — заставить его понять, кто вы?

— Да, — сказал Клэйн.

Он говорил мягко, а затем громко рассмеялся.

— Чиннар, — сказал он наконец более спокойно, — это испытание чего-то такого, что я увидел во время атаки против боевого корабля Риссов на Внешней.

— Что вы увидели? — сказал Чиннар.

— Наше молекулярное оружие оказалось гораздо более мощным, чем я представлял себе прежде. Фактически оно не могло уничтожить тот корабль — я использовал его лишь для того, чтобы отвлечь их внимание. Но оно сожгло более фута прочной внешней оболочки корабля, куда бы оно ни попало. Впоследствии я обнаружил, что радиус его действия около двадцати миль и что на борту корабля оно было синхронизировано с автоматическими наводящими приборами.

Мрачно улыбаясь, он показал свои белые зубы.

— Чиннар, — сказал он, — весь этот район защищается молекулярным оружием, которое с абсолютной точностью сожжет любую атомную бомбу с неба на расстоянии около двадцати миль.

Решительное волевое лицо предводителя варваров потемнело от замешательства.

— Вы имеете в виду, что оно взорвет их на таком большом расстоянии?

— Нет. Оно сжигает их. Здесь нет ядерного взрыва, лишь только молекулярная трансформация в газ. Бомба маленькая, и она полностью рассеивается, газ подхватывается воздушными потоками, и ее радиоактивность разносится на сотни квадратных миль.

Он ждал сильной реакции и не ошибся.

— Лорд Клэйн, — сказал Чиннар со сдерживаемым возбуждением, — это потрясающе. Все эти месяцы у нас была эта замечательная оборонительная машина. И мы не знали этого.

Он замолчал. Затем сказал медленнее:

— Я не стану предполагать, как в случае с хлороделом, что это ответ на наши требования. Большой корабль, как наш, смог бы перелететь через сплошные ряды такого оружия. Он может получить серьезное, но не выводящее его из строя повреждение, и может опуститься достаточно низко, чтобы его защитные пространственно-временные резонаторы истребили всех внизу. Как же нам защищаться от этого? Зарываться?

— Как можно быстрее, — сказал Клэйн, — мы нырнем в отдельные пещеры, которые роют ваши люди, и влезем под несколько ярдов скалы, камня.

Чиннар снова нахмурился.

— Все это не объясняет причины этой сцены с нашим пленником. Вы пытаетесь принудить их напасть на нас?

Клэйн, смакуя предстоящий эффект, тихо сказал:

— Атака идет уже почти пять минут.

Сказав это, он поднял рисунок, который сделал Рисс, и притворился, будто изучает его.

Волна возбуждения вокруг него достигла своей вершины. Люди пронзительно перекликались. Эхо криков уходило вдаль, когда крики подхватились другими.

Во время этой суматохи, Клэйн, казалось, изучал рисунки. Затем он внимательно стал наблюдать за пленным Риссом.

Охрана забыла про огромного чужака. Они стояли, вытягивая шеи, вглядываясь в небо, где вспышки стали более многочисленными. Одним словом Клэйн мог бы вернуть их к своим обязанностям. Но он решил ничего не говорить.

Интересно, как прореагирует это существо, когда в конце концов поймет, что атомная атака была полной неудачей?

В течение нескольких секунд чудовище сохраняло свою гордую, спокойную осанку. Затем он откинул голову назад и серьезно, важно, горячо, убежденно уставился в небо. Это длилось меньше полминуты. Его взгляд резко опустился с высоты, и он быстро огляделся вокруг. На какой-то момент его быстрые глаза остановились на Клэйне, который быстро заморгал, но взгляда не отвел.

Это был эффективный способ. Его склоненная голова говорила о том, что он был поглощен рисунком. Моргая

веками, он отчасти скрывал, что он заметил этот взгляд. Взгляд Рисса скользнул над ним, и пленник сделал свой первый преднамеренный шаг.

Он дотянулся до складки на своей коже, начал что-то вытаскивать... и остановился, когда Клэйн сказал мягко, почти шепотом:

— Не делай этого! Останься живым! Я знаю, ты пришел сюда, чтобы пожертвовать собой, но сейчас в этом нет необходимости. Это не принесет никакой пользы. Останься живым и послушай, что я тебе скажу.

Он не слишком много ожидал от этого. Телепатическое общение между чужаком, который умел читать мысли, и человеком, который этого не умел, конечно же, должно было быть очень хрупким делом.Тем не менее, хотя он до сих пор не смотрел на Рисса, он увидел, что существо начало колебаться.

Более твердо, но все равно шепотом Клэйн сказал:

— Вспомни рисунок. Я до сих пор не знаю, какова была твоя реакция, но подозреваю,что она была отрицательной. Обдумай это. Первое суждение не обязательно самое лучшее. Пять тысяч лет назад человек и Рисс почти уничтожили друг друга. И сейчас Риссы предприняли действия, которые начнут борьбу сначала. Пока что мы не сбросили ни одной бомбы, не использовали мы и резонаторы. Это не было сделано специально. Это было задумано, чтобы показать, что на этот раз люди хотят другого соглашения. Скажи своим, что мы пришли как друзья.

И все равно было трудно сказать, какова была реакция. Чужак оставался в прежней позе, спрятав одну «руку» в складке кожи. Клэйн не недооценивал его возможностей. Анатомируя тело мертвого Рисса на Земле, он обнаружил в коже достаточно большие карманы, чтобы там можно было спрятать энергетическое оружие.

Он предупредил Чиннара, чтобы тот был настороже, но попросил его не делать обыска. Важно было, чтобы Рисс чувствовал свободу в действиях.

Рядом с ним Чиннар монотонно проговорил:

— Ваше превосходительство, я думаю наш пленник собирается с духом на что-то отчаянное. Я наблюдал за ним все это время.

Так что по крайней мере еще один не забыл об опасности. Прежде чем Клэйн смог заговорить, Чиннар продолжил резко:

— Ваше превосходительство, я настаиваю, чтобы вы не рисковали. Убейте его прежде, чем он захватил нас врасплох.

— Нет, — сказал Клэйн. — Я намерен дать ему патрульное судно, если он его примет, и позволю ему спастись. Выбор будет за ним.

Пока он говорил, он впервые поднял голову и прямо взглянул на Рисса. Огромные, сияющие глаза существа сверкнули ему в ответ. Не было сомнений в том, что он знал, чего от него ожидали.

Ужасно было наблюдать конфликт между его желанием жить и убеждениями, которые привели его сюда, чтобы пожертвовать собой. Было заметно, как напрягся каждый его мускул.

Эта напряженная сцена затянулась. Рисс стоял на маленьком уступе, глядя вверх на Клэйна и Чиннара, которые стояли выше на этом бесплодном и неровном склоне холма. За чужаком в скалах виднелись палатки варваров. Они простирались до тех пор, пока видел глаз. Прошла минута. То, что время шло без результата, по мнению Клэйна, было благоприятно. Он чуточку расслабился и сказал Чиннару:

— Я бы хотел узнать, что, по вашему мнению, он нарисовал в ответ на рисунки, которые сделал я. Вы не посмотрите их, пока я за ним послежу? Мне думается, вам придется сначала изучить мои, если надеетесь понять его ответ.

Хотя он и не сказал этого, ему также была интересна собственная реакция варвара.

Не отрывая взгляда от Рисса, он протянул чертежную доску. Чиннар взял ее и наконец сказал:

— Я смотрю на ваш рисунок. Здесь показаны три планеты. Одна полностью заштрихована. Одна вся белая, а на третьей горные районы заштрихованы, а предгорья и равнины белые. Я прав, полагая, что эти рисунки изображают именно планеты?

— Да, — сказал Клэйн.

Он ждал. Чуть погодя, Чиннар сказал:

— Надпись внизу листа изображает фигуру человека и напротив ее — белый прямоугольник, а ниже — Рисс с заштрихованным прямоугольником.

— Это поясняющая надпись, — сказал Клэйн.

Последовала длинная пауза, более длинная, чем Клэйн ожидал от человека столь проницательного. И тем не менее, подумав еще раз, он не был удивлен. Это был вопрос отношений и убеждений. Это был полностью первый процесс рационального принятия новой цели. Последовавшая наконец реакция совершенно его не удивила.

— Но это смешно, — сердито сказал Чиннар. — Вы что серьезно предлагаете Риссам и человеческим существам делить каждую третью планету?

— Это лишь приблизительный подсчет, — сказал Клэйн. Он не стал дополнительно аргументировать свою идею. Пятьдесят веков назад Риссы и человек не были готовы даже к тому, чтобы поделить гильотину. Психологическое отношение, кажется, одна из немногих вещей, которые пережили бойню.

Он ждал. Когда варвар снова заговорил, в его голосе было удовлетворение.

— Ваше превосходительство, я изучаю его ответ. Он нарисовал три планеты, все заштрихованы. Я так думаю, он отклоняет ваше предложение о разделении.

Клэйн спокойно сказал:

— У него было время передать мой план при помощи телепатии. Эта идея может распространяться довольно быстро. Это все, на что я в настоящий момент могу надеяться.

На самом деле, ситуация сейчас отличалась от ситуации, которая сложилась в давнем прошлом. В этот раз и люди, и Риссы могли оглянуться назад и увидеть несчастье, которое постигло их предков.

В этот раз один человек уже верил в сотрудничество.

Один человек, сидящий здесь, на этой далекой враждебной планете признавал как реальность, что здесь будут трудности. Признавал жестокую нетерпимость как человека, так и Риссов. Знал, что его будут считать дураком, своего рода врагом. И тем не менее у него не было намерения отказываться от своей цели.

Он увидел себя, балансирующего мгновение вечности на самом кончике власти. За всю историю человека такой момент, это сочетание событий, никогда не случалось, а возможно, никогда не повторится. Через несколько лет то, что он знал в науке, будет известно всем, и пользоваться этим будут тысячи специалистов. Придется, если человеческая раса надеялась выжить в соперничестве или сотрудничестве с Риссами. Он уже подготовил множество офицеров. Беда в том, что из-за своей лучшей подготовки, он узнавал десяток вещей, в то время как они узнавали одну.

Этот факт и создавал различия. В этом таилась огромная возможность. В культурном, промышленном отношении это было плохо для человеческой расы. В политическом это было очень важно.

Остановить его не мог никто. Никто не мог отказать ему. Он был Лорд Клэйн Линн, потенциальный Лорд-правитель, главнокомандующий «Солнечной Звезды», единственный человек, что-то понимающий обо всех машинах на борту. Никогда он еще не чувствовал в себе такую живость, остроту мысли, и он не болел уже много лет.

Чиннар пресек его мысль, в голосе его было раздражение.

— Ваше превосходительство, если бы все ваши замыслы не были столь успешны, я бы сказал, что вы сумасшедший. Атака Риссов против нас здесь была тактически и стратегически неверна, плохо спланирована, плохо проведена. В течение нескольких минут не было ни одного взрыва. Если бы я был на месте командующего с той стороны, то, что уже произошло, было бы лишь началом главной атаки. Логически нет предела жертвам, на которые должна пойти любая раса, защищая свою планету.

Он продолжал озадаченным тоном:

— Здесь что-то в этой атаке, чего мы не видим, какой-то фактор, который они принимают в расчет, а мы нет. Это сдерживает их. — Он замолчал. Затем иронично сказал: — Но что, как с этим парнем? Каким образом вы можете решить проблему Риссов в масштабе галактики, если не можете даже убедить этого одного индивидуума?

Клэйн тихо сказал:

— Все, что ему нужно сделать, чтобы получить патрульный корабль, — это вытащить руку, безобидно...

Он умолк. Потому что «рука» стала выходить. Рисс стоял какой-то момент, внимательно глядя на Клэйна. Затем он подошел к патрульному судну, на которое мысленно указал Клэйн. В молчании они наблюдали, как он зашел в него и взлетел.

Когда он исчез, Чиннар сказал:

— Ну, что теперь?

Предводитель варваров имел привычку задавать приводящие в замешательство вопросы.

21

Клэйн вернулся на «Солнечную Звезду» и задумался. Какой должен быть следующий ход?

Идти домой? Казалось слишком рано.

Он провел полчаса, играя с малышом Брейденом. Ребенок очаровал его.

«Вот, — подумал он уже не в первый раз, — секрет всего прогресса».

В данную минуту у Брейдена не было собственных идей, не было неменяющихся отношений или убеждений, кроме, может быть, тех, которые произошли от того, как с ним обошлись няньки и Маделина. Были возможны две различные реакции на грубое или нежное обращение, от чего нельзя легко отмахнуться. Но он лично не знал о своем происхождении ничего. Он не испытывал ненависти к Риссам. Воспитываясь с каким-нибудь юным Риссом, они могли даже развить дружеские отношения, хотя это было не самым важным в решении проблемы Рисса и человека. Это не могло быть осуществлено в достаточно большом масштабе. Кроме того, они будут ограничены другими связями.

Он наконец оставил малыша. И устроился в кресле в комнате управления. Там, окруженный доспехами приборов, которые управляли огромными машинами, он сказал себе: «Насколько я понимаю, это вопрос объединения».

У него было какое-то чувство. Ему казалось, что сейчас имелись буквально все факты. Было одно возможное исключение. То, что Чиннар сказал о неудовлетворительной степени атаки Риссов.

Нахмурившись, он мысленно проследил цепь событий на этой планете Риссов. И Чиннар, решил он, был прав.

Он все еще думал об этом, когда ему принесли сообщение.

«Уважаемый лорд Клэйн,

Взято еще несколько пленных. Очень прошу прибыть немедленно. Есть недостающий фактор.

Чиннар».

Клэйн совершил посадку вскоре после обеда. Охранники-варвары пригнали пленников из небольшого гнезда в горном склоне.

Они выходили робко, бочком — тощие, с горящими глазами и лихорадочным видом. Это, несомненно, были люди. Чиннар ввел в курс дела.

— Ваше превосходительство, я хочу, чтобы вы познакомились с потомками человеческих существ, которые раньше занимали эту планету — до того, как она была захвачена Риссами пять тысяч лет назад.

У Клэйна был мгновенный знак — один этот взгляд на пленных, когда они поднимались. Это было все, что ему нужно. Мысли его получили первый толчок. Через мгновение он был способен внимательно рассмотреть их, и ему показалось, что таких жалких людей он раньше никогда не видел. Самый высокий из группы — их было восемь — был не больше пяти фунтов и трех дюймов. Самый низкорослый был старый, иссохший и морщинистый человечек около четырех футов и шести дюймов. Он и заговорил первым.

— Мы слышали, вы с Земли.

Его акцент настолько отличался от линнского, что его слова походили на тарабарщину. Клэйн взглянул на Чиннара, который пожал плечами, улыбнулся и сказал:

— Скажем, да.

Странно, смысл дошел, а после этого стал возможен мучительно медленный разговор.

— Ты старший? — спросило существо.

Клэйн подумал и кивнул. Старичок подошел ближе, поджал губы и хрипло сказал:

— Я старший в этой компании.

Он, должно быть, сказал это слишком громко. Один из остальных, стоящий неподалеку, зашевелился и сказал оскорбленным тоном.

— Да? Послушай, Глюкер, ты болтаешь, мы деремся. Если в этой компаниии есть старший, то это я.

Не обращая внимания на перебивание, Глюкер сказал Клэйну:

— Ничего, кроме постоянных интриг и жалоб. Клянусь святым шаром, с ними ничего невозможно сделать.

Мысли Клэйна перескочили назад на отчаянную политическую и экономическую интригу Линна. Он с улыбкой заговорил:

— Боюсь, интрига — это общее наследие ограниченного сооб... — он замолк. До него вдруг дошел смысл предыдущих слов, и он, взяв себя в руки, сказал с напряженным спокойствием. — Клянусь, чем?

— Шаром. Знаешь, который катится туда-сюда. Это то, что никогда не меняется.

Клэйн уже полностью овладел собой.

Он сказал:

— Понятно. Вы нам как-нибудь должны его показать.

Он повернулся к Чиннару.

— Вы знали об этом?

Чиннар помотал головой.

— Я разговаривал с ними час после того, как их привели, но они никогда не упоминали об этом.

Клэйн поколебался, затем отвел варвара в сторону.

— Изложите кратко, — сказал он.

Картина была достаточно обыкновенной. Человек ушел под землю. За время долгой, длительной борьбы гигантские машины создали целый мир пещер. Много позже роющие машины превратились в бессмысленные груды металла, пещеры сохранились.

— Но, — спросил озадаченный Клэйн, — каким образом они задерживали Риссов? Просто залезть в пещеру было недостаточно.

Чиннар улыбнулся.

— Ваше превосходительство, — сказал он, — мы проверили их метод прямо здесь. — Он махнул рукой в сторону скалистой, неровной местности, где запустение простиралось по всему горизонту. — У них, кроме всего прочего, было «защитное» устройство...

Клэйн вспыхнул.

— Вы хотите сказать, что они знают, как их делать? — он подумал о своих собственных бесплодных усилиях сделать копию сплавов Риссов.

— Для них это часть жизни, — сказал Чиннар. — Сделать нужный сплав — для них это просто вопрос подготовки. Они соединяют их вместе, потому что... ну... просто вот так. Они «знают».

Клэйн испытывал легкое возбуждение. Снова та же самая история. В Линне космические корабли существовали в культуре стрелы и лука. На Внешней непостижимо передовая система перемещения и телепатия были общепринятой реальностью в простой земледельческой цивилизации. И теперь вот здесь были те же самые признаки того, что чудеса науки были частью обычной, банальной жизни. Какой-либо прием, если его запоминали и передавали из поколения в поколение — в этом не было ничего удивительного. Удивительным был сам способ.

Такие народные способы, конечно, имели свои ограничения. У людей имелись предупреждения. Они сопротивлялись переломам. Крайним примером этого служили внешние. Линнцы как нация почти также шли к упадку. Об этих маленьких людях судить было труднее. В своем закоренелом и отчаянном существовании у них было мало возможностей для развития. И потому из-за среды, окружавшей их, они были такими же негибкими, как любой внешний.

Более глубокие значения таких вещей всегда оставались смутными.

Клэйн прервал размышления.

— Давайте договоримся прийти к ним домой завтра.

Они летели над местностью, которая вначале была скалистой и бесплодной, голой. Вдруг земля стала зеленой. Какая-то река показалась совершенно внезапно — она извивалась среди деревьев и густого кустарника. Признаков обитания Риссов по-прежнему нигде не было.

Клэйн спросил об этом Глюкера. Человечек кивнул.

— Воздух слишком тяжел для них. Но и нам они не позволяют им дышать. — Голос его был угрюм.

Мутант кивнул, но больше ничего не сказал. Вход в пещеру удивил его. Это были огромные бетонные столбы на склоне холма, ясно видимые на расстоянии нескольких миль. Их патрульное судно опустилось вне досягаемости резонаторов, и прежние пленники прошли вперед в «защищенный» район. Они вернулись, «сфотографировали» посетителей и вскоре их уже вели по ярко освещенному бетонному проходу. Долговязые мужчины и женщины, несчастные малютки вышли из деревянных и каменных жилищ, чтобы поглядеть своими лихорадочными болезненными глазами на процессию незнакомцев.

Клэйн начал чувствовать первое восхищение. Зрелище было почти буквально из кошмара. И тем не менее эти полулюди с их тщедушными телами и отчаявшимися, напряженными, встревоженными душами отбили военно-научную мощь империи Риссов. Они зарылись в землю, отступив в этот искусственный подземный мир, буквально отрезав себя от солнечного света. Но и здесь были живы и так же активны, как муравьи в муравейнике.

Они ссорились, дрались и интриговали. У них была своя собственная кастовая система. Они следовали старым свадебным обычаям. Они жили, любили и рожали прямо вблизи от угрозы Риссов. Их средняя жизнь длилась тридцать пять земных лет, насколько мог подсчитать Клэйн.

Процессия подошла к более просторной пещере, которая была занята несколькими женщинами, кучей ребятишек и лишь одним мужчиной. Клэйн настороженно следил, как этот мужчина, коротышка с тонкими губами и суровыми голубыми глазами легко вышел навстречу. Глюкер подобострастно представил его как Хадда, «Главный».

У мутанта был свой собственный метод оценки самодовольных людей. И сейчас он сделал свою собственную первую попытку поуправлять шаром, который эти человечки держали где-то в этом лабиринте пещер.

Вопрос был в том, находится ли этот шар достаточно близко?

Только он подумал, как он вспыхнул над его головой. Из сотни глоток вырвался вопль изумления и трепета. И не было никаких затруднений.

На обратном пути Клэйн приказал Чиннару вновь погрузить армию на корабль.

— Существование остатков человеческой расы на этой планете, — объяснил он, — подтверждает наше открытие. Получив определенное оружие, человек может пережить нападение Риссов. Мы возьмем с собой достаточно специалистов из этих «человечков», чтобы начать на Земле создание двух главных видов оружия. Когда все больше и больше людей будут узнавать этот процесс, то мы сможем рассчитывать, что наша оборона выстоит.

Он добавил:

— Это, разумеется, не вернет нам наши планеты. Это прискорбно, но оборонительное оружие также хорошо сработает и на Риссов.

Он пристально взглянул на Чиннара, ожидая какой-либо реакции. Но худое лицо варвара было бесстрастно. Клэйн поколебался, затем продолжил:

— У меня план: прежде чем мы уйдем отсюда, наделать миллионы фотокопий моего рисунка, показывающего, как мы предлагаем разрешить вражду между человеком и Риссом. Мы разбросаем их над разными городами и над горными районами, чтобы каждый Рисс смог представить основную идею разделения.

Чиннар издал звук, как будто он подавился.

Клэйн быстро сказал:

— Мы не должны забывать, что у Риссов тоже есть проблема. Очевидно, что им нужна более разреженная атмосфера, чем человеку. Они могут выдержать плотный воздух на земном уровне моря и здесь, но для повседневной жизни они должны быть высоко. Это значительно ограничивает выбор районов, пригодных для их обитания. Человек относился не слишком сочувственно к этим трудностям, а фактически усугублял их.

Чиннара наконец прорвало:

— Что вы хотите этим сказать?

Клэйн медленно ответил:

— Судя по всем сведениям, люди золотого века обнаружили, как выделять кислород в других отношениях

из коры пустынных планет и спутников. Предположительно, Риссы также знали, как это делается, но у них было ужасно невыгодное положение. Они бы хотели, чтобы этот процесс прекратился скорее, чем этого хотел человек. Могу себе представить ликование людей, когда они на одной за другой планетах все уплотняли атмосферу.

Чиннар сказал безжалостным тоном:

— Это естественно, когда каждая раса сражается за выживание до конца.

Клэйн резко сказал:

— Все это хорошо для различных существ, которые думают на животном уровне. Человек и Рисс должны подняться выше этого. — Он мрачно замолчал. — Вы понимаете, что мы не допустим Риссов в Солнечную систему. Но так же и люди не должны стремиться поделить основную систему Риссов. На родные планеты не должно быть никаких посягательств.

— Каким образом мы собираемся от них отделаться? — спросил Чиннар.

Клэйн не дал прямого ответа.

Вернувшись на корабль, Чиннар сделал лишь одно серьезное возражение, когда Клэйн сказал ему, что в пути придется сделать остановку на Внешней.

— А как же люди Солнечной системы? — с тревогой спросил он. — Насколько нам известно, главная атака уже состоялась. И мы знаем, что на сегодня у людей нет резонаторов и энергетических лучей, чтобы защитить себя.

Клэйн был мрачен.

— Для завоевания обитаемой планеты требуется время. Вот на что я рассчитываю. — Он сурово добавил: — Если мы отправимся назад прямо сейчас, мы сможем сражаться с Риссами только на равных условиях. Это было бы плохо для нас, так как у них есть корабли, и оружие, и бесчисленное оборудование для их дальнейшего производства.

— А каким образом изменится ситуация, если мы сначала отправимся на Внешнюю?

— Я точно не знаю, — откровенно сказал Клэйн.

— Понятно. Еще одна идея?

— Да.

Чиннар несколько минут помолчал. Затем в его глазах показался смех.

— Я поддерживаю, — сказал он, — не глядя.

Он протянул руку.

— Ваше превосходительство, — проникновенно сказал он, — Я — ваш. С этого момента больше никаких интриг, никакой оппозиции. Я приветствую будущего лорда-правителя Линна, у которого я прошу статуса верного союзника.

Это была неожиданно полная сдача. Клэйн моргнул и тяжело сглотнул. На мгновение он был ошеломлен. Затем, овладев собой, он сказал со слабой улыбкой:

— Я еще не лорд-правитель. Потребуется время, чтобы влиятельные люди снова вспомнили обо мне. Возможно, будет трудная подготовительная работа.

Развивать это дальше необходимости не было, искушенный в политике варвар, поджав губы, кивнул.

Клэйн продолжал:

— У нас сейчас два шара, один в резерве на Земле. — Его глаза встретились с глазами Чиннара, ища подтверждения.

Последний согласился:

— Да, два. Вы сможете взять его в Солнечной системе в любое время.

Клэйн продолжал твердым голосом:

— Как я понимаю, шар — это грубый вариант системы перемещения, разработанной на Внешней и Внутренней.

— И таким образом...

— Управление космосом. — Какой-то жар вдохновения от мысли, сидевшей у него в голове, украл силу его голоса. — Чиннар, вы никогда не интересовались, как функционирует Вселенная?

Варвар усмехнулся.

— Я родился, я живу. Я умру. Это и есть моя функция. Вы можете изменить этот порядок?

Клэйн криво улыбнулся.

— Вы берете слишком глубоко, мой друг. Я как раз начинаю смутно ощущать силы, которые действуют внутри меня. Они более сложны, чем естественные науки. Я намереваюсь оставить их в покое, пока у меня не будет больше времени.

Он помолчал, нахмурившись.

— Возможно, это ошибка. Как смеет человек, который не понимает самого себя, предлагать уладить дела Вселенной?

Он пожал плечами.

— Ничего не поделаешь. Сейчас я надеюсь на то, что с помощью шара Марден сможет обучить меня их системе.

Марден с любопытством отступил, пропуская в дом людей, несших в контейнере шар. Когда они все это поставили, Клэйн спросил:

— Марден, ты когда-нибудь прежде видел что-нибудь подобное?

Марден улыбался. Шар поднялся из контейнера и занял место над его головой.

— Искусственное отверстие, — сказал он. — Я слышал о них. Они были началом.

И добавил:

— Если бы я знал, что у вас есть такая вещь, я бы научил его, — он кивнул на Клэйна, — как все это работает, когда он говорил об этом в первый раз.

Клэйн сказал:

— Это поможет мне читать мысли?

Марден был терпелив.

— На это потребуется несколько лет. Остальное вы можете начать делать сразу же с помощью этого шара.

Позже Чиннар спросил:

— Но как вы рассчитываете применить шар против Риссов? Вы же сами сказали, что не это будет решающим.

Клэйн ушел от ответа. Идея в его голове была настолько сложна в своих научных понятиях, настолько обширна по масштабу, что он был не в силах выразить ее словами.

Кроме того, сначала нужно было многое сделать.

Путь домой был долгим и утомительным, но все же время впустую не тратилось. Несколько десятков людей на борту тронулось умом, и был ряд людей с замутившимися мыслями и эксцентричными характерами. Клэйн осматривал, изучал их, пробовал на них разные способы терапии и вновь и вновь возвращался к малышу Брейдену, источнику своего собственного интереса.

Ему казалось, что в ребенке он найдет начало нормальности и ненормальности взрослого.

Малыш делал левой рукой столько же движений, сколько и правой. Он не интересовался предметами, которые держали от него дальше двух футов. Но если его подносили ближе, он обычно — хотя не всегда — тянулся к нему руками, однако часто как левой, так и правой.

Когда ему давали что-то такое, за что он мог схватиться, его можно было поднять в воздух, и он держался совершенно самостоятельно. Он делал это одинаково любой рукой, но каждый раз пользовался одними лишь пальцами. Большой палец все еще был бесполезным придатком.

Он выказывал явные признаки страха после какого-нибудь громкого шума, болевого раздражения или когда внезапно летел вниз при подбрасывании. Ничто другое его не тревожило. Он не боялся животных или предметов, больших или маленьких, независимо от того, как близко их подносили. И ему нравилось, когда его гладили под подбородком.

Другие малыши на борту реагировали на все это точно также.

Много раз Клэйн размышлял над своими наблюдениями.

— Предположим, — удивлялся он, — окажется, что у «всех» малышей будут инстинктивные реакции как у Брейдена и у тех, кого я проверил. Другими словами, в основном они не кажутся либо правшами, либо левшами. Они не боятся темноты. Очевидно, они учатся этим вещам. Когда? При каких условиях? Каким образом один малыш становится безответственным Каладжем, другой — безжалостным, блестящим Чиннаром, а третий — рабочим на полях?

Было одно, как он обнаружил, в чем Брейден отличался от других малышей его возраста. Когда ему по подошвам проводили тупым предметом, все пальцы сгибались в одном направлении. Все другие малыши сгибали большой палец вверх, а четыре пальца — вниз.

Разграничительная линия казалось проходила в возрасте одного года. Из девятнадцати старших детей, проверенных Клэйном, шестнадцать реагировали как Брейден.

То есть все их пальцы гнулись в том же направлении. Трое других продолжали реагировать как обычные младенцы в возрасте меньше одного года. Каждый из этих трех был признан трудным ребенком.

То, что в четыре месяца Брейден имел такую же реакцию, как и гораздо старшие дети, наводило Клэйна на мысли. Может быть, здесь было свидетельство того, что его сын унаследовал сверхобычную устойчивость, которую он подозревал в себе?

Он все еще был углублен во всю эту сложную проблему нормальной психики, когда «Солнечная Звезда» вошла в атмосферу Земли. Прошло девятьсот семьдесят дней после их отправления.

22

Перед посадкой Клэйн выслал патрули. Их доклады были обнадеживающими.

Его имение было не тронуто, хотя примерно в двух милях от дома вырос большой и шумный поселок беженцев.

Согласно отчетам командиров патрулей, в Солнечной системе находилось почти четыреста боевых кораблей Риссов. Они заняли большинство горных районов на различных планетах и спутниках и деловито укрепляли свои позиции.

Эффективного сопротивления не было. Армейские части, получившие приказ сражаться, уничтожались. Граждане, которые показались на глаза врагу или которым не повезло, и они оказались на месте высадки, были уничтожены все до единого.

Сразу же после своего прибытия захватчики провели массированную атаку почти на полсотни городов. Около двух миллионов людей попали под ужасные атомные взрывы; так сообщалось в докладах. Остальные успешно добрались до своих фермерских убежищ и были в безопасности.

Уже больше года не упало ни одной бомбы. И даже в те первые гибельные дни не был атакован ни один

город в низинах. Риссы сосредоточили свои громадные бомбы на города, расположенные у подножия гор и в горах, на высоте не менее трех с половиной тысяч футов над уровнем моря.

Глупые и беспечные, среди беженцев попадались как те, так и другие, в течение четырех месяцев потихоньку возвращались в неповрежденные центры. Требовались энергичные действия. И тем не менее Клэйн отрицательно помотал головой.

И тем не менее он действовал в пределах обозначенных как его человеческим, так и вражеским оружием.

— Сначала мы возведем оборонительные сооружения вокруг имения, — сказал Клэйн Чиннару. — Для того чтобы установить резонаторы и молекулярное оружие и приняться за пещеры, потребуется около недели. Пока все это делается, я постараюсь собрать своих агентов.

На все требовалось время, мысль и тщательнейшая подготовка.

Спасательные суда парили в ночи. Призрачные фигуры стояли на земле. Небольшие суда слетали вниз из черноты на огни, расположенные по определенному рисунку. Такие сборы давно стали практикой Клэйна, и он принимал их спокойно. Годами он действовал через агентов, выслушивая отчеты о сценах, которые наблюдали не его, а чужие глаза, и у него было отработанное мастерство составлять итоговые картинки, так что зачастую он мог видеть то, чего не заметили агенты.

Каждая встреча с агентом следовала общей схеме. Каждый в отдельности оставался в темноте. Здесь были рабы, которые следили, чтобы мужчины и женщины были накормлены, но сама еда выдавалась через узкую прорезь окна паре рук, которые вытягивались из ночи. Съедалось это человеком, скрытым в тени, в редком ряду ему подобных. Однако случаи, когда они заговаривали друг с другом, были редки.

Каждый агент сначала докладывал трем офицерам. Доклад был устным и передавался из темноты офицерам, которые сами были скрыты в темноте. Если даже один из этой комиссии решал, что рассказ заслуживал дальнейшего рассмотрения, агента передавали дальше, к Клэйну.

Следующий этап — меры предосторожности. Агент обыскивался, если мужчина — мужчиной, если женщина — женщиной. Большинство агентов были в деле уже давно и знали каждый этап, так что не высказывали никаких возражений, когда заходили в личное патрульное судно Клэйна и впервые за все время беседы должны были открыть лицо.

Постепенно, таким вот образом, пока проходила ночь, общая картина прошедших двух с половиной лет доходила до Клэйна.

Последний агент наконец ушел — слабый звук их небольшого корабля был едва ли громче, чем шепот в кромешной тьме. Клэйн вернулся к кораблю и обдумал то, что узнал.

Лилидел и Каладж знали о его возвращении. Это демонстрировало оперативность агентурной работы их сторонников. Но эта информация порадовала Клэйна. Они распространят известие о его появлении гораздо быстрее, чем это мог сделать он.

Он не удивился, когда узнал, что Лилидел уже рассматривает его как опасность более страшную, чем Риссы. Для нее правление было личным обладанием. То, что у нее самой не было представления о том, что нужно делать в этом национальном чрезвычайном положении, ничего не значило. Не считаясь с последствиями, она намеревалась держаться за власть.

Так как восстановление всех связей требовало времени, Клэйн предположил, что у нее будет время на то, чтобы что-то предпринять. Со всей тщательностью, на которую был способен, он взялся за задачу заделать лазейки в своей оборонительной системе.

Для начала он сосредоточился на поселке беженцев.

23

Управляющий делами его имения зарегистрировался за него по закону о беженцах. Управляющий, в свое время бывший высокопоставленным лицом в Марсианском правительстве, доложил, что во время регистрации, более года тому назад, он не заметил ничего необычного в том, как обращались с его бумагами. Картина, которую он дал о том, как оперативно организованные комиссии чиновников, была типичной и для других районов, где был введен тот же самый закон — при невезении Лилидел — и это весьма удовлетворило Клэйна.

Из-за площади его имения ему определили триста семей, всего тысяча девяносто четыре человека. Это был поселок, полный странных людей. Когда на следующий день он вышел, чтобы взглянуть на них, Клэйну показалось, что он никогда не видел такой пестрой толпы. Порасспросив, он обнаружил, что ему приписали жителей какой-то части одной улицы. На первый взгляд, это выглядело справедливо и казалось обозначало, что с его фермой поступили так же объективно, как и с другими. Здесь была полная квота людей: разумных и глупых, длинных и коротких, толстых и худых, умных и тупых — обыкновенных среди населения любого города.

Клэйн решил так этого не оставлять. Чтобы убить одного или больше человек, требуется только один убийца. Такому человеку нужна будет только одна возможность, или подвернувшаяся случайно, или подстроенная. Убить было слишком просто, и ни один мужчина, ни одна женщина в истории никогда не оправлялась от такого несчастья.

Он сосредоточил на этой проблеме половину своих агентов и медленно, пока проходили дни и приходили доклады, пришел к мысли, что он дал им задание, которое никогда не могло быть удовлетворительно выполнено.

Он поручил собрать досье на каждую семью и в каждое досье подготовленные служащие вносили поступаю-

щую информацию о членах семьи. Стало очевидно, что часть истории жизни каждого человека была недоступна.

В своей решительности проникнуть в эту темноту он организовал газету с объявлениями, полную болтовни о том, что происходило в прошлом членов группы. С ростом нового поселка его агенты, взяв роль дружелюбных репортеров, расспрашивали каждого взрослого и каждого ребенка старше десяти лет под предлогом сбора информации для бюллетеня. Некоторые из агентов считали, что возрастная граница слишком низка, но Клэйн настаивал. История Линна, особенно более древних времен, была полна примеров отважного поведения очень юных людей в критические времена.

Он надеялся на то, что он сможет изолировать убийцу. В ответах и вопросах он искал колебание и нежелание. Он хотел выявить скромного, неуверенного в себе беженца как человека, у которого были были, возможно, кровожадные причины для утайки информации.

Как оказалось, агенты внесли в число подозреваемых семнадцать мужчин и девять женщин. Клэйн велел их арестовать и отослать в более отдаленный район.

И все равно он был неудовлетворен.

— Не то, чтобы я, — грустно сказал он Маделине, — отказываюсь от утверждения, что люди должны возвыситься над собой в этом кризисе. Но несколько нежелающих действовать совместно могут вызвать беду.

Она нежно похлопала его по руке.

— Как же ты всегда переживаешь.

Она была стройной прямой девушкой сейчас, с тонким, чувственным лицом. Вся сила ее чувств осталось прежней, но теперь она была направлена на мужа и ребенка. Она внезапно импульсивно обняла его.

— Бедняжка, тебе приходится думать о таких многих вещах.

Этот день также прошел без происшествий. Через своих агентов Клэйн следил за каждым горизонтом человеческой деятельности. Сообщения из Голомба, где находилось правительство, раз и навсегда лишили его желания сотрудничать с группой Лилидел.

Невероятный Каладж вновь занялся своими развлечениями. Люди и звери снова умирали на арене на потеху

двора. Ночью правительственные здания превращались в театры и танцевальные залы. Часто весельчаки еще забавлялись, когда служащие приходили утром, чтобы начать работу. Лорд-советник проявил интерес к армии. Тысячи людей подвергались муштре, так чтобы они могли формировать построения, выстраивающие фразы типа «Народ Любит Каладжа».

Выше в горах появилась вторая экспедиция Риссов. Высаживались тысячи чудовищ. Чиннар, доложивший об этом, прислал и призыв:

«Ваше Превосходительство,

Как вы собираетесь изгнать их из Солнечной системы, если у вас нет даже контроля над Линном?

Пожалуйста, примите меры без промедления».

Клэйн ответил, что он готовит служащих для первого этапа захвата рычагов управления. Он подчеркнул, что это сложная задача.

«Руководителю, — писал он, — приходится работать с людьми. Это ограничивает все его действия и определяет его судьбу. Вы должны знать лучше, чем большинство людей о том, что попытаться переступить такие препятствия уже препятствие. Я думаю о том, чтобы призвать людей исполнить свой долг перед расой и пренебречь такими вещами как, кто будет боссом, а кто будет подчиняться. Я все еще надеюсь, что у нас все же будет такое стихийное желание к сотрудничеству на благо всех, которого не видели поколения.

В настоящий момент, несмотря на риск, я с каждым шагом продвигаюсь вперед. Согласен с вами, что это существенно, чтобы у меня был контроль над государством на несколько лет».

Не успел он отправить это послание, как один из охранников в патрульной машине совершил вынужденную посадку в саду и доложил, что приближается двадцать линнских космических кораблей.

Когда он говорил об этом, темные формы огромных судов уже вырастали вдали.

24

Они вошли четырьмя рядами по пять в каждом и сели на землю примерно в четырех с половиной милях от дома. Они приземлились таким образом, что их люки смотрели в сторону от имения. Некоторое время шла какая-то деятельность, которую Клэйн не мог видеть. Он догадался, что идет высадка войск.

Но сколько было людей, решить было трудно. В космических сражениях эти большие машины перевозили только двести офицеров и солдат. Но в таких коротких поездках как эта, можно было перевозить и полторы, и две тысячи на корабль.

Скоро стало ясно, что действительно здесь было задействовано большое количество людей, потому что в течение часа сотни групп их карабкались за холм и, окружая, стали охватывать имение.

Клэйн с тяжелым чувством наблюдал за ними сквозь систему наблюдения Риссов. Одно дело обладать оборонительной системой, которая могла убить каждого из приближающихся сейчас. И другое дело убить их на самом деле.

Возможность того, что ему, может быть, придется сделать это, снова вызвала у него его старый гнев. Он мрачно подумал, заслуживает ли человеческая раса того, чтобы сохраниться навсегда. Как и в прошлом, он ответил удовлетворительно, и поэтому ничего не оставалось, как принять приближающуюся армию.

Как молекулярные лучи, так и резонаторы были установлены таким образом, чтобы на расстоянии двух миль направить их страшную реакцию на все суда, на которые они не были настроены.

Он подлетел к этой границе, взяв с собой систему громкоговорителей. Он установил спасательное судно Риссов на курс, проходивший как раз посередине линии смерти. На расстоянии сотни ярдов он не был полностью

недосягаем для хорошего лучника, но металлические стенки машины обеспечивали достаточную безопасность.

Ближайшие от него люди находились сейчас почти в двухстах ярдах. Клэйн громко дал первое предупреждение. Четким, механическим голосом он обозначил линию смерти, указав деревья, кусты и другие вехи, которые образовывали границу. Он настойчиво предлагал находившимся в пределах слышимости передать предупреждение солдатам дальше.

Закончил он это первое настойчивое предупреждение словами:

— Испытайте это. Пошлите животных и посмотрите результат.

Он не ждал их реакции, а полетел, чтобы и другие группы получили тоже такое же предупреждение. Повернув назад, он увидел, что оно остановило их примерно в пятидесяти ярдах от разделяющей линии. Шли совещания. Наконец посыльные в небольших быстроходных кораблях полетели от группы к группе. Клэйн, довольный, посадил машину и стал ждать. Последовала еще одна заминка в действиях групп солдат, а затем небольшой патрульный корабль приземлился в ближайшую группу. Из него вылез Трагген и встал с мегафоном в руках. Он двинулся было вперед, но, должно быть, он знал о предупреждениях, так как остановился, не пройдя и десяти ярдов. Подняв мегафон, он закричал:

— Лорд-советник Каладж, который лично командует этими войсками, приказывает вам немедленно сдаться.

Клэйну было интересно, что насколько можно было охватить глазами, нигде не было видно никого, кто хотя бы отдаленно напоминал лорда-советника. Он сказал:

— Скажите его превосходительству, лорду-советнику, что его дядя хотел бы поговорить с ним.

Трагген холодно сказал:

— Его превосходительство не разговаривает с теми, кто находится вне закона.

Клэйн быстро спросил:

— Меня объявили вне закона?

Трагген колебался. Клэйн не стал ждать, пока он ответит.

Он сообщил:

— Пожалуйста, передайте его превосходительству, лорду Каладжу, что, если он не выйдет поговорить со мной, я поеду вдоль этой границы и буду рассказывать правду о нем солдатам.

Клэйн сделал паузу с кривой улыбкой.

— Я забыл, — сказал он, — вы ведь не можете сказать ему этого, не так ли? Лучше скажем так. Скажите ему, что я угрожаю пролететь вдоль линии и сказать «неправду» о нем солдатам.

Он закончил:

— Я дам ему всего десять минут, так что вам лучше поторопиться.

Трагген поколебался, а затем повернулся и пошел к своей машине. Она поднялась от земли и улетела назад в сторону хребта более чем в двух милях от «места». Клэйн и не собирался следить за тем, как она приземлится.

Он пролетел взад-вперед перед солдатами, останавливаясь перед каждой группой, рассказывая о себе грубые шутки.

Анализируя популярность определенных офицеров во время войны с варварами, он предположил тогда, что ни один офицер на самом деле не мог быть любим просто сам по себе — средний солдат просто не имел возможности узнать о настоящем характере их командира.

Значит, это должно было быть что-то другое. Он наблюдал и слушал и, наконец, выбрал ряд грубых острот, которые высмеивали власть. Просто рассказывая одну или две из них, он изменил отношение к себе у большинства солдат, слышавших его ободрения. Согласно докладам, его стали считать славным малым. Он им не был, но это не имело значения. Так называемый юмор был волшебным ключом к их доброй воле.

Гражданские, естественно, требовали другого отношения — факт, который старые солдаты иногда забывали.

Вопрос состоял в том, будут ли эти люди, которые были с Джеррином на планетах, которые мало, а то и ничего не знали о том, что сделал лорд Клэйн Линн против Чиннара, и которые сейчас, как предполагалось, должны были схватить его, будут они так же смеяться над его шутками?

Они смеялись, почти все до одного. Целые группы тряслись от хохота. Несколько офицеров пытались строго остановить их, но их голоса потонули в толпе. По истечении десяти минут Клэйн вернулся к месту своей первоначальной остановки, удовлетворенный тем, что он сделал, что мог, чтобы обратить людей на свою сторону.

Какую пользу это принесет, вопрос другой.

Он забыл про это, ибо увидел приближающуюся длинную, странную и удивительную процессию.

Первыми подошли десятки ярких раскрашенных патрульных машин. В полете они кружили по спирали, словно в хорошо организованном пиротехническом представлении. На последнем вираже они элегантно заняли позицию прямо напротив Клэйна. Это было мастерски, даже блестяще сделано, так что только когда они застыли, он понял, что в их новой позиции прочитывалось одно слово. Слово это было «КАЛАДЖ».

И вот появилась самая удивительная машина из всех — большой, с открытой палубой патрульный корабль. Это было пиршество цветов. Немного витиеватое, возможно, немного не в тон и, пожалуй, чересчур величественное для своей цели — Клэйн предположил, что его целью было оттенить лорда-советника.

Эта была ошибка со стороны Каладжа. Он был почти незаметен. Он избрал яркую форму, которая довольно хорошо сливалась с цветами. Красная куртка могла бы быть композицией из гвоздик или роз, или любого из должных цветов. К желто-голубым полосатым брюкам хорошо подходил почти десяток похожим образом окрашенных цветочных украшений.

Казалось ясным, что новый лорд-советник уже достиг того опасного для себя окружения, где никто не осмеливался давать ему совета.

Пока Клэйн наблюдал, красочно-яркое чудище корабля село на землю. Другие суда приземлились вокруг и, наконец, вперед выступил Трагген с микрофоном.

— Его превосходительство лорд Каладж лично приказывает вам сдаться.

Фарс должен был продолжаться.

Клэйн ответил достаточно громко, чтоб слышал Каладж:

— Скажите ребенку в цветочном ящике, что я хочу поговорить с ним.

Когда Трагген нерешительно повернулся к цветочному кораблю, Клэйн увидел, что Каладж взял мегафон. Через мгновение его пронзительный голос приказал стоящим вблизи солдатам идти вперед и схватить Клэйна.

— Не бойтесь, — смело закончил Каладж, — единственная его сила — это гипноз, и вам не нужно беспокоиться. У меня здесь для него клетка. Заприте его внутрь и принесите ко мне.

Клэйн мрачно улыбнулся про себя. Каладж, очевидно, объяснил себе, почему он был так раболепен в последний раз, когда он и его дядя встретились.

Гипноз. Это был простой способ скрыть слабость.

Клэйн подождал реакции на приказ мальчишки.

И солдаты, и их офицеры, казалось были в неуверенности. Не было проявлений решительности и стремительности, рвения показать главнокомандующему, что здесь были люди, готовые и желающие умереть за него. Офицеры тоскливо смотрели на Траггена, но если они ожидали, что он им поможет, они ошибались. Трагген выхватил свой мегафон и закричал в него:

— Вы подчинитесь командам вашего лорда-советника или впоследствии пожалеете.

Это вызвало движение. Дюжина солдат с одним офицером во главе побежала к цветному кораблю и вытащила оттуда клетку. Молниеносно подлетело какое-то патрульное судно и клетку водрузили на борт. Люди взобрались через поручни, и корабль ринулся к Клэйну.

Когда он достиг границы смерти, вырвался клуб пламени. Там, где только что было судно, на землю медленно оседало облако пепла.

— Следующий! — неумолимо сказал Клэйн.

Последовала пауза, а затем сердитый крик Каладжа.

— Гипноз, — заорал он очередной группе людей. — Не обращайте внимания, идите и возьмите его.

Люди в нерешительности попятились, но их офицеры, казалось, каким-то странным образом приняли объяснение Каладжа. Взбешенные, они приказывали своим людям садиться в патрульные суда и, будучи линнскими офицерами, забрались внутрь с ними. Какая бы слепота ни

поразила их, это не имело ничего общего с недостатком отваги.

На этот раз два судна вышли вперед и были также мгновенно уничтожены.

Через свой громкоговоритель Клэйн проговорил в тишину:

— Трагген, атомные боги будут продолжать защищать меня от всех атак. Если вы хотите сохранить свой легион, попытайтесь убедить его превосходительство, что я не управляю всей этой трагедией. Я просто могу предупредить вас, что боги сами защитят меня от того, что вы и он, и все глупцы, которые привели его к власти, захотите сделать против меня. Берегитесь!

Каладж, должно быть, услышал, потому что завопил:

— Армия будет наступать одной группой. Мы развеем гипнотические штучки этого предателя.

Эта команда привела Клэйна в уныние. Он-то надеялся, что даже этот мальчишка поймет тщетность дальнейших атак. Но, очевидно, он ждал слишком многого. Теперь выбирать между Каладжем и армией приходилось ему. Если он будет вынужден убить этого юнца, последствия будут непредсказуемы. Это может серьезно замедлить действие схемы, которую он установил себе для захвата власти.

В настоящий момент оставалась одна возможность.

Он устроился за пультом управления оружия спасательного судна Риссов. Отработанными движениями опытного мастера он привел наводящее устройство в действие.

Пена голубого пламени прожгла траву рядом с украшенным цветами судном Каладжа.

В микрофон он насмешливо позвал:

— Ваше превосходительство, это похоже на гипноз, когда это так близко?

Трава горела. Даже с того места, откуда смотрел Клэйн, земля казалась расплавленной.

На цветочном корабле Каладж встал и лениво подошел к краю своего судна и взглянул вниз на языки пламени. Затем поднял свой мегафон.

— Нужно лишь посмотреть на них, — сказал он, — и они исчезают, — голос его поднялся. — Атаковать предателя!

Это был довольно изумительный блеф. Каким-то образом из глубины своего смятения мальчишка вычерпнул внешнее проявление уверенности, без чего не мог обойтись ни один предводитель, если он надеялся управлять боевой армией.

Клэйн тщательно прицелился.

Бок судна перед Каладжем сверкал жадным огнем. Жар, должно быть, был ужасный, потому что оба пилота выкатились со своих кресел и нырнули через передний борт корабля. Одежда их дымилась.

Каладж съежился, но с места не тронулся. Клэйн был потрясен. Таяла его надежда на легкое решение; и вот уже отвага лорда-советника достигла эффекта. Если бы Каладж сейчас был убит, то могло бы считаться, будто он погиб смертью героя.

Клэйн поколебался. Следующий шаг должен быть решительным. Если он прицелится даже на несколько футов слишком близко, Каладж либо погибнет, либо будет тяжело ранен.

Клэйн сказал в микрофон:

— Каладж, я предлагаю вам побыстрее решить, что это не гипноз, и сказать, что дальнейшие действия должны подождать до изучения ситуации.

Предложение было, к счастью, сказано в нужное время. Огонь распространялся. Впереди и с боков большинство цветов уже горели и пламя уже прочно охватило то, что должно было быть деревянной палубой. Порыв дыма поглотил Каладжа, и в нем, очевидно, был жар, так как он отступил на несколько футов и закашлял, как любой человек, глотнувший дыма вместо воздуха.

Потом он совершил ошибку, закрыв рот платком.

И это, казалось, убедило его, что его блеф не может больше продолжаться.

С удивительным достоинством он перегнулся через борт, отойдя от огня, и надменным знаком подозвал Траггена.

Последовало краткое совещание, после которого Каладж забрался в один из цветных патрульных кораблей, которые его сопровождали. Машина взлетела и направилась к отдаленной линии космических кораблей. Трагген подозвал командиров ближайших групп, и последовало

новое совещание, после которого офицеры присоединились к своим подразделениям.

Армия начала отходить. Примерно через полтора часа не было видно ни одного человека. Как раз перед сумерками поднялся первый корабль. За ним один за другим последовали остальные. В сгущающейся темноте было трудно определить, когда отошел последний корабль. Но одно казалось ясным. Сражение закончилось.

Он думал, что проблема Лилидел и Каладжа на этом закончилась. Но когда он добрался до дома, его ждало страшное несчастье. Во внутренний дворик только что вкатили носилки.

На них лежала мертвая Маделина.

25

В своей смерти она походила на спящую молодую девушку, волосы слегка растрепаны, вялое тело, руки безвольны.

Клэйн глянул на нее и почувствовал, будто часть из его собственной жизни выходит из него. Но голос его был ровным, когда он спросил:

— Как это случилось?

— В поселке беженцев, полчаса назад.

Клэйн хмуро задумался, и лишь через несколько секунд его поразила причина замешательства. Он сказал:

— Но что она там делала?

— Пришло какое-то сообщение с приглашением для нее навестить новорожденного.

— О-о! — произнес Клэйн. И хотя голос продолжал ему еще что-то говорить, некоторое время он лично ничего не слышал.

Он тоскливо думал: «Конечно, именно так».

Мать Маделина, щедрая хозяйка имения — во все эти роли Маделина направляла свою эмоциональную натуру. А проницательная Лилидел, наблюдающая издалека глазами и ушами своих шпионов, увидела потенциальные возможности. Прямая атака, чтобы отвлечь «его» внима-

ние, и если это не сработает, то она хотя бы нанесет один смертельный удар. Или возможно атака на него была идеей Каладжа, а Лилидел просто использовала эту возможность.

До него вновь дошел голос докладывающего командира охраны.

— Ваше превосходительство, — говорил офицер, — она настаивала на том, чтобы пойти. Мы приняли все меры предосторожности. Охрана зашла в дом и нашла там женщину, мужа и младенца. Когда Маделина вошла в спальную, мать ребенка сказала: «Разве вам нужно, чтобы все эти солдаты находились здесь?» Леди Маделина сразу же выслала охрану во внешнюю комнату и закрыла дверь. Ее должно быть закололи в тот момент, когда закрылась дверь, потому что она не издала ни звука. Она умерла, не зная этого.

— А убийца? — вяло спросил Клэйн.

— Мы заподозрили неладное меньше, чем через минуту. Несколько наших солдат выломали дверь. Другие побежали на улицу. Убийцы были очень умелы. Муж исчез в задней части дома, где находился патрульный корабль. Женщина, должно быть, выбралась из окна. Они пропали из виду до того, как мы смогли найти еще один корабль или добраться до одного из наших. Преследование сейчас продолжается, но я буду удивлен, если оно будет успешным.

Клэйн тоже в этом сомневался.

— Их уже опознали?

— Нет еще. Но они, должно быть, беженцы, засланные в поселок как раз с этой целью.

Он велел вырыть могилу на холме, где был похоронен Джоквин, его давно умерший учитель. На надгробии была вырезана эпитафия:

МАДЕЛИНА КОРГЕЙ ЛИНН
Любимая жена Клэйна и мать Брейдена.

После похорон он долго сидел на траве рядом с могилой и впервые подумал о собственной ответственности за это убийство. Он мог бы принять больше мер предосторожности.

Он оставил это, потому что было бесплодно. Один человек мог сделать лишь то, что в его силах. Его окончательный вывод был прост. Он вернулся в Линн со всеми его страшными интригами. Несмотря на все его искусство, Лилидел и Каладж успешно поймали его на свою старую уловку. Они сделали это накануне его попытки взять власть. Ничего не оставалось делать, как только доводить этот план до конца.

Лорд Клэйн Линн разместил свой штаб в одном поселке, который располагался в миле от окраин Голомба, города, где укрылось правительство. Его офис размещался в большом одноэтажном доме, который удобно стоял в стороне от грязной дороги. Вокруг дома росли высокие деревья, и под ними были быстро разбиты палатки. Огромный сарай за домом был достаточно просторен, чтобы вместить многочисленный флот небольших кораблей.

По другую сторону дороги находился многоэтажный постоялый двор, размещавший более сотни людей.

Клэйн организовал круглосуточное патрулирование на спасательных судах Риссов. Своей ужасной огненной мощью они господствовали на всех подходах к поселку.

Охрана патрулировала по полям и дорогам. Служащие в больших количествах стали прибывать в первый же день, и с каждым днем их становилось все больше. В основном они были из его собственного имения, но некоторых наняли на месте. Ко второму дню он организовал резерв из сотни посыльных кораблей и был готов начать работу.

С самого начала он не допустил буквально ни одной ошибки в расчетах. Его огромный опыт очень пригодился ему. Решения он принимал безошибочно и почти автоматически, не задумываясь.

Физически дела обстояли не так хорошо. У него была постоянная усталость.

Он не обращал внимание на эти симптомы. Он силой принуждал себя к длительным усилиям.

И в этот второй день он написал одно письмо, и отправил сотню его копий по планете людям, которые были всегда его главными сторонниками. Слова его были дружескими, но твердыми. Он предложил всем, находящимся на руководящих постах, предоставлять ему копии

любых докладов, которые они делали для правительства, и передавать ему все официальные распоряжения или документы, которые они, в свою очередь, получали.

Его письмо не содержало прямого намека, что он узурпирует функции правительства, но подтекст, должно быть, был ясен. В течение нескольких часов из ближайших провинций стали прибывать ответные послания. Почти три четверти ответов были утверждением безусловной преданности. Остальные приняли такое же отношение, но более осторожно.

Незадолго до наступления ночи в тот же день несколько десятков известнейших людей лично пришли поздравить его с действием и поклясться, что будут поддерживать его до смерти.

С каждым часом возбуждение и напряжение нарастали. Клэйн лег спать поздно и хотя почти мгновенно заснул, ему снились странные, ужасные сны его детства. Всю эту долгую ночь он беспокойно метался и ворочался. А утром проснулся с таким ощущением, будто не спал вовсе. Он появился из своей спальни, чувствуя себя измученным, даже когда начался долгий день.

Он обнаружил, что послания шли непрерывным потоком все ночные часы. Это были из более отдаленных районов. По их числу Клэйну показалось, что каждый человек, которому он написал, дал добрый совет десяткам других сторонников на своей территории. К середине утра поток посланий говорил уже о необходимости занять часть постоялого двора и спешно направлять сюда служащих из его имения.

Клэйн ел свой обед с чувством победы. С того места, где он сидел в окне гостиничного ресторана, он видел, как приходили и уходили люди, как перешедшие на его сторону прогулочные корабли низко летали над деревьями. Казалось, что каждую минуту садилась или взлетала какая-нибудь машина.

Тут и там поспешно строились времянки, тогда как умелые администраторы принимали все необходимые меры, чтобы приноровиться к системе его действий.

Вскоре после обеда Клэйн послал свое второе письмо, на этот раз губернаторам, правительственным чиновникам и важным особам, которые раньше его не поддерживали.

Это письмо было составлено уже по-другому. Холодно, кратко он извещал получателей о местонахождении своего штаба. Он закончил свою записку указанием: «Примите, пожалуйста, к сведению, что копии всех документов, которые вы предоставляете Каладжу, в будущем должны посылаться мне. Также вы будете высылать любое сообщение или документ, которые получите от правительства Каладжа после того, как сначала сделаете копию для своих досье».

Скрытый смысл этого письма не сможет остаться не замеченным проницательными людьми. Сотни осторожных людей рассмотрят ситуацию и будут действовать согласно своим личным интересам и убеждениям. Реакция была потрясающей. В течение двух часов стали прибывать не только послания, но и сами люди. Патроны, губернаторы, военачальники, штабные офицеры, правительственные чиновники — всю последующую часть дня и весь вечер небольшой штаб Клэйна был битком набит людьми, готовыми продемонстрировать свою лояльность сейчас, когда они были уверены, что был кто-то, кому ее можно продемонстрировать.

В эту ночь Клэйн пошел спать еще более утомленный, чем в предыдущие дни с момента смерти Маделины. Но вопрос, сомнение, которое было в его голове столько лет, был разрешен.

Он высек искру, затронул жизненные струны, и люди ответили — как он и надеялся.

Пора. О, ну в самом деле пора.

Для человеческой расы было четверть двенадцатого.

И все-таки они ответили. Он спал напряженно. И проснулся удивляясь, достанет ли у него сил сделать десять тысяч вещей, которые еще нужно было сделать. Через несколько скоротечных лет все эти люди должны научиться принимать свою великую роль в звездной вселенной.

Шествие новых сторонников через его кабинет возобновилось вскоре после рассвета. Так как люди все прибывали, один знаменитый Патрон предложил Клэйну перенести свой штаб в Голомб в правительственное здание более подходящего размера.

— Так будет легче, — настаивал он. — Там уже установлена связь между департаментами.

Клэйн согласился и объявил, что переедет на следующий день.

После полудня напряжение несколько спало. Служащие открывали офис с единственной целью: принять новых людей и определить их обязанности. Это была задача, которую Клэйн до этого выполнял почти без посторонней помощи.

Он стал получать сообщения о замешательстве Лилидел по поводу того, как люди из правительства исчезали из своих служебных помещений. Когда же у нее возникло первое подозрение об истинном положении, Клэйн не обнаружил. Однако он не слишком удивился, когда на пятое утро она явилась лично, менее чем за час до того, как он был готов переехать в Голомб.

Человек, который доложил о ней, цинично сказал, так чтобы она слышала:

— Ваше превосходительство, какая-то женщина, утверждающая, что она ваша невестка, хочет с вами встретиться.

Это было жестокое замечание, особенно потому, что человек, произнесший его, заявил о своей преданности ему только вчера.

— Пришлите ее сюда, — все что сказал Клэйн.

В женщине, которая пошатываясь вошла в кабинет, лишь с трудом можно было узнать Лилидел. Лицо ее все было покрыто пятнами. Глаза были широко открыты, слишком широко, а кожа вокруг них была обесцвечена, словно она провела бессонную ночь. Она была то в ярости, то в ужасе.

— Ты сумасшедший! — взвизгнула она. — Как ты смеешь пытаться свергнуть законное правительство.

Эта фраза рассмешила его. Она и Каладж были «законным правительством». Это все, о чем она могла думать. И лишь после того, как ее убедили сесть, она достаточно успокоилась, чтобы Клэйн открыл ей правду. Она слушала его слова с явным страхом человека, которого приговорили к смерти.

Клэйн мягко объяснил, что во время кризиса правительства падают, потому что не могут себе помочь.

— Иногда, — продолжал он, — когда слабый правитель не очень вмешивается в правление квалифицирован-

ных подчиненных, его правительство может пережить небольшую бурю, но во время национальной опасности правительство, которое не отвечает требованиям, рушится, как карточный домик.

К концу его объяснения она, должно быть, перестала слушать, потому что снова закричала о том, что она собирается сделать с предателями.

— Я приказала Траггену всех их казнить, — сказала она голосом, дрожащим от бешенства.

Клэйн покачал головой и тихо сказал:

— Я тоже послал приказ Траггену сегодня утром. Я приказал ему привезти сегодня Каладжа сюда, ко мне, живым. Посмотрим, какому приказу он подчинится.

Лилидел уставилась на него. Затем она удивленно тряхнула головой и пробормотала:

— Но мы «законное» правительство.

Следующий ее поступок показал, каков, как она думала, будет выбор Траггена. Глаза ее закрылись. Голова опустилась. Она медленно повалилась на пол к ногам Клэйна.

Каладж, когда его ввели под вечер, был нагл. Он сел в кресло. Откинулся назад. Сказал:

— Боги все еще любят меня, дядя?

Клэйн был изумлен. Он уже наблюдал ограниченное развитие прежде. Это показывало, как люди реагируют на новое окружение. Почти три года Каладж был лордом-советником. За исключением разве что Лилидел, люди, которые поставили его к власти, все рассчитывали использовать наивного юнца в своих собственных целях. Как они жестоко ошиблись.

Клэйн не тратил время на юное чудовище. Он уже отослал Лилидел в дом отдыха, который он содержал в отдаленной провинции. Теперь, с эскортом, он отослал туда и Каладжа.

Работе, которую нужно было делать, казалось, не было границ. Поступающие доклады, даже сокращенные для него, требовали времени для прочтения и понимания. Постепенно однако, даже когда он все больше уставал, проявлялась общая картина.

Из всего, что он смог собрать, выходило, что первый этап вторжения Риссов закончился. Прибытие нового полчища колонистов показывало, что начинается второй этап. Он будет беспощадным. Удар будет нанесен на каждое крупное сообщество. Кораблям с резонаторами достаточно лишь пролететь низко над землей, и люди будут погибать миллионами.

А потому — атаковать Риссов.

Но он застудил грудь и никак не мог вылечиться. Чувствуя себя хуже, чем он хотел себе в том признаться, Клэйн направился в свое имение. Там он приготовился к простому, как он намеревался, отдыху.

Это оказалось худшим из того, что он мог сделать. Он постоянно кашлял и давился мокротой. Голова раскалывалась настолько, что он едва мог думать. Временами зрение его настолько затуманивалось, что он мог видеть лишь с огромным трудом.

Стало невозможно удерживать твердую пищу. Он был вынужден перейти на диету только из жидкостей. Вечером второго дня, больной, как никогда в жизни, он лег спать.

Он был все еще убежден, что все, что ему было нужно — это отдых.

«В конце концов, — неуверенно сказал себе Клэйн, — это смешно».

Было утро третьего дня, проведенного в постели. Сквозь открытое окно он слышал звуки работающих в саду людей. Дважды за вот уже несколько минут мелодичный смех какой-то женщины прозвенел в тихом, приятном воздухе.

Глаза его болели, тело то бросало в жар, то знобило. Ему уже было все равно, что с ним. У него было смутное чувство,что он совершил ошибку, вернувшись в имение; «Солнечная Звезда» было лучшим убежищем. Лучше оборудована, больше подготовленных химиков. Что-нибудь для него бы сделали.

Эта мысль никогда не приобретала четкую форму. Просто нечто такое, что он мог бы сделать. Все, что он мог сделать сейчас, это выдержать до конца.

Промелькнула мысль: «Беда в том, я никогда прежде не болел. У меня нет опыта. Я не представлял, что болезнь ослабляет разум».

Он слабо пошевелился, лежа в постели. «Нужно поправиться, — убеждал он себя, — я единственный, кто может прогнать Риссов с Земли. Умри я...» — но он не смел думать об этом.

С кривой усмешкой он нарисовал себе картину, как презренный мутант поднялся до величайшей должности в империи Линна. И в час победы над смертельным врагом... свалился в постель. Вот он, беспомощный от болезни более мощной, чем любая власть, которой он мог когда-либо обладать. И победа ускользала, испаряясь вместе с ним.

Покачав головой, сильно удрученный, он повернулся на бок и заснул.

Ему снилось, будто он ребенок, ему четыре года, он стоит в саду центрального Дворца времен лорда-правителя Линна. И что за ним гонятся другие дети. В этом кошмаре, единственная его надежда была на то, чтобы он смог управлять шаром энергии прежде, чем они смогут схватить его.

Шар, символ огромной силы, почти божественный шар.

Даже во сне он знал, что оба шара, тот, который вернул ему Чиннар, и тот, который они взяли у маленьких людей, были далеко от имения. И тем не менее все равно он старался взять шар под свой контроль. Его мозг, казалось, был не в состоянии сформировать мысль-сигнал.

Мальчишки были уже близко. Оглянувшись, он мог увидеть их сверкающие глаза, их открытые жадно рты. Даже их дикие крики доплывали до него через годы и отзывались в его мозгу со всей прежней силой.

А затем, как раз когда их растопыренные руки уже хватали его, как раз когда им уже овладело полное отчаяние, он произнес вслух сигнальное слово для шара.

Он проснулся в испарине от страха, но почти мгновенно снова заснул. И снова за ним гнались мальчишки. Он понял, просто, что ошибся, когда пытался сказать сигнальное слово. То, что он действительно хотел, это добраться до черного ящика, в котором обычно хранился шар.

Он дотянулся до него и в радостном экстазе стал забираться в него. Он знал — каким-то образом он знал — если он заползет внутрь, то мальчишки его не заметят. Он спрятался, вжался глубоко в ящик — он был глубже, чем это ему вспомнилось — и погружался в темноту, когда отчетливо подумал:

«Что я здесь делаю? Куда это ведет меня?»

Долгое время он размышлял над тем, что за этим кроется. А затем очень медленно и болезненно он сдвинул покрывала в сторону. Он сел, его слегка тошнило, но он был тверд.

«Болен или нет, — подумал он, — я встаю».

Он пойдет на «Солнечную Звезду». В огромных химических лабораториях корабля, во время долгого путешествия он нашел время смешать некоторые из лекарств, описанные в каких-то старых медицинских книгах, которые он нашел. Он испробовал их на явно умиравших, затем осторожно на больных. Некоторые из них были удивительно эффективны против респираторных заболеваний.

В комнату вошла сестра. Он взглянул на нее затуманенными глазами.

— Моя одежда, — пробормотал он, — принесите мою одежду.

— Ваше превосходительство, — она волновалась, — вам нельзя. Вы больны. Вы должны лечь в постель.

Она не ждала ответа. Она поспешила из комнаты. Через минуту в комнату вбежал врач. Он бросился к постели, и Клэйн почувствовал, как его без сопротивления положили в постель на спину. На тело натянули простыни.

Он запротестовал с минутным жаром.

— Доктор, мне нужна моя одежда. Мне нужно на корабль. — Его голос угас до почти беззвучного шепота.

Над ним расплывчатая фигура врача повернулась к расплывчатой фигуре сестры.

— Корабль, — сказал он. — Что он хочет сделать? Отправиться в бой?

Последовала пауза. Затем доктор снова заговорил.

— Сестра, пригласите остальных женщин и дайте ему холодную ванну. Я полагаю ему нужен шок.

Вода ощущалась смутно. Он принял это ощущение пассивно, но подумал с долей насмешки:

«Я пойман здесь. Я не могу убежать. Они будут следить за мной круглые сутки. Они знают все маленькие хитрости инвалида. И каким-то образом в этот час мой ранг не значит ничего».

Он не помнил, как его перенесли обратно в кровать, но он вдруг снова оказался под простынями. Сейчас они казались более тяжелыми, словно был добавлен дополнительный вес. Он с интересом подумал, что они, вероятно, старались удержать его простым грузом одеял. Над ним одна из сестер сказала:

— Он спит. Это хорошо. Я думаю ему будет лучше, когда он проснется.

Его ощущения были не похожи на сон. Не было это и сновидением. Казалось, что он стоял на зеленой лужайке и интересно, что Маделина была рядом с ним, улыбаясь и говоря:

— Я буду тебе полезной. Тебе нужен кто-то, как я.

Он вспомнил это со слабой улыбкой. Его улыбка сошла, и он повернулся к Джеррину:

— Боюсь, это значит, что Чиннар — следующий лорд-правитель. Линны уходят. Вся борьба была впустую...

Далеко кто-то сказал:

— Патронату порекомендовали, и для управления империей создан Совет Девяти.

Он был один на зеленой лужайке, расхаживающий на свежем воздухе, глубоко дыша. Впереди был какой-то лес, с тенями под деревьями. Какие-то фигурки порхали от ствола к стволу. Он, казалось, узнал их, и тем не менее он не мог решить, кто они.

Он подошел к краю леса, поколебался, а затем, осознавая, что Маделина рядом, прошел дальше в тень.

Он проснулся и открыл глаза.

Было так, словно даль была перекрыта и фактические глубины исчезали. Он почувствовал расслабление и легкость. Зрение было ясным, тело прохладным и удобным. Клэйн повернул голову.

Чиннар, осунувшийся, с ввалившимися щеками сидел в глубоком кресле рядом с кроватью. Вид его встряхнул

память Клэйна. Он вспомнил, что лекарства были принесены ему с корабля.

Он лежал в кровати, выздоравливающий, но ослабевший. И он сказал Чиннару:

— Сколько на это ушло?

— Восемнадцать дней.

Варвар изнуренно улыбнулся.

— Нам пришлось пробиваться сюда, — сказал он. — Когда я услышал, что вы умираете, я послал ультиматум вашему врачу. Когда он не ответил, я спустился с тремя вашими обученными фармацевтами и армией. Так как все ваши резонаторы были с корабля и настроены на нас, мы просто вошли.

Он замолчал.

— Как получилось, что у вас здесь такой тупой невежда? После всей этой медицинской работы, которую вы провели на корабле, возвратиться сюда.

Клэйн извиняющимся тоном сказал:

— Я забыл, что он здесь. Я был так занят, когда мы вернулись. Кроме того, я был болен, и мне не хватало здравого смысла.

Его поразила одна мысль. Он уставился на Чиннара, более четко поняв смысл присутствия варвара. Вот здесь был вождь, приученный к кровавой тактике. И тем не менее он бескорыстно пришел помочь своему главному сопернику за власть в Солнечной системе.

Чиннар, казалось, понял его мысли.

— Ваше превосходительство, — сказал он мрачно, — восемнадцать дней я дежурю возле вашей кровати, потому что мой ответ на проблему Риссов не лучше, чем у всех дураков Линна там. — Он махнул рукой и продолжил: — Это кажется невероятным, но человеческая раса может быть спасена только одним человеком, а как он надеется это сделать, я даже не могу себе представить.

Он помолчал. Каким-то странным образом он выглядел таким напряженным, что Клэйн был наэлектризован. Варвар мрачно кивнул.

— Вы правильно догадываетесь, — сказал он, — идет война с Риссами. И уже сейчас все старые планы сопротивления, которые у меня были, начинают походить на глупость больного мозга.

Он замолчал.

— Шесть дней, — сказал он просто, — сотни боевых кораблей Риссов атакуют человеческие поселения любых размеров. Я даже не мог оценить для вас все потери. Мужчины, женщины и дети умирают в агониях. Без всякого сомнения, это похоже на второй и последний этап.

Еще раз его тон изменился.

— Ваше превосходительство, — указал он сурово, — мы должны уничтожить эти чудовища до последнего.

— Нет! — сказал Клэйн.

Он медленно привстал в кровати, чувствуя свою слабость. Но глаза его твердо встретили налитый кровью взгляд собеседника.

— Чиннар, — сказал он, — завтра утром мы сбросим нарисованный ультиматум, дающий Риссам месяц, чтобы уйти из Солнечной системы и принять идею раздела как постоянную политику.

— А если они откажутся? — в голосе варвара слышалось явное сомнение. Он протестующе добавил: — Ваше превосходительство, через один месяц пятьдесят миллионов людей будут...

Клэйн продолжал, словно не слышал:

— Начиная, примерно через два дня с этого времени, мы начинаем повсюду разрушать их силы и их цивилизацию. Точное время зависит от того, как скоро я смогу встать.

Он помотал Чиннару головой.

— Не тревожьтесь. Я еще никогда не чувствовал себя более в своем уме, чем сейчас. Я готов, я наконец-то в состоянии. Говорю вам, друг мой, я вижу вещи, которые ни один человек или мозг никогда прежде не видел. Все предварительные испытания проведены, хотя мне еще нужно сделать несколько специальных электронных фотографий.

— А потом что?

— По крайней мере, откроется какая-то часть глубочайшего знания материи и энергии.

28.

Целую минуту после того, как он вошел, Клэйна не замечали. Он воспользовался этой возможностью осмотреть всех присутствующих.

Это была... ассамблея, собравшаяся здесь в огромной физической лаборатории на борту величественного — прежде Рисского, сейчас Линнского — боевого корабля «Солнечная Звезда». Присутствующие Ученые Храма смотрелись ярко и чисто в своих белых парадных одеждах. Правительственные чиновники также были поразительно хорошо одеты; это была верхушка, и, разумеется, у них был доступ к материалам.

Из всех гостей самым потрепанным выглядело крупное дворянство. Их имения были поистине захвачены толпами беженцев, и за время этого кризиса стало уже обычной практикой поддерживать вид равного лишения. Почему-то, как наблюдал Клэйн во время вторжения варваров, это в равной степени удовлетворяло безземельных, безденежных и безмозглых.

Неожиданно люди увидели его. Гул разговоров стих. Лорд Клэйн поколебался еще секунду, а затем прошел через кордон солдат, которые должны были защищать ряд машин от любопытных посетителей. Он включил питание микроскопа и камеру с универсальным питанием и другие приборы, которые будут задействованы. Затем он повернулся к гостям, последние из которых рассаживались в креслах.

Клэйн знаком пригласил носильщиков вынести шар и его контейнер. Когда его установили под одной из более сверкающих машин, он нажал кнопку. В шар, когда он прокатился, вошла телевизионная камера, затем она двинулась вперед и назад совершенно синхронно с шаром.

Он выбросил руку к еще одному переключателю; свет погас. С потолка спустился огромный экран. На нем появилась звездная вселенная. Клэйн указал на слабо мерцающий шар справа от экрана, катающийся взад-вперед.

— Картина, на которую все сейчас смотрели, находится внутри него, — сказал он.

Идея, должно быть, была слишком нова, чтобы они могли понять ее. Или, возможно, они отвергли его объяснения, даже когда он закончил говорить. Никто не казался удивленным, что было ненормально.

Он подождал, пока эта сияющая масса звезд не пришла в равновесие. А затем, просто представив это так, привел всю массу в движение мимо камеры. Сначала движение было невидимым. А затем какое-то сияющее солнце пронеслось в их сторону. Оно выросло до огромных размеров, потом быстро заскользило мимо. Какая-то планета невероятно близко коснулась экрана и величественно покатилась ближе. Вдали был виден какой-то спутник. Клэйн назвал их.

— Наша Земля и наша Луна, — сказал он, — а то было наше Солнце. Давайте введем их в комнату, хорошо?

Он не рассчитывал, что они это поймут. Отклонив камеру, он подождал, пока не погас экран, и на мгновение задумался. Из аудитории донесся коллективный вздох изумления. Сверкнув, показался какой-то сияющий белый шар около трех дюймов в диаметре, который и прошел под окуляром микроскопа. В комнате внезапно стало так же светло, как днем.

Клэйн сказал в мертвой тишине, которая последовала за вздохом:

— Хотя это трудно понять — это наше Солнце. Хотя их невозможно видеть невооруженным глазом, все планеты находятся с ним. Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер и так далее.

Он подождал, и какой-то человек произнес неестественным напряженным голосом:

— Но как это возможно? Мы сидим здесь, в корабле, в нескольких милях над Землей.

Клэйн не ответил. Потому, что это была одна из основных тайн пространственно-временного континуума. Риссы выделили какой-то любопытный продукт в их «защитном» устройстве с его резонирующим потоком энергии, который моментально войдет в каждое пространственно-временное поле.

Но здесь в шаре и его побочных продуктах должен быть ответ более точный и окончательный, чем любой другой, о котором когда-либо мечтали.

Рациональная космология? Конечно, впервые в истории жизни люди глядели в сокровенные значения вещей. Что появилось раньше: мысль о Вселенной или сама Вселенная? Ответ должен быть сложно вплетен в саму природу вещей. Размер, скорость, пространство, место — все находится в понимании, не в действительности. Мертвый ничего из этого не осознает. Живой может вглядеться на миллиард световых лет в темноту, на галактики, стремительно уходящие в еще большие «дали». Но он не может легко приспособиться к четырехмерному восприятию, что даст ему возможность постичь целую вселенную как мгновенную мысль в собственном мозгу. У нее не было бы другой величины, кроме существующей в его же оценке, другой скорости, кроме как относительно самого себя.

— А сейчас, — Клэйн повернулся, — у нас здесь есть Земля размером с пылинку. Это довольно большой размер. С помощью микроскопа мы сможем увеличить ее в сотни миллионов раз. Это даст нам на рассмотрение огромное тело, которое мы можем надеяться увидеть по небольшим сегментам.

Он чувствовал на себе десятки глаз, когда склонился над прибором. Сделав необходимую настройку, он выпрямился и сказал:

— Я установил в эту машину инфра-иглу, которую я могу описать вам, только дав несколько ничего не значащих цифр. Риссы использовали их, чтобы пронзать предметы в одну десятимиллионную миллиметра. Я использую ее так, как можно использовать нож.

Он сделал паузу, чтобы дать возможность таинственным словам дойти до людей. Затем сказал:

— Теперь я поставлю наше крошечное Солнце и его планеты в положение, где микроскоп можно сфокусировать на Землю.

Он посмотрел в окуляр прибора. Не отрываясь от него, он сказал:

— Я могу видеть под собой Землю. Впечатления вращения нет, и тем не менее скорость оборота должна быть

двадцать тысяч в секунду. Это будет пропорционально ее размерам. Я еще не высчитал его, потому как то, что я намереваюсь сделать, будет зависеть от автоматического механизма. Впечатление, что за секунду проходят тысячи дней по двадцать четыре часа, только кажущееся. Между нами и этой Землей существует неразрывная связь. Расчет времени будет точным.

Он продолжал:

— Вы можете спросить, как я могу надеяться увидеть что-нибудь на предмете, вращающемся с такой страшной скоростью. Особенно, если он делает тридцать оборотов вокруг Солнца каждую «секунду». Мой ответ в том, что Риссы снабдили нас всеми необходимыми автоматическими средствами. Это вопрос синхронизации, невозможный для человеческого разума, но простой для путей энергии. Я немного попрактиковался на Луне вчера, чтобы убедиться, что эта теория правильна.

Он выпрямился, поднял стопку фотографий и передал их ближайшему зрителю.

— Передавайте дальше, — сказал он.

Он не обращал внимания на охи и ахи, которые начались почти сразу же. Вернувшись к возвышающемуся микрофону, он возобновил объяснения.

— Скорость почти или вообще не имеет значения, когда действуют эти реле. Эта камера Риссов делает миллионы снимков в секунду. Снимки не фотографируются на пленку, а хранятся в трубке. А то как они могут использоваться, происходит примерно следующим образом. Вчера, как вы, вероятно, помните, мы посещали горные города и наблюдали их один за другим с безопасного расстояния. Вот чего вы не знаете, так это то, что я сделал фотографии каждого и поместил их в эту трубу.

Пока он говорил, он все время смотрел в окуляр. Вот он снова выпрямился.

— Вот сейчас камера делает снимки Земли, каждый раз, когда она проходит под ней. Когда я ставлю этот рычаг на место, она делает снимки только того района этого крошечного глобуса, который по структуре соответствует одной из сделанных мною вчера фотографий городов, управляемых Риссами.

Он надавил на рычаг.

Между сверкающим Солнцем и аудиторией бесшумно выдвинулась ширма, сильно приглушившая свет экрана. На экране было какое-то яркое пятно.

— А, я вижу резкость не совсем настроена, — сказал Клэйн.

Он еще что-то настроил. Результат показался мгновенно. Яркое пятно на экране на экране стало четким и превратилось в город в горах.

Какой-то низкий голос произнес:

— Да это же Денра.

И все равно, он понял по их слабой реакции, что у них не было представления о том, что сейчас произойдет. Это было не удивительно; он вынужден был признать это. Они были свидетелями координации наук Риссов и человека на ее высшем уровне — и у них просто не было достаточной подготовки и знаний, чтобы ухватить грандиозность того, что должно было произойти.

Не колеблясь, он продолжал:

— Следующий шаг — это синхронизировать нашу проникающую «иглу». Пожалуйста, поймите все вы, что когда ее применяют против Земли размером с пылинку, протыкание «точки» диаметром в одну десятимиллионную миллиметра может быть гибельным. Приборы должны быть настроены соответственно таким образом, чтобы нанести лишь поверхностный удар.

На экране город Денра исчез в облаке пыли. Часть горы была словно выдолблена каким-то громадным молотком на глубину около мили.

— Прелесть этого, — сказал Клэйн ровным, не испытывающим раскаяния голосом, — в том, что здесь нет радиоактивности и нет возможных контратак. Так вот мы, очевидно, не станем уничтожать наши собственные города, если не будем вынуждены это сделать, даже если в настоящее время они и заняты Риссами. Я думаю: нам следует дать захватчикам шанс обдумать происшедшее, пока мы переключимся на другой город, на этот раз не на Земле, а на планете Риссов, которую посетила «Солнечная Звезда». Пока мы были там, я сделал необходимые фотографии, потому что даже тогда мои мысли шли где-то в этом направлении.

Потребовалось около минуты, чтобы вынести это солнце и его планеты из шара под универсальным микроскопом.

Клэйн сказал:

— Как вы знаете, наши условия переданы. Чтобы рассказать все это, мы использовали серию картинок. Мы требуем сдачи полевых боевых кораблей, которые пришли в Солнечную систему, совместной работы в нашей галактической мирной программе — куда входит совместное развитие всех вновь открытых пригодных для обитания планет, и частичный раздел многих уже населенных миров. Межзвездный телевизионный механизм, переведенный со второго корабля, который мы захватили, находится на борту и действует — к сожалению, сам второй корабль все еще в неисправности. Пока что мы не получили никакого ответа на наш ультиматум. Потому возникает необходимость убедить упрямого противника на части его собственной территории в том, что ему придется сотрудничать или погибнуть.

Он коснулся какой-то кнопки, и город Риссов на экране рассыпался, словно был сделан из порошка. Удар, казалось, был более сильным, чем первый, потому что не только город был раздавлен, но и огромная гора за ним разорвалась, как кусок ткани.

— Сейчас я настрою на еще более глубокий удар, — сказал Клэйн. — По той причине, что мы «сфотографировали» города, занятые Риссами только на Земле и на одной планете Риссов, на которой мы были. Любые удары, которые мы наносим по другим планета Риссов, отмеченным на захваченных звездных картах, придется нанести «влет», то есть без помощи предварительных «фотографий». Я думаю, мы всегда можем ударить по горному району радиусом в сто миль.

Несмотря на его волю и спокойствие, голос его дрогнул. Он должен ударить достаточно сильно, так, чтобы почувствовался эффект — аудитория была в мертвой тишине, но они вероятно не могли, как он, понять огромные масштабы происходящего. Приручалась Вселенная. Человек больше никогда не будет выглядывать на звезды и чувствовать себя маленьким и незначительным. Пространство и время оставались, как всегда, восхитительно

грациозными, но занавес все же поднимался. Дни, когда сама таинственность и размеры потрясали умы тех, кто смотрел, не прошли. Однако... все это уже никогда не будет по-прежнему.

Клэйн скрыл свой трепет, взяв дополнительное время для подготовки к следующему удару. Наконец, почувствовав, что он снова овладел собой, он сказал:

— Мне представляется, что им понадобится какое-то время, чтобы принять горькую действительность своего поражения. Нам просто придется продолжать наказывать их до тех пор, пока они не дадут нам сигнал, что они готовы обсуждать условия.

Прошло четыре часа, прежде чем поступил этот сигнал.

Прошел год. Идя рядом с Чиннаром, Клэйн сказал:

— Все равно она кажется мне странной.

Они оба, Клэйн в будничной мантии священника, а Чиннар в форме рядового варварской армии — привычная картина вокруг Линна в те дни — медленно подошли к недавно законченной колонне победы.

Клэйн внимательно осмотрел ее. Она стояла на огромной площади перед Центральным Дворцом. За ее строительство проголосовал Патронат, и она состояла из огромного мраморного куба, на вершине которого была создана сложная сцена. Человек в мантии ученого храма стоял, расставив ноги, на двух планетах. Высоко над головой он держал третью планету. Он стоял на цыпочках, словно дотягиваясь к чему-то. Повсюду у его ног были другие планеты и звездообразные объекты.

Мантия в отличие от всего, что Клэйн когда-либо носил, была ярко-золотой по цвету. Она сияла на полуденном солнце. Лицом фигура поразительно походила на Клэйна, но тело было непропорционально громадным по сравнению с остальной частью статуи. Там возвышался великан.

Клэйн обернулся к Чиннару, чтобы сказать что-то, и увидел, что тот наблюдал за какой-то парой, которая остановилась в нескольких футах от них.

— Посмотри сюда, — сказал мужчина женщине, — здесь написано «Спаситель расы». Что придумают наши правящие силы в следующий раз?

Женщина сказала:

— А ты уверен, что это член правящей семьи? А-а, вот там имя, — она шевельнула губами, словно читала его про себя. Затем сказала. — Клэйн Линн. Это который? — они отошли в направлении дворца.

Клэйн сухо сказал:

— Такова слава.

Он увидел, что Чиннар улыбается. Великий человек улыбался.

— Мир большой, — сказал он. — Зачем им знать ваше имя или как вы выглядите? Они не видели, что вы делали. Может, когда у нас телевидение будет шире распространено, тогда вас, может, будут узнавать на каждом углу.

Клэйн сказал:

— Я не спорю. Много ли я сам думаю о великих людях прошлого? Разделить это на десять — вот и будет мое истинное положение в деле славы. — Он добавил: — Это хорошо, что люди забывают своих героев и своих богов. Если бы не забывали, для новорожденных жизнь была бы по-настоящему серой.

Чиннар сказал:

— Жаль, что я не смог быть здесь во время открытия. Давайте сядем на минутку.

Он знаком пригласил Клэйна к одной из тяжелых каменных скамеек. Вскоре прошла группа смеющихся девушек. Они даже не взглянули ни на колонну, ни на двух мужчин, сидящих под нею.

Два молодых человека с палитрами и мольбертами разложили свои принадлежности и сели на скамейки через аллею перед монументом. Они начали рисовать.

— Что мне в ней нравится, — сказал один, — это то, как она вырисовывается на фоне неба. Если я смогу правильно затушевать ее на переднем плане, то думаю я смогу сделать чудесную картину.

— Это отвратительная работа, — сказал другой, — но картины скульптур довольно хорошо идут. Когда появляется какая-нибудь новая, важно быть первым. Если я смогу разместить дюжину копий в лучшие магазины, то у меня будут заказы на сотни.

Они снова умолкли. Через несколько минут второй из них подошел к Клэйну и Чиннару.

— Я пробую нарисовать эту скульптуру, — сказал он, — а вы оба, сидя на этой скамейке, ничего в нее не вносите. Если вы не против, я бы хотел, чтобы вы оба встали и подняли правые руки, словно вы отдаете дань герою. Уверяю вас, на это не уйдет много времени. Я работаю быстро, и смогу набросать ваши портреты за несколько минут.

Должно быть, он неправильно истолковал выражение лица Клэйна, потому что пожал плечами и сказал:

— Если не хотите, то, может быть, вы не против перейти на те другие скамейки.

Чиннар бросил ироничный взгляд на лорда-правителя Линна, затем поднялся. Он сказал:

— Сомневаюсь, чтобы мой друг стал позировать именно перед этой статуей, но я буду очень счастлив сделать это так, как вы предложили.

— Спасибо, — сказал художник.

И пошел к своему мольберту.

ПОИСК БУДУЩЕГО

Пролог.

Время — великое неизменяемое, но неизменяемость — это не просто одинаковость. Время там, где ты находишься. Оно никогда не бывает одинаковым где-нибудь в другом месте. Звездный луч проходит в атмосферу. Он несет изображение из семисот тысяч лет в прошлом. Электрон несет изображение из пятидесяти, ста и больше лет в будущем. Звезды — мир предельно огромный, — всегда находятся в прошлом. Мир безмерно и все же предельно малый — всегда в будущем.

Это — строгость Вселенной. Это тайна времени.

1

Сто делегатов съезда производителей электронного оборудования, посетивших сеанс, медленно двигались к выходу. Были здесь и несколько жен, и голоса их сливались с более низкими мужскими голосами. Звуки быстро угасали, исчезая в пространстве отеля, но сеньор дель Кортейя, неожиданно оторвавшись от своего занятия, увидел, что он все еще не один.

Он продолжал сматывать ленту, затем уложил ее в коробку и начал убирать проектор. Искоса он пристально следил за оставшимся. Наконец, закончив, он повернулся и сказал:

— Вы хотите поговорить со мной, сеньор?

Крупный мужчина помялся, затем подошел ближе. Он был высок, плотен, лет сорока, с карими глазами и скудной шевелюрой.

— Интересную картину вы нам сегодня показали.

Кортейя улыбнулся, принимая это за комплимент.

— Вам понравилось, сеньор?

Мужчина снова помялся и спросил:

— Где вы ее взяли?

Кортейя пожал плечами. Вот уж эти прямолинейные американцы. Неужели он считает, что он, Кортейя, раскроет свою коммерческую тайну? Именно это он и сказал:

— Вы думаете, сеньор, что я дурак. Вдруг вы решите открыть такое же дело. Может, у вас много денег — я разорюсь, когда вы будете сбивать цены.

Незнакомец засмеялся. Но вытащил визитную карточку и протянул ее Кортейя. Тот прочел:

УОЛТЕР ДОРМАН
президент
электронной компании Америки.

Посмотрев карточку, Кортейя вернул ее владельцу. Дорман пристально посмотрел на него. Когда он наконец заговорил, в его голосе звучали нотки недоверия.

— Вы все еще не верите, что я не охочусь за вашими тайниками?

Кортейя снова пожал плечами.

— Что вы хотите узнать, сеньор?

— Про фильм.

Кортейя пренебрежительно махнул рукой.

— Десятиминутная лента о новинках.

— Весьма неплохо сделано, если хотите знать мое мнение.

— Весь мир знает, сеньор, что Голливуд великолепен.

— Голливуд еще ни разу не делал такую хорошую картину.

Кортейя улыбнулся, словно говоря: «Ну раз вы так говорите...» Затем он впервые мысленно вернулся к картине, которую только что показал. Он не мог ее вспомнить четко. Обычно он наблюдал за аудиторией, а не смотрел фильм. Тем не менее он вспомнил, что в картине речь шла о какой-то автоматической электроплите, которой требовались лишь соответствующие ингредиенты, и она их перемешает, приготовит и в соответствующее время выдаст совершенно свежее горячее блюдо. Две недели назад он уже показывал этот фильм собранию диетологов и зал от души смеялся над несуществующим аппаратом.

Кортейя сказал:

— Сеньор, я беру ленты в нескольких фильмотеках. Откуда они их получают, я не знаю. Все, что я делаю — это просматриваю их каталоги и заказываю фильмы, когда мне нужно.

Он пожал плечами.

— Вот и все.

— У вас были какие-нибудь наподобие этого?

— Да, несколько. Я не могу припомнить.

— И они все из одной фильмотеки?

Настойчивость Дормана начала утомлять.

— Я действительно не помню, сеньор. Для меня все это обычный бизнес.

— У вас сейчас есть подобные фильмы?

— Здесь? Нет.

— Я имею в виду ваш офис.

Кортейя поскучнел. Он был простым, честным человеком, который, случалось, мог и приврать, но уж если начал врать, то должен и продолжать. Начав же с правды, он не мог остановиться.

— Завтра на обеде в Аэроклубе, — сказал он мрачно, — я показываю фильм о путешествии на одну из планет. Если судить по каталогу, очень интересный.

— Я понимаю, что прошу очень много, но не могли бы вы отвезти меня в свой офис и показать мне эту картину сейчас?

— Сеньор... моя жена... она ждет меня дома.

Дорман ничего не сказал. Вытащив бумажник, он достал двадцатидолларовую банкноту. Как он и ожидал, тонкая рука его собеседника деликатно — но без робости — приняла деньги.

Потребовалось всего лишь восемь минут, чтобы добраться до офиса Кортейя, и спустя несколько минут проектор уже стрекотал.

Какой-то морской пейзаж разорвал тень облачного, но яркого горизонта. Море было ровным — спокойная гладь воды. Вдруг в этих глубинах возникло какое-то существо. Разорвав гладь моря, оно выпрыгнуло на двадцать, пятьдесят, сто футов. Его неимоверных размеров выпуклая голова и широко разинутая пасть, казалось, коснулась камеры. А затем оно устремилось вниз, все

еще борясь, яростно дотягиваясь до добычи, за которой оно и выпрыгнуло.

Промахнувшись, оно упало в воду с таким гигантским всплеском, что Дорман вздрогнул от испуга. Вплоть до этого момента он с восхищением смотрел, как какое-то — должно быть искусственное — чудовище, механически управляемое откуда-нибудь из моря имитации, в павильоне, создавало иллюзию абсолютной реальности. Но всплеск и самом деле выглядел «настоящим». Через мгновение диктор сказал:

— Это был венерианский кальмар. Эти существа, обитающие в глубинах теплых морей Венеры, выходят на поверхность только в поисках пищи. Наш оператор служил приманкой и соблазнил кальмара напасть на него. Он был, тем не менее, в безопасности, под постоянной защитой электронных устройств.

Дорман криво улыбнулся. Сначала электроплита, которая готовит обеды, а теперь вот поездка на Венеру. Оба фильма — блестящая работа оператора, и — как в этом случае — очень ловко подано, совсем не было ощущения опасности. Столько этих кинопутешествий по реально существующим местам с их загадочностью и тревожностью доводили до тошноты. Он поднялся, интерес его почти совсем пропал. Лишь на какой-то момент, когда он наблюдал за действиями у плиты, у него была мысль, что картина — это просто рекламный трюк для конкурента. Фильм же о Венере придал всему надлежащий вид. Он увидел, что Кортейя остановил аппарат. Щелкнул верхний свет.

— Вы узнали все, что хотели?

— Практически.

Молодой человек продолжал перематывать ленту. Тем временем Дорман оглядел небольшую комнату. Впереди была стойка. Проектор стоял у стены на стойке. За стойкой был один стул и небольшой набор полок. Вот и вся мебель. Беленые стены офиса были украшены фотоснимками. На каждом снимке стояло название и цена. Очевидно, для продажи. Никто никогда не пришел бы в такое место, если бы ему раньше об этом не сообщили.

— Что еще, сеньор?

Дорман обернулся. Фильм был уже в коробке, проектор тоже.

— Я бы хотел, чтоб вы проверили, не из одной ли фильмотеки эти картины.

— Из одной, сеньор.

Кортейя не двигался, он улыбался.

— Я посмотрел в коробке, — объяснил он, — когда зашел.

Дорман не уходил. В общем то, почти все было ясно, но он не любил оставлять дело незавершенным. Все проверять и перепроверять — вот его правило, и он не собирался изменять ему. Он достал бумажник и вытащил десятидолларовую банкноту.

— Каталог этой фильмотеки. Я хотел бы взглянуть на него.

Кортейя взглянул на банкноту, полез под стойку и достал несколько папок.

— Они присылают его мне раз в месяц. Здесь за четыре последних месяца.

Списки фильмов-новинок были лишь в двух последних. Дорман пробежал глазами по колонке, улыбка на его губах стала шире. Здесь было несколько фильмов о путешествиях: Венера, путешествие по марсианской пустыне, космическое путешествие на Луну, воздушное путешествие над горами Европы, один из спутников Юпитера, киноосмотр колец Сатурна, спуск на лодке по реке жидкого кислорода на Плутоне и наконец — виды Солнца с каждой из десяти планет солнечной системы.

Дорман быстро просмотрел оставшиеся двадцать или около того фильмов, собранных под одним заголовком. Мгновенно нашел тот, который искал. Запись была следующей: «Увлекательное сообщение об автоматической плите, которая делает все». Он закрыл папку и, помедлив, посмотрел на адрес: Фильмотека Арлей, бульв. Ламонт, Центр.

— Спасибо, — сказал Дорман.

Выйдя на улицу, он сел в машину. Становилось прохладно, он закрыл окно и с минуту сидел, прикуривая сигарету. Затем не спеша поехал назад в отель.

2

Десятью неделями раньше мистер Лестер Арлей, из Фильмотеки Арлей, прочитал первую жалобу, нахмурив свой и без того морщинистый лоб. Письмо было вложено в коробку с фильмами и начиналось так: Уважаемый м-р Арли...

Мистер Арлей сразу же нахмурился. Он не любил когда искажали его имя. В мрачном настроении он продолжал читать дальше:

«Уважаемый м-р Арли!

Звуковой фильм «Волшебство продуктов», присланный Вами, оказался, к сожалению, совершенно не тем, что я ожидал. Ни я, ни зрители не могли ничего понять. Он конечно же не имеет с продуктами ничего общего. Моя программа собрания бакалейщиков потерпела полное фиаско».

Письмо было подписано одним из его лучших клиентов и мистер Арлей, прекрасно помнивший фильм «Волшебство продуктов», пришел в уныние. Это был учебный фильм, одна из тех лент, которые небольшие фирмы, мотели могли брать бесплатно, а затем давать напрокат за небольшую, но выгодную плату. В общем, подходящий фильм для собрания бакалейщиков.

Мистер Арлей хмуро сунул письмо обратно в коробку, а коробку положил на полку с надписью «Просмотреть». Он начал проверять остальные десять коробок с фильмами, которые были возвращены этим утром. Из десяти клиентов четверо жаловались:

— «Это не тот фильм, который мы просили». «Непонятно, зачем вы прислали совершенно не тот фильм». «Это какая-то галиматья». «Ваша шутка погубила наше представление».

В течение нескольких минут мистер Арлей тускло смотрел на письма, а затем, с неожиданным приливом энергии, вытащил одну из лент из коробки. Вставив плен-

ку в проектор и настроив его, он выключил свет и в озадаченном ожидании уставился на экран.

Послышались отдаленные звуки музыки. Музыка приближалась, но чем ближе она была, тем больше в ней было неопределенности. Поющие скрипки играли приятную мелодию, но быстро включалась более резкая тема, трель сомнения. Сомнение все нарастало и нарастало, пока наконец счастливые, безоблачные звуки не были совсем заглушены. Неясно, смутно, почти нестройно играла музыка — и наконец отступила в даль.

Ожил сам экран. По нему расходился цвет, замысловатое, переливающееся движение цвета, так и не принявшее узнаваемый рисунок. Сочные, богатые цвета сгущались и темнели, пока экран почти не стал черным.

Из черноты вышла молодая женщина. Она вышла из тени на свет естественно, легко, непринужденно, что сразу же отметило ее прекрасную фотогеничность. Мистер Арлей ее никогда раньше не видел, но она растянула губы в улыбку, сделала движение пальцами, и он увидел ее яркую индивидуальность.

Беда была в том, что едва появившись, она резко исчезла в круговом облаке темных красок. Она появилась снова и на этот раз она шла по сочно-синему залу в комнату, где у огромного окна сидел и читал газету какой-то молодой человек. Мистер Арлей мельком увидел за окном какой-то город; затем камера сдвинулась к девушке.

Она в нерешительности стояла за мужчиной. Когда она стояла, человеческие детали ее плоти слились в темные цвета, и именно эти цвета в человеческой форме двинулись вперед и очень отчетливо поцеловали молодого человека в губы. Это был долгий поцелуй, и в конце его молодой человек тоже оказался цветным рисунком.

Смешанные краски стали изгибаться и скручиваться. Экран превратился в цветной блеск вихревого света. Он только начал сливаться с возвращающейся музыкой, когда мистер Арлей вышел из замешательства и подставил письмо об этом фильме под яркий луч проектора.

Он прочел: «Это какая-то галиматья!»

Значит, вот этот! Он положил письмо и поднял крышку коробки с надписью «Как управлять птицефермой».

На экране молодая женщина неуверенно шла по улице, оглядываясь на мужчину, который шел чуть позади нее. Мистер Арлей выключил прибор, перемотал ленту и вытащил следующий фильм из коробки. Это был тот самый фильм, о котором клиент писал: «Ваша шутка погубила наше представление».

Он вставил ленту, и вот на экране появилось изображение машины. Очень яркое, чистое изображение, без всякой чепухи, но мистер Лестор Арлей не мог припомнить, чтобы видел эту машину раньше. Сразу это его не встревожило. Мир был полон машин, которых он не видел и, более того, никогда и не хотел видеть. Он подождал, и какой-то тихий баритон сказал:

— Ни один космонавт не будет иметь проблем с ремонтом этого нового космического аппарата.

Мистер Арлей вздохнул и поднес крышку коробки к свету. Надпись была «Как управлять дизельным локомотивом».

Мистеру Арлею стало ясно. Кто-то вернул целый ряд не тех фильмов, а он выслал их в тех же коробках. Еще более неудачным было то, что одновременно пропали не менее пяти подлинных фильмов.

На экране баритон продолжал:

— Теперь поднимайте сам кожух. Так как стандартный вес около восьми тон, необходимо соблюдать осторожность, находясь вблизи от небесного тела...

Мистер Арлей выключил фильм, и когда он закладывал ленту в коробку, пришла мысль: «Что он сказал? Что он сказал?»

Он стоял по-совиному моргая от смятения. Что-то было не так.

Тут его прервали. Внешняя дверь открылась, и вошла молодая женщина. Она была в норковой шубке, на пальцах блестели кольца, щедро усыпанные драгоценными камнями.

— Привет, милый, — сказала она хриплым голосом.

Мистер Арлей — все посторонние мысли улетели из его головы — вышел из-за стойки. Его жена ловко уклонилась от поцелуя, который он намеревался нанести ей в губы.

— У тебя есть какие-нибудь деньги? — спросила она. — Я иду по магазинам.

— Осторожней, Таня. Мы почти на дне.

Он произнес это нежно. Снова пытался поцеловать ее и на этот раз задел щеку. От этих слов она передернула плечами.

— Это все, что я постоянно слышу от тебя, — сказала она мрачно. — Почему ты не зарабатываешь как некоторые?

Мистер Арлей чуть было не сказал, что он зарабатывает. Но воздержался. Иллюзий насчет обладания этой молодой женщиной у него не было. Его дело приносило ему триста — пятьсот долларов в неделю. Не самые большие деньги, но они могли бы соперничать с заработками многих актеров. Они могли получать за неделю и чуть больше, но очень немногие пользовались его услугами все пятьдесят две недели в году. Именно этот доход дал ему возможность три года назад, во время одной из его поездок в Голливуд, жениться на актрисе, снимавшейся в эпизодических ролях, внешне гораздо более привлекательней любой, о которой он смел бы мечтать без денег. С умом же у нее обстояло все наоборот. В известном смысле она было тем выживающим видом, который поразил бы Дарвина. Независимо от вариантов его дохода, она умудрялась тратить его из месяца в месяц. Ее приспосабливаемость иногда изумляла даже такого капитулянта, как мистер Арлей.

Он не представлял себе однако всю глубину влияния, которое она на него оказывала. Все творческие, художественные качества, создавшие ему дело, были заменены полной зависимостью от ее капризов. Он считал себя человеком практичным и абсолютно не подозревал, что удовольствие думать о себе как о «мистере» было всего лишь вознаграждением за несчастье, свалившееся на него в тот день, когда она вошла в его жизнь.

И он никогда не заподозрил бы, что он стал обладателем фильмов, сделанных сто или более лет вперед, в будущем.

Теперь, когда она зашла в офис, он очень хотел задержать ее здесь.

— У меня здесь есть кое-что интересное, тебе может понравиться. Кто-то по ошибке прислал фильм из другой фильмотеки. Довольно любопытно, что-то вроде оптического искажения.

— Нет, дорогой, я спешу...

Слегка сощурившись, она вдруг увидела, что сейчас ему нельзя было отказывать. Время от времени его нужно было подкармливать, что бы он совершенно ничего не подозревал. В конце концов она будет дурой, если позволит этому простаку уйти от нее.

— Хорошо, милый, — прошептала она, — если ты так хочешь...

Он показал ей фильм про мужчину и девушку — с цветными разводами, и в тот момент, когда девушка появилась на экране, понял, что сделал ошибку. Его жена вдруг как-то напряглась, когда показалась эта прекрасная актриса.

— Хм, что за чепуха?

Мистер Арлей не сказал ни слова. Он совсем забыл, что Таня не любила других актрис, в особенности звезд. Просматривая фильм во второй раз, он рассеянно отметил, что причина мрачных тонов заключалась, видимо, в том, что девушка была несчастна в замужестве, а излом и игра красок и цвета были задуманы, чтобы показать ее меняющиеся чувства, эмоции, сомнения и мысли.

«Интересно, — подумал он, — интересно, кто это сделал».

Фильм закончился, и Таня вскочила на ноги.

— Ну, надо бежать. Я возьму по чеку пятьсот долларов, ладно?

— Триста, — сказал мистер Арлей.

— Четыреста, — сказала его жена тоном дружеской уступки.

Итак, четыреста. Когда она ушла, мистер Арлей решил проверить, кто прислал ему эти необычные фильмы. На карточке фильма «Как управлять птицефермой» был список людей, школ, учреждений, которые брали его напрокат. Он молниеносно бросил взгляд в конец списка — Тигенор-Колледж.

Мистер Арлей нахмурился и мысленно изменил формулировку письма, которое он намеревался послать. Ти-

генор-Колледж был одним из лучших его клиентов. И, что самое главное, их ответственный оператор, Питер Кэкстон, преподаватель естествознания, был очень опытным человеком. Невозможно было представить, что он мог быть виноват.

Мистер Арлей быстро проверил карточку еще одного странного фильма. Опять Тигенор-Колледж. То же самое было и с остальными тремя фильмами, возвращенными ему, но не принадлежащими его фильмотеке. Мистер Арлей сел за машинку и написал:

«Уважаемый м-р Кэкстон.

Несколько фильмов, которые вы нам вернули, оказались не из нашей фильмотеки. Пять фильмов...»

Здесь он остановился. Пять? Откуда он знал, что было только пять? Мистер Арлей достал папку с делом Тигенор-Колледж. Папка была толстая. Туда уже иногда подклеивались добавления.

Он быстро взглянул на пятнадцатое название. Осталось еще немногим больше двух недель до возвращения. Это был фильм «Подрезка фруктовых деревьев». Фильм оказался прекрасной фантастической выдумкой, в которой какой-то корабль причудливой формы, кажется, покинул поверхность Земли и полетел на Луну. Виды были очень правдоподобны, а съемки по-голливудски превосходны.

Выключив наконец проектор, мистер Арлей впервые подумал, что кто бы там ни делал эти картины, его стоило представить как следует.

А пока необходимо было заняться делом. Один за другим он прокрутил последние девятнадцать фильмов, которые брал Тигенор. То есть он прокрутил шестнадцать, которые были здесь. Три уже взяли вновь и в свое время, несомненно, он услышит о них.

Из шестнадцати семь были про путешествия. Путешествия были необыкновенные — потрясающая, невероятная работа, сделанная ненормальным. Но так или иначе, это был гений, впервые создавший удивительно правдивый фон для фантастических историй. Среди них был фильм и про Венеру, который Педро дель Кортейя показал через десять дней Дорману. Мистер Арлей смотрел этот фильм оценивающим глазом. Как и ему казалось,

здесь многое можно было сказать по поводу живой демонстрации научных представлений о планетах.

Мистер Арлей уже потерял терпение, когда просмотрел восемь фильмов. Чересчур. Кинопутешествия еще обладали определенной научной ценностью, но фильмы по управлению и ремонту, с их претензией на подробные изложения, злоупотребляли доверием. Атомный двигатель и атомный пистолет, ремонт космического корабля. Управление и уход за «Полетом — О» — индивидуальным аппаратом (комбинация из лямок и металлической трубы), который в фильме поднял человека с земли и перенес по воздуху как Бака Роджерса. Рация в виде обыкновенного браслета, сделанного из некоего «чувствительного» металла. Подробное описание этой «чувствительности» и показ трансформации радиоволн в звук — при помощи ультраатомных пузырьков в металле. Было три довольно забавных фильма о предметах домашнего обихода. Свет из невидимого источника, падающий куда пожелаешь, накачивающиеся ковры и мебель, и наконец, автоматическая плита, которая позже затронет инстинкты Уолтера Дормана. Задолго до того, как просмотр закончился, мистеру Арлею пришла в голову мысль, что аудиторию, которой было бы интересно посмотреть эти фильмы, найти можно. Здесь только было бы важно подчеркнуть аспект новизны, как-то подготовить ее так, чтобы люди готовы были посмеяться.

Было бы здорово установить их источник и самому взять хотя бы немного. Он позвонил в Тигенор-Колледж и спросил Кэкстона. Кэкстон сказал:

— Дорогой мистер Арлей, не может быть, чтобы это была наша вина. Чтобы не путаться с учетом, я взял за правило пользоваться услугами только одной фильмотеки зараз. Последние два месяца мы получали материалы у вас и возвращали вовремя. Может, вам лучше пересмотреть свои дела еще раз.

Его немного покровительственный тон давал достаточно четкое представление о том, что клиент был оскорблен, и мистер Арлей уступил.

— Д-да-да, конечно. Я взгляну на них сам. Мой помощник должно быть... и... э-э....

Мистер Арлей повесил трубку, увидел, что уже около часа и пора обедать. Он проехал по всей Мейн-стрит за тарелкой томатного супа. Возбуждение постепенно спало, и он пришел к мысли, что в общем-то ситуация была несложной. Он потерял двадцать фильмов, но если он осторожно сообщит об этом фирмам, поставившим их ему, возможно, они сразу пришлют новые. А в качестве определенной компенсации за эту нервотрепку у него осталось шестнадцать, возможно девятнадцать фильмов, которые могут довольно успешно пойти.

И они шли. По меньшей мере раз в неделю новинки отправлялись по почте и возвращались обратно. А к тому времени большинство уже ждали заказы на следующую неделю. Мистер Арлей не беспокоился, что подумает настоящий владелец, когда он обнаружит, что происходит. Ни один фильм из фильмотеки не стоил очень много. Владелец, возможно, потребует свой процент, а это мистер Арлей готов был сделать.

На случай, если потребуются отзывы зрителей, мистер Арлей разослал отпечатанные бланки. Они вернулись заполненными как надо. Размер аудитории: сто, двести, семьдесят пять. Состав аудитории: различные торговцы, университетский астрономический кружок, общество физиков, школьники. Реакция аудитории — наиболее часты отзывы: занимательный, интересный, хорошие съемки. Одно общее критическое пожелание — диалог мог быть более юмористическим, смешным, комическим, что более соответствовало бы тематике.

На этом дело не стало. В конце второго месяца у мистера Арлея был еще тридцать один фильм о новинках, и все они были присланы ему Питером Кэкстоном из Тигенор-Колледж.

Две недели спустя, примерно в то время, когда Педро дель Кортейя должен был показать фильм про плиту собранию электронщиков, приблизительно одновременно произошли два события: мистер Арлей поднял плату за прокат примерно на пятьдесят процентов, и Кэкстон прислал ему письмо, которое гласило — «В ваших папках я заметил ссылку на некоторые новинки. Я бы хотел получить один про планеты к следующей среде».

«Сейчас, — подумал мистер Арлей, — сейчас посмотрим».

Коробка вернулась в четверг. Фильм в коробке тоже был о новинках. Но не тот, который он посылал.

3

По пути в Тигенор-Колледж, когда он шел на послеобеденные занятия, Питер Кэкстон остановился у углового магазина и купил пачку сигарет. Как раз напротив входной двери висело большое, в полный рост, зеркало. Войдя в магазин, он ненадолго остановился, чтобы осмотреть себя.

То, что он увидел, ему понравилось. Высок, хорошо одет, лицо чистое, но не слишком юное, лучистые серые глаза. Ухоженный вид подчеркивала и аккуратная серая шляпа. Довольный, он пошел дальше. У Кэкстона не было иллюзий о жизни. Жизнь такова, какой ты ее делаешь. А насколько он мог предвидеть, если он все сделает правильно, он должен стать директором Тигенор-Колледж через два года. Границы времени обойти нельзя. До этого времени старый Варняк не уйдет в отставку, а Кэкстон не видел способа, которым можно было бы ускорить этот процесс.

Тигенор не был супершколой, не было там и баснословных денег, которые некоторые соседние общины давали на образование.

Комната для курения была общей — для мужчин и для женщин. Кэкстон уселся в одно из кресел и быстро затянулся. Он докурил почти до половины, когда зашла мисс Грегг.

Она тепло улыбнулась.

— Привет, Питер, — сказала она. Она многозначительно метнула взгляд в сторону закрытых дверей гардеробных, а затем вновь посмотрела на него.

Кэкстон сказал:

— В мужской никого.

Она открыла дверь в женскую, заглянула внутрь, затем скользящим движением приблизилась к нему и поцеловала его в губы.

— Осторожно, — сказал Кэкстон.

— Сегодня вечером, — сказала она тихо, — в конце парка...

Кэкстон не мог сдержать легкого раздражения.

— Я постараюсь, — сказал он, — но моя жена...

Она нежно шепнула:

— Я буду ждать тебя.

Дверь за ней мягко закрылась. Кэкстон сидел хмурый и встревоженный. Сначала это было приятно — завоевание сердца мисс Грегг. Но после шести месяцев чересчур частых свиданий все это становилось немного утомительным. Она уже дошла до того, что предвкушала, как он каким-то образом заполучит развод, и это каким-то образом не повредит его карьере, и что каким-то образом все образуется. Кэкстон не разделял ни ее страстного желания такой развязки, ни ее смутной убежденности, что не будет никаких последствий.

Мисс Грегг была, как он слишком поздно уяснил, чувствительной дурой. Уже месяц, как он понял, что должен порвать с ней, но пока ему в голову пришел только один способ: ее нужно осторожно убрать из школы. Как? Ответ на это тоже нашелся легко. Пустить слушок про нее и Доррита. Таким образом он мог убить двух зайцев. Доррит был его единственным серьезным соперником на пост директора и, что было самое страшное, он очень хорошо ладил со старым Варняком.

Это будет не очень трудно. Все, кроме мисс Грегг, знали, что Дорриту она безумно нравилась, а Доррит, кажется, не подозревал, что тайна его была известна. Эта ситуация забавляла Кэкстона. Он, женатый человек, увел девушку мечты Доррита. А почему бы не увести из-под его носа, так сказать, заодно и директорство? Надо будет подумать немного над ходами и двигаться с чрезвычайной осторожностью.

Кэкстон задумчиво вмял сигарету в пепельницу, а затем направился в аудиторию. На первом занятии должна быть демонстрация фильма. В самом начале ему было довольно интересно, но было много неважных фильмов.

Кроме того, эти остолопы так ничему и не учились. Однажды он спросил нескольких из самых успевающих учеников, что они узнали из фильма — результат был плачевный. Защитники данного метода, тем не менее, утверждали, что эффект был несомненно, детишки предпочитали это всем другим методам обучения и на прошлой недели школьный совет постановил, что необходимо показывать каждый фильм десятому, а не только одиннадцатому классу.

Это означало, что один раз утром и один раз после обеда ему приходилось управляться с роем подростков в темноте аудитории. Во всяком случае это был последний фильм на сегодня. Фильм шел уже минуту, когда Кэкстон по-настоящему посмотрел на экран. Какое-то мгновение он бессмысленно смотрел, затем выключил проектор, включил свет и спустился из операторской.

— Кто сделал эту глупую шутку? — сердито спросил он.

Никто не отвечал. Девочки были немного напуганы, мальчики напряжены, за исключением нескольких — учительских любимчиков, которые побледнели.

— Кто-то, — кричал Кэкстон, — во-время обеда поменял мне фильм.

Тут он замолчал. Его собственные слова покоробили его. Когда он вылетел из кабины, он даже не помедлил, чтобы оценить смысл происходящего. Сейчас он неожиданно понял. Впервые за свои четыре года в Тигенор он стал жертвой ученической проделки, но повел себя неправильно. С минуту подумав, он мысленно собрался, и положение было спасено.

Кэкстон тяжело сглотнул. Бледная улыбка осветила его напряженное лицо. Он холодно посмотрел вокруг.

— Ну что же, — сказал он, — если вы хотите этого, вы это получите.

На второй день улыбка его была мрачней, и это уже становилось вопросом дисциплины.

— Если это повторится еще раз, мне придется доложить старому Варн... — он остановился. Он хотел сказать «старому Варняку». Вместо этого он закончил как положено, — доложить мистеру Варни.

В офис директора на следующий день вошел потрясенный и озадаченный Кэкстон.

— Но где они берут фильмы для подмены? — беспомощно спросил старик. — В конце концов, они стоят денег.

Этот вопрос не был последним его словом. В четверг, когда фильм опять подменили, он, исполненный сознанием долга, зашел в оба класса и подчеркнул непорядочность их действий. Он также указал на то, что раз за утерянные фильмы придется платить, дело начинает принимать определенный преступный оборот.

Следующий день был пятница, и было очевидно, что учащиеся обговорили эти вопросы, потому что президент каждого из двух классов сделал сообщение, отвергающие подозрение преподавателей.

— Как вы знаете, — заявил один, — учащиеся обычно знают, что у них происходит. Но весь наш класс не знает, кто это. Кто бы ни подменивал фильмы, он действует в одиночку, и мы осуждаем его и отказываем ему в поддержке или сочувствии, которое мы обычно могли бы оказать такому учащемуся.

Эти слова должны были успокоить нервы Кэкстона. Но они имели обратный эффект. Его первоначальное убеждение, что его разыгрывали учащиеся, уже частично уступило место более дикой мысли, и эти выступления просто подбодрили его новое чувство. В этот же день, во время большой перемены, он непредусмотрительно сделал ошибку, высказав свое подозрение директору.

— Если не виноваты учащиеся, тогда должен быть виноват один из учителей. А единственный, кого я знаю, кто ненавидит меня — это Доррит. — И мрачно добавил. — На вашем месте я также расследовал бы отношения между мисс Грегг и Дорритом.

Варни проявил удивительную инициативность. Дело было в том, что старик легко уставал и уже был вымотан всем этим делом. Он вызвал мисс Грегг и Доррита, и, к испугу Кэкстона, повторил обвинения. Мисс Грегг метнула изумленный взгляд на ошеломленного Кэкстона, а затем неподвижно просидела до конца совещания. Доррит был некоторое время был взбешен, затем рассмеялся.

— Эта неделя открыла глаза большинству из нас. — сказал он, — Мы увидели, как Кэкстон сник от убеждения, что коллектив учащихся не любит его. Я всегда считал его законченным неврастеником, а теперь он за пять дней показал, что он даже хуже того, что я представлял. Как и все настоящие неврастеники, он не смог провести даже элементарного расследования перед тем, как предъявлять свои обвинения. Например, первое Я могу это опровергнуть, так как по крайней мере два дня я не мог быть рядом с операторской.

Он продолжал. Во-вторник и среду он лежал больной у себя дома.

— Что касается второго, и самого непростительного обвинения, я только желал бы, чтобы это было правдой, хотя и не в том смысле, какой вкладывает сюда Кэкстон. Я вообще застенчив, когда дело касается женщин, но при данных обстоятельствах я могу сказать, что я давний поклонник мисс Грегг.

Здесь молодая женщина проявила первые неясные признаки интереса. Она искоса взглянула на Доррита, словно видела его в новом свете. Взгляд длился всего лишь мгновение, затем она вернулась к своему напряженному созерцанию стены прямо перед собой. Доррит продолжал:

— Трудно, конечно, опровергать такое обвинение, какое выдвинул мистер Кэкстон, но...

Старый Варняк перебил его:

— Совершенно необязательно продолжать дальше. Я и на минуту не поверил ни в одно слово, и не могу понять, какую цель мог иметь мистер Кэкстон, вводя столь необдуманное обвинение в это злополучное дело с потерянными фильмами. Если ситуация с фильмами не улучшится, я доложу школьному совету на следующей неделе и мы проведем расследование. Все. Всего доброго, джентльмены. Всего доброго, мисс Грегг.

Кэкстон провел беспорядочный день. Он был совершенно уверен, что директор получил удовлетворение из этой ситуации, но ничего нельзя было сделать, только проклинать себя за предоставленную старику возможность избавиться от нежелательного наследника на свою собственную должность. Самое большое замешательство,

однако, не имело ничего общего с Варни. У него было ощущение, что за его спиной что-то происходит. Ощущение оказалось верным.

В понедельник утром все женщины-учителя выказали ему свое пренебрежение, а большинство мужчин были подчеркнуто недружелюбны. Один из них подошел и тихо спросил:

— Как случилось, что вы выдвинули такое обвинение против Грегг и Доррита?

— Я был вне себя от волнения, — жалко сказал Кэкстон. — Я был не в своем уме.

— Конечно, — сказал он. — Грегг рассказала всем женщинам.

«Презренная женщина», — мрачно подумал Кэкстон.

Вслух же закончил:

— Я постараюсь сделать, что смогу, но...

Слишком поздно. В обед женщины всем коллективом вошли в кабинет директора и объявили, что отказываются работать в одной школе с учителем, способным на такую ложь в отношении одной из них. Кэкстон, уже допускавший мелькнувшую мысль о возможности отставки, сейчас стоял перед необходимостью принятия решения. Он написал заявление на перемене, увольнение должно произойти в конце месяца, на следующий уик-энд.

Его поступок внес ясность. Учителя-мужчины стали дружелюбнее, и его собственные мысли медленно и болезненно пришли в порядок. Ко вторнику он думал яростно, но с ясностью: «Эти фильмы! Если бы не эта неразбериха, я бы не потерял голову. Если бы я смог найти, кто это сделал...»

Ему казалось, что полученное в результате удовлетворение почти компенсирует потерю работы. На обед он домой не пошел. Он только сделал вид, что уходит. Быстро вернувшись через задний ход, он поспешил в операторскую и укрылся за экраном.

Он прождал весь перерыв. Ничего не произошло. Никто не пытался открыть замок аудитории. Никто даже не подходил к двери операторской.

А после обеда, когда он включил проектор, фильм был другой.

Утром это был обыкновенный фильм, про ежедневную работу на ферме. После обеда фильм был про сгущение или разбавление человеческой крови, что дает возможность людям быстро приспособиться к изменениям температуры.

Впервые Кэкстон внимательно просмотрел один из этих странных фильмов о новинках, несколько штук он заказал около двух недель назад. Изучил, то есть — разумом и глазами, и изумился. «Кто делает эти картины? — думал он. — Почему они так удивительно полны идей, которые...»

Он вернулся в операторскую после занятий, чтобы посмотреть еще раз. И был потрясен случившимся. Это был другой фильм. Не тот, что был утром. Не тот, что был после обеда. Это был третий фильм, про Солнце. Дрожащими руками Кэкстон перемотал пленку и поставил еще раз. Испарина выступила на лице когда совершенно новый, четвертый фильм, развернулся на экране. Появилось дикое желание броситься вниз, в офис и позвонить Варни. Истерика закончилась сознанием полной безысходности. Директор дал понять, что вопрос с фильмами, возможно, уладится в тот момент, когда Кэкстон уйдет. Утомительная ноша ответственности заставила его цепляться за это убеждение.

— Завтра, — скажет он. — Я просмотрю его завтра.

Дело не могло ждать до завтра, так показалось Кэкстону. Впервые он вспомнил телефонный звонок, более двух месяцев назад, от мистера Арлея из фильмотеки «Арлей». Воспоминание остудило его. Второй порыв в течение нескольких минут — на этот раз позвонить Арлею — угас перед воспоминанием, что он сказал ему. Он был, как он помнит, довольно высокомерен. Лучше позвонить Арлею позже.

Он сел и нервно закурил сигарету. «А может быть все дело в этом самом замечательном приборе двадцатого века? Но если это так, то необходимо заполучить его и сохранить для себя».

Поскольку еще в раннем возрасте он впервые отметил, что если мать не замечала, как он сделал что-то, то она и не жаловалась на это, Питер решил проблему с проектором очень просто.

Он спустился в подвал школы и достал кусок мешковины. Затем снял проектор, надежно его завернул, и отнес в свою машину. Вернувшись, он собрал все фильмы, которые, как он знал, были прокручены на этом проекторе, и тоже унес их в бумажном пакете.

Пусть они обсуждают, что произошло. Исчезновение проектора будет казаться чем-то вроде последней загадки в конце всей неразберихи.

И, конечно, он будет отрицать, что знает хоть какой-то намек на разгадку.

Для особой осторожности он проехал весь путь в город на машине и поставил ее на стоянку, используя вымышленное имя.

Было около семи часов, когда он приехал домой и, естественно, Люси была сердита. Но Кэкстон уже проанализировал, что вся эта школьная история скоро выйдет наружу, так что он уже готовился к отравляющей обстановке, которая, как он не без содрогания представлял, сложится в результате. Однако, он также ожидал, что последующий кошмар даст ему возможность развестись с женщиной, которая состарилась быстрее, чем он.

Невероятно, но его жена подала прошение на развод... Кэкстону это казалось невероятным, потому что он ожидал, что она будет держаться за него, и что ему придется с трудом выходить из этого брака.

Он был свободен и мог вести свой фантастический поиск.

Первым делом Кэкстон хотел найти корпорацию Квик-Фото, чьей фирме он сам заказывал проектор для школы несколько месяцев назад. У этого, бывшего в употреблении аппарата, практично купленного им по низкой цене, — один из многих поступков, который должен был показать, каким он будет экономным директором, — несомненно, была своя история.

Это должен быть верный след.

4

Больничная кровать под ним была жесткой. Какой-то момент Кэкстону казалось, что именно это беспокоит его. Он повернулся в более удобное положение и понял, что это вовсе не физическое состояние. Это что-то в его мозге, чувство пустоты, возникшее с того времени, когда они сказали ему число.

Через некоторое время, показавшееся очень долгим, дверь открылась и вошли двое мужчин и сестра. Один из мужчин сказал сердечным голосом:

— Ну, как вы, Кэкстон? Очень жаль, что вы в таком положении.

Человек был полноват и на вид очень общителен. Кэкстон принял его энергичное рукопожатие, полежал некоторое время очень тихо, а затем позволил задать несколько неловкий, но очень важный вопрос.

— Извините, — проговорил он сдержанно, — мы знакомы?

— Я — Брайсон, управляющий из Квик-Фото. Некоторое время назад я принял вас на работу и назначил агентом по торговле. И вот узнаю, что вас нашли без сознания в канаве, а из больницы сообщили, что вы здесь. Они выяснили где вы работаете по документам, которые обнаружили у вас.

Кэкстон кивнул. Правда, он был разочарован, так как надеялся, что чей-либо приход заполнит пробел в его памяти. Оказалось, нет. Наконец, он сказал:

— Последнее, что я помню, это решение попросить место в вашей фирме. Очевидно, в этот момент что-то случилось с моей головой и...

Он остановился. От мысли, что это могло быть как-то связано с его поиском происхождения проектора, у него расширились глаза. Испытывая какое-то неприятное ощущение, он медленно произнес:

— Очевидно, у меня потеря памяти.

Он заметил, что на него пристально смотрит врач, пришедший с Брайсоном. Кэкстон выдавил из себя слабую улыбку.

— Думаю, все в порядке, док. Что мне не ясно, так это то, что же я делал все эти две недели. Все время лежу и напрягаю мозги. Где-то в подсознании что-то есть, но не могу вспомнить, что.

Доктор улыбался.

— Я рад, что вы так это воспринимаете. Беспокоиться не о чем, правда. А что касается того, что вы делали все это время — уверяю вас, по нашему опыту мы знаем, что жертва амнезии обычно ведет нормальный образ жизни. Наиболее часты случаи, когда человек выбирает новый род занятий. Вы не сделали даже этого.

Он замолчал, а Брайсон добродушно сказал:

— Я могу прояснить для вас вашу первую неделю. Пару дней вы просматривали наш ассортимент и проверяли источники поступления. Потом сказали мне, что ребенком некоторое время жили между Уорвиком и Кисслингом. И что хотели бы, чтобы это был ваш первый маршрут. Я и направил вас туда.

Это была первая настоящая информация — и Кэкстон с трудом сдержался. Раз он там никогда не жил, то «это» должно быть то место, но которое его вывел проектор... Он обнаружил, что Брайсон продолжал.

— Мы получили от вас заказы из пяти городов, но вы так и не добрались до Кисслинга. Может это поможет вам... Нет? — он пожал плечами — Ну ничего. Как только поправитесь, приходите. Сейчас, когда всюду столько электроники, я очень рад, что у нас появился специалист. Я как раз разбираюсь с некоторыми представительствами, и рассчитываю на вас. Здесь есть возможность заработать гораздо больше, поэтому поправляйтесь скорее.

Кэкстон сказал:

— Я хотел бы получить сейчас ту же самую территорию, если возможно.

Брайсон кивнул.

— Конечно, вопрос только в том, чтобы закончить все, что вы пропустили, а затем двигаться дальше по основному пути. А для других представительств потребуется

не много времени. Так что маршрут на Кисслинг — ваш. Я полагаю, вы хотите разузнать, что с вами произошло.

— Это именно то, что я и хотел. Своего рода поиск памяти.

Он грустно улыбнулся. «Должно быть, я что-то нашел... и это был «настоящий» поиск», — подумал он.

Его коснулся страх. Он отогнал его, и сказал:

— Я хочу поблагодарить вас за то, что вы пришли.

— Все нормально. Пока.

Брайсон тепло пожал руку, и Кэкстон проводил его взглядом.

5

Через два дня Кэкстон сошел с поезда на станции Уорвик и стоял, щурясь на яркое утреннее солнце. Первое разочарование уже наступило. Он-то рассчитывал, что вид кучки домов, вырисовывающихся на фоне холмов, вернет ему память.

Совершенно очевидно, что его разум не отозвался на них никакими воспоминаниями о том, что он сделал и увидел шестнадцать дней назад Кэкстон озадаченно покачал головой. «Кто-то знал меня, — подумал он. — Кто-то меня должно быть видел. Я разговаривал с торговцами, коммивояжерами, проводниками, администраторами гостиниц. Я всегда умел напускать на себя вид общительного человека».

— Привет, Кэкстон, старина, — услышал он веселый голос сзади, — У тебя такой вид, словно ты думаешь о похоронах.

Кэкстон обернулся и увидел довольно стройного молодого человека, смуглолицего, темноволосого, лет тридцати. Вид у него был, как у хрупкого человека, пронесшего очень много ящиков и коробок. Он должно быть заметил что-то в глазах Кэкстона, потому что быстро спросил:

— Ты же меня помнишь, да? Билл Келли. — Он легко засмеялся. — Кстати, послушай, у меня с тобой счеты.

Что ты сделал с той девушкой, Селани? Я уже дважды проезжал Пиффер Роуд с тех пор, как видел тебя в последний раз, и оба раза ее не было. Она... — Он замолчал и вдруг пристально посмотрел на него. — Послушай, ты же помнишь меня, да?

Кэкстон вышел из огромного внутреннего напряжения и по выражению лица Келли понял, что пора было объясниться. Он и объяснил, сказав в конце:

— Так что видишь, я в довольно трудном положении. Может быть, если ты не против, ты мог бы прояснить то, что произошло, когда я был с тобой. Кто эта девушка, Селани?

— Ну конечно, — сказал Келли, — конечно я... — Он замолчал и нахмурился. — А ты меня не разыгрываешь? — Он махнул рукой. — Хорошо, хорошо, верно. У нас еще полчаса до поезда. Амнезия, да? Я слышал об этом, но — послушай, а ты не думаешь, что старик мог иметь какое-то отношение к... — он кулаком ударил себя по ладони. — Точно, так и есть!

— Старина! — сказал Кэкстон. Он перебил себя, закончив твердо. — Так что это за история?

...Поезд притормозил. В полосатом окне Кэкстон мог видеть холмистую долину с пятнами зеленых деревьев и мерцающей, извивающейся нитью воды. Затем показались несколько домов, полдюжины запасных путей и наконец — начало деревянной платформы.

Высокая, стройная, симпатичная девушка прошла мимо окна с корзиной. За спиной Кэкстона коммивояжер, севший на поезд на предыдущей станции, и с которым он беседовал, сказал:

— А, вот и Селани. Интересно, что она сегодня продает.

Кэкстон откинулся назад, мысль его медленно зацепилась за эти слова.

— Селани! — отозвался он. — Интересное имя. Вы сказали, что она торгует?

— Да уж торгует! — Келли будто взорвался.

Он должно быть понял, что слова его были очень сильными, потому что он глубоко и шумно вздохнул. Голубые глаза его пристально смотрели на Кэкстона. Он начал было что-то говорить, затем остановился и немного

помолчал, таинственно улыбаясь. Минуту спустя он сказал:

— Знаете, я должен извиниться, правда. Я только сейчас понял, что захватил весь разговор с тех самых пор, как мы заговорили.

Кэкстон вежливо улыбнулся.

— Вы очень интересно рассказываете.

Келли продолжал:

— Я хотел лишь сказать, что вы сказали, будто продаете фотопринадлежности, кроме всего прочего.

Кэкстон пожал плечами. Интересно, выглядел ли он настолько озадаченным, насколько начинал это чувствовать. Он видел, что Келли вытащил какой-то фотоснимок и протянул ему. Келли спросил:

— Видите здесь что-нибудь необычное?

Кэкстон с первого взгляда увидел мастерски сделанный цветной снимок. Он с трудом сосредоточился на нем, потому что подсознательно ожидал бессмысленного спора об относительных достоинствах товара, которым он торговал. Во-первых, ему было это неинтересно, а во-вторых — ну, да черт с ним!

С этими мыслями он попытался рассмотреть фотографию. Словно наяву он вдруг увидел картину. И с мысленным всплеском возбуждения понял, что уже видел ее раньше: тот же самый вид венерианского океана, что и в одном из фильмов, который он брал из фильмотеки Арлея, когда работал в Тигенор-Колледж. По крайней мере, очень похоже.

Пальцы Кэкстона крепче сжали снимок.

— Эй, — сказал он — где вы это взяли?

— У Селани, — последовал ликующий ответ.

Кэкстон рассмотрел прекрасный, дикий морской вид с безумным чудовищем поближе — и сразу успокоился. Очень удачно, сказал он себе, что это «действительно» венерианский пейзаж. Что придавало всему этому привычную перспективу, потому что исследование Венеры Великими Державами установило, что Венера не является дышащей паром моделью теплых морей доисторической Земли. Наоборот, это сверхраскаленная пустыня, с температурой поверхности достаточной для того, чтобы расплавить многие металлы.

Он протянул руку, возвращая снимок молодому человеку.

— Очень хорошо, — сказал он, — Какой прекрасный художник. Я бы хотел познакомиться с этой девушкой, Селани.

— Постойте-постойте, — сказал Келли, — это не все.

Он протянул руку и коснулся снимка, слегка сжимая один край. — А теперь посмотри, — сказал он.

Кэкстон небрежно глянул вниз. Какой-то момент — всего лишь момент — он был спокоен и просто ждал. Затем в голове возникло какое-то расплывчатое пятно, затем появилось ощущение, будто все его внутренности одновременно прыгнули в разные направления.

Откуда-то издали он услышал Келли.

— Я же говорил, что в ней что-то странное.

— Странное! — Кэкстону понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что этот квакающий голос принадлежит ему.

Потом он уже только смотрел.

Изображение на, вернее в карточке... двигалось. Волны пенились. То же существо со своей головой ящерицы, так напоминающее зверей, бродивших по серым болотам на Земле сорок миллионов лет назад, опять пыталось схватить человека, парившего над волнами. Оно метнулось вперед. Его пасть разверзлась, и оно рванулось из воды. Словно дразня, человек поднялся на своем «Полете-О» выше, оставаясь за пределами досягаемости острых как бритва зубов, яростно рвавшихся к нему.

Кэкстон смотрел, как развивалась атака. Изображение замерло как раз, когда гигантские челюсти полностью разошлись на весь снимок. В этот момент возникло что-то расплывчатое, а затем... челюсти постепенно исчезли. Снова возникло то же самое изображение, что было на снимке, когда Кэкстон взял его в первый раз.

Неподвижное, прекрасное, безмолвное, фантастическое.

По-видимому, снова готовое развернуться.

Кэкстон держал удивительную вещицу, словно знаток, ласкающий драгоценный камень. Он слышал, как Келли болтал где-то вдалеке.

— Их делает ее отец, — говорил он, — он настоящий гений с этими приспособлениями. Вы бы посмотрели, что она продавала в поезде в прошлом месяце. На днях он собирается начать большое производство. Когда это наступит, все фотокомпании и множество других фирм окажутся не у дел.

Такая идея уже приходила в голову Кэкстону. Прежде чем он овладел своими мыслями и смог что-либо сказать, снимок из его рук забрали, и Келли наклонялся в проход к симпатичному седовласому человеку. Келли сказал:

— Я заметил, что вы рассматривали это, сэр, когда я показывал его своему другу. Не хотите ли взглянуть?

— Ну конечно, — ответил человек.

Он говорил тихо, но резонанс его голоса вызвал звон в ушах Кэкстона. Пальцы старика схватили протянутый снимок, и каким-то непостижимым образом снимок разорвался на несколько кусочков.

— Ой! — беспомощно воскликнул Келли.

— Прошу прощения, — сказал старик.

В его руке появилась долларовая бумажка.

— Ради бога простите, виноват. Но вы сможете купить у девушки еще одну, когда она придет.

Он откинулся на спинку своего сидения и зарылся в газету.

Кэкстон заметил, что Келли закусил губы. Молодой человек сидел, уставившись на обрывки снимка, затем посмотрел на долларовую бумажку. Наконец Келли вздохнул.

— Ничего не понимаю. Он у меня уже неделю. Дважды падал в воду, был на жаре... и ничего, а тут рассыпался, как кусок гнилого дерева.

Он пожал плечами, а когда продолжил, в голосе его послышалась жалоба.

— Наверное и впрямь нельзя ожидать от отца Селани первоклассной работы в тех условиях, которые... — в возбуждении он замолчал. — О, смотрите, вон Селани. Что у нее сегодня, интересно.

На его узком лице появилась хитрая улыбка.

— Подождите-ка, я пойду покажу ей порвавшийся снимок. Я помню шутил, когда его покупал — говорил, что это какой-то трюк. Она тогда рассердилась и дала

гарантию на всю жизнь. Да что она там еще продает? Смотрите, вокруг нее уже целая толпа.

Кэкстон поднялся. Стараясь получше увидеть, он вытягивал шею над толпой, обступившей девушку, которая что-то показывала в дальнем конце вагона.

— Бог ты мой! — послышался возглас. — Сколько вы просите за эти чашки? Как это получается?

— Чашки? — произнес Кэкстон и двинулся к группе, находясь в состоянии какого-то смутного очарования. Он не ошибся, девушка раздавала какие-то сосуды, постоянно наполняющиеся жидкостью. Из сосуда люди пили, но он мгновенно наполнялся вновь. Ее отец, подумал Кэкстон, каким-то образом сумел получить воду из воздуха. Настоящий гений! Если бы он смог сговориться с ним сам — это успех.

Полет его мысли оборвался, когда кристально чистый голос девушки возвысился над возбужденным бормотанием.

— Цена один доллар за штуку. Это результат конденсации. Процесс знает только мой отец. Но подождите, я еще не закончила показывать.

Она продолжала, голос его звучал холодно и сильно в образовавшейся тишине.

— Как видите, это складывающаяся чашка без ручки. Сначала открываете. Затем поворачиваете первое кольцо по часовой стрелке. На определенной точке получается вода. А сейчас — смотрите. Я поворачиваю дальше. Жидкость краснеет и превращается в кисло-сладкий напиток, весьма освежающий в жару.

Она передала чашку. Пока она переходила из рук в руки, Кэкстону удалось оторвать взгляд от диковинки и хорошенько рассмотреть девушку. Она была высока, около пяти футов и шести дюймов, волосы у нее были каштановые. Очень умное лицо. Оно было тонким, привлекательным, и в нем была какая-то гордость, что придавало ей поразительный вид отстраненности, несмотря на то, как она брала доллары, которые ей совали в руки.

Ее голос поднялся еще раз.

— Извините, только по одной на человека. На днях они появятся на общем рынке. Это просто сувениры.

Толпа рассосалась, все вернулись на свои места. Девушка шла вдоль прохода и остановилась напротив Кэкстона. Кэкстон быстро сказал:

— Здесь мой друг показывал мне фотоснимки, который вы продавали. Интересно...

— У меня есть еще несколько. — Она серьезно кивнула головой. — Вы не хотели бы еще и чашку?

Кэкстон кивнул на Келли.

— Мой друг также хотел бы еще один снимок. Его порвался.

— Извините, я не могу продать ему второй снимок.

Она замолчала. Глаза ее расширились.

— Вы сказали, его снимок «порвался»?

Пораженная, она резко повернулась.

— Позвольте посмотреть? Где он? — спросила она яростно.

Она взяла обрывки фотографии из рук Келли и уставилась на них. Губы ее задрожали. Руки затряслись. Лицо исказилось и приобрело серый оттенок. Ее голос, когда она заговорила, даже слегка осип.

— Скажите... как это случилось? Как «точно»?

— Как? — Келли отпрянул в удивлении. — Я подал его этому пожилому джентльмену, когда...

Он остановился, потому что разговаривать уже было не с кем. Девушка повернулась на пятках. Это был словно сигнал. Старик опустил газету и посмотрел на нее. Она зачарованно уставилась на него, словно птица, загнанная в угол змеей. Затем, во второй раз в течение этих двух минут, она резко повернулась. Корзина чуть не выпала у нее из рук, когда она побежала.

Через какое-то мгновение Кэкстон видел, как она бежала по платформе.

— Что за черт! — взорвался Келли.

Он резко повернулся к старику.

— Что вы с ней сделали? — яростно спросил он. — Вы...

Голос его затих, и Кэкстон, который также собирался добавить к этому требованию несколько резких слов, тоже промолчал...

6

Голос коммивояжера под ярким солнцем на платформе на станции Уорвик замолк. Кэкстону понадобилось минута, чтобы понять, что рассказ закончился.

— Вы хотите сказать, что это все? — спросил он. — Что мы вот так сидели, как два болвана, сконфуженных каким-то стариком? И это был конец всей истории? Вы до сих пор не знаете, кто напугал девчонку?

На лице Келли он видел странное выражение человека, мысленно подбирающего слово или фразу, чтобы описать неописуемое. Наконец Келли сказал:

— В нем было что-то такое... словно все самые властные и важные менеджеры в мире сошлись в одно. Мы просто заткнулись.

Кэкстон мрачно кивнул головой и медленно спросил:

— Он не сходил?

— Нет, вы были единственным, кто сошел.

— Да?

Келли посмотрел на него.

— Знаете, это самое странное и чертовски интересное. Но так и было. Вы попросили кондуктора сдать ваш багаж в Инчни. Последний раз я видел вас до того, как поезд тронулся, вы шли по Пиффер Роуд в том же направлении, куда ушла эта девушка — ага, вот идет поезд.

Шумно подошел объединенный грузовой и пассажирский поезд... Позже, когда он, петляя, пробирался вдоль края равнины, Кэкстон сидел, глядя в окно, смутно слушая болтовню сидящего рядом Келли. Он наконец решил, какой курс взять: после обеда он сойдет в Инчни, пройдет по домам, пока магазины не закроются, затем поедет на Пиффер Роуд и проведет долгий летний вечер в расспросах. Если он верно помнил свою карту, расстояние между большим городом и крошечной общиной составляло семь миль. В худшем случае, он мог дойти обратно до Инчни за пару часов.

Первая часть плана оказалась еще проще. Служащий отеля Инчни сказал ему, что в шесть часов есть автобус.

Двадцать минут седьмого он сошел с автобуса — стоя в грязи Пиффер Роуд, смотрел как автобус какими-то толчками тронулся и покатился по шоссе. Шум мотора затих в отдалении, когда он устало потащился через пути. Вечер был теплым и тихим, и его плащ оттягивал руку. Позже будет прохладно, он знал, но сейчас он почти жалел, что взял его с собой.

У первого дома на газоне, стоя на коленях, работала какая-то женщина, Кэкстон поколебался, затем подошел к изгороди и какое-то мгновение смотрел на женщину. Он думал, не должен ли он ее помнить. Наконец он сказал:

— Прошу прощения, мадам.

Она не взглянула на него. Не поднялась с клумбы, которую полола. Это было костлявое создание в ситцевом платье. Она должна быть видела как он подходил, раз так упорно молчала.

— Мне бы хотелось знать, — настойчиво продолжал Кэкстон, — не могли бы вы сказать, где тут живет один пожилой человек с дочерью. Дочь зовут Селани и она еще продавала в поездах авторучки, чашки и другие вещи.

Женщина поднялась и подошла ближе. Вблизи она не казалось такой уж большой или неловкой. У нее были серые глаза, глядевшие на него с некоторой враждебностью, а затем с любопытством.

— Послушайте, — сказала она наконец — разве вы не были здесь около двух недель назад, спрашивали о них? И разве я тогда вам не сказала, что они живут вон в той роще.

Она махнула рукой в сторону деревьев в четверти мили от дороги, но когда она смотрела на него, глаза ее были прищурены.

— Я что-то не понимаю, — сказала она мрачно.

Кэкстон не мог представить, как он будет объяснять этой сварливой и подозрительной женщине про свою амнезию. Он сказала поспешно:

— Спасибо большое. Я...

— Туда идти бесполезно, — сказала женщина. — Они уехали в тот же день, когда вы были в прошлый раз... на своем большом трейлере. И не вернулись.

— Они уехали! — воскликнул Кэкстон.

В пылу своего разочарования он чуть было не сказал больше. Затем он увидел, что женщина смотрела на него со слабой улыбкой на лице. Она выглядела так, словно успешно нанесла нокаутирующий удар какому-нибудь неприятному человеку.

— Думаю, — отрезал Кэкстон — я все равно схожу посмотрю.

Он повернулся, настолько обозленный, что некоторое время почти не видел, что шел по канаве, а не по дороге. Его ярость медленно уступила место разочарованию, а оно так же медленно растаяло перед мыслью, что раз он оказался здесь, то «можно» было бы и посмотреть.

Через минуту он уже изумлялся, что он позволил одной-единственной женщине так подействовать себе на нервы за такое короткое время. Он покачал головой. Надо бы быть осторожнее. Процесс выслеживания проектора — и его память — изнуряли его.

Легкий ветерок подул ниоткуда, когда он свернул в тенистую рощу. Он нежно обдувал лицо, и мягкий шорох деревьев был единственным звуком, нарушающим тишину вечера. Ему не понадобилось и минуты, чтобы понять, что его ожидания, ощущения... чего-то... что гнало его в путь, не будет удовлетворено. Потому что здесь не было ничего, ни одного признака того, что здесь когда-либо жили люди; ни одной жестяной банки, ни связки мусора, ни печной золы. Ничего. Несколько минут он безутешно побродил вокруг, осторожно поворошил палкой засохшие ветки. И наконец пошел по дороге обратно. На этот раз уже женщина окликнула его. Он поколебался, затем подошел. В конце концов она может знать и гораздо больше, чем сказала. Он увидел, что сейчас она было более дружелюбна.

— Нашли что-нибудь? — спросила она с плохо скрытым интересом.

Кэкстон мрачно улыбнулся этой силе любопытства, затем горестно пожал плечами.

— Когда трейлер уходит, — сказал он, — это как дым — просто исчезает.

Женщина фыркнула.

— Все следы, которые остались, конечно, быстро исчезли после того, как здесь побывал старик.

Кэкстон сделал усилие чтобы сдержать возбуждение.

— Старик! — воскликнул он.

Женщина кивнула, затем горько сказала:

— Красивый такой. Сначала все выспрашивал у всех, что нам продала Селани. А через два дня все утром проснулись — все до единой вещи пропало.

— Украл!

Женщина нахмурилась.

— Почти что так. За каждую вещь была оставлена долларовая бумажка. Но все равно воровство — для таких-то вещей. Знаете, у нее была такая сковородка...

— Но чего он хотел? — перебил озадаченный Кэкстон. — Разве он ничего не объяснял, когда расспрашивал? Ведь вы не дали ему просто так ходить и задавать вопросы?

К его изумлению женщина разволновалась.

— В нем что-то было. Какой-то внушительный и важный. — Она сердито замолчала. — Негодяй!

Ее глаза сузились. Она пристально посмотрела на Кэкстона.

— Ну вы молодец — спросили мы что-нибудь или нет. А вы сами-то? Стоите тут, выспрашиваете... Послушайте, вы мне скажите, это вы приезжали сюда две недели назад? Вы-то здесь при чем?

Кэкстон колебался. Перспектива необходимости вот так рассказывать свою историю людям, казалось, была полна трудностей. Но все же она должна знать что-то еще. Должно же быть очень много информации о том месяце, что эта девушка, Селани, и ее отец провели в этом районе. Одно казалось определенным. Если были еще какие-то факты, то женщина их обязательно знает.

Его колебание прошло. Он объяснил, но закончил немного неопределенно.

— Так что, видите, я человек, который — в общем, ищет свою память. Может меня ударили по голове, хотя шишки нет. Потом, может меня одурманили. «Что-то»

произошло со мной. Вы говорите, что я туда приходил. А вернулся? Или что я сделал?

Испуганно вздрогнув, он замолчал, потому что женщина без предупреждения разомкнула губы и испустила рев.

— Джимми! — заорала она оглушительным голосом. — Джимми! Поди сюда!

— Да, мам! — раздался из дома мальчишеский голос.

Кэкстон бессмысленно смотрел, как нечесанный двенадцатилетний мальчишка с проницательным, смятым лицом вылетел из дома. Дверь за ним с грохотом закрылась. Кэкстон слушал, все еще наполовину ничего не понимая, как мать объясняла мальчику, что — «этого человека ударили по голове те, в трейлере, и он потерял память, и он хочет, чтобы ты рассказал ему о том, что ты видел».

Женщина повернулась к Кэкстону.

— Джимми, — сказала она гордо, — никогда не верил этим людям. Он был уверен, что они иностранцы или что-нибудь в этом роде, и поэтому внимательно следил за ними. Он видел, как вы пошли туда и почти все, что случилось, вплоть до того, как уехал трейлер. Конечно, было нелегко узнать, что происходило внутри, потому что во всей машине не было ни одного окна. Но, — закончила она, — он забрался внутрь, когда их не было рядом, и осмотрел все место, просто чтобы убедиться конечно, что они ничего не тащат.

Кэкстон кивнул, сдерживая ухмылку. Возможно, это была такая же уважительная причина для того, чтобы совать нос в чужие дела, как и любая другая. В этом случае, она была счастливой для него.

Мысль закончилась с пронзительным голосом Джимми, проникшим в сгущавшиеся сумерки.

...День был жарким, и Кэкстон, остановившись и спросив женщину из первого дома, где жили отец с дочерью, медленно пошел по направлению к роще, которую она показала.

За спиной поезд дважды дал гудок, а затем тронулся. Кэкстон подавил в себе желание повернуть обратно. Он понимал, что все равно не успеет. Кроме того, человек так легко не бросает надежду на удачу. Шаг его уско-

рился, когда он подумал о снимке, чашке и кинопроекторе.

Он не видел трейлера, пока не свернул под первые деревья. Когда же он увидел его, то резко остановился. Трейлер был гораздо больше, чем он представлял его себе даже по описаниям матери Джимми. Он был такой же длинный, как небольшой грузовой вагон, только модифицирован, так что сзади немного сужался.

На его стук никто не ответил.

Он подумал, что девушка убежала сюда... В неопределенности он обошел этот монстр на колесах. Как доложил Джимми, там не было окон, так что было невозможно ниоткуда ничего увидеть, кроме как спереди, где в лобовом окне были видны два сидения. За вторым сидением была дверь, ведущая в основной отсек трейлера. Дверь была закрыта.

Насколько он мог узнать, было только два выхода, по одному с каждой стороны — впереди, на дальней стороне, и чуть сзади — там, где он впервые подошел к трейлеру.

Кэкстон вернулся к двери, в которую постучал, и напряженно прислушался. Но снова ничего не было. Ничего, то есть, кроме легкого ветерка, дувшего по макушкам деревьев. Вдалеке жалобно свистнул поезд. Он попробовал запор, и дверь открылась так легко, что все его колебания кончились. Он решительно распахнул ее и стоял, уставившись в одну из комнат.

Первое, что увидел Кэкстон, когда залез внутрь, была корзинка девушки, стоящая у стены как раз слева от двери.

От увиденного он резко остановился. Сел в проходе, свесив ноги вниз. Его нервозность уступила место продолжительной тишине, и он начал с растущим любопытством рассматривать содержимое корзинки. Там было около дюжины волшебных снимков, по крайней мере три дюжины складных, самонаполняющихся чашек, дюжина каких-то кругловатых черных предметов, не поддавшихся ему, и три пары пенсне. У каждой пары крошечное прозрачное колесико, приделанное сбоку, у правой линзы. Казалось, у них не было футляров, видимо, здесь не боялись, что они разобьются. Пара, которую он приме-

рил, очень удобно подошла ему и на какое-то мгновение ему даже показалось, что они подходили и глазам. Затем он заметил различие. Все было ближе — комната, рука — не увеличены или размыты, а словно он смотрел сквозь полевой бинокль с небольшим увеличением. Не было никакого напряжения в глазах. Через мгновение он снова вспомнил про колесико. Оно вполне легко повернулось.

Мгновенно все оказалось ближе, эффект бинокля стал в два раза сильнее. Немного дрожа, он стал поворачивать колесико, сначала в одну, затем в другую сторону. Всего лишь несколько секунд понадобилось, чтобы подтвердить замечательную реальность. На нем была пара пенсне с регулируемыми линзами, невероятное сочетание телескопа и микроскопа: суперочки.

Почти ничего не соображая, Кэкстон положил удивительные вещи обратно в корзину. Затем решительно забрался в трейлер. Он прошел по узкому коридору сначала вперед, затем назад, пробуя каждую дверь. Их было одиннадцать и только две были не заперты. Первая открылась в небольшую женскую спальню. В полузакрытом шкафу были видны женские вещи. Кэкстон быстро окинул взглядом блестящие стены и потолок, заметил аккуратно сделанную сборную кровать, полку книг и стул, затем виновато закрыл дверь.

Другая незапертая дверь вела в заднюю комнату. Заглянув внутрь, он сразу увидел целую стену, уставленную полками, каждая уставлена разнообразными вещицами. Кэкстон взял нечто похожее на фотоаппарат. Это был искусно сделанный небольшой прибор. Посмотрел объектив, пальцы его нажали на что-то поддающееся. Раздался щелчок. Мгновенно блестящая карточка вышла из прорези сзади. Фотография.

Верхняя часть мужского лица. Замечательная глубина и удивительно естественный цветовой эффект. Именно напряженное выражение карих глаз мгновенно сделало черты неузнаваемыми. Затем он понял, что смотрит на себя. Он сфотографировал себя, и снимок мгновенно проявился.

Опешивший Кэкстон сунул фото в карман, положил прибор и, дрожа, выбрался из трейлера и пошел по дороге к деревне.

— И затем, — сказал Джимми, — через минуту вы вернулись, забрались внутрь, захлопнули дверь и подошли в конец салона. Вы вернулись так быстро, что почти увидели меня, я думал, что вы ушли. А потом...

Дверь трейлера открылась. Девичий голос сказал что-то, чего Кэкстон не понял. В следующее мгновение какой-то мужчина промычал что-то в ответ. Дверь закрылась, последовало какое-то движение и звук дыхания.

— Вот и все, мистер, — закончил Джимми. — Я подумал, что что-то случилось, какая-то беда. И пошел домой рассказать все маме.

— Ты что, хочешь сказать, — запротестовал Кэкстон, — что я вернулся не вовремя, и чтобы меня не поймали, я не посмел показаться?

Мальчик сказал:

— Я рассказал вам все, что я видел.

— Это все, что ты знаешь?

Джимми помялся.

— Ну, — наконец начал он, сдаваясь, — то, что произошло потом, было странным. Понимаете, когда я на дороге обернулся, трейлера там уже не было.

— Не было? — медленно произнес Кэкстон. Он мысленно представил это место. — Ты имеешь в виду, они завели мотор, выехали на Пиффер Роуд и дальше, на шоссе?

Мальчишка упрямо покачал головой.

— На этом меня всегда хотят поймать. Но я знаю, что я видел и слышал. Я стоял на Пиффер Роуд. Не было никакого шума мотора, они просто пропали, и все.

Кэкстон почувствовал жутковатый холодок по спине.

— А я был в нем? — спросил он.

— Вы были в нем, — сказал Джимми.

Тишину, последовавшую затем, прервала женщина, сказавшая громко:

— Хорошо, Джимми, можешь идти играть.

Она повернулась к Кэкстону.

— Знаете, что я думаю? — спросила она.

С усилием Кэкстон поднялся.

— Что?

— Они занимаются мошенничеством, все они вместе. Выдумка про ее отца, который делает все эти штучки. Не могу понять, как мы попались на это. Он просто ходил здесь, покупал старый лом. Но учтите, — признание пришло почти неохотно, — у них есть несколько удивительных вещей. А загвоздка вот в чем. Пока что у них всего несколько сотен поделок. Так вот они продают их в одном месте, затем воруют их и перепродают в другом.

Несмотря на то, что он был погружен в свои мысли, Кэкстон уставился на нее. Он и раньше сталкивался со странной личиной людей, во всем видящих какие-то преступления, но его всегда поражало то, каким вызывающим образом игнорировались факты ради убедительности какой-нибудь бредовой теории.

— Не вижу, где здесь выгода. А как же доллар, который вы получили за каждую украденную вещь?

— Ой, — сказала женщина. Лицо ее вытянулось. Затем она деланно удивилась. А потом, когда поняла, что ее идея разбита, на ее лице вспыхнул сердитый румянец. — Все равно какая-то махинация, — отрезала она.

Кэкстон понял, что пора заканчивать беседу. Он поспешно сказал:

— Вы не знаете, никто не едет в Инчни? Я бы хотел, чтобы меня подбросили, если возможно.

Смена темы разговора сделала свое дело. Румянец сошел, и женщина задумчиво сказала:

— Нет, не знаю. Но вы не волнуйтесь, выходите прямо на шоссе и вас подвезут.

Вторая машина подобрала его.

7

Когда сгустились сумерки, он сидел в отеле и думал о девушке, ее отце и машине, полной изделий искуснейшей работы. Она продает их как сувениры, по штуке. Он покупает старый металл. Потом появляется этот непонятный старик, который скупает проданное — тут он вспомнил про снимок Келли — или уничтожает его. Наконец,

странная потеря памяти у агента по торговле по имени Кэкстон, вышедшего на поиск происхождения одного проектора.

Где-то сзади раздался мужской голос, в котором слышалось отчаяние:

— Ну посмотрите, что вы сделали. Вы же порвали...

И тут же другой голос — спокойный, зрелый, звучный:

— Прошу прошения. Вы говорите, что заплатили за это доллар? Конечно, я заплачу. Возьмите — и примите мое сожаление.

В наступившей тишине Кэкстон поднялся и обернулся. Он увидел высокого, красивого седого мужчину в тот момент, когда тот поднимался со своего места рядом с молодым человеком, глядевшим на обрывки фотографии. Старик направился к турникету, ведущему на улицу, но первым там оказался Кэкстон, который сказал тихо, но требовательно:

— Одну минуточку, пожалуйста. Мне нужно объяснение того, что произошло со мной, когда я попал в трейлер Селани и ее отца. И мне кажется, что вы — тот человек, который может мне его дать.

Старик остановился. Глядя в серые, полыхнувшие огнем глаза, Кэкстон чувствовал, как ему в лицо врезался и с неослабевающей силой проникает в мозг острый взгляд. Тут Кэкстон испуганно вспомнил слова Келли о том, как этот человек привел их в поезде в замешательство одним лишь убийственным взглядом, но для других мыслей времени уже не было. Старик по-тигриному сделал выпад и схватил Кэкстона за запястье. В этом прикосновении почувствовался металл и от него по руке Кэкстона прошел жар. Тихим, но властным голосом:

— Сюда, в машину.

Кэкстон едва помнил, как залезал в длинную, сверкающую крытую машину. Все остальное — темнота...

Он лежал на спине на жестком полу. Кэкстон открыл глаза и с секунду, ничего не понимая, смотрел на возвышающийся над ним свод. Потолок был по меньшей мере триста футов в ширину, и почти четвертую его часть занимало окно, через которое был виден серо-белый неясный свет, словно какое-то невидимое солнце упорно

старалось пробиться сквозь негустой, но устойчивый туман.

Широкая полоса окна шла через центр потолка прямо в даль. «В даль!» Раскрыв рот, Кэкстон резко сел. Какие-то мгновения разум не принимал то, что видели его глаза.

У коридора не было конца. Он простирался в обоих направлениях, пока не превращался в какое-то неясное, размытое пятно мраморно-серого цвета. Там же был балкон, галерея и вторая галерея; на каждом этаже был свой боковой коридор, отделенный перилами. Кроме этого — бесчисленные блестящие двери и через небольшие промежутки — ответвления коридора, каждое из которых наводило на мысль о других обширных пространствах этого громадного здания.

Очень медленно, уже после того, как прошло первое потрясение, Кэкстон поднялся на ноги. Воспоминание о старике — и о том, что произошло — камнем лежало на душе. «Он посадил меня в свою машину и привез сюда», — подумал Кэкстон.

Однако почему он здесь? На всем пространстве Земли такого здания не существовало.

По спине пробежал холодок. Ему потребовались определенные усилия, чтобы дойти до ближайшей из длинного ряда высоких, резных дверей и открыть ее. Что он ожидал там увидеть, он не мог сказать. Но первой реакцией его было разочарование. Это был офис, большая комната с ровными стенами. Вдоль одной стены стояли несколько прекрасных шкафов. Противоположный от двери угол занимал огромный стол. Несколько стульев, два удобных на вид дивана и еще одна узорная дверь завершали картину. В комнате никого не было. Стол был безупречно чист. На нем не было ни пылинки и ни признака жизни.

Вторая дверь оказалась запертой, или же засов был для него слишком мудреным.

Снова оказавшись в коридоре, Кэкстон ощутил напряженную тишину. Его туфли щелкали пустым звуком. И дверь за дверью открывались в тот же официальный, но пустой офис.

Прошло полчаса по его часам. Затем еще полчаса. А затем он увидел вдали двери. Сначала это было всего лишь светлое пятно. Затем оно приняло сверкающие очертания, превратилось в стекло, вставленное в окрашенную раму. Дверь была много больше пятидесяти футов в высоту. Когда он всмотрелся через стекло, он увидел огромные белые ступени, ведущие вниз, в легкий туман, сгущавшийся где-то через двадцать футов, так что нижние ступени были невидимы.

Кэкстон с беспокойством осмотрелся. Что-то здесь было не так. Туман, скрывающий все, сгущался с каждым часом. Он встряхнулся. Возможно, там внизу была вода, тепловатая вода под поток холодного воздуха, поэтому образовывался густой туман. Он представил себе некое здание длиной в десять миль, стоящее около озера и навечно погруженное в серый туман.

«Выйти отсюда!» — неожиданно подумал Кэкстон.

Запор на двери был на нормальной высоте. Но трудно было поверить в то, что он сможет свернуть такую махину таким сравнительно маленьким рычагом. Открылась она легко, мягко, как прекрасно отлаженный механизм. Кэкстон вышел в туман и стал спускаться по ступенькам, сначала быстро, а затем со все большей осторожностью. До воды было не дойти. Сотая ступенька была последней, а воды все не было. Не было ничего, кроме тумана: ни основания ступенек, ни земли.

На четвереньках, почувствовав неожиданное головокружение, Кэкстон повернул и пополз вверх по лестнице. В голове у него все кружилось, словно у нетренированного человека, повисшего на веревочной лестнице, которую неожиданно толкнули.

Он оглянулся назад. Это было совершенно случайное движение головы — тело его дернулось, голова свободно повернулась... и он увидел комнату.

Кэкстон остановился. Но это тоже был неконтролируемый жест. Образ промелькнул в его голове как фантазия, и если бы у него были силы, то это было бы только фантазией. Если бы у него была сила, он полез бы и дальше, и вся сцена исчезла бы, как исчезает сон. Но он ловил воздух ртом от слабости и страха, охвативших

его, затем лег во всю длину на ступеньку, одной рукой ухватившись за ступеньку ниже, а другой — выше.

Когда он был в состоянии посмотреть туда, сквозь прореху в тумане, то увидел комнату. Она была слегка накренена, но ярко освещена, и плывущий туман казался полузадернутым занавесом, который кто-то пытался прикрыть, но это не совсем удавалось.

Сколько точно времени прошло, когда он оказался за этим «занавесом», Кэкстон в дальнейшем не мог вспомнить. Он не помнил даже своего маршрута. Должно быть, он прополз вдоль ступеньки, а затем наклонился к полуоткрытому «занавесу».

Он предполагал, что он полз, потому что, конечно, не посмел бы выпрямиться.

Кроме того, когда он неожиданно как бы пришел в себя, он стоял на коленях на второй ступеньке, думая, что оттуда действовать будет безопаснее.

Кэкстон переставил ногу со ступеньки на пол. Чего он ожидал, было неясно, но он коснулся твердого пола.

Даже это движение потребовало немало времени потому, что он не решался довериться твердому основанию.

«Я, учитель, действую как верхолаз», — думал он изнуренно. Странно, этот образ подействовал успокаивающе.

Теперь он четко знал. Это был настоящий пол в настоящей комнате.

Что произошло? Он оттолкнулся от ступенек, но держался за них, пока продвигался по блестящему, гладкому (пластиковому?) полу.

Он резко поднялся и оказался в комнате.

Так быстро. Так легко. Совершенно нелепым было то, что когда он выпрямился, он увидел в этой комнате окно... а за ним открывался вид... и он забыл о предосторожности.

Это был момент, когда он забыл обо всем. Через это огромное окно можно было увидеть все.

Любопытство полностью овладело им. Словно ребенок, он бросился к окну, и только встав, осознал, что остался абсолютно без автоматического чувства самосохранения, некоторого внутреннего состояния, которое он

в прошлом всегда называл временным нервным расстройством.

Осознавая происшедшее, он был ошеломлен всей убийственностью возможного такого развития... что если бы что-то было не так, то это могло бы стать его концом.

Мысль-ощущение угасла. Он никогда не был человеком, цепляющимся за прошлые страхи. Его внутренний мир был вполне приспособляем и обычно не поддавался на всякие «могло бы быть». Что его всегда спасало от таких... расстройств... так это то, что он резко задумывался над ними, когда они уже прошли.

Он не знал.

Прямо напротив него было окно. За ним открывался вид. И Кэкстон автоматически уже реагировал на него.

8

Он с высоты смотрел на какой-то город. Кэкстон затаил дыхание, потому что...

Это был тот город из фильмов Арлея. Все небо было в «Полетах». Тысячи «Полетов». Но на жилой улице — как он заметил — были и обычные прохожие.

Первый изумленный взгляд не заметил никаких других средств передвижения, кроме «Полетов».

То, что он увидел в этом городе, не очень отличалось от многоэтажных городов-гигантов его времени. Казалось, было больше блеска, сверкания, больше солнечного отражения. «Больше стекла? — подумал Кэкстон. — Или, возможно, прозрачного пластика?»

Эти мимолетные наблюдения прошли своим чередом. И вот тогда возникла в голове мысль: «Какой город? Какой год?»

Мгновенно, с этой мыслью, он был в очередном из своих=расстройств.

КАКОЙ ГОД?

Он повернулся. Увидел какую-то дверь и побежал к ней. Она открылась от его прикосновения, за ней были ступеньки, ведущие вниз, в украшенный проход и к боль-

шой стеклянной двери, которая вела к следующим ступенькам. Он оказался на улице.

Когда он через едва заметные двери вышел на нечто похожее на пластиковый тротуар, частица здравого смысла вернулась к Кэкстону.

«Я могу заблудиться».

Возбуждение, ненормальная нервозность остались. Но после этого понимания он смог заставить себя остановиться и осмотреться. Здесь на уровне улицы он увидел, что дом, из которого он почти что выбросился, был единственным на самом верху склона.

Это вселяло уверенность. Такое трудно потерять.

«Все, что я хочу — это взглянуть на какую-нибудь газету...» На газете будет число и название города. Он схватит ее, посмотрит — и сразу же бросится назад к дому, в комнату, где странный туман образовывал проход к какому-то гигантскому зданию, через которое он прошел из другого времени.

Кэкстон увидел, что справа, в квартале от него, здания имели форму и очертания торгового центра.

Пока он бежал, он пробежал мимо людей, которые были одеты в блестящие свободные костюмы и куртки. У многих на спине он видел соответствующего цвета «Полет», перевязанный через плечи и подмышки.

Именно осознание различия в одежде между ним самим и остальными остановило Кэкстона. Он четко чувствовал, что человек, одетый в нездешний старомодный костюм, должен идти спокойно.

С этой мыслью, удерживающей его порыв побежать, он пришел в торговый центр. На этой более оживленной улице тоже не было транспорта. Но было больше людей, как ему показалось — несколько сот.

Вид был совершенно завораживающий. То и дело кто-нибудь на «Полете» слетал с неба или взлетал с тротуара... Сначала Кэкстон каждый раз затаивал дыхание. Каждый раз появлялся страх, что человек, взлетая, упадет, или приземлится слишком быстро. Однако он понял, что для них это было привычным делом, и было их так много, что лучше было побеспокоиться о себе.

И вновь именно внешность обеспокоила его.

«Я, должно быть, выгляжу очень странно», — подумал он.

Но на самом деле люди едва смотрели на него и это вернуло его к варианту старого убеждения: это был большой мир, даже еще в 1970-х это было так. У любого человека было только двадцать четыре часа и поэтому он был занят только собой. Обыкновенный эксцентрик не мог отвлечь его.

«Может, я актер, иду с репетиции... Откуда им знать? Да и какое им дело? Там, дома, люди никогда не задерживали взгляд на странного вида прохожих».

То же самое и здесь, поэтому смотреть он мог свободно. Охватившее его возбуждение не имело параллелей в его прежнем опыте. Здесь были дети детей людей его собственного времени... «Бог мой, как здорово!»

В таком приподнятом настроении он прошел целый квартал. Он просто смотрел в витрины и открытые двери магазинов. Несколько раз у него было смутное побуждение остановиться и разглядеть то, что он видел. Но он даже не мог замедлить шаг; ноги сами несли его вперед.

Но он заметил, что магазины не слишком отличались от магазинов его эры. И это не удивляло его. Продавцы и товары уже тысячи лет существовали в человеческом мире.

Тем не менее, это успокаивало Кэкстона. Это была некоторая близость, которая даже поглотила часть его растущего беспокойства из-за того факта, что он не видел ни газет, ни журналов.

«Придется спросить кого-то», — подумал он, слегка встревоженный. Еще более встревожило, что он не представлял себе, как задать такой вопрос.

Все, что он хотел, это число: день, месяц, год.

Казалось, так немного. И все же у Кэкстона было грустное убеждение, что люди не отвечают на такие вопросы. День, да.

Например можно сказать, что вы не знаете — сегодня двадцать второе или двадцать третье. Но после того, как вам ответят, и вы скажете:

— Ну, а какой месяц?

А когда они с подозрением посмотрят на вас и скажут — тогда вы спросите о главном: «Какой год?»

Откуда вы узнаете, что ответ, который вы получите, не будет таким же шутливым, каким кажется собеседнику ваш вопрос.

С сознательным усилием Кэкстон остановил свои мысли и, полностью на мгновенном порыве, подошел к какому-то человеку, который стоял и глядел на витрину впереди. Этому незнакомому Кэкстон сказал:

— Извините, сэр.

Человек обернулся. У него были карие глаза, темно-каштановые волосы. Кожа была гладкая и розовая, и он был моложе Кэкстона, казалось, ему было около тридцати.

Он ответил на совершенно четком, понятном английском:

— В чем дело? Вы больны?

«Значит, я выгляжу диким...» Даже когда он осознал это, Кэкстон повторил мысль, которая так резко толкнула его к этому разговору:

— У меня, кажется, амнезия. Какой это год? Где я? Что это за город?

Незнакомец сочувственно посмотрел на него, затем поднял руку. Когда он сделал это, свободный рукав упал с запястья и обнажил браслет.

— Где ваш? — спросил человек.

Кэкстон моментально решил, что этот браслет был опознавательным знаком. В этот же миг ему показалось, что он в ловушке, только из-за разговора с одним-единственным человеком.

Он отвернулся и кинулся через улицу. Торопливо оглянувшись через несколько секунд, он увидел, что человек не пошевелился и все еще стоял там у витрины. Но он смотрел на Кэкстона.

Успокоившись, Кэкстон замедлил бег. Но через мгновение он понял, что в этом человеке все еще беспокоило его: то, как он стоял. Он снова оглянулся и хотя сейчас он был еще дальше, сомнений не было. Рука незнакомца была поднята, и он держал браслет у рта.

Он что-то говорил.

Кэкстон подошел к углу. Испуганно юркнул за него и побежал вдоль следующей улицы.

В этот раз, когда он бежал, у него было новое ощущение: дезориентации. Это было пугающее внутреннее ощущение. Он почему-то отказывался принимать то, что улицы действительно были твердым, постоянным местом. Это было совершенным безумием. Было ощущение, что это не он двигался, а тротуары надвигались него. Он вспомнил о похожем ощущении, которое было у него в детстве, когда, глядя с моста на ручей, вдруг думал, что движется сам мост.

Сейчас же был не только ручей или мост — двигался весь мир. Он понял, что все это возникло отчасти из страха, будто он рискнул зайти слишком далеко. Все казалось странным. Словно его перевернули.

«Не нужно было так бежать».

Он остановился, задыхаясь от ужасного внутреннего усилия восстановить самоконтроль. И понял, что какая-то девушка — казалось, ей было всего лишь около двадцати — стояла в нескольких футах от него и смотрела на него широко раскрытыми глазами. Она сказала просто:

— Вы тот, кого они ищут. Вам не нужна помощь?

Кэкстон уставился на нее, его рассудок пытался ухватить пугающую мысль, что он, очевидно, стал объектом общей тревоги.

Он сказал, заикаясь:

— Скажите мне число и какой это город.

— Ну как же, конечно. — Она, казалось, успокаивала его. — Это Лейксайд и сегодня третье июня две тысячи восемьдесят третьего года нашей эры. Это помогает?

Ну вот, он получил сведения. Удача еще была с ним. Потому что когда она говорила, остекленевшие глаза Кэкстона случайно взглянули мимо нее под низкое строение на той стороне улицы — в сторону небольшого магазина. И там, как раз позади него, он увидел холм с небольшими домами.

— Скажите им, что мне не нужна помощь, — сказал Кэкстон девушке. — Спасибо.

И побежал. Свернув за угол, он пробежал, пыхтя, сто футов по круто поднимающийся вверх улице. Когда добежал до ворот дома — его цели — он остановился там, переведя дух. И посмотрел назад. И вверх.

Несколько «Полетов», накренившись, надвигались на него... Кэкстон подергал запор, а когда он не поддался, перепрыгнул через изгородь и пролетел вверх по крутой лестнице. Снова остановился и оглянулся он тогда, когда добежал до стеклянной(?) двери. Семь «Полетов» — все мужчины — остановились по ту сторону двора и парили над ним на высоте примерно сто футов.

— С вами все в порядке? — крикнул один из них.

— Да.

— Это ваш дом?

— Да.

— Очень хорошо.

Кэкстон не стал задерживаться. От того что он так быстро оказался в безопасности, у него задрожали ноги. Но полная безопасность была за дверью. И только там его поразила мысль, что если бы дверь была заперта — что тогда?

Когда волнение от этой мысли улеглось, он пошел по лестнице. Наверху он увидел, что там несколько дверных проходов, очевидно ведущих в разные комнаты, и это тоже привело к небольшому замешательству. Однако в конце концов он безошибочно направился к правильной. В следующую секунду дверь за ним закрылась. И он оказался в «той же» комнате.

Сейчас, впервые, он увидел, что по эту сторону тумана не было. Просто в одном углу в стене был неровный пролом. За ним он увидел большие белые ступени, которые вели к огромному зданию, из которого он и появился раньше.

«Задание выполнено!» — радостно подумал он.

Он не испытывал неловкости от того, как оно было выполнено. Не было ощущения того, что он несколько раз опозорил себя своим несдержанным, почти безумным поведением. Он почти согласился со своим безумием. Его главная задача всегда состояла в том, чтобы не дать другим узнать, какой он неустойчивый. И довольно долго он чувствовал себя довольно уютно, оттого что «это» ему удавалось. Только представьте, маленький идиот Пити Кэкстон был теперь магистром наук по физике и быстро продвигался к успеху. Доказывая, как он часто думал, что действительно можно долго обманывать многих.

Нечто подобное этой самоуспокаивающей мысли было у него в голове, когда он осторожно проходил в пролом на нижнюю ступеньку. Совершенно не беспокоясь о том, насколько она или другие были прочны, он ступил на нее без промедления и бегом пробежал вверх к двери.

Дверь открылась так же легко, как и тогда, когда он выходил из нее. Он мог открыть ее почти одним пальцем.

Через несколько секунд он уже был внутри, в безопасности — по крайней мере на мгновение — и с новой целью, уже полностью оформившейся в его голове.

9

Пора было исследовать фантастическое здание. Сначала один из офисов. Осмотреть каждый шкаф. Взломать ящики стола и поискать там.

Ломать что-либо не было необходимости. Ящики поддались. Двери шкафов были незаперты. Внутри были журналы, гроссбухи, странного вида дела. Увлекшись, Кэкстон просмотрел несколько, которые он разложил на большом столе. Наконец он отодвинул в сторону все, кроме одного журнала. Раскрыв его наугад, он прочел:

КРАТКИЙ ДОКЛАД ОБЛАДАТЕЛЯ
КИНГСТОНА КРЕЙГА В ДЕЛЕ
ИМПЕРИИ ЛИЦИЯ 2
7346 — 7378 н. э.

Нахмурившись, Кэкстон задержал взгляд на дате, затем продолжил чтение:

...обычная история этого периода — коварная узурпация власти безжалостным правителем. Тщательное изучение этого человека, обнаруженное стремление защититься за счет других.

ВРЕМЕННОЕ РЕШЕНИЕ: Предупреждение Императора, чуть не лишившегося сил, когда узнал, что ему противостоял бессмертный Обладатель. Инстинкт самосохране-

ния заставил его дать гарантии относительно дальнейшего поведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Вернулся во Дворец Бессмертия после трехдневного отсутствия.

Кэкстон сидел словно окаменев, наконец он перевернул лист и прочел:

КРАТКИЙ ДОКЛАД ОБЛАДАТЕЛЯ КИНГСТОНА КРЕЙГА.

Это дело Лейрда Грейнона, инспектора полиции, 900 участок, Нью-Йорк, 17 июля 2830 г.н.э. ложно осужденного за взятки.

РЕШЕНИЕ: Добился отставки инспектора Грейтона за два месяца до даты, указанной в обвинении. Уехал на свою ферму и с тех пор оказывал минимум влияния на большую сцену существования. Жил в мире этой вероятности до своей смерти в 2874 году и тем самым обеспечил почти совершенный 290А.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: Вернулся во Дворец Бессмертия через один час.

Были еще записи, сотни, тысячи в нескольких журналах. Каждая из них была докладом Обладателя Крейга и всегда он возвращался во «Дворец Бессмертия» через столько-то дней, или часов, или недель. Однажды это было три месяца и это было какое-то неясное, неопределенное дело, относящееся к «установлению времени разделения между девяносто восьмым и девяносто девятым веками» и касалось «воскресения в активные, личные миры вероятностей трех убитых, звали которых...»

Что наконец — постепенно — забеспокоило Кэкстона, так это, если эти... Обладатели (обладатели чего, бог ты мой?)... возвращались во Дворец Бессмертия «так часто», где они?

В порыве он вышел в зал и уставился в его молчаливую даль. Полная тишина и покой были пугающими. И он заметил что-то. Ему показалось, что место потускнело. Стало вдруг труднее видеть. Может, наступала ночь? Он вдруг представил себя одиноким в этом склепе, в кромешной темноте, и спокойствие прошлых нескольких часов прошло. Он в тревоге пошел по первому же боковому

коридору, который смог найти, и, к своему огромному облегчению, обнаружил лестницу, ведущую вверх.

Кэкстон взбежал по лестнице и попробовал первую дверь. Она открылась в жилую комнату великолепной квартиры. Там было семь комнат, включая светящуюся тусклым светом кухню с встроенными шкафами, полными прозрачной посуды. Содержимое было продуктами как знакомыми, так и неизвестными.

Кэкстон не испытывал никаких чувств. Не удивился он, когда шевельнул крошечный прозрачный рычажок наверху банки с грушами, и одна груша упала на стол, хотя банка никаким образом не открывалась. Просто в следующий раз он подготовит блюдо, вот и все. Потом, когда он съел их, он поискал выключатель. Но стало уже слишком темно, чтобы можно было что-то ясно увидеть.

В основной спальне была кровать с балдахином, которая неясно вырисовывалась в сумерках, а в ящиках были пижамы. Лежа между прохладными простынями, тяжелея от надвигающегося сна, Кэкстон смутно думал о девушке Селани и ее страхе перед стариком, почему она так боялась? И что такого могло произойти в трейлере, что безвозвратно ввергло Питера Кэкстона сюда?

Он беспокойно спал, в голове его все еще были эти мысли.

Свет сначала был далеко. Он приближался, становился ярче, и напоминал пробуждение. Потом, когда Кэкстон открыл глаза, в память его хлынули воспоминания. Он лежал на левом боку. Был разгар дня. Краем глаза он видел над собой серебряно-голубой балдахин кровати. За ним, выше, был высокий потолок.

В тенях предыдущего вечера он почти не заметил как велико, просторно и роскошно было его жилье. Здесь были толстые ковры, обитые стены, розовая мебель, сверкающая дорогой краской. Кровать была королевских размеров.

Вдруг мысли Кэкстона остановились потому что, отвернув голову от стен комнаты, он бросил взгляд на другую половину кровати. Там лежала молодая женщина. Она, казалось, крепко спала. У нее были темно-каштановые волосы, белоснежная шея и, даже во сне, ее лицо

казалось прекрасным и умным. На вид ей было около тридцати. Она имела поразительное сходство с Селани, только была старше.

Дальше Кэкстон не смотрел, словно вор в ночи, он выскользнул из-под стеганого одеяла. Сполз на пол и припал к нему. Когда затихло дыхание на кровати, у него перехватило от страха собственное. Послышался вздох женщины и — он обречен!

— Дорогой мой, — раздалось звучное контральто, — что ты там делаешь на полу?

Послышалось движение на кровати, и Кэкстон съежился, ожидая визга, после того, как она обнаружит, что он не был «тем» «дорогим». Но ничего не произошло. Прелестная головка показалась из-за края кровати. Серые глаза смотрели на него спокойно. Молодая женщина, казалось, забыла свой первый вопрос, потому что сейчас сказала:

— Милый, ты должен сегодня отправляться на Землю?

Это поставило его в тупик. Вопрос сам по себе был настолько изумительным, что его личное отношение ко всему казалось второстепенным. Кроме того, он начинал смутно понимать.

Это был один из тех миров вероятностей, о которых он читал в журналах Обладателя Кингстона Крейга. Здесь было нечто, что могло произойти с миром Кэкстона. А где-то за кадром кто-то делал так, чтобы это произошло. Все из-за того, что он отправился искать — среди прочего — свою память.

Кэкстон поднялся. Он покрылся испариной. Его сердце билось словно падающий молот. Колени дрожали. Но он встал, и он сказал:

— Да, я отправляюсь на Землю.

Это давало ему предлог, думал он напряженно,чтобы выбраться отсюда как можно скорее. Он направлялся к стулу, на котором висела его одежда, когда смысл собственных слов нанес второй и больший удар по его и без того сильно расшатанной нервной системе.

«Отправляюсь на Землю!» Он почувствовал, как его мозг прогнулся под тяжестью факта, выходящего за все действительности его существования. Отправляться на Землю откуда? Совершенно безумный ответ: из Дворца

Бессмертия, конечно, из дворца в тумане, где жили бессмертные Обладатели.

Он дошел до ванной. Прошлой ночью он обнаружил здесь прозрачную банку мази, этикетка на которой гласила: средство удаления волос — намазать, затем смыть. На это потребовалось полминуты; остальное на пять минут больше. Он вышел из ванной, полностью одетый. Его мозг был словно камень, и словно камень, идущий на дно, он пошел к двери рядом с кроватью.

— Милый?

— Да?

Похолодев и застыв, Кэкстон обернулся. С облегчением он увидел, что она не смотрит на него. Вместо этого, с ручкой в руке, она хмурилась над какими-то цифрами в гроссбухе. Не взглянув на него, она сказала:

— У нас ухудшается наше времяотношение. Мне придется еще остаться во дворце, чтобы реверсировать возраст, в то время как ты, отправляешься на Землю и добавляешь два года к своему. Ты все сделаешь, дорогой? Девятнадцать лет для меня, ты в два раза старше? Еще так?

— Да, — сказал Кэкстон, — да.

Он прошел в небольшой холл, затем в жилую комнату. Оказавшись наконец в коридоре, он прислонился к прохладной, гладкой мраморной доске и безнадежно подумал: «Реверсировать возраст! Так вот что делало это невероятное здание!» С каждым днем ты становишься моложе на день и необходимо ехать на Землю, чтобы создать равновесие.

Потрясение росло. Поскольку произошедшее с ним в трейлере, явно свидетельствовало о том, что какая-то сверхчеловеческая организация стремится не дать ему узнать правду. Каким-то образом сегодня ему действительно придется разузнать, что все это значило, исследовать каждый этаж и попытаться найти какой-то центральный офис. Он медленно расслабился, выходя из этой напряженной внутренней концентрации мыслей, когда впервые услышал звуки. Голоса, движение, люди откуда-то. Когда он прыгнул к балкону, он подумал, что мог бы и догадаться. Ведь со слов женщины можно было понять, какой сложный был этот мир. Но тем не менее

он чувствовал потрясение. В изумлении он смотрел вниз на огромный главный коридор здания, по тихим пустынным просторам которого он бродил в прошлый день столько часов. Сейчас же мужчины и женщины шли здесь нескончаемым потоком. Словно это была городская улица, по которой в обоих направлениях спешили люди.

— Привет, Кэкстон, — раздался сзади молодой мужской голос.

У Кэкстона на это эмоций уже не осталось. Он обернулся медленно, словно безмерно уставший человек. Незнакомец, который стоял и рассматривал его, был высок и хорошо сложен. У него были темные волосы и цветущее, сильное лицо. На нем было что-то вроде комбинезона, верхняя часть которого красиво облегала тело. Брючная же часть была широка, раздуваясь, словно галифе. Он улыбался дружелюбно и лукаво. Наконец он спросил:

— Итак, вы хотите узнать, что все это значит? Не беспокойтесь, узнаете. Пойдемте со мной. Кстати, меня зовут Прайс.

Кэкстон не двинулся.

— Какого... — начал он бессмысленно. И замолчал. Возникло убеждение, что его толкали слишком быстро, чтобы разобраться. Этот человек, ожидавший его около дверей — не случайность. Он видел, как Прайс надевал перчатки и что у него, кажется, были с этим проблемы.

Наблюдая за ним, Кэкстон немного смягчился и сказал:

— Вы сказали, что хотите, чтобы я отправился с вами. Куда?

— Я собирался отвезти вас на Землю — в вашу собственную эру.

— Вы имеете в виду, за эту большую дверь, по этим лестницам?

— Нет, другую дверь, — последовал ответ, — мы поедем туда по одной из труб под основным этажом.

Во время разговора он закончил натягивать перчатку. Казалось, он немного задыхался от усилия. Это Кэкстон заметил смутно. Он был раздосадован. Возможность транспортировки через подвал ему в голову не приходила. Тем не менее он прекратил свое сопротивление. Когда Кэкстон шагал рядом со своим спутником, направляясь

к лестнице, он видел, что относились к нему дружелюбно. Это его беспокоило, потому что он был одиночкой и друзей среди мужчин у него не было. Он настороженно думал: «Я не уйду из этого здания, я не вернусь на Землю или куда бы то ни было, пока не разберусь во всем».

Самым загадочным для объяснения, казалось ему, была абсолютная пустота вчера и такое оживление сегодня.

Они уже достигли уровня основного коридора и сейчас пошли вниз по еще одной лестнице, которую Кэкстон не заметил прошлым вечером. Он не позволил себе отвлечься больше чем на секунду, однако, задал свой вопрос.

Человек ответил:

— Мы испробовали на вас два мира вероятности, Кэкстон, чтобы посмотреть, как они подходят.

Это казалось бессмысленным.

— Вы имеете в виду это? — сказал Кэкстон. — Наподобие того, что я проснулся рядом со старшей Селани, словно я «был» женат на ней?

— Вы женаты на ней в этом мире вероятности, — ответил Прайс.

Кэкстону очень хотелось представить то, что он женат на этой восхитительной девушке, которую он видел в поезде. Ему стало интересно.

— Но где я был вчера? Если это было вчера.

— Это было время другой вероятности. Ни одно из них не подошло, к сожалению.

Комментарий показался угрожающим.

— Что вы имеете в виду? — быстро спросил Кэкстон.

— Ну, в каждом из них вы остались самим собой, а в последний раз мы даже предоставили вам другую вероятность, омолодив вас на десять лет. Но проснулась та же стойкая личность. Вы согласитесь, я уверен, что у вас нет чувства изменения. Вас не затронуло даже то, что вам показалось вчерашним днем.

— «Показалось» вчерашним днем? — отозвался Кэкстон.

— Ну...

Кэкстон перебил, потому что у него появилась еще одна большая мысль:

— Вы хотите сказать, что я на десять лет моложе? — Его возбужденная память мгновенно перенесла его в ванную наверху, где он одевался. Тогда он был встревожен, но если подумать...

— Эй! — воскликнул он. — Я помню, что когда я взглянул в зеркало... Кажется, я действительно выглядел моложе.

— На десять лет, — сказал Прайс. — Но это не помогло изменить плотную структуру личности.

Он замолчал.

— Сюда, — сказал он.

Они тем временем подошли к отверстию в гладкой, серой стене. Это было отверстие овальной формы, а внутрь была аккуратно подогнана круглая дверь. Дверь была открыта. Внутри Кэкстон мог видеть ряд освещенных сидений и пришел к выводу, что эта та самая машина, которая перевезет их к выходу в дальнем конце этого полосатого здания.

Заглянув внутрь и не решив, входить или нет, Кэкстон сказал уклончиво:

— Уверен, я ничего не понимаю в этом деле с вероятностями.

— Это не такая вещь, которую понимает любой, — сказал Прайс. — Отец Селани — Клоден Джонс — нашел Дворец Бессмертия и весь этот обратный ход во времени и знает об этом больше, чем кто-либо другой. Главная его заслуга как ученого то, что он открыл законы, и несомненно еще не все из тех, по которым это работает. Как физику вам, может, интересно узнать, насколько широко это явление.

Он вопросительно глянул на Кэкстона. Кэкстон колебался. Вот что ему сейчас не нужно — это научная информация. Он пытался решить, куда все это ведет... «Пока, я думаю, лучше послушать».

Итак, он узнал:

Вселенная была столь же огромна во времени, как и в пространстве. Точно так же, как она разрасталась миллионами галактик, она... допускала... вероятности. Повсюду. Так случилось, что для создания другой вероятности для Земли, не той, которая существовала вначале, нужно было, чтобы нечто из другого времени... какой-то предмет

или человек разрушил структуру энергии, которая жестко держала эту самую вероятность. Вообще говоря, одного предмета, или одного человека было недостаточно. Тут действовала критическая масса энергии. Лучшими были определенные металлические составы, известные только Обладателю Джонсу. Считалось довольно опасным для человека быть использованным для этой цели, потому что было некоторое взаимодействие между включенными в процесс энергиями и предметом, или человеком, который силой проводил трансформацию. Поэтому, хотя теоретически считалось, что дюжина Обладателей, сознательно объединившихся в определенной эре, могли изменить эту эру, это никогда не делалось. Вместо этого использовались металлы.

Совершенно случайно до сих пор мало было, насколько это можно было определить, естественных переходов из одной эры в другую. Обычно Вселенная везде — или «почти» везде — двигалась вперед во времени медленным регулярным шагом, который измерялся в солнечной системе секундами, минутами, часами. Однако всегда существовали и другие охваты, повороты или ходы времени, как например тот, в котором укрылся Дворец Бессмертия, но если Обладатель Джонс и знал метод отыскания таких ходов, он его никому не открывал. Он «утверждал», что наткнулся на ход, в котором находится сейчас Дворец Бессмертия в результате эксперимента, который он проводил. Но он никогда не объяснял, что это был за эксперимент.

— По существу, — сказал Прайс, — тут нечего объяснять про Дворец Бессмертия. Он находится во временном охвате, движущемся несколько тысяч лет. Он уже был там, когда Клоден нашел его, и в нем никого не было, не было и записей о том, кто построил его.

Слушая этот рассказ, Кэкстона поразило имя: Клоден Джонс. Это имя — Клоден — хотя и обычное развитие раннего слова, несло в себе что-то футуристическое... Оно пришло не из двадцатого века. Кэкстон уже слегка застыдился этой мысли, но понимание взволновало.

Действительно ситуация была весьма впечатляющей и волнующей; и все же, уже через несколько секунд, его

мысли сосредоточились на том, что Прайс сказал о его неподдающейся индивидуальности.

— А как я должен был отреагировать? — спросил он.

Прайс сказал:

— Позвольте мне четко прояснить нашу позицию. Поскольку вы нас выследили, и даже столкнулись с нашей оппозицией...

— Оппозиция? Вы имеете в виду того старика? — Кэкстон очень заинтересовался. — Вы хотите сказать, что в таком месте, как этот... Дворец, существует раскол?

— Это очень серьезно, — последовал ответ. — Совершенно случайно какой-то параноик приобрел способность Обладателя. Это означает, что он может проходить во времени, не используя Дворец как вход и выход — как это всегда должны делать я, Селани, и конечно вы...

— Вы не Обладатель? — спросил Кэкстон.

— Нет. Я вам сказал. Мне приходится пользоваться Дворцом. Однако это всего лишь один человек, единственная наша ошибка. У нас есть надежда, что фантастический потенциал бесконечной вероятности — она кажется нескончаемой — сокрушит его. А что я говорил про вас: мы хотели, чтобы вы связались с нами. Но... — Он оборвал фразу. — Скажите, когда вы стали таким искушенным? Сколько вам было?

— О-о, — Кэкстон задумался. — К четырнадцати я уже все соображал. Однажды застал родителей в постели. Сами-то делали вид, что ничего такого, как секс, не существует. Наверное, это было полная утрата иллюзий.

Он замолчал. Опять у него было чувство, словно по чьей-то посторонней воле его отвлекали от главного.

— Послушайте, — запротестовал он, — такое замечательное здание! Несправедливо держать его для себя.

— Не волнуйтесь, — сказал Прайс. — Не держим. Мы собираемся взять всех, когда-либо живших, прежде чем закончим.

— Но люди умирают, — возразил Кэкстон.

— Их можно взять когда-то при их жизни, — был ответ. — Мы заберем их, и они отправятся в какой-нибудь другой мир вероятности. Нам помогают уже очень много людей, как вы видели. Но мы всегда можем использовать еще больше. Поэтому мы дали вам эти два

шанса. Но не волнуйтесь! Мы найдем вас в раннем возрасте до того, как вы расстанетесь с иллюзиями, и вы отправитесь в тот мир вероятности. Однако я могу сказать, что ваши четырнадцать — это не то. Тем не менее, давайте приступим.

— Но, — Кэкстон нахмурился. — А как же я — «сейчас»? Как...

Это все, что он успел сказать. Прайс встал рядом с ним, будто бы для того, чтобы помочь ему сесть в трубомашину. Его рука в перчатке крепко сжала Кэкстону локоть. Сотрясение, прошедшее по его телу, было точно таким же, как тогда, в отеле, когда старик сжал тот же самый локоть.

Впрочем, было и отличие. Тогда он был захвачен врасплох. Сейчас издал крик и попытался вырваться. Или точнее, он думал, что закричал, и думал, что отпрянул. Переход в неясность и неопределенность был так стремителен, что какое-то время ясным было лишь единственное ощущение — его локоть был сжат рукой, сделанной из железа.

Словно откуда-то издалека Кэкстон слышал, как Прайс говорил:

— Мне очень жаль. Мы стремились для вас сделать все, что в наших силах. Мы очень хотели. Но вы не смогли. Поэтому, единственное, чего вы добились — это омоло́жение на десять лет...

Голос неожиданно замолк. На мгновение опустилась темнота. А затем...

Кэкстон моргнул, открыл глаза и увидел улицу грязного города. В котором он, с растущим ощущением беды, узнал Кисслинг. Он обнаружил, что сидит на обочине прямо против отеля.

«Вернулся. Ох, черт, черт, черт!»

18

Прошло три недели.

Надо было жить, а жизнь требует расходов, поэтому Кэкстон продолжал работать — за комиссионные (с авансом) — на Квик-Фото Корпорейшн. У него по-прежнему была своя территория, обслуживание которой отрывало его от дома и от офиса не на одну неделю.

Из него получился неплохой коммивояжер — немного напористости и агрессивности, немного заискивающей вежливости и улыбок. К тому же он неплохо разбирался в технической сущности продаваемых им товаров. А постоянное общение со специалистами, которые разбирались не только в кино- и фотоаппаратуре, но и в теле- и радио-, добавляло ему знаний, что, в свою очередь, нравилось клиентам.

Но наконец его приговор — срок на дороге, как он называл его — закончился. Хотя его расходы предусматривали только железнодорожный проезд, он не мог больше ждать и полетел самолетом, заплатив разницу из своего кармана.

Таким образом, он еще и заработал себе лишний свободный день — в пятницу в полдень он уже был дома, плюс уикэнд — прежде, чем ему надо было явиться в Квик-Фото. И в самолете, и в автобусе от аэропорта до дома он размышлял о том, как бы повторить свой фантастический опыт, как вернуться во Дворец Бессмертия.

Впрочем, об этом же он думал все последние три недели.

Кэкстон вошел к себе в комнату и просто уронил свои сумки на пол. Он заметил пачку почты, которую его домохозяйка складывала на стол в его кухоньке, но он не думал, что там может быть что-то очень интересное

для него. Он сразу спустился вниз к своей машине и поехал прямо к складам, где он оставил на хранение украденный кинопроектор.

Он не мог найти корешок квитанции.

Нахмурившись, он стоял в офисе, и шарил в бумажнике. Было досадно осознавать, что он, должно быть, оставил его в бумажнике в другом костюме; а так как он был не из застенчивых, он наконец назвал число, когда он здесь был, и предложил служащему выдать вещь без корешка.

Служащий воспринял это с неохотой, но не отказал с ходу.

— Если вы можете подтвердить свою личность... — сказал он, пока просматривал регистрационный журнал.

Кэкстон показал свое водительское удостоверение, а затем стоял и наблюдал, как клерк пальцем водил по двадцати страницам. Наконец он остановился.

— Вот здесь, — сказал он.

На лицо его упала тень.

— Извините, мистер Кэкстон. Эти вещи были выданы три недели назад по квитанции.

Мысль о том, что они его нашли, вызвала жуткое ощущение того, что за ним следили. Он постоянно смотрел в зеркало машины, проверяя не следят ли за ним, и у него возникла дикая мысль, что он мог бы выследить их, следуя за своими преследователями. Однако за ним никто не следил.

Вернувшись домой, он прочел почту, что его нисколько не ободрило. Его щеки казались бесцветными, серыми от страха. Одно из писем было от его поверенного, и в нем был чек на две тысячи четыреста тридцать два доллара. Понадобилось целых двадцать секунд, прежде чем Кэкстон смог оценить, что это была его доля от того, что он отчислял все эти годы в учительский сберегательный фонд. Остальное было перечислено его бывшей жене.

Глядя на чек, Кэкстон вдруг почувствовал, как к нему понемногу возвращается часть его мужества. Он всегда чувствовал себя храбрее в день получки... «Ну и что? — думал он. — Не такая уж огромная сумма. Но в эти дни...» Бросать работу, конечно, не стоит. Но это дает ему относительную свободу. У него теперь есть средства

на дополнительные расходы в его поиске. Внезапно у него появилась другая, более потрясающая мысль.

«В конце концов они ведь меня не убили!»

А они могли. Без сомнения, он был полностью в их власти. Однако сейчас казалось, что все, что они хотели — закрыть двери, которые он открыл, и отрезать его от того, что он обнаружил. Он подозревал, что они нашли корешок в его бумажнике и каким-то образом догадались — или выудили у него, когда он спал, — для чего он нужен.

Так как они могли бы убить его, но не убили, он решил, что напрасно испугался. Такой ход рассуждения успокаивал его, тогда как появилась новая мысль: «Фильмы! Они взяли и их?»

Через минуту он был у телефона и неуверенно разговаривал с Арлеем, снова пытаясь овладеть собой, когда голос на другом конце сообщил, что да, фильмы о новинках еще можно получить. Хотя, конечно, многие из них уже на руках.

Кэкстон не терял ни минуты. Он взял напрокат проектор, затем поехал в Фильмотеку Арлея и взял все фильмы, которые там были. Он провел уикэнд, бесконечно прокручивая невероятные ленты: их было семь, включая одну о том, как ремонтировать «Полет», и одну о том, как ремонтировать космический корабль.

Ближе к воскресному вечеру утомленный Кэкстон уже точно знал, как ремонтировать оба аппарата. Некоторые из фильмов были объединены в один цикл. На них были этикетки с буквами и цифрами, и их можно было приобрести, как сказал голос за кадром, в любом магазине.

«Можно... — мрачно подумал Кэкстон. — У поставщиков в 2083 году».

Тем не менее в понедельник он вернул фильмы и был счастлив, когда узнал, что с утренней почтой вернулись еще два. Кэкстон сразу же взял их. Когда Арлей выписывал фильмы, Кэкстон заметил красивую женщину, которая сидела в глубине магазина. Арлей, должно быть, заметил, что Кэкстон обратил на нее внимание, выпрямился и представил женщину как свою жену, Таню.

Взгляд Кэкстона встретился с ее взглядом — и это стало началом его краткой связи с миссис Арлей. Впоследствии он убедил себя, что просто хотел использовать ее для приобретения фильмов у ее мужа.

Они были в его квартире через час после первой встречи: не было никаких предварительных обсуждений. Он подождал ее в полквартале от магазина Арлея. Она подошла к его машине через десять минут. Он попросил ее поехать за ним в ее собственном авто, что она и сделала. Такие женщины встречались ему прежде. Поэтому он не спрашивал о причинах, просто понимал, что некоторые женщины были доступны для таких отношений. А то, что Таня Арлей была очень красивой женщиной, с хорошей фигурой, было просто удачей. Не всегда ему так везло.

Когда дело было сделано, они договорились встретиться еще раз на следующий день, после чего она поспешно ушла, а он быстро отправился в главный офис Квик-Фото.

Управляющий с воодушевлением приветствовал его.

— Как я говорил вам сегодня по телефону, — сказал он, — некоторые из этих переговоров по товарам прошли быстрее, чем я ожидал вначале. Так что побудьте здесь пару недель, изучите их. Советую сегодня просмотреть некоторые образцы и подготовить вопросы, которые вы хотели бы задать.

Это казалось хорошим предложением — если он вообще мог уделить внимание этой проблеме.

Весь первый день, пока Кэкстон пытался сосредоточиться, Коренастый Брайсон все время заглядывал к нему.

Совершенно неожиданно проявилась причина этого интереса. Он взорвался:

— Кэкстон, я поражен. Когда я вас нанимал, я думал, что вам далеко за тридцать. Но когда вы вошли сегодня, вы выглядели как переросший юнец. Черт возьми, вам не дашь и тридцати.

— Я похудел в дороге, — сказал Кэкстон. Это было объяснение, которое он придумал заранее. — Мне тридцать восемь.

— Бог ты мой, — сказал старик, — если потеря веса может сотворить такое, то пожалуй я брошу датские пирожные, мороженое и ликеры.

Кэкстон скромно промолчал. Он видел, что старик поверил... Он самодовольно подумал: «Естественно, как Брайсон мог не поверить мне?» Правда была совершенно невероятна.

Таня Арлей, как любовница, явно показывала глубочайшее ее презрение человеку, который женился на ней. Дважды за ту неделю она просто звонила Арлею прямо из постели Кэкстона. Это казалось настолько ненормальным, что даже беспокоило Кэкстона — хотя он не делал вид, что понимает основную причину. Он принял решение покончить с этой связью, как только...

У него не было ясного решения, но конечно — к тому времени, когда он просмотрит все фильмы... Что обострило дело, так это то, что Арлей неожиданно отказался давать ему фильмы. Извещение об отказе пришло по почте в пятницу утром, ровно через неделю после возвращения Кэкстона.

Кэкстон сразу же виновато решил, что муж Тани узнал, что происходит. Однако, с тревогой мысленно просмотрев прошедшую неделю и отношения с ней, он не мог понять, как или когда это могло произойти. Убедившись в этом, он дерзко предстал перед Арлеем.

Тот пришел в замешательство, но наконец сказал откровенно, как мужчина мужчине:

— Должен сказать вам вот что, мистер Кэкстон. Я очень сожалею, что моя жена оказалась здесь в прошлый понедельник, когда вы пришли. Вы не понравились ей, и чтобы сохранить покой в доме, мне приходится отказываться от дел с людьми, которые ей неприятны.

Так значит, вот как она маскировала свое дурное поведение. Кэкстон искал способ получить еще несколько фильмов, и наконец сказал:

— Послушайте, все же у меня дома три фильма. Как насчет того, что вы дадите мне еще три фильма, а в книгах оставить, будто это те же самые? После этого мы можем прекратить дело.

На это Арлей неохотно согласился.

Позже, когда Кэкстон обвинил женщину в вероломстве, она звонко рассмеялась и небрежно сказала:

— Я таким образом контролирую домашнюю ситуацию. Ты можешь брать фильмы у кого-нибудь еще.

Она видимо посчитала, что фильмотека, сведя их, достигла своей цели.

Вот так через семь дней он оказался отрезанным от доступа к самым удивительным фильмам, которые можно было достать в двадцатом веке. Отрезанным своим собственным порывом и ложной интуицией...

«Очень плохо, — подумал Кэкстон мрачно, — когда никого нельзя винить, кроме себя. Что же теперь делать?»

Погоне, похоже, пришел конец. «Я полагаю, — думал он, — я мог бы выследить того человека, у которого был магазин в Кислиннге, где Квик-Фото получил кинопроектор». Этот человек переехал куда-то на Западное побережье. Неясно куда. Но попытаться можно.

У Кэкстона у самого появились какие-то смутные ощущения.

Он понимал, что реальность состоит в том, чтобы принять, что все закончилось, что должна продолжаться серая однообразная жизнь. Определенные воспоминания надо перевести в мир туманных фантазий, и считать их интересным плодом перевозбужденного воображения.

В пятницу он засыпал, еще раз убеждая себя, что если это то, что он должен сделать, он сделает это.

А в субботу он проснулся с чувством-ощущением в голове и теле... с такой мыслью, какой у него не было все месяцы этой суматохи; практически не было никогда в жизни. Словно острый, режущий инструмент, она проникала в глубину сознания.

Это принесло надежду, о — такая надежда, такая мысль!

Мысль-ощущение заключалась в том, что так как эти люди бессмертны, то благодаря им — пробившись туда — он тоже мог бы стать бессмертным.

Невероятно, но столь простая мысль не приходила ему в голову.

Ход его рассуждений сейчас подвел его к следующему шагу.

Чтобы добраться до них, ему придется перестать бояться, прятаться и найти их — какими бы то ни было средствами.

«Эти психи, — подумал он презрительно, — думают, что меня устроит какой-то другой вариант самого же меня, перенесенного из раннего возраста в мир другой вероятности».

С тех пор ему постоянно снились эти странные сны. Его собственные образы, возможно, как он стал физиком, а не учителем физики. Картина, где более простой Кэкстон серьезно ведет исследовательскую работу, где он женат на удивительно уравновешенной молодой женщине — удивительно для него, думал он в тех случаях, когда отчетливо представлял ее себе, ему-то нравились эмоциональные женщины.

Кэкстон в этом сне-образе никогда, казалось, не замечал вокруг себя искаженного мира. По крайней мере, у него не было того критического отношения, которое было необходимо, если вы действительно надеялись понять, какое это было паршивое место.

«Смешно, — подумал Кэкстон. — Это я — такой, какой я есть сейчас — тот, кому надо идти вперед». Он понял, что не мог даже представить какого-нибудь Питера Кэкстона, который был бы «настоящим».

Так огромно было его стремление, так сильно его решение, что его вчерашние апатичные мысли о том, насколько безнадежен его поиск, исчезли, словно их и не было вовсе.

Он все еще продолжал думать: «Я могу вернуться туда, где я впервые увидел Селани... Разговор должен быть там...».

В тот же день он поехал к Пиффер Роуд и прибыл туда вскоре после полудня, проделав утомительный четырехчасовой путь.

И нашел пустынную местность, заросшую кустарником, холмистый ландшафт.

Вернулся в город, потрясенный. В нем формировалось убеждение, что его поиск не закончился. Были места, которые он не видел... Взять напрокат мотоцикл, посмотреть все следы.

Вернулся он в воскресенье. Его машина ревела по объездным потокам, врезалась в лесистые места, поднималась вдоль потоков.

Поздно вечером Питер Кэкстон, магистр физики, вернулся в свою однокомнатную квартирку в городе. И теперь, наконец, он знал свою проблему.

Как проскочить через сто с лишним лет в будущее... если абсолютно необходимо?

...Надо, надо, надо...

В его мыслях все время возникала картина, которую он видел, он сам, возникший из временного вихря... незадолго до полудня третьего июня 2083 года.

Если бы «он» мог ждать там, возле дома, в тот момент, когда он же... раньше ушел в этот торговый центр; и если бы он мог пойти во Дворец Обладателей и спрятаться...

Что он будет делать там, было немного неясно. Но он представлял себя «в этот раз» изучающим всю ситуацию, настоящее научное изучение, для которого он приготовит себя, для которого, в общем-то, он был уже частично готов... по фильмам, которые он просмотрел.

«Должен быть какой-то способ», — упрямо сказал себе Кэкстон.

Все последующие дни эта мысль ни на минуту не оставляла его.

11

Способ обнаружился на четвертое утро.

Кэкстон открыл утреннюю газету и прочитал заголовок: «ПЯТИСОТЛЕТНЕЕ КОСМИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ».

Подзаголовок гласил: «Джеймс Ренфрю собирается выступить спонсором фантастического путешествия к Альфе Центавра. Он готов отправиться и сам, заявляет на всю страну миллионер — прожигатель жизни».

В заметке сообщалось, что четверо человек совершат невероятное путешествие. Кроме Ренфрю там будет Нед Блейк, личный управляющий Ренфрю, и Артур Пелхам,

химик, лауреат Нобелевской премии, создавший препарат, позволяющий консервировать живые организмы».

Газетный отчет сообщал, что четвертый член экспедиции еще не был выбран. Требовался доктор наук, физик, который будет техническим и научным экспертом группы в этой области: «К сожалению, — газета цитировала слова Неда Блейка, — пока что мы получили отказы от всех физиков, к которым обращались».

Сообщение заканчивалось словами: «Однако тройка уверена, что найдется квалифицированный физик, который...»

В этом месте Кэкстон уронил газету и схватился за телефон. Потребовалось какое-то время, но он все же узнал номер в Нью-Йорке. Набрав номер, он назвал свое имя и цель звонка ответившей молодой женщине.

Его сразу же соединили с человеком, который решительным голосом представился Недом Блейком. Блейк внимательно расспрашивал его с все возрастающей любезностью и — неужели? — облегчением. Наконец он сказал: «Нам так нужен квалифицированный физик, мистер Кэкстон, что уверен, нам подойдет и магистр. То, что вы сказали, меня впечатляет. Так что почему бы вам не вылететь в Нью-Йорк сегодня? Ваш билет будет ждать вас у вас в агентстве. Когда прилетите в Нью-Йорк, вас вызовут и отвезут в...»

Он дал адрес офиса в центре Нью-Йорка и закончил: «Я оставлю ваше имя у вахтера на тридцатом этаже, и вы сможете пройти туда».

Кэкстон ничего не сообщил в Квик-Фото. Он не представлял, как бы он мог объяснить свой отъезд. «...Если из этого ничего не выйдет, — подумал он, — я вернусь сюда завтра, а там как-нибудь выкручусь».

Но у него было чувство, воодушевляющее чувство, ощущение момента, что это дело должно получиться.

В аэропорту Нью-Йорка его встречал «Роллс-Ройс» с водителем. Кэкстон сидел на роскошном заднем сидении, затаив дыхание на протяжении всего пути в город. Это было какое-то другое возбуждение, не страх. Постоянно возникала мысль о том, что любое проявление отваги и решительности ведет на более высокую ступень жизни.

От этого он почувствовал себя гораздо лучше. На тридцатом этаже, после того, как вахтер проверил его, он поднялся на лифте на насколько этажей — и вышел в величественный офис. Когда он осторожно вышел из лифта, трое мужчин, которые сидели со стаканами в руках, поставили их и поднялись.

У двоих из трех были большие усы и длинные, но элегантно уложенные волосы. Третий был хорошо одет, хотя и несколько консервативно. Он был постарше и почти лысым.

Один из усатых подошел к нему, протягивая руку. У него была квадратная челюсть, слегка прищуренные глаза и в его поведении был оттенок разочарования жизнью.

— Нед Блейк, — сказал он.

— Питер Кэкстон, — сказал Кэкстон.

— Вы моложе, чем я думал по нашему телефонному разговору, — сказал Блейк, и именно тот тон, каким он сделал это, встревожило Кэкстона.

— Мне тридцать восемь, — сказал он. — Я преподавал физику в средней школе двенадцать лет, могу дать доказательства... Сожалею, что я так молодо выгляжу.

В действительности он совсем не жалел... Ради бога, поэтому он и пришел.

Прежде чем Блейк успел сделать следующее замечание, как второй усатый сказал:

— Черт, Нед, он не был бы здесь, если бы у него не было затяжной молодости.

Блейк однако уже смягчился. Сейчас он энергично сжал Кэкстона за запястье и подтащил его к своим товарищам — сначала к консервативно одетому.

— Это мистер Пелхам, мистер Кэкстон.

Кэкстон пожал руку знаменитому на весь мир химику и подумал: «Я и правда на небесах. Встретиться с таким человеком».

Вслух он сказал:

— Как я понимаю, сэр, ваши великие достижения делают это путешествие возможным.

Пелхам был худощав, даже больше, чем казался на газетных фотографиях, лицо его было почти треугольным. Он взял ладонь Кэкстона в свою костлявую руку и сказал напряженным тоном:

— Как мы сообщили газетам, мы хотим, чтобы первым, кто проснется, был физик. Как вы думаете? Способны вы прийти в сознание через пятьдесят лет, когда остальные трое из нас все еще будут в законсервированном состоянии?

Тут послышался приглушенный звук от третьего человека. Потом:

— Боже мой, Пелхам, какое паршивое начало!

— Не хуже, чем у Кэкстона, — сказал Пелхам с улыбкой.

Ясно было, что они очень близки, потому что в этот момент третий схватил химика за плечи, и навалившись на хрупкого Пелхама, возвышаясь над ним на несколько дюймов, схватил руку Кэкстона.

— Я — Ренфрю, — сказал он.

В газете говорилось, что Ренфрю было тридцать девять. Он казался несколько старше. На его щеках были следы беспутства, крошечные багрово-красные прожилки, первые признаки одутловатости. Но у него были самые голубые глаза, которые Кэкстон когда-либо видел.

— Мы хотим задать вам массу вопросов, — сказал Ренфрю. — Но мы можем сделать это по дороге к дому, где вы остановились. Утром мы пригласим газетчиков.

«Дом», в который они его привезли, оказался пятиэтажным дворцом, выходящим фасадом на Ист-Ривер. Из окна спальни Кэкстон немного понаблюдал за движением на реке и затем наконец уступил изнеможению.

Было около пяти часов утра.

В следующий полдень по меньшей мере сотня фотовспышек ослепили Кэкстона. Некоторые из микрофонов, в которые он говорил, как оказалось, были подключены одновременно на несколько общенациональных радио- и теле-программ.

Именно в то время, когда им задавали вопросы, он услышал, как Нед Блейк сказал, отвечая на вопрос, что на него будет выписан счет на тысячу долларов в неделю, а перед отправлением ему будут даны сто тысяч долларов, которые он сможет отписать любому родственнику или лицу, находящемуся у него на иждивении.

Как во сне.

С этого момента он был то в этом доме, то в «кадиллаке» или «Роллс-Ройсе», то в величественном офисе, то в личном самолете Ренфрю... Несколько раз Кэкстон вместе с остальными летал на мыс Кеннеди, откуда должен будет состояться старт, потому что раз это дело было связано с такими деньгами и с таким влиянием, то, разумеется, это путешествие было совместным правительственным и частнопромышленным проектом.

Он узнал, что Ренфрю в свое время без особых усилий получил инженерное образование в Колледже, он даже сохранил довольно обширные знания и без труда понимал то, что касалось технической стороны предприятия. Кэкстон быстро обнаружил также, что сам он был сейчас объектом теплого расположения со стороны Ренфрю. У этого миллионера-повесы была поразительная способность к товариществу. Когда впервые Ренфрю представил его как «Мой дорогой друг, Питер», Кэкстон был наэлектризован. В нем мгновенно возникло ответное чувство, мгновенное желание быть достойным такой дружбы.

Но впоследствии он предостерег себя... «Надо поосторожней. Не давать себя опутывать личными привязанностями. В конце концов, это я верну корабль, когда проснусь. И окажусь на Земле опять за пару лет до 2083 года н.э.».

Кэкстона несколько раз разбирало любопытство, когда он наблюдал вокруг себя эти блестящие события. Он знал, почему «он» отправлялся в это сказочное путешествие. Но что заставляло такого человека как Ренфрю выйти из мира, в котором у него было все?

Это был вопрос, который однажды он задал Блейку. Этот довольно мрачный молодой человек уставился на него, а затем пожал плечами и сказал:

— Он говорит, что имел четыреста прекрасных женщин, съел тысячи превосходно приготовленных бифштексов, подстрелил тигра и льва — и пожалел, потому что бедняги кричали, когда умирали. Но это заставило его задуматься над своим собственным будущим. Для него, с его миллионами долларов, со слугами для всех целей жизнь была прекрасна... за исключением того, что с каждым днем рождения он становился на год старше, и однажды, в недалеком будущем, его съедят черви. Он

рассчитывает, что через пятьсот лет проблема продления жизни, возможно, будет решена.

Значит, та же самая причина. Кэкстон почувствовал возбуждение. Странно, это было своего рода подтверждение. На рассвете он еще сомневался, был ли он в здравом уме...

Но это были какие-то мимолетные сомнения. А когда выяснилось, что такой же сильный мотив двигал и другим человеком, они стали еще более скоротечны.

«Это правда, — подумал он. — Здесь ничего ни для кого нет...» Из ниоткуда ему представилась возможность, и он преследовал ее с целеустремленностью, которая так же часто гнала его; случай только сбил его с пути и поставил на другой.

Блейку, как давно понял Кэкстон, он нравился. По мере приближения дня отправления Блейк все чаще искал его общества, и Кэкстон узнавал о Ренфрю все больше и больше.

Блейк волновался за своего друга.

— Этот золотой человек, — сказал он тихо Кэкстону в один из дней, — зависит от того, что в жизни он денежный король... Когда он проснется впервые в пустом пространстве и неожиданно поймет, что этого больше нет...

Блейк с сомнением покачал головой и его грубое квадратное лицо выказало озабоченность, когда он закончил.

— Что произойдет, приходится только гадать.

Мысль Кэкстона была такова, что эта проблема не была такой тяжелой, как ее представлял Блейк. Потому что, к тому времени, когда Ренфрю проснется — через сто лет — корабль будет снова в солнечной системе...

Естественно, Кэкстон не упомянул об этих утешительных мыслях.

Взлет, когда он наконец произошел, был самым обычным, разумеется.

12

Вздрогнув, Кэкстон проснулся и подумал: «Как перенес это Ренфрю?»

Должно быть, он пошевелился, потому что чернота с болью сомкнулась над ним. Сколько он пролежал здесь в мучительном забытьи, он не мог определить. В следующий раз он очнулся от пульсирования двигателя.

На этот раз медленно, сознание вернулось. Он лежал очень тихо, ощущая тяжесть лет сна, полный решимости следовать установленному порядку, давно предписанному Пелхамом.

Он не хотел больше терять сознание.

Он подумал: «Глупо было волноваться за Джеймса Рефрю. Он не должен выходить из законсервированного состояния еще пятьдесят лет».

Посмотрел на освещенный циферблат часов на потолке.

В свое время они зарегистрировали 23:12, сейчас 23:22. Десять минут, отведенные Пелхамом на переход от пассивного созерцания к первым действиям, истекали.

Он медленно протянул руку к краю кровати. «Щелк!» Его пальцы нажали на кнопку. Послышалось слабое гудение. Автоматический массажер стал осторожно разминать тело.

Сначала он массировал ему руки; затем двинулся к ногам, и так по всему телу. Кэкстон чувствовал, как приятно скользило масло, сочившееся из массажера в его сухую кожу.

Десяток раз он чуть не вскрикнул от боли возвращения к жизни. Но через час уже мог сесть и включить свет.

Небольшая, полупустая знакомая комната не могла задержать его внимания больше мгновения. Он встал.

Движение, должно быть, было слишком резким. Он зашатался, схватился за металлическую стойку кровати и его вырвало бесцветным желудочным соком.

Тошнота прошла. Но ему потребовалось усилие воли, чтобы дойти до дверей, открыть их и выйти в коридор, который вел в комнату управления.

Он вовсе не должен был останавливаться, но приступ абсолютно ужасного очарования охватил его, и он ничего не мог поделать. Нагнувшись над креслом управления, он взглянул на хронометр.

Он показал: «53 года, 7 месяцев, 2 недели, 0 дней, 0 часов, 0 минут».

«Пятьдесят три года!» Почти не видя, безучастно, Кэкстон подумал о людях, которых они знали на Земле, молодых людях, с которыми они ходили в колледж, о девушке, которая поцеловала его на вечере, который устроили им в день их отправления — все они умерли или умирали от старости.

Кэкстон вспомнил девушку очень ярко. Она была красива, оживлена, совершенно незнакома. Она рассмеялась, когда подставила свои красные губы и сказала:

— Поцелуй и для молодого.

Сейчас она была уже бабушка... или в могиле.

С этими мыслями он начал разогревать банку концентрированной жидкости, которая должна была быть его первой пищей. Его мысли медленно успокоились.

«Пятьдесят три года и семь с половиной месяцев», — подумал он грустно. Почти четыре года сверх предназначенного времени. Придется сделать кое-какие подсчеты, прежде чем принять еще одну порцию препарата вечности. По расчетам двадцать гран должны были сохранить его плоть и жизнь ровно на пятьдесят лет.

Препарат был, очевидно, сильнее, чем Пелхам мог оценить по своим краткосрочным тестам.

Он сидел напряженный, прищурившись, и думал об этом. Вдруг резко до него дошло то, что он делал. Смех сорвался с его губ. Звук разорвал тишину, как серия пистолетных выстрелов, заставив его вздрогнуть.

Но это же и успокоило его.

Даже если произошла ошибка на четыре года, все равно они попали в яблочко, если брать во внимание такие масштабы времени. Метод был не так прост, как при Дворце Бессмертия. Но и он тоже сработал.

Он был жив и еще молод. Время и пространство было завоевано при помощи другой системы обхода лет.

Кэкстон ел суп, не спеша глотая каждую ложку. Он растянул небольшую чашку до последней секунды имеющихся тридцати минут. Затем, невероятно посвежев, он направился обратно в комнату управления.

На этот раз он надолго задержался у приборов. Потребовалось всего лишь несколько секунд, чтобы найти Солнце, очень ярко светящуюся звезду приблизительно в центре экрана заднего обозрения.

Для Альфы Центавра потребовалось больше времени. Но в конце концов она сияла — сверкающая точка в темноте, забрызганная каплями света.

Кэкстон не тратил время, пытаясь определить расстояние до них. Они выглядели нормально. За пятьдесят четыре года они прошли примерно одну десятую четырех с небольшим световых лет до знаменитой ближайшей звездной системы.

Когда Кэкстон выпрямился, он понял, что в голове у него была мысль, совершенно отличная от той, что должна была быть у него в этот момент.

Он должен был проверить своих трех товарищей, удостовериться, что все в порядке.

Он обнаружил, что сопротивляется этому; обнаружил, что думает: «Сначала проверить корабль. Было бы совершенно глупо, если из-за какой-то задержки сейчас, корабль вернется на Землю после третьего июня 2083... Нужно помнить, уже есть отрыв в четыре года, который надо компенсировать». Первоначально он определил, что для того, чтобы развернуться и совершенно точно встать на курс, потребуется время, равное одному земному дню.

«Начни это, затем посмотришь».

Делая точные расчеты и устанавливая приборы, он с раздражением осознал, что после пробуждения первой его реакцией была мысль о Ренфрю.

«Понял я его, — подумал он. — «Мой дорогой друг, Питер», как же. Он едва знал меня, черт возьми, когда сказал это. Значит, это должна была быть ложь. Показывал, как легко люди падали под влиянием его богатства».

«Даже я», — подумал Кэкстон... Через некоторое время он понял, что «даже я» звучало фальшиво. Самым важным для него всегда были деньги. Или, лучше сказать, успех.

Так что колоссальный успех и богатство семьи Ренфрю имели огромное влияние. В его мыслях этот человек казался больше, чем жизнь, словно то, что с ним произошло, каким-то образом было важнее того, что произошло с Питером Кэкстоном.

Что, разумеется, было нелепо.

Но ему пришло в голову, впервые в его жизни, что это было то самое чувство, которое двигало древних на самопожертвование и смерть с улыбкой радости от того, что они смогли оказать услугу высшему существу, монарху.

Что ж, Ренфрю ожидал главный сюрприз всей его избалованной жизни, когда он, проснувшись, поймет, что его «дорогой друг» повернул корабль обратно на Землю.

Кэкстон сидел в кресле управления в ожидании легкого рывка корабля, который бы означал, что световые двигатели сделали свое дело... Для того, чтобы изменить курс корабля в космосе, достаточно небольшого толчка.

Прошло полчаса, он ничего не почувствовал.

Проверил свои цифры и приборы. Стрелки отмечали, что двигатели работали.

Но он ничего не чувствовал. Не было совершенно никаких ощущений.

Корабль продолжал свое бесконечное движение. Его скорость увеличивали только несколько небольших светодвигателей, которые были сконструированы таким образом, что ускоряли движение на один фут в секунду каждые три минуты.

Почти бесконечно малая величина, фантастически незаметная. Но в глубоком космосе это крошечное ускорение, добавленное к огромной скорости, приобретенной машиной на взлете, придало, как это и ожидалось, достаточную высокую скорость почти без затрат топлива. Было рассчитано, что на отметке половины пути задние светодвигатели прекратят работу, а подобные двигатели впереди начнут медленное реверсирование процесса.

Прошел еще один час. Также ничего.

Кэкстон ужасно разволновался, когда до него дошла потрясающая мысль: «Черт бы их побрал! Голову даю на отсечение, они ожидали этого... Голову даю... Управление отключено, так что никто не может повернуть корабль».

Ему в голову пришла запоздалая мысль, что если предчувствие его не обманывало, здесь для этого должна быть письменная информация в бортовом журнале. Через минуту у него в руках уже был открытый журнал и он, побледневший, смотрел на четкий, почти каллиграфически красивый почерк Пелхама.

Все, чего он боялся было здесь, черным по белому. Он прочел:

«Дорогой Питер.

Конечно, мы надеялись и надеемся, что сейчас, читая это письмо, вы находитесь в хорошем настроении, стремитесь к великим приключениям, ожидающим нас впереди. Однако на всякий случай, если вас охватила некоторая паника — согласитесь, это будет совершенно подходящий момент для приступа настоящей агарофобии (страха большого пространства) — и на всякий случай, если такое произошло, Джим, Нед и я согласились, что нам придется защитить себя от чьей-либо попытки вернуться на Землю во время первой половины путешествия. Так что, Питер, я должен сказать вам, что скрытый компьютер — прочно приваренный под полом — запрограммирован на исправление любого изменения маршрута. Мы считаем, что через двести пятьдесят лет, чтобы вернуться, потребуется столько же времени, как и продвигаться вперед, и поэтому нам придется вернуться к ручному управлению.

Пока до свидания, мой друг. Как вы знаете, я дал препарат вам, затем Джеймсу, затем Неду и наконец я сам сейчас приму его. Так что я пишу это в мире космоса, где я так же одинок, как и вы в своем мире. Вы трое крепко спите, и сейчас я присоединюсь к вам.

Au revoir и с любовью.

Артур».

Кэкстон перечитал послание, и его первой реакцией было саркастическое неприятие выражения привязанности, которым оно заканчивалось. «С любовью», черт!»

«Ах, вы... — выругал он Пелхама. — Ты погубил мою жизнь...» — без такой любви он мог обойтись, спасибо.

Мрачная ирония прошла.

Вдруг его осенила страшная мысль, понимание того, что теперь ему придется идти вперед с первоначальной целью путешествия. Кэкстон почувствовал ужасную слабость и потом — да вот так — сильное беспокойство. До него дошло, с некоторым угрызением, что он тратил драгоценный кислород так, словно он не понадобится позже.

Он слабо поднялся на ноги... «Назад, спать!» — приказал он себе. Он тупо направился к своей комнате. И уже сидел на кровати, когда вспомнил про остальных.

Медленно поднялся опять, сознавая, что должен выполнить свою обязанность. Проверить их. Сделать запись в судовом журнале. Скрыть то, что он пытался сделать. Защититься.

Посмотреть по очереди, подумал он. Первый — Пелхам.

Когда он открыл герметическую дверь комнаты Пелхама, в ноздри ударил тошнотворный запах разложившейся плоти. Задохнувшись, он захлопнул дверь и, вздрогнув, застыл в узком проходе.

Через минуту все равно ничего не было, кроме действительности.

Пелхам был мертв.

Теперь он был обречен на пятисотлетнее путешествие в космосе. А поразивший его страх оставил ужасную мысль, что ему придется совершать это путешествие в одиночку.

Потом он обнаружил, что бежит. Он распахнул дверь Ренфрю, затем Блейка. Чистый приятный запах их комнат, вид их молчаливых тел на кровати вернули Кэкстону рассудок.

В этот момент он испытал прилив чувства, совершенно неизвестного ему раньше. В его взрослой жизни он не знал этого: печали. Невероятно, щеки его были мокрыми.

«Черт возьми, — подумал он. — Я плачу».

Все еще плача, он пошел в кладовую и достал свой личный скафандр и брезент. Но все равно, это было

ужасно. Препарат сохранил части тела, но когда он поднял его, куски все равно отваливались.

Наконец он подтащил брезент с содержимым к люку и вытолкнул его в космос.

Прибравшись, он пошел к радио. Было подсчитано, что полсветового года — это предел для радиоприемника, а они были очень близки к этому пределу. Поспешно, хотя тщательно, Кэкстон сделал доклад, затем записал его и начал передавать, установив запись на стократный повтор.

Немногим больше, чем через пять месяцев, на Земле замелькают заголовки.

Он отсчитал пятьдесят пять гран препарата вечности и растворил их в жидкости. Это было близко к тому количеству, которое, как он чувствовал, понадобится на сто пятьдесят лет. Он ввел эту дозу в несколько приемов.

В последние минуты перед тем, как пришел сон, Кэкстон обнаружил, что думает о Ренфрю и о том ужасном потрясении, которое он испытает вдобавок ко всем естественным реакциям на далекий космос, которых так боялся Блейк.

Кэкстон попытался отогнать эту мысль, стараясь вернуться к тому, чего хотел лично он.

Но беспокойство о Ренфрю все еще оставалось в голове, когда наступила темнота.

13

Почти мгновенно он открыл глаза. Лежал, думая: «Препарат! Не сработал».

Ощущение тяжести в теле, однако, подсказало истину. Он лежал неподвижно, глядя вверх на висящие над ним часы. На этот раз следовать маршрутом было легче, только он снова не мог удержаться, чтобы не изучить хронометр по пути.

Он показывал: 201 год, 1 месяц, 3 недели, 5 дней, 7 часов, 8 минут.

Осторожно выпив суп из чашки, он с интересом устремился к большому вахтенному журналу.

Кэкстон никогда не смог бы передать то возбуждение, которое он испытывал, увидев знакомый почерк Блейка и потом, когда читал то, что написал Ренфрю. Это был доклад: ничего больше, гравиметрические показания, тщательный подсчет пройденного расстояния, подробный доклад о работе двигателя, и, наконец, оценка вариантов скорости, основанная на семи согласующихся факторах.

Прекрасная математическая работа, первоначальный научный анализ. Но и все. Больше здесь ничего не было. Никакого упоминания о Пелхаме, ни слова о том, что написал Кэкстон или о том, что произошло.

Ренфрю тоже просыпался; и если по его докладу можно было о чем-то судить, то он, возможно, тоже бесчувственный робот. Но Кэкстон прекрасно знал, что это не так.

Знал это — как полагал Кэкстон, когда начал читать доклад Блейка — и Блейк.

«Питер!

Вырвите этот лист, когда прочтете!

Итак, случилось худшее. Худшего мы не могли получить от судьбы. Ужасно думать, что его больше нет. Какой был человек, какой друг! Но все мы знали, на какой риск шли, он же больше других. Так что все, что мы можем сказать: «Спи спокойно, дорогой друг. Мы тебя никогда не забудем».

Однако дело с Ренфрю теперь осложняется. В конце концов, мы переживали о том, как он перенесет свое первое пробуждение, ни говоря про удар, каким является смерть Пелхама. И я думаю, что первое беспокойство было оправдано.

Как вы и я знаем, Ренфрю был одним из светлейших умов Земли. Просто представьте себе какого-либо человека, рожденного с его сочетанием внешности, денег и ума. Огромной его ошибкой было то, что он никогда не боялся за будущее. С такой ослепительной индивидуальностью, толпами поклонниц и подхалимов вокруг, у него не было времени кроме как на настоящее.

Действительность всегда поражала его, как гром среди ясного неба. Этого прощального вечера было достаточно,

чтобы напустить тумана в голову, когда доходило до действительности. Проснуться через сто лет и понять, что те, кого он любил, состарились, умерли и сгнили в могиле — да!

(Я специально говорю напрямик, потому что человеческий разум способен на самые невероятные мысли, какой бы цензуре он не подвергал свою речь.)

Я лично рассчитывал на то, что Пелхам будет действовать как некая психологическая поддержка Ренфрю. Это влияние должно быть заменено. Постарайтесь что-нибудь придумать, Питер, за то время, что вы дежурите, выполняя заданную работу. Нам придется жить с этим человеком, после того, как мы все проснемся в конце пятисот лет.

Вырвите этот лист. Дальше идут дежурные записи.Нед».

Кэкстон сжег письмо в печи, проверил два спящих тела — как мертвенно спокойно лежали они — затем вернулся в комнату управления.

На экране Солнце казалось очень яркой звездой, драгоценным камнем, убранным в черный бархат. Великолепным сияющим бриллиантом.

Альфа Центавра была ярче. Все еще невозможно было разобрать отдельные солнца Альфа А, В и Проксима, но их совместный свет нес ощущение трепета и величия.

«Так, — подумал он, — вот я, здесь, на этом фантастическом пути и одновременно стараюсь сойти с него... Ощущая этот внутренний конфликт, он сопротивлялся возбужденно, и сопротивлялся своей причастности. Возбуждение возникло из очевидного факта, что он был причастен.

Возможно, как настаивал Блейк, ему даже следовало переживать за Ренфрю. Однако, хотя он осознавал славу этой поездки — вот они, первые люди, стремившиеся к звездам — хотя он и понимал все это, он каким-то образом держался своей собственной цели.

Он сказал себе, что держаться лучше своих собственных целей, никогда не забывать, что он — Питер Кэкстон, знает точно — ну, почти — что делает.

Он сделал свое дело, принял третью дозу препарата и пошел спать. Сон застал его все еще без плана относительно Ренфрю.

Его третье пробуждение было вполне обычным, за исключением того, что когда он прочел журнал, там вообще не было записи Ренфрю. Запись же Блейка показывала, что Блейк не знал, что с «этим» делать и очень волновался.

«По крайней мере, — писал Блейк — он дал себе правильную дозу, потому что я посчитал капсулы. Подумайте хорошенько, Питер и уничтожьте и эту записку тоже».

Позже, когда Кэкстон лежал и ждал, когда последняя доза начнет действовать, он подумал: «Что я должен думать?» Если Ренфрю и правда чокнется, им несомненно придется с этим что-то делать. Но это будет проблема Ренфрю, в основном.

Тем не менее, он почувствовал надвигающуюся тяжесть, потому что с другой стороны было даже интересно думать: «Ну вот. Теперь, когда я проснусь, мы будем там».

Это пробуждение, должно быть, приблизило последние сто пятьдесят лет времени. Потому что когда Кэкстон проснулся, он подумал: «Мы здесь! Все закончилось, долгая ночь, невероятное путешествие. Мы все вместе сейчас увидимся и увидим солнце великой Центавры».

Странное дело, когда он лежал здесь, ликуя, его поразило то, что время казалось долгим. И все же... все же он просыпался только три раза, и только на время, равное последнему дню.

Строго говоря, он видел Блейка, и Ренфрю, и Пелхама — не более, чем полтора дня назад. Со времени взлета в сознании он был только тридцать шесть часов.

Тогда откуда это ощущение, что тысячелетия протикали словно секунда за секундой? Откуда это жуткое осознание путешествия сквозь неизмеримую, нескончаемую ночь? Неужели человеческий разум так легко обманывается?

Кэкстону показалось наконец,что ответ был в том, что он жил эти пятьсот лет, все его клетки и органы существовали, и весьма вероятно, что какая-то часть его мозга

все-таки была в сознании за время этого немыслимого периода.

И был конечно дополнительный психологический эффект того, что он знал, что эти пятьсот лет прошли и что...

Вздрогнув, он увидел, что его десять минут истекли. Осторожно он включил массажер.

Массажер работал над ним около пятнадцати минут, когда дверь в его каюте открылась, щелкнул выключатель, и перед ним появился Блейк.

От чересчур резкого движения, с которым он повернул голову, чтобы посмотреть на вошедшего, у Кэкстона поплыло перед глазами. Закрыв глаза, он слышал, как Блейк подходил к нему через комнату. Через минуту он снова смог смотреть на Блейка. Блейк нес чашку с супом. Он стоял, глядя на Кэкстона со странным мрачным выражением.

Наконец выражение его лица расслабилось изнуренной улыбкой.

— Привет, Питер, — сказал он. — Ш-ш-ш! — сразу зашипел он. — Не надо пока говорить. Я покормлю вас этим супом пока вы еще лежите. Чем быстрее вы поднимете, тем лучше.

Сказав это, он снова помрачнел.

— Я проснулся две недели назад.

Он сел на краешек кровати и зачерпнул ложку супа. Затем последовало некоторое молчание, лишь было слышно шуршание массажера. Тело Кэкстона медленно наливалось силой; и с каждой секундой он все яснее видел мрачность Блейка.

— Что Ренфрю? — наконец вымолвил он хрипло. — Проснулся?

Блейк, поколебавшись, кивнул. Его лицо потемнело от хмури; он сказал просто:

— Он обезумел. Абсолютный сумасшедший. Мне пришлось его связать. Держу его в его комнате. Сейчас стал потише, но вначале он даже заговаривался.

— Вы с ума сошли? — прошептал наконец Кэкстон. — Ренфрю никогда не был настолько чувствительным. И просто от того, что прошло время, мысль от понимания, что все его друзья умерли, он не мог сойти с ума.

Блейк качал головой.

— Не только это, Питер. — Он помолчал, затем продолжал. — Питер, я хочу, чтобы вы приготовились к самому страшному потрясению.

Кэкстон уставился на него, ощущая внутри пустоту.

— Что вы имеете в виду?

Блейк скривился и продолжал:

— Я знаю, вы воспримете это нормально. Так что не пугайтесь. Вы и я, Питер, некоторым образом потусторонние существа.

Кэкстон прошептал:

— Давайте к делу, что случилось?

Блейк поднялся на ноги.

— Питер, планеты Альфы достаточно близки уже две недели назад, всего в шести месяцах от нас при нашей средней скорости в пятьсот миль в секунду. Я думал даже попробовать поймать их радиостанции.

Он криво улыбнулся.

— Ну вот, — сказал он, — я настроил рацию и поймал их — чистота удивительная.

Он замолчал, посмотрел на Кэкстона, улыбка его была болезненной.

— Питер, — простонал он, — мы совершеннейшие глупцы. Когда я сказал Ренфрю правду, он сразу пал духом.

Он снова замолк; молчание для напряженных нервов Кэкстона было невыносимо.

— Да ради же бога, ну, — начал он. И остановился. И лежал, очень тихо. В голове мелькнула догадка. В жилах застучала кровь. Наконец он слабо произнес:

— Вы хотите сказать...

Блейк кивнул.

— Да, — сказал он. — Вот так. И они уже засекли нас своими сверхрадарами. Один из их кораблей подойдет встретить нас, как только я отвечу, что вы пришли в себя. Я только надеюсь, — закончил он мрачно, — что они смогут что-то сделать для Джима.

Полчаса спустя Кэкстон сидел в кресле управления, когда увидел какое-то мерцание в темноте. Возникла какая-то вспышка, которая стала разрастаться в размерах.

В следующее мгновение громадный космический корабль поравнялся с ними меньше, чем в миле о них.

Кэкстон вымучено улыбнулся. Он сказал Блейку:

— Они сказали, что этот корабль вышел из ангара десять минут назад?

Блейк кивнул.

— Они могут долететь от Земли до Центавра за три часа, — сказал он.

Раньше Кэкстон этого не слышал. В голове его что-то произошло.

— Как! — вскрикнул он. — Как, ведь нам понадобилось пятьсот, — он замолчал, сел. — Три часа! — прошептал он. — Как же мы могли забыть о прогрессе человечества?

В последовавшей за этим тишине Кэкстон увидел, как в скалообразной стене, обращенной к ним, появилось черное отверстие. В эту пещеру Кэкстон и направил их корабль.

На экране заднего обзора было видно, что вход закрывается. Свет, вспыхивающий впереди, сфокусировался на двери. Когда он осторожно посадил корабль на металлический пол, на радиоэкране замелькало чье-то лицо.

— Касселехат! — прошептал Блейк Кэкстону. — Единственный человек, который пока что говорил непосредственно со мной.

С экрана на них всматривалось лицо утонченное, лицо ученого. Касселехат улыбнулся и сказал:

— Вы можете выйти из корабля и пройти в двери, которые вы здесь видите.

14.

У Кэкстона было ощущение пустоты вокруг, когда они забрались в обширный приемник.

Молча они вдвоем гуськом прошли в зал, который выводил в очень большую, роскошную комнату.

В такую комнату не моргнув мог бы войти король или киноактриса в фильме. Она была вся увешена роскошным гобеленом, то есть на какой-то миг он подумал, что это гобелен, затем увидел, что нет. Это был... он не мог определить.

Он и раньше видел дорогую мебель — в офисе и доме Ренфрю. Но эти диваны, стулья сияли, словно они были сделаны из подобранных разноцветных... Нет, не то; они совсем не сияли. Они...

Опять он не мог определить.

У Кэкстона не было времени на более тщательный осмотр. Потому что с одного из стульев вставал какой-то человек. Он узнал Касселехата.

Касселехат пошел вперед, улыбаясь. Затем он остановился, поморщив нос. Через мгновение, поспешно пожав руки Блейку и Кэкстону, он быстро отступил на десять футов к стулу и сел с довольно натянутым видом.

Это было поразительно нелюбезный поступок, несколько смягченный мгновение спустя тем, что человек знаком пригласил их сесть. Кэкстон с некоторым недоумением уселся на диван, рядом с Блейком.

Касселехат начал.

— О вашем друге, — должен предостеречь вас. Это случай шизофрении, и наши психологи могут добиться только временного выздоровления. Полное выздоровление потребует большего времени и вашей полнейшей помощи. С готовностью соглашайтесь со всеми планами

мистера Ренфрю, если конечно, они не примут опасный оборот.

— Теперь же, — он выпустил улыбку, — разрешите мне приветствовать вас на четырех планетах Альфы Центавра. Для меня лично это величайший момент. С самого раннего детства меня готовили единственного для того, чтобы быть вашим наставником и гидом; и естественно я переполнен радостью от того, что пришло то время, когда мои знания среднеамериканского языка и обычаев могут быть применены на практике, для чего и предназначались.

Радости однако было не видно. Он продолжал морщить нос, и на лице его было общее болезненное выражение. Но слова его поразили Кэкстона.

— Что вы имеете в виду под знаниями американского языка? Это тот английский, который мы слышали по радио?

— Конечно, — последовал ответ. — Но язык в своем развитии изменился до такой степени — и я могу быть откровенен — ведь у вас были сложности с пониманием всех предложений, не так ли?

— Но мы понимали отдельные слова, — сказал Блейк.

— Да.

— Хорошо. Значит, дело за тем, чтобы выучить новые слова?

— Ну да, так.

Они сидели молча, Блейк покусывал нижнюю губу. Именно Блейк сказал наконец:

— Что представляют из себя планеты Центавры? По радио вы говорили что-то о том, что центры населения снова вернулись к городской структуре.

— Я буду счастлив, — сказал Касселехат, — показать вам сколько наших огромных городов, сколько вы захотите увидеть. Вы наши гости, на ваши отдельные счета были положены по два с половиной миллиона, чтобы вы использовали их на свое усмотрение.

Он замолчал.

— Но если сейчас у вас больше нет вопросов...

Блейк и Кэкстон заговорили практически вместе:

— Минутку, сэр, — сказал Кэкстон.

— У нас полно вопросов, — сказал Блейк.

Старик поклоном принял эту задержку и остался сидеть. Первый вопрос задал Кэкстон:

— Как насчет продления жизни?

— Двадцать лет, — последовал осторожный ответ, — сверх того, что у вас есть теперь.

Потребовалась некоторая сверка, чтобы удостовериться, что они говорили об одном и том же «есть». Но Касселехат уже помнил урок по «среднеамериканскому». Он подразумевал примерно семидесятилетний возраст для их времени и девяностолетний для своего собственного.

Это казалось необычно скромным увеличением. Сначала разочарование явилось шоком, затем шок сменился замешательством. Тогда было столько надежд на то, что медицина вскоре сделает что-то значительное в этой области.

Как оказалось, проблема была в том, что клетки могли восстанавливаться ограниченное количество раз; первоначально — десять-двенадцать раз, приблизительно через шесть с половиной-семь лет. Улучшение состояло в открытии, которое сделало возможным производить максимум тринадцать делений почти в каждом человеке.

Но увеличить этот максимум было невозможно.

Люди из прошлого доказывали, что их собственное путешествие почти в пятьсот лет, конечно, разбило этот барьер. Но очевидно это было не так. Препарат Пелхама просто обеспечил неимоверное замедление клеточного процесса.

Хотя Блейк изредка вставлял свои вопросы во время разочаровывающего разговора о продлении жизни, теперь он поднял руку. Улыбнувшись, он сказал:

— Питер, вы до сих пор задавали вопросы Ренфрю. Сейчас я задам ваши вопросы. — Все еще улыбаясь, он повернулся к Касселехату. — Мистер Кэкстон — наш физик, и я уверен, ему так же, как и мне, будет интересно то, о чем я вас спрошу.

— Пожалуйста, отойдите немного назад, когда будете спрашивать, — сказал Касселехат. Он извинился, когда оба они отступили назад. — Я объясню через несколько минут. Однако, ваши вопросы, мистер Блейк.

— Что, — начал Блейк, — делает скорость света постоянной?

Касселехат даже не моргнул.

— Скорость равна кубическому корню gd в кубе, где d — это глубина пространственно-временного континуума, а g — общая допустимость или, как бы вы сказали, сила тяжести всей материи в этом континууме.

— Как образуются планеты?

— Любое солнце должно сохранять свое равновесие в том пространстве, в котором оно находится. Оно выбрасывает материю, подобно тому, как морское судно выбрасывает якорь. Это весьма приблизительное описание. Я мог бы дать вам объяснение при помощи математических формул, но придется записывать. В конце концов, я не ученый. Это просто факты, известные мне с детства.

Кэкстон перебил, озадаченный.

— Любое солнце выбрасывает эту материю без какого-либо воздействия, кроме как своего желания держать равновесие?

Касселехат уставился на него.

— Конечно нет. Это воздействие очень мощное, уверяю вас. Без такого равновесия солнце выпало бы из этого пространства. Лишь несколько одиночных солнц научились поддерживать равновесие без планет.

— Несколько чего? — отозвался Блейк.

Кэкстон чувствовал, что Блейка заставляли забыть вопросы, которые он намеревался задать. Слова Касселехата перебили эту мысль.

— Все одиночные солнца — это очень старые холодные звезды класса М. У самой горячей из известных температура сто девяносто тысяч градусов по Фаренгейту, у самой холодной — сорок восемь. Одиночки своенравны, норовисты с возрастом. Их основная черта — это то, что они не допускают к себе ни планет, ни материю, ни даже газы.

Блейк стоял молча, нахмурившись, задумчиво. Кэкстон ухватился за возможность продолжить.

— То, что вы, не ученый, знаете все это, мне очень интересно. Например, тогда дома, в 1979 году, каждый ребенок понимал принцип движения ракеты практически

с рождения. Мальчишки восьми-десяти лет ездили в специальных игрушках, разбирали и снова собирали их вместе.

— Я уже пытался объяснить это мистеру Блейку, когда мы говорили по радио, но его мозг, кажется, не может воспринять некоторые из простейших аспектов.

Блейк поднялся, скорчив гримасу.

— Он пытался рассказать мне, что электроны думают, а я не верю в это.

Касселехат покачал головой.

— Не думают, они не думают. Но у них есть психология.

— Электронная психология! — сказал Кэкстон.

— Просто аделедикнандер, — ответил Касселехат. — Любой ребенок...

Блейк простонал.

— Потому я и подготовил множество вопросов. Я считал, что раз у нас хорошая подготовка, то мы смогли бы довольно легко понять это так же, как это делают дети.

Он еще раз посмотрел на Касселехата. Но тот поднял руку.

— Ничего больше, мистер Блейк. Дальнейшие научные вопросы должны быть обращены к соответствующим специалистам, которые, уверяю вас, очень хотят встретиться с вами.

Кэкстон с любопытством спросил:

— Хорошо, больше без научных вопросов. Какие сейчас люди? — он развил мысль. — Когда мы улетали, мы находились в заключительной части бунта пятнадцатилетних против истэблишмента — я говорю в заключительной части, не потому, что он заканчивался, а потому, что он, казалось, выровнялся. Как бы стабилизировался. Что стало с этим?

— Боюсь, — неохотно сказал Касселехат, — что я никогда не мог точно понять, что это было, но вы встретитесь с людьми. Завтра, среди прочего, вы будете на телевидении. Сможете определить сами.

Он встал.

— Перед уходом я должен сделать одно предупреждение. Возникла несколько неожиданная ситуация. В момент

нашей встречи я был поражен неприятным запахом, исходящим от вас обоих. По крайней мере сначала это произвело на меня неприятное впечатление, хотя сейчас я уже не так уверен. Но данную проблему нужно изучить. А пока вы должны быть очень осторожны с тесными контактами с людьми в этой эре. Это тем более важно, что мы приземлились несколько минут назад.

— А сейчас, — закончил он, — я вас покину на время. Первую ночь вы пока проведете на своем корабле, пока не закончатся все приготовления. Надеюсь, вы не будете возражать, если в будущем я присоединюсь к вам. Желаю вам всего хорошего, джентльмены, и...

Он взглянул мимо Блейка и Кэкстона и сказал:

— А вот и ваш друг.

— Ну что, привет, ребята, — сказал Ренфрю весело из дверей, затем кисло. — Ну не болваны ли мы?

О происшедшем затем событии, Кэкстон в последствии вспоминал со стыдом. Поездка была уже слишком, он сказал себе: «Господи, я ведь не железный... И кроме того, это неожиданное возвращение к здравомыслию того, кто еще несколько минут назад заговаривался — кого бы это не вывело из равновесия?»

Какова бы ни была причина, толкнувшая его вперед, первым рядом с Ренфрю оказался он. И он же обвил его руками и с полными глазами слез обнял его.

Наконец он понял, что происходит; он отступил и, с запозданием попытавшись обратить все в шутку, сказал:

— А сейчас хочу дать в челюсть этому парню за его слова.

Но когда он повернулся, Касселехата уже не было.

В ту ночь, лежа на своей койке, Кэкстон не мог уснуть. Сначала он объяснил себе, что это возбуждение... Но вдруг он понял, что беспокоило его.

Я думаю не о том. Какая разница, кто попал на Альфу Центавра первым? Ренфрю все спутал. Цель-то наша не эта — добраться сюда перед кем-либо с Земли... Что интересно, Ренфрю и он — мотив Блейка все еще был не известен Кэкстону — отправились в будущее, чтобы заполучить бессмертие для себя. Чего за это время добились другие, было не важно — для них. То, что человечество сотворило за пятьсот лет, было великолепно.

Но какую пользу несло это всем людям, которые находились в могилах?

Кэкстон сел в кровати, намереваясь броситься и объяснить все это Ренфрю и Блейку. Он быстро улегся назад. Ведь он никогда, как до него дошло, и намека не давал другим относительно своих настоящих мотивов этого путешествия. Глупо открываться на этой поздней стадии. Лучше — как это он всегда и делал — держать свои мысли при себе.

У него была та же самая проблема, что и тогда, во Дворце Бессмертия. По-видимому, все эти миллионы людей будут так же спасены Обладателями, в том смысле, что их заберут в четырнадцатилетнем возрасте, или около этого и направят в более долгую жизнь в мир других вероятностей.

Как и тогда, Кэкстон раздраженно откинул такое решение, как бессмысленное. Прийдя к этому выводу, он смог наконец заснуть спокойно.

15.

Кэкстон проснулся следующим утром и некоторое время думал, что он еще в пути.

Он мгновенно пришел в замешательство, так как не мог вспомнить, какое по счету возвращение в сознание это было. В следующий миг память вернулась.

Облегчение его было кратким. Он поднялся, надел свою одежду.

Стоя здесь, он понял, что та цель, которую он ставил перед собой — поиск Обладателей — при его нынешних обстоятельствах была очень труднодостижима. Им втроем придется остаться какое-то время на Центавре, а когда они вернутся на Землю, будет еще больше трудностей. Он вдруг вспомнил, что ему сказала его первая жена:

— Ради бога, Питер, расслабься, вот мы занимаемся любовью, а у меня такое впечатление, что ты в своих мыслях ушел куда-то далеко, и то, что ты делаешь сейчас, совершенно ничего для тебя не значит.

Это была правда. В мыслях своих он был далеко, нервно что-то задумывая, замышляя. Такое его поведение, несомненно, внесло свой вклад в то, что она так быстро подала на развод.

Кто-то однажды сказал Кэкстону, что женщина никогда не отпустит мужа, если он только не будет отгонять ее палкой. Но это, как Кэкстон понял, было неправдой. Были такие мужчины, от которых женщины все-таки уйдут и будут рады. Он улыбнулся своей бледной улыбкой, от того, что ему пришло в голову, что не каждый мужчина мог заявить, что он тот самый тип, от которого женщина наконец-то вырвалась.

Он усмехнулся над собой: «По крайней мере со мной это так. Я могу выбраться из переделок, в которые сам же попадаю, потому что люди радуются моему уходу. Может, это у меня получится и здесь».

Держа эту возможность в голове, он сразу повеселел. После чего открыл дверь и вышел в узкий коридор и оттуда в комнату управления. Он нашел там Блейка и Ренфрю.

Первым увидел его Блейк.

— Я собирался пойти к вам, — поприветствовал он Кэкстона. — Нам надо пройти большой медосмотр, так что приготовьтесь к скучному дню.

Кэкстон сказал:

— О-о!

Странно, после всей долгой безрезультатной дискуссии с самим собой Кэкстон понял, что ему было интересно.

— Может быть, мы найдем быстрый способ избавиться от нашего запаха и снова стать привлекательными для женщин.

Остальные двое просветлели при этих словах; так что заинтересованная тройка осторожно пробралась туда, где приземлился их корабль, и дальше в комнату, где они впервые встретились с Касселехатом.

Касселехат и несколько других людей, как мужчин, так и женщин, ждали их и поднялись, когда они вошли.

В движениях этих людей было что-то особенное, какая-то медлительность, и это подействовало на Кэкстона.

Едва он уловил их основательность, любопытство Кэкстона увяло.

И тем не менее там было несколько интересных вещей. С той ночи в комнату привезли несколько машин. Касселехат сидел рядом с одной из них и действовал, как переводчик, и то, что он говорил, было простыми вариантами фразы.

— Мистер Ренфрю, они бы хотели, что бы вы сняли одежду и легли на этот стол. — И дальше. — Теперь вы, мистер Блейк. — И наконец. — Мистер Кэкстон — ваша очередь.

Хотя он наблюдал, как остальные молча раздевались, но когда подошла его очередь, Кэкстону было немного неловко. Он, как он решил, не был из тех, кто одобрительно относится к врачам — женщинам. Пожалуй, это изумило его, потому что примерно с семнадцати лет он всегда зорко следил за женщинами, постоянно добиваясь возможных перспектив близких личных отношений, которые — он всегда надеялся на это — рано или поздно включат полное раздевание и обнаженные объятия. Это его никогда не смущало. Так почему он должен смущаться теперь?

И тем не менее он смущался. Он стыдливо лежал и грустно смотрел, как у него взяли примерно пинту крови. (Кровь передали в дверь и куда-то унесли, вероятно, на лабораторный анализ). Одна из врачих взглянула ему в глаза через какой-то оптический прибор и сфокусировала тонкий луч света на зрачок. Приблизительно через каждые двадцать секунд она меняла цвет: белый на красный, затем зеленый, желтый и так далее. Наконец она, видимо, получила информацию, которую хотела; подошла к одной из машин, где какой-то человек тщательно расспросил ее о чем-то.

Еще одна женщина несколько раз втыкала иглу ему то в руку, то в ногу, или тело, каждый раз впрыскивая то одну, то другую жидкость. Удивительно — он не чувствовал уколов иглы, что его заинтересовало, но он все еще съеживался, ожидая очередной инъекции, думая, что на этот раз будет больно. Женщина, казалось, не замечала этого. Она смотрела на показания датчиков и наконец тоже ушла для доклада человеку у машины.

Было совершенно непонятно, что же они увидели и какие выводы сделали. Кэкстон уже собирался задать вопрос об этом, когда у него возникла собственная мысль. Он быстро заговорил с Касселехатом.

— Обязательно, — сказал Кэкстон, — введите нам препараты, которые продлят нашу жизнь до девяноста лет.

Касселехат серьезно кивнул, но когда он повернулся к своим коллегам двадцать пятого века, он улыбался. И он продолжал слабо улыбаться, когда «переводил», если можно так сказать, эту инструкцию. Казалось, потребовалось несколько секунд, что бы они поняли то, что он имел в виду. И вдруг они тоже заулыбались, и некоторые говорили что-то, что Кэкстон не совсем, но все-таки понял.

Касселехат повернулся к тройке и сказал что эти инъекции будут в самом деле даны. Но волноваться не надо, ибо есть вещи более важные, первоочередные. С улыбкой он закончил:

— Ваш вопрос, мистер Кэкстон, поразил одного из наших психиатров тем, что он подразумевает то, что вы чувствуете себя гостем незнакомой страны, который может приобрести местные товары только за период короткого визита. Пожалуйста, будьте уверены, что теперь вы — постоянные жители нашей эры — если только вы не решите отправиться в следующее путешествие, используя препарат Пелхама; а есть причины, и они будут вам объяснены, почему это стоит сделать.

В комнату вкатился большой сверкающий аппарат, открывающийся с одного конца, и все повторилось снова: сначала Ренфрю улегся в подвижный, похожий на гроб, контейнер, к которому его направили. Как только его тело оказалось в горизонтальном положении, контейнер исчез, вкатившись в отверстие. Он исчез в аппарате, оставались видимыми только нервно подрагивающие пальцы ног.

Когда контейнер наконец выкатился из аппарата, он сел в нем, несколько раз тяжело вздохнул и сказал:

— Черт возьми!

Следующим шел Блейк, и наконец Кэкстон.

Первый раз он удивился, когда обнаружил, что оказавшись в аппарате, он смог смотреть сквозь материал. Оттуда, откуда он наблюдал раньше — снаружи — он казался металлически непрозрачным. Но изнутри он мог видеть, не ясно, а как бы через слегка затемненные очки. Лица нескольких из докторов — двух женщин и трех мужчин — выгнувшихся в металле, словно в дверном глазке, наблюдали за ним.

Кэкстон напряженно ждал, не зная, чего ожидать, и вдруг в голове возникло какое-то ощущение. Одновременно с этим мизинец его левой руки свело судорогой. Почти мгновенно в голове возникло еще одно ощущение: свело безымянный палец.

Он лежал, пока его пальцы, затем кисти рук, затем локти, руки в плечах, затем пальцы ног, ступни и части тела сводило судорогой. Каждый раз судорога сопровождалась этим странным ощущением в голове. Это была проверка рефлексов — на таком уровне и таким методом, о которых в двадцатом веке и не мечтали.

Все, казалось, шло отлично, пока они не дошли до глаз. Кэкстон почувствовал подергивание глазных мышц и серию болезненных ощущений.

А где-то там врачи отошли к аппарату на краткое обсуждение, и у Кэкстона было время вспомнить, что, хотя он никогда не носил очки, иногда глаза застилало туманом и он страдал от нечастых, но сильных головных болей из-за напряжения глаз... Проанализировав все это, он с удивлением понял, что они определили это состояние.

Вскоре после этой мысли медицинское обсуждение закончилось, и врачи вновь столпились вокруг и стали вглядываться внутрь. И вдруг он испытал ощущение в глазах, которого раньше никогда не было — быстрое движение глаз, которое он ощутил, как чрезвычайно быстрое подрагивание.

— Эй! — громко крикнул Кэкстон. — Какого...

Подрагивание остановилось. Пауза. Затем прежняя судорожная дрожь глазной мышцы повторилась.

На этот раз боль не была такой сильной.

Минуту или что-то около этого спустя задохнувшегося и восхищенного Кэкстона выкатили из аппарата. Он по-

нял, что между врачами и Касселехатом шел разговор. Последний повернулся к Кэкстону, когда тот поднялся и подошел к стулу, где была его одежда.

Касселехат сказал:

— Они хотят знать, куда вы рветесь, мистер Кэкстон?

Он говорил серьезно, и Кэкстон воспринял было вопрос так же серьезно, когда он увидел огонек в глазах старика. Он глубоко вздохнул и сказал:

— Что, я так нервничаю?

Касселехат кивнул.

— Нервничаете, дрожите, не можете лежать спокойно. Вам нужно отдохнуть.

— Я отдыхал пятьсот лет, — сказал Кэкстон.

— Они не хотят давать вам никаких транквилизаторов, — сказал Касселехат, — так что постарайтесь расслабиться. Подумайте о чем-нибудь спокойном.

«Я знаю, — подумал Кэкстон. — Путешествие окончилось, мы здесь, в нашем распоряжении все время, которое нам отпущено... до девяноста лет». Даже когда он уверял себя, он понимал, что не верит этому. Внимание его уже устремилось вперед, к тому моменту, когда он сможет сделать свой первый шаг к поиску в этом времени следа Обладателей.

«Это было, конечно, совершенное безумие», — сказал он себе. Посидев некоторое время, он оглядел эту восхитительную комнату... «Мне следует радоваться просто тому, что я здесь, в таком месте, испытываю такие потрясающие впечатления».

Однако он не был счастлив. Он рассеянно смотрел, как врачи снова что-то делали с Ренфрю. Ему пришло в голову, что одна из женщин-врачих была довольно хорошенькой. Может быть — эта возможность поддержала его некоторое время — у врача-женщины могло быть профессиональное отношение к запахам мужчины из прошлого, исключительно в научно-практических целях. Ей был бы интересен небольшой сексуальный контакт с таким зловонным типом. Возможно, ему следует сообщить ей о своей собственной готовности и желании участвовать в подобном эксперименте.

Он все еще праздно предавался подобного рода мыслям, когда Ренфрю поднялся и присоединился к двум

своим товарищам из двадцатого века. Одновременно с этим все девять врачей скрылись за дверью.

Подошел Касселехат.

— Они ушли на обед, — сказал он. — Позвольте, я покажу вам, как пользоваться кухней этой квартиры.

Кэкстон спросил:

— Они вернутся?

— О, да: обследование шло только полчаса.

Позже, когда осмотр наконец завершился, один из врачей сел возле аппарата и говорил так подробно, что Касселехат протянул руку и остановил его. Затем он повернулся и улыбнулся своим подопечным.

— Он забросал нас информацией. Но картина в общем такая...

Все трое были в хорошем физическом состоянии, и по существу то же самое можно было сказать и об их психическом состоянии. Вероятно, когда они постепенно привыкнут к своему новому окружению, успокоятся — ощущение небезопасности мистера Кэкстона, ощущение потери мистера Ренфрю — вот как они называли, что беспокоит Ренфрю! — и неловкость мистера Блейка из-за их запаха — со временем успокоятся.

Что же касается запаха, — Касселехат экспрессивно развел руками, — доктор Манаданн говорит, что запах — это быстроиспаряющееся вещество, выделяемое телом, растением или предметом, а то, что выделяете вы, джентльмены, кажется, не имеет таких свойств. Последуют новые опыты, но в соответственно оборудованной лаборатории.

Было сказано что-то еще, но это было главное. Еще говорили так же и некоторые другие врачи, но более кратко, и все это, казалось, добавлялось к тому, что они, очевидно, не несли с собой ничего заразного для охраняемого населения этого периода истории.

За этим последовал еще более краткий разговор об изготовлении для них одежды из специальной ткани, закрывающей все тело, кроме головы и рук, чтобы их запах мог быть сведен до минимума. Но они не должны ходить купаться или раздеваться, чтобы позагорать рядом с другими. Касселехат еще раз развел руками и, снова улыбнувшись, сказал:

— Ну вот. Вы можете идти, куда хотите. Вселенная две тысячи четыреста семьдесят шестого года нашей эры — как это говорится? — у ваших ног. Езжайте — самое позднее завтра — отдохните.

Блейк сказал:

— Мы, пожалуй, никуда не поедем, кроме, может быть, по личным делам, пока не получим эту одежду.

Один из врачей заговорил опять — какая-то просьба, насколько Кэкстон мог понять (язык уже становился не таким тяжелым). Когда сообщение закончилось, Касселехат объяснил, что врачи хотели бы, чтобы «один из трех джентльменов» пошел с ними на дополнительный тест. Казалось, они предпочитали Ренфрю.

Ренфрю сказал:

— Вы хотите сказать, что меня вот прямо сейчас заберут, а мои друзья, — он нежно обнял Кэкстона, который оказался рядом, — останутся здесь?

Этот неожиданный жест смутил Кэкстона. «Друзья, — подумал он насмешливо, — вот все, что мне нужно». Пока он боролся со своими чувствами, все было приготовлено. Ренфрю и врачи ушли. Пришли люди и выкатили аппараты. Касселехат, уходя последним, остановился.

— Ну, мистер Кэкстон, у вас было время сформировать какое-то мнение о людях этой эры?

Кэкстон вынужден был признать, что нет. День показался ему совершенно пустым. Что было неудивительно. Врачи, выполняющие свои профессиональные обязанности, были почему-то как роботы, а не люди.

Вслух он сказал:

— Я думаю, с нами сегодня побеседуют, и тогда я смог бы определиться.

На лице Касселехата появилось странное выражение: он неожиданно заволновался.

— Но, — он почти выдохнул слова, — вы разве не поняли? Что весь медосмотр передавался на все четыре планеты.

Здесь он немного пришел в себя и извинился:

— Я понял, что я просто принял за должное то, что вы узнаете обычное телевизионное оборудование.

— Телевизионное! — простонал Блейк, стоявший в стороне.

— Вы имеете в виду, — сказал Кэкстон, — нас наблюдали весь день без... — он хотел сказать «без одежды». Но слова не выходили. Мысли роились в голове.

Он смутно слышал голос Касселехата.

— О, да. Весь день. Вы должны понять, джентльмены, — он снова был совершенно спокоен, — что ваше прибытие — это давно ожидаемое событие, и люди всех четырех планет очень интересуются любыми подробностями вашего пребывания здесь.

Кэкстон открыл было рот для протеста. Но краем глаза он увидел, что Блейк пытался привлечь его внимание. Добившись своего, Блейк подмигнул. И замолчав, Кэкстон понял, что Касселехат был не а состоянии понять, что их тревожит.

Потом, когда Касселехат ушел, и они обсудили этот день и это поразительное открытие в конце, Кэкстон узнал от Блейка, что Ренфрю не будет всю ночь — это он пропустил из-за своего замешательства по поводу дружеских излияний Ренфрю. «Ловко они это устроили», — подумал он с восхищением.

Вслух же он сказал:

— Думаю, под видом анализа ему будет оказано дополнительное лечение.

Блейк кивнул.

Кэкстон настойчиво продолжал:

— Джеймс ничего не подозревал?

— Абсолютно ничего, насколько я мог видеть, — сказал его товарищ. — Даже был доволен. Пролетит над городом. Нам это удовольствие достанется завтра.

— А я-то думал, что мы свободны, — проговорил Кэкстон, — и что у нас ключи от города.

Блейк рассмеялся. Он снова отпускал усы, и теперь над его верхней губой была черная полоска. С усами возвращался и тот первоначальный вид, который был у него, когда Кэкстон впервые встретился с ним. Он сказал:

— Только, очевидно, не сегодня. Но мы можем остаться здесь.

— Ого! — огляделся вокруг Кэкстон. — В этих апартаментах?

Когда Блейк снова кивнул, Кэкстон сказал:

— Что ж, это по крайней мере один шаг вперед. Который час?

Они одновременно посмотрели на часы, и оба были ошеломлены, когда увидели, что был уже десятый час вечера. Пока они соображали, что им следует делать, из кухни донесся мягкий звонок. Они зашли туда как раз в тот момент, когда плита (это устройство Касселехат продемонстрировал им за обедом) выставляла тарелки с дымящимся блюдом на стол.

Блейк рискнул предположить, что еда предназначалась для них и предложил поесть, пока никто не пришел и не оспорил это предположение.

Что они и сделали.

Пройдя в одну из спален, Кэкстон обнаружил ряд брошюр, озаглавленных: «Исторические путеводители для наших выдающихся гостей из прошлого». Они были на английском и их было достаточно, так что он мог почитать перед сном.

Это был первый полный день на Альфе Центавра.

Когда на следующее утро Кэкстон проснулся, он все еще был утомлен от долгой ночи жадного чтения. Но Ренфрю был уже на месте. Теперь наконец-то, одевшись и позавтракав, они были готовы ко второму дню на планетах Центавры.

18.

Теперь-то, наконец, их вывели из квартиры.

Кэкстону было интересно наблюдать за Ренфрю; тот уже побывал в городе, и ему было приятно показывать Блейку и Кэкстону все то, что он там узнал.

Сначала они прошли в дверь и оказались в сверкающем коридоре большого космического корабля, который два дня назад встречал их. Спустились по лестнице, затем сошли на двигающийся пол. Сойдя с него они прошли короткий отрезок до следующей двери.

Когда открылась эта дверь, их встретил мягкий бриз и они оказались высоко снаружи, выйдя на открытое

место — тихий эквивалент летного поля. Над ними было голубовато-зеленое небо, не очень отличное от неба Земли.

Кроме этого, на небе было два светила: одно, размером примерно с Солнце, было на четверть над горизонтом на востоке. Другое — яркое, белое, размером с теннисный мяч. Оно было в нескольких дюймах над горой на западе.

Кэкстон остановился и уставился на ландшафт. На какой-то момент он забыл свои собственные цели: он смотрел, на глаза навернулись слезы, и он подумал: «Мы здесь! В самом деле!»

Рядом с ним Блейк говорил Ренфрю:

— Они вас водили сюда прошлой ночью?

— Да.

— Счастливец.

Ренфрю скромно сказал, что он не думает, что их хозяева заботились о том, кто из них увидел все это первым, так как они не собирались скрывать это ни от кого из них. Но он с осведомленным видом взглянул на Касселехата.

— Тот же эскалатор? — спросил он.

Старик кивнул, и поэтому к турникету их повел Ренфрю, а там вдоль корабля до площадки они сходили по эскалатору.

Совершенно обыкновенный на вид автобус ждал их внизу, и когда они вошли в него и сели, их отвезли к отдаленным воротам, а затем на какую-то улицу, которая не очень отличалась от улиц любого заграничного города на Земле, разве что она была очень широкой. И что еще было отличным, так это то, что они впервые увидели «Полеты».

Их везли по улицам, которые все были чрезвычайно широки, к отелю, куда они вошли через заднюю дверь. Затем, на эскалаторе — на самый верх в фешенебельную квартиру.

Внутри улыбающийся Касселехат сказал:

— Господа двадцатого века, среди многого прочего вчера вас сфотографировали, и в результате для вас были сделаны костюмы по вашим индивидуальным меркам. Имена пропечатаны в карманах.

Он сделал приглашающий жест рукой.

— Так что устраивайтесь в комнатах, одевайтесь, а я вернусь, когда прибудут ваши личные «Полеты».

«Полеты» были доставлены к вечеру. Оказалось, что они еще не знали, как они работают. Инструктор-физик, кажется, должен был появиться поздно вечером. Но Касселехат, чья собственная машина была в камере хранения для таких средств, был счастлив, как он сказал, показать им простые операции. Трое охотно согласились, и он вывел их на большой внутренний двор позади отеля. Накинув на себя аппарат, он поднялся на высоту в двадцать футов и окликнул своих подопечных.

— Давай!

Они попробовали по очереди, сначала Нед Блейк, весело крикнувший:

— Эй!

Затем Ренфрю, который взлетел молча, но улыбаясь; и наконец, с неохотой, Кэкстон. Неохота объяснялась тем, что он быстро заметил несколько внешних отличий этого аппарата от того, который он изучил по фильму Арлея. Там были наплечные лямки с парой петель, охватывающих тело и проходивших снизу между ногами, как дополнительная поддержка. В этом же все прикреплялось к лямкам тонким шнурком; и вдобавок нужно было прикрепить две похожие на шлепанцы штуки на каждый ботинок. А они в свою очередь крепились к плечам точно таким же шнурком. Кэкстону казалось, что все эти отдельные части никак не могли действовать вместе, чтобы держать его на лету, так как они друг друга не крепили. Судя по тому, как держали себя другие, здесь было какое-то взаимодействие, но как они этого добивались, было не ясно.

Кэкстон колебался, думая о том, что ему хотелось бы знать об этих вещах, прежде чем доверяться им. Потом он снова заколебался, подумав, что в конце концов Блейку и Ренфрю действительно нечего было терять, потому что они больше никуда не собирались, а он собирался; его целью было — бессмертие. Потом он уже заколебался еще раз, подумав, что аппарат был слишком быстр; это нужно делать постепенно, сначала на пять футов, затем десять, а может в первый день и не выше.

Когда он дошел до этого, он увидел, что на него смотрят. Блейк слетел вниз и тихо сказал:

— Питер, ради Бога, не позорьте нас.

После этого Кэкстон сопротивлялся лишь несколько секунд. Он резко ухватился и осторожно сжал крошечный рычаг, свисающий с руки.

Сначала натянулись лямки на плечах. Затем возникло давление в области нижней части. И в то же время ноги его окрепли. Кэкстон настолько был поглощен этими ощущениями, что поднялся на несколько футов, не успев приготовиться к первому подъему. Он открыл рот от изумления и восторга. Затем задержал дыхание. И поднялся на двадцать футов вместе с другими; и все было так просто, восхитительно, и — о, боже мой!

Когда они вчетвером поднялись на высоту, как оказалось, более пятисот футов, Касселехат объяснил, что это был предел для полета персонального «Полета».

— Но самого ограничителя нет, — добавил он. — Где бы вы ни были, над горой или над морем, машина поднимется на любую высоту до максимальных пятисот футов.

Кэкстон не считал это ограничением. Что беспокоило его, так это разговор, который он услышал, когда молча летал возле своих трех спутников, о путешествиях, которые планировались, о местах, куда они пойдут. Это походило на деловой маршрут, отдаляющий возвращение на Землю. Эта мысль опечалила его, но он ничего не мог с этим поделать.

Первый полет пронес их над огромным городом Ньюмерика, затем над заливом, откуда был виден океан, и, наконец, обратно в отель.

После обеда в номере Кэкстон вытащил свой «Полет» и попытался разобрать его под заинтересованными взглядами Блейка и Ренфрю.

Он не мог даже открыть его. Он все еще возился с ним, когда появился Касселехат не с одним, а с двумя механиками и физиками. И, когда механик со знанием дела разобрал его аппарат, ему объяснили разницу между «Полетом» две тысячи восемьдесят третьего года и нынешним.

Первоначально «Полет» работал на компакт-батарее, которая образовывала противоположные поля возле опоры. Между опорой и землей устанавливалась связь. Сдвигая поля, можно изменить связь. Таким образом, «Полет» опускался или поднимался для того, что бы поддержать высоту.

Все это, как объяснили Кэкстону, было очень осложнено. Аделедикнандер упрощал этот метод — чем? Кэкстон не очень понял. Очевидно, противоположные поля были не нужны, потому что электроны «знали», как оказаться на различных высотах.

Хотя он не мог понять эту науку, они все, наконец, разобрались в практических операциях.

Вот таким был второй день.

На третий день их подняли на корабле на самый верх атмосферы.

С этой высоты трое из далекого времени смотрели вниз на планету. С высоты птичьего полета они видели мир размером, как утверждалось в путеводителе, с Землю. Эта называлась Блейном. А через некоторое время он был уже слишком велик для быстрого взгляда.

Города и снова города. Бесконечные мили сельскохозяйственных угодий, затем обширный океан. Их судно проходило в верхних слоях атмосферы со скоростью, поглощающей мили и огибающей планету приблизительно за семь часов. На такой высоте и при такой скорости трудно было отличить Блейн от Земли. Материки были очерчены смутно; так что они могли быть чем угодно и где угодно.

Каждое утро Кэкстон поднимался с красивой кровати в своей превосходной, большой комнате, осматривался и нетерпеливо пожимал плечами. И когда, наконец, объявляли программу на день — это всегда была чья-то идея, но никогда его собственная — было тоже ощущение навязчивости и убеждение в том, что сегодня предстоит еще один безрадостный день. Так оно и было.

В этих турах он почти ничего не видел. Мысли его были где угодно, только не там, где он находился. Впоследствии, когда Ренфрю и Блейк обсуждали события дня, в голове у Кэкстона мелькали какие-то смутные воспоминания об описываемом эпизоде. И некоторое время он

улыбался, кивал и даже делал какие-то собственные замечания. Иногда — не очень часто — в этих воспоминаниях он казался довольно заинтересованным. В такие моменты он снова поражался и разочаровывался в себе. Потому что: «Правда, — говорил он себе, — торопиться некуда. Прошлое время ждет вечно... где-то». И тем не менее в следующее мгновение какая-то его часть больше не верила этому; а затем была злость, фрустрация — еще один бесконечный день, когда он плелся за своими возбужденными товарищами.

Изменение произошло на одиннадцатый день. Блейк и Кэкстон находились в номере. Ренфрю, спускавшийся вниз, не сказав зачем, вошел, улыбаясь во весь рот. Он сказал:

— Я все время слышал ваши тихие мысли, Питер, и, наконец, они тронули меня.

Он пояснил:

— Может, вам будет интересно услышать, что я только что купил нам всем билеты до Земли, и как я понимаю, когда мы доберемся туда, нас будет ожидать какое-то подобие приветствия.

Молча Кэкстон продолжал в раздумье лежать на кушетке, но очень легко покачал головой. Добраться до Земли, очевидно, должно было быть настолько простым делом, насколько Ренфрю хотел, чтобы это произошло.

«Я, — подумал он, несколько сбитый с толку, — не смог бы сделать этого менее, чем за три недели или месяц».

Думая так, он удивлялся себе, тем не менее настроение поднялось.

На Землю. Слава Богу.

17.

Через три часа они, конечно же, отправились в поездку; и конечно же, им понадобилось почти столько же, чтобы добраться до своего отеля из космопорта через приветствующие их толпы.

В тот вечер, когда во время интервью, транслировавшегося на весь мир, его спросили, что он хочет увидеть на Земле больше всего, Кэкстон сказал:

— Город Лейксайд.

Журналисты были ошеломлены.

— Но почему? Родились вы в другом месте, и жили вы не там.

— Я видел его во сне, — вежливо сказал Кэкстон. Он приукрасил ложь. — Где-то в долгом сне, может под самый конец, перед пробуждением, явилось мне название, и вот интересно, очевидно, — все с той же вежливостью, — через пять веков мы можем посмотреть на наши родные города, как люди, занимающиеся археологическими раскопками. Естественно, я хочу туда, но сначала — Лейксайд.

Ему показалось, что это была смелая мысль — назвать город, где он очутился, выйдя из Дворца Бессмертия несколько сот лет назад. Но он верил, что Обладатели знали, что это он отправился в это невероятное путешествие, и они должны знать так же, что у него была цель, связанная с ними. Так что его присутствие здесь не было тайной.

«Нет, нет, — подумал Кэкстон, — они меня могут видеть, а я их не могу». У него была надежда на то, что его откровенность и искренность — это было доказано тем, что он проделал такой огромный путь во времени — даст ему то, в чем раньше ему было отказано.

Это, как ему показалось, было для него самой простой и самой прямой возможностью.

Команда операторов прибыла прямо в отель; и вот, когда Кэкстон вышел, Блейк ждал его возле дверей.

Кэкстон увидел, что несколько человек наблюдали за ним, словно у них были личные планы на него.

Но первым был Блейк, и Блейк сказал:

— Вот, кто делает это, приятель.

Кэкстон понял, что происходит, и он взял себя в руки. Он считал Блейка важной персоной и ему просто повезло, что внимание его было сосредоточено на его бывшем боссе. Таким образом он избежал прямой конфронтации с одним из проницательных людей среди тех, кого он когда-либо встречал до сих пор.

Блейк продолжал.

— Питер, — сказал он и тряхнул своей темноволосой головой, — вы ведь никогда не жили в Лейксайде, не так ли?

Кэкстон должен был признать, что не жил.

— На самом деле, если я правильно помню, ваш родной город находиться около пятисот миль западнее.

Кэкстон ничего не сказал, и Блейк спросил:

— Вы когда-нибудь были в Лейксайде?

Кэкстон решил, что одна его поездка в 2083 году не считалась визитом. Поэтому он опять покачал головой и попытался на этот раз напустить на себя несколько загадочный вид.

— О'кей, о'кей! — качал головой Блейк. — Если вы так хотите, друг мой, то так и будет.

Он по-дружески схватил Кэкстона за руку и потащил в дверь к ожидавшим там людям.

— Здесь вот человек, который хочет с вами познакомиться.

Он подал знак, и вперед выступил какой-то сурового вида человек лет сорока. Блейк сказал:

— Мистер Бастман, я хочу вас познакомить с моим другом, Питером Кэкстоном. Это, — он произнес слово, похожее на «шлемиль», но такое же, конечно, было невозможно, и после такого начала Кэкстон не осмелился спросить имя еще раз. Какой-то Бастман. Остановившись на этом, он начал бормотать что-то о признательности, когда, впервые взглянув на этого человека, смог разглядеть его как следует.

Это был момент дежа вю. Не «я уже был здесь раньше», а «я уже видел этого человека». Где? Кэкстон за-

дрожал. В двадцатом веке, где еще? А если так, тогда... тогда...

Опять говорил Блейк:

— Мистер Бастман отличается от большинства людей, которых мы встретили в этой эре тем, что, как и Касселехат, он говорит на среднеамериканском почти как на родном.

— Обладатель!

Что спасло Кэкстона от того, что бы не встать и не выдать себя, ибо он был ошеломлен, так это другие люди, которые лезли вперед, улыбались, пожимали его руку, бормотали слова на диалекте теперешнего времени, которые Кэкстон уже некоторым образом понимал и на которые он отвечал в своей манере, медленно выговаривая каждое слово.

И с каждой секундой он все больше овладевал собой, восстанавливая свою защитную оболочку, которая обычно была из мрамора и железа; и каждую секунду он думал: «Где? Кто?» За эти полторы минуты беглых знакомств память его пролистала весь опыт общения с Обладателями, а его было не много, так что он мог зрительно представить Бастмана, состарившегося до семидесяти. Но лихорадочно перебрав несколько людей, которых он видел во Дворце Бессмертия или как-то связанных с ним, он быстро сосредоточился на одном человеке.

«Тот старик... Как это сказал тот торговец Келли: «Он выглядит, как все самые важные и властные менеджеры в мире» — Надо поддержать связь с этим парнем!»

Когда они прощались, он в отчаянии сказал это же самое и поймал удивленный взгляд Бастмана.

— Ну, конечно, — сказал он вежливо, — я увижу вас утром, как мы только что договорились.

— Ради Бога, Питер, — это был Блейк, — вот вы опять.

Одной рукой он обхватил Кэкстона за плечи, рассмеялся дружелюбно, но несколько извиняюще и, наклонившись вперед, объяснил Бастману:

— Кажется, мы никак не можем полностью оставить его в двадцать пятом веке. Он все время ускользает куда-то.

Кэкстону же Блейк сказал:

— У мистера Бастмана личная воздушная яхта, которая, по всеобщему мнению, гораздо удобнее, чем государственная: так что он отвезет нас завтра в Лейксайд.

18.

Процессия, направлявшаяся на следующий день в Лейксайд, состояла из прекрасного корабля Бастмана, правительственного конвойного судна и большого корабля с операторами и репортерами, которые, очевидно, будут следовать за ними по пятам.

Внутри роскошный корабль Бастмана был размером с железнодорожный личный вагон. Кэкстон сидел на плюшевом стуле возле огромного окна; его беспокоило то, что он уже достиг своей цели. Неожиданное появление Бастмана было, в своем роде, все, на что он надеялся, когда упомянул Лейксайд.

Тем не менее он решил, что не будет тянуть попусту время, а попытается определить местонахождение нужного ему дома...

Здесь, как оказалось, была только одна проблема. Когда экспедиция добралась до Лейксайда и под его управлением пролетала над городом, он не мог найти ничего похожего на этот дом.

Он повторял себе, что холмы существенно не менялись. Трудно поверить, что кто-либо — строитель, комиссия по городскому планированию, военная необходимость, или что бы там ни было — тратил время, усилия или деньги на то, что бы сровнять с землей постамент подобно тому, на котором стоял тот дом в 2083 году.

Однако во всем Лейксайде наблюдалось только два основных холмистых образования. Кэкстон подходил к ним со всех углов — и преуспел только в том, что запутался. Ни с воздуха, ни с земли не было ничего, что напоминало бы то, что он видел когда-то. Конечно, прошло уже четыреста лет. На одной из вершин город по-

строил музей, что было довольно глупо, как казалось очень раздраженному Кэкстону. Когда, справившись, он узнал, что музей был построен только сорок восемь лет назад, у него появилось болезненное подозрение, что это действительно было то самое место; и что тут в результате чьего-то идиотизма был конец его надеждам.

Они прилетели обратно в Нью-Йорк поздно вечером. У Кэкстона было ощущение, что он, должно быть, выглядел дураком в глазах тех людей, которые весь день или по крайней мере время от времени смотрели на него со своих настенных экранов. Он не мог представить, что кто-то еще интересовался гостями из прошлого до такой степени, чтобы продолжать уделять основное внимание такому скучному событию, как путешествие в поисках неизвестно чего.

Тем не менее, когда у него в тот вечер брали интервью по телевидению, журналисты, казалось, были настойчивы, принимали его серьезно и были чрезвычайно заинтересованы его утверждением о том, что невозможно найти за время однодневного визита то, что он ищет. И поэтому он выразил свое намерение переехать на некоторое время в Лейксайд.

— Но что вы надеетесь найти, мистер Кэкстон? — настаивал собеседник.

— Не знаю. У меня такое чувство, будто я узнаю, когда увижу это.

Собеседник улыбался.

— Мистер Кэкстон, вы определенно захватили воображение нашей довольно поразительной эры этим своим мистическим сном. Он до некоторой степени напоминает древний поиск Святого Грааля, мы, — он взглянул на камеру, — будем держать наших зрителей в курсе. Удачи, сэр.

Он протянул руку, и Кэкстон пожал ее. По пути в комнату он подумал: «Мой поиск — поиск бессмертия, и вести я его буду с тем же фанатизмом, что и древние крестоносцы. Даже...» Ему вдруг пришло в голову, что если исходить из того, что знал диктор о его цели, это сравнение было неудачным и даже лишено вкуса. Но с его действительной, скрытой целью некоторое сходство было. Потому что те искатели древности пришли к ужас-

ному пониманию того, что человек смертен; так что для своего времени по-своему они сделали то, что он делал сейчас. Было это их безумием? Он всегда так думал. А его? Было или нет, в любом случае, сдаться было невозможно. Что еще делать? Вернуться на Центавры — совершенно не хотелось. Обживаться в двадцать п[illegible]ом веке? Нехотя он согласился с Блейком и Ренфрю, что это было невозможно, легче не будет. Они были, как эмигранты из очень отсталой страны, а такие селились в каком-нибудь месте рядом с себе подобными. Только такого места для эмигрантов времени не существовало.

В тот вечер, пока Блейк и Ренфрю наблюдали за ним, не говоря ни слова — некоторое время — Кэкстон уложил свои вещи. Ощущая на себе их взгляд, следующий за каждым его движением, он чувствовал себя бесконечно глупо, и тем не менее был настроен решительно. Именно Кэкстон наконец нарушил молчание.

— Я на несколько дней уеду. Надеюсь, вы не будете возражать.

Двое обменялись взглядами, а затем Ренфрю подошел к тому месту, где Кэкстон склонился над своим чемоданом, и положил руку ему на плечо.

— Мы едем с тобой, приятель. Нед и я можем выбраться из Лейксайда так же легко, как и из любого места. О'кей?

Это был еще один из тех сумасшедших, эмоциональных моментов.

«Ради Бога, — подумал Кэкстон, сдерживая слезы, — если я не поостерегусь, то скоро разрыдаюсь, как женщина, и расскажу им всю эту безумную историю».

Они двинулись в Лейксайд.

Бастман отправился с ними.

— В конце концов, — сказал он, — я независим и богат. Так что я в вашем распоряжении. Делать что-то другое мне не хочется.

Кэкстон это мрачно обдумал. Становилось ясно, что даже «оппозиция» во Дворце Бессмертия не собиралась устраивать ему легкую жизнь.

19.

В последующие семнадцать дней в дневнике Кэкстона — если бы у него хватило терпения вести его — можно было бы прочесть:

В течение недели каждый день ездил на Пиффер-Роуд. Сейчас это часть Центр-Востока 42, который состоит из длинного торгового ряда, тянущегося на тридцать семь с половиной миль откуда-то с севера от Бульвара Уорвик к Кисслинг-Драйв. Здесь семьдесят три города такого типа. Это то, что имел в виду Касселехат, когда сказал про возврат к городской структуре. В Центр-Востоке 42 я не нашел следов Дворца Бессмертия.

...Середина второй недели. Удалось ускользнуть и нанять одну поисковую фирму на поиск владельца всех домов на двух холмах в Лейксайде. Это займет несколько дней.

...Так, выяснилось, что некая семья Магольсон владела одним из домов, пока собственность не была передана музею. И что в каждом поколении главу семьи Магольсонов звали Дэниелем. Поисковая фирма идет сейчас по следу семьи в этом поколении. Они рассчитывают, что адрес для меня будет у них завтра или послезавтра. То ли это? Нашел ли я Обладателя из основной дворцовой группы? Надеюсь, что да. Ренфрю и Блейк потеряли покой.

В тот вечер — когда у него была эта мысль — Ренфрю и Блейк пригласили пойти его куда-нибудь в бар. Кэкстон пошел, но было как то неудобно. Что-то в их поведении было...

В полумраке бара они подняли бокалы по предложению Блейка и выпили за красивых женщин всех времен. Отпив из своего стакана, Блейк поморщился и сказал:

— Как мы сейчас можем предположить, человеческий запах отражает пищу, которую употребляют люди. Так, китайские собаки нашего времени яростно лаяли на бе-

лых посетителей и не обращали внимания на китайских путешественников, которые предположительно ели то же самое, что ели и в этой деревне. Так что, может быть, мы и не захотели бы близко общаться с женщиной шекспировских дней и захотели бы оставить Клеопатру Цезарю и Марку Антонию. Очевидно дело здесь не в ванной. Большое количество одеколона помогает, но, похоже, нам придется еще несколько месяцев подвергать свои клетки нынешней диете, прежде чем мы наконец сольемся с всеобщим запахом.

Он замолчал, и Кэкстон, начавший испытывать облегчение — разговор пока что, казалось, очень отличался от предыдущих — воспринял слова Блейка по их поверхностному смыслу. Он сказал:

— Я немного изучал это. Думаю, что дело в удобрениях, которыми пользовались тогда и сейчас. В старом Китае, вспомните, человеческим шлаком тщательно удабривали почву, результаты, с точки зрения западного человека, были тошнотворны. Здесь же они применяют химические составы, которые были не известны в наше время.

Он уже собирался было дать более подробное описание, когда заметил выражение глаз Ренфрю, и остановился.

— Что случилось? — спросил он.

Блейк раскрыл было рот, чтобы снова сказать что-то, но Ренфрю, положив руку ему на плечо, остановил своего друга и сказал с улыбкой:

— Помните, когда вы оба предложили мне свои деньги. Я сказал, что думаю...

Кэкстон почувствовал, как у него изменилось лицо.

Он забыл.

Подарок в два с половиной миллиона от правительств четырех обитаемых планет Центавры был, очевидно, третьей частью той суммы, которую Ренфрю вложил за них правительственными облигациями пятьсот лет назад. Тогда вышел закон, санкционировавший такой долгосрочный вклад и, конечно, это был произвол со стороны правительства — делить этот вклад поровну на оставшихся путешественников во времени. По праву все деньги принадлежали Ренфрю.

Вскоре после того, как был выяснен источник этих щедрых денег, Блейк сразу же предложил свою долю Ренфрю и, после мимолетного колебания, это же сделал и Кэкстон. К его разочарованию, Ренфрю не стал сразу отказываться от предложенных денег. Тогда он с улыбкой сказал:

— Давайте оставим все как есть. Но у меня есть одна мысль, и я попросил бы вас обоих принять участие в довольно солидном финансировании. Если это осуществится, тогда я возьму чек. В противном случае, забудьте это.

Что было очень великодушно. Но это все же оставило деньги не Кэкстону.

Теперь, приготовившись к худшему, он думал: «Мне придется делать расчеты?»

Ренфрю продолжал:

— Я рад вам сообщить, что дело сработало. — Он нежно улыбнулся Кэкстону. — За последние недели, что вы осматривали город, Нед и я приценивались к суперкораблям. Ну, мой друг, — он вытащил руку и этим магнитным касанием легонько схватил Кэкстона за запястье, — мы сможем приобрести один за пять с половиной миллионов. Так что...

Ренфрю отвернулся от Блейка в своем ликовании, взглянув на него, Кэкстон же заметил на себе и взгляд Блейка. Блейк делал кивающий жест головой, а глаза его умоляли Кэкстона согласиться с этой идеей, какой бы она ни была.

Ренфрю заканчивал свое предложение.

— Почему бы нам не выложить равные суммы и совместно не приобрести корабль, который мы с Недом выбрали?

Кэкстон делал быстрые подсчеты, деля пять с половиной на три; а так как треть была меньше того, что у него было более чем на полмиллиона, то это ничего не значило; это была такая же нереальная сумма, как и первоначальное количество, которым он все равно никогда не обладал.

На его личные цели оставалось еще достаточно. Поэтому эта просьба ничего для него не значила, поэтому можно было, не долго думая, соглашаться.

Практически он и не раздумывал — и не имел подозрений.

— Великолепно! — сказал он громко, слишком громко. — Считайте дело сделанным. Даже...

Он вытащил свою чековую книжку и выписал чек Джеймсу Ренфрю на один и пятьдесят шесть миллиона. Размашисто подписывая его, он услышал, как Блейк рассказывал ему их планы.

Кэкстон смутно увидел, как Ренфрю взял чек. Но внутри него была ужасная пауза... Что он сказал? Какая поездка?

Блейк пылко рассказывал:

— Завтра мы проверим корабль. Да, он автоматический. Нет проблем. И потом, на следующий день, уезжаем.

Кэкстон смотрел на него, ничего не соображая. Затем — не мог сдержаться:

— Ради Бога, куда мы едем?

Блейк с сияющими глазами ответил:

— Питер, это один из кораблей, который может добраться до Центавры за три часа, до Сириуса — около десяти и так далее.

Теперь он уже схватил Кэкстона за руку. Его взгляд искал глаза Кэкстона.

— Слушай, малыш, мы ведь здесь поиграли с вами в вашу игру. А теперь вы поиграйте в игру Джима — пару месяцев космического исследования. О'кей?

— Немного попутешествуем, — сказал Ренфрю. — Что скажете, дружище?

Он не сопротивлялся. Не мог сопротивляться. Пока не мог. Странно, но он все еще испытывал привязанность к ним обоим: не мог возражать их планам. Много раз он думал: «Это потому, что они любят меня, а я раньше этого не имел...» Но был еще и тот фактор, что если — если — ему придется остаться в двадцать пятом веке, тогда, возможно, он в них будет нуждаться больше, чем они в нем. В конце концов, они всегда были вместе. В этом отношении он определенно был вторым. Блейк всегда выберет сначала Ренфрю, а Ренфрю всегда будет, ну, ожидать, что Блейк выберет его первым. Но казалось верным и то, что они оба отдавали часть своей привя-

занности этому дрожащему, нервничавшему, напряженному, раздражительному, рассеянному потенциальному отступнику, этому странному запутавшемуся типу по имени Питер Кэкстон, обладающему степенью магистра двадцатого века и степенью круглого идиота, стремящегося к бессмертию. И потому что ему нужно было теплое чувство, которое они предлагали ему, он не мог ничего поделать — он делал то, что они хотели. Поэтому избежать этой исследовательской поездки в космос было нельзя.

Кэкстон остался в вестибюле отеля, пытаясь придумать, как он мог ускорить поиск нынешнего адреса Дэна Магольсона. Потому что, если он сможет пойти туда...

Что тогда? Он вдруг обнаружил, что зримо представляет вход во Дворец Бессмертия через дом Магольсона. И если он был там, то он проберется во Дворец и спрячется. А уж там... Планы его были смутны, ну да черт с ними. Он будет решать тогда, когда доберется туда, но где-то в подсознании у него была призрачная надежда на то, что он сможет договориться с Обладателями, и они позволят ему остаться, пока он делает усилия привести свои личные качества в соответствие с их требованиями.

Конечно, Кэкстон думал, расхаживая из угла в угол, что сможет стать — он криво усмехнулся — более мягким, нежным, более привлекательным Питером Кэкстоном. Трудно было представить такую перемену, но другие же были такими, так почему не он? И все же проблема никогда не была в нем. Его личные качества приобрели нынешнюю форму, пока он постепенно и довольно неохотно, осознавал сумасшествие других.

«Может быть, они смогут изменить меня, но как, ради всего святого, они собираются изменить те миллионы сукиных сынов там, с которыми мне приходится иметь дело?» Его беспокойному разуму казалось, что его восприятие окружения должно быть затуманено, прежде чем он осмелится подвести своего опекуна.

Ближе к десяти вечера его лихорадочное возбуждение неожиданно утихло. Кэкстону это было знакомо. Своими мыслями он довел себя до изнеможения. Сейчас наступит период апатии и смирения.

Он уже поворачивался, чтобы подняться к себе в комнату, когда впервые вспомнил про Бастмана. Возбуждение мгновенно нахлынуло вновь, на этот раз более уставшее, но достаточное, чтобы он направился в комнату связи и оттуда, из тишины, связался с человеком, который был врачом главной группы Обладателей. К тому времени, когда на экране показалось знакомое уже суровое лицо, Кэкстон был уже снова спокоен и готов со своим рассказом.

Рассказ это был типа благодарно-вас-за-все-надеюсь-мы-еще-увидимся-когда-вернемся-из-нашего-путешествия. Несказанным было: «Теперь сделайте же что-нибудь!»

Дальше произошло то, что где-то глубоко в подсознании породило почти невидимую надежду. Казалось, Бастман сильно опешил. Но он быстро оправился и проговорил волшебные слова:

— Ах, Питер, почему мне не прилететь за вами в отель, и не отправиться нам куда-нибудь поболтать. Вы согласны?

— Еще бы.

Кэкстон бросился в свою комнату. Рассовал по карманам браунинг, пару запасных магазинов, лазерорежущее устройство, купленное им в магазине, крошечный тюбик с пищевыми капсулами, газовый пистолет из двадцать пятого века и с полдюжины возбуждающих средств, предназначенных для поддержания пробуждающего центра мозга в состоянии готовности даже при работе центра сна. Одну таблетку он проглотил.

Было еще несколько средств, которые, как ему показалось в неожиданном приступе беспокойства, он хотел бы взять с собой. Но он боролся со страхом и держал свои защитные инстинкты... На крыше он появился менее чем за минуту до того, как машина Бастмана села на одну из площадок.

Дверь открылась. Бесшумно откинулся трап. Кэкстон, полный решимости, чувствуя, что его приняли, уже собрался подняться, когда увидел, что Бастман вышел ко входу и загородил его.

Бастман сказал решительным тоном:

— Ну, Питер, пришел час расплаты, а?

Слова эти были тихо произнесены человеком, который прекрасно знал, что Кэкстон его узнал, когда их знакомил Блейк. Он хотел, чтобы Кэкстон тоже знал это и, чтобы он понял, что то, что сейчас должно произойти, потребует решения.

Бастман был горд. Это было, возможно, то самое качество, которое выделяло его из других Обладателей. В своей гордости он смотрел на других как бы со стороны. Что спасло его от раскрытия в свои первые дни во Дворце — это улыбка. Позже он потеряет ее, но вначале он всегда улыбался, как будто он был с ними.

А он не был. Он-то и заметил, что Клоден Джонс тоже стоял особняком. Что как не было дубликатов вероятности Камила Бастмана, так не было таковых и Клодена Джонса.

Джонс, наблюдая за Бастманом, заметил отсутствие его вероятностей, но по природе он был мягким человеком и ему никогда не приходило в голову рассматривать это, как уязвимость Бастмана. Бастман же, изучая Джонса, понял с все возрастающим ликованием, что здесь-то и была слабость всех их; что он мог остановить все это безумие с вероятностью, нанеся удар по одной ключевой фигуре.

Питер Кэкстон и оказался тем человеком, которого он выбрал для нанесения этого удара. Он не ждал от Кэкстона никаких проблем. Потому что, конечно, он намеревался произнести волшебные слова:

— Питер, это ваш путь во Дворец Бессмертия.

Он также собирался сказать:

— Мне пришлось пропустить эти недели, так чтобы вы поняли, что они не собирались вас спасать, и, что фактически они и не вспоминали о вас с тех пор, как вас выкинули.

Его дополнительные инструкции включали требование, что Кэкстон должен переодеться, чтобы подходить к двадцатому веку.

— Потому, что вы отправляетесь туда, Питер...

Как он и ожидал, Кэкстон, когда ему предложили выбор, почти из кожи вылез в своем желании принять его.

20.

Пыль. Он сидел в пыли у грязной дороги.

Кэкстон обвел вокруг глазами, узнав наконец Пиффер-Роуд в серости двадцатого века. Где-то слева от него — он мельком заметил — был белый дом малыша Джимми. Какая-то также отдаленная мужская фигура быстро двигалась по направлению к железной дороге дальше на восток...

«Так это я?» — с удивлением подумал Кэкстон. Желания проверить у него не было. Напротив того места, где он сидел, был забор, а сзади — дикость редкозаселенной местности.

Повернувшись, он уставился на дорогу. Там невдалеке он увидел деревья и наполовину скрытый в листве и ветвях большой ржавого цвета трейлер.

Это подняло его на ноги. Должно быть это тот самый трейлер.

Он побежал мимо другого дома, мимо каких-то старых консервных банок, зарослей ив в канаве, отблеска застойной воды; затем, свернув на открытую площадку, усаженную деревьями, где стоял трейлер, он замедлил бег и, задыхаясь, быстро подошел к двери трейлера.

Как раз тогда, когда входил, он вспомнил, что Джимми потом расскажет про это, а это значило, что Джимми прятался где-то поблизости. Кэкстон не дал этому задержать себя. Потому что, как он тоже вспомнил, — по рассказу Джимми — едва он успел войти и спрятаться, как пришли хозяева.

Потому-то он и прошел в трейлер, веря, что все это правда. Спотыкаясь, он прошел крошечный коридор в заднюю кладовую, и как мог пригнулся, скрываясь из вида в углу.

Вдруг голоса. Мужской и женский.

Прячась здесь, Кэкстон думал, что могло бы произойти даже сейчас, если бы его поймали за руку прежде, чем он успеет что-то сделать. Он слышал, как мужчина сказал:

— Отправимся в четырнадцатый век.

Мужской голос мрачно продолжал:

— Ты заметишь, что иметь дело нам придется только с одним человеком. Так вот ему пришлось выйти и провести тридцать или сорок лет, чтобы постареть, потому что у стариков значительно меньше влияния на окружающих, чем у молодых. Не хотел воздействовать на двадцатый век больше, чем он это уже сделал. Однако теперь ступай в кабину и заводи.

Вот этого момента и ждал Кэкстон. Он бесшумно вышел, разминая свою правую руку в перчатке. Он увидел мужчину, смотревшего в направлении двери, которая вела в переднюю комнату и в кабину. Сзади мужчина казался плотным, лет сорока пяти. В руках он сжимал два прозрачных конусообразных предмета, мерцающих тусклым светом.

— Хорошо, — сказал он резко, когда Кэкстон подошел сзади. — Отправляемся. А на будущее, Селани, не бойся, каким бы этот человек не был ужасным. Что мне удалось сделать, так это обеспечить, что бы никто из той толпы никогда не мог подобраться к нам...

Голос его сорвался, когда Кэкстон схватил его за плечо и крепко сдавил над ключицей.

Крепыш стоял совершенно без движения, подобно человеку, пораженному невыносимым ударом. И затем, когда Кэкстон отпустил его плечо, он медленно повернулся, и его взгляд остановился не на лице Кэкстона, а на его перчатке.

— Перчатки Разрушителя! — прошептал он. — Но как? Ведь репеллеры включены, мое специальное изобретение, которое предохраняет меня от приближения любого Обладателя! — здесь он впервые взглянул Кэкстону в лицо. — Как вы это сделали? Я...

— Отец! — это был голос девушки, чистый, испуганный, из кабины. Голос стал ближе. — Отец, мы остановились где-то около 1650 года нашей эры. Что произошло? Я подумала...

Она остановилась в дверях, словно испуганная птица, высокая, стройная девушка девятнадцати лет, вдруг показавшись старше, серее, когда она увидела Кэкстона. Взгляд ее метнулся в сторону отца. Она задохнулась.

— Папа, он не...

Крепыш безнадежно кивнул.

— Где бы мы ни были, в каком пространстве и времени, мы там. Но не это имеет значение. Дело в том, что мы потерпели неудачу. Бастман выиграл.

Девушка снова повернулась к Кэкстону.

— Как, вы же тот человек, — она замолчала, потом. — Разве не вас я видела в поезде сегодня? — она снова замолчала, качая головой. — Там было так много людей, но вы кажетесь знакомым.

Кэкстону было самому трудно сориентироваться и понять, что для этих людей он был незнакомец. Он узнал саму Селани, но не четко. В самом деле, было очень трудно мысленно вернуться к этой поездке в поезде и к тому, что ему рассказал торговец Келли. Кроме инцидента в поезде и краткой личной встречи с гораздо более старшей Селани во Дворце Бессмертия, это было все, что он помнил о девушке.

Неожиданная мысль встревожила Кэкстона. «Я сделал это, — подумал он, — с двумя людьми, которых я не знаю и которые не знают меня».

Он вспомнил сейчас, откуда возникло его ощущение ложного знакомства: утверждение о том, что в какой-то вероятности взрослая Селани была его женой, отпечатало ее личность у него в голове. Все остальное ему говорили другие, и он не помнил об этом, если говорить об его личном опыте.

Эти разнообразные мысли вспышкой пронеслись в его голове, когда он стоял здесь, внутри трейлера, и пристально смотрел на девушку и ее отца. Наконец, он ответил на ее вопрос.

— Да, — сказал он, — я следовал за вами, ибо это мой путь во Дворец Бессмертия.

Девушка смотрела на него.

— Ох, глупец, — прошептала она. — Вас обманули. Вы обречены вместе с нами.

Взглянув на нее в ответ, Кэкстон почувствовал внутри внезапную слабость. Он вспоминал, что Бастман не сказал о том, как он будет спасен. Другие уверения старика вдруг показались менее значительными, потому что Кэкстон некоторым образом предполагал, что этот трейлер

использовал Дворец для своего путешествия во времени. А это было явно не так.

Прежде чем он смог открыть рот, чтобы что-нибудь сказать, девушка сказала:

— Он не может вызволить вас раньше 1977 года, потому что никто кроме моего отца не знает, как попасть в этот период, а вы только что уничтожили его способность передвигаться во времени. Мы находимся где-то в середине семнадцатого века, а в этом периоде нет ничего, что могло бы пригодиться для путешествия во времени.

С каждым сказанным ею словом сердце Кэкстона обрывалось все ниже. И, когда она наконец закончила, он был на самом дне отчаяния.

1650 год нашей эры — примерно в центре Америки. Кажется тогда — он не мог вспомнить точное время — ни один белый не забирался так далеко вглубь материка. С этой мыслью память у него провалилась.

21.

Первое, что увидел Кэкстон, очнувшись, это как девушка отворачивалась. На глазах ее были слезы, когда она открыла внешнюю дверь и спрыгнула на зеленую траву.

Первым движением его было последовать за ней, попытаться хоть как-то исправить ситуацию. Однако он был не тот человек, который когда-либо доверял подлинной сути женщины. Поэтому он помялся, а затем сказал ее отцу:

— Это правда? Мы застряли?

Не поворачивая лица, старик одними глазами посмотрел на него.

— Проблема в том, — сказал наконец Джонс, — что я, как экспериментатор, не участвовал в эксперименте. И дочь я также попросил воздержаться от участия с тем, чтобы она могла помогать мне. Да, она отправлялась в некоторые вероятности, но всякий раз — по моей просьбе — она быстро заканчивала все дела и снова сливалась в одного человека. Так что, как вас там, вина сегодня на

мне. Ибо из-за моего упорства и ее верности и еще потому, что охват времени, в котором функционирует Дворец Бессмертия, действует только с 9812 г. н. э. и обратно до 1977, но не до семнадцатого века — ни у Селани, ни у меня нет никакого места, куда мы можем пойти. Так что, теперь мы здесь. И я не вижу выхода.

Для Кэкстона это было слишком много, чтобы ухватить все детали. Но вывод был ясен. С дрожью подошел он к открытой двери, спустился на землю, и отважился войти в мир буйной зелени.

Он увидел, что девушка забралась туда, что в двадцатом веке было небольшим лесистым холмом. Здесь, на холме, не было деревьев; и хотя у него не было ясной цели, связанной с ней или с общей ситуацией, он тоже пошел туда и наконец стоял рядом с ней.

Помня об индейцах, он лишь мельком взглянул на девушку: вместо этого он глядел на простиравшуюся вокруг землю. Ему было удивительно трудно уловить все, потому что постоянно мешали ассоциации с Пиффер-Роуд.

Но ветер, дувший в лицо, был в настоящем, а не из прошлого. И воздух был кристально чист, кроме слабой голубой дымки, которая наполовину скрывала далекий холм. На всем протяжении между тем холмом и этим на земле не было абсолютно никакого движения — ни животного, ни человека. Несколько птиц летали вдали, но слишком далеко, чтобы определить их породу.

Еще вверху были облака, и ветер на той высоте, должно быть, был гораздо сильнее: облака двигались по небу с видимой скоростью.

— Ну, — сказал Кэкстон, с облегчением, — сегодня нам не придется защищаться.

Девушка стояла к нему спиной. Не поворачиваясь, она сказала:

— Мистер... Как вас там, первые индейцы, увидевшие белых, были дружелюбны. Так что не стоит искать угрозу там, где ее не может быть.

Вполне вероятно, однако Кэкстон подозрительно относился к идеалам молодых людей, потому что среди них много было и довольно противоречивых. Ее замечание подразумевало ненасильственное учение, предполагаю-

щее, что раз сами они отвергают насилие и не прибегают к нему, то имеют право судить о человеческой истории.

Тем не менее, когда он заговорил, тон его был ревнивым.

— Все равно, ведь индейцы воевали между собой до прихода белого человека. А зовут меня Питер Кэкстон.

Говоря это, он пристально глядел на нее. Однако узнала ли она имя, не было видно ни по ее спине, ни по тому, как она держала голову.

Кэкстон был сбит с толку.

«Что ж, — решил он, — еще не время для выяснения столь отвлеченных вопросов». Он был главным злодеем этой трагедии — вот что имело значение. Вот это он должен каким-то образом исправить.

— Мисс Селани, — начал он запинаясь. — Кажется я совершил серьезную ошибку в суждении. Я не только совершил губительный поступок против вас и вашего отца, но и сам ошибся, поверив...

Его оборвали.

— Мистер Кэкстон, — сказала женщина, — лучше бы вы не извинялись. Глядя на эту ситуацию, создавшуюся по вашей милости, я очень хорошо представляю, что в конце концов может ожидать из всего этого мужчина. Так вот я сразу хочу внести ясность, мистер Кэкстон — клетки вашего организма некоторым образом отражают дурное состояние вашего тела, и поэтому вы и я — здесь — никогда не будем иметь личных отношений. Это понятно?

Это было так прямо и неожиданно, что Кэкстон побледнел. Прежде, чем он смог оправиться от ее слов, или даже обдумать значение сказанного ею, она повернулась и быстро спустилась с холма.

Когда он смотрел на нее, появился страх, что она войдет внутрь трейлера и закроет перед ним дверь. И они с отцом уедут, оставив его в этой пустынной прерии. Он побежал по склону за ней. Она, должно быть, услышала его, потому что замедлила ход. Он обогнал ее и дошел до дверей первым. Огромным внутренним усилием он сдержал этот неожиданный страх, сдержал настолько, что открыл дверь и подождал ее, а затем, все еще за-

дыхаясь от непрерывной нагрузки, вошел вслед за ней, в безопасность.

Затем ему стало стыдно самого себя. Но это чувство просто наложилось на остатки его внезапного страха. В центре комнаты напротив дверей стоял табурет, и Кэкстон сел на него, еще больше стараясь удержать свое дрожащее тело.

Он заверил себя в том, что они, кажется, не боялись его. А это было удивительно, потому что насколько они знали — он был преступник. Ни страха, ни тревоги, ни волнения, что он мог причинить им еще больший вред. Девушка, кажется, принимала его за джентльмена, которым можно управлять женским отказом.

Кэкстон зрительно представил их троих здесь, в этой дикой Америке более чем за тридцать лет до появления белых: все это время она будет, предположительно, неприкосновенной королевой, а он — недостойным крестьянином, которому лучше и не мечтать ни о чем таком...

Прошло какое-то время, а буря эмоций не утихла. За это время девушка несколько раз проходила через среднюю комнату. Каждый раз она бросала на него взгляд и ничего не говорила. И каждый раз, когда она уходила, он слышал ясные и громкие звуки кухонной утвари в дюймах, казалось, от барабанных перепонок.

Наконец девушка вышла.

— Обедать, мистер Кэкстон, — сказала она.

Он пошел без слов. Там был крошечный столик, накрытый на троих. Селани указала ему в дальний конец. Ели молча. Отец сидел напротив Кэкстона, но глядел на стену мимо него. Девушка чувствовала себя за столом легко и свободно. А Кэкстон уже съел половину, когда понял, что в голове у него беспорядочно проносился набор мыслей.

Первая мысль: «Обед! Уже так поздно?» Он вспомнил, что видел солнце, когда стоял с девушкой на вершине холма, но не мог вспомнить в какой части неба оно было. По зелени листвы и травы, он понял, что это была середина или конец весны и что это был теплый день: значит, солнце описывало дугу фактически в зените. Поэтому, когда они были снаружи, оно должно было катиться к западу.

«О'кей! — подумал он устало, — значит я в самом деле самый худший наблюдатель. Я человек, который постоянно находится в таком возбуждении, что ему все равно — день или ночь, дождь или солнце...» Кроме того, понял он уныло, у него сейчас будет масса времени понаблюдать за такими мелочами природы.

Годы, даже десятилетия — правда, ограниченное их число. Потому, что конечно — он засмеялся молчаливым, мрачным, глубоко внутренним смехом — это был конец поиска бессмертия Питера О. (то есть — осла) Кэкстона. Интересно, знал ли Бастман, что этот трейлер мог пройти в более раннее время, чем того позволял временной охват Дворца Бессмертия. В это было трудно поверить, потому что дело в том, что Бастману ведь нужны помощники. Его группа была очень маленькой, состоящей, очевидно, из одного человека: его самого.

Обед завершился несколько менее молчаливо, чем начался. Когда Селани стала убирать со стола, Кэкстон подошел к ней и спросил:

— Разрешите помочь?

Но она отказалась, покачав хорошенькой головкой.

— Нет, спасибо, мистер Кэкстон. Ваша комната в задней части трейлера, и я бы была признательна вам, если бы вы вышли туда или на улицу.

Так как он не собирался выходить на улицу, Кэкстон удалился в заднюю комнату и там обнаружил, что деревянная настенная кровать была разложена и занимала все место в комнате. Дверь, к счастью, была выдвижной, и он быстро заперся, удивляясь, как можно дышать в таком тесном пространстве. Дышать можно было превосходно. Причем было непривычно тихо.

Его собственный опыт говорил, что вентиляция производит слабый шум. Заинтересовавшись, он начал пробный поиск вентиляционной системы, но хотя он и чувствовал движение воздуха по комнате, оно было недостаточно прямым, чтобы его источник располагался в таком маленьком пространстве.

Наконец, он лег на кровать и собрался вздремнуть после обеда. Но, когда он разлегся, надеясь дождаться прихода сна, он внезапно вспомнил, что на обед был бифштекс: запасы их кончались; потом ему придется стать

охотником и добытчиком. «Что станет потом, — подумал он, — моя прекрасная леди, с твоей отчужденностью, когда я стану мужчиной, добытчиком в первобытном мире?»

«Вот, как это все начиналось, малышка. В те дни еду было трудно достать, и женщины держались мужчин, которые могли пойти и добыть ее. Ты хочешь сказать, что думаешь, я буду напрягаться без женского общества в качестве справедливой награды? Если ты так думаешь, ты...»

Только это он и успел подумать. И тут, откуда-то близко — не из трейлера — он услышал резкий хлопок. Прошло какое-то время, потому что он не привык к этому звуку. Прошло много времени, прежде чем он понял, что это — выстрел!

Кэкстон сел, свесил ноги с кровати и наткнулся на ящики. Их содержимое рассыпалось вокруг, пока он искал под кроватью туфли. Наконец он надел их, не зашнуровав, поднялся и перешагнул через кровать к двери. Забыв, что она выдвижная, он несколько раз дернул ее, думая, что она заперта.

Потом открыл дверь и неуклюже побежал, наступая на шнурки, через следующую комнату к входной двери, которая была закрыта. Открыв ее, он с облегчением увидел, что еще светло.

К нему, по тому, что позже — гораздо позже — станет Пиффер-Роуд, шла Селани. В левой руке она несла винтовку, а в правой болталась со свисающей вниз головой птица, размером с крупного голубя, только коричневатая по цвету. Кэкстон, чрезвычайно слабо разбиравшийся в птицах, тем не менее догадался, что это была куропатка, или степная курица, или, возможно даже, какая-то разновидность фазана.

Когда девушка подошла к нему, она протянула птицу ему, чтобы он посмотрел.

— Я увидела, как она села недалеко от кустов, — сказала она весело, — и вот подкралась к ней — так что всем нам будет, что поесть на завтрак.

Она добавила все тем же счастливым голосом:

— Я назначила себя охотницей, поваром и вообще добытчицей. Будет чем заняться.

— Н-но, — Кэкстон уселся на траву, завязывая шнурки. — Но, что делать мне?

Девушка пожала хрупкими плечами.

— Такие мужчины, как вы, склонны к философии, — сказала она. — Несколько примитивной, несколько бесконечной, но тем не менее. Так что продолжайте в том же духе, — закончила она.

Выдав это небрежное суждение, она прошла в трейлер. Так как дверь оказалась открытой, Кэкстон оставался на месте.

За эти несколько минут на улице стемнело, на небе стали видны звезды, их становилось все больше. Когда он лежал и смотрел на них, где-то завыл койот. Кэкстон, ни разу в жизни не видевший койота, узнал тем не менее его вой по описаниям, которые он читал. Что его напугало, так это то, что животное несомненно просто издавало звуки, но для его ушей и для чего-то в его мозге это звучало очень мрачно.

Впервые он вспомнил, как один друг — нет, он сознательно исправил слово: знакомый (у него не было друзей) — однажды сказал ему, что в Северной Америке нет по-настоящему опасных зверей. Остерегайтесь медведей, что означало просто свернуть и держаться подальше... и ничего больше. Кугуары не нападали на людей — люди сами нападали на них. У них был такой особый, дружелюбный интерес к людям, что подпуская людей к себе, они, не шелохнувшись, позволяли убить себя. Обходи гремучих змей, не стой на пути стада бизонов — и все. Ничего больше на целом континенте не было опасным для взрослого человека.

«О'кей, — подумал он в раздражении, — так значит я должен философствовать; значит великий и удачливый охотник не заставит ее передумать».

Снова улегшись на кровать, он, наконец, понял, что ему стало легче.

Это был их — его — первый день в середине семнадцатого века, в центре того, что когда-то станет Соединенными Штатами.

День второй!

После завтрака, поглощенного Кэкстоном молча, он пошел к себе в комнату, так как все еще не хотел

доверяться им, оставаясь снаружи, в то время, как они оставались здесь, и лег на кровать, подумать над тем, что ему нужно сделать со своим временем. Минуты шли, а он ничего не мог придумать. А, один или два разговора с мистером Джонсом: как действовала перчатка? Каким образом она ему повредила? Как получилось, что Кэкстону не повредило тогда, когда его схватили за локоть с такой же перчаткой?

Потом ему пришли в голову еще несколько вопросов, пока день тянулся, а он продолжал лежать: что было известно о Дворце Бессмертия? Как долго там были Обладатели?

И это все. Теперь это были абстрактные вопросы. Временной охват был в будущем, вне их досягания. Любой вопрос об этом был академичным, интересным только потому, что у него сильное любопытство. Но ни один ответ, либо Джонса, либо его дочери, не имел практического применения.

Кэкстон зрительно представил будущее, состоящее из пяти, может шести, разговоров с Джонсом и случайных оскорблений от Селани, и был потрясен... «Боже, — подумал он, — тут нужен секс. Без этого я убью себя».

С этой мыслью, где-то в полдень, он встряхнулся и вышел из комнаты в поисках девушки. Внешняя дверь была открыта, и он обнаружил, что Джонс взял странного вида металлический стул и усаживался на него в тени около трейлера. Что было странного в этом стуле, Кэкстону было не совсем ясно, но Джонс читал, откинувшись назад, и стул откидывался, так что он мог это делать с удобствами. Кэкстон решил, что надо будет рассмотреть это механическое изобретение. Но это потом.

— Где ваша дочь?

— Она пошла поохотиться, — небрежно ответил Джонс; тело его шевельнулось так, что показывало, что он не хочет, чтобы его беспокоили. Взгляд его оставался прикованным к книге.

Поохотиться? Кэкстон прошел мимо сидящего, на холм. Представив ее где-то там, в одиночестве, он испытал некоторую тревогу. К тому времени, когда появилась эта мысль, он уже был на вершине и глядел на просторы. Хотя он осмотрел весь горизонт, ее нигде не было видно.

Сначала он решил, что не может заметить ее маленькую, несомненно движущуюся фигурку, потому что смотрит вдаль. Словно он был в машине и искал, куда можно поставить ее. Даже на относительно близком месте часто не видно, что впереди есть даже два или три места для парковки. Таким же образом там были, как он вспомнил, небольшие долины, начинающиеся в миле или около того от него, и еще больше долин дальше, невидимых с того места, где он стоял.

Может она нашла ручей в одной из этих долин и шла вдоль него, рассчитывая, как он предположил, что какое-то супероружие защитит ее от банды индейцев. Однако если индейцы заметят ее, то скорей всего они нападут внезапно, прежде чем она успеет взяться за свое оружие. Бесшумно подкрадутся и схватят ее.

Он снял пальто, положил его на траву и сел рядом, чтобы выследить девушку. Солнце спустилось к горизонту, но девушка ни разу не появилась ни в одной из долин. Самое меньшее, чем через час, он начал сомневаться в своей памяти... ведь он прошел значительные расстояния. Может быть, те долины были гораздо дальше, чем он думал, когда исследовал их в двадцатом и двадцать пятом веках.

Наконец положение снова стало невероятным. Он ведь мог видеть на целых 5-8 миль во всех направлениях — не могла же она зайти так далеко?

В тревоге Кэкстон позвал Джонса:

— Я нигде не вижу вашей дочери, сэр.

— О, она взяла свой велосипед, — отозвался Джонс, — и у нее ее «Полет», так что с ней все в порядке, — ответив, он вернулся к своему чтению.

Из Кэкстона словно выпустили воздух. Конечно. Как он мог забыть? Эти люди имеют доступ к далекому будущему. «Велосипед», возможно, был так же бесшумен, как «Полет», и может тоже мог летать.

Он поднялся. Надев плащ, он спустился с холма к трейлеру. Услышал он ее где-то через час. Мгновенно почувствовав облегчение, Кэкстон поспешил к двери. Стоя в дверях, он увидел «велосипед». Это было трехколесное устройство, и Селани в шортах, в ремнях и с «Полетом» сидела верхом. В тот момент, когда Кэкстон

увидел устройство, она все еще была в нескольких футах над землей: ясно, она могла летать. Тем временем машина изящно села на траву. Селани легко сошла с «велосипеда» и по очереди достала из просторного багажника, прежде скрытого от глаз, семь уток, еще три точно таких же куропатки, каких он уже видел прошлым вечером, и еще кроликов.

Оставив дневную добычу на земле, Селани откатила машину за трейлер и сделала три вещи. Нажала на какую-то кнопку на трейлере, потому как на стене трейлера появилось отверстие. Еще одна кнопка, и велосипед сам начал складываться. Это было удивительное складывание, потому что около минуты спустя он превратился в комнатную конструкцию из плоскостей, сложенных одна на другую, а его общий размер, казалось, был около двух футов в самых толстых местах. Все это Селани подняла, будто оно ничего не весило, и установила в углублении, открывшемся в трейлере, которое, когда она отступила, закрылось, оставив лишь едва видимую полоску.

Она быстро вернулась к тому месту, где Кэкстон собирал убитых птиц и кроликов.

— Отнесите их в переднюю кладовую, — скомандовала она. — Я почищу их после обеда.

— Буду рад помочь, — сказал Кэкстон.

Но она отклонила предложение, резко мотнув головой.

Таким был второй день.

На следующее утро, когда Кэкстон проснулся, трейлер был в пути.

22.

Когда он одевался, ему все время приходилось держаться, чтобы не потерять равновесие. Наконец, он прошел вперед и нашел отца и дочь в кабине. Управляла машиной Селани.

Трейлер, как он увидел, медленно двигался по относительно, но недостаточно ровным прериям. Кэкстон неловко уселся на заднее сиденье: прошло несколько минут прежде, чем женщина увидела его. Она тотчас сняла ногу с акселератора и большой трейлер резко остановился.

Селани сказала:

— Вы спрашивали меня как-то, что вы могли бы сделать, мистер Кэкстон. Я бы хотела, что бы вы повели, пока я готовлю завтрак.

Это походило на первый признак улучшения их отношений... Когда она поднималась из своего сиденья, он положил ей руку на плечо, чтобы поддержать... и она ничего не сказала. Как только она поравнялась с ним, он сразу же убрал руку. Затем подошел к месту водителя и скользнул за руль, ища на приборном щите знакомые приборы автомобильной кабины.

Увы, за исключением рулевого колеса, здесь все было по-другому, и им пришлось ему объяснять. Здесь было восемь ножных педалей, но он вскоре смог легко ставить ногу на две главные — тормоз и акселератор. Для чего служили остальные, ему не сказали; и он не экспериментировал. Селани ушла, как только его урок вождения закончился, и Кэкстон остался с ее отцом, сидящим на соседнем сиденье, а перед ним — мир без единой дороги, где каждый раз необходимо было выбирать лучший путь среди бездорожья. Сначала у него была смутная мысль расспросить мистера Джонса, но фактически это было невозможно. Вся его энергия и все внимание были отданы вождению.

Однако ему наконец удалось выдохнуть:

— Куда мы едем?

Худощавый Джонс покачал головой.

— Вам придется спросить у Селани, — сказал он. — Это была ее идея.

Через несколько минут, когда они остановились на завтрак, у Кэкстона появилось время обдумать это. Он решил тогда, что эта девушка принадлежала к доминирующему типу. Что делается — у двух мужчин даже не спрашивали мнения — ни о чем!

Однако за завтраком он задал сначала вопрос, который пришел ему в голову, когда объяснялось назначение педалей.

— Этот трейлер может летать?

— Да.

Кэкстон был поражен.

— Тогда почему мы не летим?

— Потому, что к сожалению, у нас ограничен запас энергии. — Неожиданно она покраснела. — Это единственное, за чем я позволила проследить мужчине — своему отцу; но по какой-то причине он все время не пополнял его, доверялся, я уверена, нашей, как он считал, совершенной оборонительной позиции; не думая, что Бастман убедит кого-нибудь вроде вас действовать против нас. И вот теперь у нас энергии на два дня полета или около года езды.

— Что это за энергия? — спросил Кэкстон.

— Нечто под названием аделедикнандер, — сказала она. — Вам это не известно. Очень мощный источник, но его необходимо постоянно заменять.

Значит, она не знает, что он был в двадцать пятом веке. Сидя здесь, Кэкстон вспомнил, как ему в 2476 году было неинтересно знакомиться с подробностями об аделедикнандере; и сейчас они расплачивались за его невежество и невнимание.

Однако — он просветлел — это давало надежду на улучшение его отношений с Селани. Неизбежно, наступит момент, когда они исчерпают механические ресурсы трейлера. «Чем скорей, тем лучше», — решил он. Имея в виду, подумал он мрачно, чем дольше поездка, тем лучше.

Так что его второй главный вопрос был:

— Куда мы едем?

Они ехали туда, сказала она, где будет легче найти еду.

— К горам, я думаю. Вчера я летала много времени, но увидела очень мало дичи.

Кэкстон молчаливо обрадовался, услышав это. У него было чувство, что поиски дичи будут постоянным движением. Он все еще думал об этом, когда Селани сказала:

— Если вы не возражаете, мистер Кэкстон, я думаю, надо взять отца и отправляться дальше.

Остаток этого дня и в последующие Кэкстон вел машину с легкой довольной улыбкой и легким чувством. Он неизменно выбирал самые окружные пути, всегда обосновывая это необходимостью поиска наиболее ровных участков для маневрирования. Несколько раз Селани сидела рядом с ним. Каждый раз в этих случаях она заставляла его перелетать трудные места, подсказывая, что тем самым они сэкономят топливо. (Как управлять летающим трейлером, она показала в первый же поздний вечер). А однажды она сама забрала у него руль и перелетела через лесную местность, которую он намеревался объехать. Наконец, на тридцать пятый день пути она коротко сообщила ему, что с этого момента вести будет она.

На четвертое утро после этого, трейлер не возобновил путешествие. За завтраком Селани заявила:

— Мы побудем здесь немного.

«Здесь», как обнаружил Кэкстон, выйдя наружу, оказалось предгорьями Скалистых гор — где-то, решил он, неподалеку от того места, где когда-то будет Колорадо Спрингс или Денвер, или возможно даже Пуэбло. Трейлер стоял у горного потока, ярко сверкающего на солнце. Стоя здесь и оглядывая гористую местность, Кэкстон внезапно увидел, что девушка вышла из трейлера и стоит поблизости.

Он обернулся, и она сказала, избегая прямого взгляда:

— Мистер Кэкстон, я все думала о нашем положении здесь, в этой эре. И мне кажется неправильным, что нам с отцом приходится так близко общаться с человеком, который оказался причиной такого несчастья, и чье вождение — позвольте сказать откровенно — вдруг навело на мысль, что он пытался истратить наше топливо.

Выражение ее лица, когда она говорила все это, не было враждебным. На ней были широкие брюки и кофта. Брюки были красными, кофта белая — очень славно. Хотя и не враждебные, слова ее явились для Кэкстона страшным ударом.

Прежде чем он нашелся, что сказать, она закончила:

— Так вот, я думаю, а что если мы снабдим вас каким-то оружием, каким-то подобием палатки... вы уйдете. И не имею в виду сегодня, а как только вы укрепитесь настолько, что сможете стать настоящим мужчиной.

Через довольно продолжительную минуту Кэкстон осознал, что главное чувство, владевшее им сейчас, было изумление. Куда он мог пойти?

Мысль эта была столь сильной, что он даже отвернулся от Селани и вновь уставился в этот отдаленный мир, словно ища подтверждения, что это действительно была необитаемая дикость. Девушка и он стояли возле стремительного потока, и все было диким и нетронутым, и самое убедительное — он помнил про все пройденные ими мили, про леса и реки, которые они пролетели. И, еще раз, какие могут быть сомнения: это была западная Америка перед приходом цивилизации.

Медленно он вновь повернулся к Селани. Интересно, ее отец был того же мнения? Он сомневался. Улыбка тронула его губы, когда ему в голову пришла неожиданная мысль: «Далеко не каждая женщина может сказать мужчине «убирайся» при таких обстоятельствах».

И он высказал эту мысль вслух. Девушка чуть вспыхнула, но когда она заговорила, голос ее был ровным.

— У меня очень большой опыт, мистер Кэкстон, и потому, увы, мне слишком хорошо известно, какие мысли приходят в голову мужчине, склонному к паранойе. Так что, — она пожала плечами, — мне бы не хотелось снова оказаться в такой ситуации когда-нибудь в будущем.

У него перехватило дыхание так, что он не мог вымолвить ни слова. Он-то думал, что барьеры подняты, но был поражен жестоким значением приговора. Параноик!.. Она и правда решила расправиться с ним.

Тем не менее он наконец смог запротестовать.

— Послушайте! То, что я сделал, должно было доставить меня во Дворец Бессмертия. Я не вижу, — прямо,

— ничего в этом плохого. По правде, это у вас не было права не пускать меня туда, когда я обнаружил это. Так что злодей — это вы, а не я. Но, — он почувствовал себя значительно лучше, к тому времени, когда у него появилась эта мысль, — я не ощущаю в себе никакого беспокойства от вашей близости.

Девушка холодно сказала:

— Ваши чувства сейчас не обсуждаются. Вас сюда не звали.

Это было все еще нападение и все еще безжалостное. Однако он всегда умел сохранять самообладание с женщинами и каким-то образом оставаться спокойным, когда они совершали свои возмутительные поступки.

В данном случае это женское безумство вызвало в нем некоторое веселье. Как только это произошло, он снова почувствовал уверенность. Он сказал:

— В любое время, как только вы найдете способ, чтобы я смог отправиться в будущее, я буду рад уйти.

— Боюсь, — сказала она холодно, — такое решение будет невозможно — благодаря вам. Так что теперь, когда вам известно мое мнение, что вы предлагаете?

Он слишком долго обходился без женщин в 2476 году н. э. А теперь еще более месяца здесь. Так что он был готов. Он сказал:

— Есть два способа встретить будущее, и я могу заверить вас, что ваш — неверен.

— Мистер Кэкстон, — резко сказала Селани, — я не желаю выслушивать ваше решение.

Он не мог остановиться. Он сказал просто:

— Если с этого момента мы находимся в таком затруднении, вы становитесь моей женой. И я делаю всю тяжелую работу, что и должен делать мужчина.

Она засмеялась. Этот звенящий смех был бы музыкален, если бы не его язвительный, насмешливый тон, и он прекратился только, когда она сказала:

— Невероятно. Очевидно вы не знаете, мистер Кэкстон, что у вас постоянный неприятный запах.

Кэкстон почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Шок был тем сильней, что он совсем забыл. С его возвращением в двадцатый век, а затем в семнадцатый, вос-

поминание об этом печальном опыте двадцать пятого века ушло куда-то на дно его мира.

В таком тяжелом состоянии он словно в тумане видел, что она отвернулась от него и стала забираться на холм, возвышавшийся над стремительным потоком. Ее уход снял с него ужасное давление. Наконец он посмотрел на нее и подумал: «Она живой человек, со своими собственными потребностями. Поэтому должно прийти время, когда даже я — с запахом и все такое — покажусь ей привлекательным».

Стоя здесь и наблюдая за тем, как она достигла вершины холма, он подумал, примет ли — когда наступит это время, и она перестанет вдруг сопротивляться и изъявит желание — он спокойно то, что она предложит, будет ли он вести себя так, чтобы не направить все эти минуты, часы и месяцы ожидания, пока природа не образумит ее, против нее? Он мрачно подумал, что сможет. Но останется, с горечью понимал он, какая-то мысленная сдержанность. Вот поэтому-то женщина часто теряет уважение мужчины: потому что никогда не пользуется своими богом данными мозгами.

Горькие размышления прервались. Потому, что Селани поспешно бежала с холма назад. Скорость ее возвращения встревожила его... что-то случилось! Непроизвольно Кэкстон кинулся к ней. Она махнула ему, что бы он стоял. Через минуту она была рядом, задыхаясь.

— Индейцы, — сказала она. — Несколько десятков.

— Они видели вас?

— Думаю, да.

23.

Когда они оказались в трейлере и закрыли дверь, Кэкстон язвительно подумал: «Как странно, что она убежала, как любой обычный человек... А где же эта высокомерная уверенность, с которой она так пренебрежительно говорила ему о миролюбии индейцев?»

Он дипломатично не высказал эти мысли вслух, а молча прошел вместе с ней к окну кабины — и сел рядом, когда около сотни индейцев бегом обогнули излучину ручья и остановились в смятении, бежавшие сзади почти свалились на своих товарищей. Некоторые даже упали, а нескольких столкнули вниз.

Прошло около десяти секунд. Кэкстон с легким потрясением обнаружил, что он перестал дышать. Ему понадобилось усилие, чтобы выдохнуть и вдохнуть. Наконец, он подумал: «Они выглядят точно так же как на картине Джорджа Кэтлина. Там за двести лет до времени знаменитого художника, одежда не изменилась... трудно себе представить такое в обществе, в котором нет научных и философских корней потенциального прогресса».

В этот момент мистер Джонс устроился на заднем сиденье. Он усмехнулся.

— Я включил мозговой звук. В конце концов, не хотим же мы, чтобы они тут рыскали или следили за нами.

«Мозговой звук», как он объяснил, создавал гул в голове, на которую он был направлен, что на самом деле означало, что он расстраивал внутреннее ухо ненаправленным действием.

Воздействие его можно было видеть за окном. Индейцы отступали. Сначала они повернули и медленно пошли прочь, словно стараясь сохранить свое мужское достоинство. Затем ускорили шаг, словно по общему согласию сохранение достоинства было заменено сильным стремлением выжить. И вдруг они резко бросились бежать и исчезли за излучиной. Через некоторое время Кэкстон

вышел наружу. Он нервничал, но чувствовал, что это должен сделать он. Он забрался на холм и с его вышины заметил вдали нескольких отставших. К его облегчению, они все еще бежали.

Когда он спустился, Селани ушла к себе в комнату, Джонс все еще был в кабине. Кэкстон опустился рядом и спросил:

— На какое расстояние действует, э-э, мозговой звук?

Джонс пожал плечами.

— В пределах видимости. Пока мы их видим. В конце концов мы же не хотим причинять вреда этим людям.

Впервые он показался дружелюбным. И Кэкстон, в голову которому неожиданно пришла идея, воспользовался такой возможностью и спросил про этот прибор.

— Можно уменьшить эту штуку, которая производит этот звук, до размеров ручного оружия?

Вместо ответа Джонс сунул руку в карман и осторожно вытащил оттуда крошечный металлический предмет. Другой рукой он схватил ладонь Кэкстона, разжал ему пальцы и положил туда этот предмет.

— Не направляйте его на собственную голову, — посоветовал он. Предмет был немногим меньше полудюйма в диаметре; и было немного трудно определить, какую часть можно «направлять». Но Кэкстон держал его на ладони точно так, как его положили, а затем осторожно нагнулся и внимательно его рассмотрел. При близком рассмотрении оказалось, что у него очень сложная конструкция, каждый выступ которой, по просьбе Кэкстона, Джонс ему разъяснил.

Устройство, казалось, было постоянно включено. Но оно работало буквально на линии видимости. Малейшая преграда, кроме воздушной, останавливала его действия. Даже клочок папиросной бумаги был непреодолимой преградой.

— Так что, если окажетесь снаружи и натолкнетесь на какое-либо животное, которое хотели бы отогнать, — сказал старик, — просто вытащите его из кармана, правильно направьте, и оно убежит.

Кэкстон был поражен этими словами.

— Вы даете это мне? — спросил он.

— Конечно. Это должно быть у всех нас.

Когда Кэкстон положил этот предмет себе в карман, он обнаружил, что в голове у него возникла грандиозная мысль.

— Несколько минут назад ваша дочь попросила меня покинуть трейлер — так как меня никто сюда не звал. И сейчас я впервые понял, как это сделать. С этим прибором я, возможно, пойду жить к этим индейцам.

Он выдавил улыбку, необходимую для того, чтобы скрыть свой хитрый мотив.

— В конце концов, — продолжал он искренним голосом, — было бы неправильно с моей стороны навязывать свое присутствие людям, которым я причинил вред, особенно когда, — закончил он вежливо, — ваша дочь сообщила, что у меня неприятный запах.

Старик кивнул.

— Я заметил, — сказал он. — Это запах продвижения во времени в одну сторону. Я еще удивлялся, откуда он у вас.

Кэкстон, открывший рот, чтобы продолжать свою хитрую игру, снова закрыл его. И так и сидел. Когда он вышел из шока, он обнаружил, что рассказывает Джонсу о своем пятисотлетнем полете на Центавра.

Когда он обнаружил это, он замолчал, испугавшись самого себя. В течение двух месяцев он успешно сдерживал потребность рассказать свою тайну. Не потому, что была какая-то причина. Просто у него было жизненное правило никогда ни о чем не рассказывать для того, чтобы просто рассказать.

Он забыл это. Это казалось незначительным. Он просто почувствовал необходимость выговориться.

— Запах времени?

Помедлил, а затем:

— Селани знает?

Джонс помотал головой. В его глазах было рассеянное выражение.

— Это, — сказал он, — было довольно длинное путешествие. Жаль. Вам придется прожить неопределенное число лет во Дворце, чтобы избавиться от него. Самое большое, я думаю — это сто лет.

— Почему вы не сказали дочери?

Джонс был изумлен.

— Зачем?

Кэкстон возмутился... Что с ним? Разве он не разговаривал даже со своими родственниками? Краткая вспышка гнева успокоилась. Он вспомнил, каким необщительным был Джонс: не было никаких сомнений, он вообще ни с кем много не разговаривал.

Внимание Джонса уже не было прямо направлено на Кэкстона. Настроение было что-то вроде — «Ну-ну, значит я все еще сталкиваюсь с последствиями своего эксперимента. Значит, Бастман прислал его из двадцать пятого века, чтобы погубить меня и мою мечту». Вероятности, скорей всего, будут продолжаться. Их было слишком много, чтобы Бастман смог их остановить. Но экспериментальный аспект был обречен. Джонс, удивляясь, покачал головой и подумал: «Как кто-то меньший может быть лучшим?»

Этот вопрос Клоден Джонс задавал себе много раз. Иногда, когда он оглядывался на созданных им всех ярких, удивительных Обладателей, и видел, какие они яркие и удивительные, и как они полностью превратились в Новых Людей, существование которых и было его мечтой о совершенстве, казалось невероятным, что они воспринимали себя такими, какие они есть, без всяких вопросов. Он также мог воспринимать их такими, какие они есть, и ценить их — и радоваться, что они не думают об этом. Но было также очевидно, что тот, кто не думает о себе, каким бы он ни был совершенным, тот не... что? Он не знал, что.

«Я не совершенен, — думал он, — но я могу думать о себе, а также бесстрастно наблюдать за ними. Так что я — экспериментатор, а они мои объекты. Но они лучше».

Он никогда не участвовал, Он наблюдал, как они весело уходили в миры вероятности, охотно создавая копии самих себя, и, казалось, иногда не беспокоясь о том, как все это выйдет. Клоден Джонс беспокоился. И никогда не делал свою копию.

Но они были лучше, свободнее, способнее, счастливее, умнее. Это было поразительно. Они были лучше. Но в своих исследованиях он узнал вещи, обнаружить которые у них никогда не было мотива — они просто жили этим: им не нужно было знать это — и поэтому его терпели,

и каким-то любопытным образом его принимали, как наставника и лидера.

Точно таким же бесстрастным образом он изучал и Питера Кэкстона... шизофренический тип, как он заметил, по терминологии двадцатого века. Обладателями было определено, что двадцать процентов мужчин двадцатого века принадлежали к такому же типу параноиков, что и Кэкстон. Доминирующий, субъективный, эгоцентричный, на личном уровне неспособный понять другую точку зрения. Это был тип мужчины, который, как полагали Обладатели по своим изучениям истории, когда-то составлял еще больший процент. Уходя же вглубь веков — этот процент среди мужчин доисторического периода был около восьмидесяти. Никогда не было ста процентов. Никогда. Всегда находились некоторые люди, которых можно было бы убедить. На личном уровне тип Питера Кэкстона убедить было невозможно.

Мечтой Новых Людей было, чтобы в будущем не было Питеров Кэкстонов. И, конечно, чтобы не было Камилов Бастманов.

Поэтому Клоден Джонс с определенным сочувствием, на какое был способен, видел, что поиск Питера Кэкстона был невозможен. Обладатели, с этим его поиском, принять его не могли.

Однако, Джонс видел, что Кэкстон волновал его дочь... Может быть — от знания того, что они не могли выбраться отсюда. Возможно, зашевелился так долго спавший женский инстинкт. Исторически женщины общались с более субъективными мужчинами... такими, как Кэкстон. То, что эта женщина была его собственной дочерью, для Клода Джонса проблемой не являлось. В конце концов ей было четыреста тридцать девять лет и, как подсказывал ему разум, она была в состоянии позаботиться о себе.

Как только эти мысли полностью сформировались у него в голове, он поднялся на ноги с загадочной улыбкой.

— Не уходите к этим индейцам, — сказал он, — пока я не смогу обсудить это с Селани.

Кэкстон, у которого и не было намерения никуда уходить, и чьей единственной целью упоминания об индейцах было желание, чтобы об этом услышала Селани,

пообещал, что не будет предпринимать поспешных действий.

Но дни проходили, и ничего не происходило, за исключением того, что Джонс стал более дружелюбен. В результате у них было несколько бесед, и Кэкстон узнал немного — чуть-чуть — нового о Дворце Бессмертия.

О том, как произошел поворот во времени в ноябре 9812 года н. э., когда время пошло обратно до февраля 1977, а затем, предположительно, снова двинулось вперед. Но куда оно пошло после этого, они не поняли.

«Только, — подумал Кэкстон, — это не касается людей, запертых в семнадцатом веке».

В другой раз Джонс описал, как у Обладателей была надежда на то, что они смогут найти путь движения вероятности вперед, дальше 9812 года н. э.

— Я сказал им, что испытания, которые я провел, показывают, что нет никаких «потом», что — это все здесь и что единственное будущее — в вероятностях в этом обширном временном пространстве почти в восемь тысяч лет — между 1977 и 9812. Это и ничто другое является вселенной времени.

— Какие испытания вы проводили? — спросил Кэкстон, в котором моментально проснулся физик.

Улыбаясь, Джонс помотал головой.

В другой беседе Кэкстон спросил:

— Как получилось, что вы ввели Бастмана в свой эксперимент?

— Точно так же, как туда попали и все настоящие Обладатели, — последовал ответ. — Небольшой процент людей обладают способностью проходить сквозь время. Это было мое огромное открытие. Как только я узнал движущую силу этого, я начал свой долгий поиск людей, которые обладают им. Тем временем в одну из своих трансформаций во времени я обнаружил Дворец. Так что я наконец был готов к великому эксперименту, потому что во Дворце я мог использовать людей, которые сами не были Обладателями.

— Позвольте разобраться, — сказал Кэкстон. — Здесь два момента. Первое — это то, что люди, которые умеют проходить сквозь время, естественно существовали в мире?

— Да.

— В результате вашей способности Обладателя, — продолжал Кэкстон, — и это второй, и отдаленный момент, вы случайно обнаружили Дворец Бессмертия.

— Верно.

— Дворец был пуст, когда вы нашли его? — спросил Кэкстон.

— Да. Пуст. Покинут. Мы могли подозревать, что им пользовались в течение долгого времени, а затем бросили. Для чего брошен? Ответа на это не было.

Немного позже в тот же день Кэкстон столкнулся с Джонсоном в коридоре трейлера. Джонс сказал:

— Ваш вопрос о Бастмане — с тех пор я думаю о нем. В своем усердии он сделал несколько интересных открытий. Он первым заставил меня понять, что после долгого разделения все миры вероятностей могут слиться. Например, та вероятность 2083 года н. э., где вы были. Это была первая попытка моей группы создать идиллическую Землю, где все любят всех. Бастману понадобилось много времени, но и 2130 году н. э. он определил место всех — по крайней мере достаточного количества — металлических предметов и вернул их во Дворец. Когда два мира слились, была некоторая путаница, но ничего страшного не произошло.

Кэкстон пытался представить картину рассказанного Джонсом. Но «слияние двух миров» было для него слишком много. Подразумевалось, что большинство людей, за исключением некоторых вариантов, были в основном на тех же местах, пошли по существу по тем же направлениям и в момент слияния были точно в том же месте в обоих мирах вероятности... Мозг его здесь заколебался, но не смог найти точку принятия.

Те люди, в том мире другой вероятности 2083 года в самом деле попытались помочь ему. Его истерия смущала людей, с которыми он сталкивался. Но, сейчас это было ясно, их преследование никогда не было угрожающим, и в конечном итоге он и ушел возможно потому, что они никому не насаждали своей помощи.

Кэкстон очнулся от своих личных мыслей и обнаружил, что Джонс ушел и скрылся в своей лаборатории. Кэкстон пожал плечами. Это были, как он понял, беспо-

лезные разговоры. Все это не имело значения. Здесь, в 1650 все, что произошло в недосягаемом будущем, было абстрактным и бессмысленным.

На следующее утро он сидел за завтраком, все еще с этой пессимистичной мыслью в голове. На улице шел дождь с монотонным однообразным звуком. Кэкстон представил тысячу миль дождя там, на улице — и тридцать лет сплошного ничего здесь, в этом трейлере.

«Боже, — думал он, — лучше чем-нибудь заняться... но чем?» Его интересовало только будущее и поиск бессмертия. И, однако, может, ему лучше примириться с настоящим и в самом деле разыскать индейцев, как он и грозился.

Мысль была, как намек. Он взглянул на девушку.

— Ваш отец рассказал вам о моем плане жить с индейцами?

Девушка повернулась и уставилась на него. Она казалась особенно свежей и молодой: Кэкстон почувствовал мгновенное влечение.

— Да, — сказала она.

— Хорошая идея, не так ли?

Женщина молчала; затем:

— Что вы там будете делать?

Кэкстон изобразил удивление.

— Жить нормальной жизнью, боже мой. Уговорю одну из женщин жить со мной, как...

Он остановился. Он чуть было не сказал — как однажды вы жили со мной.

Его мысль повисла в воздухе, он дрожал.

За все эти многочисленные дни, стало очевидно, что это здесь, в трейлере, их первая встреча, и поэтому (впервые он подумал об этом) то время, — там во Дворце Бессмертия, когда он проснулся в постели рядом со старшей Селани — должно быть позже.

Это означало, что раз было позже, значит они, должно быть, выбрались из этого трудного положения.

На его лице должно быть проявилась какая-то часть его страшного возбуждения от осознания этого. Селани сказала:

— В чем дело?

Дрожащим голосом он рассказал ей, настолько охваченный своим собственным внутренним беспокойством, что почти не заметил ее первую реакцию.

На какой-то момент в ее лице появилось что-то... Затем она несколько овладела собой. Это чувствовалось даже по голосу, когда она заговорила.

— Я не помню такую вероятность. Значит, это должна быть та, которую сотворил из меня Прайс без моего ведома. Я спрошу отца об этом.

Она посмотрела на него с тем же спокойствием.

— Вы случайно не сталкивались с отцом где-нибудь по пути?

— Нет, извините.

Надежда Кэкстона уже пропала от ее остужающего отношения и слов; и ее последний вопрос обеспокоил его. Он спросил, пораженный.

— С чего бы Бастман сделал такое?

— У него огромное чувство ложной гордости, — сказала она. — Я уверена, что он считал, что только у него чистые мотивы; так что, когда он обнаружил, что отец остался вне эксперимента, я уверена, что он должен был попытаться... — она замолчала. — Ну да ладно. Расскажите еще раз о том, что произошло между мной и вами.

Душа Кэкстона уже не лежала к этому рассказу. Тем не менее он дал ей отчет, на этот раз детальный. Но во время рассказа он все время думал: «Я только мельком заметил борьбу между двумя противоборствующими силами во Дворце Бессмертия, даже хотя одной из них был только один человек».

Он понимал, что его оценки были достаточно грубы.

Казалось, будто только человеческие существа смогли дойти до ссоры, отделившей Бастмана от главной группы, занимающей Дворец Бессмертия. Безусловно, большего безумия нельзя было представить. Эти люди управляли поворотом во времени, где, какие бы ни были практические цели, время шло обратно. Они могли на себе переделывать годы, собранные в главном потоке времени — переделывать их все время заново. И — невероятно — это стало делом насилия.

Это сильное чувство угасло, потому что, когда он закончил пересказывать увиденное во Дворце, у него появилась одна мысль, и он сказал:

— Хорошо. Теперь вы расскажите мне кое-что. Как получилось, что в той вероятности Селани вышла за меня замуж?

Девушка засмеялась.

— Мне, очевидно, придется попросить отца объяснить вам про вероятности. Тогда поймете.

— Но то, что я только сейчас рассказал вам, — сказал Кэкстон, разочарованный, — ничего не значит?

— Я поговорю с папой об этом, — сказала она, и голос ее снова окреп, — и он сможет объяснить вам и это.

После этих слов он вновь обнаружил себя в трейлере с монотонным шумом дождя, и с единственной перспективой тусклого будущего.

— Хорошо, хорошо, — сказал он устало, — а как насчет индейцев? Когда мне уходить?

Он замолчал, потому что девушка отвернулась, и его последние слова были обращены к ее уходящей спине. Если она и дала какой-то ответ на его вопросы, Кэкстон его не услышал. В мрачном настроении он поднялся, вернулся к себе в комнату и лег.

«Хорошо, — подумал он, — значит, это дельце не сработает. Так что, может, я правда пойду жить к индейцам».

Как бы он не пытался, он не мог действительно представить это.

Он забылся и проснулся от дождя. Снова заснул, а когда пробудился, шел дождь...

И он еще два раза пообедал под шум дождя.

И где-то в это время у него появилась фантастическая мысль, что им удастся выбраться из этого времени. Казалось абсурдным, что такая мысль могла даже прийти ему в голову. Нет, не здесь, в этой дикости. Ибо, конечно же, не было пути из этой эры, в которой не было других цивилизованных людей, кроме их самих. Но она появилась. И все время возвращалась. И он все время говорил себе, что там, в 1970-х это тоже было невозможно — однако это случилось. Значит, если рассуждать таким

образом, это могло бы случиться тоже и в семнадцатом веке.

В ту ночь, в сумерках своей собственной крошечной комнатки, он лежал и спорил с рациональной, научной частью своего мозга, со своей подготовкой, как физика.

«Конечно, — сказал он себе со слабой улыбкой, — я только магистр наук... и хорошо известно, что магистрам еще дозволена крошечная доля сумасшествия». Они все еще могли раствориться в людях; даже рассматривать какую-нибудь случайную бездоказательную гипотезу, без — и это было важно — риска быть обвиненными в дилетантстве. Товарищ по колледжу, который вскоре вынужден был бросить учебу и искать работу, даже пытался убедить своих друзей, что статус магистра все же лучше, потому что любому магистру было дано право на развлечения.

Успокоившись таким образом, Кэкстон продолжал обдумывать невозможную мечту, которая так неожиданно вспыхнула у него в голове: что должен быть какой-то способ вернуться в будущее.

Что, наконец, поразило его, так это то, что с подтверждением его настоящей цели пришла мысль о том, что ему надо прекратить изводить эту бедную девушку.

Дело в том, что не было логического основания для того, чтобы Селани Джонс удовлетворяла сексуальные потребности Питера Кэкстона, или любого другого человека, который ей не нравиться.

С этой мыслью внутри него что-то чрезвычайно расслабилось и как бы отпустило.

На этот раз, когда он спал, он не просыпался до утра. Он уже собирался перевернуться со стоном, когда обнаружил, что шум дождя прекратился. Поспешно одевшись, он вышел, дверь была открыта: в нее щедро брызгал солнечный свет.

Кэкстон осторожно сошел на траву, которая сверкала от росы, и увидел, что Клоден Джонс шел к нему вдоль разлившейся реки, бывшей прежде горным ручьем. Старик помахал рукой, и Кэкстон сказал:

— Где ваша дочь, сэр?

— О, она ушла, — сказал Джонс.

Странное выражение — для сообщения о том, что она улетела на своем велосипеде. Кэкстон почувствовал, как к нему вернулось его раздражение из-за Селани. Он покачал головой, думая: «Я туда, она сюда. Как раз тогда, когда я готов объявить мир, она куда-то исчезает... так что к тому времени, когда она вернется, кто знает, в какой я буду душевной тревоге?»

Затем смирился... «О'кей! Значит, она такая. Мне надо бы привыкнуть к этому».

— У Селани есть одна мысль, — продолжал Джонс, — что Бастман — именно он — подстроил так, что я, сам того не зная, попал в некий мир вероятности. Если это правда, то меня тоже можно спасти.

Разговор все больше терял смысл. У Кэкстона было впечатление, что его уводили в техническую болтовню, словно он понимал основные принципы и мог вспомнить недостающие детали. А он, конечно же, не мог сделать ничего подобного.

Он сдержал свой порыв вернуться в трейлер. Сдержал, потому что внутри, черт побери, делать было нечего. Наконец он устало подумал: «Хорошо, значит, я хочу остаться на улице и находиться здесь, когда она вернется. Было бы смешно не признаться в этом самому себе. Значит, продолжу разговор».

Вслух он сказал:

— Все это дело с вероятностями очень таинственно. Очевидно, я сам тоже там, в каких-нибудь мирах вероятности.

Джонс помотал головой.

— Не получится, — сказал он твердо. — Мы проверяли, когда вы спали, и очевидно то, что сказал вам Прайс — это правда. Вы были слишком стойки, и на вас фактор вероятности не подействовал. Я думал, что могла помочь собранная в ваших клетках энергия времени, но это не изменило ни одно из ваших проявлений. Очень жаль.

Кэкстон уже было раскрывал было рот, чтобы продолжить с еще одной собственной ассоциацией, когда его вдруг осенило: «В том, что он мне только что сказал, совершенно нет смысла. Я даже несколько минут не понимал ничего, что он сказал».

Кэкстон начал:

— Прошу прощения, сэр, кажется, разговор прошел совершенно мимо. Ничего, если мы начнем еще раз?

Джонс метнул на него изумленный взгляд.

Кэкстон поколебался, затем:

— Что вы со мной сделали во сне?

Джонс уже был спокоен.

— Мы попытались слить вас, нынешнего, с одной из этих ваших вероятностей.

Он пожал плечами.

— Это не получилось, несомненно, по тем причинам, которые объяснил Прайс. Очень жаль.

— Слить меня? — отозвался Кэкстон. У него было ужасное ощущение внезапной слабости.

— Кажется, сейчас я об этом вспоминаю, — продолжал болтать Джонс. — Около пятидесяти лет назад в моей жизни... — Он извиняюще замолчал. — Я то во Дворце, то еще где-нибудь живу — прибавляю годы к своей жизни, а затем снова их забираю. К счастью, спешки никогда не было. Прошлое, знаете ли, вечно ждет тех, кто может вечно двигаться сквозь время... Ну так вот, — продолжал он, — мне напомнили, что Прайс отослал меня назад во времени и дал кому-то из своего отрочества еще до 1977 года, раннюю вероятность. Так вот, потом я подошел к этому же человеку, когда ему было тридцать — это в конце 1960-х — взял его и перенес дальше во времени и передал Прайсу. Позже Прайс рассказал мне, что они не могли соединить старшего с младшим в смысле индивидуальности, но, что младшего надо было слить со старшим, и что такое слияние на старшего не подействовало. После того, что вам рассказала Селани, я вдруг понял, что это должны быть были вы. — Он снова заговорил извиняющимся голосом. — Такие детали имеют обыкновение ускользать из головы.

Он замолчал.

— Во всяком случае — это пока остается проблемой. Прежде чем я слил Селани с той вероятностью, о которой вы ей рассказали, она предложила, чтобы я попробовал это на вас, но ваша не сработала, как я вам сказал. И это очень жаль. Понимаете, если она права в том, что Бастман создал из меня вероятность, потом, если бы я

слился там, вы бы остались здесь одни. Селани это обеспокоило, — сказал Клоден Джонс.

24.

Как долго можно стимулировать железы: страх угасает и переходит в апатию; только шок может возобновить остроту чувств.

Наконец, приговоренный взбирается к виселице и понуро стоит, не замечая даже мгновения, когда распахивается люк.

Подобное ощущение темноты обволокло разум Кэкстона на неопределенный период, после того, как до него дошел смысл слов Клодена Джонса.

Все это время Джонс продолжал говорить: в конце концов, отложилось из этого продолжительного монолога только: «...Если вы хотите рискнуть, нам надо спешить. Селани сказала, что даст десять дней, после чего сольет меня».

Это походило на чушь, но смысл, наконец, дошел. Кэкстон кивнул. Он впервые почувствовал неясную горечь. По крайней мере это было чувство, а не физиологическое опустошение. Чувство не принимало никакой формы, ни на кого не устремлялось: просто покоилось там, в его теле, как первое пробуждение сознания.

— Я приготовлю завтрак, — сказал он в этот момент. И добавил. — Я хотел бы также познакомиться с тем, как работает оборудование трейлера, раз я остаюсь здесь один.

Он повернулся и прошел внутрь. Он уже занялся тем, что обычно делала Селани с кухонной утварью, как его осенила новая мысль. Он не помнил, чтобы пошел искать Джонса, но он вдруг очутился в дверях лаборатории и сказал:

— Если вы сольетесь там с еще одним Клодом Джонсом, вы восстановите свою способность проходить сквозь время. Почему бы тогда не вернуться за мной?

— Это будет иной мир вероятности, — сказал Джонс, — поэтому я не буду знать, как сюда вернуться.

— Ради Бога, — взорвался Кэкстон, — это реальный мир. Вы должны вернуться к нему рано или поздно.

Последовало долгое молчание. Джонс выпрямился. Его серые глаза с крошечными темными пятнышками смотрели в загнанное лицо Кэкстона. — Питер, — сказал он трезво, — вы не понимаете. Реального мира нет. Вы, очевидно, не поняли всю громадность того, с чем мы имеем дело. Я думал, вы говорили Селани, что Прайс описал вам миры вероятности. Послушайте! Существует бесконечное число миров вероятностей. В этом одна из наших трудностей. Например, мы не можем найти временной поворот, когда оно предположительно снова идет вперед в 1977, и мы не можем найти ничего, что идет дальше после 9812, когда начинается поворот назад. Пока что, насколько нам известно, мир заканчивается четырнадцатым ноября 9812 года нашей эры в каждой вероятности.

Кэкстон в изумлении открыл было рот, чтобы сказать:

— Но это же смешно. Ведь очевидно, что Вселенная существует и дальше.

Он этого не сказал, потому что вдруг оказалось, что это не столь очевидно.

Наконец, ему пришло в голову логическое следствие, и он сказал:

— А как ваша дочь рассчитывает открыть эту случайную вероятность?

— О, — Джонс уже снова качнулся над длинным, прозрачным ящиком, который стоял у него на полу трейлера. При вопросе Кэкстона, он еще раз выпрямился и сказал:

— Не знаю, сможем ли мы все это разъяснить вам. Есть два хода. Первый — это то, что сказал Бастман перед тем, как порвать с нами. Он сказал, что он сейчас — был в то время — единственный Обладатель без какой-либо вероятности самого себя. Когда кто-то показал на меня, он просто многозначительно рассмеялся и отказался обсуждать это. Селани полагает, что у него параноидальная потребность свалить вину на меня и тешить себя тем, что исключительным условием был его идеал.

Глаза старика не хотели отпускать Кэкстона. Он спросил:

— До сих пор — все понятно?

С ним говорили, как с шестилетним, но может быть — Кэкстон кисло улыбнулся при воспоминании о смутном периоде с тех пор, как он впервые услышал об «отъезде» Селани — может быть, он заслуживал этого.

Джонс продолжал:

— Второе — это то, что одна из наших рассказала дочери, что видела меня в каком-то мире вероятности. Селани собирается разузнать у этой женщины, где это было. Женщины отправятся туда и сообщат все тому Клодену Джонсу, после чего он сольется со мной, и тогда он будет мной. Так что в следующий раз, когда я вернусь в семнадцатый век, это уже будет в другом мире вероятностей: это будет в том, а вы — в этом. Так что лучше, если вы сделаете то, что я предложил.

Во рту Кэкстона появился привкус горечи от мысли: «Конечно. Селани мне ничего не должна. Так почему я переживаю, что она уехала?» Не то, чтобы ему ее очень не хватало, но он ругал себя за то, что докучал ей, когда, в общем, каждое его слово было ей неприятно.

Через час Кэкстон мрачно подумал про историческую параллель с отъездом Селани. Даже черная чума имела хорошую сторону для выживших. Неожиданно люди, у которых никогда не было никаких прав, которые никогда ничем не владели и у которых даже не было надежд на богатство — они вдруг стали наследниками остатков и целых владений.

«Так что, — подумал он, — для начала я получаю велосипед».

Джонс был чем-то занят в своей лаборатории, так что отказать Кэкстону было некому, когда он вытащил машину, нажал на кнопку, как это делала Селани, и смотрел, как она сама раскладывалась. Через минуту он сидел на ней верхом, скользя по воздуху и набирая высоту.

Он взглянул на трехмерную дикость этого мира, это было так же интересно, как часами раскладывать пасьянс. Расстояние. Горы. Потоки. Голубое небо. Облака... Не забирайся слишком далеко. Запомни приметы...

Наступило четвертое утро после отъезда Селани. После завтрака Джонс поднялся из-за столика и сказал:

— В любое время, когда вы захотите прийти в лабораторию и посмотреть, чем я занимаюсь, пожалуйста. Я буду рад объяснить.

Кэкстон промычал:

— Спасибо.

Но он не пошевелился. И воспоминание о приглашении погасло, когда Джонс прошел в дверь.

Как-то в этот день, когда он взял велосипед и улетел в свои часовые грезы, Кэкстон спросил себя: «Возможно ли, чтобы я мог оставаться в этом полусознательном состоянии целых десять дней?»

Оказалось, что он потерял счет дням. Дважды в утро, что должно было быть десятым, он звал Джонса прийти позавтракать.

В ответ — тишина, если не считать слабого эха собственного голоса.

— Эй! — прошептал Кэкстон. — Вы не ушли?

Он разговаривал сам с собой.

Кэкстон вышел наружу. Мысленная нечувствительность этих десяти дней, казалось, распространилось на его тело: он стоял в ледяном ручье, почти по пояс мокрый, прежде чем понял, что он не заметил, как вошел прямо в воду.

Отрезвев, он выбрался на берег. «Этого мне не хватало, — подумал он, — простудиться и умереть от пневмонии».

Около полудня, когда он все еще ждал, пока высохнут его брюки, туфли и носки, его поразила мысль, что все проблемы его были внутренними, для человека, обладающего — как он сейчас — такой комбинацией — супер-трейлер-грузовик-аэроплан, на всей этой земле объективно не было ничего, из-за чего можно было беспокоится.

Надо принять решение. Да. Решение.

О чем?

Когда на дикий мир первобытной Америки медленно спустились сумерки, у него все еще не было ни малейшей идеи. Кроме того, что он находится внутри трейлера, за дверями, прочно запертыми... от страха. Он без труда признался себе в этом страхе.

Несмотря на беспокойство, он мгновенно уснул.

Это был ясный день, и все же, когда он проснулся в первый раз, по крыше трейлера стучал дождь. Снова сон пришел легко. Проснувшись, он осознал две вещи.

Дождь прекратился. Это первое. Второе: он понял, каково должно быть его решение. Он такой человек — это надо признать, как он признавал это в прошлом — который умел выбивать себя из колеи. Это помеха, которая заставила бы сникнуть большинство людей. Но каким-то образом он каждый раз спасал свое раненое «ego», осторожно возвращал его себе и всякий раз после этого считал трофеи.

«Я не посчитал трофеи, — подумал он. — Сейчас». Фантастический трейлер, со всем этим... на что он по-настоящему не обращал внимания.

Он понял, что давно проснулся. Часы показывали три минуты четвертого, когда он вошел в лабораторию Клодена Джонса. Мгновенно и впервые он понял, что это была самая большая комната в громадном транспорте, и несомненно самая компактная научная мастерская, какую он когда-либо видел.

Несколько минут осторожного осмотра подтвердили, что каждый дюйм на стене использовался для хранения каких-то складывающихся приспособлений такой же сложности, что и велосипед Селани. А каждая ячейка сама по себе была конструкцией, сделанной так, чтобы служить для многих вещей. Самым большим предметом был тяжелый, обложенный свинцом, проекторный механизм, занимавший часть одной стены, с припаянной к основанию инструкцией. Книга была открыта на семнадцатом утверждении: «Производит все 154 элемента из воздуха. (Осторожно: радиоактивные вещества получаются только при соблюдении определенных мер — см. стр. 98)»

От этих слов Кэкстона отшатнуло, он буквально сделал несколько шагов назад. Сейчас же захотелось изучить замечательную машину. Что произошло, так это то, что последним шагом он споткнулся о какой-то гробообразный ящик на полу и, удерживая равновесие, наполовину опустился на колено.

Согнувшись, он заметил письмо на дне ящика. На лицевой стороне было написано: «Для Питера Кэкстона».

Вскрыть и выхватить содержимое было делом одной минуты. Содержимое состояло из нескольких листов бумаги и письма.

Кэкстон поднялся на ноги и перенес письмо к откидному столу возле стула. Он намеревался сесть и прочесть его, но первые слова сразу привлекли его внимание. Так, стоя, он и прочел письмо от начала и до конца.

«Дорогой Питер К.

Прекрасно понимаю ваше нежелание предпринять то, что в вашей эре — конце двадцатого века — пока еще было экспериментом. Что я хочу сказать — с этим транспортом и его возможностями вы можете чувствовать себя спокойно и уверенно. Так, с абсолютной точностью контроля за температурой (пока сам трейлер не развалится на части — а чтобы этого не произошло, я предлагаю найти какую-нибудь пещеру), примите мои заверения, это оборудование перенесет вас туда, куда вы захотите. Однако я рекомендую вам или двадцатый век (1979), или 2476 г. н. э. Не отправляйтесь никуда больше — вот мой совет. Селани и я сошлись на том, что вы недостаточно устойчивы эмоционально, чтобы вынести поход в другую эру. Мне очень жаль сообщать вам, что мы (Селани и я) также согласились с тем, что Обладатели не примут вас во Дворец Бессмертия. И все же куда вам отправиться — решать вам. Только удостоверьтесь, что вы сделали все правильно, чтобы выжить.

Клоден Джонс».

Прилагаемые листы состояли из чертежей, которые, как Кэкстон быстро определил, были связаны с прозрачным гробом на полу, и сугубо технического описания механизма, производящего различные операции. Одна стрелка наконец привлекла его внимание, потому что указывала на контейнер и гласила: «Кровь стекает сюда и замерзает!»

Кэкстон вдруг сел на стул; а когда он быстро прочитал остальное, он с неожиданным осознанием задохнулся от реальности.

«Крионика!»

Но это его не убедило.

Потребовалось некоторое время, чтобы вернуться к письму Клодена Джонса с его заверениями. Чтобы решиться, времени потребовалось больше; однако в конце довод его был тем же: «Что еще остается делать человеку с моими целями?»

Слабый свет зари пробивался на востоке, когда Кэкстон открыл внешнюю дверь и сошел на мокрую от дождя траву. Позже он с беспокойством позавтракал, но понял, что ждет дневного света, и ожидание это было тяжелым, когда знаешь наконец, что ты намерен делать... Он намеревался поискать подходящую пещеру.

Когда он нашел ее, на третий день, он подъехал и осторожно завел туда трейлер. Понадобился еще один день, чтобы загородить вход в пещеру. Но наконец дело было сделано. Раздевшись, он лег на дно гроба.

То, что он сделал потом, было бы легче сделать, если бы у него был помощник. По инструкции он должен был ввести четыре иглы в ноги и две — в левую руку. Каждый раз Кэкстон морщился, но, как в 2476 г. н.э., это было не больно, неприятно было ожидание укола, а не сама игла.

Еще некоторое время он обвязывал эти иглы специальным материалом; это очень важно, написал Джонс.

Наконец, работа была завершена.

Кэкстон осторожно лег, аккуратно опустил крышку и запер ее.

Инструкция гласила: «Опустив крышку, не теряйте зря кислород. Немедленно переходите к дальнейшей операции».

Но он не мог удержаться от сомнений. Он дотянулся до кнопки, которая должна начать «процесс» путешествия во времени при помощи замораживания. И уже, коснувшись пальцем кнопки, остановился.

«Я сумасшедший? — спросил он себя. — Ради Бога — это будет мое второе путешествие сквозь время...»

Путешествие при помощи способа Дворца Бессмертия почему-то не имело для него такой абсолютной реальности.

И снова было впечатление, что колеса его мозга крутятся вхолостую. Потому что вопреки сдерживающим

мыслям, его негнувшийся палец, ведомый упрямством, нажал на кнопку.

Он услышал щелчок.

Дальше было не совсем то, чего он мог ожидать, если бы думал, что там могло быть все, кроме пустоты (чего он не думал). Где-то кто-то в изумлении произнес: «Я почувствовал отдаленный сигнал снизу. Настройщики, быстро проверьте». Последовала пауза, а затем другой голос — женский — сказал: «Это не сигнал. Это поток энергии». Третий голос — второго мужчины — сказал: «Но откуда? Ощущение такое, будто издалека». Снова заговорила женщина: «Человеческое тело преодолело барьер...» Голоса стали удаляться. Как шепот они становились все менее различимы — мужской или женский: «...Мертвое тело — похоже на...» Потом что-то еще: «Нет, не мертвое, замороженное... Да».

Другой голос: «Искусственно... А-а, один из тех; обычно они не показывают такой выносливости... А этот начал нормально, так что выживет... Хорошо, проследите...»

Какое-то время после этого они, казалось, все еще шептались, но Кэкстон уже не мог различить ни одного звука. Наконец, прекратился и тихий шепот.

Кэкстон попробовал открыть глаза — и не смог.

Одеревенел — вот ощущения, переданные ему телом... Не шевелись!

Он не шевелился.

25.

Если кто-то и знал, что 10 сентября 2476 г. н. э. вечером, где-то около одиннадцати, некто Питер Кэкстон поднялся на борт корабля Камила Бастмана и где-то сошел — и если бы Питер Кэкстон вошел в отель в полночь той же ночью, никто бы не заметил разницы.

«На этот раз, — сказал себе Кэкстон, — никакой ерунды». Он отправится в эту поездку с Ренфрю и Блейком; и, пока он там, узнает про научные достижения этой эры.

В общем, он воспользовался одним «Полетом» из трейлера и сел на небольшую посадочную площадку своей собственной комнаты. Прошел внутрь, слегка задохнувшись от совершенства всего происшедшего.

Джонс был прав: оборудование трейлера было совершенно. Он установил время на третье сентября, давая себе неделю на восстановление сил. К пятому дню рвался в дело. Однако он сопротивлялся своему нетерпению; и вот он здесь.

«Я отправлюсь в эту поездку. Затем вернусь и разузнаю у поисковой фирмы о нынешнем доме Дэниеля Магольсона — и выйду оттуда».

Вся прелесть этого была в этом фантастическом опыте, но здесь, в этой комнате, у него был костюм, не пропускающий запах, поэтому он может спуститься завтра вниз и никто ничего не заподозрит.

Как оказалось, прошло не совсем так. Наблюдательный Нед Блейк, долго и изучающе посмотрев на Кэкстона на следующее утро, сказал:

— Вы изменились. Что произошло?

Кэкстону стало интересно.

— Изменился — каким образом?

— Похоже на кошку, которая поймала мышь, — сказал Блейк, — и не хочет делиться.

— Я бы подумал, — ответил многоречиво Кэкстон, — что все как раз наоборот. Я наконец решил смириться с

этой эрой, отправиться в эту поездку с Джимом и вами — тихо, спокойно — и не думать о том, что мне где-то надо быть, как я делал до сих пор.

— Хорошо, — Блейк смотрел на него с сомнением. — Думаю, такое возможно. Но в ваших глазах и лице другое выражение. Я бы сказал — вы стали тверже. Более уверенным в том, куда идете и чего хотите.

Кэкстон молчал, несколько испуганно. Он был победителем, думал он, он рискнул. Он принял решение рискнуть и отправиться в еще одно опасное путешествие в будущее.

Это потребовало твердости, да. Но некоторым образом той, которая всегда была в нем. В прошлом большой проблемой для него была его неуверенность в том, чтобы определиться, что он хочет делать и куда хочет идти.

Теперь он знал. Сначала — в космос с Ренфрю и Блейком. И посвятит свое время изучению основ науки.

Три месяца — более или менее — на это.

Затем — вернуться сюда, к дому Дэна Магольсона — и скрыться прочь. Сразу же входить во Дворец Бессмертия? Это решение могло подождать.

Три следующих месяца были любопытными. Некоторое время Кэкстон испытывал благоговение перед безбрежностью космоса. Безмолвные планеты проплывали мимо и растворялись, оставляя ностальгические воспоминания о необитаемых лесах и равнинах, пустынных морях и безымянных солнцах.

Вид космоса и воспоминания принесли одиночество, похожее на боль, понимание, медленное понимание того, что это путешествие не снимало груз чужеродности, лежавший на них со времени их прибытия на Альфа Центавра.

Здесь для их душ не было ничего, что наполнило бы один год их жизни, не говоря уже о пятидесяти. «Люди в самом деле принадлежат своей собственной эре», — подумал Кэкстон. Он хотел подавить это чувство в себе.

Но он видел, как это понимание росло у Блейка, и ждал каких-то знаков от Ренфрю, что он это тоже почувствовал. Знака не было. Затем он понял нечто другое: Ренфрю наблюдал за ним. Наблюдал так же и за Блейком.

И в проведении его угадывалось какое-то тайное знание, какая-то тайная цель.

«Мы должны помнить — он болен», — подумал Кэкстон. Несмотря на это предупреждение самому себе, вечная жизнерадостность Ренфрю усыпила его. Кэкстон лежал на своей койке в конце третьего месяца, думая обо всей неудовлетворительной ситуации, когда открылась дверь и вошел Ренфрю.

Он нес парализующий пистолет и веревку. Нацелив пистолет на Кэкстона, он сказал:

— Извините, Питер. Касселехат сказал мне не рисковать, так что просто лежите тихо, пока я вас свяжу.

— Блейк! — заорал Кэкстон.

Ренфрю мягко покачал головой.

— Бесполезно, — сказал он. — Сначала я был у него.

Пистолет в его руке был тверд, его голубые глаза сияли сталью. Все, что мог сделать Кэкстон, это напрячь мышцы, когда Ренфрю связывал его и довериться своему убеждению, что он все-таки сильнее.

Ренфрю наконец отступил и сказал:

— Простите, Питер, — он добавил. — Мне неприятно говорить вам об этом, но вы оба потеряли самообладание, когда мы прибыли на Альфа Центавра — вы со своей навязчивой идеей про Лейксайд, а Блейк так встревожился из-за нашего запаха. Это лечение прописано психологом, у которого проконсультировался Касселехат. Нужно, что бы вы получили такой же шок, как и тот, который потряс вас.

В первый раз Кэкстон не обратил внимания на упоминание имени Касселехата. Но вторая ссылка привлекла его внимание.

— О, бросьте, Джим, подумайте хорошенько. Это ведь не совсем то, что сказал Касселехат. Подумайте. Каковы были точные слова?

Вопрос, кажется, засел в его голове. Он остановился. С минуту, казалось, он пытался вспомнить. Секунды прошли. Он встряхнулся.

— Это не надолго. Мы уже входим в поле одиночного солнца.

— Одиночное солнце! — вскрикнул Кэкстон.

Ренфрю не ответил. Сразу же после того, как за ним закрылась дверь, Кэкстон принялся за веревку, стараясь выпутаться; все это время он думал: «О чем тогда говорил Касселехат?» Одиночные солнца поддерживали себя в этом космосе рискованным балансированием.

«В этом космосе!» По лицу его заструился пот, когда он представил, как их корабль ввергается в плотность другого пространственно-временного континиума. Он, казалось, чувствовал, как падает их корабль, когда, наконец, освободил свои руки из веревки.

Связан он был не так долго, чтобы у него затекли руки и ноги. Он направился в комнату Блейка.

Через две минуты они шли в комнату управления.

Ренфрю не заметил их до тех пор, пока они его не схватили. Блейк схватил его пистолет, Кэкстон стащил его из кресла управления одним мощным рывком и повалил на пол.

Он лежал, не сопротивляясь, улыбаясь им всем.

— Слишком поздно, — усмехнулся он. — Мы приближаемся к первому порогу недопустимости, и теперь вам ничего не остается, как приготовиться к удару.

Кэкстон едва слышал его. Он тяжело уселся в кресло и взглянул в смотровую панель. Ничего не видно. На некоторое время это поставило его в тупик. Затем он увидел регистрирующие приборы. Они яростно дрожали, регистрируя какое-то тело бесконечно огромных размеров.

Довольно долго Кэкстон безумно смотрел на эти невероятные цифры. Потом двинул деселератор дальше. Машина напряглась: у Кэкстона возникла неожиданная фантастическая картина двух неудержимых сил в их полном столкновении. Задыхаясь, он рывком выключил питание.

Они все еще падали.

— Орбита, — говорил Блейк, — выводите нас на орбиту.

Дрожащими пальцами Кэкстон ударил по клавиатуре, накладывая на какую-то планету солнцеподобных размеров диаграмму — тяготение, масса.

Одиночка не давала им сделать это.

Он попробовал другую орбиту, третью и еще... наконец ту, что дала бы им орбиту вокруг самого мощного Анта-

реса. Но беспощадное, убийственное положение не изменилось. Корабль продолжал падать, все вниз и вниз.

И на экранах ничего не было видно, ни малейшего признака субстанции. Кэкстону показалось, что он мог различить смутный сгусток на фоне общей черноты космоса. Звезд же было мало во всех направлениях, и невозможно было быть уверенным...

Наконец, в отчаянии, Кэкстон метнулся из кресла и опустился на колено возле Ренфрю, который до сих пор не предпринимал никаких усилий, чтобы подняться.

— Послушайте, Джим, — взмолился он, — для чего вы это сделали? Что сейчас произойдет?

Ренфрю непринужденно улыбался.

— Подумайте, — сказал он, — о старом, раздражительном холостяке — человеке. Он поддерживает какие-то отношения со своими приятелями, но эта связь такая же отдаленная, как и та, что существует между одиноким солнцем и звездами в галактике, частью которой оно являлось.

Он добавил:

— В любую секунду мы можем удариться о первый период недопустимости. Она действует с ускорением, как кванты, каждый период равен четыремстам девяноста восьми годам, семи месяцам и восьми дням, плюс несколько часов.

Он ухмыльнулся.

— Это сказал мне Касселехат.

Это походило на тарабарщину.

— Но что должно произойти? — настаивал Кэкстон. — Ну, ради же Бога!

Ренфрю мягко взглянул на него, и тут Кэкстон вдруг с удивлением понял, что перед ним был совершенно нормальный, старый Джим Ренфрю, абсолютно в здравом уме, только как-то лучше, сильнее.

Ренфрю тихо сказал:

— Ну что, это нас просто выбьет из области допустимости, и тем самым вернет нас назад...

Удар!

Корабль очень сильно накренился. С грохотом Кэкстон ударился об пол, отлетел, а затем чья-то рука — Ренфрю — подняла его. И все закончилось.

Он поднялся и обнаружил, что они больше не падали. Он посмотрел на приборную панель. Огоньки были тусклы, неповреждены, все стрелки прочно показывали на ноль. Кэкстон обернулся и уставился на Ренфрю и на Блейка, который жалко поднимался с пола.

Ренфрю убедительно сказал:

— Пустите меня к панели управления, Питер. Наш корабль, возможно, поврежден из-за маневров, которые вы пытались провести, но я бы хотел добраться ближе к Земле до того, как нам придется забраться в нашу спасательную шлюпку. Вы двое одевайтесь в спасательные скафандры и принесите мне мой. Торопитесь. Я не рискну переходить на ускорение до тех пор, пока мы не будем надлежащим образом одеты.

Целую минуту Кэкстон смотрел на него, а затем кивнул. Позже он стоял возле Блейка, когда Ренфрю установил рычаги и потянул за акселератор. Ренфрю взглянул на них.

— Мы достигнем Земли примерно через восемь часов, — сказал он, — и это будет примерно через полтора года после нашего отъезда пятьсот лет назад.

Страшная мысль дошла неожиданно до сознания Кэкстона... «Одиночное солнце, — подумал он изумленно, — выпустив из своего поля, оно просто выбросило их в период времени, находящийся за его пределами. Ренфрю говорил, что это происходит с ускорением в четыреста девяносто восемь лет и семь с чем-то месяцев и...»

С пониманием всего этого ужас кризиса еще больше усилился. И до него дошла истина его нынешнего положения. Он стоял, охваченный ужасом: «Но это же означает... мы вернулись!»

Вернулись в двадцатый век.

И на этот раз у него была лишь одна слабая возможность снова найти когда-нибудь след в будущее: тот кинопроектор!

28.

Кэкстон глянул на имя в книге регистраций города Кисслинга: Магольсон. Дэниель Магольсон. Через некоторое время он оторвал взгляд от страницы и подумал о том, как неоригинальны люди. Магольсон, вероятно, пользовался этим именем во всех периодах времени, куда он отправлялся, по-видимому, полагаясь на то, что за ним никто не последует, или никто его никогда не выследит.

Да и кто мог следовать за ним? Остальные обитатели Дворца Бессмертия! Да, конечно. Но они были малочисленны. И Обладатели, очевидно, полагали, что использование одного имени упрощает дело: это, несомненно, предотвращало путаницу. Если вы всегда были Дэниелем Магольсоном, тогда вы никогда не начнете вдруг удивляться, кто вы теперь. Где бы это «теперь» не произошло.

Что беспокоило Кэкстона, так это то, что это походило на конец следа. Как он это представлял себе, какой-то Обладатель времени вел какое-то дело в Кисслинге. Находясь там, он продал Квик-Фото кинопроектор, который — довольно давно — и положил начало этому сумасшедшему поиску. А затем вышел из этого дела и сделал вид, что перебрался — куда? На Западное побережье: так было установлено по его предыдущим запросам.

Даже тогда, вспомнил Кэкстон, этот шаг казался неясным. Выйдя на улицу города, Кэкстон вспомнил также и то, что он уже слышал имя этого человека во время того запроса; только тогда это казалось неважным, и имя выскользнуло из его головы; было столько имен, столько людей, которых он встречал в свою бытность торговым агентом. В его воспоминаниях это походило на одно большое размытое пятно из «никого».

Тем не менее, потому что он был упрям и отказывался делать предложения, он отправился на почту и спросил о пересылочном адресе Магольсона. Человек, подошедший к стойке, отошел куда-то от окошечка и, наконец, подошел с карточкой.

— Да, — сказал он, — мы храним их некоторое время. — Он объяснил. — Просто в таких небольших местах мы более услужливы.

Этот лысый человек был никем для Кэкстона, и он когда-нибудь умрет без выбора жить вечно; несомненно, даже без мысли об этом. Но когда Кэкстон протянул руку, что бы взять карточку, тот одернул руку и сказал:

— Простите, я не могу вам это показать. Не положено. Что я могу сделать, так это принять письмо, которое вы напишите и переслать его. Захочет ли мистер Магольсон ответить вам — это его дело, — он виновато улыбнулся.

— Минуточку, — сказал Кэкстон, — не уходите.

Он зашел за стойку, вытащил бумажник, вытащил стодолларовую банкноту, которую он спрятал в руке таким образом, чтобы было видно ее достоинство. Затем снова подошел к окошку и показал ему банкноту.

Припухшие глаза немного расширились. Потом человек тихо сказал:

— Где я могу встретиться с вами после четырех — после работы?

— В Кисслинг-Отеле, — ответил Кэкстон.

Его ладонь накрыла банкноту. Если какая-то часть этой сцены и была замечена другими служащими, или человеком, который встал сзади Кэкстона, все равно увидеть деньги было невозможно.

Кэкстон повернулся возбужденный, но со сдерживаемым возбуждением. Было всего лишь несколько минут после полудня: ждать надо было долго.

Приложенные сто долларов к цене за адрес ничего не значили. После того, как он убедил Блейка и Ренфрю высадить его в своем родном городе, он сходил в банк, где у него оставалась небольшая сумма денег, и выписал контрчек. Затем он пошел туда, где хранил свое имущество, взял ключ от сейфа. Пошел в другой банк — где под вымышленным именем хранился сейф — и какое облегчение, когда в уединении кабины он поднял крышку и увидел сто тысяч долларов, которые дал ему Ренфрю перед тем, как они отправились на Альфа Центавра.

Какое облегчение, да, и какая оценка его собственных стремлений. Деньги, разумеется, предназначались Ренфрю для раздачи кредиторам и наследникам Питера

Кэкстона. Но он, имея свой план, со страстной решимостью думал, что он вернется. И, слава Богу, он вернулся.

Вспоминая о том моменте, сидя в Кисслинг-Отеле, глядя из большого окна на эту серую улицу двадцатого века, Кэкстон ждал почтового служащего и думал: «Ну ладно, значит это было несчастье, это одиночное солнце вдруг низвергло меня обратно туда, откуда я начал... это точно».

Ну конечно же, то, что деньги были здесь, ждали его, как он и представлял, конечно это был знак того, что все происшедшее было не напрасно.

Ощущение приближающейся победы становилось сильнее, и когда, примерно в восемь минут пятого, в отель зашел служащий, они вышли и, пройдя в переулок, обменяли деньги на небольшую белую карточку с адресом.

— Я сделал копию, — сказал клерк. — Вы не скажете ему, где вы ее взяли?

— Нет, конечно нет.

Через плечо, уже поворачиваясь, Кэкстон добавил:

— Я прекрасно понимаю.

Он уже взглянул на адрес. Лейксайд, а вовсе не Западное побережье. Ловко.

Было уже темно, когда вскоре после девяти он прибыл в небольшой аэропорт Кисслинга. Расплатившись с таксистом, он вначале почти и не заметил человека, прошедшего мимо машины и шедшего за ним, почти рядом.

Слишком рядом. Кэкстон повернулся.

Как только он повернулся, рука в перчатке крепко схватила его за левое плечо. Перед Кэкстоном проплыло лицо Камила Бастмана, и ему послышалось, как Бастман говорил:

— Извините, Питер, но вы очень опасный для меня человек...

27.

Был 2026 год н.э., и хотя проектор в Тигенор-Колледже, с компьютерным управлением, чувствовал своим электронным чутьем, что что-то было не так, он продолжал работать.

Точно также фильмо-распределительная машина, действующая в ближайшем крупном городе, тоже знала про ошибку. Но это нарушение было не из тех, что приводили в действие механизм, принимающий решения. Во всяком случае не вначале. Не во времени.

Из Тигенора по обычным электронным каналам прошла команда. Команда исходила от человека. Сначала был отмечен номер фильма, затем номер школы, куда он предназначался. Обычно, когда фильм находился на своем месте в фильмотеке, больше никакого человеческого участия не требовалось. Однако, если фильм и все его копии были на руках, в проекторной Тигенора вспыхивал красный свет и тогда уже, если потенциальный клиент желал, он мог заказать взамен что-то другое.

На этот раз копия была на месте. На сенсорную пластинку контейнера и на ряд учетных пластин нанесли номер школы. Пластины проходили через аппарат, который собирал информацию, и в результате деньги собирались вовремя. Фильм со своей копией мгновенно поступал в трубу.

В начале скорость продвижения была невелика. Время от времени спереди и сзади щелкали другие контейнеры, и необходима была авторегулировка скорости для предотвращения столкновения. Номер предназначения этого фильма был 9-7-43-6-2 зона 9, Главная Труба 7, Пригород 43, Распределение 6, Школа 2.

Обходной путь в зоне 9 автоматически открылся, когда контейнер привел в действие механизм. Через мгновение фильм был в главном почтовом канале под номером 7. По каналу бесконечной вереницей шли небольшие пакеты, каждый в электронно управляемом контейнере.

Вереница никогда не останавливалась, лишь замедляла и ускоряла свой ход, когда в трубу попадали новые контейнеры, а старые уносились по своим маршрутам.

43-6-2. Щелчок — и фильм прибыл на место. Автоматические устройства мягко установили его в проектор и, в установленное время — в данном случае примерно через час — видящее устройство — глаз проектора открылся и осмотрел аудиторию. Несколько студентов все еще были в проходах. Дал предупредительный сигнал, подождал полминуты, затем запер двери аудитории и снова открыл «глаз». На этот раз в проходе оставался лишь один студент.

Проектор дал последний звонок. Следующим предупреждением явится световспышка в кабинете директора вместе с телеизображением аудитории, которое четко покажет нарушителя дисциплины. Последнее действие оказалось ненужным. Молодой человек, некто по имени Камил Бастман закончил дурачиться и завалился в кресло. Сеанс начался.

Электронные устройства проектора были не в силах понять, что юный Бастман был — сам того не зная — Обладателем, который мог, меняя время, влиять на — один или больше — окружающие предметы. Действие — как открыл Джонс — всегда было случайным, беспорядочным, но оно обычно приводило к одному. В данном случае на экране шел нужный фильм, но фильм, который потом был уложен в контейнер и возвращен в фильмотеку, оказался одним вышедшим из употребления творением под названием «Волшебство продуктов», предоставленным Тигенор-Колледжу Фильмотекой Арлея в 1979 году.

Вся последующая «работа», совершаемая в 1979 году Клоденом Джонсом и Селани, действовавшими из трейлера на Пиффер-Роуд и Обладателем Дэниелем Магольсоном, продавшим специальный кинопроектор в Квик-Фото (которое, в свою очередь, продало его Тигенору) была рассчитана на то, чтобы воспользоваться этим случайным, но неизбежным влиянием на время, которое происходило так близко от временного поворота — всего лишь в двух годах от 1977. У них была надежда на то, что созданная таким образом неустойчивость (если ее

правильно использовать) даст им возможность определить место временного охвата, когда он, повернув, снова двинется вперед.

С другой стороны, вмешательство Бастмана в их усилия основывалось на подозрении, что то, что они делали, было как-то направлено на него. Никакие заверения со стороны Обладателей не могли убрать это ужасное подозрение.

По чистой случайности ни один из контейнеров, в который поочередно попадал фильм 1979 года, не выходил по вызову, пока не стало поздно. Когда он попал на другой проектор, Кэкстон разобрал проектор 1979 года и последовательный процесс связи времени был нарушен.

Бастман привел Кэкстона, связанного по рукам и ногам, в 14 ноября 9812 года н. э. — последний день времени. Оставалось еще двенадцать минут и несколько секунд известной Вселенной. Было 7:59 вечера, а конец должен приходиться на 8:11.

Все это Бастман объяснил своему пленнику ровным голосом, и закончил:

— Через двенадцать минут, Питер, вы перейдете за край.

Кэкстон тупо уставился на своего пленителя. Давно придя в сознание, Кэкстон погрузился в состояние безнадежности. Поэтому он просто спросил, не резко, без всякого настоящего интереса:

— А почему вы считаете меня опасным?

— В ваших клетках собрана вся эта энергия времени, вот почему.

Кэкстону пришла в голову мысль, что если это было истинной причиной, то почему Бастман просто не убил его? Для чего готовить такую странную долю. Так как такая возможность неверия приходила старику в голову, он задал этот вопрос вслух.

Бастман был удивлен.

— Я вижу, что вы не представляете своего положения, Питер. В ваших клетках собрано больше энергии времени, чем у любого когда-либо жившего человека. Никто не знает, что может произойти с окружающим, если вас неожиданно застрелить. Ну, и конечно, если Обладатели

заполучат вас со всей вашей энергией, у них, очевидно, возникнет желание развить ваши необычные способности. Но если даже и нет, рано или поздно вы создадите исключительное волнение во времени — а это то, что я, имея свои цели, не могу позволить. Вот такая картина. Поверьте, я больше не знаю мест, куда можно было бы поместить эту энергию времени, кроме как за край.

Он внезапно замолчал.

— Это как старая проблема с радиоактивными веществами, прежде чем люди научились выбрасывать их к Солнцу. Я выпускаю вас в единственный известный мне эквивалент Солнца.

Взглянув в эти суровые глаза и не увидев в них пощады, Кэкстон задрожал. И затем сказал дрожащим голосом:

— Тогда, в семнадцатом веке, Клоден Джонс, кажется, не думал, что у меня есть какая-то особая способность.

— Это потому, что те вероятности, в которые вас помещали во Дворце, вас не принимали. Так что вам некуда было идти. Но сейчас у вас в два раза больше энергии.

— Но почему не помочь мне? Может быть, мы смогли бы действовать вместе? Вы же видели, до этого я хотел.

— Простите, Питер. При таком партнере я вскоре стал бы играть второстепенную роль. Я не могу доверять параноику.

Два параноика посмотрели друг на друга, а затем Бастман взглянул на свои часы.

— Еще пять минут, — сказал он. — Установка времени на конец мира была разработана Клоденом на основе сравнения из Дворца. Я не хочу полагаться на него до секунды, хотя он очень силен в таких вещах. Но я не хочу рисковать. Я ухожу прямо сейчас.

Он поспешно снял хронометр с руки и положил его на пол возле Кэкстона.

— Вот. Это даст вам кое-чем заняться.

С такой же поспешностью он направился к открытой двери в десяти футах от них и вышел.

Через мгновенье он ворвался обратно. Он был бледен.

— Ради Бога, что вы со мной сделали? Я больше не могу проходить сквозь время. Я потерял свою способность Обладателя.

В руках у него был ключ. Опустившись на колени рядом с Кэкстоном, дрожащими руками отомкнул что-то в цепях, связывавших Кэкстона. Поспешно поднявшись, он оттащил цепь. Быстро попятившись в центр комнаты, он стоял и бормотал:

— Весь этот путь сюда с вами... Я находился с вами слишком долго... О, боже, мы оба обречены.

Его ужас вдруг сделал угрозу более реальной. Кэкстон встал на ватные ноги. Однако через мгновение он был уже сильнее. Лицо Бастмана, только что такое твердое и решительное, вдруг обмякло, приобретя какое-то одутловатое выражение, и это как-то укрепило его. У него появилась блуждающая мысль: «Может эти важные и властные критерии менеджера по торговле вовсе не такие властные и крепкие».

Мысль остановилась. Потому что Бастман был возле, сжимая его руку.

— Питер, послушайте, — простонал он, — после того, как я взял вас с крыши отеля, я решил использовать вас двумя способами. Первый — позаботиться о Джонсе. Второй — я отделил вашу вероятность и переправил ее во Дворец, где у меня есть водородная бомба. Я собирался использовать ваши знания, что бы вы помогли мне взорвать Дворец Бессмертия и всех этих ублюдков.

Он сглотнул, затем бросился говорить дальше:

— Послушайте, есть один способ взять меня туда — так же, как Джонс мог проводить этот трейлер, я смог бы провести вас сюда. Но вы должны сделать это очень быстро.

Кэкстон сказал:

— Я связан... там?

Одного взгляда на это убитое горем, виноватое лицо было достаточно, чтобы понять, что его мрачная догадка была верна. Он пробормотал:

— Вы собирались отправиться отсюда туда, где находится эта бомба и силой заставить меня взорвать ее?

Через мгновение эти слова показались ему недостаточными. Казалось, изо всей силы, он ударил Бастмана в

лицо. Сотрясение от удара пронеслось по руке до плеча, он стрелой бросился на Бастмана. Они оба рухнули. Дыхание Кэкстона сбилось и он, лежа сверху на своем противнике, судорожно глотал воздух. Его посетила удивительная мысль: «Черт побери. Пити Кэкстон в конце концов оказался славным парнем, надо же!»

Они упали рядом с часами Бастмана. И в тот же момент, когда у Кэкстона возникло это славное представление о самом себе, он мельком заметил циферблат хронометра. Время было 8:11 плюс — когда он глянул — тридцать одна секунда...

28.

Кэкстону снился сон. Какой-то голос сказал:

— Хорошо, настройте...

И в следующий миг...

Он входил в аэропорт Кисслинга. Мимолетное воспоминание промелькнуло как раз в тот момент, когда он толкнул турникет.

Он непроизвольно остановился. Или, вернее, он попробовал остановиться. Дверь вытолкнула его из ночной улицы в яркое помещение. Мимо прошло несколько людей. Это было узкое место, и Кэкстон был уже за стойкой и сдавал свою сумку, прежде чем снова обрел способность вспоминать.

Воспоминание на этот раз показалось немного смутнее.

— Вам придется поторопиться, сэр, — дошел до него голос служащего. — Самолет отправляется через четыре минуты. Так что лучше просто пронести свою сумку.

И вот он бежит по коридору, выбегает, пересекает бетонную полоску. По эскалатору, в машину, последний пассажир задыхается от бега.

«Куда ушло время? Я думал, у меня масса времени».

Дверь за ним с шумом закрылась. Краткий разговор со стюардессой.

С каждой секундой все происходящее с ним, казалось, уходило все дальше, однако, словно это было что-то далекое, в его прошлом.

Вскоре, после десяти, на следующее утро, Кэкстон свернул к воротам по адресу в Лейксайде, где жил Дэниель Магильсон. Проходя к двери, он увидел, что это был элегантный особняк на большом участке земли. У дверей он остановился. Какое-то время Питер Кэкстон стоял, полный своих мыслей и целей, напрягшийся, готовый к сопротивлению, человек, не имеющий как личность почти ничего, но никогда не прекращавший попытки пробиться туда, где он хотел быть.

Нарушитель спокойствия, непреклонный любовник, творец в своей специальности, разрушитель в большинстве других ситуаций. Где бы он ни был, везде возникала некоторая суматоха и беспорядок, причиной которых, если проследить, оказывался он сам.

Но он был жив и имел свое право на свои семьдесят (нормальная продолжительность человеческой жизни по Библии) или больше, если сможет. Он был очарователен с женщинами, и некоторые его любили, принимая его эгоистичность за твердость характера.

Дверь открывалась.

29.

Через минуту человек, стоявший в проеме двери, сказал:
— Да, я — Дэн Магольсон.

Странно, но у Кэкстона не было мгновенной реакции. Он заметил, что Магольсон был высок, имеет дружелюбные манеры и легок в общении. Обладатель выглядел на тридцать лет.

Кэкстон открыл рот, чтобы произнести заготовленную фразу: «Магольсон, я шел за вами тысячу триста лет...» Он так и не сказал ее, потому что Магольсон заговорил первым.

— Проходите, Питер, — сказал он. — Но уж простите меня, если я не позволю вам подойти слишком близко.

Обладатель улыбнулся.

— Согласитесь, вся эта энергия времени должна быть не менее чем в четырех, лучше в шести футах от Обладателя.

Эти слова, с их мгновенным пониманием опасности, которую он представлял, вызвали в Кэкстоне внезапный страх, что в этот двенадцатый час он все еще мог проиграть. Он обдумывал, слегка подавшись вперед, словно собираясь шагнуть, однако не осмеливаясь ничего сказать или шевельнуться.

Магольсон продолжал:

— Мы вас уже ждем. Ваши друзья здесь.

Это дошло сквозь всю его настороженность.

— Мои друзья? — отозвался Кэкстон. А затем снова застыл. В его напряженном состоянии это означало... пустоту. Он не мог представить друзей. Он был одинок. Не было никого, кого бы он называл другом.

Магольсон отступил на шаг и знаком пригласил войти. Кэкстон автоматически вошел в прихожую, повинуясь жесту хозяина, двинулся почти робко ко входу в большую комнату. И здесь он, отшатнувшись, остановился.

Он стоял. Смотрел. Попытался заговорить, но не было слов. Наконец Ренфрю и Блейк, должно быть, поняли, что шок был слишком велик, и поспешно кинулись к нему в тревоге, и оба говорили что-то вроде «Питер, не волнуйтесь, не торопитесь. Спокойно. Тише едешь, дальше будешь».

Первая дельная, ясная мысль, которая пришла к Кэкстону, была та, что он был в положении преступника-дилетанта, пойманного за руку на месте преступления. Перед его глазами пронесся калейдоскоп всех его тайных действий и лжи, которые он ввел в свои отношения с этими людьми.

И сильнее прежнего была реакция: слишком много... Он был респектабельным банкиром из небольшого городка, пойманным за преступление, и это было слишком...

Кэкстон стоял, слезы подступили к глазам и покатились по щекам. Затем, запинаясь, добрался до кушетки, смутно осознавая, что Блейк и Ренфрю помогали ему. Но их помощь не имела значения. Слезы текли беспрепятственно.

Слишком много. Пятьсот лет до Центавры в каталептическом состоянии, потом свыше восьмисот лет из семнадцатого века, снова в 2476 год н. э., в замороженном состоянии. И вот сейчас это внезапное разоблачение... Господи, сколько может вынести человек?

Где-то здесь пришел стыд. И поскольку слезы все таки останавливаются, а мышечные спазмы можно все-таки контролировать, наступил момент, когда он вытащил свой носовой платок, высморкался и вытер лицо. Теперь, когда он посмотрел вокруг, он мог увидеть, что остальные трое сидели и смотрели на него без осуждения.

Блейк помотал головой, когда встретился глазами с Кэкстоном, и сказал:

— Мы с тобой, приятель.

Голубые-голубые глаза Ренфрю были слегка затуманены.

— Я полагаю, здесь двое расчувствовавшихся, мой дорогой друг, — сказал он.

Магольсон, все еще казавшийся нейтральным, наклонился вперед и сказал:

— Я рассказывал мистеру Блейку и мистеру Ренфрю о ваших последних мучениях.

Кэкстон ждал. Он сразу же предположил, что это замечание относилось к его путешествию во времени из 1653 года н. э., и он уже собирался сказать что-нибудь, признающее это знание за само собой разумеющееся, когда его осенила обнадеживающая мысль: «Может, они не знают!»

И, если они не знали, он конечно же не собирался рассказывать им.

Блейк поднялся, подошел к нему и стоял, улыбаясь ему и упрекающе качая головой.

— Если исповедь полезна для души, Питер, вы никогда не узнаете этой пользы.

Он продолжал:

— Послушайте, друг мой, мы знаем основные факты.

Пораженный Кэкстон слушал, а Блейк продолжал со своим кратким отчетом о первом опыте Кэкстона с Дворцом Бессмертия, а потом об эпизоде из семнадцатого века и его последствиях. Затем он описал, как Ренфрю и он приземлились в одном из имений Ренфрю, на борт к ним

поднялся какой-то Обладатель и убедил их не сообщать миру о возвращении путешественников во времени.

Он объяснил им тогда, что механические сенсоры засекли присутствие корабля из другого времени.

— Они не смогли, — добавил Блейк, — добраться до нас прежде, чем мы высадили вас, но им удалось преградить нам путь.

И, конечно, как только Ренфрю и он поняли, что даже спасательная шлюпка была достаточно велика, чтобы создать другой мир вероятности, в такой опасной близости к 1977 году, вот...

Здесь Блейк внезапно замолчал, а затем закончил:

— Питер, я должен сказать вам это. То, как вы предстали передо мной в отеле там, в 2476 году после всего того, что вы прошли, было шедевром обмана. Но вы можете прекратить все это, помните, что основная часть Обладателей — это добросердечные люди; так что здесь решение для всех нас.

Он повернулся к единственному Обладателю в комнате.

— Скажите ему, мистер Магольсон.

Магольсон медленно поднялся. Он опять улыбался.

— Да, Питер, вы выиграли. Позвольте мне так квалифицировать это: столько, сколько вы можете выиграть, что, мы надеемся и верим что сможем удовлетворить вас.

Он стремительно сделал ряд утверждений, прояснивших его слова: для Блейка и Ренфрю принятие во Дворец Бессмертия. Они оба, казалось, были того типа люди (хотя сами и не Обладатели), которые вполне подходили к требованиям, предъявляемым к новым членам.

— В конце концов в нашей работе, — сказал Магольсон, — мы бы нашли их и все равно внесли бы их в список. Так что мы были очень рады, что они прошли испытание, и теперь мы можем отплатить им за их сотрудничество. Теперь вы, Питер...

Оказалось для Кэкстона не могло быть всеобщего принятия «... по только что приведенным причинам».

Но ему будет разрешен периодический допуск, так чтобы он мог обращать назад свой возраст и сохранять себя вечно.

Магольсон продолжал:

— Вам понадобятся какие-то доказательства того, что все это честно.

Он обвел рукой в сторону большой комнаты.

— Что вы думаете об этом доме? — спросил он.

Кэкстон не оглянулся, не шелохнулся. Что должно было произойти, он не имел ни малейшего понятия. Но он уже начал оправляться от удара и припоминать свою цель поиска этого дома. Все, что здесь происходит — что он надеялся выполнить — было абсолютно важно.

— Похоже на состоятельного человека, — сказал он ровным голосом.

— Это вход в этой эре во Дворец Бессмертия, — был ответ, — и здесь вы будете жить следующие несколько лет, пока войдете в курс дела.

Опять улыбка, но худое лицо высокого человека было странным образом напряжено.

— Как вы думаете? — спросил человек. Он закончил почти что извиняющимся голосом. — Это самое лучшее, что остальные Обладатели позволят мне для вас сделать, Питер.

Кэкстон увидел, что все трое озабоченно наблюдали за ним. Поразительно, что... «Значит, Ренфрю и Блейку было сказано, что я считаюсь одним из двадцати процентов мужчин этой половины века, являющихся параноиками». — подумал он. Он моментально почувствовал себя униженным от мысли, что они знают. Это придало ему силы сказать то, что он должен был.

— Я собственно не совсем понимаю это ограничение, — сказал он. Затем пояснил. — В одно из просветлений я посмотрел весь этот комплекс с вероятностями, и мой вопрос — почему вам не слить меня со взрослой версией четырнадцатилетнего Кэкстона, которую, сказал Прайс, вы, Обладатели, найдете и отделите?

— Это еще не сделано.

Он мог бы удовлетвориться таким ответом. Если это правда, ему нечего боятся. Однако он понимал, что его порывало сказать им о всем своем замысле по существу. И сразу же узнать, могли ли они остановить его.

Если могли, тогда ему лучше принять то, что они предлагали.

Вслух он упрямо сказал:

— Я не пойму, какая разница.

Магольсон сказал:

— Мы соединим вас, как только Клоден Джонс откроет способ прохождения в период до 1977 года. Не забывайте, что вам было четырнадцать — когда? До 1977, так?

— Все равно, — настаивал Кэкстон, — то, что с Питером Кэкстоном был контакт в каком-то будущем мы с вами можем и не знать. Но начиная со времени, предшествовавшему его четырнадцатилетию, он существует в своей собственной вероятности. Значит он где-то есть. Не так ли?

Магольсон улыбнулся своей мягкой улыбкой.

— Верно. Но, — он покачал головой, — это значит только, что где-то в будущем какой-то Обладатель знает, в каком мире вероятности находится Питер Кэкстон, и где это. Однако, — продолжал он, — здесь и сейчас не знает никто.

— Мы согласны, — сказал Магольсон, — что, весьма возможно, существуют все ваши потенциальные вероятности. Но мы не можем связаться с ними для вас.

И все равно это был недостаток понимания.

— Послушайте, — вяло сказал Кэкстон, — все это уже должно произойти. В какой-то вселенной бесконечных вероятностей они уже слились. Почему же этот полностью слившийся Питер Кэкстон где-то там, — он неопределенно махнул рукой на север, — не вернется сюда и не уберет мою паранойю?

Улыбка Магольсона вдруг стала мрачной.

— Да, — сказал он, — почему вы этого не сделали?

Он не ждал, пока Кэкстон ответит, и серьезно продолжал.

— Ваш вопрос — это одна причина того, почему Клоден Джонс так упорствует в своих экспериментах. Он задал этот же самый вопрос.

— Это все, что вы можете сказать? — спросил Кэкстон.

— Я не могу придумать лучшего, — был ответ.

Кэкстон больше ничего не говорил. Ему приходилось надеяться, что этот неучаствующий экспериментатор, Джонс, и добросердечные Обладатели действительно не

смогли проанализировать то, что параноику казалось таким очевидным.

Он увидел, что Магольсон отвернулся от него к Ренфрю и Блейку.

— Хорошо, джентльмены, — сказал он. Они поднялись. Магольсон через плечо глянул на Кэкстона.

— Я беру их во Дворец, — объяснил он. — Они вернутся через несколько дней. И с этого момента будут регулярно отправляться туда и возвращаться снова.

Из кармана он достал ключи и положил их на столик возле дверей.

— Это от входных дверей и от апартаментов западного крыла, — он показал жестом, — которые мы передали вам.

Кэкстон подошел к столу и взял ключи. Он уже подумал, что вход в это здание — это одно из тех предварительных условий подготовки, которые он должен полностью иметь под своим управлением. Затем он поднялся с ними троими на второй этаж в комнату, где одна стена была странно туманной. Сквозь туман была видна гигантская лестница. Он пожал руки своим друзьям и Магольсону и, глядя им вслед, когда они проходили сквозь туман вверх по лестнице, подумал: «Значит, они не знают о том, что случилось после 1653 года. Они не знают про Бастмана и меня там, в 9812».

Лениво, почти не соображая, он смотрел, как они трое прошли к огромным дверям Дворца Бессмертия, открыли одну из них и прошли внутрь. Когда они скрылись из вида, и когда за ними закрылась дверь, Кэкстон отвернулся и подумал: «Вот победа, которую они мне желают».

Он осмотрел дом — внутри здесь все было так же красиво, как и снаружи. Западное крыло было прекрасной отдельной квартирой; наконец, он сделал себе ленч и сел на кухне в углу с книгой из 2863 года.

Английский язык, на котором она была напечатана, был точно таким же, как американский двадцатого века. Значит он должен быть из мира вероятности, в котором тот был сохранен. Это был роман, изображавший людей в сексуально свободном обществе, где каждая женщина спала с каждым мужчиной, который желал ее при условии, что она могла включить его в свое расписание. И

если нет — если у нее просто не было времени — мужчина все прекрасно понимал и сильно не огорчался, потому что его расписание было так же очень плотным. Во всем остальном люди делали все то же самое, что всегда делал Кэкстон. Они ели, они работали, они учились, они спали, они играли в игры.

«Это — победа. Это то, что будет у меня. Это то, за что я сражался».

Победа, то есть, если он принял бы их предложение.

Это было хоть что-то, он ведь любил читать, всегда любил. И потому прочитал этот роман до конца. А затем он прочитал второй, сюжет которого заключался в том, что одна прекрасная девушка была поражена недугом, о чем никто, включая ее саму, не знал. Она стала отказывать всем своим возлюбленным и вскоре ушла в уединение, чтобы поразмышлять о жизни и ее истинном значении. В конце недуг был обнаружен. Медицинская наука бросилась на помощь, и вскоре она снова была со своими приятелями, улыбалась сквозь слезы сожаления по поводу всех волнений, причиной которых она была, и снова вела нормальный образ жизни.

Кэкстон предположил, что описанное было лишь одной вероятностью и, что другие вероятности двадцать девятого века показали бы и другие взаимоотношения людей.

Но сколько же основных поворотов могло быть?

Был уже первый час ночи, когда у него возникло это безрезультатное соображение, и он отложил вторую книгу. Но, раздевшись, он тем не менее вновь подтвердил себе: «О'кей. Значит все это может быть просто повтором. Но все же лучше быть живым и делать одно и то же, чем быть мертвым и ничего не делать».

Он лег в постель. Затем поставил странного вида, но узнаваемый будильник, чтобы встать в половине четвертого утра.

Это было решение.

Это было отклонение от маленького решения, сделанного Обладателями.

Потом он лежал, вполне очнувшись ото сна и думал: «Несколько смешно, если сейчас я не смогу уснуть...»

Он проснулся от звука будильника, похожего на звон маленьких колокольчиков.

Часы показывали 3:42 утра. Хорошее время для начала... «Пусть, — подумал он, — это и будет моментом». Следующие слова он произнес вслух:

— Все мое будущее исчисляется от 3:42 утра 10 августа 1981 года.

Очевидно, что для Большой Мысли всего времени и пространства должен быть какой-то точный момент, из которого не было поворота назад. Призыв он тоже выкрикнул вслух:

— О'кей, хорошо. Эй, там, Питер Кэкстон. Давай, соединяй.

30.

В 10:28 на следующее утро Питер Кэкстон сидел на кухне западного крыла и ел завтрак. Сзади него послышался звук открывающейся двери.

Не поворачиваясь, он сказал:

— Доброе утро, мистер Джонс.

Молчание.

«Он думает о том, откуда мне известно, кто он», — подумал самодовольно Кэкстон.

Вслух, все еще не поворачиваясь, он сказал:

— У меня здесь тарелка для вас. Почему бы вам не присоединиться ко мне?

Нет ответа.

— Может быть вам будет интересно узнать, — продолжал Кэкстон, — что я принял истинность ваших утверждений, буквально принял слова, о том, что прошлое ждет вечно. И будущее, разумеется, тоже.

Он поднял руку и махнул в неопределенном направлении.

— Я предполагаю, что я был там в каждом временном измерении, в каждой эре между этим временем и 9812 годом нашей эры, я был умножен, — он сделал паузу, — так как каждому где-то понадобится время, и каждый

должен создаваться определенным усилием — и что более важно — так как мне надо будет записывать и вести учет, где они все были, я ограничил учет до ста.

— Так что как я представляю, — небрежно продолжал Кэкстон, — в один из этих веков я начну строительство Дворца Бессмертия. Вы можете спросить, действительно ли я построил его? И мой ответ — кто еще это мог быть или будет?

По-прежнему ни одного звука от человека, который открыл заднюю дверь и вошел в квартиру. Это вдруг стало раздражать Кэкстона. В его голосе звучало раздражение, когда он сказал:

— Возникает вопрос, кто-нибудь может меня сейчас остановить? Насколько я могу судить об этом мой ответ — нет. Какие-нибудь замечания?

Так как ответа опять не было, у него появилось первое крошечное сомнение... «В конце концов, — подумал он, — трудно уследить. Так что, может быть, я все перепутал. Может быть это не Джонс».

После чего он повернулся на стуле, намереваясь посмотреть...

Кэкстон проснулся от смеха Селани. Он открыл глаза и посмотрел на потолок трейлера, когда раздался задыхающийся голос мужчины. Кэкстон с удивлением подумал о том, что здесь могло происходить. Он предположил, что мужчина был ее отцом, так как кто еще это мог быть в этот второй день после их пребывания в 1653 год н. э.?

Что было странным в этом голосе — это то, что мужчина, казалось, задыхался. И раз, таким вот образом, сказал:

— Заканчивай, Селани. Достаточно на первый раз.

— Нет, сэр, — раздался голос девушки. — Сорок минут, — и она опять весело засмеялась.

Это пожалуй казалось забавным и было невероятно таинственным. Кэкстон поспешно оделся и вышел наружу и застал неожиданную картину.

Джонс, раздетый до пояса, медленно бежал мимо дверей трейлера. Девушка бежала рядом и однажды, когда он запнулся, она подхватила его и поддержала. Они свер-

нули за трейлер, и Кэкстон мог слышать с той стороны их топот. Наконец, они снова показались из-за трейлера. Девушка увидела Кэкстона и весело позвала его:

— Присоединяйтесь, мистер Кэкстон!

Идея показалась слишком нелепой Кэкстону, который никогда не занимался физическими упражнениями. Он помотал головой.

Отец и дочь два раза обежали трейлер, пока он стоял там. «Думаю мне следует пойти побриться и привести себя в порядок», — подумал Кэкстон. Но он взглянул на солнце, которое было удивительно высоко. «Около девяти часов, — решил он. — Или даже позже».

Забравшись на холм, он окинул взглядом те же пустые мили, которые помнил из предыдущей вероятности. «Это настоящее, — подумал он. — Потому как я тут и не знаю, как я пришел, или, кто был этот человек у дверей, в доме Магольсона». Он посмотрел вниз на трейлер и на двух человек, все еще медленно — мужчина неуклюже — бежавших вокруг. А потом еще раз осмотрел дальние горизонты безвременного дня; и реальность помрачнела.

В неуверенности он спустился с холма. Другие слияния казалось находились где-то под контролем какого-то Питера Кэкстона. Но это слияние было тайной.

Он все же заметил, что у него не было обычного психического порыва прореагировать на беспокойство. Так что это было изменение.

Не обращая внимания на отца и дочь, он вошел в трейлер, нашел туалет, оправился, а затем поискав, нашел ту же самую мазь для бритья, которой он пользовался в свой первый визит во Дворец Бессмертия. Как и тогда, необходимо было нанести мазь, а затем стереть бороду. Затем карманной расческой он пригладил волосы. Почувствовав, что выглядит вполне прилично, вышел во второй раз и присел, дожидаясь конца пробежки.

Кэкстон наблюдал за ними прищурившись, оценивающим взглядом. Он понимал, что оценивая девушку, он мог не видеть ее привлекательности в сексуальном плане; и тем не менее сейчас он видел, что ее лицо, хотя и девятнадцатилетнее во многих отношениях — чистота кожи, молодость — еще имело и другие, более зрелые черты. Не останавливаясь ни на одной цифре, он с ин-

тересом подумал о том, сколько ей могло быть лет? Несколько раз, пробегая мимо, она бросала на него взгляд, который оценивал его совершенно не по-девичьи. А когда же, наконец, утренняя пробежка закончилась, отец и дочь подошли к тому месту, где он сидел, и дочь сказала:

— Прошлой ночью я обнаружила, что перчатка повредила отца больше, чем я думала вначале. Все его тело пострадало от потери энергии: он вдруг начал поддерживать свое чувство собственного достоинства какой-то странной мистической идеей, будто он человек, особенно любимый Богом.

Откуда-то до Кэкстона мгновенно пришло понимание этого состояния.

— Ах, вот что, — сказал он. Даже когда он заговорил, у него не было интереса к этому делу, так как он не желал вникать в этот похожий на сновидение мир сливающихся воспоминаний. Почему его снова слили здесь, не предупредив? Вот на что надо направить свое внимание.

Девушка смотрела на него с каким-то странным выражением.

— Мистер Кэкстон, мы с отцом обсуждали наше положение, и так как он кажется в ослабленном состоянии — хотя ему уже лучше — похоже, мужские обязанности придется выполнять вам. Если вы хотите, я готова играть свою роль, — она дружески улыбнулась, — в некотором роде в отношениях между мужем и женой, что вы скажете?

Впоследствии Кэкстон никак не мог вспомнить все чувства, возникшие у него, когда он понял смысл слов Селани. То, что в этой второй вероятности взаимоотношения, которых он так сильно желал в первой, станут такими легкими, было оскорбительно, еще и по ее предложению, «если хотите».

Отчасти его негодование объяснялось тем, что его вырождающиеся клетки в этих обстоятельствах очевидно ничего не значили. Запах времени сейчас был отброшен, словно бы и не имел значения. Причина этого была в ситуации, которую он в тот раз не прочувствовал: потребность женщины в защите, тогда, конечно же, удов-

летворенная ее настоящим отцом. Так что замена тогда была не нужна, спасибо. Ей-богу!

Эмоции улеглись. Осталось слабое сожаление, что он, вероятно, не сможет остаться и воспользоваться этим предложением.

Должно быть, она заметила его колебания, потому что сказала:

— Конечно, если вам не интересно... — Она отвернулась.

— Подождите! — настоятельно сказал он. — Я хочу рассказать вам обоим правду о создавшемся положении.

Девушка снова повернулась к нему. Старик с интересом уставился на Кэкстона.

Кэкстон рассказал им, что с ним произошло.

Он не упомянул, как они выбрались из другой вероятности. Это должно быть его властью над ними, в случае, если ему понадобиться рычаг.

Клоден Джонс сказал:

— Я прихожу сейчас к выводу, что перчатка, которую дал вам Бастман, была заряжена сильнее, чем этого требовалось для того, чего он хотел. В результате получилось две, возможно и больше вероятностей.

Его собственные слова, казалось, подстегивали его. Неожиданно проявилось что-то от того, прежнего Джонса, которого помнил Кэкстон.

— Что вам нужно от нас? — спросил он проницательно.

Кэкстон поколебался, поразившись тому, что лежало за этим вопросом.

Что беспокоило Кэкстона, так это мысль, что он все ещё мог в чем-то нуждаться. И вот потому он и был здесь. Он медленно сказал:

— Я думаю все необходимое сделано. Я собрал энергию времени. Это должно было быть подготовительным этапом. Дальше я получил доступ во Дворец. Это было необходимо. Сейчас я слился с тридцатью девятью из ста постулированных Питеров Кэкстонов. Остальные еще там, предположительно, в курсе того, что они должны делать, и охраняют все это положение. Так что, — он пожал плечами, — я думаю, я здесь просто, чтобы забрать тело в этой вероятности.

Он взглянул на девушку.

— Что вы думаете? — спросил он.

На лице ее все это время было выражение растущей тревоги. После его вопроса она повеселела.

— Думаю, нам нужно позавтракать, — сказала она своим звонким голосом. — И если вы потом все еще останетесь здесь, тогда мы сможем обсудить ваше будущее и наше.

Это был молчаливый завтрак. Но когда они после завтрака вышли из трейлера, Клоден Джонс сказал, что считает, что вычислил причину возвращения Кэкстона в эту вероятность семнадцатого века.

— Вы здесь, — сказал он, — чтобы узнать мой метод прохождения в период до 1977 года.

Кэкстон открыл было рот, чтобы отрицать. Но не произнеся ни слова, закрыл его. «Пусть они верят, — решил он, — что в этой ситуации у них есть какая-то сила».

Что он в конце концов сказал, так это:

— Какова ваша цена за метод?

Старик и девушка сделали поразительно простодушную вещь. Они посмотрели друг на друга. Затем, словно по взаимному согласию, Селани сказала:

— Мистер Кэкстон, скажите нам еще раз точно, что вы предполагаете делать.

Кэкстон ответил не сразу.

Он стоял, а над его головой с криком пролетела птица. Легкий ветерок нежно дул ему в лицо, донося запах зелени и травы, и воды. Над головой была синева, широкая, по всему небу и только тут и там виднелись следы облаков. Чудесный невероятный мир, завершенный, очевидно, до мельчайших деталей.

Он вдруг непроизвольно обнаружил, что смотрит на изумительную внешнюю картину бесчисленных миров вероятности, подобных этому. И плана Обладателей превратить каждого живущего когда-либо в некий мирный тип, который потом сольется со всеми остальными своими вероятностями. Так что каждый человек с начала человечества когда-нибудь будет жить вечно.

Еще раз, так же как и утром, тогда, в доме Магольсона, он подумал об этом как о самой грандиозной и удивительной идее, когда либо приходившей в голову.

И он вновь подтвердил, что это был его идеал. Так же, как и их.

Его лицо посуровело. «Независимо от последствий, — подумал он мрачно, — никому нельзя позволить встать на пути такой желанной цели. Вся оппозиция должна быть подавлена и отброшена в сторону.

Нельзя позволить глупым людям мешать.

Те, кто сопротивляется или серьезно мешают великой цели, будут единственными, кого не воссоздадут в будущем мире вероятности. Бастман для начала».

Не сходя с места, он объяснил Селани и ее отцу прекрасное совершенство своего идеала. И поразился, когда девушка помотала головой и сказала:

— Папа, не давай ему секрета.

— Ха-а! — сверкнул глазами Кэкстон. — Вы что с ума сошли? Это же то, что вы хотите, не так ли?

Она серьезно смотрела на него.

— Нет, мистер Кэкстон, это не то, что мы хотим. Вы просто параноик, извративший хорошую идею. И мы не хотим участвовать в этом.

Кэкстон стал приходить в себя еще, когда она говорила. Ему не нужна их помощь. Потому что его теория включала метод проникновения в период до 1977 года. Так что он мог позволить быть терпимым к сопротивлениям этой молодой женщины.

Тем не менее он чувствовал себя невиновным. «Ради бога, — подумал он, — я не стремился быть параноиком. Все произошло само. Я чувствую, словно меня хотят в чем-то убедить».

Он так и сказал Джонсу и продолжил:

— Кажется, мы расходимся лишь в том, как это будет совершено. Миллионы параноиков научились контролировать свое неосознанное желание убивать. Как мы можем убедиться, что я не вернусь к прежнему состоянию в каком-нибудь будущем стрессовом моменте? И ведь это же будет проблемой, не так ли, как с каждым параноиком, достигшим какой-то власти?

— Без сомнения, — ответил Джонс, — вы поставили проблему, — он улыбнулся. — Однако, так как вы очевидно в самом деле создали все это и в самом деле построили Дворец...

— Построю, — поправил Кэкстон.

В глазах старика вдруг что-то промелькнуло. Каким-то образом он должно быть пропустил эту мысль, в том что Кэкстон прежде описывал ему.

— Боже мой, — он больше выдохнул слова, нежели произнес их, — вы хотите сказать, что вы этого еще не сделали?

Это был великий момент. Потому что это была его величественная идея.

— Я еще ничего не сделал, — сказал Кэкстон. Он добавил небрежно. — Когда-нибудь у меня будет время, необходимое для создания этих ста Питеров Кэкстонов.

Он внезапно замолчал.

— А пока я должен вести точную регистрацию.

Клоден Джонс сказал после долгой паузы:

— Очевидно, я должен рассказать свою тайну человеку, который решил такую проблему.

Кэкстон взглянул на девушку. Она была бледна, но покорна. Она поймала его взгляд.

— Я доверяю мнению папы, — сказала она приглушенным голосом. — В некоторых вещах он никогда не ошибается.

От ее слов у него потеплело на душе.

— Я понял, почему я здесь на самом деле, — сказал Кэкстон.

— Вы здесь, чтобы заполучить секрет моего отца, — ответила она.

— Нет-нет. Я его знаю.

Он был в нетерпении. Выхватив записную книжку из внутреннего кармана, он что-то написал, вырвал страницу и передал ее, сложенную, девушке.

Джонсу он сказал:

— В чем секрет?

Старик не колебался.

— Я посчитал, что кто бы не построил все это вместилище времени, он оставил по крайней мере один путь вероятности к прошлому. Мне понадобилось некоторое время, чтобы найти его, и в конце концов он нашелся.

Кэкстон повернулся к девушке.

— Прочтите записку, — сказал он.

Она развернула бумагу, которую он дал ей и прочла вслух.

— Так как я рано или поздно подойду к строительству всего этого, я оставлю один проход в прошлое открытым.

— А почему еще и не в будущее? — спросил Джонс заинтересовавшись.

— Это уже сделано, — сказал Кэкстон. Он пояснил. — Мой сон... после того, как Бастман захватил меня, и мы подошли к краю времени. И вдруг я снова оказался в аэропорту. Я понял, что я мог бы в любое время слиться с самим собой, вышедшим за барьер. Но не хочу, остерегаюсь. Может быть, мы все видим сон о том, как и что происходит там, за барьером. Однако большинство из нас не спешит туда отправляться.

Он пожал плечами.

— Работа, которую надо делать здесь, достаточно большая.

— Вы сказали, — подсказал Джонс, — что вы только сейчас поняли, почему вы здесь.

Кэкстон улыбнулся. Он чувствовал себя удивительно расслабленным. Он не смотрел на девушку, когда говорил.

— То, что только что сказала ваша дочь, что в некоторых вещах вы никогда не ошибаетесь, напомнило мне, что ваш обширный опыт наблюдателя и экспериментатора делает вас образно говоря королем Обладателей. Я столько раз думал, что рано или поздно я должен помириться с вами, добиться того, чтобы воспользоваться вашими знаниями. Так что моя цель до некоторой степени соответствует — то есть эгоистична. Но это традиционный вид эгоизма, что, как я чувствую, может решить все проблемы, которые мы обсудили.

Он закончил просто:

— Ясно, я здесь для того, чтобы жениться на дочери короля, пока она находится в затруднительном положении и не может отказать мне.

Сказав, он взглянул на девушку. Щеки ее внезапно покраснели. «Значит, где-то внутри нее гормоны все еще пляшут, — радостно думал он, — несмотря на ее истинный возраст».

Женщина мотала головой.

— То, что я предлагала вам раньше, мистер Кэкстон, было временным средством. Но прежде, чем принять решение о замужестве, я должна быть свободной.

Она замолчала.

— Каким образом мы с папой вышли из другого мира вероятности семнадцатого века?

Вот так стремительно и естественно надвинулся перелом. Это должно случиться без давления. Кэкстон стоял здесь, на траве, потом взглянул на прекрасное небо, наконец, он сказал:

— Мне кажется, мне придется рискнуть так же и с этим, не так ли? — он вздохнул. — Хорошо...

Он рассказал им, что произошло. Описал, как та Селани слилась с Селани постарше, которую Прайс создал во Дворце Бессмертия.

Довольно долгое время после того, как он закончил, девушка стояла со слабой улыбкой на лице. Потом она сказала:

— При этих обстоятельствах мне будет немного трудно выйти за вас замуж.

— Что вы имеете в виду? — спросил мгновенно разочарованный Кэкстон.

— Папа, — сказала девушка, быстро взглянув на отца, стоящего рядом с Кэкстоном, — ты делаешь то, что ты должен делать?

— Делаю, — последовал загадочный ответ.

Она исчезла.

Кэкстон лишь моргнул, а в это мгновение она пропала.

Кэкстон сглотнул. Затем, повернувшись, он уставился на старика. Когда он спросил, в голосе его звучала горечь:

— Опять слияние?

— Опять, — лаконично. — А теперь, — продолжал Клоден Джонс, — я бы хотел слить вас с Питером Кэкстоном, который сидит на кухне Магольсона.

— Но тот слился здесь, — напомнил Кэкстон.

— Что же, — старик улыбнулся, — эти штуки с вероятностями иногда несколько запутаны. Я понял, думаю, что раз вы считали, что у дверей там стоял я, то в другой вероятности этой сцены это был я.

Кэкстон сказал:

— О, ради Бога!

Морщинистое лицо, которое, казалось, вновь стало совершенно нормальным, все еще улыбалось. Глаза горели ярко.

— Люди, совершившие это слияние, имеют обыкновение защищать себя, используя несколько вероятностей. Или это происходит автоматически.

— Что вы предлагаете?

— То, что вы, который пришел сюда, это несомненно тот в той вероятности, где я буду человеком у двери. Ясно, что вам придется вернуться туда первым. Возможно, это я слил вас здесь. Так что...

— Так этот другой я все еще сижу на кухне, все еще поворачиваюсь, чтобы посмотреть, кто там у дверей.

— Верно. И когда вы повернетесь, я соединю этого Питера Кэкстона, — он вытащил руку из кармана, и там оказался какой-то крошечный приборчик, который он направил на Кэкстона, — с тем. И вот теперь, когда повернетесь, вы вдруг вспомните об этом...

... Сидя на кухне в тот августовский день 1981 года, Кэкстон оглянулся. Увидев, кто стоял в дверях, он вспомнил те ночи.

Селани медленно подошла к нему. Она была несколько старше той девушки, которую он оставил несколько минут назад. Но улыбка, которую она подарила ему, была ее.

Она казалась такой дружелюбной, такой теплой, что Кэкстон неуверенно сказал:

— Ваши последние слова были, что вам было бы трудно выйти за меня замуж. Хотелось бы знать, почему?

Она помолчала.

— Подумайте теперь, — сказала она. Он не знал, что думать. Но опять ее манера была поразительно открыта. Что-то внутри Кэкстона, почти забытое, начало расправляться.

Селани сказала легко:

— Я не могу выйти за вас замуж, потому что та, с которой я слилась, уже замужем за вас, помните?

Ощущение чего-то расправлявшегося внутри него становилось все более определенным. Он чувствовал, словно тот, другой, молодой Питер Кэкстон, с которым его давно

слил Прайс (и тогда это не получилось), вдруг смог выбраться из темной психической дыры, где его держали до этого момента. И на самом деле мог слиться с тем, что до этого мгновения было упорно отталкиваемой индивидуальностью подлинного Кэкстона.

Женщина закончила несколько излишним:

— Я буду жить здесь с тобой... в дальнейшем.

ЭПИЛОГ.

Синьор Педро дель Кортейя собрал проектор. Отчего-то он был недоволен и грустен. Плохая посещаемость всегда так действовала на него. Когда он вышел на улицу, было уже поздно, но он на минуту задержался у машины, задумчиво посмотрев вверх, в звездную ночь. Небо над ним было полно тайны огромной Вселенной. На что Кортейя едва обратил внимание. Он подумал: «Им наскучили эти фильмы про новинки. Я показал их слишком много. Все, хватит».

Ему стало немного легче, как будто с души упал камень. Он забрался в машину и направился домой. Когда он ехал, в его голове какой-то голос произнес:

— Все в порядке, настройщик, дело сделано. Единственный, кого мы не смогли спасти — это Бастман. Но барьер удержался.

Голос пропал, совершенно не произведя на Кортейя никакого впечатления. Он был сугубо практическим человеком и не обращал внимания на бессвязные мысли, беспрестанно шумевшие в его голове.

СОДЕРЖАНИЕ

ИМПЕРИЯ АТОМА 5
ВОЛШЕБНИК ЛИННА 157
ПОИСК БУДУЩЕГО 347

Литературно-художественное издание

Альфред Ван Вогт
Волшебник Линна

Ответственный за выпуск
Ильгар Гусейнов

Под общей редакцией
Вл. Гакова

Редактор
Н. Бархатов

Корректор
Н. Суворова

ЛР № 070335 от 28.01.92.

Подписано в печать 28.11.94. Формат 84x108/32. Бумага типографская.
Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 30 000 экз. Зак. № 2603. С 22.

Издательство «Амбер, Лтд.». 665830, Ангарск, 76—9.

Издательство «Сигма-пресс».
107140, Москва, Б. Краснопрудный тупик, 8/12.

Отпечатано с готового набора в ордена Трудового Красного Знамени
ПО «Детская книга» Роскомпечати. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»